43 3/88
111.1

43 3/88

73 3/88

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

объ

УПРАВЛЕНІИ КАВКАЗОМЪ.

Томъ I.

СОСТАВИЛЪ

Редакторъ Военно-Историческаго Отдѣла Окружнаго штаба

Семенъ Эсадзе.

ТИФЛИСЪ.

Типографія „Гуттенбергъ", уголъ Ольгинской и Слѣпцовской ул., № 1.

1907.

Напечатано по распоряженію Намѣстника Его Императорскаго Величества на Кавказѣ.

Госуд. публичная историческая библиотека Р.С.Ф.С.Р.
387 46.25
38746
28-IV-1925

Посвящается

Намѣстнику Его Императорскаго Величества на Кавказѣ,

Графу

И. И. Воронцову-Дашкову.

ОТЪ АВТОРА.

Настоящій трудъ появляется въ свѣтъ, благодаря просвѣщенному вниманію Намѣстника Его Императорскаго Величества на Кавказѣ, графа И. И. Воронцова-Дашкова. Представленную въ началѣ 1906 года въ рукописи „Историческую записку" графъ-Намѣстникъ призналъ полезнымъ напечатать, на что и отпустилъ необходимыя средства.

Изданная въ двухъ томахъ „Историческая записка" заключаетъ въ себѣ изложеніе постепеннаго развитія гражданскаго управленія Кавказомъ со времени присоединенія Грузіи къ Россіи до намѣстничества Великаго князя Михаила Николаевича включительно. Въ концѣ второго тома, между прочимъ, помѣщено особое приложеніе—„Предѣлы власти Намѣстника кавказскаго по всѣмъ отраслямъ гражданскаго управленія,"—которое даетъ возможность навести историческую справку по разнообразнымъ административнымъ вопросамъ.

Весь трудъ составленъ преимущественно по матеріаламъ архивовъ: Канцеляріи Намѣстника, Военно-народнаго управленія, Сословно-поземельной комиссіи и штаба Кавказскаго военнаго округа. Авторъ поставилъ себѣ задачей возможно полнѣе использовать эти цѣнные для исторіи Кавказа архивные документы.

Систематическое описаніе политическихъ цѣлей и гражданскихъ мѣропріятій, примѣненныхъ разновременно къ окраинѣ, должно пополнить весьма существенный пробѣлъ, замѣчаемый въ исторической литературѣ о Кавказѣ. Въ виду же признанной правительствомъ необходимости вновь возвратиться къ системѣ намѣстничества, напечатанный трудъ, выясняя въ подробностяхъ дѣятельность бывшихъ на Кавказѣ Намѣстниковъ, можетъ имѣть также и практическое значеніе.

Семенъ Эсадзе.

Оглавленіе I тома.

Глава I. Сношенія Россіи съ Кавказомъ: съ Грузіей, шамхальствомъ Тарковскимъ. Экспедиція Петра Великаго къ западнымъ берегамъ Каспійскаго моря. Пріобрѣтеніе отъ Персіи по трактату 1723 года ханствъ: Дербентскаго, Кубинскаго и Бакинскаго. Положеніе Грузіи. Возвращеніе Персіи по Рештскому трактату 1732 года всѣхъ провинцій отъ Куры до Астрабада. Надиръ-шахъ и царь Ираклій II. Очеркъ дѣятельности Ираклія II. Мнѣнія про него—Фридриха Великаго, императрицы Екатерины Великой. Походъ Тотлебена въ Закавказье. Георгіевскій трактатъ 24 іюня 1783 года между Россіей и Грузіей. Вторженіе въ 1795 году Ага-Магаметъ-хана въ Грузію. Смерть Ираклія II. Царь Георгій XII и вопросъ о престолонаслѣдіи. Добровольное присоединеніе царства Грузинскаго къ Россіи манифестами 18 января и 12 сентября 1801 года.

Глава II. Дѣятельность Кнорринга и Коваленскаго. Смѣна ихъ и назначеніе кн. Циціанова. Присоединеніе къ Россіи: Джаро-Белоканъ, султанства Елисуйскаго, Мингреліи, Имеретіи, Шурагельской области, ханствъ—Карабахскаго, Шекинскаго и Ширванскаго. Походъ въ Баку. Вѣроломное убійство Циціанова. Ермоловъ и Паскевичъ. Войны съ Персіей и Турціей. Патріотическія предубѣжденія Ермолова какъ одна изъ главныхъ причинъ возникновенія мюридизма среди горцевъ. Краткій очеркъ дѣятельности трехъ имамовъ Чечни и Дагестана—Кази-Муллы, Гамзатъ-бека и Шамиля. Назначеніе кн. Воронцова Намѣстникомъ кавказскимъ. Экспедиціи противъ горцевъ. Восточная война. Парижскій трактатъ. Назначеніе кн. Барятинскаго. Система войны противъ горцевъ. Покореніе въ 1859 году Восточнаго Кавказа и плѣненіе Шамиля, Вліяніе этого событія на горцевъ Западнаго Кавказа. Великій князь Михаилъ Николаевичъ и покореніе Западнаго Кавказа.

Глава III. Развитіе административныхъ учрежденій на Кавказѣ. Кнорринъ и организація управленія Грузіей. Несогласованіе правительственныхъ учрежденій съ духомъ и понятіями народа. Дѣятельность кн. Циціанова по гражданскому управленію. Управленіе Имеретіей. Присоединеніе въ 1828 году ханствъ Эриванскаго и Нахичеванскаго; въ 1829 году—Ахалцихской провинціи. Устройство управленія въ мусульманскихъ частяхъ края. Предположенія гр. Паскевича о системѣ управленія Кавказомъ. Сенаторъ Ганъ и реформа 1840 года. Мнѣніе барона Корфа объ управленіи Кавказомъ въ первой половинѣ XIX вѣка. Первый Намѣстникъ Кавказа князь

Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ. Рескриптъ императора Николая I. Права и власть Намѣстника. Административныя преобразованія. Общая характеристика дѣятельности кн. Воронцова. Назначеніе князя Барятинскаго. Временное отдѣленіе по дѣламъ устройства края. Положеніе о Главномъ управленіи Намѣстника. Пять спеціальныхъ департаментовъ. Финансы.

Глава IV. Автономныя владѣнія Кутаисскаго генералъ-губернаторства: Абхазія, Самурзакань, Цебельда и Сванетія; историческія свѣдѣнія о нихъ и условія поступленія въ подданство Россіи. Русскія административныя учрежденія въ Мингреліи. Общественное устройство автономныхъ владѣній. Убійство кутаисскаго генералъ-губернатора кн. Гагарина. Отношеніе владѣтеля Абхазіи кн. Шервашидзе къ русскому правительству. Просьба его къ кн. Воронцову о сложеніи обязанностей владѣтеля. Роль владѣтеля въ событіяхъ Восточной войны. Ходатайство генерала Муравьева объ устраненіи кн. Шервашидзе отъ управленія Абхазіей. Мнѣніе по этому вопросу императора Николая I.

Глава V. Военно-народная система управленія. Причины ея возникновенія. Общественное устройство горскихъ народовъ. Административныя части Прикаспійскаго края: владѣнія—шамхальство Тарковское, Кайтагъ; ханства—Кубино-Дербентское, Кюра-Казикумухское, Мехтулинское, Табасарань Сѣверная и Табасарань Южная; союзы—Даргинскихъ обществъ и обществъ, живущихъ по Самурскому ущелью; общество Сюрга; отдѣльные аулы. Условія поступленія въ русское подданство и система управленія. Образованіе Дагестанской области. Главныя основанія утвержденнаго кн. Барятинскимъ 5 апрѣля 1860 года Положенія объ управленіи Дагестанской областью. Народные суды и военно-народная администрація. Джаро-Белоканы. Административныя преобразованія области съ 1830 года. Положеніе объ управленіи Закатальскимъ округомъ 5 апрѣля 1860 года. Преобразованія на Западномъ Кавказѣ. Кубанская и Терская области.

Глава VI. Назначеніе Намѣстникомъ кавказскимъ Великаго князя Михаила Николаевича. Рескриптъ генералъ-адъютанту кн. Орбеліани. Закатальскій мятежъ 1863 года. Причины его. Мѣры принятыя для возстановленія спокойствія. Изъятіе Закатальскаго округа изъ вѣдѣнія гражданской администраціи и примѣненіе военно-народнаго устройства. Ученіе зикры въ Чечнѣ и шейхъ Кунта. Уничтоженіе автономіи Абхазіи. Желаніе Велакаго князя покончить этотъ вопросъ миролюбиво. Протесты кн. Шервашидзе. Устраненіе отъ управленія родовыхъ туземныхъ владѣтелей Дагестана: Юсуфъ-бека кюринскаго, Ибрагимъ-хана аварскаго, Ахметъ-хана кайтагскаго акушинскаго и другихъ кадіевъ Даргинскаго округа, шамхала Тарковскаго и хана Мехтулинскаго. Вознагражденіе и обезпеченіе ус-

траненныхъ владѣтелей. Кайтагское возмущеніе и мятежъ въ Абхазіи въ 1866 году.

Глава VII. Крѣпостное право въ Грузіи по уложенію царя Вахтанга VI и послѣ присоединенія страны къ Россіи. Повинности крестьянъ: бегара, денежная, произведеніями земли *гала* и *кулухи*, случайныя приношенія. Хизаны въ Грузіи. Стремленіе крестьянъ къ отыскиванію свободы отъ крѣпостной зависимости. Подготовленіе реформы освобожденія крестьянъ въ Грузіи. Дворянскіе комитеты. Закавказскій центральный комитетъ. Предположенія дворянства о примѣненіи реформы. Политическая роль грузинскаго дворянства въ крестьянскомъ дѣлѣ. Указъ 13 октября 1864 года объ освобожденіи крестьянъ въ Грузіи. Главныя основанія реформы. Утвержденныя Великимъ княземъ Положенія и Правила для крестьянскихъ учрежденій. Мировые посредники и Губернское присутствіе. Обнародованіе крестьянскихъ законоположеній 8 ноября 1864 года. Воззваніе Великаго князя къ сельскимъ обывателямъ. Уставныя грамоты и сельское общественное управленіе. Вознагражденіе грузинскихъ помѣщиковъ за лишеніе личныхъ повинностей. Характеръ крестьянской реформы.

Глава VIII. Крѣпостное право въ Имеретіи и Гуріи. Разграниченіе имущественныхъ правъ имеретинскихъ и гурійскихъ тавадовъ съ подвластными ихъ азнаурами. Учрежденіе въ Кутаисѣ дворянскаго комитета. Предложенный дворянствомъ проектъ освобожденія крестьянъ. Работы правительственной комиссіи подъ предсѣдательствомъ кн. Багратіонъ-Мухранскаго въ Кутаисѣ. Разсмотрѣніе составленнаго ею проекта въ Комитетѣ объ устройствѣ крестьянъ. Способъ выкупа земельныхъ угодій, предложенный гурійскимъ дворянствомъ. Ходатайство князя Святополкъ-Мирскаго объ удовлетвореніи просьбы гурійскихъ помѣщиковъ. Оставленіе этого ходатайства безъ послѣдствій. Указъ объ освобожденіи крестьянъ 13-го октября 1865 года. Крестьянскія учрежденія. Статистическія свѣдѣнія о сельскомъ населеніи Кутаисской губерніи. Положеніе имеретинскихъ и гурійскихъ помѣщиковъ.

Глава IX. Уничтоженіе автономіи Мингреліи. Предположенія о разрѣшеніи мингрельскаго вопроса кн. Барятинскаго и Великаго князя. Всеподданнѣйшая просьба кн. Николая Мингрельскаго объ отказѣ отъ владѣтельскихъ правъ. Указъ 4 января 1867 года объ утвержденіи въ Мингреліи русскаго управленія. Крестьянское сословіе въ Мингреліи и крѣпостная зависимость. Вольные люди Мингрельскаго владѣнія. Статистическія свѣдѣнія о крѣпостномъ населеніи въ Мингреліи. Учрежденіе эугдидской комиссіи. Предположенія мингрельскихъ помѣщиковъ. Обсужденіе проекта реформы въ Комитетѣ объ устройствѣ крестьянъ. Указъ, декабря 1866 года объ

освобожденіи. Крестьянскій вопросъ въ Сванетіяхъ Даліановской, Княжеской и Вольной.

Глава X. Примѣненіе крестьянской реформы. Выкупная операція и Наказъ 14 августа 1868 года. Главныя основанія Наказа. Приказъ общественнаго призрѣнія и задолженность грузинскихъ помѣщиковъ. Непримѣнимость изданнаго Наказа къ мѣстнымъ условіямъ. Стремленіе крестьянъ развязать обязательныя отношенія съ помѣщикамъ безъ содѣйствія правительства. Крестьянскіе документы. Измѣненіе нѣкоторыхъ статей Выкупнаго Наказа.

Глава XI. Опредѣленіе поземельныхъ правъ въ административныхъ частяхъ военно-народнаго управленія: Сѣвернаго Кавказа, Дагестана и Закатальскаго округа. Труды сословно-поземельныхъ комиссій. Зависимыя сословія въ Абхазіи и Самурзакани. Труды Сухумской сословно-поземельной комиссіи. Обсужденіе проектовъ въ Комитетѣ объ освобожденіи зависимыхъ сословій въ горскихъ племенахъ Кавказа. Мнѣніе приглашенныхъ въ Тифлисъ абхазскихъ и самурзаканскихъ депутатовъ въ сословномъ вопросѣ. Проектъ Комитета о поземельной реформѣ и прекращеніе личной зависимости. Утвержденіе проектовъ 8 ноября 1870 года. Главныя основанія реформы. Изданныя Великимъ княземъ Инструкціи и Правила въ развитіе сословной и поземельной реформы.

Глава XII. Поземельныя отношенія владѣльцевъ и поселянъ въ мусульманскихъ частяхъ края. Устраненіе агаларовъ отъ управленія деревнями послѣ преобразованій 1841 года. Ропотъ высшаго мусульманскаго сословія. Заботы кн. Воронцова о неприкосновенности имущественныхъ правъ высшаго мусульманскаго сословія. Рескриптъ императра Николая I князю Воронцову отъ 6 декабря 1846 года. Агаларское Положеніе 28 декабря 1847 года и Бекское Положеніе 5 августа 1852 года. Повинности поселянъ: *малджигатъ, прислугой, рабочими днями и эврезомъ*. Практика примѣненія обоихъ Положеній. Устраненіе агаларовъ бывшихъ трехъ татарскихъ дистанцій Грузіи отъ управленія обществами казенныхъ крестьянъ по закону 26 ноября 1861 года. Утвержденное Великимъ княземъ 23 августа 1865 года Положеніе о сельскихъ обществахъ въ Бакинской губерніи. *Мюлькодарское и тіульное* право въ Эриванской губерніи. Земледѣліе и землепользованіе въ бекскихъ имѣніяхъ вообще передъ реформой. *Тапное* право въ Ахалцихскомъ уѣздѣ. Главныя основанія поселянскаго Положенія 14 мая 1870 года. Поземельныя отношенія бековъ и поселянъ въ Кубинскомъ уѣздѣ. *Речбары*.

ОПЕЧАТКИ

		Напечатано	*слѣдуетъ читать*
стр. 8,	11 стр. снизу	1723	1725
стр. 24,	3 стр. снизу	Г. Аваловъ	З. Аваловъ
стр. 27,	8 стр. сверху	12 января	18 января
стр. 31,	3 стр. снизу	№ 17	№ 71
стр. 64,	2 стр. снизу	№ 70	№ 71
стр. 590,	1 стр. снизу	Ропину	Рѣпину
стр. 590,	1 стр. снизу	Тѣрмасова	Т рмасова

Глава I.

Сношенія Россіи съ Кавказомъ: съ Грузіей, шамхальствомъ Тарковскимъ. Экспедиція Петра Великаго къ западнымъ берегамъ Каспійскаго моря. Пріобрѣтеніе отъ Персіи по трактату 1723 года ханствъ: Дербентскаго, Кубинскаго и Бакинскаго. Положеніе Грузіи. Возвращеніе Персіи по Рештскому трактату 1732 года всѣхъ провинцій отъ Куры до Астрабада. Надиръ-шахъ и царь Ираклій II. Очеркъ дѣятельности Ираклія II. Мнѣнія про него—Фридриха Великаго, императрицы Екатерины Великой. Походъ Тотлебена въ Закавказье. Георгіевскій трактатъ 24 іюля 1783 года между Россіей и Грузіей. Вторженіе въ 1795 году Ага-Магаметъ-хана въ Грузію. Смерть Ираклія II. Царь Георгій XII и вопросъ о престолонаслѣдіи. Добровольное присоединеніе царства Грузинскаго къ Россіи манифестами 18 января и 12 сентября 1801 года.

Сношенія Россіи съ Кавказомъ происходятъ почти одновременно съ образованіемъ русскаго государства. Дружины Святослава I, проникнувъ въ 966 году за Кубань, побѣдили у подошвы Кавказскаго хребта яссовъ и коссоговъ (осетинъ и черкесовъ). Въ X-мъ же столѣтіи варяго-руссы водворились на полуостровѣ Тамани, и Мстиславъ Удалой Тмутараканскій велъ войны противъ коссоговъ. Знаменитая грузинская царица Тамара въ первомъ бракѣ была за княземъ Георгіемъ, сыномъ Андрея Боголюбскаго. Отъ пришедшихъ съ Георгіемъ русскихъ въ Грузіи осталось потомство, которое способствовало сношеніямъ съ Московскимъ государствомъ. Грузинскіе цари искали сближенія съ Россіей, предлагали вассальное подданство, предпочитая быть въ зависимости единовѣрной страны, чѣмъ терпѣть притѣсненія сосѣднихъ мусульманскихъ государствъ. Въ Москву безпрерывно снаряжались посольства съ просьбой о защитѣ, съ желаніемъ цѣной подданства, цѣной „службы“ стать подъ высокую руку московскаго царя. Однако со стороны государства, надъ которымъ тяготѣлъ свой гнетъ татарскаго ига, занятаго еще своимъ собственнымъ устройствомъ,

все участіе проявлялось преимущественно въ одобреніяхъ, подаркахъ; этимъ способомъ московскіе политики старались приласкать и пріучить грузинъ видѣть въ русскихъ единовѣрцевъ-покровителей. [1])

Съ уничтоженіемъ татарскаго ига Московское государство уже входитъ въ постоянное соприкосновеніе съ Кавказомъ. Въ XVI вѣкѣ на сѣверныхъ предгоріяхъ Кавказскаго хребта самобытно образовалось Гребенское казачье войско. Гребенцы участвуютъ въ депутаціи кабардинскихъ князей, прибывшихъ въ Москву въ 1555 году съ просьбою о покровительствѣ. Іоаннъ Грозный подарилъ гребенцевъ рѣкою Терекомъ и приказалъ для поддержанія ихъ и кабардинскихъ князей при устьѣ этой рѣки устроить крѣпость и городъ Терки. Подъ вліяніемъ окружавшей тревожной обстановки гребенцы сплотились въ военно-сословныя общины; правительство не замедлило оцѣнить высоко-государственное значеніе казачества на Кавказѣ и всѣми мѣрами содѣйствовало его развитію. Гребенцы и стрѣльцы прочно водворяются на Терекѣ, частью на Малкѣ и на нижней Сунжѣ, образуя въ 1567 году Терское воеводство, а впослѣдствіи—Терское и Кизлярское казачье войско. [2])

Въ томъ же XVI вѣкѣ покровительства Россіи ищутъ пятигорскіе черкесы, кабардинцы и кубанскія племена; а русскія войска въ первый разъ проникаютъ въ Дагестанъ. Уже съ древнихъ временъ здѣсь были извѣстны самостоятельныя владѣнія: шахмальство Тарковское, ханства—Аварское, Дербентское, Кубинское и Бакинское, уцмійство Кайтагское, нѣкоторыя другія болѣе мелкія провинціи и вольныя общества. Сильнѣйшимъ изъ всѣхъ этихъ владѣній считалось шамхальство.

[1]) З. Аваловъ. Присоединеніе Грузіи къ Россіи.

[2]) Записка о преобразованіи управленія Кавказскими казачьими войсками въ связи съ сопредѣльнымъ инородческимъ населеніемъ.

Начало власти шамхаловъ относится къ половинѣ VIII вѣка, когда аравитяне энергично распространяли исламъ въ Прикаспійскомъ краѣ. По свидѣтельству одного арабскаго писателя, полководецъ аравитянъ Абу-Муселимъ, исполняя просьбу жителей Кумуха, поставилъ для управленія народомъ Шахъ-Баала, происходившаго изъ священнаго для мусульманъ рода корейшидовъ. Имя Шахъ-Баала, передѣланное впослѣдствіи въ „шамхала", обратилось въ титулъ правителей. Нѣсколько вѣковъ шамхалы имѣли въ полной зависимости большую часть Дагестана; но затѣмъ многія селенія отложились и составили отдѣльныя владѣнія, какъ напримѣръ Казикумухское и Мехтулинское ханства, Кумыкское владѣніе, вольныя общества Даргинскія и Койсубулинское.

Первоначальной резиденціей шамхаловъ было селеніе Кумухъ, потомъ они стали жить или въ Буйнакѣ, или въ Тарки. Эта послѣдняя резиденція извѣстна по исторіи первыхъ походовъ русскихъ войскъ въ Дагестанъ. По просьбѣ грузинскихъ царей о защитѣ ихъ противъ покушеній шамхаловъ, царь Ѳеодоръ Іоанновичъ въ 1590 году прислалъ противъ „государя шевкаловъ" воеводу князя Григорія Засѣкина съ царскимъ войскомъ, которое „много завоевало въ земляхъ шевкала, многихъ побило, многихъ полонило, и ранило самого государя-шевкала". Въ томъ же году было послано многочисленное войско подъ начальствомъ терскаго воеводы князя Андрея Хворостина съ порученіемъ открыть проѣздъ черезъ владѣнія „шевкаловъ" въ Иверію. Хворостинъ успѣлъ только разорить Тарки и возвратился на Терекъ. [1])

Въ 1604 году воеводы Бутурлинъ и Плещеевъ снова подошли къ Тарки, овладѣли имъ, усилили бывшее тамъ укрѣпленіе, которое назвали Новымъ городомъ. По недостатку

---

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло кавказ. горск. управл. 1871 г., № 11, связка 7077. Кеценко. Краткій очеркъ присоединенія Дагестана къ Россіи и образованіе Дагестанской области.

продовольствія часть войскъ была отправлена на зиму въ Астрахань. Шамхалъ воспользовался ослабленіемъ отряда и вмѣстѣ съ турками и лезгинами обложилъ Тарки. Бутурлинъ и Плещеевъ принуждены были заключить договоръ, по которому обязывались оставить Тарки и вывести войска обратно на Терекъ; но не успѣли дружины выйти изъ укрѣпленія, какъ тотчасъ же были окружены и уничтожены; погибло до 7000 человѣкъ, въ томъ числѣ Бутурлинъ и Плещеевъ. [1])

Въ Смутное время шамхалы старались завести съ русскими мирныя сношенія и даже оказали дѣятельную помощь при преслѣдованіи возмущавшаго государство Заруцкаго. За такую вѣрность Михаилъ Ѳеодоровичъ отправилъ къ шамхалу Гирею дворянина Погожева съ похвальною царскою грамотою, въ которой требовалось, чтобы Гирей со всѣмъ своимъ родомъ и улусами обязался быть въ русскомъ подданствѣ, въ залогъ чего передъ посланникомъ по своему закону на коранѣ „шерть учинилъ". Вмѣстѣ съ возвратившимся съ „шертною записью" Погожевымъ явился въ Москву посолъ Гирея съ просьбой защитить отъ посягательствъ дяди его, султана Махмудъ-Мирзы. [2])

Новою грамотою въ 1615 году царь объявлялъ о принятіи Гирея съ подвластнымъ ему народомъ въ подданство и обѣщалъ свое покровительство. Съ тѣхъ поръ правительство черезъ терскихъ воеводъ щедрыми подарками старалось удержать шамхаловъ въ повиновеніи. Въ 1669 году Тарки опять увидѣли подъ своими стѣнами русскихъ, но то были не царскія войска, а вольница знаменитаго атамана Стеньки Разина; на стругахъ своихъ онъ подплылъ къ берегамъ Дагестана, пытался взять Тарки приступомъ, но, не успѣвъ въ этомъ, разграбилъ окрестности. [3])

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло 2-го отд. генер. шт. 1839 г., № 193. Свѣдѣнія о подданствѣ Россіи Кумыцкихъ и Тарковскихъ шевкаловъ.

[3]) Кеценко. Краткій очеркъ и проч.

Сношенія Россіи съ Грузіей въ XVI и XVII столѣтіяхъ поддерживаются еще болѣе настойчиво. Въ 1578 году присягаетъ на подданство Россіи царь кахетинскій, а въ 1594 году персидскій шахъ уступаетъ царю Ѳеодору Іоанновичу право на Иверію. Къ титулу русскаго царя съ тѣхъ поръ прибавилось новое наименованіе: „государь иверской земли, грузинскихъ царей“.... „царей и кабардинскихъ, черкескихъ и терскихъ.“ Эти успѣхи разрушаются противодѣйствіемъ Турціи и Персіи; но начавшаяся связь Россіи съ христіанскими народами Кавказа непрерывно крѣпнетъ.

Петръ Великій обратилъ вниманіе на Каспійское море, какъ на путь торговли съ Востокомъ. Астраханскому воеводѣ Муссинъ-Пушкину въ 1700 году приказано было завести торговыя сношенія съ шамхаломъ. Расширеніе активной торговли съ Средней Азіей вообще съ тѣхъ поръ стало излюбленной мечтой царя. Съ этой цѣлью въ 1715 году была снаряжена экспедиція, и князю Бековичу-Черкасскому поставлено, между прочимъ, въ обязаность: изслѣдовать устье и русло Аму-Дарьи и о возможности повернуть ее „паки въ прежній токъ“—по направленію къ Каспійскому морю [1]). Тогда же въ Персію былъ отправленъ Волынскій съ политической миссіей; ему въ 1718 году удалось заключить выгодный торговый трактатъ. Волынскій, подробно ознакомившись съ Персіей, убѣдилъ Петра занять богатыя прикаспійскія провинціи, такъ какъ ими могли овладѣть афганцы, угрожавшіе тогда цѣлости персидскаго государства. Эта мысль тѣмъ болѣе охотно была принята, что шамхалъ Тарковскій Адиль-Гирей и самъ прислалъ посольство съ просьбой отъ себя и отъ всѣхъ горскихъ народовъ Дагестана принять въ подданство. Для осуществленія намѣченной программы посылается экспедиція изучить южный берегъ Каспійскаго моря; назначенному въ 1720 году

[1]) Матеріалы для разрѣшенія вопроса о поворотѣ Аму-Дарьи въ Каспійское море.

астраханскимъ губернаторомъ Волынскому поручено тайно готовиться къ персидскому походу. [1])

Надежнымъ средствомъ для осуществленія задуманаго предпріятія Петръ считалъ помощь со стороны Грузіи. Теперь страна эта, православные цари которой стремились издревле подъ покровительство Россіи, могла быть вѣрнѣйшей союзницей для завоевательныхъ цѣлей Петра. Волынскій склонялъ карталинскаго царя Вахтанга VI противъ Персіи. Въ то время престолу персидскихъ шаховъ угрожала неминуемая гибель отъ афганцевъ; въ такой критическій моментъ шахъ Гуссейнъ также обратился за помощью къ Вахтангу, къ своему вассалу. Вахтангъ, обнадеженный Волынскимъ, не исполнилъ желанія шаха, такъ какъ онъ послѣ обѣщаній русскаго правительства вполнѣ успокоился относительно неприкосновенности своихъ владѣній отъ покушеній мусульманскихъ государствъ. Это тягостное иго Персіи наконецъ могло быть свержено! „Получивъ письмо отъ предводителя войска вашего,—писалъ Вахтангъ Петру,—мы воодушевились твердою надеждою о помощи и предались болѣе прежняго изліянію задушевной радости, восхваляя вѣчнаго Бога, въ рукахъ Котораго находятся сердца всѣхъ царствующихъ; ибо Онъ побуждаетъ милость вашу къ тому, чтобы освободить насъ отъ нашихъ враговъ...“ На вопросъ Волынскаго гдѣ удобнѣе строить укрѣпленіе для войска, Вахтангъ отвѣчалъ: „многочисленныя твердыни на пути до Каппадокіи и Кахетіи отбиты силою, безъ всякаго права, у предковъ нашихъ и донынѣ отчуждены отъ насъ;“ съ возвращеніемъ ихъ, заключаетъ Вахтангъ, „мы вѣчно будемъ пребывать въ союзѣ и полной зависимости какъ Всемилостивѣйшаго Государя, такъ и непобѣдимаго предводителя“. Однако Вахтангъ ошибся въ своихъ предположеніяхъ—политическія обстоятельства не позволили Россіи исполнить обѣщанное. Персидскій походъ Петра не состоялся

[1]) З. Аваловъ. Присоединеніе Грузіи къ Россіи.

главнымъ образомъ вслѣдствіе затрудненій въ операціяхъ по западному берегу Каспійскаго моря и полученныхъ неблагопріятныхъ извѣстій изъ Сената. [1]) Тѣмъ не менѣе экспедиція, предпринятая самимъ Петромъ съ 30-ти- тысячнымъ отрядомъ къ берегамъ Каспійскаго моря, пріобщила къ Россіи обширныя владѣнія горскихъ народовъ. Укажемъ нѣкоторыя подробности пребыванія Петра на Кавказѣ. 5-го августа 1722 года войска высадились на берегъ въ Аграханскомъ заливѣ и, выждавъ здѣсь кавалерію слѣдовавшей сухимъ путемъ, двинулись прибрежьемъ моря. Шамхалъ Тарковскій Адиль Гирей устроилъ императору на р. Сулакѣ торжественную встрѣчу. Петръ по просьбѣ шамхала посѣтилъ его дворецъ въ Тарки. При движеніи отрядовъ къ Дербенту уцмій кайтагскій султанъ Махмудъ хотѣлъ воспрепятствовать движенію, но былъ разбитъ и столица его Утемишъ разорена. Императрица, сопровождавшая Петра въ этомъ походѣ, описывая Меньшикову экспедицію, между прочимъ, сообщала: „Мы отъ Астрахани шли моремъ до Терка и отъ Терка до Аграхани, а тамъ, выбрався на земли, дожидались долго кавалеріи, и потомъ дошли до владѣнія салтана Мамута утамишевскаго. Оный ничѣмъ къ намъ не отозвался; того ради августа 19 числа поутру послали къ нему съ письмомъ трехъ человѣкъ донскихъ казаковъ, и того же дня третьяго часа пополудни сей господинъ нечаянно нашихъ атаковалъ, которому гостю зѣло были рады, и, принявъ, проводили его наши до его жилища, отдавая контравизитъ, и, побывъ тамъ, сдѣлали изъ всего его владѣнія фейерверкъ для утѣхи имъ“ [2]).

Въ этотъ же походъ Петра Великаго покорились ханства: Дербентское, Кубинское и Бакинское, которыя по трактату 1723 года признаны Персіей за Россіею.

Пріобрѣтеніе всѣхъ этихъ провинцій на западномъ бе-

[1]) Тамъ же.

[2]) Кеценко. Краткій очеркъ и проч.

регу Каспійскаго моря предупредило таковое же желаніе со стороны Турціи; а потому эта послѣдняя, стремясь также расширить свои владѣнія на счетъ Персіи, заняла земли отъ Эривани до Тавриза.

Положеніе грузинскаго царя, отказавшаго въ помощи шаху и впослѣдствіи султану, было безвыходное; нужно къ этому прибавить, что кахетинскій царь Константинъ воспользовался неблагопріятными обстоятельствами своего соперника Вахтанга и съ помощью лезгинъ овладѣлъ Тифлисомъ. Тѣснимый со всѣхъ сторонъ Вахтангъ, съ разрѣшенія Петра, въ концѣ лѣта 1723 года выѣхалъ въ Россію. Вахтангъ еще въ Царицынѣ узналъ о кончинѣ императора и о восшествіи на престолъ Екатерины I-й, которая старалась оказать всевозможное вниманіе къ несчастной судьбѣ царя. Вмѣстѣ съ Вахтангомъ въ Россію выѣхало до 1000 лицъ разнаго званія; эта эмиграція грузинъ сыграла важную роль въ дальнѣйшей исторіи Грузіи: усилилась связь съ Россіей, русское правительство теперь уже могло быть непосредственно освѣдомлено о грузинскихъ дѣлахъ. Въ Москвѣ Вахтангъ завелъ типографію, въ которой надъ изданіемъ многихъ книгъ работали не только всѣ вельможи, но и самъ царь и царевичи. Изъ прибывшихъ въ Россію грузинъ была образована гусарская рота; имъ также роздали въ потомственное владѣніе земли на Украйнѣ; самому Вахтангу было подарено село Лысково съ другими деревнями въ Нижегородской губерніи. [1])

Положеніе самой Грузіи послѣ указанныхъ событій было очень печальное: страна переходила то къ туркамъ, то къ персамъ. Въ 1732 году по Гамаданскому соглашенію Персія признаетъ за Турціей обладаніе Грузіей. На основаніи Рештскаго трактата 21 января того же года Россія отдаетъ обратно Персіи всѣ провинціи отъ Куры до Астрабата; шахъ же, между прочимъ, обязывался, въ случаѣ возвращеніи Гру-

[1]) Кавказскій календарь за 1902 годъ. Къ столѣтію присоединенія Грузіи.

зіи подъ власть Персіи, вернуть престолъ Вахтангу. Въ 1734 году знаменитый шахъ Надиръ, извѣстный впослѣдствіи своими походами въ Индію, подчиняетъ Грузію вновь подъ власть Персіи; дипломатическимъ же соглашеніемъ съ Россіей, по Ганжинскому трактату 10-го марта 1735 года, разрѣшенъ вопросъ объ очищеніи Баку и Дербента. Русскія границы отошли вновь за Терекъ. Однако созидательная работа русскихъ не прекратилась: въ 1736 году обращенъ въ крѣпость гор. Кизляръ, въ 1759 году основанъ Моздокъ, а въ 1763 году устроена Моздокско-Кизлярская линія.

Обстоятельства въ самой Грузіи сложились такъ, что царь Теймуразъ и сынъ его Ираклій оказывали Надиръ-шаху громадныя услуги при успокоеніи страны; а въ походѣ въ Индію царевичъ Ираклій съ отборнѣйшимъ грузинскимъ ополченіемъ отважными дѣйствіями заслужилъ признательность персидскаго завоевателя. Въ благодарность за все это Надиръ-шахъ въ 1744 году окончательно передалъ Теймуразу Карталинію, а Ираклію—Кахетію. Съ тѣхъ поръ начинается совмѣстная дѣятельность отца и сына на пользу родины. Теймуразъ умеръ въ 1761 году, и Карталинія съ Кахетіей объединилась подъ скипетромъ Ираклія. Остановимся болѣе подробно на выдающейся дѣятельности этого царя, слава о которомъ распространилась далеко за предѣлы страны.

„Царь Ираклій [1]) родился въ 1716 году, въ то для нашей родины время, когда безпрестанно совершали набѣги на Кахетію лезгины, которые то побѣждали, то были побѣждаемы нашими предками. Въ тѣ времена цари грузинскіе терпѣли много притѣсненій и униженій отъ персіянъ и турокъ.

---

[1]) Настоящій очеркъ о дѣятельности царя Ираклія былъ помѣщенъ въ издававшейся въ 1832 году, подъ редакціей Соломона Додаева, газетѣ «Тифлисскій Вѣстникъ». Статья написана самимъ Додаевымъ. Въ настоящее время номера этой газеты составляютъ библіографическую рѣдкость. Свѣдѣнія объ Ираклiѣ тѣмъ болѣе цѣнны для исторіи, что Додаевъ, образованнѣйшій человѣкъ (послѣ университета онъ былъ учителемъ тифлисской гимназіи), находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ со всѣми грузинскими царевичами; а въ домѣ царевича Багратa въ Петербургѣ онъ даже получилъ и воспитаніе. Очеркъ перевелъ съ грузинскаго внукъ Соломона Додаева, Константинъ Додаевъ.

Воспитаніе царевича было поручено мужамъ ученымъ, католикосу Антонію и священнику Захаріи. Кромѣ предметовъ гимназическаго курса царевича обучали верховой ѣздѣ, стрѣльбѣ въ цѣль и другимъ искусствамъ.

Получивъ развитіе, Ираклій убѣдился въ той истинѣ, что христіанская религія имѣетъ громадное значеніе для силы и могущества государства и что все враждебное этой религіи— вредно народу и государству. Будучи глубоко вѣрующимъ, Ираклій любилъ часто посѣщать храмъ Божій, питалъ сильное уваженіе къ духовнымъ. Обстоятельства, при которыхъ ему пришлось царствовать, указывали его необыкновеннымъ дарованіямъ пути къ освобожденію родины. Родитель его, царь Теймуразъ, не обращалъ вниманія на враговъ родины, царствовалъ спокойно въ Грузіи съ 1731 по 1737 годъ, когда, обманутый измѣной одного персидскаго хана, жившаго тогда въ Тифлисѣ, отправился въ Испагань къ Надиръ-шаху. Персидскій повелитель не довѣрился клятвамъ Теймураза, выражавшаго вѣрность шаху; этотъ послѣдній потребовалъ представить въ качествѣ заложника сына его, царевича Ираклія. Теймуразъ, не имѣя возможности противиться шаху, согласился. Отъ отца и Надиръ-шаха Ираклій получилъ письмо, въ которомъ приглашали въ Испагань царевича съ кахетинцами и карталинцами—шахъ зналъ ловкость и мужество ихъ. Грузины, узнавъ объ этомъ, воспротивились отъѣзду Ираклія въ Персію, но царевичъ не обратилъ вниманія, исполнилъ требованіе отца и отправился въ Персію. По пріѣздѣ туда Ираклія тотчасъ же представили Надиръ-шаху, который съ разгнѣваннымъ лицомъ и повелительно спросилъ: „ Не примешь магометанство?“ Онъ отвѣтилъ: „убить мое тѣло ты властенъ, но душу нѣтъ. Я никогда не приму вѣру магометанскую!“—„ Не бойся,— сказалъ шахъ,— я не буду тебя принуждать.“

На другой день шахъ потребовалъ къ себѣ Теймураза

и разрѣшилъ ему выѣхать въ Грузію. Самъ Надиръ предпринялъ походъ въ Индію, взявъ съ собой туда и Ираклія. Въ самыхъ трудныхъ и большихъ сраженіяхъ безстрашнымъ и безподобнымъ борцомъ оказался Ираклій, почему шахъ Надиръ сильно полюбилъ его, относился съ такимъ уваженіемъ къ уму и опытности царевича, что въ сложныхъ дѣлахъ всегда спрашивалъ у него совѣта и считался съ высказаннымъ мнѣніемъ. О проницательности и остроуміи Ираклія разсказывали даже индѣйскіе мудрецы, такъ называемые, брамины и факиры.

Шахъ Надиръ, закончивъ счастливо индѣйскій походъ, въ знакъ уваженія и благоволенія къ Ираклію, въ 1743 году разрѣшилъ отправиться къ Теймуразу въ Кахетію, съ обѣщаніемъ освободить Грузію какъ отъ набѣговъ лезгинъ, такъ и отъ другихъ притѣсненій.

Мужество и ловкость, какъ отличительныя черты характера, а также время закалили въ немъ доблести опытнаго полководца. На второй же годъ его царствованія Гиви Амилахвари съ помощью турокъ поднялъ возстаніе противъ него и Теймураза, а самъ укрѣпился въ Сурамской крѣпости. Ираклій и Теймуразъ донесли объ этомъ Надиръ-шаху, который прислалъ на помощь войско. Захваченнаго въ Сурамѣ Амилахвари отправили къ шаху.

Въ 1747 году шахъ Надиръ наложилъ подать на всѣ провинціи; съ Грузіи опредѣлилъ ежегодно взыскивать по сорока тысячъ тумановъ серебромъ. Узнавъ объ этомъ, цари и жители пріуныли. Однако въ томъ же году Надира-шаха убили. Грузія успокоилась.

На персидскій престолъ вступилъ Али-Кули-Ханъ, назвавшись Адиль-шахомъ. Онъ потребовалъ къ себѣ царя Теймураза. Этотъ послѣдній поручилъ управленіе Карталиніей Ираклію съ тѣмъ, чтобы онъ по всѣмъ дѣламъ совѣтовался бы съ сыномъ царя Іессея, Абдуллъ-Бегомъ. Лишь только

царь Теймуразъ выѣхалъ въ Персію, Абдуллъ-Бегъ поднялъ возстаніе противъ Ираклія. Абдуллъ собралъ войско изъ грузинъ и сомхетскихъ армянъ, соединился съ ханами ганжинскимъ, карабахскимъ и дагестанскимъ, съ жителями Казаха, Борчалы и другихъ мѣстностей и вступилъ въ Тифлисъ. Царь Ираклій съ войскомъ принялъ бой; всѣ надежды онъ возлагалъ болѣе на Бога, чѣмъ на незначительныя свои боевыя силы; Ираклій атаковалъ враговъ, разбилъ ихъ; войско противника разсѣялось. Самъ Абдуллъ-Бегъ спасся въ Самшвильдской крѣпости; но въ слѣдующемъ году ему удалось подкупить гарнизонъ Тифлисской крѣпости, откуда неожиданно начали стрѣлять изъ орудій и ружей по городу. Тогда Ираклій сформировалъ войско въ Кахетіи и Карталиніи и окружилъ крѣпость. Всѣ горожане, любившіе царя и родину, мужественно сражались съ возставшими. Въ свою очередь и Абдуллъ-Бегъ прислалъ на помощь гарнизону 500 лезгинъ. Каждый день происходили кровопролитные бои.

Между тѣмъ до Ираклія дошли слухи, что въ Кизикіи появился съ большими силами белладъ Каджахъ. Выбравъ 200 человѣкъ и приказавъ остальнымъ войскамъ сражаться у крѣпости, Ираклій выступилъ въ походъ. По пути къ нему присоединились кизикинцы. Врага своего онъ догналъ въ концѣ Кизикіи, въ ширакскихъ степяхъ; здѣсь завязался кровопролитный бой. Разбивъ непріятеля и отобравъ все награбленное имущество, Ираклій съ побѣдоноснымъ войскомъ возвратился и расположился у Бѣлаго Ключа. Въ то же время разсѣявшіеся послѣ сраженія лезгины встрѣтились по пути съ другой партіей лезгинскаго ополченія; они соединились, прошли къ мѣсту расположенія грузинскаго войска, напали на него съ цѣлью отобрать обратно награбленную ими добычу. Но мужественный и храбрый царь сѣлъ на коня, самъ первый пристрѣлилъ нападавшаго лезгина и ободрялъ войска къ сраженію. Грузины на голову разбили лезгинъ, послѣ чего возвратились

къ Тифлису и взяли приступомъ Тифлисскую крѣпость. Покончивъ съ врагами, Ираклій направился въ Самшвильдскую крѣпость, усмирилъ возставшаго вассала и вновь возвратился въ Тифлисъ только въ 1749 году. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя изъ Персіи на родину прибылъ и царь Теймуразъ.

Въ то время въ Персіи убили Ибрагимъ-шаха. Въ странѣ начались смуты. Всѣ правители, находившіеся въ подчиненіи шаха, возстали другъ противъ друга. Сильнѣйшимъ между ними былъ Мамедъ-ханъ, правитель Адербейджана. Для удовлетворенія своего честолюбія Мамедъ-ханъ воспользовался обстоятельствами и, чтобы расширить свои владѣнія, собралъ 30-ти тысячное войско и двинулся къ границамъ Эриванскаго ханства. Эриванцы, не имѣя возможности сопротивляться, просили помощи у царей Теймураза и Ираклія, обѣщая взамѣнъ этого полную покорность; эриванцы считали для себя лучше быть въ подчиненіи у грузинскихъ царей, чѣмъ переносить тягостное рабство у Мамедъ-хана.

Теймуразъ и Ираклій согласились на просьбу эриванцевъ. Ираклій съ авангардомъ въ 500 человѣкъ выступилъ въ Эривань. Узнавъ объ этомъ, Мамедъ-ханъ со всѣмъ своимъ войскомъ встрѣтилъ грузинъ; но въ то же время на помощь сыну явился съ отрядомъ царь Теймуразъ. Начался бой. Богъ даровалъ побѣду царю—онъ разсѣялъ силы персіянъ. Самъ Мамедъ-ханъ убѣжалъ въ Карабахъ, гдѣ у него была крѣпость Хоргвиреби; здѣсь пребывала семья хана и хранилось все имущество. Царь Ираклій быстро преслѣдовалъ противника, овладѣлъ крѣпостью, взялъ въ плѣнъ ханское семейство, забралъ имущество, и все это представилъ родителю своему въ Эривань. Послѣ того эриванскій ханъ, вельможи и горожане явились къ своимъ избавителямъ и изъявили Теймуразу и Ираклію полную покорность. Цари наложили на эриванцевъ дань, оставили для управленія одного изъ князей и возвратились въ Тифлисъ.

Въ это время черезъ Акстафу явились въ Казахъ ханы: карабахскій—Фана, ганжинскій—Шавердъ и нухинскій—Хаджи-Чалабъ. Они рѣшили во чтобы то ни стало освободиться отъ уплаты дани. Цари потребовали отъ казахскаго хана наказать ослушниковъ. Испугавшіеся ханы не осмѣлились вступить въ борьбу и приступили съ царями къ переговорамъ о мирѣ, чѣмъ и окончилось это дѣло.

Въ 1750 году карабахскій ханъ Фана окружилъ своими войсками Ганжу; ганжинскій ханъ обратился за помощью къ Теймуразу и Ираклію. Цари собрали войска и отправились въ походъ. Узнавъ объ этомъ Фана-ханъ поспѣшно оставилъ Ганжу и направился въ свое ханство, чтобы пополнить свои войска. Въ самой Ганжѣ прибывшихъ царей встрѣтили ханъ и всѣ жители. Спустя нѣкоторое время цари для усмиренія Фана-хана направились въ Карабахъ. Въ авангардѣ двинулся царь Ираклій всего лишь съ двумястами воиновъ. Фана-ханъ, разсчитывая на многочисленность своего отряда, началъ бой еще до появленія Теймураза. Ираклій, обратившись къ своимъ воинамъ, сказалъ: „насколько они насъ превосходятъ численностью, тѣмъ болѣе чести для насъ побѣдить врага“; грузины бросились на врага; послѣ упорнаго боя карабахцы поколебались и обратились въ бѣгство. Въ это время на помощь къ сыну явился и царь Теймуразъ; они соединенными силами преслѣдовали противника, многихъ перебили и многихъ захватили въ плѣнъ. Весь карабахскій край за Аразомъ былъ разоренъ. Цари остались тамъ два мѣсяца, наложили дань на Ганжу и Карабахъ и обязали хановъ, въ случаѣ надобности, оказывать помощь вооруженными дружинами. Такъ, послѣ блестящихъ побѣдъ, цари возвратились въ Тифлисъ.

Въ томъ же году лезгины произвели свой обычный набѣгъ съ цѣлью грабежа на Елебъ, разорили его и угнали скотъ. Цари погнались за хищниками, настигли ихъ въ Дамгѣ, многихъ перебили, многіе же погибли въ Алазани; даже и тѣ,

которые успѣли переплыть рѣку, не остались въ живыхъ, такъ какъ они хотѣли найти спасеніе въ крѣпости Гориса, стѣны которой обрушились на укрывшихся и не оставили въ живыхъ ни одного человѣка. Цари, увидѣвъ въ этомъ небесную кару грабителямъ, возвратились въ Тифлисъ и торжественно совершили благодарственное молебствіе.

Въ 1752 году Теймуразъ и Ираклій двинулись въ походъ въ Шеку и Ширвань. На р. Іорѣ къ нимъ присоединились съ своими войсками ханы ганжинскій и карабахскій. На Агрисы, ниже Іоры, явился съ войскомъ и нухинскій ханъ Хаджи-Чалабъ; съ нимъ соединились также чарельцы, которые расположились противъ того мѣста, гдѣ находились цари. Хаджи-Чалабъ велъ тайные переговоры съ находившимися при царяхъ ханами и привлекъ ихъ на свою сторону. Сраженіе началось. Цари стройными колоннами бросились на врага и завладѣли двумя сильными укрѣпленіями; войска Хаджи-Чалаба были бы окончательно разбиты, такъ какъ грузины, въ особенности кахетинцы, сражались съ большимъ мужествомъ; но, къ несчастью, мужество ихъ не увѣнчалось желанной побѣдой, такъ какъ когда Хаджи-Чалабъ приблизился къ ханамъ, то эти послѣдніе, по предварительному уговору, обратились въ бѣгство, вслѣдствіе чего грузинское войско поколебалось и начало отступать. Цари уже не рѣшились удерживать врага и возвратились въ Тифлисъ съ большимъ урономъ.

Въ томъ же году появляется на военномъ поприщѣ Азатъ-ханъ, который назывался правителемъ Адербейджана и повелителемъ всей Персіи. По его приказанію Муса-ханъ окружилъ своими войсками Эриванскую крѣпость, чѣмъ отрѣзалъ путь отступленія гарнизону. Однако, перепуганные эриванцы нашли возможность увѣдомить царей о своемъ положеніи и просили помощи, говоря, что на это они могутъ вполнѣ разсчитывать какъ платящіе имъ дань и изъявившіе свою покорность. Послѣ совѣщанія между царями Ираклій выступилъ съ

войскомъ освобождать эриванцевъ. Муса-ханъ, узнавъ о движеніи грузинъ, снялъ осаду крѣпости. Ираклій вступилъ въ Эривань и пополнилъ запасы продовольствія осажденнаго и измученнаго гарнизона. Послѣ этого Ираклій расположилъ свой отрядъ въ Карабулахѣ, недалеко отъ Эривани.

Между тѣмъ Муса-ханъ о дѣйствіяхъ Ираклія извѣстилъ Азатъ-хана, находившагося тогда въ Тавризѣ. Азатъ-ханъ собралъ пятидесяти-тысячное войско, въ томъ числѣ 12 тысячъ копьеносцевъ, 12 пушекъ и 200 замбураковъ. Приблизившись къ Гарни-чаю, Азатъ-ханъ остановился. Царь Ираклій созвалъ вельможъ на военный совѣтъ, на которомъ выражались различныя мнѣнія; большинство совѣтывало возвратиться на родину и только тогда вступить въ бой, когда персіяне будутъ преслѣдовать грузинъ. Безстрашность, воинственность и любовь къ родинѣ не позволяли царю Ираклію согласиться съ мнѣніемъ вельможъ. Царь сказалъ имъ: „Теперь нѣтъ времени для бѣгства. Если врагъ убѣдится въ нашей трусости, онъ безостановочно будетъ преслѣдовать насъ, догонитъ и не оставитъ въ живыхъ ни одного человѣка. Если даже не случится этого, все же я не желаю отступить, не сразившись съ противникомъ. Объявляю вамъ эту мою волю! Постараемся, друзья, или возвеличить наше имя, подобно предкамъ нашимъ, побѣдой, или пасть на полѣ брани. Всѣ вы знаете, что мы, люди, рано или поздно должны умереть; лучше же умереть съ честью, чѣмъ съ позоромъ“.

На другой день сдѣлали подсчетъ войскъ; оказалось всего три тысячи человѣкъ. Оставивъ въ укрѣпленіи 500 больныхъ и нестроевыхъ, съ остальными 250 воинами Ираклій предпринялъ наступленіе противъ Азатъ-хана. Этотъ послѣдній выпелъ навстрѣчу во главѣ многочисленнаго войска, двигающагося въ стройныхъ колоннахъ. Ираклій слѣзъ съ коня и со слезами на глазахъ просилъ помощи у Всесильнаго Бога. Затѣмъ, воодушевившись, онъ сказалъ своимъ воинамъ:

„Братья и дѣти мои! Не смущайтесь, не бойтесь численности врага. Не думайте, что я проливаю вашу кровь для расширенія моихъ владѣній и для возвеличенія моей власти. Нѣтъ! Я иду на врага съ единственной цѣлью защитить отчизну и дорогихъ подданныхъ моихъ. Мужайтесь! Вспомните славныя дѣянія предковъ нашихъ; вспомните царя Георгія съ небольшимъ отрядомъ одержавшаго побѣду въ Кандагарѣ. Всѣ эти дѣянія памятны персіянамъ; они знаютъ, что вы ихъ потомки! Друзья мои! слушайтесь меня, вникните въ мой совѣтъ, берите примѣръ съ меня: пока я не выстрѣлю, вы ничего не предпринимайте; раздастся мой выстрѣлъ—тогда начинайте. Да поможетъ намъ Богъ!“

Возбужденное царскими словами войско дало клятву не щадить своей жизни и безпрекословно исполнять волю царя. Тогда Ираклій сѣлъ на коня и двинулся во главѣ отряда. Одни только татары, числомъ до 500 человѣкъ, стали въ сторонѣ, они имѣли намѣреніе перейти на сторону тѣхъ, которые побѣдятъ. Только одинъ эриванскій татаринъ, айрумскій султанъ Алавердъ, остался съ царемъ. Ираклій, замѣтивъ измѣну, слѣзъ съ коня и палъ ницъ передъ крестомъ Спасителя. Вышеупомянутый татаринъ приблизился къ кресту и сказалъ: „Крестъ, если въ тебѣ есть сила—сегодня увижу чудо!“ и сталъ около креста. Ираклій, не садясь на коня, шелъ впереди войска пѣшкомъ; противники сближались. Азатъ-ханъ, видя малочисленность грузинъ, приказалъ окружить ихъ. Персіяне повели наступленіе, чтобы исполнить волю повелителя, но грузины не двигались съ мѣста, молча ожидали приказъ царя. Въ это время къ Азатъ-хану подошелъ одинъ изъ самыхъ доблестныхъ хановъ и просилъ разрѣшить ему одному приблизиться къ грузинамъ и представить въ даръ плѣненнаго Ираклія. Получивъ разрѣшеніе, онъ поскакалъ къ грузинамъ и зычнымъ голосомъ крикнулъ: „гдѣ царь Иракліи?“ Ираклій, выступивъ впередъ, отвѣтилъ на персидскомъ языкѣ:

„коли ищешь Ираклія, вотъ взгляни — онъ стоитъ передъ тобой“. Ханъ хотѣлъ его уже схватить, но царь, крикнувъ: „вотъ тебѣ за злое намѣреніе!“ выстрѣлилъ и убилъ его. Грузины, увидѣвъ храбрость и подвигъ царя, воодушевились и начали стрѣлять залпами; при первыхъ же выстрѣлахъ много персіянъ было убито. Ираклій вскочилъ на коня; появляясь въ разныхъ мѣстахъ ожесточеннаго боя, царь ободрялъ своихъ воиновъ и приказывалъ имъ атаковать непріятеля. Побѣда осталась за грузинами. Сраженіе это происходило въ іюнѣ мѣсяцѣ. Трофеями побѣды грузинъ были: 12 пушекъ, 20 замбураковъ, всѣ знамена, 1000 верблюдовъ, 2500 палатокъ, много лошадей и муловъ; грузины взяли также многихъ персіянъ въ плѣнъ.

Татаринъ Алавердъ-султанъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ и находился безотлучно при царѣ Ираклiѣ. Пораженный силой креста, онъ часто повторялъ: „крестъ, я принесу тебѣ себя въ жертву“, добавляя, что грузины побѣдили не своею силою, а силою креста.

Одержавъ такую блистательную побѣду надъ Азатъ-ханомъ, Ираклій послѣ торжественнаго благодарственнаго молебствія возвратился въ Тифлисъ [1]).

Въ царствованіе императрицы Екатерины II достигаются на Кавказѣ громадные успѣхи. Отношенія Россіи къ Грузіи принимаютъ активный характеръ. Царь Ираклій своими выдающимися качествами обратилъ на себя всеобщее вниманіе. „Я царствую въ Европѣ, а въ Азіи—непобѣдимый Ираклій, царь Грузіи“, говорилъ про него Фридрихъ Великій. Дѣйствительно, напоминая свой храбростью древнѣйшихъ царей этой страны, возвеличившій, прославившій Грузію, всегда рѣшительный и твердый, Ираклій сумѣлъ укротить своеволіе

[1]) На этомъ, къ сожалѣнію, кончается очеркъ дѣятельности царя Ираклія; хотя самъ авторъ статьи, Соломонъ Додаевъ, и сдѣлалъ примѣчаніе, что своевременно окончитъ свое повѣствованіе, однако въ томъ же 1832 году газета прекратила свое существованіе.

вассаловъ, установилъ внутренній порядокъ во всей странѣ; онъ построилъ много православныхъ церквей, возстановлялъ разрушенные города и деревни, открывалъ училища и типографіи, приказывалъ разработывать руды, вызывалъ мастеровъ для заводовъ и фабрикъ, поднялъ упавшую торговлю, покровительствовалъ наукамъ и просвѣщенію, *самъ перевелъ на грузинскій языкъ нѣмецкое полицейское право;* онъ неустанно заботился о благоустройствѣ Грузіи въ теченіе всего продолжительнаго царствованія. Мы видѣли также, что наряду съ внутренними преобразованіями Ираклій блистательными побѣдами надъ внѣшними врагами прочно обезпечилъ спокойствіе своего государства.

Домогательство на Грузію царевича Александра Бекаровича, попавшаго въ опалу императрицы за привязанность свою къ императору Петру III и бѣжавшаго въ Персію, заставили царя Ираклія II искать покровительства Россіи. Въ то время Екатерина II живо интересовалась Грузіей и въ письмѣ къ Вольтеру, между прочимъ, писала про Ираклія: „Онъ могущественный владѣтель, человѣкъ съ головой и храбрый, а при знаменитомъ шахѣ Надирѣ способствалъ завоеванію Индіи...“

Воюя съ Турціей, Екатерина II рѣшила послать войска въ Грузію. Въ 1770 году генералъ Тотлебенъ покоряетъ Кабарду, проходитъ черезъ Дарьяльское ущелье въ Закавказье. Царь Ираклій энергично содѣйствуетъ изгнанію турокъ, и даже болѣе того: покинутый Тотлебеномъ въ самый критическій моментъ, съ тремя тысячами грузинскаго ополченія одерживаетъ при Аспиндзѣ замѣчательную побѣду надъ десятитысячнымъ турецкимъ корпусомъ. Ираклій отправилъ съ кн. Орбеліани императрицѣ трофеи этой побѣды — 25 знаменъ и 8 серебряныхъ булавъ.

Ираклій вмѣстѣ съ тѣмъ жаловался на странный и печальный по могущимъ быть послѣдствіямъ поступокъ графа

Тотлебена; для разъясненія дѣла и возстановленія дружественныхъ русско-грузинскихъ отношеній былъ въ Грузію присланъ полковникъ Языковъ, послѣ донесенія котораго графъ Тотлебенъ былъ смѣненъ и на его мѣсто назначенъ генералъ Сухотинъ [1]).

При заключеніи въ 1774 году Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, несмотря на то, что грузины разсчитывали и были обнадежены на „внесеніе въ трактатъ", о царствѣ Кахетинскомъ и Карталинскомъ не было ни одного слова. Собственно при царѣ Ираклiѣ Порта никакихъ притязаній на Восточную Грузію не заявляла; по отношенію къ имеретинскому царю Соломону трактатъ касался ближе; однако, хотя онъ и считался вассаломъ Турціи, но еще задолго до войны эта зависимость была номинальная. Наоборотъ, заключительная статья трактата подтвердила верховную власть Турціи надъ Западной Грузіей. „Какъ помянутые народы,—говорилось въ ней,—находятся подданными Блистательной Порты, то Россійская имперія не имѣетъ совсѣмъ впредь въ оныя вмѣшиваться, ниже притѣснять ихъ". По тому же договору Турція уступила Россіи Азовъ и Керчь, отказалась отъ Кабарды и кубанскихъ татаръ, что дало императрицѣ возможность тотчасъ обратить къ сѣвернымъ предѣламъ Кавказа массу поселенцевъ, занять въ 1783 году Кубань и постепенно образовать сплошную Кавказскую линію отъ Азовскаго моря до Каспійскаго.

Съ того времени и послѣ наступившаго въ Персіи смутнаго времени императрица возобновляетъ попытку Петра Великаго завести торговлю съ Востокомъ, устроить коммерческій портъ въ Каспійскомъ морѣ. Однако экспедиція 1781 года графа Войновича не имѣла успѣха, такъ какъ все начальство русской эскадры въ Астрабадскомъ заливѣ было захвачено персіянами. Это могло повлечь за собой разрывъ съ Персіей,

---

[1]) Правительственный Вѣстникъ за 1901 годъ. Къ столѣтію присоединенія Грузіи.

потому императрица теперь уже ясно представляла себѣ всѣ выгоды, которыя могли быть предоставлены Россіи отъ союза съ царемъ Грузіи [1]).

24 іюля 1783 года въ Георгіевскѣ былъ подписанъ союзный договоръ, по которому царь Ираклій признавалъ надъ собою верховную власть и покровительство русскихъ императоровъ, обѣщалъ не искать вассальной зависимости отъ Персіи или иной державы, объявлялъ о готовности способствовать пользѣ имперіи; съ своей стороны императрица давала ручательство на сохраненіе цѣлости владѣній Ираклія. „Е. И. В,—говорлось въ 6 артикулѣ трактата,—пріемля съ благоволеніемъ признаніе верховной ея власти и покровительства надъ царствами Карталинскимъ и Грузинскимъ, обѣщаетъ именемъ своимъ и преемниковъ своихъ: 1) народы тѣхъ царствъ почитать пребывающими въ тѣсномъ союзѣ и совершенномъ согласіи съ имперіей ея и, слѣдственно, непріятелей ихъ признавать за своихъ непріятелей; чего ради миръ съ портою Оттоманскою или Персіею, или иною державою и областью заключаемый, долженъ распространяться и на сіи покровительствуемые Ея Величествомъ народы; 2) Свѣтлѣйшаго царя Ираклія Теймуразовича и его дому наслѣдниковъ и потомковъ сохранять безпремѣнно на царствѣ Карталинскомъ и Кахетинскомъ; 3) Власть, со внутреннимъ управленіемъ сопряженную, судъ и расправу и сборъ податей представить Его Свѣтлости царю въ полную его пользу, запрещая своему военному и гражданскому начальству вступаться въ какія либо распоряженія". Грузинскіе цари, вступая по наслѣдственному династическому праву на престолъ, тотчасъ же обязывались извѣщать объ этомъ русское правительство и черезъ посланниковъ своихъ испрашивать инвеститурную грамоту [2]).

---

[1]) З. Аваловъ. Присоединеніе Грузіи къ Россіи.
[2]) Полное Собраніе Законовъ, т. XXI, № 15835.

Вслѣдъ за заключеніемъ договора въ Тифлисъ были отправлены два русскихъ баталіона подъ начальствомъ полковника Бурнашева. Однако они пробыли въ Грузіи около четырехъ лѣтъ и были отозваны обратно въ 1787 году.

Въ 1784 году въ подданство Россіи вновь вступаетъ шамхалъ Тарковскій; въ 1793 году отдаются подъ ея покровительство ханы Дербентскій и Бакинскій.

Въ 1795 году персидскій шахъ Ага-Магометъ-ханъ вторгнулся въ Грузію и произвелъ страшное опустошеніе; тогда войска графа Зубова, посланныя противъ Персіи для защиты Грузіи, занимаютъ все Каспійское побережье. Смерть императрицы возвращаетъ эти войска на Терекъ.

11 января 1798 года умеръ царь Ираклій; на престолъ Карталиніи и Кахетіи вступилъ сынъ его Георгій XII. Онъ сталъ царемъ по грузинскому наслѣдственному праву; а по договору 1783 года онъ долженъ былъ получить императорскую инвеституру. Съ соотвѣтствующимъ прошеніемъ въ Петербургъ отправленъ кн. Аваловъ, который совмѣстно съ находившимся въ столицѣ въ качествѣ министра кн. Герсеваномъ Чавчавадзе долженъ былъ ходатайствовать кромѣ инвеституры еще и признанія Давида наслѣдникомъ престола. Высочайшая грамота по обѣимъ просьбамъ послѣдовала 18-го апрѣля 1799 г. [1]). Тогда же въ Грузію былъ назначенъ русскій министръ-резидентъ. Критическое положеніе Грузіи вслѣдствіе набѣговъ лезгинъ заставляетъ императора Павла отправить въ Тифлисъ отрядъ генерала Лазарева. Грузинское ополченіе при помощи этого отряда одержало блистательную побѣду на р. Іорѣ надъ вторгнувшимися полчищами Омара-хана-Аварскаго [2]).

Между тѣмъ тяжелая болѣзнь царя Георгія внушала серьезныя опасенія, такъ какъ неизбѣжно должны были возникнуть осложненія по вопросу о престолонаслѣдіи на Грузин-

[1]) Акты кавказской археографической комиссіи, т. II, № 24, стр. 1147.
[2]) Тамъ же, т. I, № 109. Рапортъ г.-м. Лазарева г.-л. Кнорингу отъ 8-го ноября 1800 г., № 67.

ское царство. Несмотря на то, что самъ Георгій XII черезъ посланниковъ добился утвержденія Давида наслѣдникомъ престола, однако этотъ царевичъ за неравный бракъ съ армянкой Абамеликовой не пользовался среди грузинъ популярностью; это было главной причиной и тому, что больной царь все управленіе страной возложилъ на царевича Іоанна.

Энергичная царица Дарія, супруга Ираклія въ третьемъ бракѣ, еще при жизни послѣдняго вынудила его сдѣлать завѣщаніе о переходѣ престола къ сыновьямъ своимъ по порядку старшинства, начиная съ Юлона. По смерти Ираклія царевичи, опасаясь нарушенія обычнаго въ Грузіи порядка престолонаслѣдія, не могли противиться Георгію, ближайшему наслѣднику, тѣмъ болѣе, что этотъ послѣдній, пользуясь преданностью казахскихъ татаръ, сумѣлъ быстро привлечь на свою сторону все населеніе Грузіи. Царевичи на этотъ разъ уступили, вынудивъ предварительно у Георгія утвердительную грамоту о сахраненіи силы завѣщанія царя Ираклія въ ихъ пользу. При существованіи этого акта Георгій совершенно ясно представлялъ могущія послѣдовать послѣ его смерти смуты.

Желая предотвратить отъ всякихъ случайностей судьбу Грузіи, Георгій поручилъ своимъ уполномоченнымъ, князьямъ Герсевану Чавчавадзе, Георгію Авалову и Елеазару Палавандову, искать болѣе тѣснаго соединенія съ Россіей. „Царство и владѣніе мое,—писалъ царь,—отдайте непреложно и по христіанской правдѣ и поставьте его не подъ покровительство Императорскаго Всероссійскаго престола, но отдайте въ полную его власть и на полное его попеченіе такъ, чтобы отнынѣ царство Грузинское было бы въ имперіи Россійской на томъ же положеніи, какимъ пользуются прочія провинціи Россіи. Затѣмъ, нижайше представьте императору Всероссійскому, чтобы, принимая царство Грузинское въ полную свою власть, онъ обнадежилъ бы меня Всемилостивѣйшимъ *письменнымъ обнадеженіемъ, что достоинство царское не будетъ отнято у дома моего,*

но что оно будетъ передаваться изъ рода въ родъ, какъ при предкахъ моихъ“ [1]).

Уполномоченные представили отъ имени царя 16 просительныхъ пунктовъ 17-го ноября 1800 года. Въ этой нотѣ грузинскаго посольства было сказано, что Георгій XII еще при жизни отца имѣлъ въ мысляхъ предать себя и царство свое русскому императору навсегда, въ полную зависимость и подданство; и что теперь, по утвержденіи его въ царскомъ достоинствѣ, онъ не оставилъ своего завѣтнаго желанія.

Уполномоченные заявляли, что царь, вельможи, духовенство и народъ желаютъ принять подданство Россіи. Вопросъ о ненарушимости династическихъ правъ Багратіоновъ уполномоченные редактировали въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Всеподданѣйше просить, чтобъ при вручени царства его (Георгія XII) былъ онъ оставленъ, а по немъ и наслѣдники его на престолѣ съ титуломъ царей, добровольно подвергши себя и царство подданству Всероссійской имперіи и имѣть имъ, царямъ, главное въ своемъ царствѣ правленіе по тѣмъ законамъ, какъ отъ Всевысочайшаго двора даны быть имѣютъ. Отъ себя же имъ безъ особаго повелѣнія никакихъ узаконеній не вводить.“ Царь Георгій предоставлялъ Россіи всѣ доходы Грузіи, отдавалъ золотыя и серебряныя руды, а также всѣ другія богатства природы; для обезпеченія присоединяемаго царства просилъ прислать 6 тысячъ солдатъ [2]).

Прошеніе грузинскихъ посланниковъ разсматривалось въ Государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ и по всѣмъ пунктамъ было одобрено императоромъ Павломъ 19 ноября. Императоръ рѣшилъ принять Грузію въ подданство съ преобразованіемъ царства въ губернію и съ утвержденіемъ въ ней

---

[1]) Полномочіе, данное царемъ Георгіемъ посланникамъ своимъ. Оригинальный текстъ—Цагарели «грамоты и другіе историческіе документы, относящіеся до Грузіи» т. II; русскій переводъ—Г. Аваловъ. Присоединеніе Грузіи къ Россіи, стр. 288—289.

[2]) Акты Кавказской археографической комиссіи т. I, № 121, стр. 179—181. Нота грузинскаго посольства о Грузіи.

губернаторомъ одного изъ царевичей съ титуломъ царя грузинскаго.

Князьямъ Авалову и Палавандову поручено было доставить въ Тифлисъ списокъ съ поданной ими ноты для утвержденія ее самимъ царемъ. Однако посланники не застали въ живыхъ Георгія XII. Между тѣмъ и Павелъ I перемѣнилъ взглядъ, и хотя грузинскіе уполномоченные, собственно, были отправлены для утвержденія просительныхъ пунктовъ, однако, не ожидая результатовъ, манифестъ о присоединеніи царства Грузинскаго къ Россіи былъ подписанъ 18 декабря 1800 года [1]), а 18 января 1801 обнародованъ въ Петербургѣ. Манифестъ совершенно обошелъ вопросъ о династическихъ правахъ Багратіоновъ, что, несомнѣнно, нарушало торжественное обѣщаніе императора, утвердившаго ноту грузинскихъ посланниковъ.

Князья Аваловъ и Палавандовъ, прибывъ въ Тифлисъ и не зная объ актѣ присоединенія, объявили правленіе царя Давида утвержденнымъ на основаніи императорской грамоты 18 апрѣля 1799 года. Въ опубликованномъ 15 января 1801 года воззваніи царевичъ, между прочимъ, писалъ: „Высочайше повелѣно мнѣ торжественно приблизиться къ трону Грузіи по наслѣдству въ званіи правителя оной, и такъ какъ необходимо было объявить о семъ всѣмъ моимъ народамъ, то симъ и извѣщаемъ о принятіи нами управленія наслѣдственнымъ престоломъ...“ [2]).

Доставленный вслѣдъ затѣмъ въ Тифлисъ манифестъ о присоединеніи поставилъ какъ самого царевича Давида, такъ и грузинскихъ посланниковъ въ исключительно ложное положеніе. Народъ смущался отъ разногласія ноты грузинскихъ посланниковъ и текста манифеста. Князья Аваловъ и Палавандовъ

[1]) Полное Собраніе Законовъ, № 19721.

[2]) Акты кавказской археографической комиссіи т. I, № 358. Воззваніе царевича Давида къ грузинскому народу.

поспѣшили отправиться въ Петербургъ; но они уже не застали въ живыхъ императора Павла, скончавшагося 12 марта. Съ цѣлью окончательнаго разъясненія вопроса о присоединеніи царства грузинскіе уполномоченные въ апрѣлѣ 1801 года подали слѣдующую ноту:

1) „По силѣ пункта перваго прошенія, поданнаго нами еще до кончины Е. В. царя Грузинскаго, государя нашего, отъ его имени высокому министерству, каковое прошеніе, согласно повелѣнія Е. И. В., послано было въ Грузію, имѣемъ честь всеподданнѣйше доложить о нижеслѣдующемъ: вельможи Грузіи, духовенство и народъ желаютъ единожды навсегда принять подданство великой Россійской имперіи, обязуясь свято исполнять все то, что исполняемо россійскими подданными, не отрекаясь ни отъ какихъ законовъ и повелѣній, сколько силы того царства позволять будутъ, съ признаніемъ Всероссійскаго императора за своего природнаго государя и самодержца. Въ виду того, что какъ этотъ, такъ и прочіе пункты вышеозначенной ноты были разсмотрѣны по Высочайшему соизволенію и царство сіе навѣки было принято въ подданство Всероссійскаго императорскаго Престола, посему всеподданнѣйше просимъ Е. В., Всемилостивѣйшаго государя нашего, дабы онъ подтвердилъ принятіе царства сего въ подданство заключеніемъ торжественнаго императорскаго акта, при чемъ обнадежены будутъ новые подданные, что отеческое благопризрѣніе какъ его самого, такъ и преемниковъ его отъ нихъ не отнимется, равно какъ и попеченіе о благосостояніи народа, который по собственной своей волѣ отдался навѣки въ подданство; и что дарованы будутъ имъ тѣ же права, преимущества и выгоды, коими старые подданные Е. И. В. пользуются; что царство и предѣлы его будутъ защищены отъ вторженія всѣхъ сосѣдственныхъ враговъ, ущерба и всякихъ супротивностей; и установлены такія повинности, какія посильно будетъ новымъ подданнымъ нести и исполнять.

2) На основаніи сего пункта, которому мы согласны придать распространительное толкованіе, да соблаговолитъ Е. И. В. назначить кого ему угодно изъ царевичей правителемъ царства Грузинскаго съ тѣмъ, чтобы онъ носилъ званіе императорскаго Намѣстника и считался царемъ Грузіи...“ [1]).

Этотъ послѣдній пунктъ Государственный Совѣтъ не принялъ, такъ какъ, по его мнѣнію, вопросъ о судьбѣ Грузіи уже разрѣшался манифестомъ 12-го января.

Императоръ Александръ I, еще будучи наслѣдникомъ, имѣлъ возможность близко познакомиться съ грузинскимъ вопросомъ; онъ колебался признать манифестъ 18-го января, какъ актъ несправедливости по отношенію къ законнымъ наслѣдникамъ грузинскаго престола. Въ этомъ его еще больше убѣждали члены „неоффиціальнаго комитета“, въ особенности графы Воронцовъ и Кочубей. Для разрѣшенія своихъ сомнѣній государь поручилъ генералу Кнорррингу поѣхать въ Грузію и на мѣстѣ удостовѣриться: дѣйствительно ли страна не можетъ обезпечить себя собственными средствами, а также насколько искренно желаніе сословій Грузіи поступить въ русское подданство.

Ознакомившись съ дѣлами, Кнорррингъ представилъ отчетъ и проектъ объ управленіи царствомъ. Въ этомъ проектѣ вопросъ объ оставленіи за царевичами власти въ краѣ безусловно рѣшенъ отрицательно. По словамъ Кнорринга, въ Положеніе объ образованіи будущаго управленія онъ „не дерзнулъ ввести въ оное требованнаго царемъ Георгіемъ Ираклиевичемъ присвоенія наслѣдникамъ его, при титулѣ царя, главной въ землѣ Грузинской власти...“ [2]). Кнорррингъ, единственный кандидатъ на главнокомандующаго въ Грузіи, естественно не пожелалъ бы стать въ подчиненное положеніе.

---

[1]) Грузинскій текстъ ноты у Платона Іосселіани «Жизнь царя Георгія» и во II томѣ «Грамотъ и пр.» Цагарели. Русскій переводъ у З. Авалова. Присоединеніе Грузіи къ Россіи.

[2]) Акты кавказской археографической комиссіи т. I, № 543. Всеподданнѣйшій отчетъ Кнорринга отъ 28 іюля 1801 г., № 1.

Государственный Совѣтъ заслушалъ отчетъ Кнорринга и окончательно рѣшилъ этотъ вопросъ. Императоръ Александръ I, согласившись съ мнѣніемъ Совѣта, счелъ нужнымъ объявить грузинскому народу о присоединеніи вторично, что и было исполнено въ Москвѣ манифестомъ 12-го сентября 1801 года[1]).

Устраненіе династіи Багратіоновъ манифестъ мотивировалъ слѣдующими соображеніями: „....Вникая въ положеніе ваше, и видя, что посредство и присутствіе войскъ Россійскихъ въ Грузіи и донынѣ одно удерживаетъ пролитіе крови Намъ единовѣрныхъ, и конечную гибель уготованную вамъ отъ хищныхъ и невѣрныхъ сопредѣльныхъ вамъ народовъ, желали Мы испытать еще нѣтъ ли возможности возстановить первое правленіе подъ покровительствомъ Нашимъ и сохранить васъ въ спокойствіи и безопасности.—Но ближайшія по сему изслѣдованія наконецъ убѣдили Насъ, что разныя части народа Грузинскаго, равно драгоцѣнныя Намъ по человѣчеству, праведно страшатся гоненія и мести того, кто изъ искателей достоинства царскаго могъ бы достигнуть его власти.—Поелику противъ всѣхъ ихъ большая часть въ народѣ себя обнаружила.—Одно сомнѣніе и страхъ сихъ послѣдствій, возродивъ безпокойства, неминуемо были бы источникомъ междоусобій и кровопролитія; сверхъ того бывшее правленіе и въ царство царя Ираклія, который духомъ и достоинствомъ своимъ соединилъ все подъ власть свою, не могло утвердить ни внѣшней, ни внутренней безопасности....“

Главнокомандующимъ былъ назначенъ генералъ Кнорингъ, а правителемъ собственно Грузіи—д. с. с. Коваленскій.

---

[1]) Полное Собраніе Законовъ, № 20007.

Глава II.

Дѣятельность Кнорринга и Коваленскаго. Смѣна ихъ и назначеніе кн. Циціанова. Присоединеніе къ Россіи: Джаро-Белоканъ, султанства Елисуйскаго, Мингреліи, Имеретіи, Шурагельской области, ханствъ—Карабахскаго, Шекинскаго и Ширванскаго. Походъ въ Баку. Вѣроломное убійство Циціанова. Ермоловъ и Паскевичъ. Войны съ Персіей и Турціей. Патріотическія предубѣжденія Ермолова какъ одна изъ главныхъ причинъ возникновенія мюридизма среди горцевъ. Краткій очеркъ дѣятельности трехъ имамовъ Чечни и Дагестана—Кази-Муллы, Гамзатъ-бека и Шамиля. Назначеніе кн. Воронцова Намѣстникомъ Кавказскимъ. Экспедиціи противъ горцевъ. Восточная война. Парижскій трактатъ. Назначеніе кн. Барятинскаго. Система войны противъ горцевъ. Покореніе въ 1859 году Восточнаго Кавказа и плѣненіе Шамиля. Вліяніе этого событія на горцевъ Западнаго Кавказа. Великій князь Михаилъ Николаевичъ и покореніе Западнаго Кавказа.

Дѣятельность Кнорринга, Коваленскаго и привезенныхъ ими чиновниковъ вызвала общее неудовольствіе. Всѣ благія намѣренія, провозглашенныя манифестомъ, по винѣ исполнителей царскихъ предначертаній оставались пустыми звуками. Императоръ Александръ I, убѣдившись въ справедливости дошедшихъ до него жалобъ, назначилъ въ Грузію кн. Циціанова, пользовавшагося заслуженной славой храбраго полководца и выдающагося государственнаго человѣка, при томъ грузина по происхожденію. Поручая Циціанову управленіе и сообщая ему планъ графа Зубова относительно занятія земель отъ рѣки Ріона, по Курѣ и Араксу до Каспійскаго моря, императоръ приказывалъ: „привести въ ясность и систему запутанныя дѣла края и кроткимъ, справедливымъ, но при томъ твердымъ поведеніемъ стараться пріобрѣсть довѣренность къ правительству не только Грузіи, но и разныхъ сосѣдственныхъ съ нею владѣній...“

Въ теченіе непродолжительнаго своего управленія краемъ Циціановъ въ точности выполнилъ предуказанную ему про-

грамму. Онъ сумѣлъ успокоить взволнованную и недовольную правительствомъ Грузію; въ 1803 году покорилъ джаро-белоканскихъ лезгинъ, а съ ними вмѣстѣ русское подданство приняло султанство Елисуйское. Въ томъ же году, 4-го іюля, владѣтель Мингреліи кн. Григорій Дадіанъ поступилъ въ вассальную зависимость отъ имперіи; такъ какъ главное вниманіе тогда было обращено на устройство управленія самой Грузіи, то Циціановъ сохранилъ Мингреліи автономію, съ предоставленіемъ владѣтелю полновластно распоряжаться страной, съ ограниченіемъ лишь нѣкоторыхъ правъ въ примѣненіи высшихъ уголовныхъ наказаній.

Въ 1804 же году Циціановъ взялъ штурмомъ Ганжу, и ханство это, подъ названіемъ Елисаветпольскаго округа, было присоединено къ Грузіи. Съ паденіемъ Ганжи добровольно вступилъ въ русское подданство и владѣтель Самухскій, бывшій раньше вассаломъ ганжинскаго хана.

Имеретинскій царь Соломонъ II вынужденъ былъ подчиниться силѣ обстоятельствъ и въ просительныхъ пунктахъ изъявилъ желаніе передать царство въ вассальное подданство. Въ переговорахъ съ царемъ, между прочимъ, принималъ дѣятельное участіе графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, тогда еще поручикъ гвардіи. Еще въ 1802 году по дѣлу царевича Константина, заключеннаго царемъ Соломономъ въ крѣпость Мухури, былъ посланъ к. с. Соколовъ съ грамотою императора Александра I объ освобожденіи заключеннаго. Соломонъ боялся и не хотѣлъ вмѣшательства Россіи во внутреннія дѣла царства. Вслѣдъ затѣмъ съ тою же цѣлью и для истребованія грузинскихъ царевичей Юлона и Парнаоза къ Соломону присланъ Броневскій. Результатомъ этого порученія было освобожденіе царевича Константина и отправленіе 5-го августа 1803 года князя Леонидзе въ Петербургъ дла переговоровъ о принятіи Имеретіи въ подданство. 25-го апрѣля 1804 года Соломономъ была совершена присяга, а 4-го іюля послѣ-

довалъ манифестъ о пріобщеніи Имеретіи къ русскимъ владѣніямъ. Соломонъ оставленъ управлять своимъ бывшимъ царствомъ [1]). Поступленіе въ подданство Имеретіи повлекло за собою подчиненіе княжества Гурійскаго, которое до того, хотя номинально, считалось подвластнымъ имеретинскому царю.

Всѣ эти успѣхи русскаго оружія и дипломатіи вызвали противодѣйствіе Персіи. Наслѣдникъ персидскаго престола, энергичный Аббасъ-Мирза, вступилъ въ Эриванское ханство, откуда хотѣлъ произвести вторженіе въ Грузію. Циціановъ съ небольшимъ отрядомъ выступилъ навстрѣчу персіянамъ. 25-го іюня 1804 года на берегу р. Занги Аббасъ-Мирза потерпѣлъ пораженіе; это была первая встрѣча русскихъ войскъ съ персидскими. Однако дальнѣйшее пребываніе и осада кр. Эривани окончилась неудачей; Циціановъ принужденъ былъ возвратиться въ Тифлисъ.

Въ 1805 году Циціановъ одними переговорами склонилъ сосѣднихъ хановъ къ добровольной покорности. Такъ, безъ кровопролитія, къ Россіи были присоединены: Шурагельская область, ханства—Карабахское и Шекинское. Между тѣмъ Аббасъ-Мирза перенесъ свои дѣйствія въ Ганжу; присланныя Циціановымъ подкрѣпленія прогнали непріятеля. Желая нанести Персіи вѣрный ударъ, Циціановъ приказалъ генералу Завалишину съ каспійской флотиліей и десантнымъ отрядомъ занять Баку; но бакинскій ханъ Гуссейнъ-Кули оказалъ упорное сопротивленіе. Тогда Циціановъ самъ предпринимаетъ походъ подъ Баку. Проходя черезъ Ширванское ханство, Циціановъ, такъ сказать мимоходомъ, присоединилъ его къ Россіи, склонивъ хана присягнуть на вѣрноподданство. Приближаясь къ Баку, Циціановъ послалъ къ Гуссейнъ-Кули-хану предложеніе покориться. Ханъ отвѣчалъ, что готовъ сдать крѣпость, а себя предать въ вѣчное подданство Россіи. Уважая такую покорность, Циціановъ

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло начальника главн. управл. 1869 г. № 17, связка 5284. Историческая справка объ Имеретіи въ Всеподданѣйшемъ отчетѣ Кутаисскаго губернатора за 1868 годъ.

обѣщалъ хану оставить его попрежнему владѣтелемъ своей области. Однако, 8-го февраля 1806 года Цицiановъ палъ жертвой своей довѣрчивости: онъ былъ вѣроломно убитъ въ то время, когда направился для принятія ключей отъ города къ вышедшему изъ крѣпости Гуссейнъ-Кули-хану [1]).

За три съ половиной года своего управленія кн. Цицiановъ раздвинулъ предѣлы русскихъ владѣній отъ Чернаго до Каспійскаго моря и оставилъ Закавказье почти въ теперешнихъ его предѣлахъ.

Въ 1806 году были присоединены ханства: Бакинское, Кубинское, Дербентское, Кайтагъ и шамхальство Тарковское; въ 1810 году—Абхазія, Цебельда и Самурзакань. Имеретія поступаетъ въ непосредственное управленіе русскихъ властей. Гурія принимаетъ русское подданство. По Гюлистанскому миру съ Персіей въ 1813 году за Россіей окончательно признаны ханства: Ганжинское, Карабахское, Шекинское, Ширванское, Талышинское, Баку, Куба и Дербентъ. Въ то же время вновь приведены къ покорности джаро-белоканскіе лезгины и Осетія, а ханъ Аварскій подчинился добровольно.

Съ назначеніемъ въ 1816 году на Кавказъ Ермолова начинается уже систематическое дѣйствіе противъ самихъ горцевъ. Выдвигая впередъ укрѣпленія, прорубая просѣки, прокладывая дороги, отдѣляя покорныхъ горцевъ отъ враждовавшихъ и нанося послѣднимъ безпощадные удары, Ермоловъ въ 10-ти-лѣтній періодъ своего командованія упрочилъ власть въ Кабардѣ и Кумыкскомъ владѣніи, покорилъ большую часть Чечни и Дагестана, связалъ черезъ Казикумухское ханство южный Дагестанъ съ Закавказьемъ, обезпечилъ Военно-Грузинскую дорогу и привелъ къ повиновенію горскія племена южнаго склона Кавказскаго хребта [2]).

---

[1]) Висковатый. Біографія князя Цицiанова.
[2]) Шепелевъ. Матеріалы по Кавказу. Рукопись.

Войны съ Персіей (1826), а затѣмъ съ Турціей (1828) заставили Ермолова и его преемника Паскевича обратиться противъ внѣшняго непріятеля. Окончаніе этихъ войнъ пріобщило къ кавказскимъ владѣніямъ обширныя провинціи: по Туркменчайскому миру съ Персіей (1828)—Эриванское и Нахичеванское ханства; а по Адріанопольскому миру съ Турціей (1829)—Ахалцихскую область, Ахалкалаки, Поти, Анапу и уступку Россіи правъ на Черноморское побережье.

Съ отбытіемъ въ 1831 году Паскевича для Кавказа наступилъ совершенно новый періодъ: борьбы съ мюридизмомъ. Какъ религіозная секта мюридизмъ сталъ распространяться еще въ 20-хъ годахъ, а внѣшнія осложненія съ персами и турками особенно благопріятствовали успѣхамъ этого ученія [1]).

Въ общихъ чертахъ исторія возникновенія и дальнѣйшаго развитія мюридизма представляется въ слѣдующемъ видѣ. Когда въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія весь прибрежный Дагестанъ и часть нагорнаго признавали власть Россіи, то въ занятыхъ частяхъ края войскъ на постоянныхъ квартирахъ было очень мало. Покоренныя племена, однако, тяготились новымъ порядкомъ и нерѣдко стремились отложиться. Всѣ эти волненія, возникавшія или по неумѣлости чиновниковъ привлечь населеніе къ правительству, или по свойственной горцамъ любви къ свободѣ, не носили серьезнаго характера и были легко подавляемы. Въ то время горцы еще удивлялись регулярному строю и боялись артиллеріи: нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ наводили паническій страхъ. Для подавленія частыхъ возмущеній направлялись отряды съ Кавказской линіи, а иногда изъ Закавказья, возстановляли нарушенное спокойствіе и снова возвращались въ свои штабъ-квартиры. Самое усмиреніе возстаній не представляло большихъ затрудненій, такъ какъ между дагестанскими обществами не было единства.

---

[1]) Тамъ же.

Одна изъ главныхъ причинъ, заставившая соединиться всѣхъ мусульманъ въ общую организацію, была система принятая Ермоловымъ по отношенію къ мусульманскимъ провинціямъ. Большая часть ихъ, покоренная еще Ціціановымъ, оставалась въ управленіи прежнихъ владѣтелей-хановъ, попрежнему независимыхъ другъ отъ друга; польза отъ существованія ханствъ въ краѣ была очевидна, потому что, во-первыхъ, это разъединяло нѣкоторымъ образомъ населеніе, въ вѣрности котораго правительство не могло имѣть полнаго убѣжденія; во-вторыхъ, оставленіе за ханами владѣтельской власти давало правительству возможность проводить тѣ или другія мѣры черезъ нѣсколькихъ лицъ, которыя дѣйствовали на массы, издавна признававшія ихъ законными властителями, и побуждали населеніе помогать правительству деньгами и оружіемъ. Въ трудное для Россіи время Отечественной войны, когда Грузіи угрожала неминуемая опасность, и лезгины съ одной стороны, персы, сопровождаемые чумой, съ другой—подходили почти къ Тифлису; когда казна была истощена настолько, что чиновники даже не получали жалованья; когда объ усиленіи войскъ на Кавказѣ нечего было и думать, въ это трудное время существенную и, можно сказать, незамѣнимую услугу правительству оказали тѣ же ханы и владѣтели. Съ этими то ханами Ермоловъ обращался очень грубо и въ перепискѣ съ ними не находилъ другихъ выраженій, кромѣ площадной брани, полагая, что такимъ способомъ можно держать населеніе въ постоянномъ страхѣ. Такая система заставила хановъ, послѣ болѣе или менѣе открытаго сопротивленія, покидать наслѣдія своихъ предковъ и искать защиты у Персіи, деспотизмъ которой заставилъ раньше тѣхъ же хановъ подчиниться русскому правительству [1]).

---

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло департ. суд. дѣлъ, распор. отд., 1860 г., № 32, ч. I, связка 3170. Записка Ханыкова отъ 27 мая 1846 г.

Крупная историческая личность Ермолова омрачается патріотическими его предубѣжденіями. Онъ поставилъ себѣ за правило уничтожать въ краѣ всякую нерусскую національность и, попирая древнія установленія, сроднившіяся съ чувствами и вѣрою народа, замѣнять ихъ новыми, поверхностно обдуманными, чтобы имѣть въ себѣ залогъ прочной будущности. Съ такими предвзятыми взглядами Ермоловъ не обращалъ вниманія на то, что собственно онъ уничтожаетъ и съ неимовѣрною легкостью касался предметовъ, къ которымъ правительство должно приступать всегда съ чрезвычайною осторожностью. Онъ поколебалъ права собственности высшаго мусульманскаго сословія въ „Положеніи объ агаларахъ", чѣмъ возбудилъ непримиримую вражду и недовѣріе вліятельнаго класса противъ правительства. Преемники Ермолова тщетно старались поправить ошибку, и только князю Воронцову, возстановившему прежнія права бековъ и агаларовъ, удалось успокоить мусульманъ. Ермоловъ, напримѣръ, испросилъ разрѣшеніе государя о запрещеніи мусульманамъ Закавказскаго края ходить на поклоненіе въ Мекку и Медину, разсчитывая, что это не повлечетъ за собою какихъ либо послѣдствій, а избавитъ отъ дурныхъ примѣровъ изувѣрнаго обращенія съ христіанами, наблюдаемаго закавказскими мусульманами во время путешествія по Оттоманской имперіи. Но обстоятельства доказали противное: мусульмане, пораженные въ гражданской жизни непрочностью своихъ правъ на собственность, въ послѣднемъ распоряженіи Ермолова увидѣли посягательство на измѣненіе одного изъ коренныхъ догматовъ ихъ религіи. Они начали волноваться, и въ 1823 году въ Кюринскомъ ханствѣ, въ селеніи Ярагъ, открылась первая проповѣдь мюридизма, а въ 1824 году мюриды, потрясая еще деревянными шашками, обращались къ сторонѣ Россіи и громкими криками призывали мусульманъ на газаватъ—священную войну за вѣру [1]).

[1]) Тамъ же.

Первымъ открытымъ проповѣдникомъ мюридизма былъ житель селенія Гимры, Койсубулинскаго общества, мулла Магома, извѣстный впослѣдствіи подъ именемъ Кази-Муллы. Въ началѣ своей проповѣди Кази-Мулла встрѣтилъ оппозицію со стороны большинства муллъ, не желавшихъ подчиниться строгимъ правиламъ проповѣдываемаго имъ ученія, также и отъ сельскихъ старшинъ, которые обсуждали и рѣшали дѣла по народнымъ обычаямъ (адату), тогда какъ новое ученіе требовало безусловнаго подчиненія въ гражданской жизни, частной и общественной, духовнымъ (шаріатскимъ) постановленіямъ. Но самыми сильными противниками Кази-Муллы были ханы и другіе владѣтели, власть которыхъ неминуемо должна была пасть съ развитіемъ мюридизма, не признававшаго другой власти, кромѣ духовной. На этомъ основаніи, въ интересахъ хановъ было въ возникшей борьбѣ держаться на сторонѣ русскаго правительства, подъ защитою котораго они могли сохранить свои права и значеніе въ народѣ. Самъ Кази-Мулла также понималъ, что до тѣхъ поръ пока въ ханствахъ будетъ существовать мѣстная свѣтская власть, вліяніе его не могло прочно утверждаться, и потому всѣми средствами стремился къ ниспроверженію этой власти. Въ особенности важно было для него обладаніе Аваріей. Это ханство, находясь въ центрѣ нагорнаго Дагестана, разъединяло вольныя общества уже начинавшія признавать новое ученіе. Вслѣдствіе такого положенія Аваріи, какъ Кази-Мулла, такъ и преемники его, постоянно стремились къ обладанію этимъ ханствомъ [1]).

Несмотря на указанныя препятствія, Кази-Мулла, начавшій свою открытую проповѣдь въ 1825 году, къ концу 1829 года уже успѣлъ привлечь на свою сторону большинство вольныхъ обществъ средняго, западнаго и части сѣвернаго Да-

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло кавказ. горск. управленія, 2-го отд. 1871 г., № 41, связка 7077. Кеценко. Краткій очеркъ присоединенія Дагестана къ Россіи и образованіе Дагестанской области.

гестана, которыя признали его имамомъ, духовнымъ главою, и изъ которыхъ онъ могъ выставить до 15-ти тысячъ войска. Сдѣлавъ воззваніе къ газавату, Кази-Мулла въ 1830 году направился къ Хунзаху, резиденціи аварскихъ хановъ, но былъ отраженъ съ значительными потерями. Эта неудача сильно поколебала вліяніе имама, и многія общества рѣшительно отвергли его: койсубулинцы роптали за потери подъ Хунзахомъ, въ Гимрахъ образовалась партія недовольныхъ; но Кази-Мулла не отказался отъ задуманнаго имъ плана; въ мартѣ 1831 года онъ вышелъ изъ горъ и съ небольшимъ числомъ преданныхъ ему мюридовъ занялъ позицію въ урочищѣ Чукмескентѣ, въ 10-ти верстахъ отъ Темиръ-Ханъ-Шуры. Вскорѣ воззванія его разнеслись по всему шахмальству и привлекли къ нему такое значительное число приверженцевъ, что войска, предпринявшія атаку вновь занятой мюридами позиціи на Алты-Буюнскомъ перевалѣ, потерпѣли пораженіе и отступили. Послѣ этого Кази-Мулла бросился къ сел. Параулу, разграбилъ его, сжегъ домъ шамхала и 25-го мая обложилъ крѣпость Бурную. Отбитый отсюда пришедшими войсками и оставленный шамхальцами, Кази-Мулла, по приглашенію кумыковъ, двинулся въ ихъ владѣніе и 15 дней осаждалъ крѣпость Внезапную. Вслѣдъ затѣмъ направился къ Дербенту и 8 дней держалъ городъ въ блокадѣ, но былъ разбитъ подоспѣвшимъ отрядомъ [1]).

Послѣ отраженія Кази-Муллы отъ Дербента, въ октябрѣ 1831 года, были предприняты наступательныя дѣйствія съ двухъ сторонъ: отъ Дербента и съ Кавказской линіи. Успѣшныя дѣйствія этихъ отрядовъ усмирили волненія въ Дагестанѣ, но въ это время Кази-Мулла бросился къ Кизляру и разграбилъ его; оттуда онъ снова возвратился въ шахмальство и укрѣпился на прежней позиціи около Темиръ-Ханъ-Шуры. Направ-

[1]) Тамъ же.

ленный противъ него отрядъ 1-го декабря атаковалъ лагерь, разбилъ мятежниковъ и заставилъ Кази-Муллу бѣжать въ Гимры.

Въ 1832 году предпринимается экспедиція подъ начальствомъ самого корпуснаго командира барона Розена, рѣшившаго наказать гимринцевъ, обѣщавшихъ не принимать Кази-Муллы и нарушившихъ это обѣщаніе. Отрядъ въ 8 тысячъ 17-го октября подступилъ къ Гимрамъ и послѣ четырехчасового отчаяннаго боя занялъ селеніе. Кази-Мулла съ нѣсколькими мюридами, въ числѣ которыхъ находился и Шамиль, заперся въ отдѣльной башнѣ. Шамиль всегда не одобрялъ излишнюю предпріимчивость Кази-Муллы, доказывая, что прежде всего надо было упрочить за собою горы и тогда уже дѣйствовать противъ русскихъ. Когда башня была окружена войсками, Кази-Мулла обратился къ сидѣвшему возлѣ него Шамилю съ словами: „ты неоднократно говорилъ мнѣ, что желалъ бы попасть въ рай, умирая на газаватѣ; вотъ прекрасный случай, иди и сразись съ русскими.“ Шамиль въ грубыхъ выраженіяхъ отказался, упрекая имама въ несчастіи постигшемъ ихъ и цѣлое селеніе. Не удостоивъ Шамиля возраженіемъ, Кази-Мулла предложилъ тоже самое другому мюриду, Магомѣ-султану; этотъ послѣдній, обнаживъ шашку, ринулся изъ башни и, нанеся нѣсколько ударовъ, палъ подъ штыками солдатъ. Вслѣдъ за нимъ Кази-Мулла рѣшился на отчаянную вылазку, но былъ убитъ. Нѣкоторые изъ мюридовъ, въ томъ числѣ и Шамиль, раненый штыкомъ въ грудь, успѣли спастись [1]).

Черезъ полгода послѣ смерти Кази-Муллы одинъ изъ его мюридовъ, Гамзатъ-бекъ, провозгласилъ себя преемникомъ его власти. Вскорѣ многія общества признали Гамзата имамомъ. Въ августѣ 1834 года новый имамъ подступилъ къ Хунзаху и обманомъ успѣлъ заманить въ свой лагерь хана и его брата, которые вѣроломно были умерщвлены. Гамзатъ овладѣлъ

[1]) Тамъ же.

Хунзахомъ и всей Аваріей; но противъ него составился заговоръ, и онъ былъ убитъ въ мечети хунзахцемъ Османомъ и братомъ его Хаджи-Муратомъ. Хаджи-Муратъ за такую услугу правительству былъ произведенъ въ прапорщики; онъ временно управлялъ Аваріею до назначенія правителемъ туда мехтулинскаго хана Ахметъ-хана; но и при этомъ послѣднемъ собственно страной въ теченіе семи лѣтъ правилъ попрежнему Хаджи-Муратъ, который снискалъ себѣ общую любовь [1]).

Преемникомъ Гамзатъ-бека, третьимъ имамомъ, провозгласилъ себя Шамиль. Собравъ разсѣянныя партіи мюридовъ, онъ напалъ на Хунзахъ, но принужденъ былъ отказаться отъ своего предпріятія, такъ какъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе со стороны Хаджи-Мурата. Тѣмъ не менѣе Хаджи-Муратъ замѣчалъ, что аварцы склонны при первомъ удобномъ случаѣ принять ученіе тариката и написалъ письмо барону Розену съ просьбой прислать войска, чтобы имѣть возможность удержать Аварію отъ покушеній Шамиля. Назначенный для этой цѣли отрядъ полковника Клюки-фонъ-Клюгенау еще не успѣлъ подойти къ сел. Гоцатль, какъ Шамиль прибылъ туда, взялъ въ свое распоряженіе казну Гамзатъ-бека и приказалъ сбросить въ р. Койсу малолѣтняго Булачъ-хана, послѣдняго отпрыска аварскаго ханскаго дома. Прибытіе отряда Клюгенау заставило аварскія селенія принести покорность, но власть Шамиля распространялась въ окружавшихъ Аварію обществахъ.

Въ 1837 году генералъ Фезе, разоривъ селенія Ашильты и Ахульго, гдѣ находилось семейство Шамиля, подступилъ къ Тилитли—укрѣпленной позиціи имама. Положеніе Шамиля было настолько безвыходное, что онъ вступилъ въ переговоры и далъ клятву не тревожить болѣе горцевъ, а въ залогъ вѣрности выдалъ въ аманаты своего племянника. Вслѣдъ затѣмъ волненія въ южномъ Дагестанѣ заставили направить туда всѣ

[1]) Тамъ же.

свободныя войска. Волненія эти продолжались въ теченіе всего 1838 года, а въ это время Шамиль снова началъ привлекать на свою сторону горцевъ, и вблизи разореннаго Ахульго основалъ укрѣпленный замокъ новое Ахульго. Съ весны 1839 года были открыты наступательныя дѣйствія двумя отрядами; одинъ, подъ начальствомъ корпуснаго командира генерала Головина, привелъ въ покорность общества южнаго Дагестана; другой, подъ начальствомъ генерала Граббе, послѣ трехмѣсячной осады новаго Ахульго овладѣлъ замкомъ, при чемъ самъ Шамиль едва избавился отъ плѣна. Еще во время осады, при переговорахъ, Шамиль выдалъ въ аманаты своего сына. Взятіе Ахульго сильно поколебало вліяніе Шамиля въ горахъ; но онъ поспѣшилъ принять участіе въ вспыхнувшемъ въ Чечнѣ возстаніи; и уже въ 1840 году ему удалось объединить подъ своею властью всю Большую и Малую Чечню, ичкеринцевъ и аухувцевъ; въ ичкеринское селеніе Дарго имамъ перенесъ и свою резиденцію.

Изъ этого обзора видно, что ученіе мюридизма приняло острую форму, какъ протестъ противъ усвоенной Ермоловымъ системы репрессіи по отношенію къ мусульманамъ, что внѣшнія войны особенно благопріятствовали успѣхамъ новаго ученія, дозволивъ Кази-Муллѣ привлечь на свою сторону весь сѣверо-восточный Кавказъ и сплотить отдѣльныя его племена общимъ призывомъ къ священной войнѣ. Эта перемѣна въ положеніи горцевъ не сразу была понята и взвѣшена. При преемникахъ Паскевича: баронѣ Розенѣ, Головинѣ и Нейдгардтѣ вниманіе кавказскаго начальства главнымъ образомъ было обращено на устройство береговой Черноморской линіи, посредствомъ которой имѣлось въ виду прекратить сильно развившійся вывозъ съ Кавказа невольниковъ и снабженіе горцевъ оружіемъ, порохомъ изъ Турціи. Для подавленія же развившагося мюридизма и подчиненія горскихъ племенъ Восточнаго Кавказа, становившихся все болѣе и бо-

лѣе предпріимчивыми, вмѣсто послѣдовательныхъ систематическихъ дѣйствій противъ нихъ производились лишь отдѣльныя экспедиціи: дорого стоившія, иногда блистательныя (Гимры, Ахульго); но въ конечномъ выводѣ безрезультатныя. Пали Кази-Мулла и Гамзатъ-бекъ, явился Шамиль. Пользуясь допущенными ошибками, онъ даже пораженія умѣлъ обращать въ свою пользу, возбуждая въ горцахъ фанатизмъ, организуя ихъ силы и пріучая ихъ подчиняться ему не только какъ имаму, но и какъ политическому властителю. Власть Шамиля настолько упрочилась, что, несмотря на Ахульго, въ 1840 году была потеряна вся Чечня, а въ 1843 году—Аварія и большая часть Дагестана. Всѣ передовыя укрѣпленія были взяты, нѣкоторые изъ ихъ гарнизоновъ погибли, даже Темиръ-Ханъ-Шура была осаждена и едва уцѣлѣла.

Въ концѣ 1844 года послѣдовало назначеніе на Кавказъ новаго главнокомандующаго, графа Воронцова [1]). Кавказскія войска, состоявшія изъ гренадерской бригады, 19-й и 20-й пѣхотныхъ дивизій, 10-ти кавказскихъ, 16-ти грузинскихъ и 10-ти черноморскихъ линейныхъ батальоновъ, не считая драгунскаго и донскихъ полковъ, были временно усилены 5-мъ корпусомъ. Главнокомандующему даны самыя широкія полномочія. Однако первыя дѣйствія и графа Воронцова были не вполнѣ удачны. Даргинская экспедиція 1845 года, достигшая цѣли —разоренія Шамилевской резиденціи, чуть не окончилась катастрофой. Экспедиція не принесла ожидаемой выгоды и только послѣ этого кн. Воронцовъ принялъ послѣдовательную систему дѣйствій для покоренія Чечни и Дагестана. Со стороны Чечни было приступлено къ устройству новыхъ казачьихъ станицъ на передовой линіи, а въ Дагестанѣ главное вниманіе было обращено на обезпеченіе покорной части отъ вторженій Шамиля. Съ этою цѣлью, начи-

[1]) Высочайшій указъ Правительствующему Сенату отъ 27 ноября 1844 года.

ная съ 1847 года, на передовой линіи были возведены укрѣпленія; вмѣстѣ съ тѣмъ предпринята осада укрѣпленныхъ непріятельскихъ селеній Салты, Гергебиля и Чоха, какъ пунктовъ, доставлявшихъ горцамъ удобства для вторженій въ наши предѣлы. Ежегодно, съ наступленіемъ лѣта, отряды войскъ занимали на передовой линіи такія позиціи, откуда могли поспѣвать на всѣ подверженные нападенію пункты.

Устройство просѣкъ и дорогъ, возведеніе линій укрѣпленій принуждали горцевъ постепенно очищать плоскость и углубляться въ горы. Эта система напоминала систему Ермолова, но отличалась отъ нея болѣе мирнымъ отношеніемъ къ горцамъ: обаяніе грознаго имени и излишней грубости кн. Воронцовъ замѣняетъ попытками торговыхъ связей. Строго придерживаясь разъ принятаго плана, князь Воронцовъ возстановилъ русскую власть въ прибрежномъ Дагестанѣ, обезопасилъ рядомъ передовыхъ укрѣпленій Кавказскую линію отъ нападеній Шамиля со стороны Чечни, довершилъ устройство Лезгинской линіи, прикрывавшей Кахетію, а на Западномъ Кавказѣ, кромѣ береговыхъ укрѣпленій, докончилъ заселеніе Лабинской линіи и началъ Бѣлорѣченскую. Восточная война 1853—1856 г.г. доказала, что князь Воронцовъ создалъ на Кавказѣ весьма прочное положеніе: несмотря на то, что главныя сылы были отвлечены борьбой съ турками, Шамилю нигдѣ не удалось имѣть какой либо значительный успѣхъ [1]).

Самая Восточная война неожиданно приняла грозный характеръ: частный споръ съ турками превратился въ неравную борьбу противъ соединенныхъ силъ европейскихъ государствъ.

18 февраля 1856 года скончался императоръ Николай I; ему не суждено было дожить до конца кровавой драмы съ коалиціей союзныхъ державъ. Первой заботой вступившаго на престолъ императора Александра II было неизмѣнное стремленіе

[1]) Шепелевъ. Матеріалы по Кавказу. Рукопись.

положить конецъ войнѣ. Политическія и военныя условія способствовали осуществить эти желанія. Успѣхи кавказскихъ войскъ на малоазіатскомъ театрѣ принудили турокъ оставить всякую мысль, по крайней мѣрѣ на кавказской границѣ, противодѣйствовать русскому оружію. Съ другой стороны и союзники, несмотря на протесты Англіи, сознававшей свою второстепенную роль въ теченіе кампаніи въ Крыму, изъявили наклонность къ заключенію мира. Паденіе Севастополя послѣ неслыханной въ исторіи защиты и успѣхи союзниковъ на Черномъ морѣ вполнѣ удовлетворили общественное мнѣніе французовъ, и Наполеонъ III, руководитель тогдашней международной политики, открылъ переговоры съ Россіей, закончившіеся мирнымъ трактатомъ на конгрессѣ въ Парижѣ 18 марта 1856 года.

Парижскій трактатъ былъ чувствительнымъ ударомъ русской національной политикѣ: онъ сводился къ лишенію права Россіи вмѣшиваться во внутреннія дѣла Турціи, устранилъ отъ исключительнаго вліянія покровительства надъ христіанскими подданными султана, пріобщилъ Турцію къ европейскимъ державамъ, которыя обязались охранять цѣлость и неприкосновенность Оттоманской имперіи; наконецъ, трактатомъ была установлена нейтрализація Чернаго моря, по которой, какъ Турція, такъ и Россія обязались ограничить число судовъ и не содержать на берегахъ военно-морскихъ арсеналовъ. Сверхъ того трактатъ лишилъ завоеванныхъ кавказскими войсками Карскаго и Баязетскаго санджаковъ; въ Крыму хотя Россіи возвращены Севастополь и другія мѣста, занятыя союзниками въ теченіе войны, но Турціи пришлось уступить южную часть Бессарабіи съ тѣмъ, чтобы она была бы присоединена къ Молдавскому княжеству. Вообще говоря, Парижскій трактатъ положилъ предѣлъ тому политическому преобладанію Россіи на ближнемъ Востокѣ, которое она пріобрѣла въ 1774 году по Кучукъ-Кайнарджійскому договору [1]).

[1]) Н. Крепицынъ. Восточный вопросъ на почвѣ его исторіи и политики.

Во время борьбы съ союзниками война съ горцами Кавказа продолжалась. Успѣхъ или неуспѣхъ военныхъ дѣйствій съ турками отражался и на развитіи мюридизма среди горцевъ Восточнаго и Западнаго Кавказа. Рядъ пораженій, нанесенныхъ туркамъ въ сраженіяхъ подъ Башъ-Кадыкъ-Ляромъ и Кюрюкъ-Дара, принудили Шамиля временно отказаться отъ содѣйствія туркамъ, и потому имамъ не предпринималъ никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій. Въ совершенно другихъ условіяхъ находился другой послѣдователь имама, Магометъ-Аминъ, который, пользуясь неудачами въ Крыму, пропагандировалъ общее возстаніе, волновалъ не безъ успѣха горцевъ Западнаго Кавказа и нѣсколько разъ производилъ набѣги на Военно-Грузинскую дорогу, на Лабинскую линію, а въ концѣ 1855 года напалъ на Екатеринодаръ и разорилъ станицы по р. Кубани.

Заключеніе мира съ державами не уменьшило энергіи двухъ главныхъ руководителей горскихъ народовъ; наоборотъ, энергія эта поддерживалась денежными и боевыми средствами извнѣ и поступленіемъ въ ряды горцевъ европейскихъ авантюристовъ; многіе изъ этихъ послѣднихъ даже руководили военными дѣйствіями горцевъ.

Постоянно напряженное положеніе Кавказа обходилось государству очень дорого. Болѣе полувѣка тянулась уже своеобразная Кавказская война. Поэтому, по окончаніи Восточной кампаніи, наряду съ внутренними реформами въ государствѣ императоръ Александръ II обратилъ особенное вниманіе на Кавказъ. Для успѣшнаго выполненія программы окончательнаго замиренія горцевъ изъ многихъ представленныхъ проектовъ государь остановился на проектѣ кн. Александра Ивановича Барятинскаго, по мнѣнію котораго Кавказъ необходимо было раздѣлить на большіе военные отдѣлы, начальникамъ этихъ отдѣловъ предоставить болѣе широкій и самостоятельный кругъ дѣйствій; общее же направленіе горской вой-

ны оставить попрежнему въ рукахъ Главнокомандующаго. Кромѣ того, кн. Барятинскій предлагалъ измѣнить установленную Ермоловымъ и кн. Воронцовымъ самую систему борьбы съ горцами, именно—перейти изъ оборонительнаго въ наступательный образъ дѣйствій. Императоръ Александръ II одобрилъ предположенія кн. Барятинскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ указомъ 22 іюля 1856 года назначилъ его Намѣстникомъ Кавказскимъ.

Кн. Барятинскій зналъ и изучилъ Кавказъ; всѣ особенности разнообразныхъ племенъ его населяющихъ ему были извѣстны изъ непосредственнаго опыта, вынесеннаго изъ продолжительной боевой службы на Кавказѣ. Вельяминовъ и кн. Воронцовъ были для него руководителями въ походахъ и экспедиціяхъ; въ качествѣ начальника лѣваго крыла Кавказской линіи онъ положилъ въ системѣ дѣйствій съ горцами новыя начала— завоевывать каждую пядь земли систематически, шагъ за шагомъ; отличаясь личной храбростью, онъ нѣсколько разъ былъ раненъ, а, будучи начальникомъ штаба при кн. Бебутовѣ въ теченіе кампаніи 1854 года, проявилъ таланты, какъ опытный руководитель войскъ въ большихъ массахъ. Ко всему этому нужно прибавить, что кн. Барятинскій чрезвычайно удачно умѣлъ выбирать себѣ соподвижниковъ какъ для военныхъ цѣлей, такъ и на гражданское поприще. Вотъ почему съ назначеніемъ новаго Намѣстника, къ тому же облеченнаго полнымъ довѣріемъ Монарха, наступила для Кавказа новая эра: все, что было сдѣлано предшественниками, послужило для него матеріаломъ, обработкой котораго онъ съ такой неутомимой дѣятельностью занялся. Время намѣстничества князя Барятинскаго дало блестящіе, плодотворные успѣхи для привитія культурныхъ задачъ, намѣченныхъ правительствомъ для Кавказа [1]).

[1]) Кавказскій Сборникъ, т. IV. Волконскій. Окончательное покореніе Восточнаго Кавказа.

Съ прибытіемъ на Кавказъ кн. Барятинскаго рѣшено было воспользоваться временнымъ пребываніемъ тамъ 13-й и 18-й дивизій, присланныхъ изъ Россіи въ періодъ войны съ турками, и вести борьбу съ горцами безъ перерыва, лѣтомъ и зимой, до полнаго ихъ покоренія. Предварительно кавказскія войска были переустроены, дополнены новыми формированіями (гренадерской бригады, 3-хъ стрѣлковыхъ батальоновъ, 2-хъ драгунскихъ полковъ) и распредѣлены на 4 отдѣла: 1) Правое крыло Кавказской линіи, подчиненное начальнику 19-пѣхотной дивизіи, 2) Лѣвое крыло—подчиненное начальнику 20-й пѣхотной дивизіи, 3) Прикаспійскій край съ Дербентской губерніею—подчиненные начальнику 21-й пѣхотной дивизіи и 4) Лезгинская кордонная линія съ Джаро-Белоканскимъ округомъ—подчиненная начальнику кавказской гренадерской дивизіи [1]). Въ каждый отдѣлъ, сверхъ указанныхъ дивизій, дано по 1 драгунскому полку, 1 стрѣлковому батальону, соотвѣтствующее число казачьихъ полковъ и большее или меньшее число войскъ 13-й и 18-й дивизій. Затѣмъ, Ріонскій край обращенъ въ Кутаисское генералъ-губернаторство съ 6-ю отдѣльными батальонами.

Всѣ военныя дѣйствія первоначально были направлены на Восточный Кавказъ, и они велись одновременно съ трехъ сторонъ. Въ Прикаспійскомъ краѣ дагестанскія войска г.-л. кн. Орбеліани въ 1857 году занимаютъ Салатавію; здѣсь заложено укрѣпленіе на мѣстѣ аула Буртуная съ штабъ-квартирою для Дагестанскаго пѣхотнаго полка [2]). Со стороны Лезгинской линіи отрядъ г.-л. барона Вревскаго вторгнулся въ дидойское общество и разгромилъ аулы этой части Нагорнаго Дагестана [3]). Со стороны Лѣваго фланга г.-л. Евдокимовъ

---

[1]) Приказъ по отдѣльному кавказскому корпусу отъ 15-го сентября 1856 года.

[2]) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло 2-го отд. генер. шт. 1858 г., № 34. Описаніе осеннихъ дѣйствій въ Прикаспійскомъ краѣ въ 1857 году.

[3]) Тамъ же. Экспедиція г.-л. барона Вревскаго въ Дидо.

послѣдовательно занималъ позиціи въ Чечнѣ. Уже въ 1858 году большая часть населенія Большой и Малой Чечни изъявила покорность и переселена въ мѣста, назначенныя для новыхъ чеченскихъ ауловъ. Тогда же, послѣ заложенія укр. Аргунскаго и Шатоевскаго, горскія общества, жившія между верховьями Терека и Аргуна, также изъявили покорность и выдали заложниковъ. Шамиль потерялъ всѣ предгорья; горцы видимо стали изнемогать и отпадать отъ своего имама. Къ началу 1859 года все было готово для рѣшительнаго удара и онъ былъ нанесенъ мастерски: Евдокимовъ зимой безъ отдыха оттѣснилъ Шамиля до послѣднихъ нагорныхъ позицій Чечни и осадилъ Ведень, который палъ 1-го апрѣля. Къ тому же времени Врангель вторгнулся въ Ичкерію. Шамилю оставалось опираться только на Дагестанъ. Собравъ всѣ свои силы на среднемъ теченіи Андійскаго Койсу, онъ разсчитывалъ еще долго сопротивляться. Но послѣдовательное движеніе Евдокимова противъ его фронта и лѣваго фланга, блистательная переправа Врангеля черезъ Койсу, грозившая отрѣзать Шамиля отъ Аваріи, и смѣлое вторженіе лезгинскаго отряда г.-л. кн. Меликова въ верхнія нагорныя общества заставили имама искать спасенія въ бѣгствѣ. Послѣднимъ убѣжищемъ онъ избралъ себѣ гору Гунибъ [1]). Съ этого времени власть Шамиля, и безъ того уже сильно поколебавшаяся неудачами предшествовавшихъ годовъ, окончательно рушилась. При бѣгствѣ на Гунибъ онъ не только нигдѣ не нашелъ повиновенія, но даже жители сел. Куяды не пропустили его черезъ свои земли и отняли у него вьюки съ разнымъ имуществомъ и деньгами. Вслѣдъ за Шамилемъ на Гунибъ послѣдовалъ сынъ его Кази-Магома, занимавшій завалы по берегу Андійскаго Койсу противъ чеченскаго отряда.

[1]) Шепелевъ. Матеріалы по Кавказу. Рукопись.

Князь Барятинскій, самъ руководившій операціями въ Чечнѣ, заложивъ на лѣвомъ берегу Андійскаго Койсу укрѣпленіе Преображенское, оставилъ чеченскій отрядъ и, объѣхавъ вновь покоренный край, прибылъ въ Хунзахъ, главный центръ Аваріи. Возстановивъ здѣсь Аварское ханство и назначивъ ханомъ флигель-адъютанта ротмистра Ибрагимъ-хана Мехтулинскаго, кн. Барятинскій прибылъ 18 августа къ дагестанскому отряду, обложившему уже Гунибъ. Развязка не заставила себя ждать. 25 августа послѣ отчаяннаго штурма Гунибъ былъ взятъ, и плѣненный Шамиль предалъ себя великодушію побѣдителя.

Восточный Кавказъ былъ покоренъ и физіономія его быстро измѣнилась. Въ Чечнѣ большая часть ауловъ переведена на плоскость, при чемъ многочисленныя просѣки и дороги, обезпечившія свободу передвиженій войскъ, ручались за ея повиновеніе. Населеніе Дагестана, склонное къ земледѣлію и промышленности, встрѣтило русскую власть и принесенное ею успокоеніе съ неподдѣльнымъ восторгомъ; здѣсь сразу сообщенія стали безопасны, а русское управленіе водворилось безъ всякаго протеста. Этому много способствовала принятая кн. Барятинскимъ военно-народная система управленія, о чемъ будетъ изложено ниже.

Ударъ, нанесенный Восточному Кавказу, отразился и на Западномъ. Враждебныя племена, стѣсненныя устроенными въ 1856 - 59 г.г. Адагумскою и Бѣлорѣченскою линіями, утративъ съ паденіемъ Шамиля надежду на дальнѣйшее сопротивленіе, постепенно начали изъявлять покорность или выселяться въ Турцію. Первыми среди лѣта 1859 года присягнули бжедухи, жившіе на лѣвомъ берегу Кубани; ихъ примѣру вскорѣ послѣдовали мелкія племена между Бѣлой и Лабой; когда же открылись зимнія дѣйствія, то изъявили готовность покориться и два изъ главныхъ черкесскихъ племенъ—абадзехи и натухайцы. Къ началу 60-хъ годовъ оставались въ враждебныхъ от-

ношеніяхъ горцы жившіе на сѣверномъ скатѣ хребта, между верховьями Бѣлой и Адагума, и узкой полосой по Черноморскому побережью, между укрѣпленіями Константиновскимъ и Гагры [1]).

Въ этотъ послѣдній періодъ борьбы черкесы рѣшились отстоять свою независимость не только оружіемъ, но еще внутренними преобразованіями и энергичнымъ обращеніемъ къ иностраннымъ державамъ. Если главная роль въ борьбѣ съ оружіемъ пала на абадзеховъ, то убыхи, не уступавшіе имъ въ энтузіазмѣ къ общему дѣлу, взяли на себя иниціативу и направленіе административныхъ мѣръ и дипломатическихъ переговоровъ. До нѣкоторой степени они и были приспособлены къ такому роду дѣятельности: живя на берегу моря, посѣщая Константинополь, знакомясь тамъ съ различными враждебными Россіи агитаторами, они постигли также двуличность международныхъ сношеній [2]).

13 іюня 1861 года всѣ черкесы собрались на совѣтъ; они единогласно рѣшили учредить чрезвычайный союзъ и сохранять въ странѣ внутренній порядокъ. Для управленія союзомъ былъ учрежденъ *меджлисъ* изъ 15-ти улемовъ и свѣдущихъ людей; этому меджлису дано названіе *Великаго свободнаго засѣданія*. Меджлисъ прежде всего раздѣлилъ весь край на 12 округовъ, въ каждый изъ нихъ былъ опредѣленъ муфтій, кади и мухтаръ. Не довольствуясь учрежденной внутренней организаціей, убыхи искали помощи у Турціи и Англіи. Они обратились съ жалобой къ великобританскому консулу въ Сухумѣ Диксону, прося довести до свѣдѣнія англійскаго правительства о посягательствѣ на ихъ независимость со стороны русскихъ войскъ въ то именно время, когда, по ихъ

[1]) Шепелевъ. Матеріалы по Кавказу. Рукопись.

[2]) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло секр. 2-го отд. генер. шт. 1862 г., № 5. Рапортъ кутаис. генер-губерн. г.-л. Колюбакина начальнику Главнаго штаба Кавказской арміи отъ 30 іюня 1862 г., № 735.

словамъ, *Великій меджлисъ вольности черкесовъ*, управляя краемъ, всегда соотвѣтствовалъ своему назначенію. Они жаловались, что для насильственнаго покоренія черкесъ назначенъ генералъ Евдокимовъ, который окружилъ ихъ край со всѣхъ сторонъ [1]).

Появленіе войскъ Евдокимова у подошвы главнаго хребта, въ двухъ переходахъ отъ убыхской земли, дало поводъ къ чрезвычайному засѣданію меджлиса. Черкесы постановили: отправить посольства въ Константинополь, Парижъ и Лондонъ съ просьбою о заступничествѣ; на покрытіе расходовъ посольствъ наложить денежный сборъ на все народонаселеніе отъ Туапсе до Адлера по 50 коп. съ дыма; обнародовать призывъ къ священной войнѣ; отправить въ землю абадзеховъ нѣсколько тысячъ ополченія; принудить къ такому же содѣйствію джигетовъ, которые подъ вліяніемъ князя Решида-Геча оставались холодными къ призыву. Постановленія меджлиса были приведены въ исполненіе. Посольство къ иностраннымъ державамъ снабдили деньгами и отправили въ Константинополь. Во главѣ посольства находился Измаилъ-Баракай-ипа-Дзяпшъ, который присвоилъ себѣ исключительную роль дипломата и разыгрывалъ ее довольно удачно, дѣйствуя на воображеніе горцевъ грамотами. На помощь къ абадзехамъ было отправлено до 5-ти тысячъ убыховъ [2]).

Однимъ словомъ, противъ войскъ, рѣшавшихъ, такъ сказать, судьбы Кавказа, соединились одушевленныя безпримѣрнымъ единомыслiемъ всѣ живыя силы враждебныхъ племенъ. Эти усилія черкесъ, однако, не могли измѣнить задуманнаго систематическаго плана покоренія. Со стороны Абхазіи генералъ Колюбакинъ рѣшился нанести черкесамъ нравственный

---

[1]) Тамъ же. Прошеніе черкесъ англійскому консулу отъ 14 сафара 1278 года (5 августа 1861 г.).

[2]) Тамъ же. Рапортъ г.-л. Колюбакина начальнику Главнаго штаба Кавказской арміи отъ 30 іюня 1862 г., № 735.

ударъ; высадившійся у Сочи десантъ истребилъ огнемъ зданіе свободнаго меджлиса. Тщетно черкесы, сбѣжавшіеся со всѣхъ сторонъ, старались спасти свое священное зданіе; все было напрасно! [1]).

Въ концѣ 1862 года Кавказъ получилъ новаго главнокомандующаго и Намѣстника, Великаго князя Михаила Николаевича. Ему предстояло упрочить только что сдѣланныя завоеванія и довершить покореніе западной части Кавказа. Главнымъ средствомъ для этого послужила военная колонизація въ связи съ эмиграціей горцевъ. Подъ покровительствомъ многочисленныхъ отрядовъ на всемъ Западномъ Кавказѣ водворились станицы; горцамъ предлагалось или выселяться на плоскость или уходить въ Турцію. Дѣло велось не безъ болѣе или менѣе упорнаго сопротивленія, но передъ сосредоточенными силами оно не могло долго тянуться. Сформированные Евдокимовымъ отряды согласовали свои операціи съ дѣйствіями войскъ кутаисскаго генералъ-губернаторства, направленныхъ со стороны Джигетіи и Абхазіи. Въ 1863 году покончили съ взявшимися за оружіе шапсугами и абадзехами. Упорствовали и не желали подчиниться послѣднія прибрежныя племена—убыхи, ахчипсхувцы, джигеты. Для личнаго направленія колоннъ къ военнымъ дѣйствіямъ къ ахчипсхувскому отряду прибылъ самъ главнокомандующій, непосредственно руководившій военной экспедиціей 1864 года. Войска тѣснили горцевъ къ морскому берегу и имъ предлагалось смириться или безпрепятственно уйти въ Турцію. 21-го мая всѣ колонны сосредоточились въ центрѣ ахчипсхувской земли, въ урочищѣ Гбаады. Этому глухому аулу суждено было быть мѣстомъ празднованія событія громадной исторической важности—окончанія Кавказской войны. Изъ горцевъ Западнаго

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло 2-го отд. генер. шт. 1863 г. № 70. Рапортъ начальника штаба войскъ кутаисскаго генералъ-губернаторства отъ 22 іюня 1863 г., № 821.

Кавказа около 90 тысячъ были выселены на равнины по Кубани и Лабѣ, а 418 тысячъ эмигрировали въ Турцію [1]). Кавказъ былъ покоренъ...

---

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло 2-го отд. генер. шт. 1864 г., № 77. Отчетъ о военныхъ дѣйствіяхъ ген.-ад. графа Евдокимова отъ 21 іюля 1864 г., № 958.

Глава III.

Развитіе административныхъ учрежденій на Кавказѣ. Кнорринтъ и организація управленія Грузіей. Несогласованіе правительственныхъ учрежденій съ духомъ и понятіями народа. Дѣятельность кн. Цицianова по гражданскому управленію. Управленіе Имеретіей. Присоединеніе въ 1828 году ханствъ Эриванскаго и Нахичеванскаго; въ 1829 году—Ахалцихской провинціи. Устройство управленія въ мусульманскихъ частяхъ края. Предположенія гр. Паскевича о системѣ управленія Кавказомъ. Сенаторъ Ганъ и реформа 1840 года. Мнѣніе барона Корфа объ управленіи Кавказомъ въ первой половинѣ XIX вѣка. Первый Намѣстникъ Кавказа князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ. Рескриптъ императора Николая I. Права и власть Намѣстника. Административныя преобразованія. Общая характеристика дѣятельности кн. Воронцова. Назначеніе князя Барятинскаго. Временное отдѣленіе по дѣламъ устройства края. Положеніе о Главномъ управленіи Намѣстника. Пять спеціальныхъ департаментовъ. Финансы.

Разсмотримъ теперь развитіе административныхъ учрежденій на Кавказѣ.

Пока русскія владѣнія на Кавказѣ ограничивались поселеніями по Тереку, они входили въ составъ Астраханской области. Съ устройствомъ при императрицѣ Екатеринѣ II сплошной Кавказской линіи западная ея часть, отъ Азовскаго моря до Усть-Лабы, составляла территорію Черноморскаго казачьяго войска, а остальная часть, до Каспійскаго моря и къ сѣверу до Маныча, составляла Кавказскую область, которая, смотря по обстоятельствамъ, то соединялась съ Астраханскою областью, то являлась какъ самостоятельная губернія.

Манифестами императоровъ Павла I отъ 18-го января 1801 года и Александра I отъ 12-го сентября того же года Грузія добровольно *присоединена* къ Россіи. Генералу Кнорринту, назначенному главнокомандующимъ, было повелѣно обнародовать манифестъ о присоединеніи грузинскаго царства къ

имперіи и постановленія внутренняго управленія Грузіей, а вмѣстѣ съ тѣмъ выработать для земской и городской полиціи такія правила, которыя безъ особенныхъ чувствительныхъ перемѣнъ приблизили бы грузинское населеніе къ общегосударственному порядку. Главнокомандующему поручалось также по своему выбору укомплектовать присутственныя мѣста и другія учрежденія чиновниками, которые имѣли бы всѣ нужныя свойства для того, чтобы не только могли управлять новыми подданными, но и заставить полюбить новое управленіе.

Подготовительныя работы по введенію новаго порядка въ Грузіи и вызовъ изъ Россіи опытныхъ чиновниковъ, посредствомъ которыхъ должна была двинуться многосложная машина организованной администраціи, отсрочили объявленіе какъ манифеста, такъ и постановленія о внутреннихъ учрежденіяхъ. Только 9-го апрѣля 1802 года генералъ Кноррингъ въ сопровожденіи правителя Грузіи Коваленскаго и вызванныхъ изъ Россіи чиновниковъ прибылъ въ Тифлисъ. 12-го апрѣля послѣдовало обнародованіе манифеста и принятіе присяги, а 8-го мая учрежденія открыли свои дѣйствія.

Кноррингу было присвоено званіе *главноуправляющаго* Грузіей и командира отдѣльнаго грузинскаго корпуса. Въ помощь ему, собственно по управленію Грузіей и для замѣны главноуправляющаго въ случаѣ его отсутствія, назначенъ *тифлисскій военный губернаторъ*. Мѣстное управленіе поручено *правителю Грузіи* и особому установленію, названному *Верховнымъ грузинскимъ правительствомъ*. Это центральное учрежденіе находилось подъ предсѣдательствомъ главноуправляющаго и состояло изъ 4-хъ экспедицій: для дѣлъ исполнительныхъ, дѣлъ казенныхъ и экономическихъ, дѣлъ уголовныхъ и дѣлъ гражданскихъ. Правитель Грузіи, начальники и совѣтники экспедицій были членами Верховнаго правительства.

Исполнительная экспедиція, подъ предсѣдательствомъ правителя Грузіи, дѣйствовала по правиламъ губернскихъ пра-

вленій; казенная, уголовная и гражданская—на основаніи правилъ, постановленныхъ въ общихъ законахъ объ этихъ палатахъ съ тѣми лишь отличіями, которыя главноуправляющій и правитель признали бы нужными ввести въ Грузіи по соображенію съ мѣстными условіями страны. Въ этихъ экспедиціяхъ предсѣдательствовали русскіе чиновники; совѣтники же вообще экспедицій назначались частью изъ русскихъ чиновниковъ, частью изъ грузинскихъ князей и дворянъ. Начальники и члены всѣхъ экспедицій составляли, подъ предсѣдательствомъ главноуправляющаго или же правителя, общее собраніе Верховнаго грузинскаго правительства, которое принимало апелляціонныя жалобы на дѣйствія экспедицій и большинствомъ голосовъ рѣшало дѣла окончательно. Однако занятія этого общаго собранія были вскорѣ ограничены разсмотрѣніемъ однихъ лишь дѣлъ о дворянствѣ.

Низшія инстанціи мѣстнаго управленія собственно въ Грузіи были учреждены примѣнительно къ существовавшимъ тогда во внутреннихъ губерніяхъ. Грузія была раздѣлена на пять уѣздовъ: три въ Карталиніи и два въ Кахетіи съ учрежденіемъ въ каждомъ уѣздѣ суда и управы земской полиціи и съ присвоеніемъ правъ и обязанностей: судамъ—уѣздныхъ судовъ, а управамъ—нижнихъ земскихъ судовъ. Въ каждомъ уѣздномъ городѣ назначенъ казначей и комендантъ изъ русскихъ и помощникъ коменданта изъ грузинскихъ дворянъ. Въ частяхъ же Грузіи, населенныхъ иноплеменными народами, открыты дистанціи съ назначеніемъ въ нихъ приставовъ или моуравовъ изъ грузинскихъ князей на правахъ капитанъ-исправниковъ и помощниковъ къ нимъ изъ русскихъ чиновниковъ.

Дѣла гражданскія производились по грузинскому уложенію царя Вахтанга VI „яко по коренному грузинскому закону“ и грузинскимъ обычаямъ; въ случаѣ же недостатка и неполноты мѣстныхъ законовъ руководствовались соотвѣтствующими русскими; уголовныя дѣла рѣшались по общимъ

дѣйствовавшимъ въ Россіи узаконеніямъ. Главноуправляющему и правителю Грузіи въ порядкѣ примѣненія русскихъ законовъ предоставлено было допускать измѣненія сообразно понятіямъ народа, однако не иначе, какъ съ Высочайшаго каждый разъ утвержденія. Главнокомандующему вмѣстѣ съ правителемъ Грузіи надлежитъ сообразить эти законы съ „умоначертаніемъ народа и представить мнѣніе свое на Всевысочайшее усмотрѣніе“ [1]).

Независимо злоупотребленій, допущенныхъ съ самаго начала правителемъ Грузіи Коваленскимъ и подвѣдомственными ему чиновниками, злоупотребленій въ высшей степени явныхъ и вызвавшихъ общій ропотъ и негодованіе народа, новое правленіе никого не могло удовлетворить главнымъ образомъ потому, что благимъ намѣреніямъ, высказаннымъ въ манифестѣ 12 сентября, были противопоставлены такія обстоятельства, которыя при устройствѣ правленія не были приняты во вниманіе. Учрежденіе экспедицій и земскихъ судовъ со всею формальностью присутственныхъ мѣстъ въ Россіи, переносъ дѣлъ по инстанціямъ и направленіе ихъ въ разныя учрежденія, все это было чуждо и крайне обременительно для народа, который не привыкъ къ такому медленному процессу, для котораго слово „законъ“ и не могло имѣть общепринятаго въ Россіи значенія, такъ какъ онъ искалъ суда не въ судѣ, но у начальника, власть котораго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уваженіе къ нему соразмѣрялъ съ важностью занимаемаго званія. Слабая сторона управленія заключалась также въ обоюдномъ незнаніи языковъ между чиновниками какъ высшихъ, такъ и низшихъ учрежденій; вслѣдствіе совершеннаго недостатка переводчиковъ члены присутственныхъ мѣстъ изъ грузинъ въ рѣшеніи дѣлъ не могли принимать участія, а подписывали лишь приговоры, не зная ихъ содержанія. Дѣла

[1]) Акты кавказской археографической комиссіи, т. I, № 550. Высочайше утвержденное 12 сентября 1801 года. „Постановленіе внутренняго въ Грузіи управленія.“

въ Верховномъ правительствѣ рѣшались окончательно безъ права на дальнѣйшую апелляцію и законы подвергались измѣненію по произволу того же Верховнаго правительства. Производство гражданскихъ дѣлъ по Вахтанговому уложенію и грузинскимъ обычаямъ соблюдаемо быть не могло, потому что не было составлено соотвѣтствующаго руководства; между тѣмъ какъ чиновники, не только стоявшіе близко къ народу, на обязанность которыхъ возлагались полицейскій судъ и расправа, но и занимавшіе высшія мѣста, не имѣли понятія ни объ уложеніи Вахтанга, ни о туземныхъ обычаяхъ и вовсе не знали языка, духа и характера управляемаго населенія [1]).

Мы уже знаемъ, что для успокоенія Грузіи императоръ Александръ I назначилъ главнокомандующимъ кн. Циціанова. Въ рескриптѣ на его имя заключались, между прочимъ, слѣдующія указанія на счетъ общаго образа дѣйствій главнаго начальника края: „.....Что касается до горскихъ народовъ, то едва ли не лучшею или не коренною политикою нашею существовать должно, дабы отвращать между ними всякое единомысліе.....“ въ другомъ мѣстѣ: „Если свойственно горскимъ народамъ покушаться на всякія хищничества, то съ другой стороны, по свѣдѣніямъ довольно достовѣрнымъ, нельзя оправдать, кажется, и поступковъ съ ними разныхъ чиновниковъ и жителей нашихъ, позволявшихъ себѣ нерѣдко отгонять ихъ скотъ и дѣлать имъ и другія притѣсненія, отвлекавшихъ ихъ отъ насъ и истреблявшихъ всякую довѣренность...“ Въ приведенныхъ словахъ уже и тогда обнаруживалась одна изъ причинъ, которая не мало вліяла на столь продолжительную враждебность къ правительству горскихъ народовъ.

Циціановъ засталъ страну въ положеніи полной анархіи. Всѣ невыгоды и недостатки введеннаго въ Грузіи правленія нагляднѣе всего онъ выразилъ въ докладѣ государю.

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло времен. отд. по дѣламъ устройства края 1861 г., № 68, связка 2683. Историческая записка тифлисскаго гражданскаго губернатора д. с. с. Орловскаго отъ 6 февраля 1861 года.

„Сколько препонъ,—всеподданнѣйше доносилъ онъ,—въ судопроизводствѣ гражданскомъ, сколько странныхъ распрей между князьями грузинскими и капитанъ-исправниками единственно оттого, что они привыкли размѣрять важность начальства по важности лица ими повелѣвающаго; что слово „законъ“ не имѣетъ для нихъ никакого смысла и что они стыдятся повиноваться капитанъ-исправнику, родомъ и чиномъ незнатному. Для нихъ все странно, для насъ все ново; недостатокъ переводчиковъ усугубляетъ затрудненіе—судья и проситель не понимаютъ другъ друга и оба остаются недовольными.... Я думаю, что законы долженствуютъ изгибаться по нравамъ, ибо сіи послѣдніе едиными вѣками переломляются“[1]).

Несмотря на это, порядокъ управленія оставался неизмѣненнымъ. Хотя еще ранѣе Коваленскій предлагалъ нѣкоторыя мѣры въ отношеніи устраненія стѣснительныхъ формъ судопроизводства, уничтоженія излишнихъ инстанцій, однако Ціціановъ, соглашаясь вполнѣ въ необходимости такихъ мѣръ, не рѣшался измѣнить недавно введеннаго порядка управленія; онъ утверждалъ, что насколько удобно было при самомъ открытіи русскаго правительства въ Грузіи дать соотвѣтствующее съ мѣстными обычаями правленіе, настолько затруднительно и неприлично черезъ годъ находить его неудовлетворительнымъ, отчего могло произойти сильное колебаніе въ умахъ народа; между тѣмъ какъ нельзя было ручаться, что предлагаемыя перемѣны могли послужить къ лучшему. Впрочемъ одною изъ главныхъ причинъ нерѣшительности кн. Ціціанова въ измѣненіи порядка управленія были также и войны, возникшія для защиты Грузіи отъ внѣшнихъ враговъ; Ціціановъ нашелъ возможнымъ только возвысить должности уѣзднаго начальника, оставшагося при прежнихъ правахъ и обязанностяхъ, поставилъ главнаго начальника въ уѣздѣ подъ назва-

[1]) Акты кавказской археографической комиссіи т. II, № 65. Всеподданнѣйшій рапортъ кн. Ціціанова отъ 19 февраля 1804 года.

ніемъ окружнаго. Власть окружнаго начальника въ уѣздѣ должна была простираться на земскую и городскую полицію, равнымъ образомъ и на судопроизводство уѣзднаго суда, въ которомъ онъ былъ предсѣдателемъ. Уѣздныя мѣста безпрекословно исполняли всѣ предложенія окружнаго начальника, но имѣли право, въ случаѣ противозаконныхъ его дѣйствій, входить съ представленіемъ въ Верховное правленіе, къ правителю Грузіи, или главнокомандующему. Экспедиціи уголовную и гражданскую Циціановъ соединилъ въ одну, подъ названіемъ суда и расправы. Къ моуравамъ назначены по одному переводчику. Для облегченія просителей дозволено подавать прошенія во всѣ присутственныя мѣста не по формѣ, а на своемъ природномъ языкѣ [1]). Правитель Грузіи переименованъ въ гражданскаго губернатора. Эта реформа грузинскаго правительства была утверждена указомъ 13 мая 1805 года [2]) и въ главныхъ чертахъ сохранилась до 1840 года.

Во всѣхъ же вновь присоединенныхъ провинціяхъ Циціановъ дѣлалъ попытки сообразовать новыя формы правленія съ мѣстными условіями и понятіями населенія.

Такъ въ Мингреліи, Имеретіи оставлено все управленіе на прежнихъ основаніяхъ; въ мусульманскихъ провинціяхъ попрежнему ханы и владѣтели полновластно распоряжались своими наслѣдственными удѣлами; правительство не вмѣшивалось во внутреннія дѣла вассаловъ, ограничивъ лишь ихъ власть запрещеніемъ примѣнять суровыя уголовныя наказанія и истязанія.

Заслуги кн. Циціанова передъ государствомъ неоцѣнимы. Постоянною его цѣлью было доставить Россіи отъ обладанія Грузіей всевозможныя выгоды. Веденныя имъ войны и искусная политика пріобщили къ имперіи плодороднѣйшія провинціи. По части внутренняго управленія краемъ Циціановъ

[1]) Тамъ же.

[2]) Полное Собраніе Законовъ т. XXVIII, №. 21753.

прежде всего позаботился о привлеченіи безкорыстныхъ чиновниковъ, чѣмъ прекратилъ много злоупотребленій. Циціановымъ, какъ указано выше, облегчено въ Грузіи судопроизводство; грузинскому дворянству исходатайствовано право опредѣлять своихъ сыновей въ русскія военно-учебныя заведенія; учреждено благородное училище въ Тифлисѣ; возстановлена заведенная еще царемъ Ираклiемъ, но разоренная Ага-Магометъ-ханомъ, типографія; снабженъ край на доступныхъ народу языкахъ изданными книгами; доставлены Грузіи средства имѣть свѣдущихъ врачей; испрошено разрѣшеніе на устройство въ Тифлисѣ аптеки и ботаническаго сада; для защиты торговли на Каспійскомъ морѣ приняты надежныя мѣры; предположено завести въ краѣ разныя фабрики и заводы и составлено еще много полезныхъ проектовъ, исполненіе которыхъ остановила внезапная смерть Цицiанова.

Послѣ смерти Цицiанова два генерала оспаривали другъ у друга право командованія; распоряженія одного смѣнялись другимъ; никто не зналъ кому повиноваться и противорѣчащія приказанія двухъ властей, представляя рѣдкій примѣръ безначалія, открывали неблагонамѣреннымъ людямъ легкій способъ угнетать народъ.

Тѣ же самыя внѣшнія войны не давали возможности и преемникамъ Цицiанова заняться надъ внутреннимъ устройствомъ края.

(Въ теченіе 10-ти лѣтъ послѣ Цицiанова на Кавказѣ смѣнились четыре главнокомандующіе—графъ Гудовичъ, ген. Тормасовъ, маркизъ Паулуччи и генералъ Ртищевъ.) При каждомъ новомъ назначеніи императоръ Александръ I вспоминалъ Цицiанова, признавая его незамѣнимымъ.

Дѣлались попытки къ упрощенію формъ дѣлопроизводства; однако полицейское и судебное управленіе, не соотвѣтствуя „умоначертанію“ народному, продолжало служить источникомъ всеобщаго ропота.

Въ іюнѣ 1806 года грузинскіе князья, которымъ Багратіонъ прислалъ увѣщаніе хранить вѣрность государю императору, послали ему въ отвѣтъ слѣдующее коллективное письмо: „Мы желаемъ служить россійскому императору до пролитія капли крови, но нижайше просимъ: 1) суду быть въ Грузіи по здѣшнему обычаю, поелику не вѣдаемъ ни россійскаго языка, ни законовъ; 2) князьямъ, во взаимность услугъ ихъ, пожалованы моуравства надъ казенными селеніями, и быть имъ въ семъ вѣчно, а потому не нужны капитанъ-исправники; 3) съ вора взыскивать по закону царя Вахтанга, а не предавать уголовному сужденію, отчего общество много терпитъ“ [1]).

Еще болѣе опредѣленно выражены нужды грузинъ во всеподданнѣйшемъ прошеніи кахетинскихъ и карталинскихъ князей и дворянъ, представленномъ дворянскимъ собраніемъ 8-го февраля 1810 года: „Чувствуя милосердіе и человѣколюбіе Вашего Императорскаго Величества, осмѣливаемся, какъ вѣрноподданые, припадая къ священнымъ стопамъ Вашимъ, всеподданнѣйше просимъ воззрѣть на сіе моленіе наше и не отринуть сей нашей просьбы. Въ судебныхъ рѣшеніяхъ письмоводители рядомъ съ законами царя Вахтанга изображаютъ блаженной памяти предковъ Вашихъ императорскіе указы, кои намъ вовсе неизвѣстны. Сіе смѣшеніе разныхъ указовъ въ гражданскихъ собственныхъ нашихъ дѣлахъ помрачаетъ разумъ нашъ и вводитъ насъ въ великое стѣсненіе. Почему просимъ поставить съ нашей воли выбранныхъ нами судей, кои, слѣдуя законамъ царя Вахтанга, не продолжая суда съ года на годъ, будутъ рѣшать дѣла на грузинскомъ языкѣ; а суду уголовному никто бы не могъ быть предаваемъ, какъ только измѣнники и смертоубійцы. Еще просимъ, дабы не лишали насъ моуравствъ, пріобрѣтенныхъ нами отъ царей во

[1]) Акты кавказской археографической комиссіи т. III, № 6.

взаимность службы, такъ какъ моуравы были полезны мужикамъ: не только защищали ихъ и никому не давали въ обиду, но и пресѣкали между ними споры, чѣмъ избавляли ихъ отъ дальнихъ волокитъ въ судѣ и убытковъ“ [1]).

Тормасовъ вполнѣ сознавалъ справедливость этихъ заявленій, а управленіе данное имъ Имеретіи болѣе согласовалось съ потребностями населенія.

Съ 1804 по 1810 годъ Имеретія управлялась своимъ царемъ и русское правительство почти не вмѣшивалось въ его распоряженія. Въ 1810 году Соломонъ, послѣ неудачной попытки поднять народъ противъ русскихъ, бѣжалъ въ Турцію. Было рѣшено Имеретію принять въ непосредственное русское управленіе.

Указомъ 19-го апрѣля 1811 года Имеретія переименовалась въ область съ раздѣленіемъ на шесть округовъ: Кутаисскій, Ваканскій, Рачинскій, Сачхерскій, Чхерскій и Багдатскій. Областнымъ городомъ назначенъ Кутаисъ. Общая власть вручена правителю области и при немъ учреждено областное правленіе, которое состояло изъ трехъ экспедицій: исполнительной, казенной и суда и расправы.

Областное правленіе состояло, подъ предсѣдательствомъ правителя, изъ трехъ совѣтниковъ—русскихъ чиновниковъ, которые въ помощь себѣ имѣли по два ассесора изъ имеретинскихъ князей. Общее собраніе правленія составлялось изъ правителя и трехъ совѣтниковъ, но въ случаѣ необходимости правитель могъ приглашать въ засѣданія и ассесоровъ экспедицій, а также постороннихъ лицъ изъ имеретинскихъ князей и дворянъ.

Въ области были также учреждены: Приказъ общественнаго призрѣнія, почтовая контора, врачебная управа и таможенная контора, въ которой, подъ управленіемъ директора

[1]) Тамъ же, т. IV, № 21.

изъ имеретинскихъ князей, состояли цольнеръ изъ русскихъ чиновниковъ и два комиссара изъ имеретинскихъ дворянъ; учреждены также должности областного землемѣра и коменданта.

Въ каждый округъ области назначенъ окружной начальникъ изъ штабъ-офицеровъ, въ помощь которому опредѣлялись два засѣдателя изъ имеретинскихъ князей или дворянъ по выбору общества того же округа. Окружные начальники должны были по управленію ввѣренныхъ имъ частей руководствоваться инструкціей, изданной для земскихъ исправниковъ.

Экспедиція суда и расправы вѣдала гражданскія и уголовныя дѣла; первыя должны были производиться по законамъ царя Вахтанга, и въ нѣкоторыхъ только случаяхъ—по русскимъ законамъ; уголовныя дѣла разбирались по русскимъ законамъ съ представленіемъ приговоровъ по дѣламъ князей и дворянъ, когда они подвергались лишенію жизни или чести, правителю. Подобныя дѣла съ мнѣніемъ правителя восходили черезъ главноуправляющаго на усмотрѣніе Верховной власти [1]).

Разбирая данное Имеретинской области устройство, легко замѣтить цѣль правительства: принимая въ непосредственное управленіе бывшее царство, оно хотѣло привлечь къ себѣ высшій класъ ея, назначивъ въ составъ какъ областнаго, такъ и окружныхъ управленій чиновниковъ изъ мѣстныхъ князей и дворянъ; а правителю области предоставило право для обсужденія нуждъ населенія приглашать въ общее собраніе и постороннихъ лицъ того же сословія.

Правители Имеретіи и помощники ихъ по управленію областью, совѣтники экспедицій и окружные начальники, имѣя для руководства съ одной стороны Положеніе 19 апрѣля, а съ другой—законы царя Вахтанга и мѣстные обычаи, во многихъ случаяхъ неизбѣжно подчинялись вліянію чиновни-

[1]) Высочайше утвержденное 19-го апрѣля 1811 г. Положеніе объ управленіи Имеретинскою областью.

ковъ изъ имеретинъ. Несомнѣнно, что при такомъ порядкѣ и само населеніе, видя предпочтеніе, оказываемое правительствомъ высшему сословію, привыкло для разрѣшенія своихъ нуждъ обращаться непосредственно къ этимъ довѣреннымъ лицамъ и они пріобрѣтали все большее и большее значеніе въ административномъ управленіи областью [1]).

Туркменчайскій трактатъ предоставилъ Россіи въ 1828 году ханство Эриванское и Нахичеванское. Провинціи эти получили общее названіе Армянской области и подраздѣлены на округа, которые въ свою очередь дѣлились на магалы. Областной начальникъ изъ военныхъ генераловъ предсѣдательствовалъ въ областномъ правленіи, которое вѣдало исполнительною и судною частью; по хозяйственной части распоряжалось управленіе по сборамъ податей и повинностей. Частное управленіе Эриванскою провинціей состояло изъ провинціальнаго суда, четырехъ окружныхъ начальниковъ и городской полиціи. Судъ учрежденъ по образцу уѣздныхъ судовъ имперіи. Окружнымъ начальникамъ подчинялись распоряжавшіеся по магаламъ наибы. Кочующіе народы управлялись двумя султанами. Нахичеванская провинція по части судной управлялась провинціальнымъ судомъ, а по хозяйственной—городовымъ казначействомъ; исполнительная и полицейская часть находилась въ вѣдѣніи наибовъ, при которыхъ состоялъ приставъ изъ русскихъ чиновниковъ.

Пріобрѣтенная въ 1829 году по Адріанопольскому трактату Ахалцихская провинція раздѣлена на 10 санджаковъ. Главное управленіе сосредоточивалось во временномъ правленіи, подъ предсѣдательствомъ начальника изъ военныхъ штабъ-офицеровъ. Въ зависимости отъ него находились коменданты, управлявшіе санджаками. Въ Ахалцихѣ учреждена на общемъ основаніи городская полиція.

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцел. начальн. главн. управл. 1869 г. № 70, связка 5284. Историческая справка объ Имеретіи въ Всеподданнѣйшемъ отчетѣ кутаисскаго губернатора за 1868 годъ.

Мусульманскія провинціи вообще управлялись военно-окружными начальниками и подраздѣлялись на магалы. Частное же управленіе каждой провинціи составляли: комендантъ, при которомъ находился помощникъ (тоже изъ военныхъ,) полицеймейстеръ и помощникъ (оба изъ татаръ) и смотритель за хозяйствомъ провинціи или казенный экономъ, наблюдавшій за конфискованными отъ бековъ имѣніями; наконецъ, провинціальное казначейство и провинціальный судъ, въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ коменданта, присутствовали четыре засѣдателя: два изъ бековъ и два изъ низшаго сословія, при чемъ одинъ избирался изъ татаръ, другой изъ армянъ. Внутреннее полицейское управленіе было предоставлено магальнымъ наибамъ на такомъ же основаніи, какъ оно существовало при ханахъ: наибъ въ своемъ магалѣ былъ тоже, что чиновникъ земской полиціи въ уѣздѣ.

Такимъ образомъ Закавказскія владѣнія въ царствованіе императора Николая I, съ 1829 года, въ административномъ отношеніи были раздѣлены на слѣдующія части:

1) Собственно Грузія (6 уѣздовъ).

2) Пять ея татарскихъ дистанцій (Борчалинская, Казахская, Шамшадильская, Помбакская и Шурагельская).

3) Семь провинцій: Карабахская, Шекинская, Ширванская, Бакинская, Кубинская, Дербентская и Ахалцихская.

4) Четыре области: Имеретія, Мингрелія, Гурія и Армянская.

5) Ханство Талышинское.

6) Земли разныхъ горскихъ народовъ вдоль главнаго Кавказскаго хребта и земля Джарскаго вольнаго общества, изъ которой была образована Джаро-Белоканская область.

Сверхъ того подъ надзоромъ русскихъ властей управлялись собственными владѣтелями: Абхазія и Сванетія, а въ Дагестанѣ — шамхальство Тарковское и ханства Казикумухское, Аварское и Мехтулинское.

Изложенное выше устройство Закавказья носило въ себѣ характеръ непрочности, тѣмъ болѣе, что первые главноуправляющіе въ Грузіи, отвлекаемые военными дѣйствіями, вполнѣ предоставляли дѣло управленія краемъ правителямъ и частнымъ начальникамъ, руководствовавшимся не положительными законами, а собственнымъ усмотрѣніемъ. Такое положеніе дѣлъ, сопровождавшееся многими злоупотребленіями, вызвавшее во всѣхъ слояхъ населенія сильное неудовольствіе противъ правительства, обратило на себя вниманіе графа Паскевича. Онъ убѣдился въ неудовлетворительности главныхъ основъ, по которымъ управлялась Грузія и пришелъ къ заключенію, что безъ примѣненія коренной реформы трудно и невозможно будетъ достигнуть гражданскаго благоустройства въ краѣ.

Во всеподданнѣйшемъ своемъ рапортѣ отъ 24 апрѣля 1830 года фельдмаршалъ, между прочимъ, доносилъ: „Вездѣ учрежденія временныя; странная смѣсь россійскаго образа правленія съ грузинскимъ и мусульманскимъ; нѣтъ единства ни въ формахъ управленія, ни въ законахъ, ни въ финансовой системѣ. Отъ сего происходитъ, кромѣ запутанностей и неудобствъ, еще другой немаловажный вредъ. Народъ, видя одни временныя распоряженія, пріучается сомнѣваться въ прочности нашего правленія и не довѣрять самымъ благодѣтельнымъ мѣрамъ правительства, не понимая обстоятельствъ, препятствовавшихъ по сіе время къ исцѣленію сего гражданскаго недуга.“ Лучшимъ средствомъ для устраненія указанныхъ неудобствъ графъ Паскевичъ полагалъ отъ введенія во всѣхъ Закавказскихъ провинціяхъ россійскаго образа управленія и законовъ и отмѣны военнаго суда въ гражданскихъ дѣлахъ. Существенная выгода отъ новаго порядка заключалась, по мнѣнію фельдмаршала, въ томъ, что „жители будутъ болѣе сближаться съ Россіей. Находясь подъ покровительствомъ однихъ законовъ, пользуясь одинаковыми преимуществами, они менѣе будутъ отчуждены отъ про-

чихъ частей государства; между тѣмъ какъ нынѣ старые обычаи, образъ прежняго управленія и тотъ же порядокъ—все напоминаетъ имъ отдѣльное ихъ существованіе и различіе отъ россіянъ."

Предусматривая возраженія, которыя могли быть выставлены противъ предлагаемыхъ мѣръ, что формы русскаго судопроизводства сопряжены съ большою медленностью и что по характеру и нравамъ кавказскихъ народовъ для нихъ необходимы мѣры скорыя и сильныя, т. е. управленіе военное, графъ Паскевичъ доносилъ: „надлежитъ прежде всего стараться приблизить народъ къ общему духу россіянъ. Что же можетъ распространить рѣшительное вліяніе на ихъ характеръ, какъ не правленіе. Мѣра эта будетъ начальнымъ основаніемъ образованія народнаго и вскорѣ сдѣлаетъ его способнымъ воспользоваться вполнѣ преимуществами нашего гражданскаго порядка."

Фельдмаршалъ указывалъ, что военное управленіе замедляетъ образованіе и ходъ просвѣщенія, „напротивъ того, управленіе гражданское скорѣе умягчитъ нравы и вѣрнѣе пріучитъ къ познанію взаимныхъ отношеній, общественныхъ обязанностей и законовъ. Теперь, кажется, наступило лучшее время для приведенія въ исполненіе вышеизложенныхъ мѣръ, когда побѣдоноснымъ оружіемъ Вашего Величества водворенъ миръ и введенію внутренняго устройства не препятствуютъ безпокойства внѣшнія" [1]).

Такого же мнѣнія держались и сенаторы, графъ Кутайсовъ и Мечниковъ, ревизовавшіе по Высочайшему повелѣнію Закавказскій край.

Проекты графа Паскевича, разсматривавшіеся сначала въ Государственномъ Совѣтѣ, а потомъ въ особомъ комитетѣ, не были, однако, осуществлены главнымъ образомъ потому,

[1]) Акты кавказской археографической комиссіи т. VII, № 47. Всеподданнѣйшій рапортъ графа Паскевича отъ 24 апрѣля 1830 года, № 4.

что вновь назначенный въ Грузію баронъ Розенъ отвергалъ возможность введенія въ Закавказьѣ русскаго гражданскаго управленія и ходатайствовалъ объ оставленіи на время, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ областяхъ, военнаго управленія. Всѣ возникшія по этому вопросу соображенія и предположенія какъ самого фельдмаршала и ревизовавшихъ край сенаторовъ, такъ равно мнѣнія Государственнаго Совѣта по департаменту законовъ, Комитета министровъ и главноуправляющаго Грузіей барона Розена были обсуждены въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта.

Въ виду разнообразныхъ взглядовъ на этотъ предметъ, правительство нашло необходимымъ предпринять мѣстныя изысканія. Эти занятія, по Высочайшему повелѣнію 17 марта 1837 года, возложены на особую комиссію, подъ предсѣдательствомъ барона Гана, изъ 4-хъ членовъ отъ министровъ: военнаго, финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, и нѣсколькихъ чиновниковъ. Комиссія во всѣхъ отношеніяхъ подчинена комитету изъ 4-хъ министровъ. По преподанной инструкціи комиссія должна была произвести мѣстное обозрѣніе, обозначить раздѣленіе всего края на составныя части и опредѣлить въ подробности начала управленія, наиболѣе соотвѣтствующія для каждой провинціи; по соображеніи этихъ началъ съ прежними проектами комиссіи предоставлялось начертать планъ общаго учрежденія и съ заключеніемъ главноуправляющаго въ Грузіи представить въ комитетъ. Кромѣ того комиссіи поставлено въ обязанность составить особый проектъ о способахъ къ привлеченію на службу за Кавказъ надежныхъ чиновниковъ [1]).

Въ концѣ іюля 1837 года комиссія въ полномъ составѣ прибыла въ Тифлисъ и здѣсь открыла свои дѣйствія.

Прежде всего нельзя не указать, что самый выборъ предсѣдателя комиссіи оказался весьма неудачнымъ. Поруче-

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло времен. отд. по дѣламъ устройства края 1861 г., № 68, связка 2683. Историческая записка тифлисскаго губернатора д. с. с. Орловскаго отъ 6 февраля 1861 года.

ніе, возложенное на барона Гана, вовсе не соотвѣтствовало его способностямъ. „Баронъ Ганъ,—замѣчаетъ графъ Корфъ, хорошо и лично знакомый съ нимъ,—былъ настоящимъ выраженіемъ, настоящимъ типомъ современной эпохи. Съ большимъ образованіемъ, съ необыкновенною искательностью и еще большею ловкостью, съ особеннымъ даромъ пріятной бесѣды, онъ соединялъ въ себѣ все то, что въ человѣкѣ, посвятившемъ себя публичной жизни, составляетъ истинное искусство—стать выше толпы. Угодный всѣмъ высшимъ и сильнымъ, любимый всѣми равными, умѣвшій въ особенности снискать расположеніе къ себѣ старушекъ большого свѣта, которыя были всегда самыми жаркими его заступницами, Ганъ имѣлъ, однако, два важные недостатка. Съ одной стороны онъ былъ чрезвычайно надменъ съ людьми стоявшими ниже его, разумѣется, когда не было ему причины дорожить ихъ мнѣніемъ или ждать отъ нихъ чего либо въ будущемъ. Съ другой стороны, его никакъ нельзя было назвать человѣкомъ дѣловымъ: онъ зналъ многое въ теоріи, но очень мало былъ знакомъ съ практикою, и самая теорія его вращалась болѣе въ сферѣ западныхъ, несвойственныхъ намъ идей. Учившись въ Германіи и служивъ исключительно по дипломатической части въ Остзейскомъ краѣ, онъ былъ очень не свѣдущъ въ русскихъ законахъ и въ практикѣ дѣловой нашей жизни; самый языкъ нашъ онъ зналъ очень несовершенно и по всему направленію ума своего былъ болѣе способенъ къ дѣятельности придворной или дипломатической нежели къ законодательной и административной“ [1]).

[Прибывъ въ край, баронъ Ганъ вмѣсто изученія особенностей, нравовъ и обычаевъ разноплеменнаго Кавказа рѣшилъ немедленно приступить къ составленію проекта преобразованій по готовымъ русскимъ образцамъ.] Раздѣливъ край на двѣ губер-

[1]) Русская Старина 1900 г., т. 101. „Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

ніи, губерніи на уѣзды, а эти послѣдніе на участки и положивъ вездѣ присутственныя мѣста по образцу существовавшихъ во внутреннихъ губерніяхъ, Ганъ занялся составленіемъ таблицъ, актовъ и подробнѣйшаго положенія о правахъ и обязанностяхъ разныхъ должностныхъ лицъ и о порядкѣ дѣлопроизводства, пользуясь для того готовымъ текстомъ Свода Законовъ. Такой характеръ проекта вызвалъ протесты барона Розена, который, какъ главноуправляющій краемъ, долженъ былъ отстаивать интересы Кавказа. Отношенія между Розеномъ и Ганомъ обострились еще тѣмъ болѣе, что этотъ послѣдній, подъ видомъ ознакомленія съ мѣстными особенностями и нуждами, производилъ какъ бы сенаторскую ревизію, выслушивая и разбирая всякія жалобы, приносимыя ему на распоряженія мѣстныхъ властей [1]).

Осенью 1837 года императоръ Николай I посѣтилъ Тифлисъ. Ганъ воспользовался этимъ посѣщеніемъ въ своихъ интересахъ. Онъ рѣшился въ присутствіи Розена доложить государю о всѣхъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, какъ бы случайно обнаруженныхъ имъ при изученіи края. „Благородный Розенъ," какъ называлъ его впослѣдствіи Александръ II, неожидавшій ничего подобнаго, растерялся и не могъ дать государю необходимыхъ отвѣтовъ. Участь его была рѣшена: въ концѣ ноября 1837 года онъ былъ уволенъ отъ должности и на его мѣсто былъ назначенъ генералъ Головинъ.

Съ удаленіемъ Розена исчезло главное препятствіе къ осуществленію программы графа Паскевича. Баронъ Ганъ въ началѣ февраля 1838 года уже представилъ свой проектъ. Такая быстрота поразила всѣхъ. И особый комитетъ, и Государственный Совѣтъ, и баронъ Розенъ были убѣждены, что комиссіи на одинъ сборъ матеріаловъ и свѣдѣній потребуется нѣсколько лѣтъ. „Тѣ труды,—говоритъ по этому поводу графъ

[1]) Акты кавказской археографической комиссій т. VIII, № 57. Отношеніе барона Розена къ графу Чернышеву отъ 4-го ноября 1837 г., № 51.

Корфъ,—для которыхъ баронъ Розенъ признавалъ необходимымъ собрать разнородныя и многосложныя мѣстныя свѣдѣнія, и для которыхъ особый комитетъ и Государственный Совѣтъ предназначали весьма продолжительное время, труды эти совершены были людьми новыми, едва имѣвшими время взглянуть на мѣстность, столь отличающуюся отъ всѣхъ другихъ частей Россіи, менѣе нежели въ восемь мѣсяцевъ" [1]). Комиссія была закрыта и проектъ преобразованія переданъ на заключеніе генерала Головина, который не представилъ почти никакихъ возраженій и просилъ только объ увеличеніи окладовъ въ проектированныхъ штатахъ. Однако „Комитетъ объ устройствѣ Закавказскаго края" обратилъ вниманіе, что комиссія не выполнила самой важной задачи возложеннаго на нее порученія—согласовать предстоявшее преобразованіе съ мѣстными особенностями и нуждами населенія. Только въ концѣ 1839 года комитетъ, пользуясь пріѣздомъ Головина въ Петербургъ, предложилъ Гану передѣлать проектъ совмѣстно съ Головинымъ и членомъ комитета Позеномъ, руководствуясь слѣдующими началами, указанными главнымъ образомъ графомъ Киселевымъ.

1) Дать мѣстностямъ съ мусульманскимъ населеніемъ болѣе простое управленіе, не настаивая на раздѣленіи властей и примѣняясь къ дѣйствительнымъ нуждамъ и понятіямъ жителей.

2) Въ тѣхъ же провинціяхъ не торопиться введеніемъ россійскихъ законовъ, а правительственныхъ судовъ не учреждать вовсе, предоставивъ жителямъ въ тяжебныхъ дѣлахъ разбираться у полицейскихъ властей или въ словесныхъ народныхъ судахъ по своимъ законамъ и обычаямъ; а для суженія преступниковъ, подлежащихъ дѣйствію общихъ законовъ, учредить военно-судныя комиссіи, но при этомъ „въ опредѣленіи преступленій, подлежащихъ судебно-уголовному разбо-

[1]) Русская Старина 1900 г., т. 101. „Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа."

ру, допустить всѣ изъятія, необходимыя по мѣстнымъ обстоятельствамъ и примѣняясь къ правиламъ, постановленнымъ вообще для сужденія инородцевъ.

3) Въ прочихъ мѣстностяхъ съ христіанскимъ населеніемъ допустить въ дѣлахъ тяжебныхъ примѣненіе грузинскихъ законовъ и обычаевъ въ предѣлахъ крайне необходимыхъ и точно очерченныхъ."

Въ сущности эти замѣчанія Закавказскаго комитета не оставляли въ проектѣ Гана ни одной статьи; но онъ при помощи Позена исправилъ лишь нѣкоторыя частности проекта, а на всѣ остальныя, самыя важныя указанія комитета, возражалъ, что въ каждой мусульманской провинціи уже давно существуютъ русскіе городовые суды; что ни словесныхъ судовъ, ни судовъ медіаторскихъ тамъ почти не бываетъ; что упразднить русскіе суды значило бы сдѣлать шагъ назадъ по пути сближенія Закавказскаго края съ Россіей; что ропотъ и жалобы народа вызываетъ не судъ, а судебная волокита, обряды судопроизводства, несправедливости и злоупотребленія, смѣшеніе въ лицѣ комендантовъ власти судебной, полицейской и финансовой, а также поборы магальныхъ наибовъ и агаларовъ. Для устраненія всѣхъ этихъ неудобствъ Ганъ настаивалъ на необходимости учрежденія уѣздныхъ судовъ, апелляціонныхъ инстанцій, въ видѣ палаты гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, ревизіоннаго обжалованія судебныхъ рѣшеній, замѣны наибовъ и агаларовъ участковыми засѣдателями, однимъ словомъ всего того, что было предложено имъ въ проектѣ. Относительно русскихъ законовъ Ганъ объяснялъ, что „жителямъ мусульманскихъ провинцій вовсе не чужды понятія о выгодахъ нашего закона и они всегда готовы искать въ немъ правосудія. Мѣстныхъ же *законовъ и обычаевъ у нихъ вовсе нѣтъ*, ибо ханы управляли не по законамъ, а по произволу, милуя и карая только по своей прихоти" [1]).

[1]) „Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ" т. XII.

Всѣ эти возраженія Гана были слишкомъ голословны, такъ какъ Закавказскій комитетъ изъ поступавшихъ къ нему дѣлъ вполнѣ убѣждался въ несообразностяхъ предлагаемаго проекта, а въ послѣднемъ заявленіи Гана было совершенно забыто мусульманское право и многотомныя его толкованія, извѣстныя подъ названіемъ *шаріата*. Въ особенности критиковалъ проектъ графъ Киселевъ, который высказалъ, что „по его мнѣнію всѣ неустройства по части гражданскаго управленія за Кавказомъ происходятъ едва ли не отъ преждевременнаго введенія тамъ нашихъ законовъ, ибо законы каждой страны должны проистекать изъ элементовъ народной жизни и соотвѣтствовать всѣмъ его потребностямъ и отношеніямъ“ [1]).

Такимъ образомъ, несмотря на сильныя возраженія въ Петербургѣ, доводы Гана и Головина одержали верхъ и, по обсужденіи проекта новаго учрежденія въ Государственномъ Совѣтѣ, онъ былъ утвержденъ государемъ 10 апрѣля 1840 года.

На этомъ основаніи съ 1 января 1841 года должны были получить полное дѣйствіе слѣдующія законоположенія: 1) Учрежденія для управленія Закавказскимъ краемъ; 2) Штаты управленія; 3) Положеніе о городскомъ общественномъ управленіи въ Тифлисѣ; 4) Положеніе о комитетахъ земскихъ повинностей и 5) Положеніе о преимуществахъ чиновниковъ служащихъ за Кавказомъ [2]).

„Всѣ свѣдѣнія о Закавказскомъ краѣ и личныя мои наблюденія,—говорилось между прочимъ въ Высочайшемъ повелѣніи по этому поводу,—убѣждаютъ, что для благоустройства Закавказскаго края, во многихъ отношеніяхъ столь важнаго для Россіи, не достаетъ твердаго гражданскаго управленія, которое, основываясь на общихъ началахъ управленія внутреннихъ губерній, соотвѣтствовало бы въ подробностяхъ

[1]) Акты кавказской археографической комиссіи т. IX, № 23. Журналъ комитета объ устройствѣ Закавказскаго края отъ 22 января 1840 г., № 20.

[2]) 2-е Полное Собраніе Законовъ т. XV, № 13368.

особеннымъ обстоятельствамъ и гражданскому быту жителей за Кавказомъ. Я убѣжденъ, что условія сіи строго сохранены въ новыхъ проектахъ, составленныхъ послѣ многолѣтнихъ изысканій и согласно съ собственными вашими предположеніями; остается только желать, чтобы проекты сіи были приведены въ исполненіе во всемъ ихъ пространствѣ, со всею точностью и быстротою. Твердая и непремѣнная воля моя состоитъ въ томъ, чтобы вѣрноподданные мои за Кавказомъ воспользовались на самомъ дѣлѣ всѣми благими послѣдствіями моихъ попеченій и дарованнаго имъ промысломъ Божьимъ счастія принадлежатъ къ составу обширнаго царства русскихъ. Къ сей цѣли обязаны вы устремить всѣ ваши усилія“ [1]).

Для приведенія Положеній въ исполненіе, въ помощь Головину былъ назначенъ и самъ составитель преобразованій, Ганъ. „Послѣдній окружилъ себя цѣлымъ легіономъ молодыхъ людей изъ самыхъ аристократическихъ и сильныхъ нашихъ фамилій, отправлявшихся при немъ учиться, но болѣе еще— заимствоваться его счастьемъ. Сначала все шло въ добромъ порядкѣ и подъ личиною наружнаго согласія. Ганъ дѣйствовалъ съ обыкновенною своею ловкостью и изворотливостью, а Головинъ—съ робостью человѣка неопытнаго, малосвѣдущаго и при томъ неувѣреннаго въ своемъ положеніи“ [2]). Высшій надзоръ за введеніемъ реформы предоставлялся особому комитету.

Новое преобразованіе края, начатое съ Тифлиса, было повсемѣстно закончено къ 1 январю 1841 года; присутственныя мѣста открыты; чиновники, по выбору Гана, назначены; агалары, наибы и моуравы отъ управленія народомъ удалены; участковые засѣдатели вездѣ поставлены и даже разрѣшены

[1]) Акты кавказской археографической комиссіи т. IX, № 24. Высочайшее повелѣніе генер. Головину отъ 21 марта 1840 года.

[2]) Русская Старина 1900 г., т. 101. „Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. К. Корфа.“

нѣкоторые вопросы судебной практики: о сѣченіи розгами всѣхъ лицъ податного сословія, не исключая мусульманокъ, и о совершенной отмѣнѣ грузинскихъ законовъ, кромѣ двухъ статей—о канавахъ и о пропускѣ воды на поля и мельницы.

Окончивъ порученіе, Головинъ и Ганъ доносили государю: „..... Новое образованіе Закавказскаго края не есть для него только основа счастливой будущности: это есть полное зданіе, подъ кровомъ коего должны развиться могучія умственныя и нравственныя способности Закавказскихъ Вашихъ подданныхъ, также какъ богатство обитаемой ими страны и просвѣщеніе, незараженное нечистой примѣсью идей нашего вѣка. Огражденіе правъ личности и собственности, упроченное законностью и покровительствомъ учрежденій, о исполненіи коего станутъ пещись чиновники, щедро обезпеченные во всѣхъ своихъ нуждахъ, подъ руководствомъ бдительнымъ и твердымъ, заставитъ вскорѣ процвѣтать и принести плодъ: все, что есть источникомъ довольства и благоденствія. Такъ, государь, пора жатвы можетъ быть близка и время пожертвованій для Закавказья по гражданской части будетъ принадлежать исторіи“ [1]).

По новому учрежденію Закавказскій край, за исключеніемъ Абхазіи, Мингреліи и Сванетіи, управлявшихся своими владѣтелями, въ административномъ отношеніи раздѣлялся на двѣ части: западную подъ именемъ *Грузино-Имеретинской* губерніи, и восточную, получившую названіе *Каспійской* области. Дербентскій и Кубинскій уѣзды послѣдней по мѣстнымъ обстоятельствамъ были поставлены подъ управленіемъ Дербентскаго военно-окружнаго начальника, подчиненнаго непосредственно главноуправляющему.

Грузино-Имеретинская губернія съ губернскимъ городомъ Тифлисомъ составлена изъ 11-ти уѣздовъ и въ нихъ 44 участка;

[1]) Акты кавказской археографической комиссіи т. IX, № 33. Всеподданнѣйшій рапортъ генер. Головина и сенатора Гана отъ 2-го апрѣля 1841 г., № 246.

Каспійская область съ областнымъ городомъ Шемаха дѣлилась на 7 уѣздовъ.

Во главѣ управленія поставлены: 1) главноуправляющій, онъ же командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, съ правами генералъ-губернатора; 2) Тифлисскій военный губернаторъ, исполнявшій обязанности помощника главноуправляющаго и 3) Совѣтъ Главнаго Управленія, вѣдѣнію котораго подлежало разрѣшеніе наиболѣе важныхъ вопросовъ въ краѣ и контроль надъ всѣми низшими учрежденіями.

Губернскія учрежденія и уѣздныя управленія организованы на такихъ же основаніяхъ, какъ и во внутреннихъ губерніяхъ; всѣ они должны были дѣйствовать по общимъ законамъ имперіи, а сдѣланныя прежде для Закавказья изъятія изъ общихъ законовъ объявлены отмѣненными. Непосредственнымъ блюстителемъ народной жизни, проводникомъ культуры и исполнителемъ всѣхъ распоряженій администраціи и суда поставленъ полицейскій чиновникъ—участковый засѣдатель; онъ же производилъ слѣдствія по всѣмъ преступленіямъ и судилъ по маловажнымъ проступкамъ; главнѣйшая же его обязанность состояла въ наблюденіи за исправнымъ взносомъ податей и отправленіемъ всякаго рода повинностей.

Самыми существенными недостатками реформы 1840 года слѣдуетъ признать полное устраненіе земскаго элемента отъ управленія народомъ и введеніе совершенно чуждаго народной жизни суда.

Наиболѣе несоотвѣтствующей своему назначенію оказалась организація уѣздныхъ учрежденій. Участковыя управленія, составляя крайнее звено власти, непосредственно соприкасающееся съ интересами всѣхъ нуждъ народа, имѣли чрезвычайную важность, такъ какъ черезъ нихъ приводились окончательно въ исполненіе всѣ мѣры правительства, слѣдовательно отъ участковыхъ засѣдателей масса народонаселенія должна была пріобрѣтать увѣренность въ необходимости той или

другой правительственной мѣры. Но увѣренность такая могла прочно утвердиться не иначе, какъ законностью дѣйствій власти, имѣющей съ жителями прямыя и непосредственныя сношенія. Между тѣмъ чиновникъ съ удовлетворительными качествами принималъ мѣсто участковаго засѣдателя только въ крайней нуждѣ, такъ какъ опредѣленное отъ казны содержаніе не обезпечивало его жизни; сопряженная же съ званіемъ участковаго засѣдателя отвѣтственность, при недостаткѣ вообще средствъ канцеляріи къ успѣшному производству дѣлъ, невольно должна была страшить каждаго. На практикѣ оказывалось, что замѣщать должности участковыхъ засѣдателей достойными чиновниками, которые не увлекались бы предоставленной имъ властью надъ жителями, было весьма трудно, а полагаться на сомнительныя качества посредственныхъ чиновниковъ было вредно, такъ какъ вмѣсто охраненія личности и собственности, вмѣсто водворенія тишины и спокойствія, дѣятельность низшей инстанціи выражала чаще всего рѣзкое уклоненіе отъ прямого ея назначенія. Съ другой стороны допускаемыя въ участкахъ злоупотребленія не скоро доходили до высшихъ властей, а народъ не рѣшался жаловаться на засѣдателя, имѣвшаго всѣ средства угнетать его, вслѣдствіе полнаго отсутствія контроля надъ своими дѣйствіями [1]).

Новыя учрежденія вообще вызвали ропотъ и даже волненія. Въ Гуріи, Осетіи, Белоканахъ начались безпорядки. Шайки разбойниковъ свободно дѣйствовали повсюду въ краѣ. Завѣдомый преступникъ выходилъ изъ суда оправданнымъ за неимѣніемъ формальныхъ доказательствъ; до выполненія тѣхъ же формальностей оправданныхъ по суду приказано было держать въ тюрьмахъ. Жаловался народъ, жаловались чиновники и приходилъ въ отчаяніе самъ Головинъ.

---

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло времен. отд. по дѣламъ устройства края 1861 г., № 68, связка 2683. Историческая записка тифлисскаго губернатора д. с. с. Орловскаго отъ 6 февраля 1861 года.

Государь очень встревожился и для всесторонняго изслѣдованія причинъ неудовольствія командировалъ въ 1842 году на Кавказъ Позена, а вслѣдъ за нимъ и военнаго министра князя Чернышева съ большими полномочіями. Эти лица воочію убѣдились на какихъ шаткихъ основаніяхъ былъ построенъ правительственный механизмъ. Кромѣ того новый характеръ управленія затронулъ и самыя укоренившіяся исторически права того или другого слоя населенія. Грузинское дворянство жаловалось, что предпринятое правительствомъ изслѣдованіе объ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами велось крайне тенденціозно и чины администраціи поощряли крестьянъ къ неповиновенію къ своимъ владѣльцамъ. Дворянство представляло Чернышеву, что подобное направленіе вызвало повсемѣстное броженіе и крестьяне начали явно оказывать противодѣйствіе и отказывались выполнять самыя законныя требованія помѣщиковъ. Многочисленное сословіе агаларовъ и бековъ въ татарскихъ дистанціяхъ и мусульманскихъ провинціяхъ жаловалось на то, что правительство рѣшилось лишить ихъ права наслѣдственнаго управленія деревнями; наконецъ, масса населенія высказывала неудовольствіе на ограниченіе въ пользованіи по обычаю казенными угодьями и лѣсами.

Въ силу предоставленной власти кн. Чернышевъ, убѣдившись въ справедливости дошедшихъ до него заявленій, возстановилъ дѣйствіе обычнаго права по вышеуказаннымъ жалобамъ; нѣкоторыя же мѣстности Закавказскаго края изъялъ изъ гражданскаго управленія, подчинивъ ихъ военному начальству. На должности уѣздныхъ начальниковъ, взамѣнъ поставленныхъ Ганомъ чиновниковъ, Чернышевъ назначилъ строевыхъ штабъ-офицеровъ и предоставилъ исключительно имъ замѣщать по своему выбору всю администрацію въ уѣздѣ. Эти послѣднія распоряженія военнаго министра обусловливались главнымъ образомъ тѣмъ критическимъ положеніемъ, въ ко-

ромъ находилась страна въ началѣ сороковыхъ годовъ вслѣдствіе быстрыхъ успѣховъ религіозно-политическаго ученія мюридизма. На основаніи этихъ распоряженій въ составѣ Грузино-Имеретинской губерніи были допущены слѣдующія измѣненія:

Изъ горскихъ племенъ, разселенныхъ въ Телавскомъ, Тифлисскомъ и Горійскомъ уѣздахъ, образованы отдѣльные три округа, которые подчинены ближайшему надзору особыхъ окружныхъ начальниковъ, снабженныхъ при этомъ инструкціями, болѣе свойственными для управленія названными племенами. Образовавшіеся округа получили наименованіе: Тушино-пшаво-хевсурскаго, Горскаго и Осетинскаго. Округа подраздѣлены на участки, которыми завѣдывали помощники окружныхъ начальниковъ. По отдаленности горскихъ народовъ отъ губернскаго начальства главный надзоръ надъ всѣми округами ввѣренъ особому главному начальнику горскихъ народовъ. Затѣмъ Белоканскій уѣздъ, населенный лезгинскими племенамы, также переименованъ въ отдѣльный округъ.

Съ цѣлью возвысить въ глазахъ народа авторитетъ мѣстной полицейской власти и предоставить населенію болѣе скорое удовлетвореніе во взаимныхъ тяжбахъ была расширена власть окружныхъ, а также уѣздныхъ и участковыхъ управленій съ предоставленіемъ права окончательно рѣшать дѣла по спорамъ о денежныхъ обязательствахъ и по дѣламъ уголовнымъ: уѣзднымъ и окружнымъ начальникамъ до 100 рублей, а участковымъ засѣдателямъ—до 30 рублей [1]).

Въ томъ же 1842 году упразднено званіе Тифлисскаго военнаго губернатора, который былъ замѣненъ Начальникомъ гражданскаго управленія съ правомъ завѣдывать гражданскою частью въ Закавказьѣ на основаніи преподаннаго главноуправляющему Наказа.

---

[1]) Тамъ же.

Въ еще болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ послѣ преобразованій очутились Имеретія и Гурія. Выше уже было упомянуто, что правительство, желая облегчить управленіе этими провинціями, пользовалось широкимъ содѣйствіемъ высшаго класса и вообще земскимъ элементомъ, привлекая ихъ въ составъ областнаго и окружныхъ учрежденій. Но подобное усиленіе власти высшаго сословія, по мнѣнію барона Гана, не должно было входить въ виды правительства, и при общемъ преобразованіи гражданскаго управленія Имеретинская область и Гурія были упразднены. Онѣ были обращены въ уѣзды Грузино-Имеретинской губерніи. Мѣстная власть сосредоточилась также въ лицѣ уѣздныхъ начальниковъ и участковыхъ засѣдателей. Новый порядокъ, отдаливъ центральныя учрежденія на 200 верстъ, т. е. въ Тифлисъ, и въ то же время не давъ мѣстной администраціи никакой самостоятельности, съ самаго начала оказался неудовлетворительнымъ. Въ Гуріи вскорѣ поднялись безпорядки за обложеніе жителей земскими повинностями. Посланный съ войсками полковникъ кн. Аргутинскій-Долгоруковъ сумѣлъ мѣрами вразумленія безъ кровопролитія положить конецъ начавшемуся броженію [1]).

Неопредѣленность сословныхъ отношеній, неясность правъ собственности, медленность производства административныхъ и судебныхъ дѣлъ отражались самымъ невыгоднымъ образомъ на интересахъ населенія.

Въ 1841 году, когда были объявлены преимущества чиновникамъ русскаго происхожденія прибывающимъ на Кавказъ, они охотно устремились въ край. Многіе изъ нихъ совершенно не соотвѣтствовали важности дѣла, къ которому они призывались. Не давъ себѣ труда ознакомиться съ нравами и обычаями страны, по которымъ рѣшались всѣ гра-

---

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцел. начальн. главн. управл. 1869 г., № 71, связка 5284. Историческая справка объ Имеретіи въ Всеподданнѣйшемъ отчетѣ кутаисскаго губернатора за 1868 годъ.

жданскія дѣла, чиновники эти, считая себя несравненно выше туземцевъ, съ самаго начала пошли по ложному пути. Слѣдуя неуклонно тогдашней формалистикѣ, волнѣ чуждой населенію, они дѣйствовали въ ущербъ дѣлу, которое и такъ уже страдало отъ буквальнаго примѣненія общихъ законовъ въ вопросахъ совершенно своеобразныхъ и удовлетворительно разрѣшимыхъ только при знаніи мѣстнаго обычнаго права. Такимъ образомъ несоотвѣтствующій контингентъ чиновниковъ съ одной стороны уронилъ вѣру въ силу и справедливость рѣшеній мѣстной власти, а съ другой—содѣйствовалъ развитію въ народѣ изворотливости, сутяжничества и ухищреній въ толкованіи законовъ. Такъ напримѣръ, туземцы, вовсе незнакомые съ полицейскою давностью въ отношеніи пользованія землями, скоро усвоили въ чемъ дѣло и стали безпрестанно заводить споры объ этомъ' находя въ этомъ легкій способъ при всеобщей почти неопредѣленности поземельнаго владѣнія производить захваты земель. Уѣздные начальники были въ безпомощномъ положеніи, а высшая власть, находясь въ Тифлисѣ, въ свою очередь заваленная дѣлами, не могла принимать настойчивыхъ мѣръ къ достиженію порядка [1]).

Составленный Позеномъ обширный докладъ съ результатами по ревизіи края ужаснулъ императора Николая I. Позенъ откровенно признавался, что преобразованіе не было согласовано съ понятіями, вѣрованіями, обычаями и образомъ жизни населенія; что все управленіе заключалось въ одномъ только письмоводствѣ и, начиная съ высшихъ инстанцій до низшихъ, всѣ только безконечно пишутъ и пересылаютъ другъ другу формальныя бумаги; что медленное судопроизводство крайне обременяетъ жителей.

Вообще весь докладъ представилъ положеніе дѣлъ на Кавказѣ въ такомъ неудовлетворительномъ состояніи, что

[1]) Тамъ же.

вызвалъ слѣдующую резолюцію государя: „Нельзя безъ сожалѣнія читать: такъ искажаются всѣ благія намѣренія правительства тѣми лицами, на мнѣніе и опытность которыхъ, казалось, положиться можно было. Необходимо прежде всего предъявить сей рапортъ Комитету министровъ съ тѣмъ, чтобы всѣ члены убѣдились какъ въ пользѣ поѣздки вашей и С. С. Позена, такъ и въ непростительной неосновательности барона Гана, котораго надменность ввела правительство въ заблужденіе и принуждаетъ безотлагательно приступить къ отмѣнѣ еще столь недавно утвержденнаго“ [1]). Ближайшимъ результатомъ ревизіи было сосредоточеніе всѣхъ дѣлъ гражданскаго управленія въ особомъ комитетѣ „въ видахъ скорѣйшаго водворенія въ Закавказскомъ краѣ прочнаго устройства, соотвѣтствующаго обстоятельствамъ края и дѣйствительнымъ потребностямъ жителей“, а также въ VI отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи по дѣламъ Закавказья.

Дѣлая общую характеристику русскаго управленія Кавказомъ въ первой половинѣ XIX столѣтія, графъ Корфъ въ запискахъ своихъ, между прочимъ, говоритъ: „Борьба на Кавказѣ ознаменовала все почти царствованіе императора Николая не только рядомъ непрерывныхъ военныхъ дѣйствій, которыя, среди всѣхъ доблестныхъ подвиговъ и чудесъ храбрости, болѣе или менѣе состояли именно только въ борьбѣ, а не въ рѣшительномъ преобореніи, но и рядомъ непрерывныхъ переворотовъ въ лицахъ и въ учрежденіяхъ существовавшаго тамъ гражданскаго порядка. Проходили годы въ колебаніяхъ, опытахъ, соображеніяхъ, предположеніяхъ, и за всѣмъ тѣмъ, послѣ истекшихъ изъ нихъ мѣръ, когда все казалось уже рѣшеннымъ и оконченнымъ, дѣло возвращалось къ прежней точкѣ, т. е. къ убѣжденію, что необходимо отмѣнить и бросить все сдѣланное и приступить вновь къ другимъ сообра-

[1]) Русская Старина 1900 г., т. 101. „Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа“.

женіямъ, которыя, въ свою очередь, имѣли опять тотъ же исходъ. Законъ, не успѣвшій не только укорениться сознательно въ народѣ, но даже и сдѣлаться ему вполнѣ извѣстнымъ, уступалъ мѣсто новому, котораго вскорѣ постигала та же участь; правители смѣнялись одинъ за другимъ; издерживались огромныя суммы на множество комитетовъ, комиссій и экспедицій, чиновниковъ и проч.; сыпались, наконецъ, щедрыя награды, и все это обращалось, болѣе или менѣе, въ одни результаты личные, между тѣмъ какъ горячо желаемая правительствомъ польза для края оставалась все недостигнутою. Исторія этихъ колебаній, этого, такъ сказать, ощупыванія, вмѣстѣ съ исторіею лицъ, принимавшихъ въ немъ участіе и падшихъ его жертвами, представляетъ много любопытныхъ подробностей, изъ числа которыхъ не всѣ, по свойству ихъ, могли сохраниться въ оффиціальныхъ бумагахъ [1]).

Въ 1845 году состоялось важное преобразованіе въ порядкѣ высшаго управленія Кавказомъ. Указомъ отъ 27-го ноября 1844 года новороссійскій генералъ-губернаторъ графъ Воронцовъ назначенъ *Намѣстникомъ* кавказскимъ и Главнокомандующимъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ съ подчиненіемъ ему новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернаторства. Мотивы учрежденія намѣстничества нигдѣ въ точности не объяснены; но изъ рескрипта на имя графа Воронцова можно усмотрѣть, что, возвышая званіе главнаго начальника края на степень царскаго Намѣстника, императоръ Николай I имѣлъ въ виду, кромѣ расширенія правъ графа Воронцова по управленію гражданскою частью, оказать вмѣстѣ съ тѣмъ знакъ своего полнаго довѣрія собственно къ его личности.

„Считаю нужнымъ,—говорилось въ рескриптѣ отъ 17-го ноября 1844 года,—избрать исполнителемъ моей непремѣнной воли лицо, облеченное всѣмъ моимъ неограниченнымъ довѣ-

[1]) Тамъ же.

ріемъ и соединяющимъ съ извѣстными военными доблестями опытность гражданскихъ дѣлъ, въ семъ порученіи равномѣрно важныхъ; зная ваше всегдашнее пламенное усердіе къ пользамъ государства, выборъ мой палъ на васъ въ томъ убѣжденіи, что вы, какъ Главнокомандующій войскъ на Кавказѣ и Намѣстникъ мой въ сихъ областяхъ съ неограниченнымъ полномочіемъ, проникнутые важностью порученія и моимъ къ вамъ довѣріемъ, не откажетесь исполнить мое ожиданіе".

Дѣйствительно, по отношенію ко всѣмъ отраслямъ управленія въ краѣ Намѣстнику были присвоены власть и права министровъ. Дѣла же, превышавшія министерскую власть, онъ или разрѣшалъ самолично, донося о томъ государю или же вносилъ въ комитетъ по дѣламъ Закавказскаго края. Дѣла о наградахъ подчиненныхъ Намѣстнику чиновъ и отчетность представлялись имъ непосредственно императору [1]). Кромѣ того князь Воронцовъ испросилъ Высочайшее повелѣніе, чтобы вліяніе министровъ на дѣла ввѣреннаго ему края было совершенно прекращено и никакія распоряженія министровъ, имѣющія силу для всей имперіи, не были допускаемы въ Закавказьѣ безъ предварительнаго согласія Намѣстника; одно лишь вліяніе министра финансовъ на дѣла, заключавшія въ себѣ ревизію и контроль всякаго рода отчетности, князь Воронцовъ призналъ возможнымъ сохранить въ виду того, что расходы по Закавказскому краю входили въ общую государственную смѣту [2]).

Одновременно съ учрежденіемъ званія Намѣстника ему была вполнѣ подчинена и Кавказская область.

Съ назначеніемъ князя Воронцова Намѣстникомъ управленіе Кавказомъ приняло характеръ обособленности. Тогда же, за упраздненіемъ „Временнаго отдѣленія", императоръ Николай I приказалъ вносить въ комитетъ, наименованный *Кав-*

[1]) Акты кавказской археографической комиссіи т. X, №.
[2]) Шепелевъ. Матеріалы по Кавказу. Рукопись.

казскимъ, всѣ дѣла по законодательной части и вообще по устройству края, превышавшія власть министровъ и главноуправляющихъ. При Кавказскомъ комитетѣ была учреждена особая канцелярія [1]).

Общее устройство Главнаго управленія оставлено прежнее, но при Намѣстникѣ образована особая *Канцелярія* и, сверхъ того, изъ двухъ палатъ государственныхъ имуществъ учреждена впослѣдствіи Экспедиція государственныхъ имуществъ на правахъ министерскаго департамента.

Князь Воронцовъ обратилъ особенное вниманіе на несоотвѣтствіе административнаго подраздѣленія края. Послѣ нѣкоторыхъ перемѣнъ, предложенныхъ кн. Чернышовымъ въ ноябрѣ того же года, Телавскій уѣздъ раздѣленъ на два: Телавскій и Сигнахскій. Однако эти частичныя измѣненія не могли устранить главнаго недостатка учрежденія 1840 года и кн. Воронцовъ съ прибытіемъ на Кавказъ тотчасъ же занялся переустройствомъ края.

Кромѣ необходимости приблизить губернскія власти и суды второй степени въ главнѣйшіе центры Закавказья, князь Воронцовъ нахолилъ, что эти центры уже по своему географическому, этнографическому положенію и исторически созданному экономическому быту должны были терпѣть существенные недостатки отъ подчиненія ихъ одной губернской власти. Имеретія, части бывшаго Эриванскаго и Нахичеванскаго ханствъ, богатыя разнородными дарами природы, населенныя многочисленнымъ и дѣятельнымъ населеніемъ, чувствовали призывъ къ развитію источниковъ благосостоянія и нуждались въ учрежденіи высшаго мѣстнаго центральнаго управленія, которое могло бы непосредственно содѣйствовать успѣху промышленныхъ силъ и народному богатству. Имеретины кромѣ того жаловались, что „знаменитое ихъ царство“ обращено въ про-

[1]) Подробныя свѣдѣнія о Кавказскомъ комитетѣ изложены въ особомъ приложеніи „Предѣлы власти Намѣстника кавказскаго“.

стой уѣздъ Тифлисской губерніи. Умъ князя Воронцова былъ такъ созданъ, что эта скорбь народа была ему совершенно понятна. Съ учрежденіемъ Кутаисской губерніи,—доносилъ онъ впослѣдствіи,—„все поднялось и поднимается въ этомъ благословенномъ природою краѣ; всѣ классы и сословія жителей какъ будто ожили“; число желающихъ поступить въ гимназію превысило въ три раза вакансіи; а счастливый бракъ кутаисскаго губернатора князя Гагарина съ княжной Орбеліани, воспитанной совершенно по-европейски и обладающей всѣми желаемымм качествами, какъ нельзя болѣе содѣйствовалъ сближенію русскаго общества съ туземнымъ [1]).

Еще болѣе требовала преобразованій Каспійская область, въ составъ которой входили самыя разнородныя административныя части.

Представленный княземъ Воронцовымъ проектъ о преобразованіи края утвержденъ указомъ 14 декабря 1846 года. По этому закону все Закавказье раздѣлено на четыре губерніи: Тифлисскую, Кутаисскую, Шемахинскую и Дербентскую.

Въ 1847 году Дербентская губернія вмѣстѣ съ невошедшими въ ея составъ шамхальствомъ Тарковскимъ и ханствомъ Мехтулинскимъ образовали особую административную часть подъ названіемъ *Прикаспійскаго края* управленіе которымъ предоставлено особому лицу съ званіемъ командующаго войсками. Въ 1849 году для болѣе успѣшнаго движенія дѣлъ образована Эриванская губернія.

Главное начальство во всѣхъ пяти губерніяхъ ввѣрено военнымъ губернаторамъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ управляли и гражданскою частью. Остальныя губернскія и уѣздныя учрежденія въ Тифлисской и Шемахинской губерніяхъ оставлены неизмѣненными, а въ Кутаисской, Дербентской и Эриванской

[1]) Акты кавказской археографической комиссіи т. X. Отчетъ князя Воронцова за 1849—1851 годы.

заведено болѣе упрощенное управленіе. Вмѣсто уѣздныхъ судовъ и палатъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ въ каждой губерніи былъ учрежденъ губернскій судъ, при чемъ всѣ эти дѣла изъяты изъ вѣдомства полицейскихъ властей. Обязанности казенныхъ палатъ и палатъ государственныхъ имуществъ возлагались на губернскія правленія; рѣшающая власть по всѣмъ частямъ предоставлена военному губернатору. Губернскій судъ, составленный изъ предсѣдателя, двухъ совѣтниковъ и четырехъ засѣдателей отъ высшаго и торгующаго сословія, пользовался правами палаты гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Вѣдѣнію губернскаго суда подлежали также дѣла опекунскія и нотаріальные. Губернскій прокуроръ не имѣлъ ни помощниковъ, ни мѣстныхъ уѣздныхъ органовъ.

Во главѣ уѣзда поставленъ уѣздный начальникъ, на обязанность котораго кромѣ полицейской службы возлагались: охрана государственныхъ имуществъ и казенныхъ лѣсовъ, попечительство надъ сельскимъ населеніемъ и наблюденіе за опеками. Уѣздный начальникъ представлялъ губернатору всѣ слѣдственныя дѣла, подвѣдомственныя губернскому суду; а по маловажнымъ уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ ему принадлежала судебная власть. Въ каждомъ участкѣ былъ поставленъ участковый начальникъ со смѣшанною судебною и полицейскою властью.

Особенное вниманіе князя Воронцова было обращено на улучшеніе контингента чиновниковъ, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые непосредственно соприкасались съ народомъ— участковыхъ начальниковъ. Во всѣхъ слояхъ общества противъ этой низшей инстанціи полиціи укоренилось самое невыгодное предубѣжденіе. Въ участковыхъ начальникахъ каждый видѣлъ олицетворенное лихоимство; вслѣдствіе такой дурной репутаціи порядочные люди весьма неохотно занимали эти должности. Между тѣмъ тѣ же участковые засѣдатели должны были составлять основу благоустройства, правосудія и поряд-

ка. Правительственный механизмъ, построенный на такой неблагонадежной администраціи, не могъ быть прочнымъ.

„По вступленіи въ управленіе Закавказскимъ краемъ,—всеподданнѣйше доносилъ кн. Воронцовъ въ отчетѣ за 1845 годъ,—я былъ изумленъ значительнымъ числомъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, ищущихъ мѣстъ и должностей. Въ 1840 году, во время преобразованія Закавказскаго края и съ открытіемъ разныхъ присутственныхъ губернскихъ и уѣздныхъ мѣстъ, были вызываемы чиновники изъ Россіи. Краткость времени и настоятельная нужда въ нихъ лишали всякой возможности обратить строгое вниманіе на выборъ чиновниковъ; оттого присутственныя мѣста наполнились людьми, которыхъ правительство нашло необходимымъ вслѣдъ затѣмъ лишить мѣстъ. Два года послѣ преобразованія края нѣкоторыя изъ уѣздныхъ мѣстъ и должностей найдены были излишними и уничтожены. Это еще болѣе увеличило число чиновниковъ не имѣющихъ должностей, и эти люди, не имѣя средствъ къ приличному существованію, а равно къ обратному отправленію въ Россію и, потерявъ надежду получить вновь мѣста, остаются на жительствѣ въ краѣ и большею частью въ Тифлисѣ. Нѣкоторые изъ нихъ находятся въ жалкомъ положеніи и большая часть занимается сочиненіемъ просьбъ. Независимо отъ сего ежегодно увеличивается число туземцевъ, получившихъ образованіе въ гимназіяхъ и другихъ заведеніяхъ Россіи, которые стараются о полученіи мѣстъ. Имѣя въ виду всѣ эти обстоятельства, я сдѣлалъ распоряженіе о невызовѣ изъ Россіи чиновниковъ на службу безъ особенной надобности и предписалъ въ случаѣ нужды вызова каждый разъ испрашивать моего разрѣшенія...“ [1]).

Эта система не замедлила оказать во всѣхъ отношеніяхъ плодотворные результаты. Разъ цѣль правительства заключает-

[1]) Акты кавказской археографической комиссіи т. X. Отчетъ кн. Воронцова съ 25-го марта 1845 по 1-е января 1846 года, стр. 843.

ся въ томъ, чтобы пріобщить окраины къ общерусской гражданственности, то политика недовѣрія и репрессій вызываетъ только нежелательныя осложненія. Кн. Воронцовъ хорошо понималъ, что главный интересъ Россіи—связать разноплеменный край съ имперіей; эта же связь могла быть прочной, если вся система управленія имѣла бы цѣлью разобраться во всѣхъ условіяхъ народной жизни. „Всякая перемѣна,—представлялъ кн. Воронцовъ государю,—и всякое нововведеніе, измѣняющее вѣковые обычаи, чрезвычайно трудно къ введенію вездѣ, но особенно въ здѣшнемъ краѣ, а потому въ подобныхъ случаяхъ надобно дѣйствовать съ большою осторожностью. Насильственныя мѣры не только не принесутъ добра, но могутъ имѣть очень дурныя послѣдствія“ [1]). На этомъ основаніи общей системой кн. Воронцова было—проводить во всѣ управленія по возможности туземныхъ чиновниковъ и привлекать мѣстный элементъ къ разработкѣ и подготовкѣ законодательныхъ и административныхъ вопросовъ.

Дѣйствительно, въ продолженіе всего управленія кн. Воронцовъ стремился достигнуть сближенія окраины съ имперіей; онъ шелъ навстрѣчу каждой народной нуждѣ; устроилъ правильное пароходное сообщеніе между портами Чернаго и Каспійскаго морей, улучшеніемъ сухопутныхъ сообщеній развилъ торговлю и промышленность. Кн. Воронцовъ оказалъ громадныя услуги краю распространеніемъ просвѣщенія, учрежденіемъ школъ, открытіемъ туземцамъ доступа въ высшія учебныя заведенія, учрежденіемъ въ Тифлисѣ Публичной библіотеки, образованіемъ Кавказскаго отдѣла Географическаго общества и Общества сельскаго хозяйства, положивъ начало печатанія газеты „Кавказъ“ и „Кавказскаго календаря“, постройкой въ Тифлисѣ прекраснаго театра, въ которомъ кромѣ представленій драматическихъ на грузинскомъ и русскомъ языкахъ съ успѣхомъ подвизалась итальянская опера.

[1]) Тамъ же.

Дѣятельность кн. Воронцова по гражданскому управленію и до настоящаго времени оставила слѣдъ почти по всѣмъ административнымъ вопросамъ. Какъ князь Барятинскій, такъ и Великій князь Михаилъ Николаевичъ стремились осуществить программу, намѣченную кн. Воронцовымъ. Въ послѣдующемъ изложеніи мы еще укажемъ на административныя мѣры, проведенныя въ краѣ первымъ Намѣстникомъ кавказскимъ.

Впослѣдствіи, по почину грузинскаго дворянства, всѣ народности Кавказа единодушно откликнулись на призывъ воздвигнуть монументъ кн. Воронцову; этимъ была выражена признательность потомства за благотворную и во всѣхъ отношеніяхъ доброжелательную дѣятельность своего любимаго Намѣстника.

Высочайшимъ приказомъ отъ 22-го іюля 1856 года на должность кавказскаго Намѣстника былъ назначенъ кн. Барятинскій.

Быстрое развитіе гражданской жизни Кавказскаго и Закавказскаго края служило поводомъ къ частымъ перемѣнамъ въ устройствѣ мѣстныхъ административныхъ установленій. Несмотря на цѣлый рядъ предпринятыхъ въ разное время реформъ, гражданскія учрежденія края постоянно нуждались въ новомъ ихъ устройствѣ, вызываемомъ множествомъ накопившихся законодательныхъ работъ.

Вскорѣ послѣ своего прибытія на Кавказъ князь Барятинскій обратилъ особенное вниманіе на этотъ предметъ. Признавая нужнымъ подвергнуть разные административные вопросы подробному изученію, кн. Барятинскій составлялъ особые комитеты и возлагалъ на нихъ разработку наиболѣе назрѣвшихъ вопросовъ гражданскаго и военнаго управленія. Одновременно съ этимъ Намѣстникъ приказалъ произвести подробный обзоръ всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій въ краѣ. Какъ отъ работъ комитетовъ, такъ въ особенности изъ обзора губерній, ожидались результаты, по которымъ съ

большей увѣренностью можно было бы приступить къ коренным преобразованіямъ административныхъ учрежденій, сообразно съ дѣйствительными потребностями разноплеменнаго населенія [1]).

Разсмотрѣніе всѣхъ этихъ матеріаловъ и трудовъ комитетовъ нельзя было возложить ни на начальника Главнаго штаба кавказской Арміи, ни на директора канцеляріи Намѣстника безъ обремененія ихъ въ прямыхъ занятіяхъ; на этомъ основаніи князь Барятинскій отдѣлилъ отъ ихъ непосредственнаго вѣдомства редакціонныя работы по новымъ предположеніямъ, относящимся къ устройству края и, по предоставленной ему власти, 4 апрѣля 1857 года учредилъ при Главномъ управленіи особое Временное отдѣленіе. Въ этомъ учрежденіи Намѣстникъ, подъ ближайшимъ и непосредственнымъ своимъ руководствомъ, сосредоточилъ производство всѣхъ дѣлъ, требовавшихъ новыхъ законодательныхъ мѣръ по вопросамъ, имѣвшимъ отношеніе къ устройству разныхъ частей управленія и къ развитію народнаго благосостоянія въ краѣ, а также приготовленіе и дальнѣйшую обработку разныхъ проектовъ. Кромѣ того, для успѣшнаго исполненія обязанностей Временному отдѣленію предлагалось заняться сборомъ подробныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о состояніи края, объ успѣхѣ въ движеніи дѣлъ, о расходахъ и другихъ предметахъ имѣвшихъ связь съ административной статистикой частей намѣстничества. Управляющимъ Временнымъ отдѣленіемъ кн. Барятинскій назначилъ д. с. с. Харитонова [2]).

Относительно преобразованія административныхъ учрежденій князю Барятинскому были даны большія полномочія. Намѣстнику поручалось: заняться устройствомъ главнаго управленія дѣлами всего края примѣнительно съ потребностями

---

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло походной канцеляріи 1859 г., № 42, связка 2682. Отчетъ Временнаго отдѣленія по дѣламъ устройства края по 1 января 1860 года.

[2]) Тамъ же.

населенія, обративъ въ составъ этого управленія: Канцелярію Намѣстника, Совѣтъ, Экспедицію государственныхъ имуществъ и пр., организовать Главное управленіе по ближайшему усмотрѣнію и составленные проекты немедленно и непосредственно ввести въ дѣйствіе въ видѣ опыта на два года, о чемъ только довести до свѣдѣнія государя.

Князь Барятинскій нашелъ, что существовавшая организація Главнаго управленія гражданскою частью не соотвѣтствовала нуждамъ администраціи, которая почти по всѣмъ отраслямъ устройства обширнаго и разнообразнаго края сосредоточивалась въ небольшой Канцеляріи Намѣстника; „почему до главнаго начальника края восходила масса бумагъ по всѣмъ дѣламъ безъ изъятія и на немъ, такимъ образомъ, тяготѣло все бремя распорядительной и исполнительной власти.“ Начальникъ гражданскаго управленія хотя и считался ближайшимъ помощникомъ Намѣстника, но съ образованіемъ при послѣднемъ особой канцеляріи лишился прежняго вліянія на тѣ дѣла, которыя получали разрѣшеніе непосредственно отъ Намѣстника. Совѣтъ Главнаго управленія, ограничиваясь разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ дѣлъ собственно по Закавказскому краю, по мнѣнію князя Барятинскаго, не приносилъ также особеннаго облегченія Намѣстнику.

Желая снять съ себя „бремя распорядительной и исполнительной власти“ по гражданскому управленію, на которое онъ жаловался, и пользуясь предоставленными ему правами, кн. Барятинскій ввелъ съ 1-го января 1859 года въ дѣйствіе новое „Положеніе о Главномъ управленіи и Совѣтѣ Намѣстника Кавказскаго“ и штаты [1]). Этимъ „Положеніемъ“ администрація Кавказа получила самые широкіе размѣры и приняла характеръ какъ бы особаго Кавказскаго министерства. Вмѣсто должности начальника гражданскаго управленія учреждена должность начальника Главнаго управленія, который, какъ

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло 1859 г., № 6, связка 5096, часть II.

ближайшій помощникъ Намѣстника, руководилъ всѣми дѣлами края. На эту должность былъ назначенъ бывшій директоръ канцеляріи Крузенштернъ. Въ его вѣдѣніи состояло Главное управленіе Намѣстника, образованное изъ пяти спеціальныхъ департаментовъ, которые по своему составу и кругу дѣйствій должны были „замѣнять посредствующія между министрами и подчиненными имъ мѣстами учрежденія."

Департаменты получили слѣдующія наименованія и назначеніе:

1) *Общихъ дѣлъ*—для сосредоточенія всѣхъ распоряженій по частямъ инспекторской, учебной, почтовой, медицинской, карантинной, строительной и по всѣмъ предметамъ, не входящимъ въ кругъ дѣйствій другихъ департаметовъ.

2) *Судебныхъ дѣлъ*—для разсмотрѣнія принадлежащихъ вѣдѣнію Намѣстника дѣлъ судебныхъ и судебно-полицейскихъ и для сосредоточенія высшаго надзора и распоряженій по судебной части вообще.

3) *Финансовый*—для сосредоточенія высшаго счетоводства по мѣстнымъ доходамъ и расходамъ и по денежнымъ земскимъ повинностямъ въ Закавказскомъ краѣ, а также для завѣдыванія дѣлами по питейнымъ сборамъ, горной и соляной частямъ, таможенному управленію и по мѣрамъ, относящимся къ оживленію торговли, внутренней и внѣшней, поощренію заводской и мануфактурной промышленности.

4) *Государственыхъ имуществъ*—для дѣлъ по завѣдыванію казенными землями и вообще государственными имуществами, а также по попечительчтву надъ государственными крестьянами всѣхъ наименованій [1]).

и 5) *Контрольный.*

Въ нераздѣльный составъ съ департаментами входили: „Особое управленіе сельскаго хозяйства и колоній иностран-

[1]) Тамъ же. Отзывъ кн. Барятинскаго къ предсѣдателю Кавказскаго комитета отъ 21 декабря 1858 г., № 1047.

ныхъ посѣленцевъ на Кавказѣ и за Кавказомъ", учрежденное еще передъ тѣмъ, именно 3-го октября 1858 года. При Главномъ управленіи оставлено также, въ видѣ особаго установленія, существовавшее до преобразованія „Особое о земскихъ повинностяхъ присутствіе".

При общемъ преобразованіи Временное отдѣленіе, не измѣнивъ своего первоначальнаго устройства, получило только нѣкоторыя видоизмѣненія, при чемъ управленіе отдѣленіемъ было поручено д. с. с. Инсарскому, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и директоромъ Походной канцеляріи Намѣстника. При Намѣстникѣ находилась также особая Дипломатическая канцелярія. Наконецъ Совѣтъ Главнаго управленія переименованъ въ Совѣтъ Намѣстника съ направленіемъ его дѣятельности не столько на текущія дѣла администраціи, которыя разрѣшались совѣщаніями начальниковъ департаментовъ съ начальникомъ Главнаго управленія, сколько на болѣе важнѣйшіе вопросы, передаваемые на его обсужденіе самимъ Намѣстникомъ [1]).

На ряду съ этими основными мѣрами по устройству управленія, князь Барятинскій призналъ необходимымъ дать Закавказскому краю и въ финансовомъ отношеніи самостоятельное управленіе, „ибо, въ противномъ случаѣ, при зависимости этой части отъ общаго финансоваго управленія имперіи, всѣ административныя и экономическія начинанія не имѣли бы положительной точки опоры и во всякомъ случаѣ встрѣчали бы существенныя затрудненія въ своемъ развитіи."

Исходя изъ подобныхъ соображеній, рѣзко отличавшихся отъ взглядовъ на тотъ же предметъ князя Воронцова, Намѣстникъ исходатайствовалъ распоряженіе, по которому *всѣ доходы Закавказскаго края предоставлены въ полное вѣдѣніе и распоряженіе князя Барятинскаго*; при этомъ указывалось: изъ общихъ

[1]) Тамъ же.

доходовъ имперіи удовлетворять попрежнему слѣдующіе по Закавказскому краю расходы: 1) всѣ вообще по военной части; 2) на содержаніе чиновъ округа путей сообщенія и дорожныя работы; 3) 114285 руб. въ годъ на полезныя по краю предпріятія; 4) пенсіи и пособія чинамъ гражданскаго управленія и 5) всѣ вообще по существу своему не относящіеся къ потребностямъ мѣстнаго гражданскаго управленія Закавказскаго края. Сверхъ того, исключительно на расходы по гражданскому управленію и устройству края, предоставлено въ распоряженіе Намѣстника на десять лѣтъ, считая съ 1859 года: а) общій остатокъ отъ доходовъ и частные остатки отъ невыполненныхъ расходовъ, а также отъ сокращенія въ расходахъ по смѣтамъ Закавказскаго края и б) всѣ вообще превышенія въ доходахъ края, какія могли быть достигнуты по статьямъ отнесеннымъ къ мѣстнымъ источникамъ [1]).

Такъ какъ за предназначеніемъ всѣхъ закавказскихъ доходовъ на надобности гражданскаго управленія краемъ было опредѣлено не отпускать болѣе для этого управленія суммъ по общимъ смѣтамъ министерствъ, то упомянутымъ закономъ ревизія шнуровыхъ книгъ и отчетовъ по расходованію финансовыхъ средствъ Закавказскаго гражданскаго управленія была изъята отъ министерства и возложена на Главное управленіе Намѣстника. Съ этою цѣлью въ составъ послѣдняго и введенъ княземъ Барятинскимъ особый *контрольный департаментъ* [2]).

Изъ приложенной къ всеподданнѣйшему отчету князя Барятинскаго вѣдомости мѣстныхъ доходовъ и расходовъ по Закавказскому краю видно, что доходы на 1860 годъ простирались до 2.950.000 руб; штатные же расходы на содержаніе разныхъ частей гражданскаго управленія составляли 1.707.000 рублей. Весь излишекъ доходовъ около 1.243.000 руб. оставался въ непосредственномъ распоряженіи Намѣстника; изъ

[1]). Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло № 372, связка 2809.
[2]) Тамъ же. Дѣло № 34, связка 3424.

этой цыфры 1.031.000 руб. вносились въ смѣту подъ рубрикой сверхштатныхъ расходовъ и предназначались „на разныя выдачи и особыя потребности по гражданскому управленію и устройству края;“ остальные же 211.500 рублей составляли *общую резервную сумму*—на „непредвидѣнные въ смѣтѣ расходы.“ Слѣдуетъ упомянуть, что сверхъ этихъ суммъ въ распоряженіе Намѣстника отпускалось ежегодно: по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ 114.285 руб., на полезныя въ краѣ предпріятія,“ а по военному министерству въ распоряженіе кн. Барятинскаго, какъ Главнокомандующаго кавказскою Арміею, 200.000 руб. „на чрезвычайные расходы“ [1]).

[1]) Отчетъ генералъ-фельдмаршала кн. Барятинскаго за 1857—1859 годы. Дѣйствія по финансовому департаменту.

Глава IV.

Автономныя владѣнія Кутаисскаго генералъ-губернаторства: Абхазія, Самурзаканъ, Цебельда и Сванетія; историческія свѣдѣнія о нихъ и условія поступленія въ подданство Россіи. Русскія административныя учрежденія въ Мингреліи. Общественное устройство автономныхъ владѣній. Убійство кутаисскаго генералъ-губернатора кн. Гагарина. Отношеніе владѣтеля Абхазіи кн. Шервашидзе къ русскому правительству. Просьба его къ кн. Воронцову о сложеніи обязанностей владѣтеля. Роль владѣтеля въ событіяхъ Восточной войны. Ходатайство генерала Муравьева объ устраненіи кн. Шервашидзе отъ управленія Абхазіей. Мнѣніе по этому вопросу императора Николая I.

Въ виду твердой рѣшимости правительства направить всѣ средства и усилія къ умиротворенію Кавказа, съ вступленіемъ въ управленіе краемъ князя Барятинскаго потребности военныя получили преобладающее значеніе. Съ этой цѣлью области, въ которыхъ происходили военныя дѣйствія противъ горцевъ, раздѣлены были на пять военныхъ отдѣловъ; для мѣстнаго управленія ими учреждены округа, подраздѣленные на приставства, участки и наибства. Изъ земель, лежащихъ на южномъ склонѣ Кавказскаго хребта, отъ Сурамскаго кряжа до Чернаго моря, образовано черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по окончаніи Восточной войны (16 августа 1856 года) Кутаисское генералъ-губернаторство [1]).

Въ силу новаго положенія всѣ дѣла, которыя раньше представлялись отъ кутаисскаго военнаго губернатора на раз-

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло 1856 г., № 279, связка 2384. Именной указъ Правительствующему Сенату отъ 16 августа 1856 года.

рѣшеніе Намѣстника, должны были восходить до него черезъ генералъ-губернатора; равнымъ образомъ этому послѣднему представлялись и всѣ дѣла, которыя подлежали разсмотрѣнію Совѣта Главнаго управленія. Кромѣ такой перемѣны собственно для Кутаисской губерніи не произошло особыхъ измѣненій, такъ какъ въ управленіи генералъ-губернаторства главнымъ образомъ сосредоточивались дѣла по автономнымъ владѣніямъ и др. землямъ, не управлявшимися гражданскими законами; также всѣ дѣла по части военной и дипломатической.

Такимъ образомъ, учрежденіе генералъ-губернаторства для гражданскаго управленія Кутаисской губерніи не принесло какой либо существенной и непосредственной пользы. Наоборотъ, посредствующая инстанція генералъ-губернатора оказала еще больше вліянія на замедленіе въ быстротѣ движенія текущихъ дѣлъ; при томъ, разногласіе въ мнѣніяхъ начальниковъ и главныхъ начальниковъ губерніи по одному и тому же дѣлу не всегда имѣло послѣдствіемъ лучшее разрѣшеніе обсуждаемаго вопроса.

Но если это относилось до гражданскаго управленія губерніи, то у правительства при учрежденіи генералъ-губернаторства имѣлась не менѣе важная цѣль: оно возникло, какъ результатъ событій и вліянія на край Восточной войны, и преимущественно военныя соображенія имѣлись въ виду при расширеніи и объединеніи правъ главнаго начальника юго-западнаго Закавказья. Въ этой части края оставались еще воинственныя племена и явилась необходимость подчинить ихъ управленію одного лица съ военно-административными правами для объединенія и согласованія разнородныхъ элементовъ, которые должны были со временемъ войти въ составъ имперіи. Военная власть здѣсь тѣмъ болѣе была необходима, что пограничныя съ Абхазіей племена, съ большимъ упорствомъ отстаивая свою свободу, самостоятельность, вели еще ожесточенную борьбу, которая могла быть успѣшно

окончена только при военныхъ дѣйствіяхъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ [1]).

Кромѣ Кутаисской губерніи въ составъ Кутаисскаго генералъ-губернаторства были включены автономныя владѣнія: Абхазія, Самурзакань, Цебельда, Сванетія и Мингрелія. Во всѣхъ этихъ владѣніяхъ, въ силу тѣхъ или другихъ политическихъ причинъ, за мѣстными правителями оставлены принадлежавшія имъ права владѣтелей.

Въ сочиненіяхъ древнихъ писателей жившія на сѣверо-восточномъ берегѣ Чернаго моря племена извѣстны подъ названіемъ *керкетовъ и геніоховъ*. Абхазія дѣлается болѣе извѣстной по раздѣленіи Римской имперіи на западную и восточную: она указывается или самостоятельною страною, или временно подвластной грузинскимъ царямъ, а иногда и составной частью и самой Грузіи (Иверіи). Около того же времени къ абхазцамъ проникаетъ ученіе Христа и проповѣдники евангелія съ большимъ успѣхомъ выполняютъ святое свое назначеніе. Восточные императоры покровительствуютъ переселившимся въ Абхазію греческимъ колонистамъ и христіанской религіи, а своимъ вліяніемъ на этотъ край способствуютъ благосостоянію жителей его.

Съ появленіемъ въ VII вѣкѣ турокъ въ Европѣ, въ Абхазію переселяются генуезцы. Нашествіе основателя владычества монголовъ Чингизъ-хана на Азовъ заставило обитавшія въ верховьяхъ и по берегамъ Кубани племена перейти на южную покатость своихъ горъ. Въ этотъ періодъ въ Абхазію переселилось много кабардинцевъ и абадзеховъ. Между этими пришельцамы съ Кубани князья Ачаа (Анчабадзе) были первенствующими: своимъ происхожденіемъ и богатствомъ они превосходили абхазскихъ князей; пользуясь отсутствіемъ един-

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцел. начальн. главн. управл. 1869 г., № 71, связка 5284. Историческая справка объ Имеретіи въ Всеподданнѣйшемъ отчетѣ кутаисскаго губернатора за 1868 годъ.

ства между послѣдними, Анчабадзе легко сумѣли склонить абхазцевъ на свою сторону, раздѣлили ихъ на партіи, подчинили своей власти и, занявъ лучшіе участки земли, сдѣлались удѣльными, другъ отъ друга независимыми, но въ общей защитѣ новаго отечества союзными между собою владѣльцами [1]). Такимъ образомъ переселенцы съ Кубани дали нѣкоторой части Абхазіи савершенно особое политическое устройство и новыя формы внутренней жизни.

Другой вліятельной фамиліей были князья Чечаа (Шервашидзе). До XV столѣтія князья Шервашидзе не были самостоятельными и они находились подъ протекторатомъ грузинскихъ царей. Только въ XV вѣкѣ, послѣ нападенія на Имеретію джихскаго князя Инала Великаго и неудачнаго похода на джиховъ мингрельскаго Дадіана и Мамія Гуріели, необходимость заставила учредить особаго моурава (правителя), обязанности котораго наслѣдственно были предоставлены роду князей Шервашидзе. Вскорѣ затѣмъ послѣдовало распаденіе грузинскаго царства на кахетинское, карталинское и имеретинское. Отдѣльные моуравы воспользовались междоусобіями, вышли изъ непосредственной зависимости царей и сдѣлались самостоятельными. Такимъ образомъ стали независимыми ахалцихскіе Джакелія (атабеги), гурійскіе Варданидзе (Гуріели) и мингрельскіе Дадіаны. Послѣ отдѣленія этихъ владѣній въ вассальной зависимости отъ Мингреліи довольно долгое время находились сванетскіе Гелованы, отъ которыхъ происходитъ фамилія князей Дадишкиліани, и цхомскіе (абхазскіе) Шервашидзе [2]).

---

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло 3-го отд. генер. шт. 1838 г., № 124. Историческія свѣдѣнія объ Абхазіи, представленныя при рапортѣ Лисовскаго оберъ-квартермистру полковнику Менду отъ 27 апрѣля 1839 г., № 103.

[2]) Архивъ комиссіи для окончанія сословно-поземельныхъ дѣлъ въ частяхъ военно-народнаго управленія. Дѣло 1866 г., № 31, ч. 2-я. Докладная записка г.-л. кн. Багратіонъ-Мухранскаго помощнику главнокомандующаго кавказской Арміей отъ 7-го февраля 1870 года.

Константинополь въ этотъ періодъ мало могъ заботиться объ Абхазіи. Впослѣдствіи, когда въ 1453 году Константинъ Палеологъ потерялъ вмѣстѣ съ жизнью корону восточныхъ императоровъ, и Царьградъ перешелъ во власть турокъ, внутреннее положеніе Абхазіи еще больше измѣнилось; въ страну проникли турки. Распространяя свое вліяніе и магометанскую пропаганду они, однако, не вмѣшивались во внутреннее управленіе. Покровительствуемые турками князья Шервашидзе дѣлаются вліятельными; разсчитывая на поддержку своихъ покровителей, Шервашидзе отдѣлились отъ Мингреліи, вступили въ родство съ другой вліятельной фамиліей—Анчабадзе, а одинъ изъ Шервашидзе, Ростомъ, овладѣлъ большею частью Абхазіи. Это произошло не безъ содѣйствія турокъ; такъ какъ они понимали всю выгоду имѣть дѣло съ однимъ вассаломъ. Выдвинувъ фамилію Шервашидзе на степень владѣтельныхъ князей, турки предоставляли имъ самимъ справляться какъ съ внутренними смутами и безпорядками, такъ и съ воинственными сосѣдями; свою власть въ Абхазіи они поддерживали небольшимъ сухумскимъ гарнизономъ, ограничивались полученіемъ дани, заведеніемъ выгодныхъ торговыхъ сношеній и, между прочимъ, торговали невольницами. Такая безучастность къ внутреннему управленію нарушалась лишь въ особыхъ случаяхъ, когда смуты дѣлались не безопасными для самихъ турокъ и грозили ниспроверженіемъ ихъ власти въ странѣ [1]).

Такъ напримѣръ, въ половинѣ XVIII столѣтія сухумскій паша, принявъ сторону возставшихъ противъ владѣтеля Манучара Шервашидзе, способствовалъ удаленію его съ братьями Ширваномъ и Зурабомъ въ Турцію. Установившійся, однако, порядокъ внутренняго управленія страной привелъ въ скоромъ времени къ возвращенію одного изъ трехъ устра-

[1]) Архивъ комиссіи для окончанія сословно-поземельныхъ дѣлъ въ частяхъ военно-народнаго управленія. Дѣло 1866 г., № 28, ч. 1-я. Записка предсѣдателя Сухумской сословно-поземельной комиссіи полковника Краевича „О сословныхъ и поземельныхъ отношеніяхъ въ Абхазіи и Самурзакани.“

ненныхъ братьевъ, именно Зураба, который вступилъ во владѣтельскія права въ качествѣ вассала Турціи. Въ 1771 году Зурабу удалось при содѣйствіи дяди своего Левана изгнать турокъ изъ Сухума, но послѣдовавшія затѣмъ несогласія Зураба съ дядей способствовали водворенію турецкаго гарнизона въ Сухумѣ. Порта устранила Зураба и признала владѣтелемъ Абхазіи Келишъ-бея, сына Манучара.

Во время высылки князей Шервашидзе въ Турцію въ самой Абхазіи усилилась фамилія тавадовъ Дзяпшъ-иповыхъ. Пользуясь вліяніемъ, они заняли свободныя мѣста въ окрестностяхъ Сухума и присвоили себѣ разные административные доходы, принадлежавшіе владѣтелю. Зурабъ по возвращеніи своемъ въ Абхазію старался сохранить хорошія отношенія съ Дзяпшъ-иповыми и женилъ на одной княжнѣ изъ этой фамиліи племянника своего Келишъ-бея; но этотъ послѣдній, не любившій данной ему жены, сдѣлавшись владѣтелемъ, развелся съ ней и началъ стѣснять Дзяпшъ-иповыхъ. Келишъ-бей при этомъ имѣлъ въ виду не одни семейные расчеты, а главнымъ образомъ онъ опасался того вліянія, которое Дзяпшъ-иповы пріобрѣли среди народа.

Распря съ Дзяпшъ-иповыми въ связи съ общимъ тревожнымъ положеніемъ страны заставили Келишъ-бея быть болѣе осторожнымъ съ другими противниками, пріискивать себѣ союзниковъ, озаботиться прочнымъ устройствомъ отношеній. Тѣмъ болѣе это было важно, что онъ, отпустивъ нелюбимую жену, свое нерасположеніе перенесъ и къ старшему сыну отъ нея, Асланъ-бею, а владѣтельскія права желалъ передать сыну Сеферъ-бею, рожденному отъ матери изъ низшаго сословія (анхае). Съ этою же цѣлью Келишъ-бей рѣшилъ женить Сеферъ-бея на дочери владѣтеля Мингреліи, которая тогда уже вступила въ подданство Россіи. Дадіаны, однако, не могли дать согласія на такой бракъ, пока Сеферъ-бей оставался мусульманиномъ. Келишъ-бей не задумался изъ-за поли-

тическихъ видовъ дать разрѣшеніе сыну перейти въ христіанство, и при крещеніи онъ былъ названъ Георгіемъ. Такимъ образомъ и состоялся бракъ его съ княжной Тамарой Каціевной. Такое направленіе вселило распри между членами Шервашидзевскаго дома и было причиной нескончаемыхъ раздоровъ.

Шаткость положенія владѣтельской власти, ограниченность средствъ для сохраненія въ странѣ порядка и своего авторитета, ненадежность поддержки для этихъ цѣлей со стороны турокъ—заставили Келишъ-бея даже думать объ устраненіи зависимости отъ Турціи и о пріисканіи болѣе твердой внѣшней опоры, которую онъ только и могъ найти въ покровительствѣ Россіи [1]).

Представился и случай для возбужденія такого ходатайства. Келишъ-бей скрывалъ у себя гонимаго Портой трапезундскаго владѣльца Таяръ-пашу, который хотѣлъ прибѣгнуть къ защитѣ Россіи. „Убѣжище его ко мнѣ по сказанному случаю,—писалъ Келишъ-бей князю Циціанову,—подаетъ и мнѣ причину прибѣгнуть къ покровительству Россіи, весьма для меня лестному, и какъ по сіе время имперія Россійская, давая подобнымъ людямъ руку помощи и защиту, черезъ то распространила славу свою, то въ семъ уваженіи покорно прошу васъ представить о семъ обстоятельствѣ Его Императорскому Величеству, и употребить ваше ходатайство къ принятію помянутаго паши подъ покровительство Его имперіи, а пребываніе его у меня считать какъ бы въ самой Россіи, подъ сѣнію ея покрова; въ случаѣ же могущаго послѣдовать отъ Порты Оттоманской притѣсненія, не оставить насъ своею помощью и защищеніемъ“ [2]). Кромѣ того, Келишъ-бей поручилъ Таяръ-пашѣ, отправленному въ Тавриду, представить дюку де-Ришелье подробныя условія о подданствѣ Россіи.

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Акты кавказской археографической комиссіи т. III, № 353. Письмо Келишъ-бея князю Циціанову, стр. 191.

Правительство, однако, не рѣшалось вступить съ Келишъ-беемъ въ оффиціальныя сношенія, пока Россія находилась съ Турціей въ мирѣ. Графу Гудовичу было предложено только при первомъ извѣстіи о разрывѣ съ турками объявить Келишъ-бею о формальномъ принятіи его въ подданство, съ обѣщаніемъ оставить и наслѣдниковъ его владѣтелями Абхазіи.

Всѣ эти переговоры не могли остаться тайной для Турціи, и султанъ выражалъ сильное неудовольствіе противъ владѣтеля. Не безъ участія сухумскаго паши въ Абхазіи составился обширный заговоръ противъ Келишъ-бея; во главѣ недовольныхъ стали Дзяпшъ-иповы, къ которымъ примкнулъ и Асланъ-бей. Но заговоръ былъ своевременно открытъ и Келишъ-бей, чтобы избавиться отъ возможной опасности, изъявилъ притворное намѣреніе примириться съ обиженными; подъ видомъ примирительнаго угощенія онъ призвалъ въ Сухумъ трехъ братьевъ Дзяпшъ-иповыхъ и, когда тѣ довѣрчиво явились, приказалъ ихъ умертвить. Остальные члены этой фамиліи бѣжали въ Цебельду. Окончательно устранивъ Асланъ-бея отъ правъ на наслѣдство, Келишъ-бей въ послѣдніе годы своей жизни поселился въ Сухумѣ и передалъ управленіе страной Сеферъ-бею. Но Турція знала, что этотъ послѣдній тайно принялъ христіанство; вмѣстѣ съ тѣмъ она и на Келишъ-бея, который оказывалъ явное неповиновеніе, смотрѣла какъ на опаснаго вассала. Сухумскій паша началъ поддерживать Асланъ-бея, который 2-го мая 1808 года запятналъ себя отцеубійствомъ. Занявъ сухумскую крѣпость, Асланъ-бей провозгласилъ себя владѣтелемъ; Сеферъ-бей же, не разсчитывая на поддержку народа, бѣжалъ въ Мингрелію. Правительница Мингреліи кн. Нина Дадіанъ предложила ему, какъ лучшій способъ упрочить за собою владѣтельскія права, привести въ исполненіе намѣреніе отца—принять подданство Россіи, и взялась ходатайствовать въ этомъ дѣлѣ. Она въ всеподданнѣйшемъ прошеніи 8 іюня выставляла кандидатуру Сеферъ-бея,

который, по утвержденію правительницы, выразилъ твердое намѣреніе обратить всю Абхазію въ христіанство [1]).
Помимо религіозной цѣли все это совпадало съ видами правительства, оцѣнившаго всѣ выгоды отъ стратегическаго и торговаго значенія Абхазіи.

Въ просительныхъ пунктахъ [2]) отъ 12-го августа 1808 года Сефер-бей, умолчавъ о побудительныхъ причинахъ, передавалъ себя и свой народъ въ подданство Россіи, обязывался принять греко-россійскую вѣру, просилъ награжденія знакомъ и утвердительной грамоты на свое по Келишъ-бею наслѣдство, объ огражденіи его владѣнія войсками, обѣщалъ подчиниться главноуправляющему Грузіей, давать строевой лѣсъ для кораблей, какъ это получала Турція [3]).

Инвеститурная грамота на имя Сефер-бея была утверждена императоромъ Александромъ I 17-го февраля 1810 года. Сефер-бей признанъ владѣтелемъ Абхазіи подъ верховнымъ покровительствомъ русской державы; преемники его должны были испрашивать каждый разъ утвержденія на достоинство владѣтеля.

Самъ Сефер-бей не рѣшался выѣхать въ Абхазію, пока правительство не поддержало бы его вооруженной силой. Съ этою цѣлью русская эскадра подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Дедота 9 іюля 1810 года появилась передъ сухумскимъ рейдомъ, а на другой день десантныя войска князя Горчакова взяли Сухумъ. Асланъ-бей съ турецкимъ гарнизономъ бѣжалъ, а Сефер-бей провозглашенъ владѣтелемъ.

Освободившись отъ турокъ и опаснаго своего соперника, Сефер-бей владѣлъ Абхазіей 11 лѣтъ. Еще при жизни Сефер-бея старшій сынъ его Дмитрій былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ

[1]) Акты кавказской археографической комиссіи т. III, № 369. Всеподданнѣйшее прошеніе владѣтельницы Мингреліи отъ 8-го іюня 1808 года, стр. 200.
[2]) Тамъ же. Переводъ съ Всеподданнѣйшаго письма кн. Георгія Шервашидзе, стр. 209.
[3]) Прошеніе написано протоіереемъ Іоанномъ Іоселіани [redacted] на грузинскомъ языкѣ.

воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ. По смерти отца Дмитрій былъ утвержденъ владѣтелемъ Абхазіи, но вступить въ управленіе страной онъ могъ только при помощи русскихъ войскъ, усмирившихъ поднятое Асланъ-беемъ возстаніе. Однако Дмитрій умеръ въ исходѣ 1822 года, и указомъ 14 февраля 1823 года владѣтелемъ Абхазіи былъ назначенъ его братъ Михаилъ. Начало его управленія было также ознаменовано неурядицами, а власть князя Михаила упрочилась съ 1830 года, когда войсками генерала Гессе были заняты важные въ Абхазіи пункты: Бомборы, Пицунда и Гагры [1]).

Съ 1810 года правительство хотя и принимало участіе въ судьбѣ Абхазіи, но она оставалась независимымъ владѣніемъ до 1864 года.

Самурзаканъ составляла часть Абхазіи и управлялась особою отраслью абхазскихъ Шервашидзе. Съ Мурзакана Шервашидзе, отъ имени котораго присвоено странѣ и самое названіе, началось заселеніе края колонистами изъ Абхазіи. Автономіи самурзаканскихъ владѣтелей способствовало смутное положеніе Абхазіи въ XVIII столѣтіи; но при всемъ томъ автономія эта была неполная, такъ какъ въ самурзаканскія дѣла постоянно вмѣшивались абхазскіе владѣтели и мингрельскіе дадіаны.

Манучаръ Шервашидзе былъ убитъ въ 1813 году въ Бедіи; у него осталось два сына—Александръ и Дмитрій. Владѣтель Мингреліи Леванъ Дадіанъ, какъ близкій родственникъ (онъ былъ роднымъ братомъ ихъ матери) принялъ ихъ подъ свою опеку, а вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь силою и значеніемъ, присвоилъ себѣ и управленіе Самурзаканью именемъ Александра. Противодѣйствовать этому стремленію Дадіана не могли ни ближайшіе родственники самурзаканскаго владѣтеля, ни

---

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло 3-го отд. генер. шт. 1838 г., № 124. Историческія свѣдѣнія объ Абхазіи, представленныя при рапортѣ Лисовскаго оберъ-квартермистру полковнику Менду отъ 27 апрѣля 1839 г., № 103.

абхазскіе Шервашидзе. Въ 1829 году Александръ, по достиженіи совершеннолѣтія, вслѣдствіе происковъ Левана Дадіана былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе, но, не достигнувъ мѣста назначенія, умеръ дорогою. Дмитрій же въ 1832 году погибъ въ схваткѣ съ людьми Дадіана. Съ того времени Леванъ Дадіанъ сталъ управлять Самурзаканью своимъ именемъ, какъ владѣтель этой страны [1]).

Правительство и само оффиціально признавало Самурзакань составною частью мингрельскаго владѣнія. Такъ генералъ Ртищевъ въ 1815 году утвердилъ представленный ему Леваномъ Дадіаномъ актъ въ родѣ воззванія отъ него, владѣтеля, къ самурзаканцамъ. Въ актѣ этомъ Дадіанъ говоритъ о вступленіи своемъ послѣ кончины зятя, по приглашенію главноуправляющаго Грузіей, въ самурзаканскую землю для приведенія къ покорности. Въ 1827 году графъ Паскевичъ отправилъ отрядъ для приведенія самурзаканскихъ князей къ повиновенію мингрельскому Дадіану. Баронъ Розенъ управляющему Имеретіей Вакульскому писалъ: „со стороны нашего правительства должно быть главною цѣлью, чтобы въ Мингреліи и подвластныхъ ея владѣтелю мѣстахъ, къ числу коихъ рѣшительно принадлежитъ и Самурзакань, сохранились спокойствіе, тишина и полное повиновеніе всѣхъ жителей владѣтелю.“

Такимъ образомъ, права владѣтельнаго мингрельскаго дома на Самурзакань укрѣпились отъ продолжительнаго признанія ихъ со стороны главнаго кавказскаго начальства. Однако сами самурзаканцы были недовольны устраненіемъ природныхъ ихъ владѣтелей и потому въ странѣ происходили частые безпорядки съ цѣлью избавиться отъ Дадіана. Сами мингрельскіе владѣтели, сознавая свою слабость, не могли пре-

[1]) Архивъ комиссіи для окончанія сословно-поземельныхъ дѣлъ въ частяхъ военно-народнаго управленія. Дѣло 1866 г., № 28, ч. 1-я. Записка предсѣдателя Сухумской сословно-поземельной комиссіи полковника Краевича „О сословныхъ и поземельныхъ отношеніяхъ въ Абхазіи и Самурзакани.“

кращать эти раздоры. Это дало поводъ Головину въ 1840 году отобрать Самурзакань отъ Дадіана и поручить ея управленіе русскому приставу. Дадіанъ обжаловалъ это распоряженіе и просилъ, если не возвращенія Самурзакани обратно, то по крайней мѣрѣ вознагражденія за лишеніе значительныхъ выгодъ. По ходатайству кн. Воронцова въ 1845 году Дадіану было выдано единовременное вознагражденіе въ 25 тысячъ рублей [1]).

Въ *Цебельдѣ* первенствующей фамиліей считались князья Маршани; изъ нихъ особенно выдѣлялся князь Баталъ-бей; онъ былъ полезенъ правительству при покореніи этого края барономъ Розеномъ, но потомъ, считая себя обиженнымъ и обойденнымъ, возмутилъ Цебельду и Далъ въ 1840 году. Полковникъ Муравьевъ смѣлою экспедиціей подавилъ возстаніе; тамъ было образовано особое приставство, подчиненное командующему войсками въ Абхазіи; порядокъ управленія былъ адатно-военный; за населеніемъ сохранены родовыя и обычныя права, а приставъ долженъ былъ наблюдать за спокойствіемъ въ населеніи.

Баталъ-бей, переселившись къ горцамъ, до 1845 года дѣлалъ безпрерывные набѣги на Абхазію и нападалъ на русскія войска, охранявшія сообщенія между Сухумомъ и укрѣпленіемъ Марамбой. Доведенный до крайности скитальческою жизнью на чужой землѣ, Баталъ-бей смирился, искалъ и получилъ прощеніе и съ разрѣшенія князя Воронцова поселился опять въ Цебельдѣ. Послѣ того онъ постоянно старался оказывать правительству услуги, при чемъ до 1854 года за свою полезную дѣятельность дослужился до чина маіора. Возвышенію Баталъ-бея много способствовалъ владѣтель Абхазіи кн. Михаилъ Шервашидзе. Независимый отъ этого послѣдняго, онъ тѣмъ

---

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцел. по дѣламъ устройства крестьянъ 1866 г., № 16, связка 13. Докладъ барона Николаи Великому князю отъ 17 февраля 1867 года.

не менѣе старался снискать и поддержать его расположеніе, но собственно они другъ друга не любили, а иногда между ними возникали серьезныя недоразумѣнія по поводу спорныхъ границъ между Цебельдой и Абхазіей и за передержательство бѣглыхъ крестьянъ. Однако, наружная дружба ихъ основывалась на разсчетѣ, что они нуждались одинъ въ другомъ: владѣтель потому, что Баталъ-бей имѣлъ сильное вліяніе въ горахъ, приверженную къ себѣ партію въ самой Абхазіи и владѣлъ важнѣйшими тѣснинами, ведущими въ Абхазію изъ земель горцевъ, а Баталъ-бей, сохраняя расположеніе владѣтеля, могъ по его ходатайству получать выгоды отъ правительства. Важнѣйшая заслуга Бааталъ-бея состояла въ совершенномъ успокоеніи Цебельды послѣ пятилѣтняго враждебнаго настроенія части жителей ея противъ правительства. Спокойствіе было возстановлено настолько прочно, что по Цебельдѣ приставъ ѣздилъ одинъ безъ конвоя. Подъ покровительствомъ Баталъ-бея по Цебельдѣ проѣзжали для осмотра дорогъ князь Кочубей, капитанъ Іогель и, наконецъ, имъ самимъ былъ проведенъ черезъ Главный Кавказскій хребетъ по неизвѣстному еще тогда снѣговому Марухскому перевалу на сѣверную покатость хребта вице-адмиралъ Серебряковъ. Эта заслуга была тѣмъ болѣе важна, что Баталъ-бей зналъ, какую тѣмъ навлекаетъ онъ непріязнь со стороны горцевъ. Подходя къ Марухскому перевалу Баталъ-бей заплакалъ и сказалъ: „вотъ до чего я дожилъ, самъ веду по тѣмъ мѣстамъ гяуровъ, гдѣ еще никогда нога ихъ не ступала“ [1]).

При отступленіи во время Восточной войны войскъ изъ Абхазіи и особенно малочисленнаго гарнизона укрѣпленія Марамбы Баталъ-бей способствовалъ къ удержанію народа отъ враждебныхъ дѣйствій, безъ чего отступленіе должно было сопровождаться кровопролитнымъ боемъ.

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло 1855 г., № 22, связка 7120. Отношеніе г.-л. кн. Бебутова военному министру отъ 12 іюля 1855 г., № 12. «Записка о поручикѣ Гассанъ Маргани и маіорѣ князѣ Баталъ-беѣ Маршани.

Сванетское племя съ древнѣйшихъ временъ разселилось между двумя большими рѣками, Ингуромъ и Цхенисъ-цкали, протекающими съ южной стороны Станового кавказскаго хребта. Сванеты были извѣстны классическимъ писателямъ, которые оставили очень много любопытныхъ свѣдѣній о нихъ. Изъ позднѣйшихъ историковъ болѣе подробное описаніе сдѣлалъ грузинскій царевичъ Вахуштій, который о происхожденіи этого племени говоритъ:„... Когда область Дзурдзукети не могла уже вмѣщать въ себѣ своего населенія, тогда царь Саурмагъ VI вышелъ оттуда съ многочисленныхъ народомъ и мѣсто для своей усадьбы избралъ въ томъ краю“ [1]).

Древніе писатели сходятся въ показаніяхъ что властителями „золотого руна“ были именно сванеты. Язонъ и египетскій царь Сезострисъ высадились въ Колхиду съ завоевательною цѣлью, но Фриксъ еще раньше ихъ отправился изъ Ѳессаліи въ Колхиду, по приглашенію дяди своего Кретея, съ цѣлью найти тамъ убѣжище и уже впослѣдствіи овладѣлъ „золотымъ руномъ.“ Кромѣ того, тѣ же писатели указывали, что часть сванетскаго племени имѣла осѣдлость и въ нынѣшней верхней Рачѣ еще за тридцать вѣковъ до Рождества Христова. Разселившись здѣсь, сванеты оставались въ странѣ до позднѣйшихъ временъ. Грузинская лѣтопись Картлисъ-цховреба описываетъ происхожденіе и предѣлы разселенія этого племени. Писатель перваго вѣка Страббонъ, повѣствуя о сванетахъ, между прочимъ, говоритъ: „Сказываютъ, что у нихъ протекаютъ золотоносныя рѣки и что варвары достаютъ золото посредствомъ выжелобленныхъ проткнутыхъ досокъ или употребляя для сего звѣриныя кожи съ шерстью (съ руномъ), отчего и произошло преданіе о золотомъ рунѣ. Впрочемъ, быть можетъ, что преданіе сіе вышло отъ западныхъ иберовъ,

[1]) Въ мынѣшней Сванетіи. Мѣсто для усадьбы на грузинскомъ языкѣ выражается словомъ „саване“ и Вахуштій полагалъ, что отъ избраннаго Саурмагомъ такого „саване“ произошло названіе народа *саванети-сванети*.

которые называются также соаны и въ землѣ коихъ подобно же находится большое количество металловъ.“

О политическомъ устройствѣ сванетъ Страббонъ говоритъ, что въ его время (начало перваго вѣка) у нихъ былъ свой царь и совѣтъ изъ трехсотъ членовъ; что они могли выставить войска до 200 тысячъ человѣкъ, такъ какъ каждый житель носилъ оружіе; что на войнѣ сванеты употребляли стрѣлы съ отравленными остріями; что благодаря своей воинственности сванеты повелѣвали всѣми окрестными землями.

Въ VI вѣкѣ сванеты считались подданными римлянъ и, между прочимъ, по вызову императора Юстиніана штурмовали городъ Петру и разрушили его до основанія. Послѣ Юстиніана сванеты были въ зависимости отъ Восточной имперіи еще около четырехъ столѣтій, однако, съ теченіемъ времени вліяніе Византіи ослабло; а въ XII вѣкѣ грузинская царица Тамара была уже повелительницей всего сванетскаго народа. Со смертью царицы сванеты не долго признавали власть Грузіи, такъ какъ эта послѣдняя подвергалась и сама разорительнымъ нашествіямъ восточныхъ завоевателей и потому она не въ состояніи была заботиться о такой отдаленной странѣ, какъ Сванетія. Нѣкоторую же связь сванеты сохранили съ Имеретіей и Мингреліей. Въ концѣ XVII столѣтія вся цхенисъ-цкальская Сванетія (Дадіановская) оставалась подвластною Мингреліи, а ингурскіе сванеты жили самостоятельно [1]).

Съ поступленіемъ Мингреліи въ подданство Россіи въ составѣ ея владѣній передана и вся цхенисъ-цкальская Сванетія; между тѣмъ какъ сванеты верхней части ингурской долины составляли два большихъ самостоятельныхъ общества: одно занимало верховья рѣки Ингура, называло себя *Вольными* и составляло особый союзъ вродѣ федеративной республики; второе же общество, занявъ долину внизъ по теченію

[1]) Лисовскій. Свѣдѣнія о сванетахъ. Рукопись.

Ингура до предѣловъ Мингреліи, съ давнихъ временъ управлялось своими старшинами изъ фамиліи князей Дадишкиліани, потому эта часть Сванетіи называлась *Княжескою*.

Княжеская Сванетія первая вошла въ сношенія съ русскимъ правительствомъ. Еще Ціціановъ черезъ владѣтеля Мингреліи поддерживалъ связь съ князьями Дадишкиліани, но военныя обстоятельства не позволили ни ему, ни ближайшимъ преемникамъ его заняться сванетскимъ вопросомъ.

Княжеская Сванетія состояла изъ четырехъ обществъ: Чебухеви, Эцери, Бечо и Лечгань; управленіе этими обществами носило характеръ аристократической олигархіи, во главѣ которой находились князья Дадишкиліани. По фамильнымъ преданіямъ князья эти ведутъ свое происхожденіе отъ шамхаловъ Тарковскихъ. Около половины XVIII столѣтія вся Княжеская Сванетія управлялась однимъ лицомъ, Диды-Отаромъ; но при сыновьяхъ его раздѣлилась на нѣсколько удѣловъ. Въ междоусобныхъ распряхъ имѣнія переходили отъ одного владѣльца къ другому [1]).

Въ началѣ XIX столѣтія изъ всѣхъ князей Дадишкиліани выдѣлялся Татарханъ, старшій сынъ Баба-Ціоха. Татарханъ силою оружія заставилъ подчиниться всѣхъ своихъ родственниковъ, за исключеніемъ одного племянника, Ціоха Масострович. Татарханъ, утомленный постоянной борьбой съ родственниками, рѣшился прибѣгнуть къ покровительству Россіи. Съ этою цѣлью въ 1832 году черезъ кн. Николая Дадіана Татарханъ просилъ ходатайствовать у управляющаго Имеретіей, г.-м. Вакульскаго; но этотъ послѣдній медлилъ дать надлежащій ходъ дѣлу, боясь вызвать посредничествомъ Николая Дадіана неудовольствіе владѣтеля Мингреліи. Въ дѣйствительности же препятствія возникли главнымъ образомъ по происками матери Ціоха, княгини Гиго-ханумъ, которая, узнавъ о желаніи Татар-

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло департамента Главнаго управленія 1871 г., №. 5, связка 7543. „Очеркъ исторіи сванетскихъ владѣтелей князей Дадишкиліани.“

хана, разсчитала, что это можетъ неблагопріятно отразиться на ея сынѣ. Она тайно отправилась изъ Сванетіи на Кавказскую линію, явилась въ Нальчикѣ къ генералу Горихвостову и объявила, что Ціохъ желаетъ вступить въ подданство Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ предложила въ аманаты внука своего Бекеръбея. Генералъ Горихвостовъ отправилъ его въ Тифлисъ, куда прибыла сама Гиго-ханумъ съ своею дочерью, княжной Дареджанъ.

Баронъ Розенъ оказывалъ прибывшимъ всевозможные знаки вниманія; онъ убѣдилъ Гиго-ханумъ выдать дочь свою замужъ за грузинскаго князя Давида Абхази; бракъ этотъ состоялся и Дареджанъ въ видѣ приданнаго была назначена пожизненная пенсія по 150 червонцевъ въ годъ. Устроивъ дѣла своего сына, Гиго-ханумъ въ 1833 году выѣхала въ Сванетію. Между тѣмъ и ген. Викульскій прислалъ задержанное имъ ходатайство князя Татархана [1]). По представленіи барономъ Розеномъ въ 1833 присяжныхъ листовъ и просительныхъ пунктовъ, князья Ціохъ и Татарханъ были произведены въ чинъ маіора и обоимъ имъ выданы инвеститурныя граматы. По смыслу этихъ граматъ вся Княжеская Сванетія была раздѣлена на двѣ части: одна изъ нихъ—имѣніе Чебухеви, другая—имѣнія Эцери и Бечо. Первая предоставлена Ціоху, принявшему въ крещеніи имя Николая, а вторая—Татархану, принявшему имя Михаила. Каждая часть должна была оставаться въ потомствѣ этихъ двухъ князей, переходя къ старшему въ нисходящей линіи съ тѣмъ, чтобы онъ обезпечивалъ бы изъ доходовъ владѣемаго имѣнія всѣхъ своихъ родственниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ всякое домогательство и притязаніе со стороны членовъ другихъ отраслей князей Дадишкиліани на наслѣдованіе этими имѣніями признавались дѣйствіями противозаконными.

Князья Ціохъ и Татарханъ, принявъ подданство Россіи, дали барону Розену обѣщаніе жить въ мирѣ и добромъ со-

[1]) Лисовскій. Свѣдѣнія о сванетахъ. Рукопись.

гласіи. Однако распри между обѣими отраслями князей Дадишкиліани не уменьшались. Кн. Татарханъ чувствовалъ себя глубоко обиженнымъ за неравенство предоставленныхъ выгодъ, такъ какъ онъ разсчитывалъ получить права на владѣніе всей Княжеской Сванетіей [1]).

Вражда эта проявилась особенно въ вопросѣ о привлеченіи къ покорности правительству вольныхъ сванетъ. Князь Ціохъ, которому баронъ Розенъ поручилъ это дѣло, жаловался на Татархана, будто бы мѣшавшаго привести въ исполненіе планы правительства. Въ дѣйствительности же оба владѣтеля дѣлали попытки распространить свое вліяніе на вольныя общества. Но вольные сванеты, хорошо понявъ разсчеты князей Дадишкиліани, опасаясь быть покоренными силою оружія, желая избѣжать притѣсненій отъ сосѣднихъ племенъ и лишиться выгодъ отъ торговли съ Рачинскимъ округомъ, предпочли сами вступить въ добровольное подданство. Эта мысль окончательно созрѣла въ 1839 году и вольные сванеты отправили депутатовъ къ управляющему Имеретіею, генералу Эспехо. Старшины вольныхъ сванетъ во главѣ съ Девдаріани въ августѣ 1840 года принесли торжественно присягу, послѣ чего генералъ Эспехо вручилъ имъ граматы и подарки. Старшины заявили, что они сами и много другихъ сванетъ желаютъ принять христіанство, прежнюю вѣру ихъ предковъ, и просили выслать къ нимъ грузинскихъ священниковъ.

Въ сентябрѣ 1841 года кн. Ціохъ, вытребованный съ милиціей противъ убыховъ, заболѣлъ и умеръ, оставивъ послѣ себя пятерыхъ сыновей, изъ которыхъ старшій Константинъ могъ уже самостоятельно управлять имѣніемъ Чебухеви. Однако энергичная бабка его Гиго-ханумъ приняла опеку надъ внуками. Это дало поводъ Татархану вновь противодѣйствовать видамъ своей непримиримой соперницы. Въ 1843 году онъ съ

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло департамента главнаго управленія 1871 г., № 5, связка 7543. „Очеркъ исторіи сванетскихъ владѣтелей князей Дадишкиліани.“

толпой вооруженныхъ напалъ на неприступный замокъ Пари, гдѣ скрывалась Гиго-ханумъ, и, не имѣя возможности взять крѣпостцу, приказалъ поджечь. Задыхаясь отъ дыма, Гиго-ханумъ рѣшилась уменьшить страданія и бросилась съ десятисаженной высоты въ кручу.

Въ 1850 году умеръ и престарѣлый Татарханъ; имѣнія его, вопреки инвеститурной граматы, было раздѣлено между двумя его сыновьями—Отаромъ и Джамсухомъ; а раздоры между князьями продолжались: кровавая месть требовала по обычаю возмездія; вопросъ о примиреніи, несмотря на принятое въ немъ участіе правительства, тянулся весьма долгое время. Восточная же война не позволила принять мѣръ къ возстановленію спокойствія въ Сванетіи [1]).

При грузинскихъ царяхъ владѣтель Мингреліи считался *эриставодъ*, т. е. правителемъ страны. Послѣ распаденія Грузіи на три отдѣльныхъ царства и пять княжествъ владѣтель Мингреліи въ 1469 году сдѣлался самостоятельнымъ главою народа со всѣми прерогативами царской власти.

Въ административномъ отношеніи Мингрелія дѣлилась на нѣсколько моуравствъ, управляемыхъ назначенными владѣтелемъ моуравами, которые и были представителями судебно-полицейской власти первой инстанціи. Недовольные рѣшеніемъ моуравовъ могли приносить жалобы въ Верховное управленіе, составленное изъ почетныхъ князей подъ предсѣдательствомъ самого владѣтеля. Ни моуравы, ни члены управленія не имѣли опредѣленнаго жалованья; они получали вознагражденіе отъ тяжущихся сторонъ по каждому рѣшенному дѣлу. Размѣръ вознагражденія зависѣлъ отъ зажиточности спорящихъ и популярности лица разбиравшаго дѣло [2]).

---

[1]) Тамъ же и Лисовскій. Свѣдѣнія о сванетахъ. Рукопись.

[2]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцел. начальн. главн. управл. 1869 г., № 71, связка 5284. Историческая справка объ Имеретіи въ Всеподданѣйшемъ отчетѣ кутаисскаго губернатора за 1868 годъ.

Такой порядокъ административнаго управленія сохранился до 1857 года, когда послѣ народныхъ безпорядковъ въ Мингреліи кн. Барятинскій призналъ необходимымъ устроить тамъ до совершеннолѣтія владѣтеля кн. Николая Дадіанъ особое управленіе.

Учрежденное съ 1857 года русское административное управленіе составляли: сельскія окружныя управленія, Совѣтъ Мингреліи, управляющій Мингреліей, кутаисскій генералъ-губернаторъ и Намѣстникъ кавказскій.

Сельское управленіе въ каждой деревнѣ составляли хелосаны и сборщики податей, которые избирались обществомъ и утверждались въ должности окружными начальниками. Въ торговыхъ мѣстечкахъ Зугдиды, Сенакахъ и Орпири были учреждены особыя полицейскія управленія, состоявшія изъ одного комиссара и десятника. Вся Мингралія раздѣлена на три округа; каждый изъ нихъ ввѣренъ окружному начальнику, въ подчиненіи котораго находились два помощника и канцелярія. Совѣтъ Мингреліи образованъ подъ предсѣдательствомъ управляющаго изъ пяти членовъ: двухъ отъ правительства, двухъ отъ княжескаго и одного отъ азнаурскаго сословія. Совѣтъ имѣлъ свою канцелярію. При управляющемъ Мингреліей состояли шесть чиновниковъ для особыхъ порученій [1]).

Портовой городъ Редутъ-кале управлялся военнымъ начальникомъ.

Управляющій Мингреліей имѣлъ права военнаго губернатора. Совѣтъ Мингреліи соединялъ въ себѣ власть и обязанности губернскихъ правленій, а также гражданскихъ и казенныхъ палатъ и государственныхъ имуществъ. По преступленіямъ жителей Мингреліи всѣ уголовныя дѣла, которыя по роду своему должны были поступать въ военно-судную комис-

[1]) Полное Собраніе Законовъ за 1857 г., т. XXXII, отд. II, ст. 32323.

сію или уголовную палату, направлялись въ кутаисскій губернскій судъ. Исполнительныя и хозяйственныя дѣла разрѣшались властью управляющаго; дѣла же гражданскія, тяжебныя и исковыя разсматривались Совѣтомъ въ коллегіальномъ порядкѣ. Недовольные постановленіемъ коллегіи по гражданскимъ дѣламъ, по которымъ окончательное рѣшеніе цѣнностью иска превышало власть судовъ второй степени, могли приносить жалобу Намѣстнику, который разрѣшалъ ихъ окончательно.

Окружныя управленія по дѣламъ полиціи, хозяйства и суда пользовались правами уѣздныхъ начальниковъ Кутаисской губерніи. Помощники окружныхъ начальниковъ занимались преимущественно производствомъ слѣдствій и разборомъ жалобъ жителей во время своихъ поѣздокъ.

Сельскія управленія несли обязанности сотскихъ, десятскихъ и сборщиковъ податей [1]).

Введенное на такихъ основаніяхъ управленіе Мингреліей обусловливалось политическими обстоятельствами 1857 года и на практикѣ оказалось совершенно несоотвѣтствующимъ. Главные недостатки этого устройства заключались въ крайне разнообразной дѣятельности окружныхъ начальниковъ и ихъ помощниковъ, на которыхъ былъ возложенъ разборъ всѣхъ маловажныхъ дѣлъ сельскихъ обществъ; эти послѣднія совершенно отстранялись отъ всякаго участія въ рѣшеніи дѣлъ, возникавшихъ въ сельскомъ быту. Вслѣдствіе этого окружные начальники и ихъ помощники сдѣлались и исполнителями, и администраціей и судьями въ одно и то же время. Съ лишеніемъ мингрельской общины участія въ дѣлахъ, окружныя управленія не имѣли никакой возможности справляться со всѣми своими обязанностями.

Слабой стороной управленія было также и то, что въ самыхъ важныхъ случаяхъ рѣшеніе гражданскихъ дѣлъ предо-

[1]) Приложеніе къ ст. 10, т. II, ч. 2 Учрежденія Закавказскаго края по продолженію 1863 года.

ставлялось административной власти, а не суду, о чемъ будетъ указано ниже.

Абхазія, Самурзакань и Цебельда имѣли одно основаніе во внутреннемъ своемъ устройствѣ: въ нихъ преобладали начала аристократическія, дававшія и управленію характеръ аристократическій. Общественныя дѣла обсуждались въ народныхъ собраніяхъ, въ которыхъ участвовалъ и низшій классъ. Степень вліянія привилегированныхъ сословій зависѣла отъ личныхъ заслугъ и самое происхожденіе не составляло особаго преимущества. Подчиненность крестьянъ также ничего общаго не имѣла съ крѣпостнымъ правомъ [1]).

Правительственная власть принадлежала владѣтелямъ, которые должны были ограждать внѣшнюю безопасность страны и давать защиту при нарушеніи личныхъ и имущественныхъ правъ населенія. Достиженію подобныхъ цѣлей владѣтели встрѣчали затрудненія вслѣдствіе особыхъ условій внутренней жизни народа. Въ теченіе многихъ вѣковъ Абхазія, Самурзакань и Цебельда находились подъ тройнымъ, почти равносильнымъ вліяніемъ: подъ вліяніемъ Турціи и мусульманскаго законодательства со стороны моря, черкесскаго обычнаго права со стороны горъ и христіанскаго грузино-мингрельскаго общественнаго устройства со стороны плоскости; ни одно изъ этихъ вліяній не могло взять перевѣса одно надъ другимъ, а каждое изъ нихъ оставило свои слѣды въ общественномъ устройствѣ, при чемъ въ Самурзакани отразилось болѣе вліяніе Грузіи, въ Абхазіи вліяніе Турціи, въ Цебельдѣ вліяніе черкесовъ [2]).

Внутреннее устройство владѣній основывалось на многочисленныхъ союзахъ, на развитіе которыхъ дѣйствовали тѣ же причины, какія существовали вообще въ горскихъ обще-

---

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло 1-го отд. канцел. по управленію горцами 1861 г., № 146. Приложеніе къ рапорту кутаис. генер.-губерн. г.-л. Колюбакина начальн. Главнаго штаба войскъ Кавказской арміи отъ 17 іюля 1861 г., № 271.

[2]) Архивъ комиссіи для окончанія сословно-поземельныхъ дѣлъ въ частяхъ военно-народнаго управленія. Дѣло 1866 г., № 28, ч. I-я. Отношеніе кн. Святополкъ-Мирскаго къ генералу Карцову отъ 28 января 1866 г., № 132.

ствахъ сѣверо-западнаго Кавказа: населеніе препятствовало административной централизаціи, ограждая свои права отъ произвола правящаго класса. Каждый союзъ составлялъ одно цѣлое и жилъ своею особою внутреннею жизнью. Въ составъ союза входили всѣ сословія, и роль каждаго изъ нихъ выработалась издавна установившимися обычаями. Вобще же союзы заключали въ себѣ два рода отношеній: элементы покровительствующіе и покровительствуемые— *ахалапшюю и хипши*, какъ эти понятія выражались на абхазскомъ языкѣ.

Во главѣ каждой общины (*акыта*) стоялъ одинъ покровитель или одна вліятельная фамилія, которой и предоставлялась распорядительная власть; такія преимущества ставили покровителей выше другихъ членовъ общины, а уваженіе къ нимъ населенія, переходя изъ рода въ родъ, укрѣпляло за ними преимущества привилегированныхъ сословій. Однако, самая организація союзовъ не позволяла покровителямъ нарушать права жителей, такъ какъ всякое посягательство въ этомъ отношеніи встрѣчало противодѣйствіе въ обычаѣ *ассаства* — свободы переселенія изъ одной общины въ другую.

Собственно говоря и сами владѣтели, не имѣя твердой власти для управленія, искали опоры во внутренней организаціи народа, а такъ какъ они на общемъ обычномъ правѣ и сами были покровителями нѣсколькихъ звачительныхъ союзовъ, то съ теченіемъ времени все населеніе привыкло смотрѣть на нихъ какъ на высшихъ протекторовъ, считало себя ихъ подданными [1]).

Внутренняя жизнь въ Абхазіи, Самурзаканн и Цебельдѣ основывалась на родовомъ началѣ. Судъ и расправа производились преимущественно по адату; шаріатъ примѣнялся только въ рѣдкихъ случаяхъ. Всѣ дѣла рѣшались судомъ посред-

[1]) Архивъ комиссіи для окончанія сословно-поземельныхъ дѣлъ въ частяхъ военно-народнаго управленія. Дѣло 1866 г., № 28, ч. 1-я. Записка полковника Краевича „О сословныхъ и поземельныхъ отношеніяхъ въ Абхазіи и Самурзакани."

никовъ, гласно; обѣ стороны выбирали медіаторовъ, присягали и давали поручителей въ томъ, что исполнятъ приговоръ суда. Самое рѣшеніе суда *немедленно* приводилось въ исполненіе при содѣйствіи поручителей.

Съ поступленіемъ Абхазіи въ автономное подданство Россіи, полное и безусловное управленіе оставалось по прежнему у владѣтелей. Представители русской власти въ Сухумѣ наблюдали только, чтобы по отношенію къ населенію не допускались бы жестокія кровавыя мѣры. Абхазія не зависѣла отъ имперіи и экономически, такъ какъ всѣ доходы страны шли въ пользу владѣтеля. Впослѣдствіи, въ 1846 году, изъ вѣдѣнія кн. Михаила Шервашидзе были, за ежегодное вознагражденіе въ 12 тысячъ рублей, изъяты порты Абхазіи и въ нихъ введены карантинно-таможенныя учрежденія; дѣйствія же русской администраціи и суда ограничивались городомъ Сухумомъ.

Мѣстное полицейское управленіе Сухумомъ на правахъ градоначальника принадлежало начальнику войскъ въ Абхазіи, который имѣлъ особую канцелярію. Судебными дѣлами завѣдывала ратуша съ чинами, избранными городскимъ населеніемъ. Къ предметамъ вѣдомства ратуши относились: записываніе контрактовъ, векселей и заемныхъ писемъ, засвидѣтельствованіе довѣренностей, совершеніе крѣпостныхъ актовъ на всякую сумму, наконецъ, всѣ тѣ дѣла, которыя на основаніи общихъ законовъ подлежали вѣдомству судовъ первой степени, дворянскихъ опекъ и сиротскихъ судовъ.

Порядокъ разсмотрѣнія гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ въ сухумской ратушѣ отличался слѣдующими особенностями: дѣла, въ которыхъ были заинтересованы привилегированныя сословія, разсматривались въ общемъ присутствіи съ приглашенными двумя членами изъ высшаго сословія. Дѣла уголовныя, поступавшія по общимъ законамъ изъ низшихъ судебныхъ мѣстъ въ суды второй степени, сухумская ратуша

ша вносила къ кутаисскому генералъ-губернатору, который разсматривалъ ихъ, примѣняясь къ правиламъ, установленнымъ вообще для губернаторовъ. Гражданскія дѣла, подлежавшія совѣстному разбирательству, въ случаѣ неуспѣха въ примиреніи тяжущихся, представлялись также къ генералъ-губернатору, который при своемъ мнѣніи направлялъ ихъ къ Намѣстнику. Апелляціонное разсмотрѣніе рѣшеній ратуши, при несогласіи тяжущихся окончательно разобраться по своимъ искамъ, принадлежало кутаисскому губернскому суду [1]).

Въ Самурзакани, при отдѣленіи ея въ 1840 году отъ Мингреліи, было учреждено приставское управленіе, состоявшее изъ пристава, переводчика и четырехъ есауловъ. Назначенный первымъ приставомъ ш.-к. Кирилловъ вошелъ съ представленіемъ объ учрежденіи въ Самурзаканскомъ округѣ подъ наблюденіемъ пристава *словеснаго суда*, на подобіе существовавшаго тогда въ Мингреліи, изъ 4-хъ почетныхъ князей и дворянъ—*мдиванбеговъ* избираемыхъ самими самурзаканцами. Ходатайство свое Кирилловъ основывалъ на необходимости разобрать множество накопившихся отъ мингрельскаго управленія старыхъ дѣлъ. Генералъ Головинъ разрѣшилъ учредить такой словесный судъ временно, съ предоставленіемъ мдиванбегамъ получать по народному обычаю за рѣшеніе дѣлъ вознагражденіе подъ названіемъ *сабтчо*—за разбирательство дѣлъ между тяжущимися по цѣнѣ иска, и *сабокауло*—десятую часть цѣны долговъ и взысканій; а для приведенія въ исполненіе рѣшеній мдиванбеговъ избрать отъ самихъ же самурзаканцевъ *8 бокауловъ*, которымъ пользоваться въ отношеніи вознагражденія тѣми же правами, какъ и членамъ суда. Отъ казны ни мдиванбегамъ, ни бокауламъ не назначено никакого содержанія. Хотя судъ этотъ былъ учрежденъ вре-

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло генер. шт. 1840 г., № 83. Предписаніе корпуснаго командира начальнику 2-го отд. Черноморской береговой линіи полковнику Муравьеву отъ 16 октября 1840, № 1113.

менно, но такъ какъ существованіе его впослѣдствіи оказалось не только полезнымъ, а даже необходимымъ, то на мдиванбеговъ было возложено рѣшать не только старыя дѣла, переданныя отъ мингрельскаго управленія, но и возникшія уже послѣ отдѣленія Самурзакани отъ Мингреліи [1]).

Судъ этотъ руководствовался отчасти законами царя Вахтанга, главнымъ же образомъ народными обычаями. Въ 1842 году самурзаканцы сами постановили на народной сходкѣ преслѣдовать воровъ и взыскивать съ нихъ опредѣленные штрафы, для чего избрали изъ среды своей 35 бокауловъ. Такъ какъ мѣра взысканій за воровство оказалась недѣйствительною, то въ слѣдующемъ году по новому народному постановленію штрафы эти увеличены; по ходатайству пристава тогда же было разрѣшено назначить изъ почетнѣйшихъ князей и дворянъ 47 человѣкъ для непосредственнаго наблюденія за исполненіемъ распоряженій правительства. Число сельскихъ бокауловъ также было увеличено [2]).

Для подробнаго ознакомленія съ практикой словеснаго суда въ 1844 году былъ командированъ въ Самурзакань полковникъ графъ Дунинъ. Онъ нашелъ, что словесный судъ былъ бы очень полезенъ и даже необходимъ, если учредить его на другихъ основаніяхъ. Главнѣйшіе недостатки Дунинъ находилъ въ томъ, что мдиванбеги въ вознагражденіе за свои труды получаютъ процентъ отъ рѣшаемыхъ ими дѣлъ, чего, по его мнѣнію, не должно было быть, такъ какъ мдиванбеги для личной своей выгоды могутъ подстрекать къ разнаго рода преступленіямъ; и злоупотребленія эти въ дѣйствительности происходили на практикѣ; что словесный судъ руковод-

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло генер. шт. 1840 г., № 83. Предписаніе корпуснаго командира начальнику 2-го отд. Черноморской береговой линіи полковнику Муравьеву отъ 16 октября 1840 г., № 1113.

[2]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло департамента судеб. дѣлъ главнаго управл. 1859 г., № 268, связка 3164. Рапортъ управляющ. Мингреліей ген. Колюбакина кутаисскому генералъ-губернатору кн. Эристову отъ 25 марта 1859 г., № 1326.

ствуется и въ уголовныхъ дѣлахъ законами царя Вахтанга, и что для избѣжанія всѣхъ этихъ неудобствъ слѣдуетъ опредѣлить мдиванбегамъ постоянное содержаніе [1]).

По представленію кн. Воронцова въ 1848 году Самурзаканскій округъ присоединенъ къ Кутаисской губерніи и управленіе округомъ оставлено до времени безъ измѣненія, а приставу были даны права и обязанности уѣздныхъ начальниковъ съ подчиненіемъ его непосредственно кутаисскому военному губернатору. Въ 1849 году послѣ смутъ и безпорядковъ въ Самурзакани кутаисскій военный губернаторъ генералъ-лейтенантъ Бѣлявскій представилъ Намѣстнику проектъ измѣненій по управленію Самурзаканью и улучшенію быта ея жителей. По этому проекту предполагалось: раздѣлить Самурзаканскій округъ на четыре участка: Окумскій, Саберійскій, Набакевскій и Бедійскій; самое управленіе составить изъ пристава—штабъ-офицера, помощника его—гражданскаго чиновника Кутаисской губерніи знающаго грузинскій языкъ, пяти мдиванбеговъ, изъ которыхъ четверо управляющіе участками съ четыремя же помощниками, избираемыми изъ почетнѣйшихъ князей и дворянъ, а пятый—непремѣнный членъ словеснаго суда.

Сохраняя за приставомъ права уѣзднаго начальника, генлейт. Бѣлявскій полагалъ мдиванбегамъ предоставить права участковыхъ начальниковъ. Проектировалось также въ устройствѣ судебной части внести болѣе правильную организацію: для разсмотрѣнія словесныхъ жалобъ и рѣшеній уголовныхъ и тяжебныхъ дѣлъ членамъ суда присутствовать одинъ день въ недѣлю, непремѣнному же члену быть въ судѣ ежедневно; въ рѣшеніяхъ уголовныхъ дѣлъ руководствоваться русскими законами, по тяжебнымъ же—законами царя Вахтанга, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и народными обычаями; воровство считать гражданскимъ искомъ и съ виновнаго

[1]) Тамъ же.

взыскивать въ первый разъ вдвое противъ цѣны украденнаго, во второй разъ вчетверо, но съ тѣмъ, чтобы половина взысканной суммы поступала бы въ казну; за воровство въ третій разъ поступать на основаніи Уложенія о наказаніяхъ; кровомщеніе воспретить и виновныхъ въ этомъ судить военнымъ судомъ какъ за умышленное убійство; штрафы по разнымъ случаямъ въ пользу мдиванбеговъ уничтожить. Сверхъ того предполагалось учредить правильное сельское хозяйство въ конфискованныхъ послѣ смутъ въ казну имѣніяхъ и обязать жителей отбывать натуральныя повинности; раздѣлить Самурзакань на 16 приходовъ, учредить школу, построить въ м. Окумѣ церковь, казарму и тюрьму, а для сближенія самурзаканцевъ съ имеретинами и вообще съ русскимъ управленіемъ дозволить дѣтямъ почетнѣйшихъ князей и дворянъ по очереди въ числѣ двухъ находиться при кутаисскомъ военномъ губернаторѣ съ производствомъ имъ отъ казны жалованья.

Но еще до разсмотрѣнія представленнаго ген.-лейт. Бѣлявскимъ проекта, 9 іюня 1849 года, послѣдовало утвержденіе штата Эриванской губерніи и Положеніе объ измѣненіяхъ въ остальныхъ губерніяхъ Закавказскаго края. Составъ управленія Самурзакани по этому закону былъ почти тождественъ съ предположеннымъ въ проектѣ ген. Бѣлявскаго. Такъ какъ проектъ кромѣ устройства управленія округомъ касался еще и другихъ вопросовъ, относящихся до правъ чиновъ приставства, словеснаго суда, повинностей, то всѣ предположенія военнаго губернатора въ 1850 году были разсмотрѣны въ Совѣтѣ Главнаго управленія Намѣстника [1]).

Совѣтъ высказался, что развитіе правильнаго хозяйства въ Самурзакани слѣдуетъ предоставить времени, вмѣнивъ мѣстному начальству въ обязанность руководствоваться въ этомъ

[1]) Тамъ же. Проектъ измѣненія въ управленіи Самурзаканскимъ приставствомъ и мѣры къ улучшенію быта жителей, представленный при рапортѣ г.-л. Бѣлявскаго Намѣстнику отъ 29 января 1849 г., № 20.

отношеніи общими правилами поощренія; возложить на жителей исполненіе натуральныхъ повинностей, приготовленіе и доставку строительныхъ матеріаловъ для казенныхъ сооруженій, перевозку казенныхъ тяжестей, разработку дорогъ, формированіе милиціи, но съ тѣмъ, чтобы самурзаканцы не были отягощаемы чрезмѣрными требованіями, чтобы за перевозку казенныхъ тяжестей производилась установленная закономъ плата; учрежденіе въ Самурзакани церковныхъ приходовъ для поддержанія ослабѣвающаго тамъ христіанства подчинить осетинской духовной комиссіи; предположеніе объ учрежденіи въ Окумѣ школы передать на заключеніе попечителя кавказскаго учебнаго округа.

Приставу оставить по гражданской части права уѣзднаго начальника, примѣнить къ самурзаканскому словесному суду правила словеснаго суда Тифлисскаго уѣзднаго суда; не допускать измѣненія порядка подсудности по воровству, какъ противорѣчащее кореннымъ законамъ; искорененіе кровомщенія, обратившагося съ давнихъ временъ въ обычай вообще между кавказскими горцами, хотя и желательно, но оно можетъ быть уничтожено только отъ смягченія нравовъ и распространенія образованія; штрафы въ пользу мдиванбеговъ закономъ нигдѣ не предусмотрѣны и потому установить надзоръ за тѣмъ, чтобы не дозволять эти произвольные поборы съ жителей [1]).

Въ 1855 году, по вторженіи турокъ на Черноморское побережье, чины самурзаканскаго приставства принуждены были прекратить свои дѣйствія и, удалившись изъ округа, оставили въ немъ всѣ дѣла управленія. Дѣла эти во время войны большею частью были затеряны и потому возстановленное по заключеніи мира на прежнихъ основаніяхъ управленіе не имѣло

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло 1-го отд. 1 ст. кавк. горск. управл. 1864 г., № 5, часть 1-я. „Записка объ управленіи Мингреліей, Абхазіей, Самурзаканью, Сванетіей и Цебельдой."

для руководства ни положеній, ни разрѣшеній, опредѣлявшихъ права, обязанности и порядокъ дѣйствій чиновъ. Вслѣдствіе этого приставское управленіе должно было обратиться къ той дѣловой практикѣ, которой пристава придерживались въ то еще время, когда судъ и расправа въ округѣ были основаны исключительно на мѣстныхъ обычаяхъ.

Самый же порядокъ управленія Самурзаканскимъ округомъ со времени открытія его послѣ Восточной войны установился на слѣдующихъ основаніяхъ.

Самурзаканскій приставъ предсѣдательствовалъ въ словесномъ судѣ, въ которомъ состояло 4 мдиванбега. Они рѣшали въ судѣ дѣла, не вмѣшиваясь въ управленіе участками, которыми вѣдали помощники ихъ на правахъ участковыхъ начальниковъ Имеретіи. Помощники мдиванбеговъ жили въ участкахъ, мдиванбеги же находились въ Окумѣ и постоянно присутствовали въ судѣ для разбирательства тяжебныхъ и уголовныхъ дѣлъ передаваемыхъ приставомъ. Въ случаѣ убійства и воровства въ участкѣ помощники мдиванбеговъ обязаны были распорядиться не только сами и черезъ бокауловъ, но просить содѣйствія у помѣщиковъ въ поимкѣ и представленіи преступниковъ. Установились также нѣкоторыя своеобразныя правила о способахъ взысканія штафовъ, размѣра и назначенія ихъ. За воровство произведенное въ предѣлахъ Мингреліи и Абхазіи штрафовъ и наказаній совершенно не налагалось. Только за воровство, произведенное крестьянами въ самой Самурзакани, опредѣлялись штафы: за покражу лошади 120 рублей, быка и коровы—80 руб., козла и барана—60 руб. Налагаемый такимъ образомъ словеснымъ судомъ штрафъ при самомъ взысканіи дѣлился на три части: одна часть поступала въ пользу помѣщика, другая въ пользу бокауловъ, а третья часть отчислялась на общественныя надобности по приставству. Такихъ штрафныхъ суммъ въ пользу приставскаго управленія ежегодно по рѣшеніямъ суда опре-

дѣлялось до 1500 рублей, и штрафы собственно поступали не деньгами, а лошадьми, домашнимъ скотомъ, оружіемъ, которые и раздавались мдиванбегамъ, ихъ помощникамъ и другимъ чинамъ приставства. Дѣла по мелкимъ кражамъ въ селеніяхъ рѣшались мѣстными сельскими бокаулами, которые взыскиваемые штрафы обращали въ свою пользу. Къ этому нужно добавить, что въ Окумскомъ словесномъ судѣ не велось какой либо отчетности для записыванія штрафныхъ денегъ [1]).

Въ 1858 году князь Барятинскій разрѣшилъ кутаисскому генералъ-губернатору ген.-лейт. кн. Эристову для ближайшаго надзора за ходомъ дѣлъ и наблюденія за дѣйствіями мѣстныхъ начальниковъ временно подчинить приставства Самурзаканское и Сванетское, а также г. Редутъ-Кале управляющему Мингреліею; а если время и опытъ укажутъ, что подоное подчиненіе приноситъ дѣйствительную пользу, то сдѣлать объ этомъ представленіе для утвержденія распоряженія въ законодательномъ порядкѣ [2]). Управляющій Мингреліей генералъ Колюбакинъ въ 1859 году представилъ проекты управленія Самурзаканскимъ приставствомъ и просилъ ихъ утвердить сколь можно скорѣе, чтобы прекратить тотъ произвольный способъ дѣйствій, который усвоило себѣ самурзаканское управленіе послѣ Восточной войны. Въ заключеніе своего ходатайства Колюбакинъ объяснялъ, что правила, на которыхъ должно основываться управленіе Самурзаканскимъ округомъ, никогда не были приняты въ совокупное соображеніе и не приводились въ систему, а потому, чтобы предупредить на будущее время неправильное толкованіе тѣхъ отдѣльныхъ постановленій, которыя разновременно давались въ руководство приставу, онъ призналъ необходимымъ со-

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло департам. судебныхъ дѣлъ главнаго управл. Намѣстника 1859 г., № 208, связка 3164. Докладъ департамента объ управленіи Самурзаканскимъ округомъ.

[2]) Тамъ же.

ставить подробную инструкцію [1]). Однако кн. Барятинскій приказалъ сохранить въ Самурзакани тотъ самый порядокъ, который былъ опредѣленъ закономъ 9 іюня 1849 года, вмѣстѣ съ тѣмъ нашелъ нужнымъ измѣнить нѣкоторыя части представленной инструкціи и образовать словесный судъ на слѣдующихъ основаніяхъ.

Дѣйствія словеснаго суда, состоящаго изъ пяти мдиванбеговъ, должны находиться подъ наблюденіемъ пристава. Въ случаѣ разногласія членовъ дѣло рѣшается приставомъ. Разбору и рѣшенію суда отнесены всѣ гражданскія дѣла, равно и уголовныя, за исключеніемъ тѣхъ, которыя предоставлены окончательному рѣшенію пристава, и по преступленіямъ, за которыя въ законахъ опредѣлено лишеніе всѣхъ или нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ. Вѣдомству суда отнесены также воровство-кража и воровство-мошенничество. Въ рѣшеніи гражданскихъ дѣлъ судъ долженъ былъ руководствоваться народными обычаями и уложеніемъ царя Вахтанга. Въ дѣлахъ уголовныхъ ту или другую мѣру виновности суду опредѣлять на основаніи выяснившихся данныхъ во время разбора, а вознагражденіе обиженному преступленіемъ назначать по обычаю страны. Присужденіе же личнаго наказанія или денежнаго штрафа, положенное за извѣстное преступленіе въ Уложеніи о наказаніяхъ, предоставить приставу. Жалобы на рѣшеніе суда приносить управляющему Мингреліей, который могъ передавать дѣло на разсмотрѣніе Совѣта Мингреліи [2]).

Въ Сванетіи раздоры между князьями Дадишкиліани возникли вновь въ 1855 году. Война съ турками не позволила тогда принять мѣры для возстановленія спокойствія, и гене-

[1]) Тамъ же. Рапортъ управляющаго Мингреліей г.-м. Колюбанина кутаис. генер-губернатору кн. Эристову отъ 25 марта 1859 г., № 1326.

[2]) Тамъ же. Предписаніе кн. Барятинскаго кутаисскому генер.-губернатору отъ 9-го декабря 1859 г., № 379.

ралъ Муравьевъ ограничился приказаніемъ не выдавать братьямъ Александру и Константину назначенаго имъ отъ казны содержанія.

Лѣтомъ 1857 года кутаисскій генералъ-губернаторъ кн. Гагаринъ донесъ Намѣстнику, что кн. Константинъ угрозами и насиліемъ заставилъ два вольно-сванетскихъ общества присягнуть себѣ, что сами вольные сванеты не желаютъ измѣнить присягѣ, но безъ помощи русскихъ войскъ не въ состояніи противодѣйствовать замысламъ кн. Константина. Для подавленія могущихъ усилиться безпорядковъ кн. Барятинскій направилъ въ Сванетію подъ начальствомъ полковника Услара отрядъ. Цѣль экспедиціи была достигнута: кн. Константинъ никакого сопротивленія не оказалъ и явился въ Тифлисъ; но въ скоромъ времени былъ отправленъ въ Кутаисъ; при немъ безотлучно находился полковникъ Бартоломей, которому совмѣстно съ кн. Гагаринымъ была объявлена воля главнокомандующаго, чтобы всѣ Дадишкиліани были собраны въ Кутаисъ для выслушанія рѣшенія по ихъ владѣльческому вопросу. Константинъ отклонилъ это, утверждая, что братья его не пріѣдутъ въ Кутаисъ, пока имъ не будетъ объявлено полное прощеніе.

Между тѣмъ поднадзорнымъ положеніемъ своимъ Константинъ тяготился: онъ безпрестанно роптalъ на то, что его отдали въ опеку, какъ малолѣтняго, что онъ найдетъ время и случай принести государю жалобу на несправедливости, которыя надъ нимъ совершаются. Кн. Гагаринъ старался внушить Константину, что однимъ только точнымъ исполненіемъ приказаній главнокомандующаго онъ можетъ разсчитывать устроить будущность своей фамиліи. Константинъ не могъ удовлетвориться этими доводами, и когда ему предложили выѣхать на жительство или въ Петербургъ, или въ Эривань, то раздраженіе его дошло до крайнихъ предѣловъ. 20-го октября кн. Гагаринъ призвалъ Константина, чтобы уговорить его

исполнить распоряженіе Намѣстника; но тутъ случилась катастрофа: Константинъ выхватилъ кинжалъ и наповалъ убилъ кн. Гагарина. Совершивъ убійство, Дадишкиліани выбѣжалъ на улицу; народъ погнался за нимъ; по тревогѣ прибѣжали солдаты. Дадишкиліани былъ схваченъ и 5 ноября публично казненъ [1]).

Въ апрѣлѣ 1858 года кн. Барятинскій предложилъ кутаисскому генералъ-губернатору: учредить въ Сванетіи приставское управленіе; имѣніе Чебухеви принять въ казну и возложить на крестьянъ отбываніе въ пользу правительства необременительныхъ повинностей; войти съ представленіемъ о назначеніи вдовѣ и дѣтямъ Константина ежегодной пенсіи; во владѣніе имѣніемъ Эцери ввести на помѣщичьихъ правахъ князя Тенгиза Дадишкиліани; другое имѣніе, младшей отрасли этой фамиліи, Бечо конфисковать въ казну. Въ 1859 году для обезпеченія будущности всей отрасли кн. Ціоха назначена сумма въ 150 тысячъ рублей. Такимъ разрѣшеніемъ владѣтельскаго вопроса была упразднена автономія въ княжеской Сванетіи и уничтожены пожалованныя въ 1833 году князьямъ Ціоху и Татархану инвеститурныя граматы, такъ какъ имѣніе Ціоха перешло въ казну, а потомство Татархана введено во владѣніе на новыхъ основаніяхъ — на помѣщичьихъ правахъ [2]).

Въ какой же степени удовлетворяли цѣлямъ правительства и потребностямъ населенія вышеуказанныя особыя учрежденія кутаисскаго генералъ-губернаторства? Нѣтъ сомнѣнія, что при разновременномъ устройствѣ управленій въ этихъ частяхъ края прежде всего принимались въ соображеніе обстоятельства, обусловливающія политическое ихъ положеніе; затѣмъ — степень развитія гражданской жизни народовъ, наконецъ, эко-

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло 2-го отд. генер. шт. 1858 г., № 34. Записка кутаис. генер.-губ. г.-л. кн. Эристова „Сванетское дѣло 1857 года.“ Представлена при рапортѣ къ генералу Милютину отъ 18-го февраля 1859 г., № 149.

[2]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло департ. главнаго управленія 1871 г., № 5, связка 7543. Докладъ по департаменту отъ 19 сентября 1872 года.

номическій ихъ бытъ. Вслѣдствіе этого управленіе провинціями генералъ-губернаторства находилось въ исключительныхъ условіяхъ и главнѣйшіе недостатки этого управленія заключались въ слѣдующемъ:

Въ разнообразности административныхъ частей и какъ результатъ этого—въ большихъ расходахъ на содержаніе администрацій. Такъ напримѣръ, собственно въ Кутаисской губерніи были устроены одни учрежденія, въ Мингреліи другія, а Самурзакань, Сванетія и Цебельда, несмотря на малонаселенность ихъ, близкое сосѣдство, сходство нравовъ и обычаевъ ихъ обитателей и единство ихъ политическаго положенія, также имѣли свои отдѣльныя, впрочемъ устроенныя на совершенно одинаковыхъ основаніяхъ, установленія.

Въ разнообразіи администраціи и суда. Въ Самурзакани, Сванетіи и Цебельдѣ существовали особые словесные суды, въ Мингреліи отдѣльныхъ судебныхъ учрежденій вовсе не было, а изъ судебныхъ дѣлъ гражданскія рѣшались и окружными начальниками, и управляющимъ Мингреліей, Совѣтомъ Мингреліи и, наконецъ, Намѣстникомъ; что же касается уголовныхъ дѣлъ, то они поступали не въ Совѣтъ Мингреліи, а въ кутаисскій губернскій судъ, и затѣмъ уже, по разсмотрѣніи рѣшеній его управляющимъ Мингреліей, получали дальнѣйшій установленный законами ходъ.

Въ отсутствіи ясныхъ и опредѣленныхъ правилъ для дѣйствій администраціи. Такъ, цебельдинскій приставъ и словесный судъ не имѣли никакихъ правилъ для своей дѣятельности. Съ подчиненіемъ Самурзакани и Сванетіи управляющему Мингреліей новое его положеніе не было опредѣлено, точно также какъ и положеніе начальника войскъ въ Абхазіи въ отношеніи Цебельды.

Изъ всѣхъ частей кутаисскаго генералъ-губернаторства отношенія къ правительству Абхазіи находились въ прямой и полной зависимости отъ намѣреній владѣтеля.

Самъ князь Михаилъ Шервашидзе не могъ не чувствовать, что власть его, на которую онъ имѣлъ спорныя права, создана Россіей, и онъ во все свое продолжительное управленіе краемъ старался достигнуть двоякой цѣли: упрочить владѣніе за потомствомъ и пользоваться для такой цѣли содѣйствіемъ русскихъ войскъ. И дѣйствительно, система правительственнаго покровительства во внутреннихъ дѣлахъ Абхазіи состояла въ упроченіи владѣтельскаго единовластія и въ стремленіи дать ему средства поддерживать спокойствіе въ краѣ. Начальники 3-го отдѣленія Черноморской береговой линіи, въ районѣ которой находилась Абхазія, постоянно снабжались наставленіями: „стараться пріобрѣсти расположеніе владѣтеля, безъ добраго согласія съ которымъ весьма трудно управлять краемъ согласно съ видами правительства.“ Такой системой администрація достигла уничтоженія торга людьми, поддержала исчезнувшее христіанство; учрежденіемъ береговыхъ карантинно-таможенныхъ пунктовъ, за вознагражденіемъ владѣтеля двѣнадцатью тысячами рублей ежегодно, ввела правильную торговлю, а шесть тысячъ русскихъ штыковъ всегда готовы были дѣйствовать согласно съ видами владѣтеля. Пользуясь такимъ исключительнымъ положеніемъ, кн. Михаилъ осуществилъ завѣтную мысль знаменитаго своего предка Келишъ-бея и подчинилъ безусловной своей власти Сухумскій и Абживскій округа, въ которые нѣкогда онъ не имѣлъ права появиться безъ предварительныхъ переговоровъ съ владѣтельцами [1]). Народъ выказывалъ недовольство, но принужденъ былъ смириться.

Князь Шервашидзе былъ женатъ первымъ бракомъ на княжнѣ изъ черкешенокъ; отпустивъ ее къ роднымъ по туземному обычаю, какъ бездѣтную, онъ повѣнчался вторымъ

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Секретное дѣло 2-го отд. генер. штаба 1862 г., № 5. Рапортъ командующаго войсками въ Абхазіи г.-м. Шатилова князю Святополкъ-Мирскому отъ 29 сентября 1861 г., №14.

бракомъ на княжнѣ Меники Дадіанъ. Первый пріѣздъ зятя въ домъ къ новому тестю былъ признакомъ неприличнымъ по мѣстнымъ обычаямъ, потому непосредственно за совершеніемъ обряда возникли между породнившимися домами недоразумѣнія и взаимная вражда. Это длилось года два, три. Михаилъ Шервашидзе не предвидѣлъ благопріятнаго исхода и, будучи еще въ юношескихъ лѣтахъ, не могъ не поддаваться вліянію страстей и въ особенности естественному желанію имѣть дѣтей, чтобы упрочить за собственнымъ потомствомъ званіе владѣтеля. Увлекаемый молодостью и совѣтами приближенныхъ, онъ могъ утѣшать себя, что первая жена возвращена къ роднымъ согласно народному обычаю, вторая хотя и была съ нимъ вѣнчена, но оставалась все время внѣ дѣйствительнаго брака и, такимъ образомъ, ему, главѣ народа, казалось неважнымъ поступкомъ вступить при живыхъ двухъ женахъ въ третій бракъ съ дѣвицей, которую увидѣлъ онъ случайно въ домѣ тетки своей княгини Кесаріи Шервашидзе, и которая плѣнила его своею красотою. Дѣвица эта была княжна Александра, дочь другого дадіана, кн. Георгія.

Несмотря на сильныя обвиненія со стороны главноуправлявшаго въ Грузіи генерала Розена, бракъ этотъ, совершенный по церковному обряду, былъ подтвержденъ пожалованіемъ княгинѣ Александрѣ ордена св. Екатерины, какъ супругѣ владѣтеля Абхазіи. Признательность самого кн. Михаила за такую исключительную милость, упрочившую за нимъ семейное счастье, не могла не быть искренняя еще тѣмъ болѣе, что онъ горячо любилъ свою жену и какъ мать пятерыхъ его дѣтей, и какъ женщину прекрасную, умную, нравственную, любящую [1]).

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло, переданное изъ 2-го отд. генер. штаба кавказ. арміи, 1855 г., № 22, связка 7120. Докладъ Димитрія Кипіани князю Бебутову отъ 14 октября 1855 года.

Дѣло о вознагражденіи владѣтеля Мингреліи за принятіе въ казну Самурзакани, передача ему же селеній Большіе и Малые Коки, наконецъ, оставленныя безъ вниманія предпринятыя въ 1845 году преобразованія въ Абхазіи были первыми причинами сильнаго раздраженія кн. Шервашидзе противъ правительства. Вознагражденіе, выданное князю Давиду Дадіанъ за Самурзакань, оскорбило кн. Михаила, какъ владѣтеля, считавшаго страну эту принадлежащую Абхазіи; присоединеніе къ Мингреліи деревень, которыми владѣли раньше самурзаканскіе Шервашидзе, раздражало его какъ главу фамиліи князей Шервашидзе, подвергая его упрекамъ, что онъ не имѣетъ настолько значенія у правительства, чтобы отстоять интересы своей фамиліи; а невниманіе къ его преобразованіямъ въ Абхазіи еще болѣе усилило его неудовольствіе. Это онъ очень рѣзко выразилъ въ разговорѣ съ начальникомъ Черноморской береговой линіи генераломъ Будбергомъ. Вопросъ шелъ о ссылкѣ нѣсколькихъ абхазскихъ князей и дворянъ, которые противились введенію новыхъ учрежденій, и когда Будбергъ, опасаясь волненій въ краѣ, отклонилъ ходатайство владѣтеля, то этотъ послѣдній обратился съ неожиданной просьбой, чтобы его уволили отъ званія владѣтеля, приняли Абхазію въ казенное управленіе и вознаградили за его владѣніе имѣніями въ Россіи или Имеретіи. На убѣжденія генерала Будберга, что Абхазія не можетъ обойтись безъ управленія владѣтелями, кн. Михаилъ отвѣчалъ: „Званіе владѣтеля теперь слишкомъ унижено; можно быть владѣтелемъ только не при русскомъ правительствѣ; а я не хочу быть разбойникомъ Даніэль-бекомъ.“ Послѣ того кн. Шервашидзе неоднократно возобновлялъ свою просьбу, словесно и письменно, объ увольненіи его отъ званія владѣтеля [1]).

---

[1]) Тамъ же. Замѣчанія ген. Муравьева на докладѣ Кишіани отъ 14-го октября 1855 года.

Изъ такихъ просьбъ обращаетъ вниманіе поданная владѣтелемъ въ концѣ 1847 года докладная записка князю Воронцову. „Оставшись по смерти отца моего Сеферъ-бея совершенно малолѣтнимъ,—писалъ кн. Шервашидзе,—я при покровительствѣ и вниманіи благодѣтельнаго правительства, будучи 10-ти лѣтъ (?) отъ роду, утвержденъ былъ законнымъ наслѣдникомъ и владѣтелемъ Абхазіи и вотъ уже 30 лѣтъ, неся великое бремя управленія краемъ, соединенное съ неутомимыми трудами и заботами, которые въ настоящее время почти совершенно разстроили мое здоровье и лишили возможности далѣе управлять владѣніемъ, что и заставляетъ меня безпокоить особу вашего сіятельства почтительнѣйшею моею просьбою объ увольненіи меня отъ управленія Абхазіею; а взамѣнъ же уступаемаго мною въ казну владѣнія не оставьте вашимъ ходатайствомъ объ отводѣ мнѣ въ Имеретіи 1500 дворовъ крестьянъ, гдѣ бы я могъ на покоѣ и прилично моему званію провести остатокъ жизни; и ежели съ всемилостивѣйшаго вниманія ко мнѣ государя императора, въ вознагражденіе къ долговременной службѣ моей, послѣдуетъ о томъ рѣшеніе, то не оставьте распоряженіемъ объ устраненіи съ означенныхъ крестьянъ всѣхъ податей и налоговъ со стороны правительства.“ Кромѣ того владѣтель просилъ, взамѣнъ отпускаемыхъ ему отъ казны содержанія, выдать ему единовременно соразмѣрное вознагражденіе [1]).

Просьба эта очень озабочивала кн. Воронцова; онъ не могъ не опасаться, что при полной невозможности, по случаю отвлеченія войскъ въ районъ Восточнаго Кавказа, провести эту мѣру поддержкой большихъ вооруженныхъ силъ, исполненіе желанія владѣтеля породитъ большія волненія въ Абхазіи и соединитъ въ одну общую организацію окружавшія ее

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Секретное дѣло, переданное изъ 3-го отд. генер. штаба кавказ. корпуса, 1847 г., № 4, связка 7119. Докладная записка кн. Михаила Шервашидзе князю Воронцову отъ 10-го ноября 1847 г., № 83.

горскія племена. Кн. Воронцовъ обращалъ вниманіе владѣтеля на всѣ невыгодныя послѣдствія, которыя неминуемо должны были возникнуть при выполненіи его желанія. „Не могу я смотрѣть,—писалъ князь,—на подобное отреченіе владѣтеля, какъ на простое увольненіе должностнаго лица. Вы желаете отвергнуть права, власть и обязанности, дарованныя или возложенныя на васъ Богомъ, освященныя временемъ, знаменитостью происхожденія, доблестями предковъ, собственными заслугами и признательностью народа. Вы тяготитесь этими правами и обязанностями, сопряженными, конечно, съ заботами и трудами, но и со славою, съ первенствомъ въ обществѣ, съ важными преимуществами и выгодами лично для васъ и для семейства вашего. Подумайте, какое впечатлѣніе произведетъ на подвластное вамъ и сосѣднее съ онымъ населеніе такое отреченіе отъ сана, который вы получили и должны передать по наслѣдству. Подумайте, что потомство ваше не будетъ раздѣлять вашего мнѣнія, не станетъ обременяться этимъ высокимъ званіемъ и что память ваша будетъ ненавистна потомкамъ, которыхъ вы лишите достоянія ихъ безъ необходимости, безъ достаточнаго къ тому повода“ [1]).

Кн. Воронцовъ сообщалъ далѣе, что, въ виду невозможности ввести въ Абхазіи правильную администрацію и гражданственность, пришлось бы для управленія страной избрать въ семействѣ владѣтеля преемника, который бы личнымъ вліяніемъ умѣло охранялъ бы край отъ внутреннихъ и внѣшнихъ волненій; а, возложивъ эти обязанности на новое лицо, пришлось бы ему предоставить и всѣ выгоды, сопряженныя съ званіемъ владѣтеля. Отвести въ Имеретіи 1500 дворовъ крестьянъ съ освобожденіемъ ихъ отъ взноса государственныхъ податей Воронцовъ находилъ также неисполнимымъ; равнымъ образомъ неосуществимымъ другое желаніе кн. Шервашидзе—

[1]) Тамъ же. Письмо кн. Воронцова князю Михаилу Шервашидзе отъ 29 ноября 1847 г., № 33.

о выдачѣ ему единовременнаго пособія, такъ какъ получаемое имъ ежегодное содержаніе было назначено за отошедшіе въ казну порты Абхазіи и, слѣдовательно, вознагражденіе это должно было перейти къ новому владѣтелю. Князь Воронцовъ отговаривалъ владѣтеля отъ такого рискованнаго шага, убѣждая, что сохраненіе званія владѣтеля было для него дѣломъ чести, достоинства и пользы [1]).

Въ Восточную войну 1853—1856 г.г. князю Михаилу Шервашидзе суждено было играть выдающуюся роль. Участіе его въ ходѣ военныхъ событій началось съ весны 1854 года, когда рѣшено было вывести изъ Абхазіи всѣ русскія войска. Это было выполнено самимъ владѣтелемъ очень искусно и даже болѣе того: безъ его содѣйствія войска эти не могли выйти благополучно при общемъ враждебномъ настроеніи окружавшихъ горскихъ племенъ. Князь Михаилъ всѣми силами старался доказать преданность правительству. По выполненіи порученія онъ поселился съ семействомъ въ Мингреліи у своего тестя, князя Георгія Дадіанъ, а затѣмъ былъ вызванъ генераломъ Реадомъ въ Тифлисъ; въ совѣщаніяхъ объ Абхазіи владѣтель высказывалъ свои желанія непосредственно содѣйствовать успѣшному направленію дѣлъ не только въ этой странѣ, но и на всемъ восточномъ берегу Чернаго моря. Съ этою цѣлью онъ хотѣлъ возвратиться въ Мингрелію къ границамъ своихъ владѣній, такъ какъ удаленіе свое отъ сосѣдства съ Абхазіею онъ считалъ вреднымъ какъ для себя, такъ и для правительства; онъ опасался, что это можетъ породить безначаліе, между тѣмъ какъ близкое его сосѣдство съ владѣніями удерживало бы неблагонамѣренныя ему партіи въ страхѣ [2]).

„Выше всѣхъ моихъ личныхъ выгодъ,—писалъ владѣтель по этому поводу военному министру,—я ставлю долгъ мой

[1]) Тамъ же.

[2]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Секретное дѣло, переданное изъ 2-го отд. генер. штаба отдѣльнаго кавказ. корпуса, 1854 г., № 21, связка 7120. Письмо генерала Реада къ военному министру князю Долгорукову отъ 12 декабря 1854 года.

Его Императорскому Величеству, и въ этомъ смыслѣ буду дѣйствовать до конца настоящей войны, какой бы оборотъ она не приняла. Послѣ выѣзда моего изъ Абхазіи я нашелъ необходимымъ остаться съ семействомъ моимъ въ Мингреліи у тестя моего князя Георгія Дадіанъ для того, чтобы имѣть возможность воспользоваться вліяніемъ моимъ на моихъ подвластныхъ и сосѣдственныя съ ними племена, и такъ разстраивать планы нашихъ непріятелей. Я не ошибся въ моихъ разсчетахъ. Союзники уже обмануты въ надеждахъ, которыя они полагали на Магометъ-Амина, и племена, населяющія сѣверо-восточный берегъ Чернаго моря, принимаютъ уже съ недовѣрчивостью ихъ предложенія. Давъ такое направленіе умамъ тѣхъ горцевъ, кои могли бы принять важное участіе въ настоящей войнѣ, я прибылъ въ Тифлисъ 5-го числа настоящаго мѣсяца для совѣщанія по нѣкоторымъ предметамъ съ командующимъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ и нахожу необходимымъ для поддержанія начатаго мною дѣла возвратиться обратно, поселиться вблизи моего владѣнія и переѣзжать на его границы; но, не приводя въ исполненіе предположенія этого, буду ожидать здѣсь дальнѣйшихъ повелѣній Его Императорскаго Величества. Я твердо увѣренъ, что Всевышній не оставитъ наше правое дѣло, и войска Его Императорскаго Величества одержатъ верхъ надъ союзными. Съ моей стороны употреблены будутъ всѣ средства для ослабленія упадающаго уже вліянія непріятелей нашихъ на тѣ племена, на которыя они полагали свои надежды, и я не оставлю края сосѣдственнаго моему владѣнію до тѣхъ поръ, пока обстоятельства дозволятъ мнѣ быть тамъ полезнымъ для службы государя императора; въ противномъ же случаѣ переѣду съ семействомъ въ Тифлисъ и буду ожидать дальнѣйшихъ повелѣній Его Императорскаго Величества“ [1]).

[1]) Тамъ же. Письмо кн. Михаила Шервашидзе князю Долгорукову отъ 11 декабря 1854 г., № 176.

Съ другой стороны, правительница Мингреліи, княгиня Дадіанъ, просила избавить страну отъ пребыванія кн. Шервашидзе, непримиримаго врага мингрельскаго владѣтельнаго дома. Правительница писала Реаду, что когда война сдѣлалась неизбѣжной и турки вступили въ ея владѣнія, въ Редутъ-Кале, она не предалась ни бѣгству, ни отчаянію, а выказала своему народу непоколебимую рѣшимость раздѣлить его опасности, его лишенія и, защищая родной край, остаться въ немъ до послѣдней возможности; что ею тогда же были приняты нѣкоторыя мѣры, чтобы возвысить духъ народа, и что, между прочимъ, она строго запретила принимать иноземныхъ выходцевъ, могущихъ повліять на мингрельцевъ и поколебать. Эта мѣра, по мнѣнію правительницы, не могла касаться кн. Шервашидзе, такъ какъ предполагалось, что его пребываніе ограничиться срокомъ необходимымъ для устройства домашнихъ дѣлъ, но кн. Михаилъ думалъ поселиться надолго, и правительница настаивала на удаленіи его изъ страны. „Въ Мингреліи,—писала правительница,—наполненной приготовленіями къ войнѣ, гдѣ всѣ люди отборные сторожатъ границу; гдѣ каждому простолюдину указано мѣсто, на которомъ онъ долженъ отразить врага или умеретъ; въ Мингреліи, отъ которой, можно сказать, отошла жизнь кроткихъ занятій и у тѣхъ, чтобы предоставить болѣе свободы и простора генію войны, въ этой странѣ и среди столь торжественныхъ заботъ и ожиданій одинъ человѣкъ съ нѣсколькими приверженцами, какъ бы потѣшаясь ея тревогами и опасеніями, ведетъ жизнь безпечную и неприличную своему положенію.... это владѣтель Абхазіи, давнишній врагъ мингрельскаго владѣтельнаго дома. Его значеніе родовое, милости къ нему правительства, вниманіе высшаго начальства, дѣлаютъ его человѣкомъ самымъ замѣтнымъ, а его достатокъ и самый образъ жизни привлекаютъ къ нему людей малодушныхъ и легкомысленныхъ; къ нему отъ времени до времени прибываютъ изъ-за Ингура,

гостятъ и вновь уѣзжаютъ въ земли непріятельскія люди невѣдомые и не внушающіе малѣйшей довѣренности; они внимательно высматриваютъ и прислушиваются, а ихъ тайныя совѣщанія съ владѣтелемъ и иное пропептанное имъ слово смущаютъ робкихъ и колеблютъ нетвердыхъ. Люди недовольные, такіе есть вездѣ и при всякомъ образѣ управленія, смотрятъ на князя Шервашидзе какъ на знамя, если не призывающее къ преступной попыткѣ, то по крайней мѣрѣ могущее прикрыть отъ отвѣтственности. Согласитесь, ваше высокопревосходительство, что, даже не обвиняя его, нельзя не признать, что таковы послѣдствія его положенія въ Мингреліи и что такова роль, которую заставляетъ его играть сила обстоятельствъ. Впрочемъ, вспомнивъ его давнишнюю злобу къ дому нашему и принявъ въ соображеніе бездѣйствіе обременяющее его гордую и властолюбивую душу, нельзя предполагать, чтобы онъ отказывалъ себѣ въ удовольствіи лелѣять раздраженныя страсти, если не явнымъ злонамѣренныхъ и надѣющихся на него, то однимъ изъ этихъ намековъ или одобреній, отъ которыхъ такъ легко отречься и которыя ничѣмъ не доказываются. Конечно, я увѣрена, что никакія вредныя вліянія не восторжествуютъ здѣсь ни надъ твердыми началами, положенными предками нашими, ни надъ благочестіемъ мингрельцевъ и преданностью ихъ къ дому владѣтельному, ни, наконецъ, надъ собственными моими усиліями; но для чего бы увеличивать трудности моего положенія и безъ того довольно затруднительнаго; для чего бы переполнять мѣру и безъ того довольно тяжкихъ испытаній, посланныхъ Богомъ мнѣ и народу.....“ [1]).

Правительница доказывала, что если пребываніе кн. Шервашидзе въ Мингреліи допущено изъ-за политическихъ видовъ и могло способствовать занятію вновь Абхазіи войсками, то

[1]). Тамъ же. Письмо правительницы Мингреліи генералу Реаду отъ 8 ноября 1854 г.

по тѣмъ же причинамъ оно нарушало спокойствіе и ослабляло защиту самой Мингреліи; если же сдѣлано это изъ уваженія къ его сану, изъ состраданія къ его потерямъ, изъ боязни оскорбить его, то она удивлялась, почему не удѣляютъ тѣхъ самыхъ чувствъ женщинѣ-правительницѣ, вдовѣ и матери отроковъ, исполняющей святыя свои обязанности [1]).

Такимъ образомъ, желанія правительницы Мингреліи и кн. Шервашидзе были противоположны. Дѣло это было предоставлено ближайшему усмотрѣнію новаго главнокомандующаго, и на донесеніи Реада государь собственноручно написалъ: „Полагаю, что наилучшее передать это рѣшенію г. Муравьева; надо не обижать княгиню Дадіанъ, было бы несправедливо и вредно оказывать недовѣріе кн. Шервашидзе, уже на дѣлѣ доказавшему свою нелицемѣрную преданность, заслуживающую всякой похвалы.“ Въ то же время предложено Реаду склонить владѣтеля Абхазіи и правительницу Мингреліи мѣрами убѣжденія принести взаимную ихъ вражду въ жертву общей пользѣ, внушивъ имъ, что согласнымъ стремленіемъ къ достиженію указанной правительствомъ цѣли они обезпечатъ собственныя выгоды и пріобрѣтутъ новыя права на особенное покровительство [2]).

Въ такомъ же смыслѣ кн. Долгоруковъ по порученію государя отвѣтилъ на письмо кн. Шервашидзе и просилъ его оставаться въ Тифлисѣ до прибытія генерала Муравьева для личнаго объясненія всѣхъ соображеній о ходѣ совершившихся въ Абхазіи событій [3]).

Кн. Шервашидзе исполнилъ это распоряженіе и дождался пріѣзда Муравьева, который разрѣшилъ ему выѣхать въ Мингрелію; а при вторичномъ свиданіи съ нимъ въ этой странѣ Му-

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же. Отношеніе кн. Долгорукова генералу Реалу отъ 23 декабря 1854 г., № 723.

[3]) Тамъ же. Письмо кн. Долгорукова князю Михаилу Шервашидзе отъ 23 декабря 1854 года.

равьевъ убѣдился, что положеніе владѣтеля было дѣйствительно затруднительно; онъ имѣлъ въ Абхазіи родственныя связи, отъ которыхъ отказаться не могъ; это наводило на него подозрѣнія княгини Дадіанъ. Шервашидзе изъявлялъ готовность перевести въ Имеретію свое семейство, если пребываніе его стѣсняло правительницу, соглашался прибыть къ дѣйствующимъ войскамъ на турецкой границѣ. Муравьевъ находилъ, что взаимныя отношенія княгини Дадіанъ и владѣтеля Абхазіи хотя и не соотвѣтствовали его желанію, но не заключали въ себѣ какого либо политическаго значенія; Муравьевъ надѣялся, что въ этихъ отношеніяхъ по крайней мѣрѣ наружное приличіе не будетъ нарушено, а потому рѣшеніе вопроса о дальнѣйшемъ пребываніи кн. Шервашидзе въ Мингреліи полагалъ согласовать съ обстоятельствами [1]).

Въ первыхъ числахъ іюня начали носиться слухи, что кн. Михаилъ переѣхалъ въ предѣлы Абхазіи. Князь Бебутовъ отъ него получилъ письмо, въ которомъ владѣтель сообщалъ, что, прибывъ въ Абхазію, онъ нашелъ тамъ всѣхъ жителей расположенными въ пользу Турціи. Изъявляя намѣреніе свое оставаться въ Абхазіи, чтобы дѣйствовать въ пользу правительства, разстроить намѣренія непріятеля, кн. Шервашидзе сообщалъ, что въ случаѣ неуспѣха онъ опятъ возвратится въ Мингрелію. Владѣтель при этомъ жаловался насколько положеніе его во время пребыванія въ Мингреліи не соотвѣтствовало его званію.

Между тѣмъ 22-го іюня въ Тифлисъ прибылъ съ донесеніями отъ начальника гурійскаго отряда, князя Багратіонъ-Мухранскаго, кн. Григорій Шервашидзе. Мухранскій доносилъ, что кн. Григорій отправился изъ Мингреліи въ Очемчиры вмѣстѣ съ владѣтелемъ и по всѣмъ дѣйствіямъ этого послѣдняго убѣдился въ намѣреніи его измѣнить правительству.

[1]) Тамъ же. Отношеніе ген. Муравьева князю Долгорукову отъ 30 апрѣля 1855 г., № 9.

Въ разговорахъ съ владѣтелемъ кн. Григорій замѣчалъ только одну мысль, которая поражала и наводила на него сомнѣніе: что если Россія потеряетъ Крымъ, то не удержитъ за собою и Кавказа. „Справедливо ли или нѣтъ это личное убѣжденіе князя Григорія Шервашидзе,—писалъ Мухранскій,—но, повинуясь ему, онъ личными своими разсчетами пожертвовалъ святости присяги престолу и оставилъ владѣтеля, съ которымъ былъ тѣсно связанъ не только служебными отношеніями, но и чувствами благодарности“ [1]).

Кн. Григорій Шервашидзе, двоюродный племянникъ владѣтеля, былъ всегда однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ нему людей и по его порученіямъ принималъ участіе въ дѣлахъ управленія краемъ, въ особенности по разбирательству споровъ и тяжебныхъ дѣлъ восходившихъ на судъ владѣтеля.

Самъ кн. Григорій, прибывъ въ Тифлисъ, далъ слѣдующія разъясненія объ обстоятельствахъ предшествовавшихъ въѣзду владѣтеля въ Абхазію. Владѣтель жилъ съ своимъ семействомъ на лѣвомъ берегу Ингура въ мингрельскомъ селеніи Чкадуаши и намѣревался лѣтомъ переѣхать въ Лечгумъ, горный край Мингреліи. Григорій съ своею женою, матерью и съ сыномъ владѣтеля, отданнымъ имъ на воспитаніе, поселился въ верстахъ 60-ти отъ Чкадуаши въ сел. Квашехоры. Въ первыхъ числахъ мая владѣтель вызывалъ кн. Григорія къ себѣ, сообщивъ, что ѣдетъ въ Самурзакань. Поспѣшивъ туда, кн. Григорій уже не засталъ владѣтеля и, узнавъ, что онъ отправился въ Очемчиры, пріѣхалъ туда, гдѣ въ домѣ владѣтеля онъ засталъ абхазца, поручика Гассанъ Маргани, цебельдинца, маіора кн. Баталъ-бея Маршани и одного турецкаго офицера. Присутствіе этихъ лицъ въ домѣ владѣтеля показалось

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло съ секретной перепиской о кн. Михаилѣ Шервашидзе 1855 г., № 27, связка 7120. Рапортъ кн. Бебутова князю Долгорукову отъ 12 іюля 1855 г., № 12.

кн. Григорію подозрительнымъ, но онъ, однако, остался въ Очемчирахъ, ожидая разъясненія причины ихъ прибытія.

Вскорѣ по пріѣздѣ кн. Григорія Шервашидзе въ Очемчиры было получено извѣстіе о движеніи гурійскаго отряда въ Кобулеты. Встревоженный этимъ извѣстіемъ, турецкій главнокомандующій отправился на пароходѣ изъ Сухума въ Цихисдзыри, взявъ съ собою 500 человѣкъ абхазской милиціи подъ начальствомъ маіора кн. Александра Шервашидзе, брата владѣтеля. Проходя мимо Очемчиръ, главнокомандующій остановился и посылалъ къ владѣтелю брата его, но самъ не сходилъ на берегъ, а на обратномъ пути прошелъ прямо въ Сухумъ.

Кн. Григорій въ то время отправился въ свое имѣніе. Возвратившись въ Очемчиры, онъ нашелъ тамъ Хаджи-Керентуха Берзека, одного изъ самыхъ вліятельныхъ людей въ землѣ убыховъ. Этотъ Хаджи-Берзекъ до снятія укрѣпленій Черноморскій береговой линіи поперемѣнно то враждовалъ противъ правительства, то тайно отъ народа сближался съ русскими военачальниками. Онъ долгое время получалъ отъ казны пенсію, но въ 1851 году былъ лишенъ ея за подозрительныя дѣйствія и съ тѣхъ поръ началъ открыто враждовать, желая показать свою силу и вынудить властей къ новому съ нимъ соглашенію. Нападая на команды, выходившія изъ форта Навагинскаго для рубки дровъ, онъ держалъ этотъ фортъ въ постоянной блокадѣ и не допускалъ жителей вести въ немъ торговлю. Изъ враждебныхъ предпріятій его болѣе всѣхъ извѣстенъ набѣгъ его въ 1852 году на Абхазію. Передъ снятіемъ форта Навагинскаго онъ началъ снова искать сближенія съ правительствомъ. Однако, несмотря на враждебность Хаджи-Берзека къ правительству, пріѣздъ его къ правителю могъ бы показаться обыкновеннымъ явленіемъ, такъ какъ, по обычаю горцевъ отдавать дѣтей на воспитаніе въ чужія фамиліи, кн. Михаилъ Шервашидзе воспитывался въ домѣ отца Берзека, а связи по

воспитанію считались у нихъ близкимъ родствомъ; тѣмъ болѣе это не могло казаться предосудительнымъ, что владѣтель тѣмъ же Хаджи-Берзекомъ пользовался для противодѣйствія Магометъ-Амину, о чемъ неоднократно кн. Михаилъ сообщалъ оффиціально генералу Реаду; тѣмъ не менѣе, частыя, тайныя и продолжительныя совѣщанія между владѣтелемъ и Берзекомъ усилили подозрѣнія князя Григорія, и подозрѣнія эти обратились въ убѣжденіе объ измѣнѣ владѣтеля, когда въ Очемчиры прибылъ Мустафа-паша въ сопровожденіи князей Александра Шервашидзе, Баталъ-бея Маршани и Гассана Маргани. На этотъ разъ Мустафа-паша вышелъ на берегъ и имѣлъ съ владѣтелемъ трехчасовое тайное совѣщаніе [1]).

Послѣ свиданія съ Мустафой-пашой владѣтель послалъ кн. Григорія въ Мингрелію сказать его семейству, чтобы оно не переѣзжало на лѣто въ Лечгумъ, а что онъ перевезетъ его въ Имеретію, гдѣ ему указано удобное мѣсто. Такое порученіе позволяло дѣлать другое предположеніе: не скрывается ли во всѣхъ дѣйствіяхъ владѣтеля какая нибудь хитрость въ пользу русскаго правительства. Исполнивъ порученіе, кн. Григорій уже не возвратился къ владѣтелю, ожидая разъясненій обстоятельствъ. Между тѣмъ онъ получилъ приглашеніе отъ жены владѣтеля княгини Александры пріѣхать къ ней и нашелъ ее въ самомъ разстроенномъ положеніи. Она объявила ему, что мужъ ея требуетъ ее съ дѣтьми въ Очемчиры и что она отказалась выполнить его требованіе. Черезъ нѣсколько дней княгиня Александра вторично пригласила къ себѣ кн. Григорія и сообщила, что владѣтель повторилъ свое требованіе, на которое она отвѣчала письмомъ на грузинскомъ языкѣ. По словамъ кн. Григорія, онъ самъ читалъ это письмо и оно было написано съ умомъ, достоинствомъ и убѣдительно. Напомнивъ владѣтелю всѣ милости, которыми щедро его надѣляло правительство, и постоянные къ нему знаки вни-

[1]) Тамъ же.

манія и довѣренности, она укоряла его въ недостойномъ уклоненіи отъ долга и объявляла, что если измѣна его подтвердится, то она отречется отъ него, будетъ просить покровительства у государя и отдастъ своихъ дѣтей на воспитаніе правительству. Прочитавъ письмо, владѣтельница прибавила, что она ожидаетъ только подтвержденія въ иностранныхъ газетахъ объ измѣнѣ владѣтеля, чтобы исполнить высказанныя намѣренія.

Княгиня Александра Шервашидзе отличалась живою преданностью къ правительству, умомъ, хорошими правилами и красотою. Она пользовалась со стороны абхазцевъ неограниченною привязанностью, которую особенно умѣла пріобрѣсти во время управленія Бзыбскимъ округомъ, когда владѣтель находился въ отсутствіи изъ Соукъ-су. Она начала подозрѣвать мужа еще съ осени 1853 года. Довѣрясь тогда брату владѣтеля князю Дмитрію Шервашидзе, она поручила ему передать вице-адмиралу Серебрякову, что ей извѣстны тайныя совѣщанія владѣтеля въ Очемчирахъ съ какими то подозрительными турками, которыхъ никто въ Абхазіи не знаетъ, что къ ней со всѣхъ сторонъ доходятъ слухи о двусмысленномъ поведеніи владѣтеля и что она начинаетъ опасаться послѣдствій. Вице-адмиралъ Серебряковъ, внимательно слѣдившій за дѣйствіями владѣтеля, хотя и имѣлъ подобныя же свѣдѣнія, но, зная склонность къ интригамъ въ Абхазіи, считалъ необходимымъ дѣйствовать осторожно и потому поручилъ кн. Дмитрію разсѣять подозрѣнія владѣтельницы, успокоить и увѣрить ее, что если бы опасенія ея оказались основательными, то она съ своими дѣтьми всегда найдетъ самую надежную защиту у правительства [1]).

Справедливость однако требуетъ сказать, что у кн. Шервашидзе было много враговъ, и факты получали преувеличенное значеніе. Вражда правительницы Мингреліи, ея род-

[1]) Тамъ же.

ственника кн. Багратіона-Мухранскаго, кн. Дмитрія Шервашидзе и даже кн. Григорія, который всегда пользовался расположеніемъ владѣтеля, была всѣмъ извѣстна; между тѣмъ объявленіе объ измѣнѣ шло именно отъ этихъ лицъ и удаленіе владѣтеля въ Абхазію несомнѣнно способствовало къ положительному обвиненію въ измѣнѣ; потому для полнаго освѣщенія такого важнаго вопроса, каковымъ былъ взглядъ владѣтельницы на поступокъ своего мужа, необходимо указать на сообщенныя ею свѣдѣнія Дмитрію Кипіани, командированному въ Мингрелію для изслѣдованія всѣхъ обстоятельствъ предшествовавшихъ выѣзду кн. Михаила въ свое владѣніе.

Свиданіе происходило 25 сентября 1855 года. Княгиня Шервашидзе начала съ того, что она весьма благодарна за вниманіе начальства, которое, узнавъ истину, не будетъ давать вѣры толкамъ недоброжелателей дому владѣтеля; затѣмъ перешла къ выѣзду князя Михаила изъ Абхазіи. Когда онъ выводилъ войска изъ своего владѣнія, всѣ высшія лица Абхазіи убѣждали, чтобы самъ онъ не оставлялъ края, иначе населеніе его подвергнется всѣмъ послѣдствіямъ безначалія; но онъ успокоилъ ихъ тѣмъ, что будетъ наблюдать за дѣлами страны, намѣреваясь поселиться вблизи. Сама владѣтельница, будучи тогда въ послѣднемъ періодѣ беременности, оставалась со всѣми дѣтьми въ Абхазіи, и спустя два мѣсяца получила приказаніе выѣхать оттуда съ семействомъ и всѣмъ имуществомъ. Замѣтивъ ея приготовленія къ отъѣзду, высшія лица заявились къ ней съ намѣреніемъ рѣшительно воспрепятствовать; но она выразила имъ непреклонную волю исполнить приказаніе супруга, и, съ небольшимъ числомъ преданныхъ людей выѣхала изъ Абхазіи, оставивъ на рукахъ воспитателей только двухъ младшихъ дочерей [1]).

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Секретное дѣло, переданное изъ 2-го отд. генер. штаба 1855 г., № 22, связка 7120. Докладъ Кипіани отъ 14 октября 1855 года.

Владѣтельница подробно и краснорѣчиво описала свое путешествіе съ мѣсячнымъ ребенкомъ въ страшную грозу и подъ проливнымъ дождемъ, который, не переставая, шелъ до ее пріѣзда къ Ингуру. При поспѣшной переправѣ черезъ эту рѣку они едва не погибли, но отдѣлались потерею имущества. Въ Мингреліи супруги жили уже вмѣстѣ. Князь Михаилъ оставался въ бездѣйствіи. Отецъ ея, кн. Георгій Дадіанъ, разорялся, угощая ежедневно, въ продолженіе почти цѣлаго года, отъ 80 до 400 человѣкъ; о расходахъ его можно судить изъ того, что каждый день закалывалось отъ 5 до 20 овецъ и отъ 2 до 10 коровъ. Михаилъ не могъ предложить помощи, такъ какъ она была бы оскорбительна по мѣстнымъ обычаямъ; тѣмъ не менѣе владѣтель не могъ не видѣть, что разоряетъ тестя и онъ предполагалъ отыскать другое мѣстопребываніе, гдѣ бы могъ проживать на собственныя средства; но это по разнымъ причинамъ не исполнилось. Между тѣмъ до кн. Михаила стали доходить слухи, что съ одной стороны пребываніе его въ Мингреліи было весьма непріятно правительницѣ этой страны, съ другой, что дѣла въ Абхазіи принимаютъ неблагопріятный для него оборотъ. Для устраненія этихъ непріятностей ему предлагалось поступить въ составъ войскъ, дѣйствовавшихъ подъ Карсомъ; но какое значеніе могъ онъ имѣть тамъ, какъ генералъ-лейтенантъ и генералъ-адъютантъ, не имѣя подготовки къ военному дѣлу; а тѣмъ временемъ изъ Абхазіи получались вѣсти однѣ тревожнѣе другихъ. Младшіе братья князя Григорія Шервашидзе, Гидъ и Маджаръ, вступивъ подъ власть турокъ, успѣли убѣдить ихъ, что владѣніе ихъ независимо отъ Михаила и за отсутствіемъ Григорія получили въ собственность. Явился въ страну сынъ Асланъ-бея отцеубійцы, давно изгнаннаго изъ Абхазіи и ему предоставили также въ собственность имѣніе князя Дмитрія Шервашидзе. Между возникшими въ трехъ частяхъ Абхазіи партіями происходили распри, доходившія

до кровавыхъ послѣдствій. Все это въ совокупности не могло не смущать владѣтеля и когда въ довершеніе всего стало извѣстно, что муширъ Мустафа-паша отправилъ 700 человѣкъ абхазцевъ въ составъ турецкой арміи въ Анатолію, то кн. Михаилъ объявилъ женѣ, что онъ рѣшился ѣхать въ Абхазію. Княгиня позволила замѣтить, что это рѣшеніе изумляетъ ее въ высшей степени, на что владѣтель сказалъ ей: „довольно странно было бы съ твоей стороны думать, что я буду дѣйствовать противъ русскихъ; напротивъ, если могу быть имъ полезенъ, то именно тамъ". Послѣ того онъ отправилъ въ Тифлисъ своего адъютанта князя Эристова съ какими то бумагами и выѣхалъ въ Абхазію вмѣстѣ съ Григоріемъ Шервашидзе. Княгиня утверждала, что мужъ ея, судя по полученнымъ ею письмамъ, въ Абхазіи дѣйствуетъ въ пользу русскихъ и что онъ выѣхалъ туда не безъ вѣдома главнаго начальства [1]).

Здѣсь Кипіани счелъ нужнымъ и съ своей стороны принять участіе въ разговорѣ.

— Ваша свѣтлость уже изъ того, что я присланъ къ вамъ, изволите видѣть, что главное начальство до сихъ поръ недоумѣваетъ объ истинномъ пути, на который сталъ владѣтель. Все, что вы изволите говорить мнѣ, я съ своей стороны принимаю совершенно вѣрнымъ; но вашей свѣтлости извѣстно, что для объясненія какого бы то ни было дѣла начальству недостаточно одного личнаго удостовѣренія, а необходимы доказательства, такъ сказать, очевидныя. Послѣднее изъ подобныхъ доказательствъ было получено княземъ Бебутовымъ, какъ вамъ извѣстно, въ іюнѣ мѣсяцѣ; съ тѣхъ поръ прошло много времени. Прежде нежели я выражу передъ вашей свѣтлостью два-три вопроса, положительное разрѣшеніе которыхъ могло бы набросить свѣтъ на наше дѣло, я представлю вамъ самое вѣрное доказательство того, что вы совершенно безбоязненно можете довѣрить мнѣ даже строжайшую тайну.

[1]) Тамъ же.

Владѣтельница выслушала это довольно спокойно, изъ чего Кипіани заключилъ, что она не имѣетъ важной тайны, или хорошо владѣетъ собою; но онъ надѣялся смутить ее самымъ доказательствомъ, о которомъ онъ упомянулъ.

— Ваша свѣтлость изволили сказать, что часто получаете письма отъ владѣтеля; но курьеры ваши не всѣ надежны; открываю самъ вамъ тайну, довѣренную мнѣ подъ величайшимъ секретомъ: одно изъ таковыхъ писемъ недавно перехвачено и я имѣлъ случай читать его.

Кипіани упорно старался подмѣтить на ея лицѣ: оскорбитъ ли ее собственно то, что перехватываются ихъ письма, или испугаетъ ее мысль относительно содержанія самаго письма; но испуга не было, а возмущенная владѣтельница воскликнула:

— Да, это мнѣ непріятно; я не думала, что желаніе вредить ему дойдетъ до такой степени, что будутъ ловить письма супруговъ, какъ преступниковъ. Нашли ли въ немъ, по крайней мѣрѣ то, чего искали—доказательство его преступленія:

Въ тонѣ этого вопроса была какая то увѣренность, что отвѣтъ будетъ отрицательный.

— Нѣтъ, не нашли. Владѣтель писалъ, какъ видно, наскоро, карандашемъ; извѣщаетъ васъ, что онъ живъ и здоровъ, что ждутъ Омеръ-пашу и что, какъ онъ надѣется, Омеръ-паша не успѣетъ набрать тамъ войска.

— Я не досчитывалась одного письма и оно то, значитъ, перехвачено. Могу ли спросить, у кого оно?

— Зачѣмъ, ваша свѣтлость. Достаточно того, что оно не обвиняетъ владѣтеля; пусть идетъ оно своимъ путемъ. Представивъ вамъ этотъ залогъ взаимнаго довѣрія, теперь осмѣливаюсь спросить у васъ: имѣете ли въ виду какое нибудь доказательство тому, что владѣтель возвратился въ Абхазію съ вѣдома или согласія начальства?

— Никакого. Самъ онъ ничего объ этомъ не говорилъ. Знаю только то, что когда владѣтелю доставлены были при-

везенныя сюда изъ Тифлиса княземъ Эристовымъ бумаги, онъ очень обрадовался.

— Не имѣете ли какихъ нибудь доказательствъ хотя тому, что тамъ онъ дѣйствуетъ въ пользу нашего правительства?

— И на это— никакихъ, кромѣ убѣжденія, котораго, думаю, никто здѣсь оспаривать не будетъ, что если бы онъ дѣйствовалъ въ другомъ смыслѣ, то по крайней мѣрѣ были бы тревожими съ той стороны предѣлы Мингреліи; а на этихъ предѣлахъ никогда не было такъ спокойно, какъ теперь.

Затѣмъ Кипіани предложилъ вопросъ, на который онъ много разсчитывалъ.

— Я бы очень желалъ, если это возможно, знать смыслъ и цѣль письма, которое, какъ говорятъ, вы изволили писать... къ Дмитрію Шервашидзе.

Этотъ вопросъ смутилъ владѣтельницу въ высшей степени: казалось вся кровь бросилась ей въ лицо.

— Я объясню вамъ все,—сказала она,—но прежде всего причину моего волненія. Дмитрія Шервашидзе любила я и люблю, какъ близкаго родственника и какъ одного изъ умнѣйшихъ людей въ Абхазіи. Онъ могъ бы быть весьма полезенъ владѣтелю, если бы, ко всегдашнему моему прискорбію, не существовало между ними неизвѣстной мнѣ причины неудовольствія. Я постоянно стремилась къ тому, чтобы умиротворить и сблизить ихъ; но никогда мнѣ этого не удавалось. Дмитрій теперь здѣсь и я слышала, что и онъ, какъ и другіе враги владѣтеля, утверждаетъ, что Михаилъ измѣнилъ русскимъ. Я написала къ нему письмо и именемъ той родственной и искренней любви, которую питаю къ нему какъ къ брату, убѣждала его забыть неудовольствія и дѣйствовать въ согласіи съ пользами владѣтеля. Вотъ этимъ то словамъ и придаютъ смыслъ, котораго у меня никогда быть не могло. Клянусь благодатью принятаго мною крещенія, клянусь жизнью

и счастіемъ дѣтей моихъ, что не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія въ преданности владѣтеля государю и Россіи, и потому больно сердцу моему слышать, что подозрѣваютъ его въ измѣнѣ. Клянусь вамъ снова, что не было у меня никакой другой цѣли, кромѣ устраненія подобныхъ толковъ. Дмитрій и самъ понялъ мое письмо именно въ этомъ смыслѣ, доказательство чему я вамъ представлю теперь же; но, несмотря на это, онъ сталъ потомъ разглашать его въ другомъ смыслѣ, и этотъ то поступокъ его огорчаетъ меня въ высшей степени. Я слышала уже отъ многихъ, что онъ и Мухранскому предъявлялъ мое письмо, какъ подговоръ съ моей стороны къ измѣнѣ и Колюбакину и многимъ другимъ, и вотъ что приводитъ меня въ такое волненіе, когда слышу объ этомъ. Умоляю васъ спросить у него мое письмо. Вамъ онъ покажетъ его. Тогда судите, кто изъ насъ правъ. А отвѣтъ его мнѣ вотъ!

Она достала изъ шкатулки письмо къ ней Дмитрія Шервашидзе и дала прочесть Кипіани; изъ письма, дѣйствительно, было видно, что владѣтельница просила забыть вражду къ кн. Михаилу, совѣтовала дѣйствовать въ согласіи съ его пользами и просила не допускать толковъ, распускаемыхъ въ народѣ относительно неблагонамѣренности возвращенія его въ Абхазію. Дмитрій отвѣчалъ, что онъ врагомъ владѣтелю никогда не былъ, что воспрещать людямъ говорить то или другое онъ не можетъ, а дѣйствовать въ согласіи съ пользами владѣтеля онъ находитъ уже невозможнымъ, такъ какъ тотъ въ Абхазіи, а онъ въ Мингреліи.

Успокоивъ княгиню насчетъ своего мнѣнія о смыслѣ этой переписки, Кипіани замѣтилъ, что коль скоро владѣтель, находясь въ Абхазіи подъ турецкою властью, сохраняетъ преданность къ русскому правительству, то его личная польза требуетъ, чтобы говорили объ немъ именно то, что говорили его враги, т. е. что онъ измѣнилъ; иначе турки начали бы подозрѣвать и тогда опасность его положенія увеличилась бы.

Эта мысль показалась владѣтельницѣ какъ бы новою. Сказавъ при этомъ съ выраженіемъ безпокойства, что тамъ уже подозрѣваютъ его, она согласилась, что, дѣйствительно, ей не слѣдуетъ тревожиться дурными толками о немъ, лишь бы начальство было увѣрено въ его благонамѣренности.

— Послѣдній вопросъ, княгиня. Правда ли, что владѣтель требовалъ васъ къ себѣ однимъ письмомъ, а другимъ запрещалъ ѣхать къ нему?

Она достала еще одно письмо и сказала:

— Когда онъ прибылъ въ Абхазію и тамъ спросили его: отчего онъ оставилъ семейство свое у русскихъ, онъ написалъ ко мнѣ письмо, чтобы я немедленно собралась и выѣхала къ нему съ дѣтьми и имуществомъ и поручилъ гласно Григорію Шервашидзе доставить мнѣ то письмо и вывезти меня отсюда въ Абхазію. Григорій Шервашидзе пріѣхалъ и предъявилъ мнѣ это требованіе. Оно какъ громомъ меня поразило. Моему тогдашнему отчаянію нѣтъ выраженія. Отецъ мой былъ тогда въ отрядѣ, который ходилъ въ Кобулеты. Посовѣтоваться было не съ кѣмъ. Приказаніе супруга слѣдовало выполнить. Чрезвычайно разстроенная, убитая духомъ, я просила всѣхъ оставить меня и когда, спустя нѣсколько часовъ по прочтеніи рокового письма, вышли отъ меня всѣ кромѣ одной моей горничной, она сказала мнѣ по секрету, что самый вѣрный слуга моего мужа, присланный вмѣстѣ съ Григоріемъ, какъ подтвержденіе вѣрности его требованія, желаетъ видѣть меня глазъ на глазъ. Я велѣла впустить его. Онъ вошелъ, озираясь вокругъ, вручилъ мнѣ вотъ это письмо и исчезъ въ то же мгновеніе.

Владѣтельница передала Кипіани письмо, прочитавъ которое онъ спросилъ княгиню: не трудно ли ей будетъ разстаться съ этимъ документомъ, чтобы представить его въ подлинникѣ по начальству. Она охотно согласилась. Содержаніе письма дословно было слѣдующее:

— Милая Александра! Григорія Шервашидзе и Кыртагу посылаю къ тебѣ для того будто бы, чтобы вывезть тебя и дѣтей сюда; но ни подъ какимъ видомъ не слушайся ихъ и не ѣзди; чтобы никто этого не провѣдалъ, задерживай ихъ сколько можешь; когда возвратится отецъ твой, онъ самъ смекнетъ; покажи ему это письмо и онъ сдѣлаетъ какъ нужно. Георгія (старшій сынъ) прикажи доставить къ себѣ, чтобы въ Лечгумъ не возили. Бабушію (младшій сынъ) отдай Чкотуамъ; они ропщутъ, что я воспитанника у нихъ отнялъ. Я скоро не могу возвратиться; но обо мнѣ не безпокойся; маленькій Георгій тебя займетъ. Твой Михаилъ Шервашидзе [1]).

— Письмо,—продолжала владѣтельница,—воскресило меня. Сохраняя, однако, разстроенный видъ, я объявила Григорію Шервашидзе и всѣмъ, что до возвращенія отца изъ отряда не могу ѣхать; что должна же я, быть можетъ навсегда, проститься съ нимъ. Недѣли черезъ двѣ пріѣхалъ и отецъ. Онъ слышалъ въ Зугдидахъ о полученномъ мною требованіи, и лица на немъ не было съ горя и стыда. Когда же узналъ отъ меня въ чемъ дѣло, онъ объявилъ присланнымъ, что власть Михаила надъ женою и дѣтьми прекратилась съ той минуты, какъ онъ перешелъ къ врагамъ нашимъ. Теперь дочь моя и дѣти ея выѣдутъ въ Абхазію не иначе, какъ черезъ мой трупъ. Скажите это отъ меня Михаилу. Значеніе моего слова ему извѣстно.

Этимъ закончилась бесѣда, и относительно мѣстопребыванія своего владѣтельница сказала, что на зиму переѣдетъ въ имѣніе отца; что она пока не имѣетъ надобности обращаться къ правительству, но въ случаѣ нужды будетъ просить о пособіи въ полной увѣренности, что оно будетъ оказано. Княгиня выражала желаніе отправить сына въ учебное заведеніе, но онъ по молодости еще не могъ разстаться съ

[1]) Тамъ же. Письмо кн. Михаила Шервашидзе къ княгинѣ Александрѣ отъ 18 мая 1855 года.

своею воспитательницею, княгинею Кесаріею; по-грузински онъ уже читалъ и писалъ свободно, а русской грамотѣ его училъ пока одинъ изъ мѣстныхъ дворянъ.

Свиданіе закончилось и княгиня просила Кипіани зайти еще разъ передъ отъѣздомъ. Уѣзжая, Кипіани спросилъ, не будетъ ли полезно извѣстить князя Михаила о посѣщеніи; владѣтельница просила сильно и убѣдительно написать обо всемъ. Кипіани не нашелъ нужнымъ уклоняться отъ этого предложенія и написалъ кн. Михаилу о данномъ ему главнымъ начальствомъ порученіи, о неблагопріятныхъ толкахъ и что для окончательнаго удостовѣренія въ ложности ихъ ему необходимо отъ него лично узнать: было ли у него на отъѣздъ въ Абхазію согласіе начальства и чѣмъ обозначаются дѣйствія его на пользу Россіи [1]).

Уже въ Кутаисѣ Кипіани получилъ отъ кн. Шервашидзе отвѣтъ, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: „письмо ваше я получилъ и оно удивило меня. Значитъ я передъ правительствомъ былъ человѣкъ сомнительный, или такимъ считаетъ меня высшее начальство. Дурно меня трактующихъ было у меня много, но чтобы могъ кто либо сказать передъ начальствомъ, что я не вѣренъ государю, этого я не думалъ. Казалось, неприлично было бы всякому говорить про меня подобныя вещи, потому что начальство знало меня, какъ я полагалъ, что я, какъ человѣкъ вѣрный слову и понимающій честь, вѣренъ государю. Во всемъ этомъ да вѣрятъ истинѣ всѣ благородные, до слуха коихъ доходятъ подобные на меня наговоры. Когда Муравьевъ пріѣхалъ въ Зугдиды, я доложилъ тогда обо всѣхъ здѣшнихъ обстоятельствахъ и о безполезности съ нашей стороны; я доложилъ тогда и о томъ, чтобы ѣхать мнѣ въ Самурзаканъ. Отказа не было, а приказалъ мнѣ повременить, чтобы лучше мнѣ сообразиться. Тогда я получилъ и высочайшій рескриптъ объ усугубленіи моего усердія; слѣдовательно,

[1]) Тамъ же. Докладъ Кипіани отъ 14 октября 1855 года.

долженъ былъ выказать мое усердіе; а какъ у меня никакихъ другихъ къ тому средствъ не было, то и пріѣхалъ я въ Абхазію, чтобы моими средствами принести пользу и доказать вѣрность мою наиболѣе; объ этомъ я писалъ Намѣстнику, а онъ изволилъ мнѣ отвѣтить, что самъ идетъ подъ Карсъ, а я чтобы имѣлъ переписку съ Бебутовымъ. Князю Василію (Бебутову) я писалъ два раза, но отвѣта не получалъ; однако же труды мои не остались безполезными: всѣмъ извѣстно, съ какою пользою употребилъ я эти четыре мѣсяца. Во-первыхъ тысячу пятьсотъ человѣкъ рекрутъ хотѣли вывесть изъ Абхазіи и Цебельды, въ томъ числѣ набрали было уже до 120-ти; во-вторыхъ черкесское войско я вернулъ изъ Сухума; несогласія въ немъ возникли; наша милиція была отправлена въ Батумъ и Кобулеты, я вернулъ ее оттуда; у черкесовъ же не только рекрутъ, но и милиціонеровъ не могли добыть. Что Самурзакань остается до сихъ поръ въ такомъ положеніи, кого за это должны благодарить? Рекруты оттуда были бы у татаръ, т. е. въ Турціи. Если и не могъ я принесть другой пользы, по крайней мѣрѣ осталось столько христіанъ абхазцевъ и самурзаканцевъ не обращенными въ татаръ и не взятыми въ рекруты татарами. Я думалъ, что начальство будетъ мнѣ благодарно и выкажетъ службу мою наградою, которую ждалъ я; но, благодареніе Богу! Пока живъ человѣкъ, долженъ всего ожидать. И мальчишки осмѣлились говорить противъ меня“ [1]).

Какъ для правительства, такъ и для народа вопросъ объ измѣнѣ кн. Михаила Шервашидзе оставался открытымъ. Хотя заступничество за Турцію европейскихъ державъ, распространяемые слухи о паденіи Севастополя, успѣхи союзниковъ въ Керчи и въ Азовскомъ морѣ сильно поколебали увѣренность

[1]) Тамъ же. Письмо кн. Михаила Шервашидзе къ Дмитрію Кипіани отъ 1-го октября 1855 года.

многихъ въ могуществѣ Россіи, но кн. Михаилъ слишкомъ долго привыкъ считать ее первою въ мірѣ державою, былъ слишкомъ остороженъ, чтобы вполнѣ повѣрить этому случайному успѣху противниковъ. При такихъ условіяхъ, при неопредѣленности событій, онъ долженъ былъ быть не рѣшительнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, не могъ онъ потому увлекаться сильнымъ сочувствіемъ ни къ Россіи, ни къ союзникамъ, а ждалъ какого нибудь дѣйствительно важнаго перелома въ войнѣ.

Основной чертой характера кн. Шервашидзе было безмѣрное честолюбіе. Съ открытіемъ Восточной войны честолюбіе это подверглось крайнему раздраженію; онъ оставилъ Абхазію въ полной увѣренности, что отсутствіе его будетъ недолговременнымъ, что онъ скоро возвратится въ свое владѣніе съ большею самостоятельностью, съ большимъ довѣріемъ правительства, въ случаѣ же если ему пришлось бы не возвратиться въ Абхазію, онъ разсчитывалъ получить дѣятельность, соотвѣтствующую владѣтельскому сану, его потерямъ и его доказательствамъ преданности правительству. Не безъ основанія владѣтель полагалъ, что ему предоставятъ проявить свою дѣятельность тамъ, гдѣ онъ могъ быть наиболѣе полезенъ—недалеко отъ предѣловъ Абхазіи. Кн. Михаилъ льстилъ себя надеждой, что явится въ блескѣ новаго званія передъ народами, для вліянія на которыхъ онъ добивался власти и значенія—передъ мингрельцами, его старинными врагами, передъ самурзаканцами—на обладаніе которыми онъ постоянно посягалъ, передъ абхазцами—его подданными и, наконецъ, передъ черкесскими племенами для еще большаго усиленія вліянія на нихъ.

Однако Шервашидзе скоро убѣдился, что обстоятельства обрекли его на совершенное бездѣйствіе, что ему не намѣрены поручать командованіе. Оставляя Мингрелію, чтобы ѣхать въ Тифлисъ или въ александропольскій отрядъ, ему нужно было

измѣнить всѣ свои привычки, перемѣнить образъ жизни, семейный бытъ, онъ долженъ былъ войти въ совершенно чуждый его нраву и понятіямъ кругъ дѣятельности. Оставаясь же въ Мингреліи частнымъ лицомъ, онъ тяготился бездѣйствіемъ [1]).

При такомъ настроеніи до владѣтеля стали доходить слухи объ неудовольствіи абхазцевъ на долгое отсутствіе. Самымъ тревожнымъ извѣстіемъ для владѣтеля было то обстоятельство, что князья Гидъ и Маджаръ Шервашидзе, младшіе братья князя Григорія, отдались подъ власть турокъ и успѣли ихъ убѣдить, что владѣніе ихъ независимо отъ Михаила; за отсутствіемъ Григорія турки отдали его братьямъ владѣнія, тоже самое они сдѣлали и явившемуся изъ изгнанія сыну Асланъ-бея: предоставили имѣніе кн. Дмитрія Шервашидзе. Сюда нужно присоединить, что сухумскій муширъ старался привлечь на свою сторону и самихъ абхазцевъ и черкесовъ и уже 700 человѣкъ его подданныхъ были отправлены въ составъ турецкой арміи въ Анатолію. Имѣющіе на владѣтеля большое вліяніе Гасанъ Маргани, Баталъ-бей Маршани и Хаджи-Берзекъ упрекали его въ забвеніи родины; они убѣждали, что все значеніе, вся политическая жизнь зависитъ не отъ пріобрѣтенныхъ имъ служебныхъ достоинствъ, а отъ наслѣдственнаго владѣтельскаго сана, что, теряя власть и значеніе въ народѣ, ему не помогутъ аксельбанты царскаго адъютанта—украшеніе его сана. Кн. Михаилъ рѣшился возвратиться къ источнику привычныхъ ему выгодъ, сношеній, вліяній, почета—привычному владѣтельскому быту. Прибывъ въ Абхазію, у владѣтеля на первомъ планѣ было возстановить среди народа свое значеніе.

19 сентября 1855 года къ Сухуму прибылъ Омеръ-паша съ флотиліей турецкихъ судовъ. Онъ сошелъ на берегъ, окруженный штабомъ, въ которомъ были и европейскіе офицеры.

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Секретное дѣло, переданное изъ 2-го отд. генер. штаба 1855 г., № 22, связка 7120. Письмо Николая Колюбакина кн. Бебутову отъ 12-го сентября 1855 года.

У пристани стоялъ кн. Михаилъ и за нимъ до двадцати разноплеменныхъ старшинъ. Владѣтель хотѣлъ поклониться по турецкому обычаю опустивъ руки къ землѣ, но Омеръ остановилъ его, пожалъ руку и сказалъ по-русски: „здравствуй, Михаилъ", послѣ чего сѣлъ на коня и поѣхалъ къ ожидавшимъ его войскамъ. Владѣтель шелъ нѣкоторое время возлѣ него, но, увидѣвъ, что съ нимъ не говорятъ и не обращаютъ на него вниманія, повернулъ къ занимаемому имъ дому. Возвращаясь послѣ осмотра войскъ, Омеръ-паша подъѣхалъ къ стоявшему у дома владѣтелю и сказалъ нѣсколько словъ по-русски; въ народѣ распространился слухъ, что онъ ему предложилъ возвратиться къ русскимъ. Первымъ распоряженіемъ Омера-паши былъ приказъ, чтобы до него допускали всѣхъ имѣющихъ къ нему нужду, чтобы прибывающихъ къ нему абхазцевъ и горцевъ угощать на его счетъ, чтобы за все, забираемое у населенія, войска расплачивались бы золотомъ и серебромъ [1]).

Однимъ словомъ передъ вольными народами Кавказа представитель турецкой власти явился доступнымъ, ласковымъ, безпристрастнымъ, расточительнымъ, сильнымъ; владѣтелю же онъ выказалъ явное пренебреженіе.

Кипіани, между прочимъ, описываетъ свиданіе кн. Шервашидзе съ Омеръ-пашой, который обошелся съ владѣтелемъ полуласково, полусурово и спросилъ: для чего приводилъ онъ народъ къ присягѣ. Кипіани отмѣчаетъ затѣмъ слѣдующій діалогъ.

— *Михаилъ.* Я, кажется, не лишенъ моихъ правъ, генералъ. Во внутреннія дѣла моего владѣнія русскіе не вмѣшивались; надѣюсь, что и теперь нѣтъ въ томъ надобности. Мѣры къ спокойствію моего края должны зависѣть отъ меня, иначе трудно отвѣчать за будущее.

[1]) Тамъ же. Письмо Николая Колюбакина къ кн. Бебутову отъ 28-го сентября 1855 года.

— *Омеръ*. Въ ваши права вмѣшиваться не будутъ, но скажите, почему не здѣсь ваше семейство?

— *Михаилъ*. Жена моя у своего отца и онъ не отпускаетъ ее.

— *Омеръ*. По вашему закону надъ вѣнчанною женою кромѣ мужа, кажется, никто не властенъ.

— *Михаилъ*. Законъ таковъ дѣйствительно; но по здѣшнимъ обычаямъ отношенія между дѣтьми и родителями никогда не прерываются. Я бы очень желалъ, чтобы жена моя была здѣсь и былъ бы весьма благодаренъ, если бы выручили ее оттуда, а я не имѣю средствъ на это.

— *Омеръ*. Говорятъ, вы сохраняете вѣрность къ русскимъ и переписываетесь съ тифлисскимъ начальствомъ.

— *Михаилъ*. Если скажу вамъ, генералъ, что я преданъ султану, вы были бы въ правѣ приписать это моему малодушію. Не считаю нужнымъ скрывать предъ вами, что всѣмъ моимъ значеніемъ и состояніемъ обязанъ я русскому государю. Обстоятельства заставили русскихъ выйти отсюда; я самъ вывелъ ихъ; даже простой долгъ гостепріимства обязывалъ меня къ тому, и я возвратился къ себѣ домой, не имѣя никакого повода дѣйствовать противъ нихъ. Если нынѣшняя здѣшняя власть не желаетъ видѣть меня въ этомъ смыслѣ, оставлю свой домъ и свое владѣніе. Въ предосудительныхъ же сношеніяхъ нельзя меня обвинять, по крайней мѣрѣ безъ доказательствъ.

— *Омеръ*. Дѣло въ томъ, князь, что, оставаясь у себя дома, вамѣшаете, говорятъ, нашимъ распоряженіямъ. Требуемое же вами доказательство, надѣюсь, своевременно представить [1]).

Дѣйствительно, положеніе владѣтеля было двусмысленное. „Въ 1854 году,—писалъ онъ князю Бебутову,—когда войска русскія были выведены изъ моего владѣнія, я остался вдали отъ воиновъ, съ которыми свыкся съ дѣтства моего и,

[1]) Тамъ же. Докладъ Дмитрія Кипіани отъ 14 октября 1855 года.

слѣдуя побужденіямъ сердца, я бросилъ собственность, нѣсколько тысячъ дворовъ князей, дворянъ и крестьянъ, бросилъ всѣхъ родныхъ и только съ моимъ семействомъ послѣдовалъ я за войсками въ той мысли, чтобы быть неразлучно съ ними и вмѣстѣ пролить кровь свою противъ врага. Съ этимъ желаніемъ явился я къ высшему начальству въ Тифлисѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ назначить въ Имеретіи одну деревню, гдѣ бы могъ я пріютить семейство. Въ ожиданіи этого, равно какъ и себѣ порученія приличнаго моему званію, прошелъ цѣлый годъ. Высшее начальство, между тѣмъ, перемѣнилось; ни то, ни новое не обратили вниманія на мое положеніе и оставили меня какъ человѣка празднаго. Будучи совершенно увѣренъ въ своей небезполезности и годности, я разсчитывалъ, что чѣмъ оставаться безъ дѣла, лучше возвратиться въ мое владѣніе, которое, между тѣмъ, какъ стадо безъ пастыря, разстраивалось,—охранять въ немъ тишину, и если бы представился случай, доказать отсюда небезполезность мою государю императору“ [1]).

Объ отношеніяхъ своихъ къ Мустафѣ-пашѣ и потомъ къ Омеру кн. Шервашидзе писалъ, что въ началѣ тотъ и другой приняли его сурово, но что онъ сумѣлъ перваго успокоить привѣтливыми словами, а второму, предлагавшему впослѣдствіи во владѣніе всѣ земли, какія завоюютъ турки, объявилъ, что не можетъ поднять оружія противъ той державы, которая защищала и возвысила его, что довольствуется одною наслѣдственною своею страною и что покорится туркамъ не раньше, какъ Абхазія будетъ уступлена султану, чтобы не оставалось на его совѣсти измѣны своему государю при временныхъ смутныхъ обстоятельствахъ. Затѣмъ кн. Михаилъ писалъ, какъ ему удалось разстроить присоединеніе горцевъ къ корпусу Омеръ-паши при наступательномъ движеніи его въ Мингрелію, что это стоило ему 25 тысячъ рублей, что

[1]) Тамъ же. Письмо кн. Михаила Шервашидзе князю Бебутову отъ 22 января 1856 г.

онъ доставлялъ свѣдѣнія и посылалъ полезные совѣты начальнику гурійскаго отряда. Распоряженія свои о подчиненіи Самурзакани владѣтель объяснялъ желаніемъ ввести тамъ какой нибудь порядокъ и чтобы не допустить турокъ воспользоваться бывшимъ тамъ безначаліемъ, при этомъ указывалъ на ложность слуховъ о полученіи имъ фирмана отъ султана на дарованіе ему Самурзакани, что онъ никогда не искалъ возвращенія себѣ этого края отъ султана тѣмъ болѣе, что никому неизвѣстно, останется ли Самурзакань за Турціей и что хотя отчужденіе этой области отъ Абхазіи составляло для него лишеніе, но онъ никогда не терялъ надежды получить ее отъ государя. Въ заключеніе Шервашидзе писалъ, что человѣкъ его званія хотя и не долженъ жить между врагами, но что онъ не можетъ оставаться празднымъ между русскими войсками особенно зная, какъ люди, ниже его стоящіе, возвысились надъ нимъ довѣріемъ, и что если онъ правительству нуженъ для дѣятельности, то немедленно по первому требованію выѣдетъ изъ Абхазіи [1]).

Муравьевъ находилъ въ дѣйствіяхъ владѣтеля двуличное поведеніе, происходившее отъ волновавшихъ его сомнѣній: за кѣмъ изъ воюющихъ державъ останется Абхазія; что онъ желалъ этимъ сохранить свое владѣніе и считалъ себя въ правѣ держать родъ нейтралитета.

Съ окончаніемъ войны являлась необходимость вновь занять Абхазію и Цебельду, какъ по важности обладанія этими областями въ видахъ покоренія всего Кавказа, такъ и для обезпеченія Мингреліи и Имеретіи отъ набѣговъ горскихъ племенъ. Но прежде всего требовалось опредѣлить положеніе владѣтеля Абхазіи. Муравьевъ полагалъ устранить кн. Шервашидзе отъ управленія Абхазіей, такъ какъ, хотя по 5-й статьѣ Парижскаго трактата 18 (30) марта онъ

[1]) Тамъ же. Отношеніе ген. Муравьева военному министру отъ 27 февраля 1856 года, № 73.

и подлежалъ прощенію въ качествѣ подданнаго скомпромѣтированнаго во время войны, но что эта статья не могла относиться къ нему въ качествѣ военнослужащаго.

Но возбужденное ходатайство находилось въ связи съ вопросомъ: долженъ ли оставаться въ Абхазіи прежній порядокъ внутренняго управленія на основаніи дарованной въ 1810 году владѣтельному дому инвеститурной граматы, по которой предоставлено наслѣдственное право по прямой нисходящей линіи, или же фамилія князей Шервашидзе насильственно будетъ устранена отъ наслѣдованія краемъ. Въ послѣднемъ случаѣ Муравьевъ предлагалъ ввести въ Абхазіи военное управленіе подобно тому, какъ въ 1828 году поступлено было съ Гуріей; а при устраненіи собственно только князя Михаила Шервашидзе, Муравьевъ полагалъ, по малолѣтству старшаго сына владѣтеля, учредить опеку, назначивъ жену его, княгиню Александру, правительницей и образовать при ней Совѣтъ изъ князей Дмитрія и племянника его Григорія Шервашидзе и абхазскаго архіерея Гернанія, подобно тому порядку, какой установленъ былъ въ Мингреліи по малолѣтству князя Николая Дадіанъ [1]).

Между тѣмъ было получено свѣдѣніе, что кн. Шервашидзе собирается ѣхать въ Петербургъ. Генералъ Муравьевъ отдалъ приказаніе, чтобы предварительно владѣтель прибылъ въ Тифлисъ, гдѣ предполагалъ, до полученія разрѣшенія объ его участи, содержать его въ видѣ арестованнаго.

Однако ходатайство Муравьева объ устраненіи кн. Шервашидзе отъ владѣнія Абхазіей было отвергнуто, такъ какъ „государь не нашелъ прямыхъ доказательствъ преднамѣренной съ сознаніемъ цѣли разсчитанной измѣны, ниже въ самыхъ его дѣйствіяхъ и поведеніи въ Абхазіи какихъ либо несомнѣнныхъ уликъ, на коихъ могла бы быть основана чрез-

[1]) Тамъ же. Отношеніе ген. Муравьева военному министру отъ 12 іюня 1856 г., № 191.

ычайная строгость той или другой мѣры наказанія; самая же отлучка его могла быть объяснена нѣкоторымъ образомъ отношеніемъ его къ подвластному краю, къ семьѣ и къ родному ея достоянію и легко могла произойти послѣдствіемъ фальшиваго положенія, въ которое онъ поставленъ въ двойномъ его качествѣ: владѣтеля, обязаннаго пещись о подвластномъ краѣ и—военнослужащаго, безусловно подчиненнаго противнымъ тому требованіямъ главнаго начальства арміи.“ Не входя въ тайныя побужденія кн. Михаила, государь приказалъ возбужденное Муравьевымъ ходатайство отклонить [1]).

---

[1]) Тамъ же. Отношеніе военнаго министра генерала Сухозанета ген. Муравьеву отъ 26 іюня 1856 г., № 7201.

Глава V.

Военно-народная система управленія. Причины ея возникновенія. Общественное устройство горскихъ народовъ. Административныя части Прикаспійскаго края: владѣнія—шамхальство Тарковское, Кайтагъ; ханства Кубино-Дербентское, Кюра-Казикумухское, Мехтулинское, Табасарань Сѣверная и Табасарань Южная; союзы—Даргинскихъ обществъ и обществъ, жившихъ по Самурскому ущелью; общество Сюрга; отдѣльные аулы. Условія поступленія въ русское подданство и система управленія. Образованіе Дагестанской области. Главныя основанія утвержденнаго кн. Барятинскимъ 5 апрѣля 1860 года Положенія объ управленіи Дагестанской областью. Народные суды и военно-народная администрація. Джаро-Белоканы. Административныя преобразованія области съ 1830 года. Положеніе объ управленіи Закатальскимъ округомъ 5 апрѣля 1860 года. Преобразованія на Западномъ Кавказѣ. Кубанская и Терская области.

Съ устройствомъ при императрицѣ Екатеринѣ II сплошной Кавказской линіи западная часть ея, отъ Азовскаго моря до Усть-Лабы, составляла территорію Черноморскаго казачьяго войска (образованнаго изъ запорожцевъ и усиленнаго впослѣдствіи переселеніемъ малороссійскихъ казаковъ), а остальная часть, до самаго Каспійскаго моря и къ сѣверу до Маныча, составила Кавказскую область, которая, смотря по обстоятельствамъ, то соединялась съ Астраханскою губерніею въ одно, то являлась какъ самостоятельная административная часть.

Когда послѣдовало присоединеніе къ Россійской имперіи Грузіи, то Кавказская губернія съ Астраханскою областью были подчинены главнокомандующему Грузіей и вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ примѣнено гражданское управленіе на основаніи общаго положенія, съ нѣкоторыми лишь особыми установленіями, какъ напримѣръ: верхній пограничный судъ въ Моздокѣ и родовые суды и расправы въ Большой и Малой Кабардѣ.

Одновременно съ учрежденіемъ въ 1844 году званія Намѣстника, ему подчинена была вполнѣ и Кавказская область, находившаяся съ 7 мая 1840 года въ отдѣльномъ отъ Закавказскаго края управленіи, съ нѣкоторою лишь отъ него зависимостью. Князь Воронцовъ въ 1852 году учредилъ въ кр. Грозной для суда и разбора дѣлъ между мирными чеченцами особое управленіе—*мехкеме*. Въ общемъ оно мало отличалось отъ судовъ, устроенныхъ еще Ермоловымъ въ Нальчикѣ и кр. Внезапной; разница заключалась лишь въ томъ, что предсѣдателемъ мехкеме состоялъ не комендантъ, а особое лицо изъ русскихъ офицеровъ; члены же суда, назначаемые изъ туземцевъ, получали опредѣленное содержаніе.

Князь Барятинскій поставилъ себѣ цѣлью вводить въ горскихъ племенахъ такъ называемую военно-народную систему управленія.

Собственно говоря, военно-народная система управленія возникла, какъ результатъ политическихъ и экономическихъ условій, въ которыхъ находился Кавказскій край въ теченіе продолжительной борьбы съ горскими племенами. Условія эти въ общихъ чертахъ были слѣдующія:

1) Горскія племена Кавказа до 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія съ оружіемъ въ рукахъ отстаивали свою независимость, свободу, такъ что вопросы объ экономическомъ и гражданскомъ развитіи вообще края должны были отодвигаться на задній планъ. Центральная власть посвящала преобладающее вниманіе военнымъ дѣйствіямъ въ горахъ. Удерживать занятыя части территоріи горскихъ обществъ приходилось расквартированіемъ болѣе или менѣе сильныхъ отрядовъ. Племена покорялись постепенно, въ зависимости отъ успѣховъ оружія; на этомъ основаніи и управленіе въ покоренныхъ земляхъ вручалось частнымъ военачальникамъ. Быстрыя служебныя отличія и награды привлекали въ кавказскую армію лучшія силы, мѣстныя и имперіи; въ кавказскія войска

стремились попасть способнѣйшіе офицеры. Естественно, что эта же самая армія въ большинствѣ случаевъ могла выдѣлять изъ своей среды и подходящихъ людей на различныя отрасли управленія.

2) Горскія племена, раздробленныя на многія общества, нерѣдко враждовали между собой; слабѣйшія изъ нихъ, вынуждаемыя силою обстоятельствъ, обращались за помощью къ Россіи, иногда даже поступали въ подданство; весьма часто вѣрность такихъ подданныхъ была сомнительна: достаточно было появиться въ горахъ ловкому проповѣднику, чтобы возбудить населеніе къ противодѣйствію. Слѣдовательно, для быстраго подавленія такихъ попытокъ къ мятежу, необходимость заставляла для управленія горцами назначать военную администрацію.

3) Русское владычество въ горахъ распространялось постепенно. Центральная въ краѣ власть была озабочена тѣмъ, чтобы управленіе покоренными племенами не зависѣло бы отъ случайныхъ и временныхъ начальниковъ. Возникла мысль провести опредѣленныя, основныя принципы управленія, что и выразилось установленіемъ особой системы народнаго представительства. Сложившійся вѣками своеобразный общественный строй жизни, запутанность сословно - поземельныхъ отношеній, примѣненіе въ судопроизводствѣ адата, быстрое рѣшеніе судебныхъ процессовъ, полное несоотвѣтствіе адатныхъ постановленій съ дѣйствующими въ имперіи законами—были причинами къ привлеченію горскихъ народовъ къ представительству. Къ этому побуждало еще и то обстоятельство, что ввести въ горахъ общую систему управленія не представляло возможности, такъ какъ весь административно-судебный строй въ государствѣ былъ построенъ на крѣпостномъ правѣ, совершенно чуждомъ горскому населенію; прививать же этому населенію несвойственныя ему понятія и условія жизни являлось опаснымъ въ политическомъ отношеніи.

Такимъ образомъ приходилось довольствоваться поддержаніемъ существовавшаго у горцевъ порядка управленія, вытекавшаго изъ народныхъ обычаевъ и религіозныхъ убѣжденій. Съ этою цѣлью и было привлечено къ управленію населеніе, но только съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы выборные представители находились бы подъ вѣдѣніемъ назначеннаго отъ правительства лица, которое наблюдало бы за примѣненіемъ адата, и не допускало бы такихъ, какіе могли бы поддерживать политическую неблагонадежность или же противорѣчили основнымъ нравственнымъ принципамъ. Офицеры, принимавшіе участіе въ непрерывныхъ экспедиціяхъ, изучавшіе нравы, обычаи и даже языкъ горскихъ племенъ, болѣе всего подходили къ занятію такихъ административныхъ должностей [1]).

Такъ возникла система управленія, извѣстная подъ названіемъ военно-народной. Творца этой системы трудно опредѣлить, такъ какъ она создавалась во время военныхъ дѣйствій и подъ вліяніемъ военной обстановки. Первое же оффиціальное примѣненіе этой системы принадлежитъ князю Барятинскому, когда имъ была издана особая инструкція для управленія горцами. Всю переписку Намѣстникъ сосредоточилъ въ штабѣ Кавказской арміи. Съ развитіемъ военныхъ дѣйствій явилась уже необходимость въ образованіи центральнаго учрежденія для завѣдыванія горцами. 1-го апрѣля 1858 года послѣдовало высочайше утвержденное Положеніе о Кавказской арміи, при чемъ въ этомъ законѣ въ составъ Главнаго штаба арміи по части генералъ-квартирмейстера включено особое, спеціальное отдѣленіе—„по управленію горскими народами, не вошедшими въ составъ гражданскаго управленія.“

Повелѣніе 1-го апрѣля 1858 года является первымъ законодательнымъ утвержденіемъ системы военно-народнаго управ-

[1]) Записка о преобразованіи военно-народныхъ управленій.

ленія, которое съ тѣхъ поръ систематизировалось и получало дальнѣйшее развитіе.

Оказываемое княземъ Барятинскимъ предпочтеніе адату основывалось на глубокомъ пониманіи общественнаго устройства горскихъ народовъ. Въ жизни всѣхъ горскихъ племенъ всегда выдѣлялись два управляющіе фактора: *джамаатъ* (община), включающій въ себѣ всѣхъ жителей селенія, и *тохумъ* (родовой союзъ), на которые распадался каждый джамаатъ.

Тохумъ представляетъ изъ себя родовой союзъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова: онъ включаетъ въ себѣ всѣ восходящія, нисходящія и побочныя родственныя линіи мужскаго поколѣнія данной фамиліи; въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ составъ тохума входили родственники до 12-ой и даже 15-ой степени. Каждый тохумъ имѣлъ своего главу, къ которому всѣ обращались за совѣтомъ во всѣхъ случаяхъ повседневной жизни: бракахъ дѣтей, ссорахъ, торговыхъ сдѣлкахъ, кровомщеніяхъ, примиреніяхъ и. т. п. ; точно также всякій обязанъ былъ сообщить главѣ все касающееся тохума. Рѣшеніе главы тохума было безапелляціонно, и неисполненіе его представлялось невозможнымъ. Несомнѣнно, что подобное безусловное подчиненіе главѣ соединяло всѣхъ родственниковъ тохума въ сплоченную организацію. За дѣйствія и поступки каждаго изъ сочленовъ отвѣчалъ весь тохумъ и каждый за весь тохумъ, будь то отвѣтственность имущественная или личная. Судъ надъ порочными людьми совершался также всѣмъ тохумомъ.

Если осужденный не хотѣлъ подчиниться требованіямъ главы или другихъ старшинъ союза, то онъ исключался изъ тохума, остальные члены котораго уже не отвѣчали за исключеннаго и не оказывали ему помощи и покровительства и вообще не принимали никакого участія въ дальнѣйшей его судьбѣ. Исключенный изъ тохума являлся совершенно отверженнымъ: съ нимъ прекращались всякія сношенія; имуществу

его не наслѣдовали и онъ терялъ право на участіе въ наслѣдствѣ; за пролитую имъ кровь тохумъ не отвѣчалъ и его крови не искалъ; однимъ словомъ, изгнанный умиралъ политически; иногда же бывало, что особенно порочныхъ членовъ вмѣсто изгнанія просто убивали.

Джамаатъ (община), состоящій изъ нѣсколькихъ тохумовъ, объединялся прежде всего общностью территоріи, на которой былъ разселенъ; отсюда уже вытекала общность другихъ интересовъ и общественнаго управленія. Наиболѣе важныя дѣла рѣшались на совѣщаніяхъ представителей отъ тохумовъ; такое собраніе и называлось джамаатъ; постановленіе же собранія именовалось *маслагатъ*.

Въ обыкновенной жизни дѣлами селенія управляли выборныя старшины (*карты*); на нихъ лежала обязанность разбора всѣхъ споровъ и жалобъ, включая сюда и дѣла по кровомщенію, но за исключеніемъ дѣлъ брачныхъ, несогласій между родителями и дѣтьми и вообще имѣющихъ религіозно-нравственный характеръ; дѣла эти рѣшались по шаріату и подлежали вѣдѣнію муллъ или кадіевъ, выбираемыхъ обществомъ изъ числа грамотныхъ односельчанъ. Къ разбору и рѣшенію дѣлъ старшины обязаны были приглашать стариковъ (*аксакаловъ*) селенія; обыкновенно постановленія такого суда, основываясь на адатахъ, выражались наложеніемъ штрафовъ хотя бы за дѣла, которыя въ общихъ законахъ называются уголовными. Эти штрафы поступали отчасти въ вознагражденіе старшинъ, частью же на общественныя нужды всего селенія.

Судебное разбирательство у горцевъ основывалось на адатахъ; оно отличалось отъ общепринятыхъ формъ; напримѣръ, можно было предъявлять иски, основываясь не только на прямыхъ уликахъ и доказательствахъ, но и по подозрѣнію, при чемъ въ числѣ судебныхъ доказательствъ немаловажную роль играла присяга родственниковъ за истца или отвѣтчика.

Разборъ дѣлъ по адату начинался только тогда, когда жалоба приносилась лично потерпѣвшимъ и указанъ отвѣтчикъ; но въ рѣдкихъ случаяхъ допускалось принесеніе жалобъ за другого, напримѣръ: мужемъ за жену, вслѣдствіе мусульманскаго взгляда на женщину, отцомъ или ближайшимъ родственникомъ за малолѣтнихъ дѣтей, ближайшимъ родственникомъ за убитаго и пр. Доказательствами жалобы служили: добровольное признаніе, поличное, присяжное показаніе двухъ свидѣтелей мужинъ (женщины не допускались), показаніе умирающаго на виновника его смертельнаго пораненія и письменные документы, если подписавшіе ихъ свидѣтели подтвердятъ присягою дѣйствительность ихъ. Иски по подозрѣнію предъявлялись въ томъ случаѣ, если противъ обвиняемаго нѣтъ прямыхъ уликъ; такіе иски принимались по гражданскимъ дѣламъ, а изъ уголовныхъ—только по убійству, грабежу, пораненію и воровству; по остальнымъ уголовнымъ дѣламъ, въ особенности касающимся разврата и нарушенія женской чести, требовались ясныя улики или свидѣтели [1]).

По разнообразію народнаго устройства, обычаевъ инравовъ кавказскихъ горцевъ, по различной степени правительственной власти во внутреннемъ общественномъ ихъ порядкѣ и по различнымъ отношеніямъ къ мирнымъ и непокорнымъ горцамъ, правосудіе русской власти должно было проявляться между ними подъ разнообразными видами. До князя Барятинскаго не было составлено положительныхъ и отчетливыхъ правилъ о судѣ и наказаніи горцевъ по мѣрѣ ихъ преступленій и сообразно съ положеніемъ тѣхъ обществъ, къ которымъ они принадлежали; вслѣдствіе этого въ такомъ важномъ дѣлѣ допускался нерѣдко произволъ, при которомъ не могло быть ни соразмѣрности наказаній за преступленія, ни даже строгой справедливости. Между тѣмъ, предметъ этотъ заслуживалъ особеннаго вниманія, такъ

[1]) Тамъ же.

какъ пріобрѣтеніе полной довѣренности и привязанности горцевъ зависѣло отъ сознательнаго признанія ими преимуществъ русской власти. Кн. Барятинскій въ предположеніи о преобразованіи приставскихъ управленій [1]) очень настойчиво проводилъ мысль о необходимости примѣнять всѣ постановленія относящіяся до горцевъ къ ихъ понятіямъ и къ тѣмъ обычаямъ, которые составляли основаніе общественнаго ихъ порядка.

Устройство на раціональныхъ началахъ суда среди горцевъ являлось наиболѣе важной задачей правительства. Основаніями суда и расправы должны были служить: права предоставленныя покорнымъ племенамъ, условія заключенныя съ мирными горцами и отношенія къ враждебнымъ племенамъ. Отъ покорныхъ горцевъ можно было требовать больше, чѣмъ отъ мирныхъ; отъ мирныхъ же болѣе, чѣмъ отъ враждебныхъ. Племена, покорившіяся русскому правительству съ правомъ сохраненія у себя внутренняго порядка суда и расправы по народнымъ обычаямъ, приняли нѣкоторыя обязанности, которыя выражались условіями ихъ покорности. Главнѣйшія изъ этихъ обязанностей состояли: въ вѣрноподданствѣ Престолу, въ сохраненіи политической вѣрности къ Россіи; эти обязанности ввели у нихъ новыя понятія о преступленіяхъ, которыя мы называемъ государственною измѣною, мятежомъ, неповиновеніемъ установленнымъ властямъ и пр.

Предоставивъ покорнымъ племенамъ право сохранить судъ и расправу, было сдѣлано исключеніе насчетъ уголовныхъ преступленій, по которымъ преступники должны были судиться по общимъ законамъ. Однако по этому именно вопросу понятія о преступленіяхъ болѣе всего расходятся съ понятіями горцевъ. По народному міровоззрѣнію горцевъ нѣтъ такого расчле-

1) Отношеніе начальника Главнаго штаба къ командующему войсками лѣваго крыла Кавказской линіи отъ 8-го марта 1858 г., № 1.

ненія преступленій, которое соотвѣтствовало бы общимъ взглядамъ раздѣленія ихъ на уголовныя и гражданскія; даже большая часть дѣйствій, которыя мы называемъ преступленіями, у многихъ племенъ имѣетъ совершенно другое значеніе [1]).

Подъ названіемъ „преступленіе“ мы понимаемъ нарушеніе воспрещенныхъ законами дѣяній, за которыя виновный подвергается отвѣтственности. Разсматривая въ этомъ смыслѣ дѣйствія, которыя въ понятіяхъ горцевъ могли считаться преступленіями, слѣдуетъ къ нимъ причислить: измѣну народу, отцеубійство, кровосмѣшеніе, нарушеніе супружеской вѣрности женщинами, поступки трусости, нарушеніе гостепріимства, воровство у своей семьи и ближайшихъ сосѣдей, а въ племенахъ, управлявшихся аристократіей, еще и нарушеніе личной неприкосновенности князей. Всѣ прочія дѣйствія, относящіяся до нарушенія чести, личной неприкосновенности, безопасности и свободы каждаго, правъ собственности и общественнаго спокойствія, въ томъ числѣ и убійства, не подходили у нихъ подъ понятія о преступленіяхъ. Дѣйствія эти производились по праву сильнаго, по праву войны, и встрѣчали противника только въ силѣ оружія. Такъ, человѣкъ, причинившій другому какой либо вредъ, могъ подвергнуться возмездію отъ силы оружія противника, но онъ не признавалъ судьи, передъ которымъ онъ долженъ былъ стать въ положеніе отвѣтчика, и онъ считалъ себя въ правѣ, не подвергаясь даже обвиненію въ незаконности, поддерживать свое насиліе оружіемъ, если не предпочиталъ для своего спокойствія примириться съ противникомъ.

Эти понятія о правѣ сильнаго развились у горцевъ отъ общественнаго ихъ устройства. Коренное общественное устройство всѣхъ племенъ основывалось на фамильныхъ сою-

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло 1-го отд. канцел. по управленію кавказскими горцами 1861 г., № 146. „Пояснительная записка къ программѣ для составленія правилъ о наказаніи и высылкѣ съ Кавказа вредныхъ и преступныхъ горцевъ“.

захъ и всеобщемъ правѣ употребленія оружія. Всѣ лица, принадлежавшія къ одной фамиліи, обязаны были по народнымъ обычаямъ оказывать взаимную защиту, мстить оружіемъ за смерть, оскорбленіе чести, нарушеніе правъ личной неприкосновенности и собственности и отвѣтствовали передъ другими фамиліями за поведеніе каждаго изъ своихъ членовъ; общественная безопасность обезпечивалась правомъ употребленія оружія и родовой мести, которое замѣняло у нихъ охранительную власть и дѣйствіе правосудія. Въ такомъ первобытномъ обществѣ политическія начала еще не были оформлены и, оставаясь въ рукахъ народа, не уступали мѣста началамъ гражданскимъ; убійство и насиліе не вошли въ разрядъ преступленій; власть правосудія не существовала, а замѣнялась возмездіемъ и мирнымъ соглашеніемъ. Примиреніе производилось черезъ избираемыхъ обѣими враждующими сторонами посредниковъ, которые опредѣляли какую пеню должна виновная сторона уплатить противной въ удовлетвореніе за кровь, насиліе или оскорбленіе; однако отъ произвола враждовавшихъ сторонъ зависѣло прибѣгать къ примиренію, или продолжать кровавую вражду. Въ этой враждѣ месть простиралась не только на виновниковъ, а искались жертвы между членами всей фамиліи; точно также какъ и плата за кровь распредѣлялась на всю фамилію; виновный же, кромѣ уплаты части пени по своему состоянію, никакому другому наказанію не подвергался. Все это имѣло видъ болѣе политической сдѣлки, чѣмъ судебнаго гражданскаго порядка [1]).

Принимая покорность племенъ съ такими понятіями и обычаями, правительство, сохранивъ общественное устройство, дѣлало ограниченія насчетъ выдачи на нашъ судъ уголовныхъ преступниковъ. Очень удачно примѣненное чеченское управленіе, заключавшее въ себѣ кромѣ суда и административную

[1]) Тамъ же.

систему, положило первое основаніе къ постепенному измѣненію общественнаго быта, а съ нимъ и народныхъ понятій. Самою важною цѣлью въ дальнѣйшихъ преобразованіяхъ правительство должно было поставить ограниченіе права родовой мести, а особенно права всеобщаго употребленія оружія; однако этого можно было достичь путемъ постепеннаго привитія къ горскому населенію другихъ началъ общественнаго устройства.

Съ плѣненіемъ въ 1859 году Шамиля и покореніемъ Восточнаго Кавказа, князю Барятинскому предстояла новая задача—устройство занятаго края. На первое время необходимо было устройство это обезпечить такимъ порядкомъ управленія, который, не нарушая обычаевъ покоренныхъ горцевъ, ослабилъ бы преобладающее вліяніе мусульманскаго духовенства. Въ этихъ видахъ фельдмаршалъ рѣшилъ ограничить сферу шаріатскихъ судовъ вопросами исключительно духовными, и ввести въ народѣ словесное судопроизводство, основанное на адатахъ, что несомнѣнно давало возможность внести въ народные суды болѣе началъ гражданскихъ и сблизить ихъ постепенно съ порядкомъ общаго судопроизводства. Тѣмъ болѣе это удобнѣе было сдѣлать, что адатъ съ теченіемъ времени вообще подвергался измѣненіямъ сообразно съ новыми условіями экономическаго быта горскаго населенія.

Съ другой стороны кн. Барятинскій, сознавая всю необходимость поставить надъ горцами власть твердую, энергическую и дѣйствующую въ формахъ не сложныхъ и понятныхъ простому уму горцевъ, оставилъ управленіе въ вѣдѣніи военнаго начальства, представлявшаго болѣе элементовъ для организованія такой власти и при томъ знакомаго уже съ обычаями и понятіями горцевъ. Военно-народная администрація была облечена значительными правами и полномочіями, при которыхъ власть получила дѣйствительную силу и значеніе въ глазахъ населенія. Для того, чтобы избѣжать невыгодъ та-

кого полновластія дѣятелей, кн. Барятинскій привиллегіями военно-народной службы далъ возможность къ привлеченію въ ряды этой администраціи лучшихъ и способнѣйшихъ офицеровъ арміи. Наконецъ, горскимъ населеніямъ былъ предоставленъ судъ понятный и ихъ понимающій—судъ, составленный изъ выборныхъ представителей, рѣшавшихъ дѣла въ духѣ народныхъ воззрѣній, но воззрѣній смягчаемыхъ и направляемыхъ къ понятію болѣе развитыхъ народностей—участіемъ въ постановленіи рѣшеній представителя правительственной власти [1]).

Начала эти послужили основаніемъ новаго Положенія о военно-народномъ управленіи не только Дагестана, но и во всѣхъ горскихъ территоріяхъ Кавказа.

Дагестанская область была составлена изъ частей Прикаспійскаго края, въ который входили Дербентская губернія, семь владѣній, два союза, одно общество и нѣсколько отдѣльныхъ ауловъ, именно:

Владѣнія: шамхальство Тарковское, Кайтагъ; *ханства*: Кубино-Дербентское, Кюра-Казикумухское, Мехтулинское, Табасарань Сѣверная и Табасарань Южная; *союзы*: Даргинскихъ обществъ и обществъ жившихъ по Самурскому ущелью; *общество* Сюрга; *отдѣльные аулы*: Эрпели, Каранай, Ишкарты и др.

Каждое изъ этихъ владѣній имѣло самостоятельныхъ правителей изъ древнихъ родовыхъ династій владѣтелей своихъ, которые, принявъ управленіе, титуловались: шамхалами, уцміями (въ Кайтагѣ), ханами, кадіемъ (въ С. Табасарани), майсумомъ (въ ю. Табасарани), кадіями и старѣйшинами (въ союзахъ и обществѣ Сюргиньскомъ) и родовыми правителями въ отдѣльныхъ аулахъ.

---

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ Великаго князя по военно-народному управленію 1863—1869 г. г.

Всѣ эти части Прикаспійскаго края, будучи заняты разновременно и нѣкоторыя только причисленныя къ нашимъ владѣніямъ, получили названія: Сѣвернаго, Нагорнаго и Южнаго Дагестана и были сперва подчинены одному лицу—Дагестанскому военно-окружному начальнику, потомъ двумъ отдѣльнымъ начальникамъ, а въ 1847 году снова поступили подъ общее управленіе одного лица, наименованнаго командующимъ войсками и управляющимъ гражданскою частью въ Прикаспійскомъ краѣ; ему назначенъ помощникъ съ званіемъ военнаго губернатора Дербентской губерніи [1]).

По Учрежденію 1855 года Прикаспійскій край состоялъ изъ двухъ частей: Дербентской губерніи и земель Сѣвернаго и Нагорнаго Дагестана [2]).

Въ составъ *Дербентской* губерніи включены: городъ Дербентъ, уѣзды: Дербентскій, Кубинскій, округа: Самурскій, Даргинскій, ханства: Кюринское, Казикумухское и остальныя земли къ югу отъ Аварскаго Койсу.

Дербентскому и кубинскому уѣзднымъ начальникамъ вмѣнялось въ обязанность управлять своими частями на общихъ правахъ уѣздныхъ начальниковъ за Кавказомъ.

Въ составъ Дербентскаго уѣзда, кромѣ Улусскаго магала, входили:

Кайтагъ, присоединенный къ Россіи въ 1819 году; онъ раздѣлялся на два покорныхъ магала, шесть вольныхъ и нагорныя деревни, не принадлежавшія къ составу магаловъ. Первоначально Кайтагъ (въ 1820 г.) былъ подчиненъ управленію русскаго офицера подъ названіемъ терекемейскаго пристава; но онъ имѣлъ весьма малое вліяніе на вольные магалы, а жители ихъ совершенно не признавали зависимости и безпрестанно производили нападенія на приморскія части Дагестана.

[1]) Полное Собраніе Законовъ ст. 20703. Указъ Правительствующему Сенату отъ 14 декабря 1846 года.

[2]) Ст. 28, 528, 551 Учрежденія Закавказскаго края по 19-му продолженію.

Потому въ 1838 году г.-л. Фези для усмиренія и наказанія предпринялъ изъ Южнаго Дагестана экспедицію. Пользуясь изъявленною покорностью, г. Фези поручилъ всѣ шесть вольныхъ обществъ управленію шт.-кап. Джамовъ-бека [1]) съ тѣмъ, чтобы онъ находился въ подчиненіи дербентскаго коменданта. Съ преобразованіемъ Закавказскаго края въ 1840 году Кайтагъ былъ включенъ въ составъ Дербентскаго уѣзда; изъ двухъ горныхъ магаловъ образованъ Терекемейскій участокъ съ участковымъ управленіемъ, а вольные магалы оставлены были по прежнему въ управленіи Джамовъ-бека. Участковое управленіе существовало до 1843 года, когда общее возмущеніе въ Дагестанѣ и участіе жителей Терекемейскаго участка въ возстаніи обнаружило совершенное несоотвѣтствіе гражданскаго управленія, потому весь Кайтагъ былъ порученъ тому же Джамовъ-беку.

Сѣверная и Южная Табасарань, причисленныя къ имперіи въ 1806 году, подобно Кайтагу заключали въ себѣ покорные и вольные магалы. Со времени поступленія въ подданство обѣ Табасарани управлялись правителями, кадіями и майсумами, изъ фамиліи прежнихъ своихъ владѣтелей; сперва они избирались большинствомъ членовъ своего рода, а впослѣдствіи назначались по выбору мѣстной администраціи и утверждались главнымъ начальникомъ Закавказскаго края.

Въ остальныхъ частяхъ губерніи: въ Дербентѣ, Кубинскомъ уѣздѣ и Улусскомъ магалѣ, введенный съ 1840 года гражданскій порядокъ управленія не возбуждалъ никакихъ особенныхъ затрудненій. Это объяснялось тѣмъ, что населеніе въ достаточной степени освоилось съ русскимъ управленіемъ, а также и тѣмъ порядкомъ, какой существовалъ у нихъ до присоединенія. Эти части, находясь долгое время подъ владычествомъ Персіи, а потомъ сдѣлавшись независимымъ Ку-

[1]) Сынъ послѣдняго кайтагскаго уцмія Адиль-хана, лишеннаго въ 1819 году Ермоловымъ правъ владѣтеля.

бинско-Дербентскимъ ханствомъ, управлялись сравнительно въ большемъ порядкѣ, чѣмъ другія дагестанскія владѣнія. Поэтому населеніе ханства, привыкшее къ безусловному повиновенію, сравнительно легко приняло преобразованіе 1840 года.

Въ Самурскомъ округѣ для управленія служило руководствомъ Положеніе, утвержденное въ 1839 году ген. Головинымъ. По этому Положенію въ помощь окружному начальнику назначены главный духовный казій и диванные члены (векили) отъ каждаго магала по одному и, между прочимъ, предписывалось ему: водворить въ округѣ спокойствіе, при разборѣ дѣлъ придерживаться народнаго обычая, не стѣсняясь общими законами, разбирательство духовныхъ дѣлъ поручить казію, во всѣхъ случаяхъ превышавшихъ его власть сноситься съ командующимъ войсками въ Дагестанѣ. Однако, съ включеніемъ въ 1846 году Самурскаго округа въ составъ Дербентской губерніи, права окружного начальника утратили прежнее значеніе и онъ вошелъ въ подчиненіе губернатора.

Для управленія *Даргинскимъ* округомъ не было издано особаго Положенія. Жители округа составляли шесть вольныхъ обществъ: Акушинское, Цудахарское, Усушинское, Урахлинское, Мекегинское и Мюгекское, объединенныя въ одинъ союзъ, управлявшіяся своими родовыми кадіями и избираемыми ежегодно старѣйшинами, подъ главною зависимостью акушинскаго кадія. Общества эти, изъявившія покорность въ 1819 году, оставлены по прежнему подъ управленіемъ кадія до 1844 года, когда была сдѣлана попытка назначить туда русскаго начальника; но первый же изъ нихъ былъ измѣнически убитъ, и съ того времени до 1854 года округомъ управлялъ акушинскій кадій.

Хотя съ 1846 года Даргинскій округъ и считался въ составѣ Дербентской губерніи, но вліяніе русской власти было въ немъ самое незначительное, такъ какъ жители округа на-

ходились въ постоянномъ напряженномъ волненіи отъ агитаціи агентовъ Шамиля. Акушинскій кадій, несмотря на всю его преданность правительству, не имѣлъ средствъ препятствовать пропуску въ округъ партій мюридовъ. Только въ 1854 году представилась возможность поручить завѣдываніе округомъ русскому штабъ-офицеру и г.-л. кн. Орбеліани назначилъ туда подполковника Лазарева, которому предлагалось не вмѣшиваться открыто во внутреннее управленіе народомъ, наблюдать за жителями и стараться постепенно подготовить народъ къ совершенной покорности. Лазаревъ выполнилъ возложенное на него порученіе съ большимъ умѣніемъ и успѣхомъ [1]).

Кюринское и Казикумухское ханства составляли раньше одно неразрывное владѣніе казикумухскихъ хановъ; въ 1812 году собственно Кюринское владѣніе было завоевано русскими войсками и пожаловано сыну шахъ-Мардана, Асланъ-беку казикумухскому, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ возведенъ въ званіе хана Кюринскаго. Впослѣдствіи, послѣ покоренія Казикумухскаго владѣнія, оно также было передано Асланъ-хану. Ему наслѣдовалъ сначала старшій сынъ Нуцалъ-ханъ, а затѣмъ — младшій, Магометъ-Мирза-ханъ; оба они были утверждены въ достоинствѣ и правахъ владѣтелей. Послѣ смерти въ 1839 году Магометъ-Мирзы-хана угасъ родъ признанныхъ хановъ по прямой нисходящей линіи, и Кюра-Казикумухское ханство было раздроблено на два ханства: Кюринское и Казикумухское, управленіе которыми поручено бекамъ, происходившимъ изъ фамиліи прежняго Казикумухскаго владѣтельнаго дома.

Первымъ правителемъ Кюринскаго ханства былъ Гарунъ-бекъ, а послѣ вторженія въ 1842 году Шамиля—Юсуфъ-бекъ. Казикумухскимъ же ханствомъ управлялъ до 1842 года Махмудъ-бекъ, именуясь помощникомъ правительницы Умми-Гуль-

[1]). Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло канцел. по управленію кавказскими горцами 1857 г., № 93, ч. 1-я. Докладная записка командующаго войсками и управляющаго гражданскою частью въ Прикаспійскомъ краѣ г.-л. Орбеліани къ кн. Барятинскому отъ 19-го февраля 1857 г., № 10.

сумъ-Бике (вдовы Асланъ-хана), его смѣнили: Абдулъ-Рахманъ-бекъ и Агаларъ-бекъ. Хотя эти правители подчинялись сперва начальнику Самурскаго округа, а затѣмъ Дербентскому военному губернатору, но подчиненность эта была самая поверхностная. Принадлежа къ династіи прежнихъ владѣтелей, они правили народомъ на ханскихъ правахъ и, находясь въ прямыхъ сношеніяхъ съ командующимъ войсками въ этомъ краѣ, подчинялись въ сущности только ему одному по военнымъ предпріятіямъ; во внутреннее же управленіе командующіе войсками и не вмѣшивались, такъ какъ жители не жаловались на притѣсненія своихъ правителей, а эти послѣдніе — на неповиновеніе жителей [1]).

Изъ всѣхъ этихъ правителей одинъ только Юсуфъ-бекъ оффиціально былъ признанъ управляющимъ Кюринскимъ владѣніемъ на ханскихъ правахъ. Въ предписаніи, данномъ ему 26 мая 1846 года княземъ Воронцовымъ, сказано: „Россійское главное управленіе за Кавказомъ назначило васъ управляющимъ на ханскихъ правахъ съ тою властью, которая всегда принадлежала ханамъ покорившимся Россіи, т.-е. съ исключеніемъ смертной казни и лишенія членовъ". Правителямъ же Казикумухскаго ханства хотя правъ этихъ оффиціально даваемо не было, но они въ дѣйствительности пользовались ими.

Сюргинское общество изъявило покорность одновременно съ жителями Даргинскаго округа въ 1819 году, но по внутреннему управленію оно оставалось въ совершенной независимости; и все подданство ограничивалось обложеніемъ ежегодной податью въ 400 рублей, взносъ которыхъ при томъ никогда не производился добровольно. Понудительными мѣрами въ такихъ случаяхъ служило заарестованіе сюргинцевъ, прибывавшихъ въ Дербентъ по торговымъ дѣламъ.

---

[1]) Тамъ же.

Другая половина Прикаспійскаго края, названная въ законахъ подъ общимъ именемъ „земли Сѣвернаго и Нагорнаго Дагестана", заключала въ себѣ два владѣнія: шамхальство *Тарковское*, ханство *Мехтулинское* и не входящіе въ составъ владѣній отдѣльные аулы: *Ишкарты, Карадай, Эрпели, Чиркей, Чиръ-юртъ, Миатлы, Султанъ-Янги-юртъ* и *Отаръ-аухъ* [1]).

Въ обзорѣ сношеній Россіи съ Кавказомъ уже было указано, что шамхалы изъявляли покорность еще въ началѣ XVII столѣтія, но зависимость эта прерывалась смотря по политическимъ обстоятельствамъ; окончательно же владѣнія эти заняты въ 1821 году при Мехти-шамхалѣ, умершемъ въ 1830 году. Послѣ смерти въ 1836 году сына его Сулейманъ-паши, въ права владѣтеля вступилъ генералъ-адъютантъ князь Абу-Муселимъ-ханъ; онъ управлялъ на наслѣдственныхъ правахъ и при немъ состоялъ русскій офицеръ съ званіемъ помощника шамхала. Послѣ смерти Абу-Муселима въ 1860 году шамхальство Тарковское было поручено управленію его сына, кн. Шамсудинъ-хану.

Въ 1821 же году присоединено къ Россіи и Мехтулинское ханство; первымъ и послѣднимъ ханомъ, признаннымъ въ правахъ владѣтеля, былъ Ахметъ-ханъ, оставившій дѣтей Ибрагимъ и Решидъ-хана. Ахметъ-ханъ умеръ въ 1843 году, и за малолѣтствомъ дѣтей его управленіе было ввѣрено вдовѣ, ханшѣ Нохъ-Бике, а въ помощь ей назначенъ русскій штабъ-офицеръ, который въ сущности и былъ фактическимъ правителемъ ханства. Съ достиженіемъ совершеннолѣтія Ибрагимъ-хану было передано управленіе владѣніемъ; впрочемъ, въ 1859 году Ибрагимъ-ханъ былъ назначенъ правителемъ Аваріи, а Мехтулинское ханство было поручено брату его Решидъ-хану.

Отдѣльные аулы, не принадлежавшіе къ составу вышеуказанныхъ владѣній, управлялись старшинами, избираемыми

[1]) ст. 551 Учрежденія Закавказскаго края по 19-му продолженію.

правительствомъ, подъ надзоромъ ближайшихъ воинскихъ начальниковъ, такъ напримѣръ, Ишкарты, Каранай, и Эрпели находились въ вѣдѣніи командира Дагестанскаго пѣхотнаго полка; Чиръ-юртъ, Чонтъ-аулъ и Отаръ-аухъ—въ вѣдѣніи командира Нижегородскаго драгунскаго полка; Чиркей—въ вѣдѣніи начальника Евгеніевскаго укрѣпленія.

Остальныя части Прикаспійскаго края заключали въ себѣ укрѣпленія и штабъ-квартиры, именно: Темиръ-Ханъ-Шура, Петровскъ, Евгеніевское, Чиръ-юртъ, Дашлагаръ, Кусары, Ахты, Лучекъ, Чирахъ, Курахъ, Кумухъ, Ходжалмахи и Аймаки; во всѣхъ этихъ штабъ-квартирахъ и укрѣпленіяхъ кромѣ военно-служащихъ проживало и гражданское населеніе.

Изъ этого обзора видно, что Прикаспійскій край состоялъ изъ самыхъ разнообразныхъ частей по географическому положенію, по народному устройству, по времени и условіямъ поступленія въ подданство, равно и по степени зависимости къ правительству. Это было главной причиной тому, что администрація руководствовалась отрывочными, разновременно составленными Положеніями, вообще говоря не сообразованными съ бытомъ и условіями жизни населенія. Между тѣмъ, несмотря на давно признанную необходимость, кавказское начальство не могло приступить къ составленію общаго Положенія для управленія, такъ какъ постоянныя военныя дѣйствія въ горахъ, необезпеченность отъ случайностей спокойствія въ краѣ, особыя условія и враждебность племенъ затрудняли и замедляли осуществить эту мѣру.

25-го августа 1859 года Шамиль, доведенный до полнаго изнеможенія въ многолѣтней борьбѣ, положилъ оружіе. Изъявленіемъ покорности вольныхъ горскихъ обществъ представилась, наконецъ, возможность привести прежнія отрывочныя Положенія въ одну опредѣленную систему.

По составу населенія весь Дагестанъ можно было раздѣлить на три разряда: 1) населеніе давно уже покорное

и вполнѣ подчинившееся русской власти; 2) населеніе, хотя давно признававшее подданство Россіи, но мало покорное власти, отчасти же остававшееся внѣ всякой административной зависимости и 3) населеніе, подчинившееся только въ 1859 году.

На три главные разряда Дагестанъ распадался также и по народному устройству, именно: на населенія вольныхъ обществъ, управляющихся выборными старѣйшинами, на населенія, управлявшіяся независимыми родовыми владѣтелями и на населенія, у которыхъ Шамилемъ было уничтожено прежнее народное устройство и управлявшіяся назначенными наибами съ деспотическими правами

Принимая во вниманіе указанныя особенности края, кн. Барятинскій при составленіи новаго Положенія объ управленіи Дагестаномъ требовалъ, чтобы оно основывалось: на оставленіи гражданскаго управленія только тамъ, гдѣ оно уже дѣйствовало безпрепятственно; на полномъ поддержаніи ханской власти всюду, гдѣ она существовала; на устройствѣ въ остальныхъ частяхъ такого управленія, которое бы сохраняло уваженіе къ личности, къ стариннымъ сословнымъ и поземельнымъ правамъ туземцевъ, примѣняясь къ требованіямъ русскихъ интересовъ, отправляло судъ и расправу преимущественно по народнымъ обычаямъ, и, предоставляя мусульманскому духовенству только тѣ дѣла, которыя и до начала мюридизма въ Дагестанѣ производились по шаріату, постепенно подготовляло бы горцевъ къ полному сознанію преимуществъ русской гражданственности. При этомъ кн. Барятинскій выражалъ свое мнѣніе, „что для полнаго замиренія кавказскаго населенія нужно, чтобы послѣ его покоренія прошелъ, по крайней мѣрѣ, двадцатилѣтній періодъ совершенно мирной жизни, въ продолженіе котораго горскія общества не имѣли бы ни средствъ, ни побудительной причины къ возстанію, и что на управленіе горцами слѣдуетъ смотрѣть до того, какъ на про-

долженіе ихъ покоренія и считать необходимые для того расходы издержками Кавказской войны" [1]).

Положеніе объ управленіи Дагестанскою областью было утверждено княземъ Барятинскимъ *5-го апрѣля 1860 года* [2]). Въ составъ области вошли: Прикаспійскій край, за исключеніемъ Кубинскаго уѣзда, причисленнаго къ Бакинской губерніи, и тѣ изъ вновь покоренныхъ обществъ, которыя въ 1859 году были временно присоединены къ Лезгинской кордонной линіи.

Въ этомъ видѣ Дагестанская область была раздѣлена на 4 военныхъ отдѣла: Сѣверный, Средній, Верхній и Южный и заключала 6 округовъ: Даргинскій, Кайтаго-Табасаранскій, Казикумухскій, Гунибскій, Самурскій и Бежитскій; 4 ханства: шамхальство Тарковское, ханства: Мехтулинское, Кюринское и возстановленное Аварское и одно отдѣльное наибство—Присулакское. Дербентская губернія была упразднена; тѣ же части ея, въ которыхъ было введено гражданское управленіе, какъ напримѣръ г. Дербентъ и Улусскій магалъ, составили особое Дербентское градоначальство съ подчиненіемъ начальнику Дагестанской области. Ему же въ военномъ отношеніи былъ подчиненъ входившій въ составъ Лезгинской кордонной линіи Джаро-Белоканскій округъ, переименованный въ Закатальскій.

Начальникъ Дагестанской области подчинялся непосредственно Главнокомандующему и объединялъ всѣ отрасли управленія: военнаго—съ званіемъ командующаго войсками области и съ правами командира корпуса; гражданскаго—съ правами генералъ-губернатора и по управленію туземными племенами.

---

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло 1-го отд. кавказск. горскаго управленія 1869 г., № 6, ч. 2-я. Отчетъ генералъ-адъютанта кн. Меликова объ управленіи Дагестанскою областью съ 1-го января 1863 г. по 1-е октября 1869 года.

[2]) Полное Собраніе Законовъ ст. 36026. Указъ Правительствующему Сенату отъ 16-го іюля 1860 года.

Гражданскія учрежденія области имѣли полныя указанія для опредѣленнаго образа дѣйствій и имъ надлежало продолжать давно введенный и безпрепятственно дѣйствовавшій порядокъ. Въ другихъ условіяхъ находились военно-народныя управленія, чины котораго постоянно должны были имѣть въ виду, что долговременныя враждебныя отношенія населенія вселили въ немъ непріязненныя чувства, которыя не могли исчезнуть одновременно съ прекращеніемъ войны. Потому, какъ начальникамъ военныхъ отдѣловъ, такъ и чинамъ окружныхъ и наибскихъ управленій ставилось задачей: сгладить такія отношенія, предотвращать недоразумѣнія, подчинять племена нравственнымъ воздѣйствіемъ, стараться упрочить въ Дагестанѣ спокойствіе и порядокъ уваженіемъ къ личнымъ и имущественнымъ правамъ туземцевъ, правосудіемъ и поощреніемъ въ народѣ мирнаго труда [1]).

Для разбирательства дѣлъ между туземцами при каждомъ изъ семи окружныхъ управленій учреждены окружные суды, подъ предсѣдательствомъ окружныхъ начальниковъ, изъ выборныхъ отъ народа депутатовъ, кадія и письмоводителя, назначенныхъ отъ начальства; такіе же суды, подъ названіемъ словесныхъ, устроены при ханскихъ управленіяхъ; наконецъ сельскіе суды, которымъ были подсудны жители одного селенія или аула. Съ цѣлью внушить довѣріе населенія къ судамъ, начальникамъ отдѣловъ и округовъ было вмѣнено въ обязанность, чтобы избраніе падало на людей именитыхъ, свѣдущихъ и извѣстныхъ своею справедливостью; разбирательство введено было по народнымъ обычаямъ и частью по шаріату скоро и гласно; чтобы судамъ была, по возможности, присвоена самостоятельность судебныхъ учрежденій, согласованныхъ съ духомъ общаго Положенія объ управленіи областью.

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло 1-го отд. кавказск. горскаго управленія 1869 г., № 6, ч. 2-я. Отчетъ генералъ-адъютанта кн. Меликова объ управленіи Дагестанскою областью съ 1-го января 1863 по 1-е октября 1869 года.

Разбирательству окружныхъ и словесныхъ судовъ отнесены: всѣ дѣла, возникающія между туземцами по гражданскимъ спорамъ и тяжбамъ; по спорамъ, дракамъ, увозу женщинъ, хотя бы случаи эти имѣли послѣдствіемъ увѣчья и даже смерть; по воровству, похищеніямъ и грабежамъ, если они учинены не съ такими насиліемъ и угрозами, которыя представляли бы опасность для жизни или здоровья обиженнаго; по несогласіямъ семейнымъ и между мужемъ и женою и по дѣламъ религіознымъ. Однимъ словомъ, вѣдомству судовъ отнесены всѣ дѣла, возникающія между туземцами изъ частнаго нарушенія личныхъ и имущественныхъ правъ, и каждый ищущій правосудія находилъ въ членахъ суда извѣстныхъ ему людей, съ которыми онъ объяснялся на родномъ языкѣ и отъ которыхъ ожидалъ скораго разбирательства своего дѣла по извѣстнымъ ему впередъ обрядамъ и правиламъ.

Изъ вѣдомства окружныхъ судовъ Положеніемъ изъяты только дѣла по предметамъ, заключающимъ въ себѣ слѣдующія преступленія: 1) похищеніе казеннаго имущества; 2) разбой; 3) явное неповиновеніе начальству и тяжкое его оскорбленіе; 4) возмущеніе противъ правительства и измѣна. По всѣмъ этимъ дѣламъ виновные подлежали военно-уголовному суду, или, смотря по обстоятельствамъ, административнымъ наказаніямъ [1]).

Окружнымъ управленіямъ подчинены наибскія, а этимъ послѣднимъ—сельскія. Наибамъ предоставлено разбирать мелкіе споры между туземцами въ порядкѣ примирительнаго разбирательства. Сельское управленіе въ области было оставлено на прежнемъ основаніи, т. е. непосредственный надзоръ за жителями принадлежалъ выборнымъ старшинамъ, аскакаламъ и кадіямъ.

---

[1]) Положеніе объ управленіи Дагестанскою областью 5-го апрѣля 1860 года.

Что касается ханскихъ управленій, то кн. Барятинскій считалъ одною изъ главныхъ ошибокъ прежняго управленія уничтоженіе властей, созданныхъ народною жизнью, и стремленіе пріобрѣсти скорое сочувствіе массы населенія черезъ пренебреженіе къ родовымъ отличіямъ и возвышеніе мусульманскаго духовенства. На этомъ основаніи, по мнѣнію фельдмаршала, цѣль русскаго управленія въ Дагестанѣ должна была состоять въ обезсиленіи вліянія духовенства поддержаніемъ высшаго сословія тамъ, гдѣ оно существовало, и даже созданіемъ его тамъ, гдѣ его вовсе не было. Собственно говоря, въ Дагестанѣ шаріатъ искусственно созданъ деспотическимъ правленіемъ трехъ имамовъ; само же населеніе всегда было склонно придерживаться адата; такъ что кн. Барятинскій, зная хорошо общественное устройство горцевъ, пошелъ навстрѣчу потребностямъ народной жизни[1]). Къ этому вопросу мы еще вернемся въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Отдѣльнымъ владѣтелямъ по управленію подчиненнымъ имъ населеніемъ были предоставлены прежнія ихъ ханскія права, за исключеніемъ права лишенія жизни и членовъ, равно и пожалованія кому либо въ собственность населенныхъ или ненаселенныхъ имѣній. Какъ уже выше указано, Аварія поручена Ибрагиму-хану; Кюринское ханство—ген.-м. Юсуфъ-хану и Мехтулинское—Рашидъ-хану. Къ правителямъ Аваріи и Мехтулы назначены по одному помощнику изъ русскихъ штабъ-офицеровъ.

Ханы и помощники въ дѣйствіяхъ своихъ по управленію должны были руководствоваться общимъ для Дагестана Положеніемъ и инструкціей.

Для отправленія общей судебной расправы были учреждены: Дагестанскій областной судъ (уголовный и гражданскій) и Дагестанскій народный судъ.

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло 1-го отд. кавказскаго горскаго управленія 1869 г., № 6, ч. 2-я. Отчетъ генералъ-адъютанта кн. Меликова объ управленіи Дагестанскою областью съ 1-го января 1863 по 1-е октября 1869 года.

Областной судъ составленъ изъ предсѣдателя, двухъ членовъ и прокурора по назначенію отъ правительства; а въ дѣйствіяхъ своихъ долженъ былъ руководствоваться общими законами имперіи съ примѣненіемъ ихъ къ Учрежденію Закавказскаго края. Разбирательству этого суда отнесены: а) дѣла уголовныя, дѣла совѣстнаго суда и гражданскія, рѣшенія которыхъ превышали власть дербентской городской полиціи и начальника портоваго города Петровска; б) дѣла гражданскія и уголовныя лицъ, не принадлежавшихъ къ туземному населенію и проживавшихъ въ области; в) совершеніе крѣпостныхъ актовъ на всякую сумму, свидѣтельствованіе разныхъ актовъ и выдача залоговыхъ свидѣтельствъ и г) надзоръ за опеками надъ имуществомъ лицъ нетуземнаго происхожденія проживавшихъ въ области.

Дагестанскій народный судъ предназначенъ исключительно для туземныхъ жителей для разбора дѣлъ по адату и шаріату. Предсѣдатель суда выбирался начальникомъ области и утверждался Главнокомандующимъ арміей; начальникъ же области избиралъ и членовъ суда—семь депутатовъ отъ почетныхъ и свѣдущихъ туземцевъ, кадія и письмоводителя [1]).

Такимъ образомъ, организація судовъ Дагестанской области была основана на томъ соображеніи, чтобы, сохранивъ въ народѣ ихъ древнія права выборнаго начала по обычаямъ (адату), тѣмъ самымъ ограничить духовный судъ по шаріату. Между тѣмъ, предоставленное военно-народной администраціи участіе въ контролѣ надъ отправленіемъ правосудія, по смыслу Положенія 5-го апрѣля 1860 года, должно было постепенно воспитать народъ къ воспріятію общеустановленныхъ формъ судопроизводства.

Въ 1830 году отдѣльныя до того владѣнія: Белоканское, Джарское, Катехское и другія соединены въ одну область,

[1]) Положеніе объ управленіи Дагестанскою областью 5-го апрѣля 1860 года.

подъ названіемъ Джаро-Белоканской, съ раздѣленіемъ ея на шесть магаловъ. Для высшаго завѣдыванія областью было тогда же учреждено Временное правленіе, состоявшее, подъ предсѣдательствомъ начальника области, изъ двухъ совѣтниковъ, шести народныхъ депутатовъ и необходимаго числа чиновниковъ, при чемъ народнымъ депутатамъ принадлежало только право совѣщательнаго голоса. Областному правленію предоставлялось рѣшать и судебныя дѣла; для первоначальнаго же разбирательства споровъ жителей между собой учрежденъ народный судъ—*шаро*; тяжебныя дѣла изъ этого суда могли поступать и на разсмотрѣніе по русскимъ законамъ въ областное правленіе, однако, съ согласія одной изъ спорящихъ сторонъ; уголовныя же дѣла жителей подлежали сужденію исключительно въ областномъ правленіи.

Учрежденное на такихъ основаніяхъ управленіе оказалось удовлетворительнымъ; благодаря сохраненію народныхъ судовъ коренное устройство быта населенія не нарушалось; могло вызвать неудовольствіе распоряженіе о сужденіи уголовныхъ дѣлъ въ областномъ правленіи; но при отсутствіи прокуроровъ, апелляціонныхъ и кассаціонныхъ обжалованій, при непосредственномъ подчиненіи начальника области главноуправляющему, которому принадлежало окончательное рѣшеніе по всѣмъ восходившимъ до него дѣламъ, наконецъ, при томъ условіи, что въ самомъ областномъ правленіи совѣщательный голосъ народныхъ депутатовъ могъ способствовать правильному пониманію адатовъ, введенный порядокъ оказался вполнѣ удобопримѣнимымъ. Нельзя при этомъ не указать, что назначенный графомъ Паскевичемъ начальникомъ области кн. Бековичъ-Черкасскій, а барономъ Розеномъ—генералъ Реутъ сумѣли заслужить полное довѣріе и общее уваженіе жителей.

Въ 1840 году, вслѣдствіе общаго взгляда барона Гана, существовавшій кругъ административныхъ дѣйствій Времен-

наго правленія признанъ недостаточнымъ, почему было установлено управленіе на одинаковыхъ началахъ съ общими губернскими учрежденіями. Областное правленіе переименовано въ Белоканское уѣздное, съ учрежденіемъ въ немъ уѣзднаго суда. Это преобразованіе вызвало ропотъ населенія, и кн. Чернышовъ, посѣтивъ въ 1842 году Джаро-Белоканы, убѣдился лично насколько новый порядокъ не соотвѣтствовалъ понятіямъ населенія, и приказалъ уѣздное управленіе замѣнить окружнымъ, съ подчиненіемъ военному штабъ-офицеру и съ учрежденіемъ военно-судной комиссіи, куда должны были поступать всѣ уголовныя дѣла, а тяжебныя — въ окружное управленіе, или, смотря по желанію жителей, въ нухинскій уѣздный судъ [1]).

Въ 1844 году, по ходатайству генерала Нейдгардта, Белоканскій округъ былъ вовсе отчисленъ отъ гражданскаго управленія Грузино-Имеретинской губерніи и непосредственно подчиненъ джаро-белоканскому военно-окружному начальнику съ присвоеніемъ ему правъ губернатора по гражданскимъ дѣламъ и правъ начальника дивизіи—по дѣламъ уголовнымъ. Еще болѣе отвѣчали потребностямъ жителей округа изданныя въ 1846 году кн. Воронцовымъ правила, по которымъ, въ видѣ опыта и временной мѣры, предлагалось: устроить формальныя слѣдствія по всѣмъ спорнымъ дѣламъ вообще, причисляя къ нимъ споры, драки, увозъ женщинъ и пр., хотя бы они имѣли послѣдствіемъ увѣчья и даже смерть; дѣла эти разбирать подъ руководствомъ военно-окружнаго начальника по шаріату или адату. Наконецъ, кн. Барятинскій въ 1857 году издалъ новое Положеніе о закатальскомъ словесномъ судѣ, вѣдомству котораго подлежали дѣла: по всѣмъ вообще гражданскимъ спорамъ и религіознымъ вопросамъ,

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло канцеляріи по управленію кавказскими горцами 1-го отд. 1-го ст. 1862 г., № 2, ч. 1-я. Записка начальника Закатальскаго округа Столѣтова отъ 17-го декабря 1863 г., № 5392.

разрѣшая первые по адату или маслаату на сумму 150 рублей окончательно, а свыше—съ предоставленіемъ недовольному рѣшеніемъ права апелляціи; вторые же—по шаріату. Вѣдомству же окружнаго управленія отнесены дѣла по грабежамъ, разбою и пр. [1]).

Одновременно съ утвержденіемъ Положенія для Дагестанской области управленіе Джаро-Белоканскимъ военнымъ округомъ 5-го апрѣля 1860 года въ видѣ временной мѣры было преобразованно въ управленіе Закатальскимъ округомъ [2]). Имѣлось въ виду округъ причислить какъ уѣздъ къ Тифлисской губерніи, и потому въ Положеніи было сказано, что округъ только временно подчиняется начальнику Верхняго Дагестана, получившаго власть гражданскаго губернатора, а въ военномъ отношеніи подчинявшагося командующему войсками въ Дагестанской области. Военный же начальникъ Верхняго Дагестана по управленію Закатальскимъ округомъ состоялъ въ непосредственномъ подчиненіи Намѣстника.

Управленіе округомъ ввѣрено окружному начальнику, который дѣйствовалъ, примѣняясь къ общимъ правамъ и обязанностямъ уѣздныхъ начальниковъ, исключая тѣхъ изъятій, которыя допущены были въ отношеніи порядка разбора дѣлъ между жителями. При округѣ оставленъ и введенный съ 1858 года словесный судъ. Управленіе городомъ Закаталы принадлежало полиціи.

Въ порядкѣ ближайшаго мѣстнаго управленія округъ раздѣленъ по прежнему на три участка; начальники участковъ непосредственно подчинялись начальнику округа и пользовались правами участковыхъ засѣдателей съ изъятіями допущенными для Закатальскаго округа.

---

[1]) Тамъ же. Записка кн. Джорджадзе отъ 11-го сентября 1863 года.

[2]) Полное Собраніе Законовъ ст. 36026. Указъ Правительствующему Сенату отъ 16 іюля 1860 года.

Вѣроятно, въ видахъ скорѣйшаго подведенія округа подъ уровень общихъ губернскихъ учрежденій, начальникъ Верхняго Дагестана и окружной начальникъ при разборѣ дѣлъ между туземцами не придерживались вошедшаго въ законъ (т 2. ч. 2. ст. 525 и примѣч.) Положенія о предоставленіи словеснымъ судамъ разбора по адату тяжебныхъ исковыхъ дѣлъ; напротивъ, вопреки этому закону, назначались формальныя слѣдствія, производившіяся участковыми начальниками и представляемыя этими послѣдними начальнику округа, который, не держась строго предѣловъ предоставленной ему власти, слѣдственное дѣло или разрѣшалъ самъ, или направлялъ въ словесный судъ. Судъ этотъ при разборѣ дѣла вновь долженъ былъ производить словесное дознаніе, вызывая къ засѣданіямъ причастныхъ лицъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что слѣдственныя дѣла производились на русскомъ языкѣ, недоступномъ для судей, отчасти же руководясь пріемами мѣстнаго адата. Словесный судъ представлялъ рѣшенія начальнику округа, который или соглашался съ мнѣніемъ суда или съ своимъ заключеніемъ представлялъ начальнику Верхняго Дагестана; этотъ послѣдній давалъ заключеніе по обсужденіи всѣхъ выяснившихся данныхъ; дѣла же, имѣвшія уголовный характеръ, направлялъ на разсмотрѣніе въ военно-судную комиссію [1]).

Слѣдственныя дѣла и дознанія большой важности окружной начальникъ не передавалъ въ словесный судъ, представлялъ начальнику Верхняго Дагестана, который или направлялъ въ Главное управленіе, или разрѣшалъ самъ, или же приказывалъ разсмотрѣть въ словесномъ судѣ и военно-судной комиссіи.

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло 2-го отдѣленія генеральнаго штаба 1864 г., № 77. Отчетъ г.-м. Кармалина о Закатальскомъ военномъ округѣ съ іюня 1863 г. по 1-е іюля 1864 года.

Въ заведенномъ практикой порядкѣ собственно съ юридической точки зрѣнія не былъ отдѣленъ разборъ административный отъ судебнаго; въ сложномъ перекрещиваніи ихъ было много мѣста произволу, такъ какъ не былъ установленъ разъ навсегда принятый порядокъ перехода дѣлъ изъ одной инстанціи въ другую. Несостоятельный въ юридическомъ смыслѣ этотъ порядокъ былъ еще менѣе соображенъ съ характеромъ и степенью умственнаго и нравственнаго развитія жителей. Народъ изъ непонятнаго для него лабиринта гражданской процедуры усвоилъ только то, что подачей жалобъ и апелляцій можно возобновить и безотвѣтственно продлить всякаго рода споры и при этомъ избѣгнуть наказанія за преступленіе, при трудности для слѣдователя соблюсти всѣ установленныя закономъ формальности. Результатомъ всего этого была общая деморализація края—возникло множество, по существу совершенно несправедливыхъ, споровъ по дѣламъ поземельнымъ, наслѣдственнымъ и, вообще, исковымъ; умножилось воровство, убійства, увозъ женщинъ, чему много способствовали принятыя администраціей мѣры къ обращенію ингилойцевъ въ христіанство, такъ какъ всякій преступникъ, принявшій св. крещеніе, освобождался отъ наказанія и какъ бы получалъ позволеніе продолжать свою преступную дѣятельность.

Такимъ образомъ на практикѣ словесный судъ существовалъ только для дѣлъ меньшей важности; иски болѣе интересные, по спорамъ имущественнымъ и земельнымъ, обслѣдовались и разрѣшались административнымъ порядкомъ, по формальнымъ дознаніямъ, поручаемымъ, обыкновенно, участковымъ начальникамъ или ихъ помощникамъ. При этомъ допускались самыя вопіющія злоупотребленія [1]).

Въ слѣдующей главѣ будутъ подробно изложены эти отрицательныя стороны управленія.

[1]) Тамъ же.

Въ томъ же 1860 году созданы на Сѣверномъ Кавказѣ двѣ новыя области: изъ бассейна рѣки Кубани — *Кубанская* и изъ бассейна рѣки Терека — *Терская*; при этомъ послѣдовало преобразованіе расположенныхъ тамъ казачьихъ войскъ: Черноморское войско съ присоединеніемъ къ нему 6-ти бригадъ Кавказскаго линейнаго съ принадлежавшими имъ землями—въ *Кубанское казачье войско;* изъ остальныхъ же бригадъ кавказскихъ линейцевъ образовано *Терское казачье войско*. Командующіе войсками въ этихъ новыхъ областяхъ получили также названіе Наказныхъ атамановъ соотвѣтствующихъ казачьихъ войскъ и сосредоточивали въ себѣ управленіе какъ казаками, такъ и горскими племенами, территоріи которыхъ входили въ составъ этихъ областей.

Эти преобразованія были вызваны измѣнившимися политическими обстоятельствами: рѣшительный ударъ нанесенный мюридизму и паденіе Шамиля въ 1859 году позволили правительству направить всѣ средства на борьбу съ горцами Западнаго Кавказа. Хотя къ тому времени почти всѣ закубанскія племена на пространствѣ отъ Лабы и до устьевъ Кубани изъявили покорность, но среди нихъ произошло сильное броженіе умовъ, выразившееся рѣшительнымъ намѣреніемъ покинуть родину и переселиться въ Турцію. Такое стремленіе обнаружилось даже среди тѣхъ закубанскихъ горцевъ, которые считались мирными.

Пока длилась война, народъ видѣлъ неприкосновенность своей религіи и обычаевъ; со свойственною ему недовѣрчивостью онъ приписывалъ это тому, что правительство опасается ихъ тревожить какими либо рѣшительными мѣрами, чтобы не усилить въ тылу враждующаго элемента; но разъ война окончилась, то, конечно, правительство не замедлитъ посягнуть на религію, свободу, отдастъ распоряженіе о рекрутскомъ наборѣ. Эти толки вмѣстѣ съ заманчивою будущностью—жить подъ владычествомъ намѣстника пророка, волно-

вали массы: горцы бросали свое имущество, покидали жилища и могилы отцовъ и спѣшили уходить въ Турцію. Первоначально движеніе это началось въ Кубанской области, гдѣ правительство по политическимъ видамъ не имѣло причинъ его сдерживать; когда же подобное переселеніе перешло всѣ ожидаемые предѣлы и отозвалось между осетинами, чеченцами, кабардинцами, кумыками, лезгинами, правительство сочло нужнымъ остановить его, не прибѣгая, однако же, къ какимъ либо стѣснительнымъ мѣрамъ. Разсчетъ на это вполнѣ оправдался, и въ серединѣ 1861 года движеніе въ Турцію со стороны Восточнаго Кавказа прекратилось; въ Кубанской же области, гдѣ война приняла рѣшительный характеръ, переселеніе горцевъ въ Турцію, не желавшихъ выходить съ покорностью и селиться на указанныхъ мѣстахъ, не только допускалось, но даже было разрѣшено. Такъ, по изданному Положенію о заселеніи западныхъ предгорій Кавказа, желающіе абадзехи и шапсуги перевозились въ Турцію даже на казенный счетъ. Въ теченіе четырехъ лѣтъ, съ 1858 по 1862 годъ, ушло всего въ Турцію до 56 тысячъ душъ [1]).

Собственно же для управленія изъявившими покорность натухайцами въ 1860 году образованъ особый Натухайскій округъ на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ уже были устроены окружныя управленія Лѣваго крыла Кавказской линіи. Окружному начальнику, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и командующій войсками расположенными въ округѣ, предоставлялась административная и полицейская власть; подъ его предсѣдательствомъ учрежденъ общій народный судъ изъ кадія и 3-хъ депутатовъ (по одному отъ каждаго участка). Участки поручены уравленію наиба изъ почетнѣйшихъ туземцевъ; въ помощь наибамъ въ видѣ охранной и

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло 1-го отд. канцеляріи по управленію кавказскими горцами 1863 г., № 28. Записка „О положеніи горцевъ послѣ покоренія Восточнаго Кавказа и общія мѣры предпринятыя въ административномъ отношеніи".

полицейской силы назначались по 10-ти всадниковъ съ содержаніемъ отъ казны; наибы управляли народомъ при помощи аульныхъ старшинъ, избиравшихся жителями и утверждаемыхъ въ этомъ званіи начальствомъ.

Раздѣленіе тохтамышевскихъ, абазинскихъ и ногайскихъ ауловъ на три приставства съ уходомъ большей части населенія въ Турцію утратило свое значеніе, а потому въ маѣ 1861 года приставства эти были упразднены; оставшіеся же аулы присоединены по управленію къ приставству Карачаевскому, переименованному въ Верхне-Кубанское; остальное же затѣмъ населеніе сгруппировано въ одно приставство—Нижне-Кубанское.

Съ другой стороны, учрежденное въ 1859 г. Бжедуховское приставство съ населеніемъ до 20-ти тысячъ душъ, въ 1861 году было преобразовано въ округъ, раздѣленный на два наибства.

Съ заселеніемъ лѣваго берега Лабы горцами выселенными изъ нагорныхъ частей, все пространство отведенное на этомъ берегу въ 1862 году было подраздѣлено на два приставства: Верхне-Лабинское и Нижне-Лабинское. Учрежденное же въ 1859 году между Урупомъ и Лабою приставство Мало-Лабинское съ переселеніемъ его жителей въ 1861 году было упразднено [1]).

Въ 1860 Терская область раздѣлялась на 6 округовъ: Кабардинскій, Военно-Осетинскій, Чеченскій, Аргунскій, Ичкеринскій и Кумыкскій и на два отдѣльныхъ наибства: Аухов-ское и Салатовское [2]), временно причисленныхъ къ Кумыкскому округу. Всѣ эти округа, учрежденные или преобразованные въ періодъ самыхъ энергичныхъ военныхъ дѣйствій съ 1857 по 1859 годъ, носили временный характеръ, и хотя

[1]) Тамъ же.

[2]) Въ 1860 году по приказанію кн. Барятинскаго было учреждено еще одно особое наибство—Западское изъ деревень лежащихъ по р. Еманъ-су.

въ концѣ 1859 года были сдѣланы въ нѣкоторыхъ изъ нихъ необходимыя преобразованія, но тѣмъ не менѣе внутренній составъ ихъ и самое подраздѣленіе оставались неудовлетворительными. Такъ напримѣръ, Военно-Осетинскій округъ былъ сгруппированъ изъ 3-хъ совершенно непохожихъ другъ на друга народностей—осетинъ, мало-кабардинцевъ и народовъ чеченскаго племени—назрановцевъ, ингушей и карабулаковъ; между тѣмъ судъ у нихъ былъ одинъ, и при разсмотрѣніи въ немъ дѣла, напримѣръ осетина, депутаты отъ прочихъ народностей не могли участвовать, такъ какъ у нихъ были свои адаты, иногда совершенно отличающіеся отъ осетинскихъ. Въ составъ Аргунскаго и особенно Ичкеринскаго округовъ входили лезгинскія общества, которыя были географически оторваны отъ центровъ окружныхъ управленій—Шатоя и Веденя, а съ своими сосѣдями чеченцами ничего общаго не имѣли какъ по языку, такъ и по обычаямъ.

Волновавшія Терскую область въ теченіе 1860-1861 годовъ смуты не позволяли приступить къ коренному исправленію всѣхъ этихъ недостатковъ, а потому, по необходимости, это было исполнено въ 1862 году. Положеніемъ 29-го мая этого года Терская область раздѣлена на три военные отдѣла —Западный, Средній и Восточный и на 8 округовъ, входившихъ въ составъ этихъ отдѣловъ: Кабардинскій, Осетинскій Ингушевскій, Чеченскій, Аргунскій, Ичкеринскій, Кумыкскій и Нагорный; при этомъ обращено было вниманіе, чтобы административное раздѣленіе совершенно соотвѣтствовало бы географическимъ условіямъ и племеннымъ отличіямъ народностей. Каждый изъ военныхъ начальниковъ былъ вмѣстѣ и начальникомъ центральнаго округа отдѣла. Права и обязанности какъ военныхъ, такъ и окружныхъ начальниковъ въ Положеніи были опредѣлены въ общихъ чертахъ [1]).

[1]) Тамъ же.

Глава VI.

Назначеніе Намѣстникомъ кавказскимъ Великаго князя Михаила Николаевича. Рескриптъ генералъ-адъютанту кн. Орбеліани. Закатальскій мятежъ 1863 года. Причины его. Мѣры принятыя для возстановленія спокойствія. Изъятіе Закатальскаго округа изъ вѣдѣнія гражданской администраціи и примѣненіе военно народнаго устройства. Ученіе зикры въ Чечнѣ и шейхъ Кунта. Уничтоженіе Автономіи Абхазіи. Желаніе Великаго князя покончить этотъ вопросъ миролюбиво. Протесты кн. Шервашидзе. Устраненіе отъ управленія родовыхъ туземныхъ владѣтелей Дагестана: Юсуфъ-бека кюринскаго, Ибрагимъ-хана аварскаго, Ахметъ-хана кайтагскаго, акушинскаго и другихъ кадіевъ Даргинскаго округа, шамхала Тарковскаго и хана Мехтулинскаго. Вознагражденіе и обезпеченіе устраненныхъ владѣтелей. Кайтагское возмущеніе и мятежъ въ Абхазіи въ 1866 году.

Князь Барятинскій покинулъ Кавказъ, поручивъ управленіе краемъ генералъ-адъютанту князю Орбеліани. Разстроенное въ боевой службѣ здоровье не позволяло фельдмаршалу возвратится къ исполненію своихъ обязанностей. Какъ на вѣроятныхъ кандидатовъ на должность кавказскаго Намѣстника въ правительственныхъ сферахъ останавливались на ген.-ад. Милютинѣ, Суворовѣ и Великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, на которомъ и остановился выборъ государя. Высочайшимъ приказомъ 6-го декабря 1862 года назначеніе это состоялось. Для ближайшаго ознакомленія съ кавказскими дѣлами Великій князь предпринимаетъ поѣздку къ кн. Барятинскому въ Вильно; здѣсь въ теченіе 3-хъ дней совмѣстно обсуждаются наиболѣе важные вопросы касавшіеся Кавказа. Возвратившись въ Петербургъ, Великій князь посылаетъ князю Орбеліани рескриптъ слѣдующаго содержанія:

„Князь Григорій Дмитріевичъ. Съ полнымъ сочувствіемъ читалъ я письмо ваше къ военному министру и раздѣляю вмѣстѣ съ вами, краемъ и съ арміею сожалѣніе, что болѣзнь

фельдмаршала заставила его удалиться отъ дѣлъ. Призванный довѣріемъ государя императора къ исполненію важныхъ обязанностей Намѣстника Его Императрскаго Величества и Главнокомандующаго Кавказскою арміею, я считаю необходимымъ выразить вамъ мое искреннее желаніе поддерживать и осуществлять всѣ такія предположенія генералъ-фельдмаршала, такъ хорошо знавшаго любимый имъ край и такъ сильно любимаго краемъ. Вполнѣ постигаю предстоящія мнѣ разнообразныя занятія и знаю, какъ много я долженъ трудится, чтобы оправдать ожиданія нашего *Всемилостивѣйшаго* государя и удовлетворить надеждамъ края и Россіи; но надѣюсь на Бога и укрѣпляюсь мыслью, что честное исполненіе каждымъ изъ кавказскихъ дѣятелей своихъ обязанностей составитъ весьма важное дополненіе къ моему самому чистосердечному обѣту посвятить всѣ способности, всѣ силы мои на пользу края и благоденствіе ввѣренныхъ мнѣ народовъ. Прошу васъ, любезный князь, передать это ближайшимъ помощникамъ вашимъ по военному и гражданскому управленіямъ и сказать имъ, что съ особеннымъ нетерпѣніемъ жду времени, когда буду въ состояніи лично ознакомиться съ дѣятельностью каждаго и оцѣнить каждаго по заслугамъ“ [1]).

По прибытіи въ началѣ 1863 года въ край, Великому князю предстояло прежде всего завершить дѣло покоренія Кавказа и устранить среди подчинившихся уже горцевъ тѣ остатки броженія, которые были естественнымъ отголоскомъ продолжительной борьбы минувшихъ годовъ. Предпринятыя въ этомъ отношеніи Великимъ княземъ мѣры совершенно совпадали съ общимъ взглядомъ кн. Барятинскаго на характеръ и условія дѣйствій горской администраціи. Эти мѣры для утвержденія нравственной власти, по мнѣнію Великаго князя, должны были относиться: къ устройству соотвѣтствующаго поня-

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло канцеляріи по части секретаря 1862 г., № 98. Рескриптъ Великаго князя генералъ-адъютанту кн. Орбеліани отъ 5 января 1863 года.

тіямъ горцевъ твердаго, но доброжелательнаго управленія ими; къ постепенному преобразованію быта горскихъ населеній въ видахъ очищенія его отъ всего варварскаго и отжившаго; къ опредѣленію и огражденію имущественныхъ и личныхъ правъ горцевъ и къ поднятію ихъ экономическаго и умственнаго развитія. Конечная цѣль всѣхъ этихъ мѣропріятій: установленіе органическаго единенія горскихъ народностей съ Россіей. Въ этой конечной цѣли лежалъ залогъ спокойнаго обладанія цѣлымъ Кавказомъ [1]).

Какъ ни велики были затрудненія, которыя предстояло преодолѣть на пути къ достиженію этихъ задачъ, они были въ короткое время выполнены съ успѣхомъ, превзошедшимъ самыя смѣлыя ожиданія. Уже черезъ годъ послѣ прибытія Великаго князя въ край все пространство между Кубанью и Главнымъ Кавказскимъ хребтомъ до Чернаго моря было покорено. Однако, въ горскомъ населеніи не могли сразу исчезнуть слѣды и привычки долгой борьбы. Естественно должны были происходить вспышки, устраненіе которыхъ стало преимущественно зависѣть уже отъ общихъ гражданскихъ мѣропріятій.

Собственно народныя волненія проявились какъ на Восточномъ, такъ и на Западномъ Кавказѣ.

Весной 1863 года вспыхнулъ мятежъ въ Закатальскомъ округѣ; это былъ протестъ населенія противъ введенной системы гражданскаго управленія, негодованіе противъ злоупотребленій администраціи и неосторожныхъ мѣропріятій, имѣвшихъ въ виду распространеніе христіанства среди ингилойцевъ.

Существовавшіе въ округѣ безпорядки не могли не дойти до свѣдѣнія центральнаго правительства и еще въ 1862 году и. д. Намѣстника кн. Орбеліани, приписывая это главнымъ

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ Великаго князя по военно-народному управленію за 1863—1869 года.

образомъ неудачному устройству управленія, приказалъ Временному отдѣленію представить соображенія объ измѣненіи началъ этого управленія. Однако, въ ожиданіи общаго пересмотра Положеній и Штатовъ по различнымъ учрежденіямъ края, Временное отдѣленіе по этому предмету никакихъ распоряженій не сдѣлало [1]).

Остановимся на причинахъ и подробностяхъ закатальскаго мятежа.

Вслѣдъ за покореніемъ въ 1859 году Восточнаго Кавказа послѣдовало упраздненіе Лезгинской кордонной линіи. Положеніемъ 1860 года въ округѣ введено гражданское управленіе, а въ военномъ отношеніи округъ былъ слитъ съ Дагестаномъ. Повидимому, Лезгинская кордонная линія казалась важною только какъ мѣра охранительная противъ Дагестана и съ покореніемъ послѣдняго потеряла всякое значеніе. Потому съ 1859 года всѣ крѣпости и опорные пункты линіи были упразднены; мѣры военной предосторожности ослаблены; мѣстное управленіе безъ всякой видимой пользы перенесено изъ Закаталъ въ Сацхенисы, которые не имѣли никакой важности ни въ военномъ, ни въ гражданскомъ отношеніи. Отсутствіе стратегическаго значенія Сацхенисъ обнаружилось при возмущеніи: мятежники устремили всѣ свои силы на Закаталы; въ гражданскомъ же отношеніи Сацхенисы имѣли всѣ неудобства пункта, удаленнаго отъ центра населенія, всегда игравшаго въ краѣ политическую роль. Не говоря уже о невыгодахъ перенесенія мѣстнаго управленія изъ главнаго центра въ политическомъ смыслѣ, Сацхенисы приносили много неудобствъ и въ административномъ отношеніи. Жителямъ изъ-за ничтожныхъ жалобъ приходилось ѣздить за 100 верстъ, при самомъ скоромъ разсмотрѣніи дѣла те-

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло 1-го отд. канцел. по управленію кавказскими горцами 1863 г., № 2, ч. 1-я. Отношеніе Временнаго отдѣленія въ Главный штабъ арміи отъ 1-го сентября 1863 г., № 1149.

рять три дня, въ теченіе которыхъ нужно было прокормить себя, лошадь; если же по жалобѣ долженъ былъ вызываться и отвѣтчикъ, то прежде чѣмъ получить удовлетвореніе, истецъ совершенно разорялся. Громадный недостатокъ заключался также и въ томъ, что въ военномъ отношеніи округъ былъ подчиненъ начальнику Верхняго Дагестана; такое раздѣленіе военной власти отъ гражданской совершенно не свойственно мусульманскому населенію; можно было рѣзко отдѣлить власть начальника войскъ отъ власти гражданской; это раздѣленіе понятно всякому; но подчиненіе одного и того же лица въ военномъ отношеніи одному, а въ гражданскомъ другому—все это для лезгина, привыкшаго къ упрощеннымъ формамъ управленія, казалось совершенно недоступнымъ пониманію; между тѣмъ и вся административная система приносила имъ весьма существенные матеріальные убытки [1]).

Вслѣдствіе племенныхъ и религіозныхъ условій въ округѣ издавна сложился оригинальный общественный строй, который развилъ между жителями даже разныхъ селеній полную солидарность, а круговая порука обезпечивала общественную безопасность. Такъ напримѣръ, подраздѣленія по мѣстамъ жительства на джамааты и табуны, управляемые юзбашами и табунъ-башами, доставляя общественное спокойствіе, гарантировали правильность раскладки повинностей, взноса податей, сбора пѣшихъ и конныхъ партій для охраны; дѣленіе же по племенному происхожденію на *тохумы* (племя) и *оджаги* (родъ) единствомъ происхожденія и родствомъ способствовало развитію общности интересовъ между различными селеніями. Связь эта особенно была замѣтна въ лезгинскомъ населеніи округа, состоявшаго изъ 8 родственныхъ тохумовъ.

[1]) Тамъ же. Записка „Нѣсколько мыслей по поводу бывшей Лезгинской линіи".

Представители какъ племенныхъ, такъ и административныхъ подраздѣленій по адату были отвѣтственны за все случившееся въ обществѣ. Содѣйствіемъ ихъ во время войны въ Дагестанѣ пользовались военные начальники Закатальскаго округа при взысканіи съ жителей натуральныхъ повинностей (подводной, караульной) и для наблюденія за состояніемъ умовъ на плоскости. Кромѣ того, въ округѣ, вслѣдствіе постоянныхъ по сосѣдству военныхъ дѣйствій, образовалось довольно значительное служилое сословіе, офицеровъ и юнкеровъ, преимущественно лезгинскаго происхожденія, изъ хорошихъ, пользовавшихся въ народѣ уваженіемъ, фамилій. Всѣ эти лица съ 1860 года не могли принимать участія въ управленіи, такъ какъ со стороны администраціи проявлялась тенденція замѣнить судъ словесный и джамаатные маслааты формою общаго гражданскаго судопроизводства, даже вопреки указанному въ законѣ порядку. Вслѣдствіе такого отчужденія вліятельныя и почетныя лица перестали нести отвѣтственность за народъ. Потерявъ, однако, значеніе наружное, лица эти сохранили въ глазахъ населенія болѣе важное, нравственное вліяніе. Съ другой стороны, жители, недовольные неудачнымъ примѣненіемъ гражданскаго управленія, чувствовали себя совершенно освобожденными отъ бдительнаго, нравственнаго надзора заинтересованной службой правительству среды и, оттолкнувшись отъ нея, обратили взоры къ возвратившимся изъ Дагестана качагамъ [1]).

Броженіе умовъ началось здѣсь послѣ того, когда выяснилось намѣреніе правительства освободить новообращенныхъ въ христіанство ингилойцевъ отъ поземельной зависимости джарцевъ; когда была учреждена комиссія для разбора правъ высшаго мусульманскаго сословія и когда, по замиреніи Восточнаго Кавказа, многіе офицеры и джарцы, въ

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло 2-го отд. генер. штаба 1864 г., № 77. Отчетъ г-м. Кармалина о Закатальскомъ военномъ округѣ съ іюня 1863 по 1-е іюля 1864 года.

особенности послѣ роспуска Джаро-лезгинской милиціи, сдѣлавшись менѣе нужными правительству, лишились окладовъ содержанія и другихъ преимуществъ. Положеніе свое они считали тѣмъ болѣе тягостнымъ, что, продолжительно прослуживъ въ милиціи, не могли приспособиться къ новымъ условіямъ, что на право владѣнія землями и по происхожденію изъ высшаго сословія никакихъ документовъ и доказательствъ не имѣли. Естественно, что у нихъ проявилось намѣреніе произвести безпорядки съ тѣмъ, чтобы правительство возвратило бы имъ прежнее почетное положеніе.

Джарскій житель Бурджа-Али, получившій духовное образованіе въ Дагестанѣ, возвратившись домой, началъ проповѣдывать тарикатъ. Это ученіе, прежде извѣстное только по слухамъ и презираемое какъ оскверняющее святость религіи, начало быстро распространяться въ округѣ. Проповѣдника слушали внимательно, къ нему скоро примкнули Тинтинъ Магома и многіе муллы, потерявшіе свое значеніе вслѣдствіе преслѣдованій администраціи.

Тайныя сборища происходили въ тапачинскихъ лѣсахъ. Нѣкоторые почетные джарцы, зная какія неблагопріятныя послѣдствія имѣло ученіе тариката въ Дагестанѣ, тщетно уговаривали главарей оставить это опасное дѣло. Преданные правительству офицеры, маіоры Куркуна-Али, Магометъ-Али, штабсъ-капитанъ Джанка-Ахметъ, довели до свѣдѣнія администраціи объ заговорѣ, но ихъ выслушали съ недовѣріемъ и посовѣтовали не распускать нелѣпыхъ слуховъ [1]).

Между тѣмъ, съ наступленіемъ весны число недовольныхъ все увеличивалось: къ тапачинцамъ присоединились и многіе по тѣмъ или другимъ причинамъ недовольные правительствомъ. Въ Джарахъ по пятницамъ около мечети народъ сталъ толковать о существовавшихъ злоупотребленіяхъ и непомѣрномъ взяточничествѣ мѣстной полицейской власти,

[1]) Тамъ же.

о распространеніи не только между ингилойцами, но и между лезгинами христіанства, о томъ, что у лезгинъ хотятъ отнять земли и передать ихъ ингилойцамъ и мугаламъ, что потребовали офицеровъ и почетныхъ лезгинъ въ Тифлисъ съ цѣлью вынудить ихъ согласіе къ конфискаціи этихъ земель [1]). Толки эти быстро распространялись среди населенія, а мѣстные муллы во главѣ съ Занки-Дебиромъ принялись съ увлеченіемъ проповѣдывать газаватъ. Недоставало только предпріимчиваго вождя; но скоро всѣ обратили вниманіе на белоканскаго жителя Хаджи-Муртуза.

Штабсъ-капитанъ Хаджи-Муртузъ, одинъ изъ преданнѣйшихъ правительству людей, во время войны въ Дагестанѣ отличался своими смѣлыми партизанскими набѣгами. Всѣ начальники Закатальскаго округа цѣнили заслуги Хаджи-Муртуза; особое же покровительство ему оказывалъ генералъ кн. Шаликовъ, который, зная его какъ человѣка честнаго и убѣжденнаго доброжелателя правительству, назначилъ наибомъ въ деревняхъ Белоканахъ и Кабахчолахъ. Шаликовъ, увлеченный идеей обращать мусульманъ въ христіанство, желалъ видѣть и Муртуза, какъ лучшаго своего кунака, христіаниномъ. Къ этому именно времени относится принудительная покупка у Муртуза мѣста для постройки церкви. Это обстоятельство и, главнымъ образомъ, вліяніе оказанное на Шаликова при выборѣ мѣста для церкви принявшимъ христіанство Александромъ Галаджевымъ, имѣвшаго кровную, фамильную вражду къ Муртузу, заставили послѣдняго перемѣнить свои отношенія къ Шаликову. Муртузъ удалился въ д. Цѣбловани и съ тѣхъ поръ повелъ загадочную жизнь.

При общемъ возбужденномъ настроеніи умовъ Белоканы и Кабахчолы оставались пока еще въ сторонѣ. Тапачинскіе заговорщики, во главѣ съ муллою Занки-эффендіемъ, зная

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Секретное дѣло 1-го отд. канцеляріи по управленію кавказскими горцами 1863 г., № 130. Рапортъ командующаго войсками на Алазанской долинѣ генералу Карцову отъ 31 августа 1863 г., № 4.

неудовольствія белоканцевъ и кабахчольцевъ за спорныя между ними и фамиліею Галаджевыхъ земли, а также и то, что постройка въ Белоканахъ церкви вообще мусульманамъ нежелательна, начали посылать къ Хаджи-Муртузу друзей съ просьбой стать во главѣ движенія. Дошедшіе до Муртуза слухи о сильномъ неудовольствіи противъ него Шаликова побудили ускорить исполненіе предпріятія. Муртузъ разослалъ по округу гонцовъ съ призывомъ къ общему возстанію. 4-го іюня Хаджи-Муртузъ произвелъ штурмъ кр. Закаталы, но былъ отбитъ; узнавъ, что генералъ Шаликовъ съ незначительнымъ числомъ войскъ идетъ на выручку крѣпости, Муртузъ поспѣшилъ навстрѣчу и почти истребилъ маленькій отрядъ, при чемъ былъ убитъ и самъ кн. Шаликовъ [1]).

Однако, неудача понесенная мятежниками подъ крѣпостью и быстрое сосредоточеніе войскъ отрезвило населеніе. Нарушенный порядокъ былъ возстановленъ. Волненіе, подавленное въ началѣ, не успѣло перейти за предѣлы округа. Прибытіе генералъ-адъютанта кн. Орбеліани и кн. Меликова съ дагестанцами, спустившимися изъ глубины горъ не для участія въ мятежѣ, а для подавленія его совмѣстно съ войсками, произвело громадное впечатлѣніе на жителей. Кн. Орбеліани 20-го іюня собралъ въ Закаталахъ всѣ джамааты, обратился къ нимъ съ грозною рѣчью, упрекая ихъ въ гнусной измѣнѣ; приказалъ выдать всѣхъ главныхъ виновниковъ съ семействами. Собравшіеся отвѣчали: „ лица наши черны, мы виноваты, но да разразится гнѣвъ Божій на виновниковъ нашего несчастія.“ Съ величайшею покорностью всѣ селенія спѣшили выполнить требованіе кн. Орбеліани. Самъ же Хаджи-Муртузъ съ нѣсколькими приближенными бѣжалъ въ горы [2]). Зная отлично мѣстность въ окрестностяхъ Белоканъ, Муртузъ долго ски-

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло 2-го отд. генер. штаба 1864 г., № 77. Отчетъ г.-м. Кармалина о Закатальскомъ военномъ округѣ съ іюня 1863 по 1-е іюля 1864 года.

[2]) Архвъ Окружнаго штаба. Секретное дѣло 1-го отд. канцел. по управленію кавказскими горцами 1863 г., № 130. Письмо кн. Григорія Орбеліани къ генералъ-адъютанту Карцову отъ 23-го іюня 1863 года.

тался въ лѣсахъ и, несмотря на аресты его семьи, близкихъ и сподвижниковъ, онъ не выходилъ. Побѣгъ его внушалъ серьезныя опасенія для правительства: если можно было предположить, что вторично возстаніе не повторится, то легко допускалась возможность появленія разбойническихъ шаекъ, которыя могли всѣ свои преступленія сваливать на Хаджи-Муртуза. По этимъ причинамъ правительство настоятельно желало имѣть въ своихъ рукахъ живого или мертваго Муртуза; голова его оцѣнена была въ 3 тысячи рублей. Однако, долго всѣ мѣры оставались безуспѣшными. Великій князь приказалъ черезъ жителей объявить Муртузу, чтобы тотъ добровольно предался бы великодушію правительства. Но еще до полученія этого требованія самъ Хаджи-Муртузъ прислалъ сказать начальнику округа Столѣтову, чтобы его отправили къ Намѣстнику. 8-го февраля Муртузъ явился въ Закаталы къ Столѣтову и на другой день отправленъ въ Тифлисъ[1]).

Мѣра наказанія Хаджи-Муртузу ограничилась высылкой его во внутреннія губерніи Россіи.

Для выясненія всѣхъ обстоятельствъ возмущенія Великій князь назначилъ въ Закаталы комиссію полеваго уголовнаго суда, предавъ обсужденію ея всѣхъ главныхъ виновниковъ возмущенія съ тѣмъ, чтобы приговоры утверждались на мѣстѣ генералъ-адъютантомъ княземъ Орбеліани и немедленно приводились въ исполненіе. Комиссіи предписано: семейства осужденныхъ выслать изъ края, а дома ихъ срыть, сады вырубить, земли конфисковать; всѣхъ уличенныхъ въ участіи при нападеніи на крѣпость и въ дѣйствіяхъ противъ князя Шаликова сослать: однихъ въ Сибирь вмѣстѣ съ ихъ семействами, другихъ—во внутреннія губерніи Россіи; удовлетвореніе убытковъ возложить на всѣхъ жителей селеній,

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло 2-го отд. генер. штаба 1864 г., № 77: Отчетъ г.-м. Кармалина о Закатальскомъ военномъ округѣ съ іюня 1863 по 1-е іюля 1864 года.

принимавшихъ участіе въ возстаніи [1]). Съ другой стороны, если и признано было строго наказать главныхъ виновниковъ мятежа, но вмѣстѣ съ тѣмъ немедленно же было приступлено къ преобразованіямъ въ самой системѣ управленія округомъ, системѣ, вопіющие отрицательныя стороны которой такъ явно обнаружились при всестороннемъ разслѣдованіи закатальскаго возстанія.

Комиссія и особо командированныя Великимъ княземъ лица указывали на слѣдующія неустройства и злоупотребленія въ Закатальскомъ округѣ.

Введеніе въ управленіе округомъ порядковъ и формъ гражданскаго судопроизводства не соотвѣтствовали ни понятіямъ, ни потребностямъ населенія. Всякое происшествіе въ округѣ, подсудное по существу разбору словеснаго суда, влекло за собою формальное слѣдствіе, при чемъ пріѣзжали чиновники, медикъ, есаулы и довольно значительная свита; всѣ они жили въ аулѣ на счетъ жителей, требовали къ допросу значительное число лицъ. Этотъ формализмъ, который законодательство устранило для этой провинціи, образовался произвольно, отвлекалъ отъ работъ, устрашалъ жителей. При такихъ условіяхъ представители власти не пользовались довѣріемъ жителей.

Подстрекательство мѣстной администраціи жителей къ поземельнымъ спорамъ, которые тянулись, рѣшались, перерѣшались, на время притихали и снова начинались при каждомъ новомъ участковомъ начальникѣ. Такъ какъ лезгины въ округѣ принадлежали къ болѣе значительнымъ землевладѣльцамъ, то подстрекать начали мугаловъ и ингилойцевъ подъ предлогомъ возстановленія старинныхъ правъ, на которыя, впрочемъ, не могли представить какихъ либо доказательствъ. Чтеніе каж-

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Секретное дѣло 1-го отд. канцел. по управленію кавказскими горцами 1863 г., № 130. Отзывъ Великаго князя военному министру отъ 14 іюля 1863 г., № 785.

даго такого поземельнаго дѣла представляло рядъ произвольныхъ мѣръ, умышленно неполныхъ свѣдѣній. За все это сильно платились всѣ, полнаго же удовлетворенія никто не получалъ. Бѣдныя общества брали за огромные проценты на взятки деньги у армянъ, которые служили вмѣстѣ съ тѣмъ посредниками между населеніемъ и мѣстными властями [1]).

Нужно при этомъ замѣтить, что земельные споры возникли въ округѣ съ 1858 года, когда и была обнаружена преступная дѣятельность администраціи.

Насильственное обращеніе въ христіанство. Основываясь на преданіяхъ, что жители Карасуйскаго, Елисуйскаго и Аліабадскаго наибствъ исповѣдывали христіанство, администрація округа поставила себѣ задачей возстановить древнюю вѣру ингилойцевъ. Цѣль эта могла имѣть залогъ прочной будущности только при условіи добровольной перемѣны религіи. Между тѣмъ дѣло это приняло характеръ какого-то фанатическаго увлеченія со стороны администраціи и православнаго духовенства. Мусульманамъ-преступникамъ полиція дѣлала обѣщанія освободить отъ наказанія и, такимъ образомъ, многіе преступники по предложенію властей *„добровольно“* соглашались перемѣнить вѣру. „Старались совращать съ мусульманства,—доносилъ вновь назначенный начальникъ округа Столѣтовъ,—воровъ, людей корыстныхъ, безнравственныхъ и, такимъ образомъ, въ продолженіе лѣтъ 15-ти достигли того, что образовали тысячи двѣ душъ обоего пола, не имѣющихъ никакой вѣры, коимъ нельзя дать никакой присяги, каждаго изъ которыхъ за самую бездѣлицу можно подкупить на какое угодно преступленіе. Пастыри новообращенныхъ, покровительствуемые мѣстною властью, позволяли себѣ поступки,

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло 1-го отд. канцеляріи по управленію кавказскими горцами 1863 г., № 2, ч. 1-я. Письмо начальника Закатальскаго округа Столѣтова генералу Карцову отъ 31-го августа 1863 года.

о коихъ считаю неприличнымъ говорить" [1]). Кромѣ того, полиція обѣщала и всѣмъ вообще мусульманамъ, принявшимъ христіанство, поземельныя выгоды. Обращеніе совершилось; жители потребовали обѣщаннаго; обѣщаніе исполнено не было; обманутые начальствомъ и духовенствомъ жители потребовали снова обратнаго перехода въ мусульманство. Великія и чистыя истины Евангелія полиціей и духовенствомъ обращались въ безобразныя торжища и обманъ. Всѣ слѣдователи, бывшіе разновременно въ округѣ—Булатовъ, Пурцеладзе и Беридзе, вынесли самыя грустныя воспоминанія о дѣлѣ обращенія. Разсказы ихъ, вошедшіе уже въ смягченномъ видѣ въ оффиціальныя донесенія, въ ужасающей наготѣ передавались изустно. Пурцеладзе былъ свидѣтелемъ случая, когда полицейское начальство три раза принималось сѣчь одного пожилого мусульманина не желавшаго обратиться въ христіанство. Многіе были свидѣтелями того, какъ приводили солдатъ и артиллерію для сгона желающихъ креститься въ лужѣ [2]).

Результатъ, естественно, вышелъ совершенно противоположный тому, чего ожидали эти просвѣщенные миссіонеры. Желая въ христіанахъ пріобрѣсти покорныхъ и вѣрныхъ слугъ отечеству, они раздражали мусульманъ и отдалили ихъ отъ пути, по которому они дѣйствительно шли, чтобы быть вѣрноподданными. Плохой политическій разсчетъ!

Неоднократно подаваемыя въ Тифлисѣ жалобы на злоупотребленія властей, не разъ производимыя слѣдствія оставались безъ движенія. Даже общая подача просьбъ на переселеніе въ Турцію, мѣра единодушно предпринятая жителями съ цѣлью обратить на себя вниманіе высшей администраціи (въ дѣйствительности желающихъ переселиться было незначительное число), не вызвала также никакихъ распоряженій. Между

[1]) Тамъ же.

2) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло 2-го отд. генер. штаба 1864 г., № 77. Отчетъ г.-м. Кармалина о Закатальскомъ военномъ округѣ съ іюня 1863 года по 1-е іюля 1864 г.

тѣмъ мѣстная администрація еще самоувѣреннѣе стала заявлять народу, что въ Тифлисѣ всѣ держатъ ихъ сторону [1]).

Отъ совокупности изложенныхъ причинъ населеніе еще года за два до возстанія проникло глубокою ненавистью къ представителямъ русской власти. Неудивительно, что народъ легко склонился на призывъ къ мятежу, видя въ этомъ единственный исходъ изъ своего угнетеннаго положенія.

Съ цѣлью дать болѣе соотвѣтствующее управленіе, Великій князь изъялъ Закатальскій округъ изъ вѣдѣнія гражданской администраціи и примѣнилъ основанія военно-народнаго устройства, сходныя съ принятыми въ Дагестанѣ съ нѣкоторыми лишь незначительными особенностями.

Съ новымъ преобразованіемъ Закатальскаго округа въ управленіи имъ какъ по формѣ, такъ и по внутренней организаціи сдѣланы коренныя измѣненія.

Къ званію начальника Верхняго Дагестана присоединено званіе командующаго войсками на лѣвой сторонѣ р. Алазани съ правами военнаго губернатора, управляющаго и гражданскою частью. Ему подчиненъ Закатальскій округъ въ военномъ и гражданскомъ отношеніяхъ; кромѣ того округъ въ военномъ отношеніи былъ изъятъ изъ вѣдѣнія командующаго войсками Дагестанской области и подчиненъ непосредственно Главнокомандующему.

Для ближайшаго надзора надъ жителями центръ управленія перенесенъ изъ Сацхенисъ въ кр. Закаталы. Начальнику округа предоставлено право употребить вооруженную силу при обнаруженіи между жителями волненія и съ цѣлью подавлять безпорядки, грозящіе нарушеніемъ общественнаго спокойствія. Округъ раздѣленъ на 6 наибствъ, управляемыхъ наибами, отвѣчающими за спокойствіе ввѣренныхъ имъ частей населенія. Въ передачѣ административныхъ приказаній введена правильность: отъ начальника округа распоряженія

[1]) Тамъ же.

шли наибамъ, отъ этихъ послѣднихъ—къ юзбашамъ и табунъ-башамъ. При разборѣ дѣлъ устранены формальныя слѣдствія. Дѣла, не имѣвшія уголовнаго характера, рѣшались по мѣстному адату, смотря по важности, въ присутствіи наиба джаматами или почетными лицами. Недовольной сторонѣ предоставлено право жаловаться въ словесный судъ, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ начальника округа или его помощника изъ 6-ти *диванбековъ* отъ наибствъ и 2-хъ отъ города. Безапелляціонному рѣшенію этого суда отнесены споры до 300 рублей; на высшую сумму недовольная сторона приноситъ жалобу въ Главный народный судъ, который кромѣ 8-ми постоянныхъ диванбековъ имѣлъ еще временныхъ и подъ предсѣдательствомъ камандующаго войсками собирался три раза въ годъ. Въ дѣлахъ свыше 3-хъ тысячъ рублей недовольная сторона могла приносить жалобу Главнокомандующему.

Дѣла по воровству, увозу женщинъ, дракамъ, ссорамъ, хотя бы послѣдствіемъ ихъ были увѣчье и самая смерть, рѣшались окончательно по мѣстному адату.

Въ особыхъ, подробно указанныхъ въ Положеніи случаяхъ, жители округа могли быть предаваемы суду въ военно-судныхъ комиссіяхъ.

Лица нетуземнаго происхожденія, какъ по гражданскимъ, такъ и уголовнымъ дѣламъ подлежали вѣдѣнію Тифлисской палаты уголовнаго и гражданскаго суда [1]).

Волновавшія и пугавшія населеніе административныя мѣры для распространенія христіанства, какъ несогласныя ни съ чистотою евангельскаго ученія, ни съ видами правительства, оставлены. Обращено особое вниманіе на распространеніе среди туземцевъ образованія.

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло 1-го отд. кавказк. горскаго управленія 1863 года, №13. Утвержденный Великимъ княземъ 25 апрѣля 1864 года проектъ Положенія объ управленіи Закатальскимъ округомъ.

События въ Закатальскомъ округѣ возбудили въ ближайшихъ обществахъ Дагестана напряженное вниманіе, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и броженіе умовъ до того сильное, что начальникъ Средняго Дагестана сосредоточилъ въ разныхъ пунктахъ войска. Среди населенія быстро стали распространяться слухи, что правительство намѣрено постепенно захватить всѣхъ вліятельныхъ людей, имѣвшихъ когда либо значеніе въ народѣ, въ особенности при Шамилѣ, и удалить ихъ въ Россію. Толки эти преимущественно тревожили Гумбетовское общество; жители его собрались около селенія Шавдухъ и стали совѣщаться о томъ, что имъ предпринять; они рѣшили напасть на окружное управленіе въ Ботлихѣ. Желая обезпечить себѣ успѣхъ, они сообщили о своемъ намѣреніи въ Андію и Чечню, приглашая населеніе присоединиться къ возстанію. И тѣ и другіе отвѣчали отказомъ, что охладило и гумбетовцевъ; главные виновники заговора были высланы въ Россію [1]).

Это частичное политическое броженіе въ сущности не представляло опасности. Болѣе тревожнымъ явленіемъ было распространившееся среди горцевъ новое религіозное ученіе. Еще въ 1860 году, т. е. вскорѣ послѣ внѣшняго подавленія мюридизма, между суннитами Кубинскаго уѣзда, Нухи и Шемахи появилась особая секта подъ названіемъ *зикры*. Слово это означаетъ на арабскомъ языкѣ „воспоминаніе“, и у мусульманъ оно выражаетъ собственно только поминаніе имени Бога извѣстнымъ изрѣченіемъ: *„Ла-иль-Алла, иль-Алла“*. Вліяніе новаго ученія обнаружилось сначала общимъ стремленіемъ жителей къ переселенію въ Турцію. Правительственными мѣрами при содѣйствіи закавказскаго муфтія и нѣкоторой части мусульманскаго духовенства переселеніе было ос-

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло 1-го отд. кавказск. горскаго управленія 1869 г., № 6, ч. 2-я. Отчетъ генералъ-адъютанта кн. Меликова объ управленіи Дагестанской областью съ 1-го января 1863 по 1-е октября 1869 года.

тановлено; не мало повліяли на это также извѣстія о безотрадномъ положеніи въ Турціи кавказскихъ выходцевъ.

Распространяемое ученіе, повидимому, не заключало въ себѣ ничего преступнаго: оно требовало поста, молитвы, состраданія къ ближнимъ, воздержанія отъ страстей и созѣрцанія непостижимости Творца. Когда такимъ образомъ посвятившій себя Богу дойдетъ до высшихъ предѣловъ познанія, то ему по временамъ ниспосылается ясновидѣніе, которому предшествуютъ судорожныя тѣлодвиженія, таинственныя изрѣченія, сѣтованія на упадокъ мусульманской религіи, намеки на неизвѣстное, но близкое будущее. Такое состояніе послѣдователи ученія называли *джазмъ;* но джазма удостоивались доходить немногіе; такъ напримѣръ, въ Дагестанѣ за двадцатилѣтній періодъ предшествовавшій покоренію его одинъ только тесть Шамиля, Джемаль-Эдиннъ, имѣвшій званіе *устазъ* (учителя тариката), считался способнымъ доходить до джазма. Однако и самъ Джемаль-Эдиннъ въ 1860 году признавался шамхалу Тарковскому, что давно уже утратилъ милость Божію, которая ниспосылала ему это блаженное состояніе.

Тѣмъ не менѣе число послѣдователей ученія замѣтно увеличивалось, причемъ въ Дагестанѣ, Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ оно усилилось въ 1862 году; проповѣдниковъ мѣстные жители называли *суффіями,* сами же послѣдователи именовали ихъ *мухлисами.* Одновременно ученіе проникло въ Закатальскій округъ, гдѣ способствовало развитію мятежа; но болѣе всего зикра имѣла послѣдователей въ Чечнѣ [1]).

Окончательное успокоеніе чеченскаго племени въ 1861 году и введенный новый порядокъ народнаго управленія оказали первоначально благопріятное вліяніе. Однако, администрація принуждена была пріостановить многія распоряженія

[1]) Тамъ жс.

по народному устройству, такъ какъ въ концѣ 1862 года житель Автуринскаго наибства шейхъ Кунта началъ дѣятельно проповѣдывать зикру. Это ученіе въ Чечнѣ приняло характеръ религіозно-политическій и распространители его имѣли цѣлью возбудить въ народѣ стремленіе къ ниспроверженію русской власти. Шейхъ Кунта для управленія своими послѣдователями раздѣлилъ Чечню на пять наибствъ и назначилъ въ нихъ своихъ наибовъ; кромѣ того, въ каждомъ аулѣ были его *векили* для передачи его приказаній. Такимъ образомъ въ Чечнѣ образовался двойственный порядокъ управленія, и многія распоряженія администраціи исполнялись не прежде какъ по одобреніи ихъ Кунтою или собраніемъ зикристовъ. Для прекращенія дальнѣйшаго развитія зикры правительство рѣшило арестовать главныхъ руководителей, что и было приведено въ исполненіе въ началѣ 1864 года. Шейхъ Кунта, братъ его Мавсуръ и пять главныхъ векилей были внезапно задержаны и отправлены въ ст. Екатеринодарскую. Лишь только зикристы узнали объ этомъ, они собрались въ Большой и Малой Чечнѣ и соединились въ одну массу въ аулѣ Шали; но подоспѣвшій отрядъ генерала кн. Туманова быстро разсѣялъ мятежниковъ и спокойствіе въ краѣ возстановилось. Но такъ какъ на одни обѣщанія чеченцевъ нельзя было полагаться, то кн. Тумановъ обязалъ все населеніе Чечни отвѣчать за дальнѣйшее поведеніе лицъ, участвовавшихъ въ безпорядкахъ. Съ этой цѣлью было взято ручательство съ членовъ вліятельнѣйшихъ фамилій, а старшины въ аулахъ подъ строгою отвѣтственностью обязывались немедленно арестовывать всякаго, замѣченнаго въ исполненіи обрядовъ зикры. Кромѣ того, кадіямъ и муллямъ приказано составить особое изложеніе обрядовъ своей вѣры, которое и было обнародовано. Тѣмъ не менѣе администрація Терской области просила для окончательнаго умиротворенія края усилить войска. Прибытіе въ апрѣлѣ 1864 года въ область Сѣ-

верскаго драгунскаго и двухъ полковъ 40-й дивизіи произвело сильное впечатлѣніе на чеченское населеніе и оно обратилось къ мирнымъ своимъ занятіямъ [1]).

Несомнѣнно, что какъ закатальскіе мятежники, такъ и руководители зикры въ Дагестанѣ и Чечнѣ надѣялись развить свой успѣхъ благодаря тому обстоятельству, что большая часть кавказской арміи въ то время была направлена для окончанія войны на Западномъ Кавказѣ. Но дѣло горцевъ было окончательно проиграно: напряженныя усилія войскъ положили конецъ продолжительной горской войнѣ.

Покореніе Западнаго Кавказа имѣло непосредственное вліяніе на уничтоженіе автономіи Абхазіи. Великій князь первый разъ принялъ владѣтеля въ Кутаисѣ весной 1863 года; обласкавъ его въ этомъ свиданіи, Великій князь поручилъ генералъ-губернатору оказывать всевозможныя почести, снисходительно смотрѣть на нѣкоторыя его слабости и во обще стараться поддерживать съ нимъ самыя дружескія сношенія. При этомъ имѣлось въ виду, что князь Михаилъ, успокоеный окончательно новымъ генералъ-губернаторомъ Святополкъ-Мирскимъ, употребитъ свою власть для того, чтобы водворить порядокъ въ подвластномъ ему краѣ и будетъ содѣйствовать цѣлямъ правительства въ отношеніи сосѣднихъ горскихъ племенъ. Но по многимъ причинамъ надежды эти не оправдались.

Кн. Михаилъ, уѣхавъ на все лѣто въ Пятигорскъ, поручилъ управленіе Абхазіей родному своему брату Александру. Во время отсутствія владѣтеля въ странѣ возникли междоусобныя распри. Пользовавшійся особымъ покровительствомъ владѣтеля Гассанъ Маргани совершилъ вооруженное нападеніе на имѣніе полковника князя Григорія Шервашидзе, разорилъ

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло 2-го отд. генер. штаба 1864 г., № 77. Отчетъ генералъ-лейтенанта Лорисъ-Меликова о Терской области съ 1 апрѣля 1863 г. по 1-е іюля 1864 года.

до основанія нѣсколько принадлежавшихъ ему селеній и продалъ туркамъ 25 захваченныхъ въ плѣнъ крестьянъ. По полученіи этихъ свѣдѣній владѣтель, вмѣсто наказанія виновника междоусобицы, обратилъ, наоборотъ, свое неудовольствіе на потерпѣвшаго кн. Григорія, который былъ уволенъ отъ должности начальника Абживскаго округа, и вмѣсто него назначилъ того же Гассана Маргани [1]).

При посѣщеніи Великимъ княземъ осенью Сухума ни самъ владѣтель, и никто изъ его подвластныхъ не явились, несмотря на настойчивое приглашеніе. Владѣтель писалъ, что болѣзнь приковываетъ его къ постели и онъ не можетъ заниматься дѣлами, а потому убѣдительно просилъ отпустить въ Абхазію сына своего Георгія, состоявшаго адъютантомъ при Намѣстникѣ.

„Князю Георгію,—писалъ владѣтель генералу Коцебу,— я долженъ поручить управленіе владѣніемъ, пока еще подъ надзоромъ и руководствомъ моимъ, и пріучить его быть полезнымъ своему народу и правительству. При его энергіи положится конецъ безпорядкамъ, вообще вреднымъ для края, а болѣзнь моя, не будучи раздражаема разными волненіями, можетъ ослабить свои дѣйствія, также вредныя для меня при впечатлѣніяхъ“ [2]).

Великій князь приказалъ отвѣтить, что допущеніе кн. Георгія къ управленію Абхазіею превышаетъ права Намѣстника и требуетъ разрѣшенія государя, что сверхъ того кн. Георгій по молодости лѣтъ, по малому знакомству его съ тѣми требованіями, которымъ долженъ удовлетворять правитель народа, едва ли можетъ нести эти обязанности съ пользою для края [3]).

---

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло начальника главнаго штаба кавказской арміи 1863 г., № 6, связка 7123. Отзывъ Великаго князя генералу Милютину отъ 27 марта 1864 г., № 3.

[2]) Тамъ жс. Письмо кн. Михаила Шервашидзе генералу Коцебу отъ 27 октября 1863 г., № 38.

[3]) Тамъ жс. Письмо генерала Коцебу князю Шервашидзе отъ 10 декабря 1863 г., № 33.

Между тѣмъ кн. Михаилъ съ конца осени поселился въ Бзыбскомъ округѣ въ своемъ имѣніи Соукъ-су и вошелъ въ самыя тѣсныя сношенія съ убыхами. Старшины этого наиболѣе враждебнаго къ правительству племени посѣщали владѣтеля въ Соукъ-су. Кн. Святополкъ-Мирскій предупреждалъ его, что сношенія съ горцами, окончательное покореніе которыхъ близилось къ концу, не можетъ быть оправдано никакими соображеніями. Въ отвѣтъ на это предостереженіе владѣтель писалъ, что здоровье его съ каждымъ днемъ ухудшается и что, не будучи въ состояніи болѣе заниматься дѣлами, онъ проситъ ходатайства объ увольненіи его отъ дѣйствительной службы и объ отправленіи для лѣченія болѣзни за границу [1]).

Письмомъ этимъ рѣшено было воспользоваться для окончательнаго разрѣшенія абхазскаго владѣтельскаго вопроса. Генералъ Коцебу (начальникъ штаба арміи), выразивъ владѣтелю отъ имени Великаго князя соболѣзнованіе, что состояніе его здоровья не позволяетъ заниматься дѣлами, относительно увольненія отъ службы сообщалъ, что Великій князь по этому предмету испроситъ особое указаніе государя.

„Великому князю пріятно было бы знать,—писалъ Коцебу,—въ нѣкоторой подробности намѣренія и желанія ваши въ той надеждѣ, что ходатайство Его Высочества передъ государемъ императоромъ можетъ быть для васъ полезно и можетъ всего скорѣе содѣйствовать осуществленію вашихъ желаній, исполненіе которыхъ доставитъ истинное удовольствіе Его Высочеству. Если ваша свѣтлость позволите мнѣ высказать мое мнѣніе, то я полагалъ бы, что было бы всего удобнѣе, если бы вы, по важности дѣла, выразили намѣренія и желанія ваши прямо государю Великому князю, адресуя письмо въ собственныя руки Его Императорскаго Высочества“ [2]).

[1]) Тамъ же. Письмо кн. Шервашидзе къ кутаисскому генералъ-губернатору князю Святополкъ-Мирскому отъ 26 февраля 1864 года.

[2]) Тамъ же. Письмо генерала Коцебу князю Шервашидзе отъ 15 марта 1863 года.

Великій князь полагалъ, что абхазскій вопросъ имѣетъ самую тѣсную связь съ осуществленіемъ предположеній о заселеніи станицами восточнаго берега Чернаго моря отъ устья Кубани до р. Бзыби, что съ того времени, какъ Абхазія признала верховную власть русскаго императора, правительство, занятое упорною войною на всемъ пространствѣ отъ Каспійскаго до Чернаго морей, не могло отдѣлить достаточныхъ средствъ для принятія страны въ полное подчиненіе, ограничиваясь поддержкою власти владѣтеля и что, наконецъ, будетъ большой политической ошибкой оставлять впредь автономію Абхазіи.

Для достиженія этой цѣли предполагалось: склонить владѣтеля и наслѣдниковъ его отказаться отъ правъ владѣнія, назначить имъ пенсіи, изъ Абхазіи образовать военный округъ, водворить вдоль берега Чернаго моря до устья Ингура казачьи поселенія, которыя вмѣстѣ съ поселеніями по р. Бзыби могли бы составить абхазское казачье войско, и границей между кубанскимъ и абхазскимъ войскомъ назначить хребетъ, замыкающій гагринскую тѣснину и отдѣляющій Абхазію отъ земли джигетовъ [1]).

Согласно съ мнѣніемъ Великаго князя признано было, что Абхазія не можетъ оставаться на прежнихъ основаніяхъ, что слѣдуетъ ввести въ ней правильную русскую администрацію, устранить отъ управленія кн. Шервашидзе съ потомствомъ и что страна на вѣчныя времена должна поступить въ непосредственное управленіе поставленныхъ отъ правительства властей.

„Какъ заявленное самимъ кн. Шервашидзе,—писалъ по этому поводу генералъ Милютинъ,—въ письмѣ къ г.-л. Мирскому желаніе удалиться отъ дѣлъ, такъ и послѣдующія его личныя объясненія съ Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ при проѣздѣ Вашемъ въ Сухумъ, доставляютъ прямой по

[1]) Тамъ же. Записка Великаго князя объ Абхазіи.

водъ къ приведенію нынѣ же въ исполненіе означенной мѣры. Государь императоръ предоставляетъ Вашему Высочеству объявить кн. Михаилу Шервашидзе о высочайшемъ соизволеніи на увольненіе его съ потомствомъ отъ управленія навсегда Абхазіею, съ оставленіемъ его въ званіи генералъ-адъютанта и съ предоставленіемъ ему выбрать себѣ мѣстопребываніе въ Петербургѣ или Москвѣ“ [1]).

Удаленіе кн. Шервашидзе отъ управленія Абхазіей должно было вызвать вопросъ объ обезпеченіи его будущности и о вознагражденіи его за потери денежныхъ и матеріальныхъ выгодъ, которыми онъ пользовался какъ владѣтель страны. При обсужденіи способовъ вознагражденія главнымъ образомъ были приняты во вниманіе мѣры, примѣненныя правительствомъ въ свое время по отношенію членовъ бывшихъ царскихъ домовъ — грузинскаго и имеретинскаго. Вознагражденіе со стороны правительства царевичамъ было выдано за потерю тѣхъ частныхъ удѣловъ, которыми они пользовались, и тѣхъ доходовъ, которые они получали съ своихъ частныхъ имѣній до поступленія въ казну. Все то, что царевичи пріобрѣтали службою или особыми заслугами, не входило въ разсчетъ вознагражденія; также не приняты во вниманіе тѣ доходы, которые въ качествѣ правительственныхъ получались владѣтелями и употреблялись на содержаніе управленія. Вообще говоря, за основаніе вознагражденія владѣтельскихъ домовъ принималось главнымъ образомъ опредѣленіе потомственныхъ пенсій въ размѣрѣ равномъ доходамъ, поступавшимъ въ казну изъ ихъ частныхъ имѣній, капитализируя впослѣдствіи эти доходы изъ 6% [2]).

[1]) Тамъ же. Письмо военнаго министра генерала Милютина Великому князю отъ 1 мая 1864 г., № 96.

[2]) Архивъ комиссіи для окончанія сословно-поземельныхъ дѣлъ въ частяхъ военно-народнаго управленія. Дѣло 1866 г., № 31, ч. 2-я. „Основанія, которыя принимались правительствомъ при вознагражденіи бывшихъ владѣтельныхъ домовъ на Кавказѣ“.

Примѣняя эти общія основанія къ вознагражденію кн. Шервашидзе и его наслѣдниковъ, Кавказскій комитетъ полагалъ сохранить кн. Шервашидзе аренду въ 10 тысячъ рублей, которая ему была назначена въ 1854 году, а также получаемую имъ пенсію въ тысячу рублей. Такъ какъ оставленіе удѣловъ въ пользу владѣтельнаго дома Абхазіи было неудобно въ политическомъ отношеніи, то представлялась необходимость принять эти удѣлы въ казну съ тѣмъ, чтобы исчисленный съ нихъ доходъ былъ обращенъ въ потомственную пенсію. Князю Михаилу сохранялись также тѣ 9500 рублей въ годъ, которые производились съ 1847 года за поступившіе въ карантино-таможенное вѣдомство порты Абхазіи. Съ введеніемъ русскаго управленія всѣ абхазскіе доходы, принадлежавшіе къ разряду правительственныхъ, обращались въ общую массу доходовъ правительства на содержаніе русскаго управленія въ краѣ. Потомственную же пенсію впослѣдствіи предположено капитализировать на тѣхъ же основаніяхъ, какъ это было примѣнено къ грузинскимъ и имеретинскимъ царевичамъ. Съ освобожденіемъ кн. Михаила и его наслѣдниковъ отъ управленія Абхазіей ему сохранялось званіе генералъ-адъютанта и предлагалось выбрать мѣстожительство въ Петербургѣ или Москвѣ. Наконецъ, Кавказскій комитетъ полагалъ, чтобы при всѣхъ мѣрахъ, которыя будутъ приниматься къ владѣтельному абхазскому дому, обезпеченіе существованія членовъ его должно было касаться не одного кн. Михаила и его сыновей, но еще братьевъ и племянника [1]).

Эти предположенія были одобрены императоромъ Александромъ II съ тѣмъ, чтобы болѣе точное и подробное развитіе намѣченныхъ началъ были бы обсуждены Намѣстникомъ кавказскимъ.

---

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло начальника штаба кавказской арміи 1863 г., № 6, связа 7123. Записка статсъ-секретаря Буткова „О введеніи русскаго управленія въ Абхазіи и о вознагражденіи владѣтеля" отъ 1 мая 1864 г., № 437.

Желая лично объявить владѣтелю эти распоряженія и вмѣстѣ съ тѣмъ для того, чтобы вызвать его изъ Абхазіи, Великій князь пригласилъ его прибыть въ Кутаисъ къ 3-му іюня для выслушанія царскаго повелѣнія особой важности. На это приглашеніе владѣтель отвѣтилъ, что какъ ни прискорбно, но онъ не можетъ исполнить желанія Намѣстника, такъ какъ по крайне разстроенному здоровью предпринимать путешествіе въ Кутаисъ значило бы явно рисковать жизнью. Въ заключеніе владѣтель повторялъ просьбу дать разрѣшеніе сыну пріѣхать къ нему и прислать для нихъ обоихъ паспорты на заграничный отпускъ [1]).

Великій князь, видя уклончивый отвѣтъ Шервашидзе, послалъ къ нему своего адъютанта полковника графа Левашова съ порученіемъ объяснить къ какимъ для него неблагопріятнымъ послѣдствіямъ поведетъ уклоненіе отъ требованія, основаннаго на повелѣніи государя, и склонить къ добровольному и скорѣйшему выѣзду въ Кутаисъ, или по крайней мѣрѣ узнать въ чемъ состоятъ желанія и намѣренія владѣтеля.

Выѣхать изъ Абхазіи кн. Шервашидзе не захотѣлъ, мотивируя отказъ все тѣмъ же слабымъ состояніемъ здоровья, и выразилъ желаніе управлять Абхазіей до своей смерти, но что если послѣдуетъ непремѣнно воля государя лишить его этого права, то онъ готовъ повиноваться и, оставаясь въ Абхазіи, не будетъ противиться исполненію повелѣнія государя; въ такомъ случаѣ онъ просилъ, чтобы въ вознагражденіе за доходы отъ владѣнія и взамѣнъ получаемаго имъ отъ казны содержанія ему былъ бы выданъ капиталъ около милліона рублей и чтобы за нимъ оставить удѣлы и частныя имѣнія въ Абхазіи [2]).

[1]) Тамъ же. Письмо Михаила Шервашидзе генералу Карцову отъ 31 мая 1864 года.
[2]) Тамъ же. Записка „Объ удаленіи кн. Михаила Шервашидзе съ потомствомъ отъ владѣнія Абхазіей“.

Вслѣдствіе неуспѣха личныхъ переговоровъ графа Левашова, Великій князь послалъ кн. Шервашидзе рескриптъ, въ которомъ положительно объявилъ волю государя объ увольненіи его отъ обязанностей владѣтеля. Упомянувъ, что еще въ 1847 году владѣтель обращался къ кн. Воронцову объ увольненіи по совершенно разстроенному здоровью, что политическое положеніе края того времени не дозволяло правительству исполнить его желаніе, что въ письмѣ къ кутаисскому генералъ-губернатору владѣтель вновь удостовѣрилъ о неспособности заниматься дѣлами, Великій князь писалъ:

„Просьбу вашу, а равно и содержаніе личнаго объясненія вашего со мною въ Сухумѣ я счелъ долгомъ повергнуть на высочайшее государя императора благоусмотрѣніе. Его Императорское Величество, принявъ во вниманіе продолжительность и упорство болѣзни, разстроившее ваше здоровье, и настоящее положеніе края, нуждающагося въ правильной и дѣятельной администраціи для развитія въ немъ гражданственности, соизволилъ согласиться на увольненіе вашей свѣтлости съ потомствомъ отъ управленія навсегда Абхазіей и съ оставленіемъ васъ въ званіи генералъ-адъютанта“ [1]).

Одновременно съ рескриптомъ владѣтелю Великій князь предписалъ кутаисскому генералъ-губернатору немедленно ввести въ Абхазіи русское управленіе, настоявъ на непремѣнномъ выѣздѣ оттуда владѣтеля. Сообщивъ князю Шервашидзе о полученномъ приказаніи, кн. Святополкъ-Мирскій въ частномъ письмѣ совѣтовалъ владѣтелю безпрекословно исполнить волю государя.

„Ваша свѣтлость,—пояснялъ кн. Мирскій,—сами признали, что съ окончаніемъ войны въ восточной части Кавказа Абхазія не могла и не должна оставаться въ прежнемъ поло-

[1]) Тамъ же. Рескриптъ Великаго князя Михаилу Шервашидзе отъ 24 іюня 1864 г. № 366.

женіи и что необходимо въ ней установить болѣе порядка и спокойствія. Не отъ меня зависѣло оставить за вами управленіе этимъ краемъ, но долженъ вамъ откровенно сказать, что если бы это отъ меня зависѣло, то я бы этому воспротивился, потому что я вполнѣ увѣренъ, что вы бы не были въ состояніи исполнить всѣхъ требованій правительства по управленію Абхазіей, что это бы повело къ многочисленнымъ столкновеніямъ и рано или поздно окончилось бы самымъ несчастнымъ образомъ для васъ и вашихъ потомковъ. Слѣдовательно на увольненіе васъ отъ управленія Абхазіей слѣдуетъ смотрѣть какъ на событіе неизбѣжное и даже для васъ благопріятное. Теперь государь императоръ взамѣнъ владѣльческихъ правъ вашихъ готовъ сдѣлать для васъ многое и вполнѣ обезпечить какъ васъ, такъ и будущность вашего семейства; Великій князь всегда былъ готовъ усердно за васъ ходатайствовать, но не могу скрыть отъ васъ, что неприбытіе ваше въ Кутаисъ по вызову Великаго князя сдѣлало на Его Высочество самое дурное впечатлѣніе и впечатлѣніе это усилилось, когда поѣздка къ вамъ графа Левашова не измѣнила вашего намѣренія не выѣзжать изъ Абхазіи. Я съ своей стороны не могу понять, какъ вы можете желать оставаться въ Абхазіи въ то время, когда будетъ вводится новое управленіе. Неужели вы не понимаете всѣхъ неудобствъ и непріятностей, которыя васъ при этомъ ожидаютъ и всей неловкости вашего положенія.

Когда все устроится и уладится, тогда дѣло другое; но покамѣстъ и прежде всего надобно хлопотать объ устройствѣ наилучшимъ образомъ вашего новаго положенія и объ обезпеченіи судьбы вашихъ дѣтей. Поѣзжайте въ Кутаисъ, въ Рачу или куда нибудь на воды, если не хотите ѣхать въ Тифлисъ, но ради Бога не оставайтесь здѣсь вопреки волѣ государя и не подвергайте себя и семейства вашего явной гибели. Не лишайте тѣхъ, которые вамъ желаютъ добра, возмож-

остни пособить вамъ и не ставьте ихъ въ необходимость дѣлать вамъ зло [1]).

Князь Шервашидзе жаловался Мирскому, что съ нимъ поступаютъ жестоко и несправедливо.

„Ваше сіятельство,—писалъ владѣтель,—я состою на службѣ Его Императорскаго Величества болѣе сорока лѣтъ, и служба моя, хотя и прошлая теперь, но въ свое время приносила очень значительную пользу престолу русскому. Поэтому стѣснять и унижать генерала такъ долго служившаго, при этомъ находящагося въ преклонныхъ лѣтахъ и лежащаго на одрѣ неизлѣчимой болѣзни, не давать ему свободной и спокойной жизни въ своемъ собственномъ имѣніи и домѣ и принуждать его скитаться,—безъ сомнѣнія, въ общественномъ мнѣніи будетъ противно достоинству и должному уваженію..... Увѣряю, ваше сіятельство, пребываніе мое въ Абхазіи не только не будетъ помѣхою введенію правительственныхъ распоряженій, но принесетъ неожидаемую пользу, такъ какъ я первый буду служить примѣромъ исполненія всякихъ со стороны правительства объявленныхъ распоряженій и это подтвердится на дѣлѣ. Поэтому усердно прошу васъ принять сердечное и искреннее участіе въ настоящей просьбѣ моей, напомнить Его Императорскому Высочеству просьбу, которую я передалъ графу Левашову, и присоединить ваше благородное мнѣніе объ оставленіи меня въ моемъ собственномъ имѣніи, чтобы я могъ здѣсь окончить мою болѣзненную жизнь, а тѣло мое предать землѣ въ возобновленномъ мною Моквскомъ монастырѣ, чтобы кости мои присоединились къ костямъ моего семейства. Если же настоящая просьба моя окончательно не заслужитъ вниманія Его Императорскаго Высочества, чего я не ожидаю, да благоволите прислать мнѣ безсрочный паспортъ, и я какъ только

[1]) Тамъ же. Письмо князя Святополкъ-Мирскаго князю Михаилу Шервашидзе отъ 29 іюня 1864 г., № 1.

повергшая меня болѣзнь дастъ мнѣ возможность, немедленно отправлюсь за границу а, лѣчась дорогою, можетъ быть доберусь до Іерусалима, гдѣ и останусь у Гроба Спасителя до тѣхъ поръ, пока Его Императорскому Высочеству не благоугодно будетъ вспомнить и возвратить меня въ мое имѣніе" [1]).

Для исполненія приказанія ввести русское управленіе въ Абхазіи кн. Святополкъ-Мирскій отправился въ Сухумъ; отсюда онъ послалъ къ владѣтелю съ кн. Дадіаномъ рескриптъ Великаго князя и съ запросомъ: какой порядокъ онъ находитъ болѣе удобнымъ для передачи внутренняго управленія страны. Вмѣстѣ съ Дадіаномъ былъ отправленъ пользовавшійся особымъ довѣріемъ владѣтеля подполковникъ Завадскій съ вышеупомянутымъ частнымъ письмомъ кн. Мирскаго.

Кн. Шервашидзе находился въ то время въ горахъ на минеральныхъ источникахъ въ Ткварчели. Дадіанъ и Завадскій возвратились въ Сухумъ 2 іюля и передали, что владѣтель проситъ оставить его въ Абхазіи до 1 августа, если же этого нельзя, то готовъ выѣхать 10 іюля, для чего просилъ къ тому времени выслать въ Очемчиры пароходъ; что владѣтель намѣренъ собрать абхазцевъ для разъясненія повелѣнія государя и передастъ Абхазію лично генералъ-губернатору, съ которымъ и желалъ бы окончательно переговорить [2]).

Хотя кн. Мирскій и сомнѣвался въ искренности намѣреній владѣтеля, но этотъ послѣдній фактически исполнилъ свое обѣщаніе: онъ предписалъ начальникамъ Бзыбскаго, Абхазскаго и Абживскаго округовъ обнародовать о передачѣ управленія Абхазіей русскимъ властямъ, собрать почетнѣйшихъ

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло 1-го отд. кавказскаго горскаго управленія 1864 г., № 2, связка 7123. Письмо кн. Шервашидзе князю Святополкъ-Мирскому отъ 21 іюня 1864 года.

[2]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло начальника главнаго штаба кавказской арміи 1863 г., № 6, связка 7123. Отзывъ кн. Святополкъ-Мирскаго начальнику главнаго штаба отъ 12 іюля 1864 г., № 31.

жителей и вмѣстѣ въ ними явиться 12 іюля въ Сухумъ къ генералъ-губернатору для полученія дальнѣйшихъ распоряженій объ управленіи краемъ [1]).

Случилось дѣйствительно довольно странное явленіе: въ то время, какъ правительство больше всего опасалось осложненій и безпорядковъ при перемѣнѣ управленія въ Абхазіи, когда оно главнѣйшимъ препятствіемъ полагало присутствіе владѣтеля, самъ онъ отдалъ распоряженіе о передачѣ своего владѣнія. Въ такомъ положеніи дѣлъ замедленіе выѣзда кн. Шервашидзе изъ Абхазіи потеряло отчасти свое значеніе. Несомнѣнно, что пребываніе его въ странѣ было неудобно для мѣстной администраціи и новаго управленія, но съ другой стороны нельзя было не признать, что при болѣзненномъ состояніи владѣтеля, его разбросанномъ хозяйствѣ, огромномъ количествѣ движимаго имущества и семейныхъ обстоятельствахъ ему было весьма трудно собраться въ короткій срокъ [2]).

Кн. Святополкъ-Мирскій собравшимся 12 іюля въ Сухумъ старшинамъ и почетнѣйшимъ жителямъ объяснилъ главныя основанія новаго порядка управленія и объявилъ имъ, что съ этого числа абхазцы должны повиноваться исключительно поставленнымъ отъ русскаго правительства начальникамъ. Командующему войсками въ Абхазіи для внутренняго управленія приказано было оставить временно раздѣленіе края на три округа: Бзыбскій, Абхазскій и Абжаивскій. Впредь до установленія постоянныхъ штатовъ предлагалось руководствоваться основаніями, принятыми въ Терской и Дагестанской областяхъ; для рѣшенія судебныхъ дѣлъ временно собирать почетнѣйшихъ жителей; изъ подсудности такихъ судей исключить преступленія по убійствамъ, которыя приказано разбирать по русскимъ законамъ; воспретить кровавую месть, при-

[1]) Тамъ же. Письмо кн. Шервашидзе князю Святополкъ-Мирскому отъ 6 іюля 1864 года.

[2]) Тамъ же. Отзывъ кн. Святополкъ-Мирскаго начальнику главнаго штаба отъ 12 іюля 1864 г., № 31.

нять безотлагательно мѣры къ уничтоженію плѣнноторговли и контрабанды; доходы, получавшіеся владѣтелемъ и имѣвшіе характеръ правительственныхъ сборовъ, принимать въ казну и оставить существовавшій порядокъ поземельныхъ и сословныхъ отношеній [1]).

Такъ совершилась фактическая передача Абхазіи въ русское управленіе не только безъ всякаго сопротивленія, но и при содѣйствіи самого владѣтеля.

Великій князь и самъ раздѣлялъ мнѣніе кутаисскаго генералъ-губернатора о томъ, что уклоненіе владѣтеля выѣздомъ изъ Абхазіи не имѣетъ уже того значенія; но въ то же время не находилъ возможнымъ разрѣшить дальнѣйшее пребываніе его въ странѣ. Князю Мирскому приказано было учредить за владѣтелемъ строгій надзоръ и при малѣйшемъ облегченіи болѣзни распорядиться объ удаленіи его изъ Абхазіи; до осуществленія же этой мѣры прекратить выдачу отъ казны всякихъ денежныхъ отпусковъ. Кн. Мирскій отправился въ Абхазію, чтобы при личномъ свиданіи узнать о состояніи здоровья владѣтеля, объ его намѣреніяхъ и убѣжденіями, даже угрозами понудить его къ немедленному выѣзду [2]).

Пріѣхавъ въ Ткварчели, Мирскій засталъ владѣтеля въ постели. Съ первыхъ же словъ кн. Шервашидзе высказалъ, что чувствуетъ себя глубоко оскорбленнымъ недовѣріемъ къ нему правительства и той жестокостью, съ какой гнали его изъ Абхазіи, какъ какого нибудь убыха.

„Я исполнилъ, — говорилъ онъ, — свято и добросовѣстно волю государя и передалъ управленіе потомственнаго моего владѣнія; и прошлая моя служба, и настоящее поведеніе даютъ мнѣ право на вниманіе и милость, между тѣмъ меня гонятъ

[1]) Тамъ же. Предписаніе кн. Святополкъ-Мирскаго начальнику войскъ въ Абхазіи отъ 12 іюля 1864 г., № 24.

[2]) Тамъ же. Записка „Объ удаленіи кн. Михаила Шервашидзе съ потомствомъ отъ управленія Абхазіей“.

изъ моего дома какъ злодѣя, не говоря даже гдѣ я долженъ жить и какимъ образомъ".

Князь Мирскій возразилъ на это, что, передавъ владѣніе, онъ исполнилъ только часть повелѣнія государя, и что всѣ непріятности, которыя онъ испытываетъ, происходятъ лишь отъ того, что имъ не исполнена другая часть воли государя о выѣздѣ изъ Абхазіи.

— „Я не выѣхалъ изъ Абхазіи,— отвѣчалъ владѣтель,— потому, что не допускаю, чтобы государь хотѣлъ поступить не справедливо и жестоко. Если государь приказалъ удалить меня изъ Абхазіи, то вѣроятно вслѣдствіе донесенія, что пребываніе мое здѣсь вредно и опасно и по незнанію сколько это повредило моему здоровью и моимъ частнымъ интересамъ. Но присутствіе мое здѣсь полезно, а не вредно; вы можете въ этомъ убѣдиться и вашъ долгъ донести о настоящемъ положеніи дѣлъ. Вы можете смѣло поклясться не только собою, но вашими дѣтьми, что мое присутствіе въ Абхазіи никогда не будетъ вредно для правительства" [1]).

Князь Мирскій отвѣчалъ, что въ подобныхъ случаяхъ ничья клятва неумѣстна и не можетъ служить основаніемъ для дѣйствій правительства, которое руководствуется другими соображеніями и постоянными правилами, что дѣло не въ личностяхъ болѣе или менѣе заслуживающихъ довѣрія, а въ предосторожности, указываемой опытомъ для охраненія государственныхъ интересовъ и общаго спокойствія.

Разговоръ продолжался такимъ образомъ два часа. „Прошу дозволенія,—сказалъ при концѣ свиданія владѣтель,—проживать покойно въ Абхазіи; ручаюсь, что мое пребываніе въ этомъ краѣ принесетъ пользу правительству; если эта просьба не можетъ быть уважена, то прошу разрѣшенія

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло 1-го отд. кавказскаго горскаго управленія 1864 г., № 2, связка 7123. Письмо кн. Святополкъ-Мирскаго Великому князю отъ 20 сентября 1864 года.

жить зимою въ Кутаисѣ, а лѣтомъ въ Баку; но такъ какъ я не могу жить безъ всякаго хозяйства, то прошу объ отводѣ части казенной земли въ Рачѣ для постройки дачи; въ такомъ случаѣ нынѣ, 1-го января, я готовъ выѣхать въ Кутаисъ. Если же и эта просьба моя не будетъ уважена, то, предоставляя государю судьбу моихъ дѣтей, прошу паспорта для выѣзда въ Іерусалимъ, гдѣ буду ожидать смерти у Гроба Господня; въ противномъ случаѣ тащите меня отсюда силою, и пускай весь міръ любуется вашей несправедливостью и жестокостью“ [1]).

Кн. Мирскій, прощаясь съ владѣтелемъ, повторилъ еще разъ приказаніе покинуть Абхазію и замѣтилъ, что вся отвѣтственность за неисполненіе падаетъ на него.

Свиданіе съ владѣтелемъ произвело на Мирскаго тяжелое впечатлѣніе. Изложивъ со всею подробностью, не скрывая рѣзкости выраженій, результаты своей поѣздки, онъ писалъ Великому князю: „По выѣздѣ изъ Ткварчели, соображая все высказанное бывшимъ владѣтелемъ и весь ходъ этого дѣла, я старался обойти въ моей совѣсти: кругомъ ли онъ виноватъ? виноватъ ли онъ одинъ? имѣетъ ли онъ поводъ считать себя обиженнымъ? и какъ слѣдуетъ поступить съ нимъ теперь, имѣя въ виду охраненіе нашего достоинства и общихъ интересовъ и больше всего строгое соблюденіе справедливости. Результаты моихъ размышленій осмѣливаюсь повергнуть Вашему вниманію, предугадывая, что вопросы меня занимающіе представятся и Вамъ. Личность Шервашидзе заключаетъ въ себѣ двойной характеръ: потомственнаго владѣтеля и генералъ-адъютанта. Какъ генералъ-адъютантъ онъ кругомъ виноватъ, не исполнивъ одного изъ приказаній государя. Какъ потомственный владѣтель онъ имѣетъ право и даже обязанность въ отношеніи своего потомства при уступкѣ своего владѣнія отстаивать свои права

[1]) Тамъ же.

и интересы, потому что никто не обязался безусловнымъ повиновеніемъ, когда дѣло касается правъ собственности. Если бы кн. Шервашидзе при уступкѣ своего владѣнія предъявилъ какія либо условія, то условія эти подверглись бы обсужденію и не были бы рѣшены на основаніяхъ одной лишь высочайшей воли; князь Шервашидзе передалъ свое владѣніе безусловно и теперь дѣлаетъ лишь кондиціи для выѣзда изъ Абхазіи; это съ его стороны ошибка, но не преступленіе. Съ нашей стороны произошли тоже ошибки: мы ожидали, что явно или тайно князь Шервашидзе будетъ противодѣйствовать введенію въ Абхазіи русскаго управленія; на этомъ предположеніи основывали наши дѣйствія, потому желали его удаленія до введенія русскаго управленія или немедленно послѣ. Между тѣмъ вышло противное. Кн. Шервашидзе по первому требованію исполнилъ волю государя въ отношеніи передачи управленія Абхазіею и совершилъ это безъ всякаго для него огорченія и отвращенія; живетъ совершенно покойно и уединенно, ни во что не вмѣшиваясь и, повидимому, думалъ только объ устройствѣ частной своей жизни, согласно своимъ привычкамъ и требованіямъ дѣйствительно дурного состоянія его здоровья. Нельзя не согласиться, что онъ имѣетъ право оскорбляться высказаннымъ ему недовѣріемъ. Недовѣріе это основано было на частномъ мнѣніи объ его поступкахъ, оффиціальная же его обстановка этого не допускала“ [1]).

Мирскій полагалъ, что пребываніе владѣтеля въ Абхазіи было бы опасно только въ случаѣ внѣшней войны, что, если будетъ рѣшено удалить его, то постараться это сдѣлать путемъ убѣжденій, а употреблять силу противъ больного старца было бы лишнею жестокостью, несовмѣстною съ достоинствомъ правительства и великодушіемъ государя, что замед-

[1]) Тамъ же.

леніе выѣзда не можетъ быть оскорбительно для высочайшей власти. „Нѣтъ сомнѣнія,—объяснялъ ки. Мирскій,—что непослушаніе князя Шервашидзе можетъ подать поводъ злонамѣреннымъ людямъ къ дурнымъ толкамъ, но наша власть такъ сильно водворена въ этомъ краѣ, что эти толки не могутъ имѣть важныхъ послѣдствій. Мнѣ кажется, что лучше подвергнуться этимъ толкамъ, чѣмъ поступить жестоко и сдѣлать политическій скандалъ. Можно надѣяться, что государь проститъ вину генералъ-адъютанта во вниманіе владѣтелю, лишеннаго своего владѣнія“ [1]). Для окончательнаго рѣшенія этого вопроса Мирскій предлагалъ оставить владѣтеля въ Абхазіи до 1 января, назначить мѣстомъ постояннаго пребыванія Имеретію, гдѣ отвести казенную землю, въ случаѣ же дальнѣйшаго невыѣзда прибѣгнуть къ крайнему средству—удаленію владѣтеля изъ Абхазіи силою.

Между тѣмъ, еще до полученія этого донесенія генералъ-губернатора, военный министръ сообщилъ Великому князю, что крайній срокъ для удаленія владѣтеля назначенъ не позже 1-го октября. Послѣ полученія такого ходатайства Мирскаго Великій князь не могъ не принять во вниманіе мотивированныхъ доводовъ и, желая узнать ближе обстоятельства этого дѣла на мѣстѣ, а съ другой стороны опасаясь, чтобы безотлагательнымъ исполненіемъ повелѣнія государя не сдѣлать несправедливости и напраснаго насилія, разрѣшилъ пріостановить распоряженіе о высылкѣ до своего пріѣзда въ Сухумъ.

Прибывъ 11 октября въ Сухумъ, Великій князь получилъ отъ владѣтеля письмо, въ которомъ возобновлялась просьба объ оставленіи его въ Абхазіи или объ увольненіи его съ семействомъ навсегда въ Іерусалимъ. Кромѣ того, генералъ-губернаторомъ было получено прошеніе вдадѣтеля на высочайшее имя объ увольненіи его по разстроенному здоровью вовсе отъ службы и безъ именованія военнымъ званіемъ.

[1]) Тамъ же.

Посмотрѣвъ на подачу такого прошенія какъ на результатъ болѣзненнаго раздраженія бывшаго владѣтеля, Великій князь не захотѣлъ придавать ему особеннаго важнаго значенія и считалъ, что это обстоятельство не должно служить причиною къ измѣненію благопріятныхъ для кн. Шервашидзе видовъ правительства относительно устройства его будущности. Просьбу же объ увольненіи въ отставку полагалъ на этотъ разъ исполнить, тѣмъ болѣе, что это во всякомъ случаѣ не представляло для правительства какой либо невыгоды [1]).

Что же касается до просьбы владѣтеля о разрѣшеніи остаться въ Абхазіи, Великій князь писалъ: „При упорномъ уклоненіи кн. Шервашидзе отъ добровольнаго выѣзда изъ Абхазіи, удаленіе его оттуда могло, казалось, быть достигнуто только силою; но было бы ли удобно и прилично прибѣгнуть къ этой крайней мѣрѣ въ отношеніи лица, такъ недавно еще доказавшаго передъ свѣтомъ покорность свою волѣ государя безпрекословною передачею въ руки правительства потомственнаго своего владѣнія, противъ лица облеченнаго почетнымъ званіемъ генералъ-адъютанта и въ теченіе продолжительнаго управленія своего званіемъ владѣтеля, и, между прочимъ, еще такъ недавно отмѣченнаго многими знаками монаршихъ щедротъ и вниманія. Такой крутой образъ дѣйствій противъ человѣка въ лѣтахъ, званіи и положеніи кн. Шервашидзе, по мнѣнію моему, могъ бы быть оправданъ и имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, если бы ходъ обстоятельствъ и настоятельная польза края того требовали; но такъ какъ поведеніемъ своимъ и послѣ передачи владѣнія кн. Шервашидзе не давалъ ни разу новымъ мѣстнымъ властямъ повода быть имъ недовольнымъ, а при томъ и положеніе Абхазіи въ отношеніи спокойствія и успѣховъ водворенія вновь вводи-

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло начальника главнаго штаба кавказской арміи 1863 г., № 6, связка 7123. Записка „Объ удаленіи кн. Михаила Шервашидзе съ потомствомъ отъ владѣнія Абхазіей.“

маго порядка не возбуждало никакихъ опасеній, то я съ своей стороны считалъ возможнымъ и даже до нѣкоторой степени справедливымъ, чтобы государь императоръ соизволилъ взглянуть снисходительно на поступокъ бывшаго владѣтеля, тѣмъ болѣе, что самый этотъ поступокъ больше всего слѣдуетъ объяснить съ одной стороны болѣзненнымъ состояніемъ его, дѣйствительно существующимъ, (хотя, впрочемъ, судя по новымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, и не въ той значительной степени, какъ онъ желаетъ въ томъ увѣрить) и съ другой стороны боязнью быть сосланнымъ на жительство внѣ Кавказа, на сѣверъ, что въ самомъ дѣлѣ было бы для него пагубно" [1]).

Великій князь предполагалъ разрѣшить прожить владѣтелю въ Абхазіи до весны, опредѣлить мѣстожительство въ имперіи и въ случаѣ дальнѣйшаго уклоненія принудить къ выѣзду силою, не принимая въ уваженіе никакихъ причинъ и отговорокъ. Въ этомъ смыслѣ имѣлось въ виду возбудить ходатайство передъ государемъ; но по возвращеніи въ Тифлисъ Намѣстника, въ дипломатической канцеляріи его была получена отъ посланника въ Константинополѣ, графа Игнатьева, телеграмма, въ которой сообщалось, что въ Порту поступила просьба владѣтеля Абхазіи Гамидъ-бея [2]) о разрѣшеніи ему перейти въ Турцію и о присылкѣ за нимъ парохода въ Сухумъ, и что графъ Игнатьевъ настоялъ, чтобы исполненіе просьбы было бы отсрочено для предупрежденія кавказскаго начальства.

Содержаніе этой депеши немедленно было передано кн. Мирскому, который предписалъ генералу Шатилову для удаленія кн. Шервашидзе въ случаѣ надобности употребить силу, и если бы жители Абхазіи при этомъ оказали вооружен-

[1]) Тамъ же.

[2]) Подъ этимъ именемъ кн. Шервашидзе былъ извѣстенъ въ Турціи и вообще на Востокѣ.

ное сопротивленіе, то принять энергическія мѣры для замиренія ихъ [1]).

3-го ноября 1864 года два баталіона Эриванскаго полка и сотня казаковъ прибыли на судахъ въ Очемчиры. На другой день Шатиловъ направилъ двѣ эриванскія роты и казаковъ подъ начальствомъ полковника графа Кутайсова въ сел. Кваски, къ мѣсту пребыванія кн. Шервашидзе; но Кутайсовъ не засталъ уже здѣсь владѣтеля, который, узнавъ о высадкѣ войскъ, бросилъ всѣ драгоцѣнныя вещи и даже значительную сумму денегъ (17 тысячъ рублей), бѣжалъ по направленію къ Дальскимъ горамъ. Среди абхазцевъ распустились слухи, что войска пришли для разоренія края, вслѣдствіе чего населеніе поспѣшно покидало свои селенія. Принявъ мѣры для успокоенія народа, Шатиловъ выступилъ изъ Кваски къ сел. Гупъ. Здѣсь явились посланные отъ владѣтеля съ объясненіемъ причинъ его бѣгства изъ Кваски и съ приглашеніемъ посѣтить его въ селеніи Тхина для переговоровъ. Шатиловъ отправилъ туда маіора Кишельскаго и графа Кутайсова, которые склонили владѣтеля возвратиться въ Кваски. При свиданіи съ Шатиловымъ владѣтель объяснилъ причины своего бѣгства паническимъ страхомъ, внушеннымъ ему внезапнымъ появленіемъ войскъ, безъ всякаго предупрежденія, высказалъ, что онъ готовъ подчиниться распоряженіямъ правительства и просилъ только дать ему время собрать и перевезти въ Очемчиры имущество. Шатиловъ подтвердилъ владѣтелю о необходимости немедленно отправиться въ Кутаисъ и пояснилъ, что въ глазахъ народа ему неудобно будетъ оставаться подъ надзоромъ войскъ Тогда владѣтель просилъ оставить сотню, отпустивъ пѣхоту въ Очемчиры, давъ честное слово выполнить приказаніе относительно выѣзда изъ края. Шатиловъ, не имѣя права на-

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло 1-го отд. кавказскаго горскаго управленія 1864 г., № 2, связка 7123. Рапортъ кн. Святополкъ-Мирскаго Великому князю отъ 1 ноября 1864 г., № 11.

рушить приказаніе, сдѣлалъ только снисхожденіе, что по просьбѣ графа Кутайсова не объявилъ кн. Шервашидзе объ арестѣ; это въ сущности не измѣняло положенія дѣла, такъ какъ владѣтель, находясь подъ надзоромъ войскъ, въ дѣйствительности былъ подвергнутъ аресту.

Князь Шервашидзе протестовалъ противъ такого насилія и жаловался Мирскому, что его удивляетъ такое обращеніе съ нимъ. „Причиной было то,—писалъ владѣтель,-- что я требовалъ пароходъ изъ Константинополя съ цѣлью отправиться въ Іерусалимъ. Я никакъ не полагалъ, что это будетъ для правительства противно, тѣмъ болѣе, что я написалъ Намѣстнику о дозволеніи отправиться въ Іерусалимъ, если нельзя было оставить меня въ Абхазіи. Ваше сіятельство повѣрите, что я не воображалъ, что это будетъ противно, и вовсе не было секрета. Подумайте сами: можно ли было это скрыть, и не было надобности, можно ли было уѣхать секретно такому состоятельному лицу, какъ я? За что считаете меня такимъ неблагоразумнымъ? Засимъ, что моя жизнь! Будучи въ такомъ жалкомъ положеніи, не стану васъ болѣе безпокоить. Все предоставляю вашей волѣ. Старость моя помрачена!“ [2]).

Но Святополкъ-Мирскій сообщилъ Шатилову, что по приказанію Великаго князя владѣтель долженъ немедленно отправиться на казенномъ пароходѣ въ Новороссійскъ, гдѣ ожидать дальнѣйшаго распоряженія; приказаніе это должно было исполниться не смотря ни на какія препятствія, съ употребленіемъ силы оружія, если къ тому оказалась бы необходимость [3]).

[1]) Тамъ же. Рапортъ командующаго войсками въ Абхазіи Шатилова кутаисскому генералъ-губернатору отъ 5 ноября 1864 г., № 2151.

[2]) Тамъ же. Письмо кн. Михаила Шервашидзе князю Святополкъ-Мирскому отъ 6 ноября 1864 года.

[3]) Тамъ же. Предписаніе кн. Святополкъ-Мирскаго генералу Шатилову отъ 4 ноября 1864 г., № 14.

Князь Шервашидзе 7-го ноября былъ доставленъ въ Очемчиры и въ тотъ же день въ сопровожденіи шк.-кап. Добржанскаго отправленъ на корветѣ „Соколъ“ въ Новороссійскъ.

Со времени прибытія владѣтеля въ Кваски и до посадки его на корветъ онъ подчинялся всѣмъ распоряженіямъ. Въ самомъ народѣ не было замѣтно особеннаго участія къ положенію бывшаго владѣтеля; присутствіе войскъ очевидно не могло не вліять на такое настроеніе. Даже лица изъ высшаго сословія, собравшіяся въ значительномъ числѣ чтобы проститься съ владѣтелемъ, при первомъ требованіи, что могутъ быть допущены только тѣ, которые имѣли разрѣшеніе окружныхъ начальниковъ, молча и безпрекословно возвратились по домамъ. Въ отношеніи нѣкоторыхъ лицъ, способствовавшихъ кн. Шервашидзе въ его предпріятіяхъ, не было принято никакихъ мѣръ наказанія, такъ какъ по близкимъ отношеніямъ ихъ къ кн. Михаилу взысканіе это могло быть сочтено наказаніемъ за весьма естественную приверженность къ своему бывшему владѣтелю [1]).

Подробное разслѣдованіе, произведенное графомъ Игнатьевымъ въ Константинополѣ, выяснило, что кн. Шервашидзе просилъ содѣйствія Порты къ переселенію абхазцевъ въ Турцію, что турецкое правительство намѣрено было исполнить эту просьбу, разсчитывая, что число выходцевъ дойдетъ до 20-ти тысячъ. Всѣ эти свѣдѣнія были сообщены Игнатьеву турецкимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Али-пашой [2]).

Послѣ обнаруженія попытки кн. Шервашидзе удалиться въ Турцію, Великій князь измѣнилъ первоначальныя предположенія о водвореніи бывшаго владѣтеля въ Кутаисской губер-

[1]) Тамъ же. Рапортъ генерала Шатилова князю Святополкъ-Мирскому отъ 7 ноября 1864 г., № 2154.

[2]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи начальника главнаго штаба кавказской арміи 1863 г., № 6, связка 7123. Отзывъ Великаго князя генералу Милютину отъ 15 января 1865 г., № 3.

нии и просилъ назначить ему мѣстожительство внѣ предѣловъ Кавказа, въ одной изъ южныхъ губерній.

Что касается вопроса объ опредѣленіи матеріальнаго обезпеченія князю Шервашидзе и его потомству, то Великій князь полагалъ, что государь, независимо отъ образа дѣйствій бывшаго владѣтеля, признаетъ несовмѣстнымъ съ достоинствомъ русскаго правительства отступить отъ прежде высказанныхъ намѣреній относительно вознагражденія, при томъ, впрочемъ, непремѣнномъ условіи, чтобы не оставлять за кн. Шервашидзе принадлежавшихъ ему на правахъ частной собственности имѣній, а выдать за нихъ соразмѣрную сумму денегъ [1]).

Съ выѣздомъ владѣтеля изъ Абхазіи недвижимыя имѣнія его были отобраны въ казенное управленіе, а съ движимымъ имуществомъ поступлено согласно его желанія. Для выясненія же размѣра получаемыхъ кн. Шервашидзе доходовъ какъ по званію владѣтеля, такъ и по частнымъ имѣніямъ была учреждена комиссія подъ предсѣдательствомъ генерала Понсэ.

Самъ кн. Шервашидзе былъ водворенъ на жительство въ Воронежѣ, климатъ котораго оказался дѣйствительно пагубнымъ для его здоровья: въ 1865 году онъ умеръ тамъ, а тѣло владѣтеля было предано землѣ въ фамильномъ склепѣ въ Абхазіи.

Вышеуказанныя подробности упраздненія автономіи Абхазіи показываютъ, что Великій князь хотѣлъ возможно миролюбиво покончить съ этимъ наиболѣе острымъ вопросомъ.

Несравненно съ меньшими затрудненіями Великому князю удалось устранить отъ управленія родовыхъ туземныхъ владѣтелей въ нѣкоторыхъ частяхъ Дагестана. Прежде всего эту задачу облегчало право завоеванія страны: оно давало правительству свободу дѣйствій при учрежденіи той или другой системы управленія; а если принять во вниманіе, что оставленная за родовыми владѣтелями власть была переход-

[1]) Тамъ же.

ною ступенью и что послѣ введенія въ дѣйствіе Положенія 5 апрѣля 1860 года правители обратились въ обыкновенные исполнительные органы, то окончательное упраздненіе туземныхъ владѣтелей сдѣлалось уже вопросомъ времени.

Первымъ прекратило свое независимое существованіе ханство Кюринское. При образованіи Дагестанской области въ 1860 году въ правительственныхъ видахъ, и во вниманіе къ заслугамъ, оказаннымъ Юсуфъ-бекомъ во время Восточной войны, управленіе ханствомъ оставлено было за нимъ на прежнихъ основаніяхъ: на, такъ называемыхъ, *ханскихъ правахъ*, т. е. какъ въ отношеніи административныхъ распоряженій, такъ и извлеченія изъ ханства всѣхъ возможныхъ доходовъ безъ всякаго контроля со стороны правительства. Въ іюлѣ 1861 года жители ханства, видя, что сосѣдніе народы при новоорганизованомъ управленіи не предоставлены столь безотчетному произволу въ отбываніи повинностей, стали жаловаться на хана за излишніе поборы и притѣсненія. Жалобы эти раздражали Юсуфъ-бека, привыкшаго къ постоянной безмолвной покорности народа, управляемаго имъ въ продолженіе 20-ти лѣтъ. Видя, однако, общее неудовольствіе, онъ не рѣшался предпринять отъ себя какихъ либо мѣръ и старался объяснить возбужденіе населенія происками злонамѣренныхъ людей.

Хотя повинности, на тягости которыхъ жаловались кюринцы, дѣйствительно не заключали въ себѣ ничего новаго, чего бы ханы не въ правѣ были требовать, но Юсуфъ-бекъ, имѣя огромное семейство, годъ отъ году расширялъ свое хозяйство и увеличивалъ размѣръ налоговъ и натуральныхъ повинностей; вслѣдствіе этого жители были доведены до крайняго истощенія въ платежной правоспособности. Юсуфъ-бекъ явился къ начальнику Дагестанской области ген.-адъютанту кн. Меликову и заявилъ, что онъ нисколько не измѣнилъ ни порядка суда и расправы въ ханствѣ, ни взиманія

налоговъ, но что послѣ неосновательныхъ жалобъ населенія онъ уже не желаетъ оставаться правителемъ и просилъ учредить въ ханствѣ окружное управленіе.

Принявъ во вниманіе, что удовлетвореніе просьбы хана могло подать населенію опасный примѣръ успѣха народнаго движенія направленаго къ перемѣнѣ порядка управленія, кн. Меликовъ просилъ Юсуфъ-бека отложить на нѣкоторое время свое намѣреніе; въ помощь же къ нему былъ назначенъ русскій штабъ-офицеръ. Ханъ согласился на это съ полною готовностью, но въ то же время просилъ дать дальнѣйшій ходъ ходатайству, а во вниманіе къ преклоннымъ лѣтамъ предоставить ему и дѣтямъ средства къ жизни [1]).

Въ 1862 году Юсуфъ-бекъ подалъ просьбу о разрѣшеніи отправиться въ Мекку на богомолье. Съ выѣздомъ хана тогда же было образовано военно-народное управленіе: съ управляющимъ на правахъ окружнаго начальника, одного офицера, откомандированнаго въ качествѣ адъютанта и словеснаго суда. Въ 1865 году ханство переименовано въ въ Кюринскій округъ, съ учрежденіемъ въ немъ окружнаго управленія и суда. Округъ раздѣленъ на три наибства [2]).

Назначенный правителемъ возстановленнаго въ 1856 году Аварскаго ханства полковникъ Ибрагимъ-ханъ оказался совершенно несоотвѣтствующимъ: онъ сталъ впадать въ такое болѣзненное раздраженіе, въ которомъ нерѣдко терялъ всякое сознаніе; въ 1861 году ханъ въ припадкѣ приказалъ казнить посланнаго съ бумагой отъ помощника военнаго начальника Средняго Дагестана. Дальнѣйшее оставленіе его съ ханской властью сдѣлалось невозможнымъ, и кн. Меликовъ вынужденъ былъ отозвать его въ Темиръ-

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Секретное дѣло канцеляріи по управленію кавказскими горцами 1861 г., № 125. Письмо генералъ-адъютанта кн. Меликова къ генералу Карцову отъ 15 ноября 1861 г., № 3309.

[2]) Тамъ же. Дѣло кавказскаго горскаго управленія 1865 г., № 157. Отзывъ Главнокомандующаго военному министру отъ 22 декабря 1864 г., № 2039.

Ханъ-Шуру; управленіе Аваріей было поручено подполковнику Катину на правахъ окружнаго начальника. Ибрагимъ-ханъ жилъ въ Шурѣ около 4-хъ мѣсяцевъ, и кн. Меликовъ окончательно удостовѣрился въ разстройствѣ умственныхъ способностей его; ханъ былъ отправленъ на временное жительство въ Ставрополь. Съ вопросомъ объ устраненіи правителя связано было обезпеченіе судьбы самого хана и его семейства. Денежныя дѣла хана вслѣдствіе безмѣрной расточительности были доведены до крайности. Кн. Меликовъ ходатайствовалъ, во вниманіе къ прошлой полезной службѣ хана, сохранить ему прежнее содержаніе. Въ 1864 году послѣдовало высочайшее повелѣніе объ окончательномъ устраненіи Ибрагимъ-хана и объ образованіи Аварскаго округа, съ учрежденіемъ окружнаго управленія на общихъ основаніяхъ [1]).

Съ введеніемъ управленія Дагестанскою областью изъ всего Кайтага и обѣихъ Табасараней былъ образованъ особый Кайтаго-Табасаранскій округъ съ особымъ окружнымъ управленіемъ; но онъ не подраздѣленъ на наибства, а части его оставлены временно въ ближайшемъ завѣдываніи бывшихъ владѣтельныхъ фамилій въ этихъ частяхъ: Кайтагъ—въ вѣдѣніи Ахметъ-хана, происходившаго изъ рода уцміевъ кайтагскихъ; Сѣверная Табасарань—въ вѣдѣніи Эльдаръ-Кади-Айди-бекъ-оглы, потомка табасаранскихъ кадіевъ и Южная Табасарань — въ вѣдѣніи Султанъ-Ахметъ-бека-Караханъ-бекъ-оглы, происходившаго изъ майсумовъ.

Окружное управленіе въ округѣ было открыто въ концѣ 1860 года. Неоднократныя поѣздки военнаго начальника Южнаго Дагестана генерала Лорисъ-Меликова въ вольныя общества, въ которыя раньше можно было вступить только въ сопровожденіи сильныхъ отрядовъ, личныя объясненія его съ представителями населенія и привлеченіе различными мѣ-

[1]) Тамъ же. Дѣло канцеляріи по управленію кавказскими горцами 1861 г., № 124. Отзывъ Главнокомандующаго военному министру отъ 29 марта 1863 г., № 625.

рами вліятельныхъ людей подготовили жителей къ мысли, что они будутъ подчинены надзору правительства.

По инструкціи Великаго князя окружное управленіе должно было постепенно ознакомить населеніе съ видами и требованіями правительства; для достиженія этой цѣли указано: скорое, безпристрастное и сообразованное съ духомъ и обычаями народа рѣшеніе дѣлъ въ окружномъ судѣ, привлеченіе на службу въ окружное управленіе и въ постоянную милицію вліятельныхъ и благонамѣренныхъ людей и возможно частые разъѣзды начальниковъ отдѣла и округа по краю.

Слѣдуя этой программѣ, окружное управленіе начало все больше и больше расширять кругъ своихъ дѣйствій и, такимъ образомъ, безъ насильственныхъ мѣръ русская власть въ Кайтагѣ фактически утвердилась. Уже въ 1864 году военный начальникъ Южнаго Дагестана г.-м. Джемарджидзе энергичными и цѣлесообразными мѣрами поставилъ общества Кайтага и Табасараней, все еще гордившихся своею обособленностью, въ такое положеніе, что во время поѣздки по округу онъ былъ принятъ и встрѣченъ всѣми селеніями съ хлѣбомъ-солью и другими знаками признанія надъ собой русской власти. Джемарджидзе останавливался почти въ каждомъ аулѣ и послѣ такого внимательнаго обозрѣнія края онъ пришелъ къ убѣжденію о своевременности обложить населеніе денежною податью, что съ разрѣшенія Великаго князя и приведено въ исполненіе: населеніе было обложено двухъ-рублевой податью [1]).

Между тѣмъ и управляющій Кайтагомъ Ахметъ-ханъ, видя, что всѣ его старанія съ 1857 года пріучить жителей къ повиновенію не достигли цѣли, и что онъ не въ состояніи уже исполнять требованія окружнаго начальства, въ 1865 году самъ заявилъ просьбу о сложеніи съ него обязанностей

[1]) Тамъ-же. Дѣло кавказскаго горскаго управленія 1866 г., № 79. Записка „О причинахъ и ходѣ возмущенія въ Верхнемъ Кайтагѣ".

правителя. Этотъ отказъ послужилъ поводомъ къ устраненію и другихъ правителей, и Кайтагскій округъ былъ раздѣленъ на 5 наибствъ: изъ нижняго Кайтага и Терекеме образовано наибство Нижне-Кайтагское; остальная часть Кайтага раздѣлена на два наибства: Уркарахское и Каракайтагское; изъ Сѣверной и Южной Табасарани образовано по одному наибству. Первыя четыре наибства подчинены Кайтаго-Табасаранскому окружному управленію, переведенному изъ сел. Ерси въ сел. Маджлисъ, какъ пунктъ болѣе центральный; а южная Табасарань причислена къ Кюринскому округу. Отъ каждаго наибства назначены депутаты въ окружные суды [1]). Эти предварительныя распоряженія Великаго князя высочайше были утверждены 15 сентября 1866 года.

Въ 1867 году признано было возможнымъ устранить также акушинскаго и другихъ родовыхъ кадіевъ шести вольныхъ обществъ Даргинскаго округа, который раздѣленъ на наибства.

Правителями народа въ шамхальствѣ Тарковскомъ и Мехтулѣ, на основаніи Положенія 1860 года, оставлены попрежнему родовые владѣтели подъ ближайшимъ вѣдѣніемъ начальника области. Какъ князь Шамсудинъ, такъ и Решидъ-ханъ стремились оказать пользу въ осуществленіи видовъ правительства и они выказывали усердное желаніе быть дѣятельными правителями. По мѣрѣ развитія среди населенія мирныхъ занятій и умноженія дѣлъ, подлежавшихъ разбору правителей, усердіе обоихъ хановъ замѣтно стало ослабѣвать; они сперва возложили на своихъ помощниковъ пріемъ просителей, потомъ поручили имъ непосредственное веденіе переписки по возникавшимъ въ шамхальствѣ и ханствѣ дѣламъ, ограничиваясь только выслушиваніемъ докладовъ помощниковъ, наконецъ, какъ бы тяготясь и этимъ родомъ участія въ дѣлахъ, стали часто уклоняться и отъ докладовъ.

[1]) Приказъ по Кавказскому военному округу отъ 12 мая 1866 г., № 36.

Народъ скоро замѣтилъ бездѣйствіе своихъ владѣтелей и постепенно пересталъ обращаться къ нимъ съ своими нуждами, признавая помощниковъ прямыми и компетентными начальниками. Такимъ образомъ шамхалъ и ханъ сами лишили себя того правительственнаго значенія, какое имъ было предоставлено и съ переходомъ фактической власти къ помощникамъ они остались номинальными правителями народа. Такой оборотъ дѣлъ, устранявшій причины, по которымъ шамхальство и ханство оставлены были по внутреннему управленію подъ непосредственнымъ наблюденіемъ начальника области, повлекъ за собой то, что помощники хановъ стали обращаться къ начальнику Сѣвернаго Дагестана вообще по дѣламъ управленія.

Решидъ-ханъ сознавалъ свою второстепенную роль и въ концѣ 1866 года подалъ кн. Меликову докладную записку, въ которой заявлялъ о сложеніи съ него обязанностей правителя съ оставленіемъ за нимъ только правъ владѣльца имѣній безспорно ему принадлежавшихъ. Опредѣленіе вознагражденія ему за отходившіе отъ него доходы по управленію ханствомъ онъ предоставлялъ усмотрѣнію правительства [1]). Въ апрѣлѣ 1867 года послѣдовало высочайшее разрѣшеніе на удовлетвореніе просьбы Решидъ-хана и затѣмъ Мехтулинское ханство было включено въ составъ вновь образованнаго Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа [2]).

Князь Шамсудинъ хотя и не заявлялъ желанія освободиться отъ обязанностей правителя, однако, въ началѣ 1867 года, подъ вліяніемъ внушеній и совѣтовъ мѣстной администраціи, скоро склонился къ этому и ходатайствовалъ, чтобы за нимъ и наслѣдниками его по прямой линіи мужескаго

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло кавказскаго горскаго управленія 1867 г., № 34. Докладная записка кн. Джорджадзе князю Меликову отъ 20 января 1867 года.

пола былъ бы оставленъ титулъ шамхала Тарковскаго съ тѣми правами и преимуществами, какія были присвоены шамхаламъ по владѣнію недвижимыми имуществами, безъ раздробленія по боковымъ линіямъ; а равно съ оставленіемъ за нимъ и наслѣдниками его права пользованія всѣми тѣми повинностями и доходами отъ шамхальцевъ, которые они отбывали ему по званію шамхала. Просьба кн. Шамсудина была исполнена, а шамхальство включено также въ Темиръ-Ханъ-Шуринскій округъ [1]).

Одновременно съ устраненіемъ вышеуказанныхъ владѣтелей Великимъ княземъ возбуждалось ходатайство о вознагражденіи и обезпеченіи ихъ отъ правительства.

При увольненіи г.-м. Юсуфъ-бека въ 1865 году онъ былъ зачисленъ въ войска кавказской арміи; сверхъ жалованія, которое онъ получалъ за прежнія заслуги въ размѣрѣ 1618 р. въ годъ, ему назначено жалованіе по чину и столовые, какъ свитскому генералу; за лишеніе же выгодъ, которыми онъ пользовался по званію кюринскаго хана, ему назначена пенсія въ 5 тысячъ рублей съ тѣмъ, чтобы послѣ смерти его пенсія эта была предоставлена въ равныхъ частяхъ вдовамъ и восьми сыновьямъ пожизненно; изъ всѣхъ угодій Юсуфъ-беку оставленъ участокъ земли до 4000 десятинъ. Въ основаніе такого обезпеченія Юсуфъ-бека принято было количество налоговъ, отбываемыхъ жителями Кюринскаго ханства и состоявшихъ: изъ прямой подати съ жителей: произведеніями, рабочими и деньгами, и косвенной, въ видѣ пошлины съ овцеводовъ и маренокопателей, а также штрафныхъ денегъ съ жителей за отправленіе между ними суда и расправы. Всѣ эти доходы были исчислены по переложеніи натуральныхъ податей и повинностей на день-

[1]) 2-е Полное Собраніе Законовъ, т. XVII, ст. 44484.

ги—въ 18 т. руб., а за уменьшеніемъ размѣра повинностей, наиболѣе тягостныхъ для жителей—въ 14442 рубля.

Флигель-адъютанту полковнику Ибрагимъ-хану за лишеніе Аваріи оставлено пожизненно, въ видѣ пенсіи, жалованіе по чину и 4000 р., которые онъ получалъ по званію правителя; кромѣ того на покрытіе казенныхъ и частныхъ долговъ его отпущено 30 тыс. рублей.

Бывшимъ правителямъ Кайтага, Сѣверной и Южной Табасарани назначено: полковнику Ахметъ-хану—пожизненная пенсія по 500 руб. въ годъ и участокъ земли въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ въ 1523 десятины; маіору Эльдаръ-кадію—пенсія по 400 руб. и участокъ въ 497 десятинъ и подполковнику Султанъ-Ахметъ-беку сверхъ жалованія еще пожизненная пенсія по 400 руб. въ годъ; за нимъ были признаны также права на участокъ земли подъ названіемъ *Сюгютъ* пространствомъ отъ 400 до 500 десятинъ, оспариваемый у него со стороны казны.

Мехтулинскому хану Решиду лично оставлено званіе хана. Всѣ повинности и налоги, которые отбывали жители какъ самому хану, такъ и джанкамъ Мехтулинскаго ханскаго дома, отмѣнены. За лишеніе правъ и доходовъ Решидъ-хану выдано: единовременно 10 тыс. рублей для расплаты съ долгами, увеличена пенсія до 4-хъ тыс. руб. и сверхъ того оставлено жалованіе по чину. За нимъ утверждены всѣ недвижимыя имѣнія, составлявшія безспорную, частную собственность ханскаго дома съ правомъ пользованія доходами съ нихъ на прежнихъ основаніяхъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ не имѣлъ права отчуждать этихъ имѣній въ постороннія руки. Для поддержанія перваго поколѣнія наслѣдниковъ Решидъ-хана назначена общая пожизненная пенсія въ 2 тыс. рублей. Матери хана, Нохъ-Бике, усилена пенсія до $2^1/_2$ тыс. руб. Въ вознагражденіе джанковъ Мехтулинскаго дома выдано денежное пособіе въ количествѣ десятилѣтней сложности доходовъ,

которые они получали до прекращенія къ нимъ обязательныхъ отношеній жителей. За всѣми джанками утверждены земли, находившіяся въ личномъ и безспорномъ владѣніи ихъ.

Въ 1867 году послѣдовало разрѣшеніе на сложеніе съ кн. Шамсудина Тарковскаго, согласно заявленнаго имъ желанія, обязанностей и правъ по управленію съ оставленіемъ за нимъ правъ его по владѣнію и пользованію наслѣдственными недвижимыми имѣніями и по отбыванію шамхальцами всѣхъ повинностей, какія они несли ему по званію шамхала и по праву землевладѣльца. Но лѣтомъ 1868 года кн. Шамсудинъ, въ виду предстоявшаго тогда вопроса объ освобожденіи крѣпостного населенія отъ зависимости, заявилъ кн. Меликову, что, желая всѣми зависѣвшими отъ него средствами содѣйствовать успѣшному окончанію этого дѣла въ Дагестанѣ, онъ освобождаетъ все подвластное ему населеніе отъ всѣхъ налоговъ и повинностей. Такимъ образомъ сверхъ 5440 дворовъ, отошедшихъ отъ управленія шамхала, получили полную свободу отъ всякаго рода повинностей къ нему 2688 дворовъ узденей, 51 дворъ евреевъ и 45 дворовъ чагаровъ. Такой безкорыстный поступокъ кн. Шамсудина оказалъ полезное вліяніе на добровольное освобожденіе и другими дагестанскими владѣльцами значительнаго числа крѣпостныхъ людей.

Кн. Шамсудинъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ зачисленіемъ въ Свиту Его Величества. Независимо отъ пожалованія пенсіи въ 7 т. руб., князю Шамсудину сохранена потомственная пенсія въ 5 тыс. руб., выданная въ первый разъ въ 1838 году шамхалу Абу-Муселимъ-хану взамѣнъ рахтарнаго сбора, взимавшагося съ провозимыхъ черезъ шамхальское владѣніе товаровъ. Кн. Шамсудинъ обязывался, чтобы изъ принадлежавшихъ ему безспорно земель обезпечить родного брата своего, *Хана*, недвижимымъ имѣніемъ,

приносившимъ дохода не менѣе 3-хъ тыс. руб. въ годъ, и родного племянника, *Джемаль-Эдинна*, недвижимымъ имѣніемъ, приносившимъ дохода не менѣе 800 рублей [1]).

Съ отказомъ шамхала Тарковскаго отъ управленія владѣніемъ заканчивался рядъ мѣръ, прямыхъ и косвенныхъ, принимавшихся кавказской администраціей къ устраненію туземныхъ правителей отъ управленія народомъ, и затѣмъ въ предѣлахъ края не осталось болѣе ни одного туземнаго родоваго владѣнія, и всѣ безъ исключенія народности подчинены непосредственному вѣдѣнію русскихъ властей [2]).

Устраненіе владѣтелей, вообще говоря, совершилось не только безъ противодѣйствія населеній, но при полномъ содѣйствіи ихъ. Только жители Верхняго Кайтага въ 1866 году произвели безпорядки съ цѣлью воспрепятствовать открытію вновь учрежденныхъ наибствъ. Назначенный начальникомъ округа маіоръ кн. Андрониковъ 29-го іюня собралъ въ сел. Маджалисъ старшинъ и почетныхъ жителей и объявилъ имъ о предстоящемъ открытіи наибствъ Каракайтагскаго и Уркарахскаго; старшины просили окружнаго начальника отложить посылку наиба въ селеніе Джебагни, объяснивъ, что у нихъ много еще глупыхъ людей, которыхъ надо подготовить къ этому. Кн. Андрониковъ нашелъ просьбу основательною и отложилъ открытіе наибства на 4-е іюля.

Между тѣмъ кайтагцы во главѣ съ Магометъ-кадіемъ, написавшемъ зажигательное воззваніе, приглашали истребить въ Маджалисѣ всѣхъ чиновъ управленія. При содѣйствіи благоразумной части населенія и подоспѣвшихъ войскъ намѣренія мятежниковъ не осуществились, а возставшіе магалы изъявили готовность исполнять всѣ требованія. Произведенное раз-

---

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло 1-го отд. кавказскаго горскаго управленія 1869 г., № 6, ч. 2-я. Отчетъ генералъ-адъютанта кн. Меликова объ управленіи Дагестанскою областью съ 1-го января 1863 г. по 1-е октября 1869 года.

[2]) Объ отказѣ отъ правъ владѣнія Мингреліей кн. Николая Дадіанъ будетъ изложено въ соотвѣтствующей главѣ настоящей записки.

слѣдованіе выяснило, что виновниками мятежа были нѣсколько лицъ, желавшихъ возстановить упраздненныя права родоваго владѣтеля Кайтага.

Болѣе серьезныя волненія произошли въ томъ же году въ Абхазіи.

Въ октябрѣ 1865 года окончился годъ непосредственнаго русскаго управленія Абхазіей. При полномъ незнакомствѣ съ условіями народной жизни, администрація дѣйствовала нерѣшительно; хотя и дѣлались нѣкоторыя попытки изученія быта и экономическаго положенія страны, но эти опыты, по ограниченности средствъ имѣвшихся въ распоряженіи начальника Сухумскаго отдѣла, оказались неудовлетворительными. Между тѣмъ административная практика убѣждала, что условія народной жизни по крайнему своему разнообразію требуютъ подробнаго изученія почти каждой мѣстности Абхазіи отдѣльно, и что только подробное разслѣдованіе можетъ предоставить правительству безошибочный путь для разрѣшенія и окончательнаго утвержденія правъ, какія оказались бы возможнымъ оставить за различными сословіями. Ясно было также то, что работа эта не могла быть выполнена администраціей отдѣла, у которой были свои неотложныя задачи по управленію.

Полковникъ Коньяръ ходатайствовалъ объ учрежденіи особой комиссіи для сбора свѣдѣній о существовавшихъ въ Абхазіи различныхъ видовъ сословныхъ отношеній. „Я положительно утверждаю,—писалъ Коньяръ,—что старанія наши въ Абхазіи останутся безплодными до тѣхъ поръ, пока мы не уничтожимъ существующей здѣсь тѣсной взаимной зависимости сословій; этотъ порядокъ предаетъ экономическую судьбу всего населенія въ руки немногихъ лицъ высоко поставленныхъ прежнимъ правленіемъ, подчиняетъ ихъ вполнѣ вліянію этихъ немногихъ избранныхъ, и никакія старанія наши не въ состояніи уничтожить это первенство, объ удержа-

нiи котораго привилегированныя сословiя заботятся тѣмъ болѣе, что оно кромѣ нравственныхъ выгодъ составляетъ для нихъ главный источникъ увеличенiя доходовъ своихъ. Низшiе классы, при всей поддержкѣ съ нашей стороны, не только не въ состоянiи освободиться изъ подъ этого вліянiя, но даже не рѣшаются приносить на него жалобы, тогда какъ условiя ихъ жизни и поземельнаго пользованiя дѣлаютъ это совершенно невозможнымъ“ [1]).

Однако сборъ свѣдѣнiй о сословной зависимости въ Сухумскомъ отдѣлѣ составлялъ только часть тѣхъ мѣръ, которыя правительство должно было имѣть въ виду для благоустройства края: сословные вопросы находились въ связи со всей системой административнаго управленiя. „Для того, чтобы расположить къ себѣ народъ,—писалъ по этому поводу кн. Святополкъ-Мирскiй,—нужно, безъ сомнѣнiя, хорошо имъ управлять. Первымъ основанiемъ хорошаго управленiя есть строгая справедливость и безпристрастiе, внушающiя довѣрiе и чувство безопасности и спокойствiя. Мнѣ кажется, что въ отношенiи управленiя Сухумскимъ отдѣломъ нужно просто держаться этого начала безъ всякихъ заднихъ мыслей и, заботясь въ равной степени въ интересахъ всѣхъ сословiй, стремится къ развитiю общаго благосостоянiя въ краѣ. Въ этихъ видахъ на первомъ планѣ является необходимость опредѣленiя личныхъ правъ туземцевъ и въ особенности правъ поземельной собственности, которая служитъ вездѣ первымъ элементомъ порядка и всякаго развитiя. Приступать въ Сухумскомъ отдѣлѣ къ разбору и опредѣленiю однихъ личныхъ правъ, не касаясь вопроса о землѣ, не имѣетъ цѣли и невозможно. Опредѣлять права низшихъ сословiй, не касаясь высшихъ—несправедливо“ [2]).

[1]) Архивъ комиссiи для окончанiя сословно-поземельныхъ дѣлъ въ частяхъ военно-народнаго управленiя. Дѣло 1866 г., № 28, ч. 1-я. Рапортъ полковника Коньяра кутаисскому генералъ-губернатору отъ 22 ноября 1865 г., № 1668.

[2]) Тамъ же. Письмо кн. Святополкъ-Мирскаго начальнику кавказскаго горскаго управленiя отъ 27 октября 1866 года.

Эта программа для выполненія ближайшихъ задачъ управленія совершенно согласовалась съ общимъ взглядомъ Великаго князя, который обращалъ особое вниманіе на установленіе правильныхъ поземельныхъ отношеній; при этомъ Намѣстникъ руководствовался тѣмъ убѣжденіемъ, что только при строгой опредѣленности поземельныхъ правъ каждаго населеніе получитъ дѣйствительное побужденіе къ сельско-хозяйственному производительному труду и, привязываясь все болѣе къ землѣ, станетъ населеніемъ въ полномъ смыслѣ осѣдлымъ, расположеннымъ къ гражданскому развитію.

Комитетъ, учрежденный подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Карцова для обсужденія способовъ и средствъ къ освобожденію зависимыхъ сословій въ горскихъ племенахъ, возложилъ распоряженія по собранію необходимыхъ матеріаловъ и свѣдѣній на кавказское Горское управленіе. Въ Абхазію Горское управленіе командировало маіора кн. Баратова, капитанъ-лейтенанта Корганова и титулярнаго совѣтника Черепова; этому послѣднему поручалось собирать свѣдѣнія по Бзыбскому округу. Череповъ уже имѣлъ возможность близко ознакомиться съ дѣлами округа, участвуя въ комиссіи генерала Понсэ по приведенію въ извѣстность имѣній и доходовъ устраненнаго владѣтеля Абхазіи.

Всѣмъ командированнымъ чинамъ поручалось выяснить: какія существовали въ округахъ зависимыя сословія, степень ограниченія личной свободы ихъ, какими услугами или повинностями выражалась зависимость несвободныхъ сословій, въ какомъ положеніи сословія находились въ отношеніи обезпеченія землей. Всѣ эти свѣдѣнія предлагалось собрать по каждой общинѣ отдѣльно, посредствомъ опроса жителей, въ присутствіи окружныхъ начальниковъ, двухъ депутатовъ окружнаго суда, при общинномъ старшинѣ и выборныхъ отъ всѣхъ сословій. При всемъ томъ, командированнымъ чинамъ было вмѣнено въ обязанность объяснить населенію, что пра-

вительство приступаетъ только къ вопросу объ освобожденіи зависимыхъ сословій, но не освобождаетъ ихъ и что они попрежнему должны пока отбывать владѣльцамъ обычныя повинности.

Въ комиссію Череповa полковникъ Коньяръ назначилъ окружнаго начальника Измайлова и двухъ судей—Тито Маргани и Камгазъ-Хака. Дѣйствія свои Череповъ началъ 17-го іюля въ Пицундѣ, гдѣ къ тому времени были собраны владѣльцы, князья Иналъ-иповы. Обратившись къ собравшимся, Череповъ объяснилъ, что онъ присланъ объявить народу о необходимости освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но предварительно ему нужно знать о размѣрѣ повинностей установленныхъ въ пользу владѣльцевъ; что правительству это важно для опредѣленія мѣры выкупа, который долженъ пасть на счетъ самихъ выкупаемыхъ. Затѣмъ Череповъ темно и непонятно началъ говорить объ ахапала (сословіе рабовъ), о пользованіи ими землею, и могутъ ли они продавать ее по своему усмотрѣнію.

Выбравъ по одному депутату отъ каждго сословія владѣльцевъ, Череповъ сталъ спрашивать о повинностяхъ. Депутаты отвѣчали, какъ это происходило на практикѣ. Когда же дѣло коснулось поземельнаго права, то Череповъ началъ отвергать всѣ права владѣльцевъ, говорилъ, что они не помѣщики, а ахалапшую (покровители), завелъ споръ съ владѣльцами и всѣми членами комиссіи, грубо выражался о князьяхъ Иналъ-иповыхъ и хотя соглашался обо всемъ составить актъ, но этого не исполнилъ и взволнованный уѣхалъ, сказавъ депутатамъ, что онъ и безъ ихъ помощи соберетъ всѣ нужныя ему свѣдѣнія. Такъ неудачно началъ исполнять чиновникъ Череповъ возложенное на него порученіе.

Недовѣріе къ комиссіи послужило причиной неисполненія населеніемъ дальнѣйшихъ требованій. Когда 18-го іюля комиссія прибыла въ м. Калдяхалъ, и Череповъ сталъ задавать

вопросы, то собравшіеся абхазцы возразили, что они не могутъ отвѣчать отдѣльно отъ прочихъ общинъ, такъ какъ изстари дали обѣтъ и присягу ни на какіе важные вопросы не давать отвѣтовъ одной общинѣ отдѣльно отъ другихъ. Всѣ усилія Измайлова и Черепова не могли склонить абхазцевъ исполнить требованіе комиссіи. Такой же отвѣтъ комиссія получила отъ жителей другихъ селеній, при чемъ нѣкоторые абхазцы заявили, что они не намѣрены получать свободу выкупомъ на свой счетъ и согласны считать себя государственными крестьянами, если правительство на ихъ выкупъ употребитъ свои средства[1]).

Получивъ предварительныя донесенія о происшествіи, полковникъ Коньяръ 21-го числа отправился въ Бзыбскій округъ, чтобы лично разъяснить народу истинныя намѣренія правительства и склонить къ выполненію предъявленныхъ требованій. По прибытіи въ Соукъ-су Коньяръ узналъ, что волнуется весь округъ за исключеніемъ общины Берипшъ. Коньяръ направился въ эту общину и объявилъ жителямъ, что русскій царь желаетъ всѣмъ сословіямъ доставить выгоды свободной жизни, что это уже выполнено по всей Россіи, что для разрѣшенія этого вопроса въ Абхазіи нужно предварительно знать объ отбываемыхъ зависимыми сословіями повинностяхъ, чтобы, соображаясь съ выясненными данными, комиссіи могли представить высшему начальству вѣрныя свѣдѣнія. Община категорически заявила о нежеланіи отвѣчать до тѣхъ поръ, пока комиссія не начнетъ своихъ дѣйствій съ съ первой или послѣдней общины округа, что она не можетъ согласиться на требованія, пока другіе жители округа не признаютъ исполненіе этихъ требованій возможнымъ. Ни увѣщанія, ни угрозы не могли заставить общину измѣнить вызсказаннаго взгляда, и когда Коньяръ потребовалъ, чтобы зависимыя сословія отдѣлились отъ толпы съ цѣлью

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло 1-го отд. кавказскаго горскаго управленія 1866 г., № 86. Слѣдственное дѣло о безпорядкахъ въ Абхазіи.

переписать ихъ, народъ оказалъ явное неповиновеніе и даже обнажилъ оружіе, лишь только Коньяръ потребовалъ одного изъ главныхъ зачинщиковъ. Остановленные дворянами и судьями, заслонившими Коньяра, жители начали расходится, не обращая никакого вниманія на приказаніе остаться. Коньяръ не рѣшался принять какія либо понудительныя мѣры противъ неповинующейся, вооруженой толпы, въ которой была замѣтна явная готовность оказать сопротивленіе. Дѣйствительно, въ общинѣ Берипшъ, узнавъ о намѣреніи заарестовать коноводовъ, уже принимались мѣры осторожности: со всѣхъ частей округа Коньяру доносили, что повсюду происходятъ сборища, на которыхъ абхазцы присягали, чтобы по требованію властей являться не иначе, какъ всѣмъ населеніемъ. Положеніе дѣлъ становилось очень серьезнымъ. При такихъ обстоятельствахъ Коньяръ счелъ нужнымъ не настаивать на своихъ требованіяхъ и просилъ кн. Святополкъ-Мирскаго прислать немедленно достаточное число войскъ [1]).

Между тѣмъ волненіе все увеличивалось. 23-10 іюля по всему Бзыбскому округу ударили народную тревогу. Вооруженные жители начали собираться къ общинѣ Берипшъ, криками и горячностью выражали намѣреніе итти въ окружное управленіе, чтобы освободить своихъ дворянъ, которые будто были посажены подъ стражу. Народный судья Тито Маргани, посланный для успокоенія, клялся народу, что онъ введенъ въ заблужденіе, и никто изъ дворянъ не арестованъ. Абхазцы просили передать Коньяру о неудовольствіи по поводу удаленія безъ ихъ вѣдома владѣтеля и о томъ, почему правительство не хочетъ спросить, желаетъ ли народъ допустить дѣтей владѣтеля остаться въ Абхазіи на помѣщичьихъ правахъ; но если правительство помимо ихъ желанія стремится освободить всѣхъ отъ зависимости, то оно само обязано принять на себя и выкупъ; кромѣ того, выражалось настой-

[1]) Тамъ же.

чивое требованіе, чтобы съ ихъ князьями и дворянами обходились вѣжливѣе; раздавались также голоса о возстановленіи прежняго порядка управленія въ Абхазіи въ пользу сына владѣтеля Георгія Шервашидзе [1]).

Послѣ убѣдительныхъ просьбъ Тито Маргани община рѣшила разойтись съ тѣмъ, чтобы 25-го іюля собраться вновь и тогда окончательно постановить о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Желая предупредить такое намѣреніе народа, Коньяръ, взявъ съ собой князей Георгія и Александра (братъ владѣтеля) Шервашидзе, чиновника Черепова, 25-го прибылъ въ Гудауты и послалъ Маргани и Анчабадзе объявить жителямъ, чтобы они явились въ Лыхны. Анчабадзе замѣтилъ явные признаки всеобщаго возбужденія: каждый изъ абхазцевъ имѣлъ при себѣ мѣшочекъ съ провизіей, что дѣлалось всегда передъ выступленіемъ въ походъ. Разговаривая между собой, шедшіе въ Лыхны партіи высказывали: „полковникъ все-таки не исполнитъ нашихъ требованій, между тѣмъ на объясненіе съ нимъ потребуется много времени; не лучше ли, когда подойдемъ къ дому владѣтеля, прямо напасть на него.“ По возвращеніи въ Лыхны Анчабадзе передалъ Коньяру обо всемъ слышанномъ и объ явныхъ признакахъ опасности, но Коньяръ не обратилъ на это вниманія и отвѣтилъ: „это все вздоръ, вы кажется струсили.“

Коньяръ съ князьями Георгіемъ и Александромъ Шервашидзе, Измайловымъ и нѣкоторыми другими должностными лицами отправился въ м. Ажирицъ, гдѣ ожидалъ его стоявшій по сословіямъ народъ. Изъ выступившихъ впередъ восьми депутатовъ, одинъ—Османъ Шама отъ имени народа началъ говорить Коньяру слѣдующую рѣчь: „Когда у насъ былъ владѣтелемъ Келишъ-бей Шервашидзе, исповѣдывавшій магометанскую вѣру, всѣ сосѣдніе народы находились съ нами

[1]) Тамъ же. Рапортъ начальника Бзыбскаго округа полковнику Коньяру отъ 23 іюля 1866 г., № 1067.

въ дружескихъ отношеніяхъ, и мы жили въ покоѣ и достаткѣ. При сынѣ его Сеферъ-беѣ, принявшемъ христіанство и русское подданство, мы начали терпѣть всевозможныя бѣдствія: всѣ сосѣднія магометанскія племена стали часто нападать на Абхазію, грабить, разорять и угонять стада. Такой же порядокъ продолжался и при преемникѣ Сеферъ-бея Михаилѣ Шервашидзе. По удаленіи отъ насъ послѣдняго и введеніи русскаго правленія мы ожидали, что оно поведетъ насъ къ спокойной и независимой жизни, но, напротивъ, положеніе наше становилось хуже, и во время вашего управленія, полковникъ, мы особенно стали терпѣть много притѣсненій. Что же касается до распоряженія отобрать крестьянъ отъ помѣщиковъ и сдѣлать первыхъ независимыми отъ послѣднихъ, то оно просто невыносимо для насъ. А потому убѣдительно просимъ дозволить намъ послать депутацію къ брату государя, чтобы спросить: съ воли ли Государя Императора все это дѣлается, или по произволу мѣстнаго начальства; если же, наконецъ, и этого нельзя, то просимъ позволить намъ переселиться въ Турцію“ [1]).

Всѣ эти просьбы Коньяръ отвергъ послѣдовательно одну за другой и обявилъ, что о вызсказанныхъ желаніяхъ доведетъ до свѣдѣнія высшаго начальства только при томъ условіи, если народъ исполнитъ его приказанія; при этомъ Коньяръ разъяснилъ, что освобожденіе зависимыхъ составитъ счастье для всѣхъ сословій, въ заключеніе неосторожно упомянулъ о заговорщикахъ, которые занимаются подстрекательствомъ и которыхъ для спокойствія въ краѣ необходимо выслать. Слова эти послужили сигналомъ. Въ толпѣ полышались крики: „всѣ давшіе условіе, подтвержденное присягой, собирайтесь!“ Народъ отхлынулъ назадъ, началъ кричать и волноваться.

Коньяръ, видя общее возбужденіе, вмѣстѣ съ сопровож-

[1]) Тамъ же. Слѣдственное дѣло о безпорядкахъ въ Абхазіи.

давшими его лицами отправился въ домъ бывшаго владѣтеля. Народъ, несмотря на просьбы нѣкоторыхъ князей, дворянъ и старшинъ не производить безпорядка, бросился за Коньяромъ; прежде чѣмъ этотъ послѣдній успѣлъ скрыться, было произведено нѣсколько выстрѣловъ. Добѣжавъ до караульнаго дома, толпа освободила арестантовъ и вступила въ перестрѣлку съ сотней казаковъ, которые, видя громадное превосходство вооруженныхъ абхазцевъ, заперлись въ конюшнѣ и начали оттуда стрѣлять. Конюшню подожгли, и казаки, пробившись, укрылись въ церкви. Другая партія абхазцевъ оставалась возлѣ дома, гдѣ скрылся Коньяръ, и начала стрѣлять въ комнаты. Коньяръ и бывшіе при немъ офицеры переодѣлись въ черкесское платье, которое сняли съ себя находившіеся въ комнатѣ судьи. Князь Георгій Шервашидзе подошелъ къ окну и, грозя кулаками, кричалъ народу: „что вы, подлецы, дѣлаете: обманули и заперли меня въ домѣ, хотите рѣзать что ли?“ На это раздались крики: „что ты не доволенъ тѣмъ, что мы дѣлаемъ поминки по твоему отцу?“ Пытались уговорить мятежниковъ и находившіеся въ комнатѣ абхазцы; они вышли на балконъ и, ударяя себя по лицу, объявили, что Георгій убитъ; на это изъ толпы отвѣтили: „это небольшая бѣда, вѣдь убитъ же его отецъ!“ Однако большая часть толпы при этомъ извѣстіи отхлынула назадъ и стрѣльба на нѣкоторое время прекратилась. Казалось, что мятежники образумились; но въ это самое время начали подходить партіи преслѣдовавшія казаковъ; во главѣ толпы шли два брата убитаго казаками Алхаза Маргани; они требовали мщенія за кровь убитаго; отхлынувшіе мятежники присоединились къ новому призыву, вбѣжали на балконъ и, остановившись передъ дверьми, стали кричать: „Георгій! выходи, а то убьемъ“ [1]).

Всѣ находившіеся въ домѣ потеряли присутствіе духа.

[1]) Тамъ же.

Спустя нѣкоторое время изъ комнаты вышли князья Георгій и Александръ, Череповъ, Суриновичъ; оба послѣдніе были немедленно убиты, а князей соуксиицы отвели въ сторону. Въ комнатѣ оставались Коньяръ, Измайловъ, казачій офицеръ, писарь и переводчикъ Ермоловъ. Коньяръ скрылся въ каминѣ и Ермоловъ, закрывъ его собою, сталъ просить трехъ братьевъ Маргани спасти полковника, говоря, что за это будетъ выдана большая награда. Маргани согласились было на эту просьбу и стали возлѣ камина, но одинъ изъ абхазцевъ, имѣя къ Ермолову месть, выстрѣлилъ въ него; однако пуля прошла мимо и ранила одного изъ Маргани; два другихъ брата вынесли раненаго. Въ каминъ было сдѣлано два выстрѣла, и раненый въ ногу Коньяръ упалъ на полъ, гдѣ и былъ убитъ.

Послѣ совершенія мятежниками убійствъ въ Лыхнахъ, кн. Александръ съ своими подвластными отправился въ с. Ацы, а Георгій съ приближенными въ м. Беріпшъ, въ домъ Лакербая. Отсюда Георгій послалъ письмо къ кн. Мирскому.

Между тѣмъ мятежники начали собираться въ домѣ Лакербая и объявили Георгію: „ты теперь нашъ владѣтель; куда ты пойдешь, туда и мы; гдѣ ты пропадешь, тамъ и мы". По настоянію толпы Георгій принялъ новую роль. Тотчасъ же было изготовлено владѣтельское знамя. По всѣмъ общинамъ отъ имени Георгія передавали приказаніе итти на Сухумъ; агитаторы пользовались именемъ владѣтеля для соединенія въ общую организацію. Дѣйствительно, 27-го іюля громадныя партіи явились передъ Сухумомъ, ночью произвели нападеніе на городъ, предали огню постройки и грабили жителей предмѣстья. 29-го числа къ Сухуму прибыли кн. Георгій и Александръ; первый былъ встрѣченъ, какъ владѣтель; его окружали почетные старшины и избранный народомъ совѣтъ изъ четырехъ лицъ. Толпа стала пѣть Георгію пѣсню, въ которой восхвалялись дѣятели лыхнской катастрофы, заключивъ ее купле-

томъ: „когда въ тебѣ, князь Георгій, было четыре четверти, то русскіе убили твоего отца; теперь же, когда ты достигъ пяти четвертей, тебѣ удалось отомстить русскимъ за твоего отца". Георгій, возмущенный этимъ, отвѣчалъ: „отецъ мой никогда не былъ убитъ русскими, а вы, омывъ руки кровью невинныхъ моихъ гостей, хотите сдѣлать меня виновникомъ всего этого". Разсерженный и взволнованный Георгій уѣхалъ отъ окружавшей его толпы [1]).

Съ разсвѣтомъ 30-го іюля абхазцы приготовились къ штурму Сухума. Кн. Георгій сѣлъ на коня и хотѣлъ лично руководить атакой и когда Александръ началъ отговаривать его отъ этого, Георгій сказалъ: „меня поставили въ такое положеніе, что я не могу явиться передъ русскими, которые меня вскормили и воспитали; предпочитаю себѣ смерть." Впрочемъ, Александръ все-таки не допустилъ Георгія стать во главѣ штурмующихъ.

Нападеніе на Сухумъ окончилось неудачей: абхазцы всюду были отражены войсками. Мятежники предполагали возобновить нападеніе по прибытіи подкрѣпленій изъ Цебельды, но распространились слухи, что на помощь сухумскому гарнизону двигаются новыя войска, и партіи отступили за рѣку Гумисту, откуда послали депутатовъ къ Святополкъ-Мирскому съ изъявленіемъ покорности [2]).

Первое извѣстіе о вспыхнувшемъ мятежѣ Великій князь получилъ 27-го іюля, по возвращеніи вмѣстѣ съ Святополкъ-Мирскимъ изъ поѣздки по Кутаисской губерніи. Для принятія ближайшихъ мѣръ Мирскій тотчасъ же былъ командированъ въ Сухумъ, и одновременно съ нимъ Великій князь направилъ туда форсированнымъ маршемъ отрядъ войскъ. Между тѣмъ и Мирскій по пути къ Сухуму сдѣлалъ распоряженіе о движеніи войскъ и о сборѣ мингрельской и гурійской милицій.

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же.

3-го августа Мирскій вызвалъ въ Сухумъ старшинъ деревень, жители которыхъ принимали болѣе или менѣе явное участіе въ нападеніи на городъ; имъ было объявлено, что за поднятіе оружія противъ русскихъ, должно послѣдовать строгое наказаніе—военными дѣйствіями, если народъ окажетъ малѣйшее сопротивленіе; административнымъ или судебнымъ порядкомъ—если онъ выкажетъ послушаніе. Старшины отвѣчали, что, дѣйствительно, нѣкоторые абхазцы, увлеченные примѣромъ бзыбцевъ, принимали участіе въ нападеніяхъ на Сухумъ, но что все народонаселеніе изъявляетъ полную покорность и готово принять всякое наказаніе, которое будетъ опредѣлено властями. Тогда старшинамъ было приказано доставить въ Сухумъ всѣ ограбленныя вещи, не встрѣчаться съ войсками съ оружіемъ.

Предстояло опредѣлить наказаніе виновнымъ жителямъ и упрочить спокойствіе края на будущее время. Для достиженія этихъ цѣлей можно было примѣнить два способа: открыть по мѣрѣ приближенія войскъ военныя дѣйствія или сосредоточить сначала достаточныя силы для принужденія абхазцевъ безъ кровопролитія исполнить всѣ предъявленныя требованія и только въ случаѣ сопротивленія наказать ослушниковъ. Первый способъ соотвѣтствовалъ естественному желанію скорѣе наказать ослушниковъ, но онъ представлялся крайне рискованнымъ и ненадежнымъ. Дѣйствительно, мѣстность въ Абхазіи осенью представляетъ величайшія затрудненія для военныхъ дѣйствій; тѣмъ болѣе еще, что при недостаткѣ силъ малѣйшая неудача, преувеличенная народной молвой, не только возвысила бы духъ мятежниковъ, но могла поощрить къ возстанію всю Абхазію. Великій князь одобрилъ второй способъ, требовавшій нѣкоторой выдержки и осторожности, и лучшею мѣрою наказанія призналъ поголовное обезоруженіе населенія. Такая мѣра, никогда до того не примѣнявшаяся на Кавказѣ, могла вызвать не мало препятствій, такъ какъ для

успѣшнаго ея выполненія необходимо было выказать достаточно силы для убѣжденія горцевъ въ невозможности сопротивляться, но вмѣстѣ съ тѣмъ могла нравственнымъ вліяніемъ возбудить ихъ довѣріе и удержать отъ отчаяннаго рѣшенія бросить свои жилища и удалиться въ горныя трущобы. На этомъ основаніи остановились на рѣшеніи приступить къ обезоруженію постепенно [1]).

На позицію къ р. Гумистѣ 14-го августа сосредоточился отрядъ изъ трехъ родовъ оружія. 16-го числа въ Гудауты прибылъ Святополкъ-Мирскій и вызвалъ старшинъ деревень Бзыбскаго округа; имъ представленъ былъ выборъ между полною покорностью или безпощадной, истребительной войной. Старшины заявили, что жители сопротивляться не намѣрены и готовы исполнить всѣ приказанія. Тогда Мирскій потребовалъ немедленно выдать зачинщиковъ, хотя такое требованіе онъ самъ признавалъ неосуществимымъ, но способствующимъ главной цѣли—обезоруженію жителей. „Зная общественное устройство и образъ жизни абхазцевъ,—доносилъ Мирскій,—ихъ нравственное и матеріальное разъединеніе, отсутствіе всякой между ними власти и послушанія, мнѣ не трудно было предвидѣть, что жители Бзыбскаго округа не будутъ въ состояніи выдать главныхъ виновныхъ и ждалъ только сознанія ихъ въ этомъ, чтобы объявить приказаніе о выдачѣ оружія". Разсчетъ былъ вѣренъ, и старшины признались, что нѣтъ никакой возможности при общей виновности населенія отыскать главныхъ зачинщиковъ; тогда отъ нихъ потребовали сдать оружіе. Несмотря на то, что старшины отвѣчали полнымъ согласіемъ, ясно было замѣтно, что вѣрный успѣхъ этой мѣры могъ быть обезпеченъ при еще большемъ сосредоточеніи войскъ. Мирскій отдалъ распоряженіе войскамъ стать тѣснѣе.

[1]) Тамъ же. Рапортъ кн. Святополкъ-Мирскаго Великому князю отъ 13 сентября 1866 г., № 1583.

Въ теченіе десяти дней съ 21-го августа община Соукъ-су, а за ней и другія начали выдавать оружіе; послѣ того войска были передвинуты къ Цебельдѣ, и въ то же время приступлено къ обезоруженію Сухумскаго округа до р. Кодора. Къ 5-му сентябрю это было исполнено жителями безъ всякаго сопротивленія [1]).

Принятыя Мирскимъ первыя распоряженія объ обезоруженіи жителей Великій князь считалъ очень важнымъ успѣхомъ, вѣрнѣйшей гарантіей для сохраненія общественнаго спокойствія; вмѣстѣ съ тѣмъ не признавалъ нужнымъ распространить эту мѣру на все населеніе Сухумскаго отдѣла, а лишь къ жителямъ Бзыбскаго округа, къ которымъ обезоруженіе примѣнялось не изъ-за политической предосторожности, но какъ видъ наказанія. „Я нахожу,—говорилось въ предписаніи Великаго князя Мирскому,—что сравненіе въ настоящемъ случаѣ съ населеніемъ, виновнымъ въ возмущеніи, тѣхъ жителей, которые не приняли въ немъ участія, а тѣмъ болѣе тѣхъ, кои употребили оружіе не противъ, а для защиты правительственныхъ интересовъ, могло бы быть перетолковано какъ доказательство того, что правительство не цѣнитъ оказываемыхъ ему заслугъ и преданности и поступаетъ одинаково стѣснительно съ людьми вѣрными, какъ съ людьми ему враждебными; а равно могло бы всѣми остальными горскими населеніями на Кавказѣ быть сочтено знакомъ принятаго правительствомъ рѣшенія подвергнуть ихъ всѣхъ обезоруженію и послужить поводомъ, если не къ общему возстанію, то къ серьезнымъ частнымъ безпорядкамъ въ различныхъ частяхъ края; а потому я признаю необходимымъ примѣнить мѣру обезоруженія во всей строгости въ Абхазіи только въ отношеніи жителей Бзыбскаго и той части Сухумскаго округа, которая участвовала въ возмущеніи. Въ Цебельдѣ не отбирать оружія отъ жителей Дала и отъ тѣхъ

[1]) Тамъ же.

цебельдинскихъ семействъ, члены которыхъ были въ составѣ милиціи, собранной княземъ Хирпсомъ Маргани, и сохранившихъ вѣрность правительству" [1]).

Великій князь предоставилъ Мирскому назначить срокъ для предъявленія оружія, которое могло быть скрыто населеніемъ. Выдача оружія въ теченіе этого срока избавляла владѣльцевъ отъ наказанія; обнаруженіе же хотя бы одного ружья послѣ назначеннаго срока подвергало всѣхъ членовъ семейства высылкѣ въ Россію. Чтобы гарантировать полную выдачу оружія, предписывалось въ каждой общинѣ назначить особыхъ отвѣтственныхъ старшинъ.

Независимо отъ отобранія оружія подвергались наказанію тѣ лица, которыя по разслѣдованію оказались бы наиболѣе виновными въ безпорядкѣ. Съ цѣлью всесторонняго выясненія степени виновности въ мятежѣ населенія назначена особая слѣдственная комиссія, которая должна была заняться разслѣдованіемъ самого факта возмущенія и фактическаго проявленія преступности участвовавшихъ лицъ, касаясь только ближайшихъ причинъ возстанія. Но для соображенія будущей правительственной дѣятельности въ Сухумскомъ отдѣлѣ важно было выяснить также, кромѣ частныхъ поводовъ, еще и другія причины мятежа, лежавшія въ самомъ существѣ отношеній, въ которыя было поставлено абхазское населеніе со времени введенія непосредственнаго русскаго управленія; потому, независимо отъ слѣдственной комиссіи, назначена была еще особая, на обязанность которой возлагалось выяснить характеръ и смыслъ возстанія и всю совокупность причинъ. Въ частности задача этой послѣдней комиссіи заключалась: въ изслѣдованіи свойствъ общественнаго управленія въ Абхазіи, сословныхъ отношеній, несоотвѣтствія ихъ съ тѣми началами, на которыхъ основывалась система

[1]) Тамъ же. Предписаніе Великаго князя кутаисскому генералъ-губернатору кн. Святополкъ-Мирскому отъ 6 сентября 1866 г., № 4123.

правительственной администраціи, о недовольствѣ нѣкоторыхъ сословій, вслѣдствіе потери прежнихъ правъ, выясненіе случайныхъ причинъ, напримѣръ, происковъ какой либо партіи или отдѣльныхъ личностей, частныхъ ошибокъ административныхъ лицъ, неблагопріятныхъ слуховъ о видахъ и намѣреніяхъ правительства и пр. [1]). Собственно говоря, обѣ комиссіи имѣли предметовъ своихъ занятій одно и тоже дѣло, но конечныя цѣли ихъ были различны: одна, на основаніи фактическихъ матеріаловъ, выясняла дѣло юридически, другая, руководствуясь также фактами, всесторонне обсудивъ ихъ, подвергала ихъ критическому разбору, выводила заключенія о сущности побужденій населенія къ мятежу. Предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи Великій князь назначилъ капитанъ-лейтенанта Корганова, а особой комиссіи—генеральнаго штаба подполковника Павлова [2]).

Непосредственныя распоряженія для окончательнаго и прочнаго установленія порядка въ Абхазіи кн. Мирскій возложилъ на вновь назначеннаго начальника Сухумскаго отдѣла ген. Толстого. Мѣра обезоруженія населенія могла принести дѣйствительную пользу только въ такомъ случаѣ, если бы она была соблюдена въ точности, безъ всякаго послабленія. Съ другой стороны, послѣ запрещенія носить оружіе въ краѣ, гдѣ такъ недавно происходили военныя событія, завершившія многолѣтнюю кавказскую войну, возлагало на администрацію обязанность хорошаго управленія и правосудія. Только соотвѣтствующее съ нуждами народа сельское управленіе могло послужить лучшимъ средствомъ для спокойствія въ краѣ; твердое же, но вмѣстѣ съ тѣмъ ласковое обращеніе съ абхазцами должно было убѣдить ихъ, что цѣли правительства направлены къ улучшенію ихъ экономическаго благосостоянія[3]).

[1]) Тамъ же.

[2]) Впослѣдствіи начальника штаба кавказскаго военнаго округа.

[3]) Тамъ же. Предписаніе кн. Святополкъ-Мирскаго начальнику Сухумскаго военнаго отдѣла отъ 9 сентября 1866 г., № 257.

Обратимся къ причинамъ возстанія по даннымъ, выясненнымъ обѣими комиссіями и общаго руководителя ихъ кн. Святополкъ-Мирскаго.

При поступленіи въ 1864 году въ непосредственное русское управленіе Абхазія находилась въ положеніи большого неустройства; это произошло не вслѣдствіе ошибочности принятой системы административной дѣятельности, не по винѣ бывшаго владѣтеля, а по географическому положенію и вѣковымъ историческимъ причинамъ, вліявшимъ на эту страну. Абхазцы не безъ нѣкотораго опасенія и недовѣрія, однако спокойно и безропотно, приняли порядокъ управленія: они надѣялись отдохнуть и устроиться послѣ долгихъ бѣдствій и неурядицъ. Примѣръ Цебельды, пользовавшейся подъ русскимъ управленіемъ сравнительнымъ спокойствіемъ и порядкомъ, дѣйствовалъ на абхазцевъ успокоительно.

Первыми правительственными мѣропріятіями въ Абхазіи было учрежденіе окружныхъ судовъ, составленныхъ по народному обычаю изъ лицъ разныхъ сословій, отмѣна всѣхъ мелкихъ пошлинъ и штрафовъ, запрещеніе кровомщенія и строгое наказаніе за воровство. Послѣдствія такихъ распоряженій не замедлили обнаружиться самымъ благопріятнымъ образомъ: въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не случилось ни одного происшествія нарушавшаго общественное спокойствіе; воровство прекратилось и къ концу 1864 года Абхазія, по словамъ кн. Мирскаго, сдѣлалась чуть не самой спокойной страной на Кавказѣ. Доказательствомъ этому служило то, что изъ края безъ всякаго сопротивленія и волненія насильственно былъ удаленъ кн. Михаилъ Шервашидзе; окружные начальники безъ всякаго затрудненія начали собирать самыя точныя статистическія свѣдѣнія.

Съ окончательнымъ покореніемъ Кавказа представилась новая и трудная задача—упрочить это покореніе, утвердивъ управленіе во всемъ краѣ на прочныхъ основаніяхъ, независѣв-

шихъ отъ случайностей. Стремленіе правительства для достиженія этой цѣли вызвало цѣлый рядъ соображеній и мѣръ, затрагивавшихъ самые сокровенные интересы горцевъ и возбуждавшихъ ихъ неудовольствіе, иногда же болѣе или менѣе открытое сопротивленіе. Соображенія и мѣры несомнѣнно должны были касаться и Абхазіи, которая по близости и вѣковымъ отношеніямъ своимъ къ Турціи заключала легко воспламенявшійся матеріалъ. Управленіе Абхазіей было поручено генералу Шатилову, командовавшему тамъ войсками въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ предшествовавшихъ покоренію Кавказа. Отношенія, въ которыя онъ былъ поставленъ во время автономіи страны къ населенію, не могли прекратиться сразу, потому Шатиловъ попрежнему старался ладить съ абхазцами, въ особенности съ привилегированными сословіями, вліяніемъ которыхъ онъ надѣялся сохранить спокойствіе въ краѣ, что ему и удалось. Такая система дѣйствій не была одобрена и Шатиловъ былъ отозванъ; вмѣсто него въ Абхазію назначили полковника Коньяра [1]).

Еще до смѣны Шатилова въ Абхазію была послана комиссія генерала Понсэ для приведенія въ извѣстность имѣній бывшаго владѣтеля. Дѣйствія этой комиссіи, затрогивая вопросы сословной и поземельной собственности, были первой причиной неудовольствія и волненій народонаселенія.

Съ назначеніемъ Коньяра обнаружилось новое направленіе, клонящееся къ уничтоженію или по крайней мѣрѣ ослабленію значенія и вліянія высшаго сословія и къ достиженію по мѣрѣ возможности удаленія большаго числа его членовъ въ Турцію. Привилегированные классы, конечно, не могли не понять этого направленія, что естественно возбудило въ нихъ безпокойство за свою будущность и желаніе избѣгнуть опасности. Многіе изъ нихъ готовы были удалиться въ Турцію,

[1]) Тамъ же. Рапортъ кн. Святополкъ-Мирскаго Великому князю отъ 13 октября 1866 г., № 4647.

но ихъ удерживало запрещеніе брать съ собою подвластныхъ.

Къ такимъ причинамъ неудовольствія присоединился вопросъ религіозный и взаимная вражда между членами Шервашидзевскаго дома, недовольныхъ, при томъ, неопредѣленностью своего положенія въ имущественномъ отношеніи и нуждающихся въ средствахъ къ существованію. Вопросъ религіозный, самый щекотливый, представлялъ администраціи не мало затрудненій: и въ интересахъ религіи, и въ политическомъ смыслѣ поддерживать распространеніе христіанства являлось государственною задачею. „Между тѣмъ,—какъ сообщалъ князь Святополкъ-Мирскій,—по недостатку у насъ нравственныхъ элементовъ для такой дѣятельности, всѣ наши попытки въ этомъ дѣлѣ имѣютъ какой то характеръ недостойный такой высокой и священной цѣли и поэтому вмѣсто успѣха возбуждаютъ часто лишь справедливыя нареканія и ненависть. Въ Абхазіи по этому вопросу случилось и существуетъ тоже, что и вездѣ". Ошибкой было также и замедленіе въ опредѣленіи имущественныхъ правъ членовъ владѣтельнаго дома, а также замедленіе въ утвержденіи штатовъ Сухумскаго отдѣла.

При такихъ обстоятельствахъ, скоро послѣ торжественныхъ похоронъ владѣтеля, которые пробудили народныя страсти и воспоминанія и послужили поводомъ къ крайнему раздраженію вражды между членами Шервашидзевскаго дома, въ 1866 году было приступлено въ Абхазіи къ собиранію статистическихъ данныхъ, необходимыхъ для разрѣшенія крестьянскаго вопроса.

Высшее сословіе воспользовалось неудачной редакціей одного пункта инструкціи, данной чиновникамъ для собиранія свѣдѣній, чтобы взволновать многочисленный классъ подвластныхъ, поясняя имъ предположенный выкупъ повинностей безъ опредѣленія поземельныхъ отношеній какъ величайшее для нихъ бѣдствіе. Цѣли высшаго сословія были различны:

одни хотѣли скомпрометировать крестьянъ, чтобы склонить правительство отпустить ихъ въ Турцію; другіе желали только затруднить и замедлить мѣру освобожденія; но и тѣ и другіе предполагали достигнуть своей цѣли посредствомъ безпорядковъ и сопротивленія въ массѣ народонаселенія.

Успѣхъ превзошелъ ихъ ожиданія и намѣренія; увлеченныя обстоятельствами, они сдѣлались главными виновниками мятежа, а сами зависимыя сословія, объ освобожденіи которыхъ заботилось правительство, были введены въ роковое заблужденіе.

Князь Мирскій полагалъ, что, несмотря на скопленіе столькихъ элементовъ неудовольствія, спокойствіе въ Абхазіи и на этотъ разъ не нарушилось бы, если не случайность назначенія для собиранія свѣдѣній въ Бзыбскомъ округѣ чиновника Черепова, ненавистнаго народу по прежнимъ дѣйствіямъ какъ члена комиссіи генерала Понсэ и находившагося въ дурныхъ отношеніяхъ съ окружнымъ начальникомъ. Въ другихъ частяхъ отдѣла собираніе свѣдѣній не встрѣтило сопротивленія, только въ Бзыбскомъ округѣ все фатально соединилось для ужасной, кровавой катастрофы.

Положеніе полковника Коньяра при полученіи извѣстія о безпорядкахъ было весьма затруднительно. Опасаясь придать происшествіямъ слишкомъ большое значеніе, и чтобы не произвести напрасную тревогу, онъ рискнулъ лично явиться для удостовѣренія степени и размѣра возмущенія; однако, именно это обстоятельство не только не оправдало надежду, а, напротивъ, способствовало вспышкѣ мятежа, увеличило его размѣры и значеніе и подвергло опасности жителей и слабый гарнизонъ Сухума [1]).

Такимъ образомъ, общими причинами возмущенія 1866 года въ Абхазіи нужно признать: существовавшіе въ этой странѣ неспокойные элементы и сношенія съ Турціей, какъ

[1]) Тамъ же.

послѣдніе отголоски только что передъ тѣмъ окончившейся Кавказской войны; общее неудовольствіе высшаго сословія, возбужденное правительственными мѣрами, клонящимися систематически противъ интересовъ того сословія; мѣры по религіозному вопросу; взаимная вражда и неопредѣленность положенія послѣ уничтоженія автономіи членовъ владѣтельскаго дома; похороны владѣтеля и пребываніе въ странѣ старшаго его сына; неутвержденіе штатовъ Сухумскаго отдѣла, и какъ результатъ этого—неудовлетворительность средствъ управленія и личнаго его состава; наконецъ, неудачный выборъ чиновника для собиранія свѣдѣній въ Бзыбскомъ округѣ.

Такъ посмотрѣлъ на это и Великій князь. Излагая для доклада государю всѣ обстоятельства возмущенія, Намѣстникъ между прочимъ, писалъ: „Что же касается до причинъ, побудившихъ весь Бзыбскій округъ къ возстанію, то можно почти съ увѣренностью сказать, что онѣ заключались въ ошибкахъ лицъ, пострадавшихъ въ этой катострофѣ. Дѣйствительно, обращеніе съ дворянами и князьями абхазскими было слишкомъ суровое, съ нихъ взыскивали строго за проступки, подлежавшіе прежде разбору и суду бывшаго владѣтеля, а главное, по дѣлу крестьянской реформы мѣстные чиновники позволяли высказывать заранѣе неумѣстныя толкованія по своему личному взгляду на этотъ вопросъ, тогда какъ ихъ задача должна была ограничиться только собираніемъ предварительныхъ свѣдѣній. Что это обстоятельство было главнѣйшею причиною возмущенія убѣждаетъ меня наглядно тотъ фактъ, что въ другихъ округахъ, въ которыхъ окружные начальники дѣйствовали съ большимъ тактомъ, своимъ поведеніемъ не возбуждая подозрѣній и неудовольствій въ средѣ высшаго сословія, все народонаселеніе осталось спокойнымъ и послушнымъ нашей власти“ [1]).

[1]) Тамъ же. Письмо Великаго князя къ военному министру генералъ-адъютанту Милютину отъ 16 августа 1866 года.

Земли, составлявшія Абхазію, Самурзакань и Цебельду, были населены племенами, которыя, несмотря на различіе происхожденія и вѣроисповѣданія, находились въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ относительно образа жизни. Племена эти, по недостатку внутреннихъ путей сообщеній и по удаленіи отъ главнаго административнаго центра, находились подъ весьма слабымъ надзоромъ власти Существовавшія тамъ временныя управленія, частью военныя, какъ напримѣръ въ Абхазіи, а частью гражданскія—въ Цебельдѣ и Самурзакани, при разной степени власти, системѣ дѣйствій не могли имѣть вліянія на развитіе гражданственности въ краѣ.

Абхазцы, самурзаканцы и цебельдинцы руководились почти одними и тѣми же обычаями. Сословныя отношенія, основанныя на преобладаніи аристократіи рожденія и личнаго вліянія, были между ними также одинаковыя. Тѣсная связь между народомъ и князьями составляла отличительную черту внутренняго строя жизни этихъ племенъ. Для непривилегированныхъ сословій, какъ показалъ опытъ въ Цебельдѣ, могло быть отвѣтственно за спокойствіе населенія устройство народнаго суда, дававшаго возможность народу убѣдиться въ его преимуществахъ.

Разрѣшеніе административнаго вопроса въ Абхазіи находилось въ тѣсной связи съ устройствомъ управленія въ Самурзакани и Цебельдѣ, такъ какъ политическія соображенія и бытовыя особенности этихъ частей Кавказа требовали подчиненія ихъ власти, которая непосредственно опиралась бы на военную силу. Успѣхи военно-народной системы въ Кабардѣ, въ Терской и Дагестанской областяхъ указывали на предпочтеніе народнаго управленія [1]).

---

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло 1-го отд. кавказскаго горскаго управленія 1864 г., № 5, ч. 1-я. Докладъ г.-м. Шатилова, представленный при отзывѣ кутаисскаго генералъ-губернатора начальнику главнаго штаба отъ 20 іюня 1864 г., № 787.

Съ устраненіемъ въ 1864 году кн. Шервашидзе отъ управленія Абхазіей хотя и было введено непосредственное русское управленіе, но временныя учрежденія возникли безъ согласованія ихъ съ мѣстными потребностями и организовались спѣшно, подъ вліяніемъ политическихъ соображеній, имѣвшихъ цѣлью какъ можно скорѣе замѣнить автономное управленіе владѣтеля. Потому Великій князь для обсужденія административнаго вопроса и составленія проекта Положенія въ Сухумскомъ отдѣлѣ назначилъ новую комиссію подъ предсѣдательствомъ генералъ-маіора Бартоломея изъ лицъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ [1]).

Опыты управленія самурзаканцами и цебельдинцами могли служить достаточнымъ основаніемъ того главнаго предположенія, что населеніе могло безъ затрудненій хорошо управляться въ большихъ массахъ однимъ лицомъ. Привычка повиноваться одиночной власти была общею для всѣхъ племенъ и обусловливалась общественнымъ ихъ устройствомъ. На этомъ основаніи комиссія проектировала образовать Сухумскій отдѣлъ съ подраздѣленіемъ на округа, которые во всѣхъ отношеніяхъ поручить непосредственному управленію однихъ только окружныхъ начальниковъ, распредѣливъ между ними населеніе такимъ образомъ, чтобы въ каждый отдѣльный округъ дѣйствій вошли бы и отдѣльныя части населенія, привыкшія къ отдѣльнымъ управленіямъ. Въ этомъ отношеніи населеніе края раздѣлялось на абхазцевъ, самурзаканцевъ и цебельдинцевъ; смѣшивать при административномъ дѣленіи эти части значило бы упустить съ одной стороны большія преимущества, а съ другой—дать мѣсто напраснымъ затрудненіямъ. Дѣйствительно, при однихъ и тѣхъ же средствахъ и при одномъ и томъ же числѣ жителей гораздо

[1]) Членами комиссіи назначены: баронъ Остенъ-Сакенъ, н. с. Лабанда, подполковникъ Черкесовъ, полковникъ Рославлевъ, д. с. с. Барановскій, дѣлопроизводитель генеральнаго штаба ш.-к. Шелковниковъ.

легче управлять населеніемъ однороднымъ, чѣмъ смѣшаннымъ, потому комитетъ предположилъ оставить Цебельду и Самурзакань въ управленіи отдѣльныхъ округовъ, а Абхазію раздѣлить на два округа.

Существовавшія въ краѣ судебныя учрежденія: временная военная судная комиссія въ Сухумѣ, городская ратуша, сословные суды—не имѣли никакой связи между собою и съ управленіемъ и вообще не удовлетворяли правильному и успѣшному движенію дѣлъ. При соображеніяхъ о замѣнѣ ихъ другими, болѣе соотвѣтствующими мѣстнымъ требованіямъ учрежденіями, имѣлось въ виду прежде всего, что однообразное судоустройство и судопроизводство по общимъ Судебнымъ Уставамъ не принесло бы одинаковой пользы для жителей. Въ этомъ отношеніи собственно для мѣстнаго населенія комитетомъ допущены существенныя измѣненія, оправдываемыя особенностями быта и исключительнаго положенія туземцевъ отдѣла [1]).

Отступленія отъ общихъ правилъ касались какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго судопроизводства. По дѣламъ гражданскимъ предполагалось оставить народное судопроизводство въ томъ видѣ открытаго словеснаго суда, въ какомъ оно существовало издавна на основаніи народныхъ обычаевъ, хорошо извѣстныхъ каждому туземцу и къ которымъ народъ имѣлъ вѣками врожденную привычку; по уголовнымъ же дѣламъ народное судопроизводство допущено только для нѣкоторыхъ преступленій.

Въ Сухумскомъ отдѣлѣ постоянно проживало съ торговыми или промышленными цѣлями значительное число лицъ нетуземнаго происхожденія; но отдѣльныхъ судовъ для нихъ учреждать не представлялось необходимости; какъ въ денеж-

[1]) Тамъ же. Объяснительная записка къ проекту Положенія объ управленіи Сухумскимъ военнымъ отдѣломъ, представленная Великому князю предсѣдателемъ комиссіи г.-м. Бартоломеемъ отъ 9 марта 1865 г., № 3.

номъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ признавалось полезнымъ имѣть въ отдѣлѣ такое судебное учрежденіе, въ которомъ могли сосредоточится судныя дѣла всякаго рода. На этомъ основаніи комитетъ проектировалъ устроить особые при окружныхъ управленіяхъ словесные суды для туземцевъ и организовать Главный судъ въ Сухумѣ, сосредоточивъ въ этомъ послѣднемъ дѣла уголовныя и гражданскія, предоставивъ ему право всѣ уголовныя дѣла рѣшать на основаніи законовъ имперіи, а таковыя же дѣла туземцевъ—примѣняясь къ народнымъ обычаямъ.

При обсужденіи устройства окружныхъ словесныхъ судовъ имѣлась въ виду необходимость поставить эти народныя учрежденія въ правильныя соотношенія съ управленіемъ, опредѣлить форму и кругъ ихъ дѣйствій, устранить въ нихъ перевѣсъ вліятельныхъ лицъ, обусловливаемый общественнымъ устройствомъ населенія и ограничить при судопроизводствѣ примѣненіе обычаевъ, противорѣчащихъ кореннымъ законамъ имперіи. При обсужденіи устройства Главнаго суда принято во вниманіе, чтобы ему придать значеніе гражданскаго суда, а не военно-уголовнаго. Предоставивъ Главному военному суду долю участія въ дѣлахъ рѣшаемыхъ по народному обычаю, комитетъ имѣлъ въ виду не только особенную потребность высшей инстанціи, но руководствовался и тою основною мыслью, что если уже являлась необходимость оставить туземцамъ ихъ народный судъ, то не иначе какъ подъ непремѣннымъ, требуемомъ государственными соображеніями, условіемъ, чтобы основанія эти и самая форма путемъ постепенныхъ измѣненій въ будущемъ направлялись бы къ общегосударственному судопроизводству.

Такой успѣхъ можно было ожидать еще и потому, что въ Сухумскомъ отдѣлѣ пропаганда мусульманства, благодаря безразличію и равнодушію населенія къ религіознымъ воззрѣніямъ, ограничивалась исполненіемъ обрядовой стороны ис-

лама. Чтобы и въ дальнѣйшемъ не поддерживать въ населеніи политически вредныхъ убѣжденій, въ судопроизводствѣ безусловно были отстранены правила шаріатскаго разбирательства и участіе въ нихъ мусульманскаго духовенства. Впрочемъ, это естественно основывалось на нѣкоторыхъ народныхъ учрежденіяхъ, въ которыхъ адатное начало всегда имѣло перевѣсъ надъ шаріатомъ. При всемъ томъ адатъ, какъ всякій вообще обычай, съ теченіемъ времени, вслѣдствіе развитія гражданственности, могъ подвергнуться желательнымъ для правительства измѣненіямъ [1]).

По ходатайству Великаго князя были упразднены: управленіе командующаго войсками въ Абхазіи, гражданская канцелярія его въ городѣ Сухумѣ, Сухумская городская ратуша, Сухумское комендантское управленіе, а также приставскія управленія въ Цебельдѣ и Самурзакани. Затѣмъ, изъ Абхазіи, Самурзакани и Цебельды образованъ особый Сухумскій отдѣлъ.

По новому штату, утвержденному 11-го августа 1866 года, управленіе краемъ поручено особому начальнику, при которомъ опредѣлены два чиновника для особыхъ порученій и канцелярія. По всѣмъ частямъ управленія начальникъ отдѣла подчиненъ кутаисскому генералъ-губернатору. Въ административномъ отношеніи Сухумскій отдѣлъ раздѣленъ: на управленіе городомъ Сухумомъ и четыре округа: Цебельдинскій, Пицундскій, Драндскій, Окумскій. Для завѣдыванія городомъ Сухумомъ назначенъ городничій и при немъ полицейское управленіе. Округа ввѣрены окружнымъ начальникамъ; въ составъ сельскаго управленія назначался старшина, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и сборщикомъ податей.

Для отправленія правосудія учреждены въ округахъ словесные суды, а въ Сухумѣ — Главный судъ; въ селеніяхъ нез-

[1]) Тамъ же.

начительные споры между туземнымъ населеніемъ подлежали разбору третейскихъ судовъ.

Въ словесномъ судѣ, кромѣ предсѣдателя—окружнаго начальника, засѣдали четыре выборныхъ депутата: одинъ изъ высшаго сословія и трое изъ низшаго сословія. Въ Сухумскомъ Главномъ судѣ предсѣдатель и два члена назначались отъ правительства, и только когда разсматривались дѣла, переданныя изъ словесныхъ судовъ, въ рѣшеніи принимали участіе восемь выборныхъ лицъ отъ населенія—по два отъ каждаго округа: одинъ изъ высшаго, другой изъ низшаго сословій. Для содержанія всѣхъ управленій Сухумскаго отдѣла и земской стражи изъ пяти урядниковъ и 20-ти стражниковъ по штату назначено 60300 рублей [1]).

Начальнику Сухумскаго отдѣла по внутреннему управленію и по судебной части предоставлены права военныхъ губернаторовъ Закавказскаго края. Сухумскій городничій и сухумское полицейское управленіе поставлены къ начальнику отдѣла въ тѣ же отношенія, въ какихъ состояла городская полиція въ губернскихъ городахъ Закавказья къ губернскому начальству. Къ предметамъ вѣдомства сухумскаго полицейскаго управленія отнесены такіе же вопросы, которые рѣшались въ уѣздныхъ полицейскихъ управленіяхъ Тифлисской губерніи. Начальнику округа по внутреннему управленію предоставлены права уѣздныхъ начальниковъ; по судебной части—право взысканія въ безспорныхъ обязательствахъ и договорахъ всякаго рода и на всякую сумму и право окончательнаго рѣшенія спорныхъ дѣлъ лицъ нетуземнаго происхожденія до 100 рублей; разборъ же споровъ свыше этой сум-

[1]) Положеніе объ управленіи Сухумскимъ отдѣломъ 11 августа 1866 года; объявлено въ приказѣ военнаго министра отъ 24 августа за № 248 и въ приказѣ по Кавказскому округу отъ 28 октября за № 106.

мы происходилъ въ Главномъ судѣ. Всѣ спорныя дѣла, касающіяся туземцевъ, безъ ограниченія суммы, передавались на разсмотрѣніе окружнаго словеснаго суда.

Самый порядокъ судопроизводства въ Сухумскомъ отдѣлѣ устанавливался на основаніи особыхъ временныхъ правилъ, по которымъ вся судебная часть сосредоточивалась въ окружныхъ словесныхъ судахъ и въ Главномъ судѣ.

Вѣдомству словеснаго суда отнесны: 1) дѣла туземцевъ округа между собою по искамъ и тяжбамъ всякаго рода, а также по тѣмъ преступленіямъ и проступкамъ, которые подлежали непосредственно полицейской расправѣ; 2) дѣла исковыя и тяжебныя по претензіямъ къ туземцамъ лицъ нетуземнаго происхожденія, въ случаѣ обоюднаго согласія тяжущихся сторонъ искать правосудія въ словесномъ судѣ; 3) дѣла лицъ туземнаго происхожденія по увозу женщинъ, убійствамъ и пораненіямъ въ ссорахъ и дракахъ, по мошенничеству и кражѣ, совершенныхъ какъ въ первый, такъ и второй разъ безъ ограниченія цѣны иска. За убійства въ ссорахъ и дракахъ виновные, независимо отъ взноса въ пользу родственниковъ убитаго опредѣленной, одинаковой для всѣхъ сословій, платы, подлежали административной высылкѣ изъ предѣловъ отдѣла. За первое воровство опредѣлено возвращеніе украденнаго и взысканіе денежнаго штрафа въ особую штрафную сумму; за воровство во второй разъ, смотря по сопровождавшимъ преступленіе обстоятельствамъ, и независимо отъ возвращенія украденнаго, виновные присуждались къ денежному взысканію или къ заключенію подъ стражу на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ.

Всѣ дѣла въ словесныхъ судахъ опредѣлено рѣшать большинствомъ голосовъ; рѣшенія вступали въ окончательную силу только по утвержденію ихъ предсѣдателемъ суда. Въ случаѣ несогласія предсѣдателя съ мнѣніемъ большинства членовъ дѣло подлежало разбору Главнаго суда.

Постановленія окружнаго суда считались окончательными и приводились въ исполненіе безотлагательно по тяжебнымъ и спорнымъ дѣламъ на сумму до 300 рублей и дѣламъ и преступленіямъ туземцевъ между собою [1]).

Вѣдомству Сухумскаго Главнаго суда отнесены: всѣ гражданскія и уголовныя дѣла лицъ туземнаго происхожденія, гражданскіе иски ихъ къ туземцамъ; дѣла по преступленіямъ туземцевъ противъ лицъ нетуземнаго происхожденія; дѣла туземцевъ между собою въ случаѣ если тяжущіеся принадлежали къ населенію двухъ различныхъ округовъ; всѣ дѣла туземцевъ по преступленіямъ, которыя не подлежали разбирательству словесныхъ судовъ; дѣла, переносимыя изъ этихъ судовъ по апелляціоннымъ жалобамъ или окружными начальниками; наконецъ, на обязанность Главнаго суда возложено совершеніе всякаго рода крѣпостныхъ и свидѣтельствованіе явочныхъ актовъ безъ ограниченія суммы.

Всѣ дѣла въ словесныхъ судахъ подлежали рѣшенію на основаніи народныхъ обычаевъ; въ Главномъ судѣ—на основаніи общихъ законовъ и принимая въ соображеніе народные обычаи, при чемъ дѣла рѣшались предсѣдателемъ и членами суда отъ правительства; депутаты же, призываемые только для рѣшенія дѣлъ туземцевъ въ случаяхъ разбирательства по обычаямъ, имѣли только совѣщательный голосъ и своими мнѣніями содѣйствовали разъясненію дѣла передъ судомъ и объясняли существовавшіе обычаи. Всѣ безъ исключенія исковыя и тяжебныя дѣла туземцевъ Главный судъ рѣшалъ окончательно, а постановленія свои приводилъ въ исполненіе безотлагательно. Въ рѣшеніяхъ же гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ лицъ нетуземнаго происхожденія Главному суду предоставлялись права кутаисскаго губернскаго суда. Приго-

[1]) Тамъ же.

воры Главнаго суда по уголовнымъ дѣламъ вообще утверждались начальникомъ отдѣла [1]).

Такое административное устройство Сухумскаго отдѣла просуществовало всего лишь одинъ годъ.

Переселеніе въ 1867 году большей части цебельдинцевъ въ Турцію и предположеніе о заселеніи Цебельды вызывали новое административное дѣленіе отдѣла. Соласно проекта, представленнаго генералъ-маіоромъ Гейманомъ въ 1868 году, Сухумскій отдѣлъ раздѣленъ на два округа: Пицундскій и Очемчирскій, при чемъ Самурзакань съ частью Абхазіи до р. Кодора вошла въ составъ послѣдняго округа. Каждый изъ округовъ раздѣленъ на два участка; Пицундскій—на Гудаутскій отъ Гагръ до р. Псырсты и Гумистинскій отъ р. Псырсты до р. Кодора; а Очемчирскій: на Кодорскій отъ р. Кодора до р. Гализги и Самурзаканскій отъ р. Гализги до р. Ингура. Для веденія письменныхъ дѣлъ каждому окружному начальнику назначенъ дѣлопроизводитель. Для надзора за устройствомъ поселеній въ Цебельдѣ было учреждено особое попечительство, а для правильнаго сбора доходовъ съ имѣній бывшаго владѣтеля Абхазіи учреждена должность завѣдывающаго оброчными статьями.

Подобнымъ переформированіемъ отдѣла предполагалось достигнуть нѣкоторыхъ выгодъ по управленію: окружные начальники, имѣя по одному помощнику въ каждомъ участкѣ, могли посвятить болѣе времени распорядительной части, обратить больше вниманія на дѣйствія окружныхъ судовъ и на полицейскій надзоръ. На необходимость усиленія такого надзора указывали особенности расположенія абхазскихъ селеній.

---

[1]) Тамъ же. Временныя правила объ устройствѣ судебной части въ Сухумскомъ отдѣлѣ.

Въ томъ же году съ разрѣшенія Великаго князя въ отдѣлѣ введены общинныя и сельскія управленія. Всѣ селенія раздѣлены на 41 общину съ общинными и сельскими старшинами и общинными судами. Какъ старшины, такъ и судьи назначались не начальствомъ, а по выбору отъ обществъ. Выборное начало давало возможность участвовать въ общественныхъ дѣлахъ всѣмъ членамъ общины [1]).

---

[1]) Архивъ Окружнаго штаба. Дѣло 1-го отд. кавказскаго горскаго управленія 1872 г., №102. Отчетъ начальника Сухумскаго отдѣла г.-м. Геймана за время съ 1867 по 1872 годъ.

Глава VII.

Крѣпостное право въ Грузіи по уложенію царя Вахтанга VI и послѣ присоединенія страны къ Россіи. Повинности крестьянъ: бегара, денежная, произведеніями земли (*чила* и *кулухчи*), случайныя приношенія. Хизаны въ Грузіи. Стремленіе крестьянъ къ отыскиванію свободы отъ крѣпостной зависимости. Подготовленіе реформы освобожденія крестьянъ въ Грузіи. Дворянскіе комитеты. Закавказскій центральный комитетъ. Предположенія дворянства о примѣненіи реформы. Политическая роль грузинскаго дворянства въ крестьянскомъ дѣлѣ. Указъ 13 октября 1864 года объ освобожденіи крестьянъ въ Грузіи. Главныя основанія реформы. Утвержденныя Великимъ княземъ Положенія и Правила для крестьянскихъ учрежденій. Мировые посредники и Губернское присутствіе. Обнародованіе крестьянскихъ законоположеній 8 ноября 1864 года. Воззваніе Великаго князя къ сельскимъ обывателямъ. Уставныя грамоты и сельское общественное управленіе. Вознагражденіе грузинскихъ помѣщиковъ за лишеніе личныхъ повинностей. Характеръ крестьянской реформы.

Покончивъ съ задачей умиротворенія Кавказа и устройства управленія горцами, Великій князь занялся внутренними преобразованіями края.

Новыя потребности времени выдвигали на очередь вопросы первостепенной важности: о примѣнительности и на Кавказѣ дарованныхъ Россіи императоромъ Александромъ II реформъ—крестьянской, судебной и административной.

Въ частяхъ кавказскаго намѣстничества всѣ эти реформы выразились въ видѣ примѣненія общихъ Положеній, изданныхъ для внутреннихъ губерній, при чемъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости признано было нужнымъ примѣнить въ краѣ постепенно. Это вызывалось крайнимъ разнообразіемъ самого крѣпостнаго права въ разнородныхъ частяхъ и разноплеменномъ населеніи Кавказа.

Крѣпостное право въ Грузіи существовало съ древнѣйшихъ временъ.

Постоянная борьба съ окружавшими Грузію разноплеменными и иновѣрными народностями, нашествіе полчищъ Тамерлана, Чингисъ-хана и другихъ восточныхъ завоевателей—держало жителей страны въ постоянномъ напряженіи: они должны были отстаивать свою самобытность, свою религію. Въ такіе опасные періоды исторіи важную роль играли владѣтели, эриставы, атабеги и прочіе правители областей, и вообще защитниками отечества являлись князья и дворяне. Когда цѣлыя области подвергались опустошеніямъ, то, естественно, что слабый прибѣгалъ подъ защиту сильнаго, а этотъ послѣдній давалъ ему пристанище, землю, средства для ея обработки и оберегалъ мирный трудъ земледѣльца отъ всякихъ посягательствъ враговъ. Въ благодарность за это прибѣгнувшій къ покровительству оставался у своего патрона работникомъ, плательщикомъ повинностей.

Именно такъ было положено начало крѣпостной зависимости крестьянъ къ помѣщикамъ.

По уложенію грузинскаго царя Вахтанга VI крѣпостнымъ правомъ пользовались тавады, азнауры и церковь, потому и крестьяне назывались тавадскими, азнаурскими и церковными; кромѣ того существовалъ еще особый классъ крестьянъ, такъ называемые, хизаны—это крестьяне, которые по малоземелью входили съ помѣщиками въ соглашеніе на право пользованія угодьями по добровольно заключенному договору.

Крѣпостное право устанавливалось пожалованіемъ отъ царя или кабалою; крѣпостнымъ дѣлался также всякій взятый во время сраженія въ плѣнъ, незаконорожденный сынъ, несостоятельный должникъ.

Помѣщикъ пользовался надъ своими крѣпостными полною властью. Въ этомъ отношеніи уложеніе Вахтанга VI очень подробно разъясняетъ взаимныя отношенія владѣльцевъ и крестьянъ. Такъ, помѣщикъ могъ пріобрѣтать отъ другихъ и отчуждать отъ себя крестьянъ всякимъ дозволеннымъ за-

комъ способомъ. У царскаго дворянина и царскаго крестьянина никто не имѣлъ права что либо покупать безъ царскаго разрѣшенія; это равнымъ образомъ относилось и до всякаго вообще крестьянина, находившагося въ зависимости у господина. Сдѣлки, совершенныя вопреки этому закону, считались недѣйствительными, а господинъ въ такомъ случаѣ могъ проданное взять себѣ.

Помѣщикъ распоряжался всѣмъ движимымъ и недвижимыхъ имуществомъ крестьянина. Существовало, однако, различіе между крестьяниномъ и человѣкомъ купленнымъ: имѣніемъ послѣдняго помѣщикъ могъ располагать болѣе, чѣмъ имѣніемъ перваго. Было также различіе между имуществомъ крестьянина родовымъ и благопріобрѣтеннымъ, движимымъ и недвижимымъ. Родовое имущество подлежало отчужденію только за долги, благопріобрѣтенное же болѣе принадлежало крестьянину и онъ могъ распоряжаться имъ по своему усмотрѣнію.

Однимъ словомъ, изъ уложенія царя Вахтанга VI видно, что крѣпостное право въ Грузіи примѣнялось въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Однако законъ предусматривалъ случаи, когда крестьянинъ могъ освободиться отъ власти помѣщика. „Когда крестьянинъ свѣдаетъ,—говорится, между прочимъ, въ 259 статьѣ,—что можетъ избавиться отъ своего господина, то на все въ состояніи покуситься". При суровомъ обращеніи помѣщиковъ, обыкновенно, крестьяне переселялись за границу и, пробывъ тамъ шесть лѣтъ, возвращались обратно на родину и уже дѣлались царскими крестьянами. „Мы сіе устанавливаемъ,—поясняетъ законъ,—для того, чтобы никто не отягощалъ своихъ крестьянъ".

Крѣпостное право прекращалось, если крестьянинъ выселялся въ пограничную Тріолетію и пребывалъ тамъ на казенной землѣ 12 лѣтъ, если онъ пребывалъ 30 и болѣе лѣтъ въ какой либо другой области, если господинъ самъ отпус-

калъ своего крестьянина на волю, при этомъ выдавалась особая „отпускная"; наконецъ,допускалось освобожденіе крестьянина отъ зависимости и посредствомъ выкупа [1]).

Приложенный къ законамъ царя Вахтанга сборникъ обычаевъ разъясняетъ и дополняетъ законоположенія о взаимныхъ отношеніяхъ между владѣльцами и крестьянами. Обычаи эти, установленные въ тѣ отдаленныя времена, когда въ Грузіи существовалъ феодальный строй государственной жизни, отличались большимъ разнообразіемъ: различная вода, различный воздухъ, различныя свойства почвы—порождали въ пользованіи ими различныя условія.

Но въ Вахтанговомъ законодательствѣ и приложенныхъ къ нему обычаяхъ, какъ въ источникѣ права, содержатся только юридическія начала крѣпостнаго права и взаимныхъ отношеній двухъ сословій. Очевидно, что если благосостояніе помѣщика зависѣло отъ владѣнія крѣпостнымъ населеніемъ, то устанавливалась естественная связь между нимъ и крестьяниномъ, христіанская религія смягчала эти взаимныя отношенія, а обоюдная польза превращала ихъ въ союзъ нравственный.

По присоединеніи Грузіи къ Россійской имперіи, манифестами императоровъ Павла I и Александра I, за новыми подданными сохранялись всѣ права, преимущества и собственность. Въ приложенныхъ къ манифесту 12 сентября 1801 года Постановленіяхъ для внутренняго управленія въ Грузіи гражданскія дѣла было приказано производить по грузинскимъ обычаямъ и по уложенію царя Вахтанга, какъ по коренному грузинскому закону, и въ случаяхъ неполноты ихъ руководствоваться законами русскими.

Въ первое же время по присоединеніи Грузіи обнаружилось неправильное владѣніе крестьянами, недопускаемое

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1861 г. № 23, связка 3. Записка «О крѣпостномъ правѣ въ Грузіи».

какъ уложеніемъ Вахтанга VI, такъ несогласованное съ общими законами имперіи. Такъ напримѣръ, оказалось, что князья сверхъ дворянъ владѣли лицами духовнаго званія; этими послѣдними владѣли также и нѣкоторые азнауры; церковь владѣла азнаурами, мокалаки владѣли крѣпостными людьми. По представленіямъ главноуправлявшихъ краемъ издавался цѣлый рядъ постановленій, медленно слѣдовавшимъ одно за другимъ, по которымъ разрѣшались вопросы о неправильномъ владѣніи крестьянами. Первымъ по времени былъ законъ 7 іюля 1808 года[1]), по которому совершилось освобожденіе отъ зависимости князей и дворянъ лицъ духовнаго званія. 13-го іюня 1811 года[2]) всѣ вообще церковные дворяне съ ихъ имѣніями и крестьянами отчисленны изъ церковнаго въ казенное вѣдомство. Законъ 2 августа 1832 года воспретилъ жителямъ, не имѣвшимъ правъ потомственнаго дворянства, владѣть крѣпостными людьми, и мокалакамъ былъ предоставленъ 4-хъ-лѣтній срокъ для продажи и увольненія находившихся въ ихъ владѣніи крѣпостныхъ людей. 11 іюля 1833 года[3]) освобождены отъ зависимости княжескіе азнауры; наконецъ, въ 1852 году церковные крестьяне приняты въ казенное вѣдомство.

Вышеуказанныя правительственныя мѣры имѣли цѣлью возстановить неправильное владѣніе крестьянами; но для мѣстной администраціи являлась крайняя необходимость привести въ ясную и положительную извѣстность дѣйствительныя и на практикѣ существовавшія данныя о крѣпостномъ правѣ въ Грузіи. Это было важнымъ главнымъ образомъ потому, что правительство во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ по владѣнію грузинскимъ дворянствомъ крестьянами признавало крѣпостное право. Съ этой цѣлью разновременно предпринимались изысканія, дѣлались даже попытки къ сли-

[1]) Полное Собраніе Законовъ 1808 г., № 23146.
[2]) Тамъ же, 1821 г., № 24696.
[3]) Тамъ же, 1833 г., № 6311.

янію крѣпостнаго права Грузіи съ таковымъ же правомъ дѣйствовавшимъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи.

Вопросъ о крѣпостномъ правѣ въ Грузіи въ первый разъ былъ возбужденъ въ Правительствующемъ Сенатѣ въ сентябрѣ 1820 года, когда министру внутреннихъ дѣлъ предложено было собрать и представить свѣдѣнія: на какомъ основаніи русскіе чиновники въ Грузіи пріобрѣтаютъ дворовыхъ людей изъ грузинъ. Общее собраніе бывшаго Верховнаго грузинскаго правительства, на заключеніе котораго генералъ Ермоловъ передалъ требованіе Сената, въ 1823 году донесло „что въ Грузіи дворовые грузинской націи люди, находясь въ полномъ распоряженіи владѣльцевъ своихъ, могутъ быть ими проданы, заложены и подарены.“ Такое объясненіе, однако, не удовлетворило Сенатъ: въ докладѣ 1826 года по вопросу о занесеніи въ ревизію дворовыхъ людей изъ грузинъ, купленныхъ русскими чиновниками, Государственный Совѣтъ потребовалъ подробныхъ разъясненій. Ермоловъ сослался на общія права русскаго дворянства владѣть крѣпостными людьми, чѣмъ и кончилась эта переписка.

Многочисленныя жалобы крестьянъ, начатыя еще съ 1812 года, отыскивавшихъ свободу отъ крѣпостной зависимости, случаи неповиновенія ихъ помѣщикамъ и сомнѣнія, возбужденныя относительно законности существованія крѣпостнаго права даже въ Грузіи во времена грузинскихъ царей ревизовавшимъ Закавказскій край сенаторомъ барономъ Ганомъ—были причиной, что Совѣтъ Главнаго управленія въ мартѣ 1841 года предположилъ пріостановить дальнѣйшее дѣйствіе этого права въ Грузіи. Главнымъ образомъ на такое рѣшенію Совѣта повліяла поданная Ганомъ военному министру въ 1839 году записка о мѣрахъ, которыя должны были предшествовать введенію въ Закавказскомъ краѣ новой финансовой системы. Между прочимъ въ этой запискѣ Ганъ писалъ: „что въ Грузіи вассальство, истекшее изъ феодализ-

ма, обратилось въ подданство только при послѣднихъ царяхъ". Заключеніе это было сдѣлано лишь по аналогіи происхожденія крѣпостного права вообще, которое раньше было только помѣстное [1]).

Чтобы положить конецъ такой ненормальности, рескриптомъ 30-го апрѣля 1841 года на имя главноуправляющаго въ Грузіи Головина и въ Наказѣ Главному управленію отъ 12-го ноября 1842 года поручено составить проектъ о взаимныхъ отношеніяхъ владѣльцевъ и крестьянъ; а въ 1843 году новому главноуправляющему генералу Нейдгардту предлагалось для отвращенія неблагопріятнаго впечатлѣнія среди населенія изысканія эти не подвергать гласности.

Мѣстные законы, собранные царемъ Вахтангомъ VI, раздѣляются на семь отдѣловъ: 1) законы Вахтанга, заключающіе въ себѣ собраніе обычаевъ, издревле узаконенныхъ въ Грузіи; 2) законы греческіе, извлеченные изъ постановленій Юстиніана, Льва Мудраго и др.; 3) армянскіе; 4) законы Агбуги, атабега (правителя) Ахалцихскаго; 5) Моисеевы изъ Ветхаго завѣта; 6) законы царя Георгія III, постановившаго ихъ для грузинскихъ горскихъ народовъ и введенныхъ впослѣдствіи въ дополненіе къ общимъ грузинскимъ законамъ и 7) законы католикосовы или патріаршіе. Наконецъ, въ особомъ прибавленіи собраны обычаи, введенные при грузинскихъ царяхъ закономъ и приведенные въ извѣстность уже русскимъ правительствомъ.

Весь этотъ сборникъ, подъ общимъ названіемъ „Законовъ царя Вахтанга", русское правительство принимало за одно цѣлое; отдѣлы его подвело подъ одну категорію и примѣняло ихъ къ дѣламъ безъ различія, хотя въ этихъ законахъ по одному и тому же предмету встрѣчались противорѣ-

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1861 г., № 23, связка 3. Журналъ Совѣта Главнаго управленія Закавказскаго края отъ 27, 30 октября, 3, 19 и 27 ноября 1847 года.

чія. Нужно принять во вниманіе, что ко времени изданія Вахтангова сборника (1710 г.) грузинскіе цари старались привлечь къ заселенію пустопорожнихъ земель персидскихъ и турецкихъ выходцевъ изъ христіанъ; что для достиженія успѣха поселенцамъ давались разныя льготы; что имъ сохранялись ихъ законы и обычаи. Всѣ постановленія, касавшіяся этихъ пришлыхъ элементовъ Грузіи, вошли въ Вахтангово уложеніе, и собственно законы не грузинскіе имѣли силу въ мѣстностяхъ населенныхъ этими выходцами. Между тѣмъ, принявъ за одно цѣлое весь сборникъ царя Вахтанга, мѣстная на Кавказѣ власть и правительство было поставлено въ затрудненіе въ примѣненіи узаконеній Вахтанга при рѣшеніи гражданскихъ дѣлъ.

Такой взглядъ на сборникъ царя Вахтанга, какъ на нераздѣльное цѣлое, между прочимъ, привелъ барона Гана къ неправильному заключенію, что въ Грузіи крѣпостное право дѣйствовало только при послѣднихъ царяхъ. Самый же выводъ Ганъ основывалъ на 171 статьѣ законовъ армянскихъ, въ которой сказано: "человѣкъ самъ по себѣ свободенъ, но зависимость его происходитъ по землѣ и водѣ. Кто же не пользуется оными, тотъ воленъ итти куда пожелаетъ. Ни государи, ни князья не въ правѣ удержать его принужденно на одномъ мѣстѣ." Вникая въ смыслъ этой статьи, можно понять, что законъ, охраняя личную свободу человѣка призваннаго изъ чужихъ странъ, не отвергалъ возможности и существованія крѣпостнаго состоянія, такъ какъ въ ней говорится о зависимости человѣка по землѣ, какъ объ условіи стѣсняющемъ его свободу. Съ другой стороны, прочія статьи армянскихъ законовъ подтверждали крѣпостное право, допуская продажу и куплю крестьянъ (ст. 14 и 21), укрѣпленіе кабалою и бракомъ (ст. 32, 33 75 и 76), и право помѣщиковъ отыскивать бѣглыхъ своихъ крестьянъ (ст. 24 и 25)[1].

[1]) Тамъ же.

Собственно въ Грузіи и соплеменной съ ней Имеретіи, Гуріи и Мингреліи дѣйствовали законы и обычаи грузинскіе. По этимъ же законамъ и обычаямъ власть помѣщика слагалась изъ двухъ элементовъ: права собственности на крестьянъ и права собственности на землю. При такомъ дѣйствіи помѣщичьей власти и обязанности крестьянъ раздѣлялись на двѣ части: въ службѣ и повинности своему господину по личной зависимости и въ повинности господину за землю. Строго опредѣленнаго размѣра этихъ повинностей на практикѣ и не могло существовать: отъ крестьянина можно было требовать сообразно его достаткамъ и примѣняясь къ обстоятельствамъ; кромѣ того, съ теченіемъ времени однѣ повинности могли совершенно исчезнуть, другія измѣниться, третьи возникнуть вновь [1]).

Точное опредѣленіе взаимныхъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ и установленіе въ различныхъ мѣстностяхъ размѣра повинностей являлись крайне важною правительственною мѣрою. Это приведено въ исполненіе въ 1841 году, при чемъ главный трудъ былъ выполненъ Дмитріемъ Кипіани. Подробное изученіе Вахтангова законодательства, свѣдѣнія собранныя отъ мѣстныхъ уѣздныхъ начальниковъ и уѣздныхъ судовъ привело къ нижеслѣдующимъ заключеніямъ по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ.

Укрѣпленіе крестьянъ помѣщику совершалось различнымъ образомъ: человѣкъ купленный былъ крѣпче другихъ крестьянъ, какъ вообще все пріобрѣтенное покупкою (ст. 160 законовъ грузинскихъ и ст. 32 законовъ армянскихъ). Переходъ крестьянина отъ одного помѣщика къ другому не дозволялся; помѣщикъ могъ требовать и отыскивать бѣжавшаго слугу или переселившагося крестьянина; однако были

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1863 г., № 25, связка 5. Докладъ Дмитрія Кипіани дворянству Тифлисской губерніи объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ.

случаи, когда переселившійся крестьянинъ поступалъ во владѣніе другого господина или дѣлался свободнымъ (ст. 199, 200, 201 и 202 законовъ грузинскихъ).

Помѣщикъ имѣлъ право взять въ услуженіе къ себѣ кого хотѣлъ изъ семейства крѣпостного, однако же въ томъ только случаѣ, если въ семействѣ оставался другой способный къ труду работникъ. Семья, изъ которой помѣщикъ бралъ въ услуженіе, освобождалась на все время нахожденія у господина работника отъ всѣхъ повинностей. Бывали также примѣры, что помѣщикъ бралъ въ услуженіе цѣлое семейство, но это дѣлалось, когда у крестьянина не имѣлось достаточно земли, а въ такомъ случаѣ вся семья жила на счетъ помѣщика [1]).

Крестьянинъ долженъ былъ нести въ пользу помѣщика разнообразныя повинности: работою, денежную, произведеніями земли и разными случайными приношеніями.

Повинность работою (*бегара*) заключалась въ слѣдующемъ: крестьянинъ для господина пахалъ землю, засѣвалъ поля, убиралъ, свозилъ на гумно и обмолачивалъ хлѣбъ, доставлялъ для хозяйственныхъ нуждъ помѣщика дрова и лѣсъ и вообще помогалъ въ хозяйствѣ.

Почти въ каждомъ имѣніи повинность эта была различна, смотря по средствамъ крестьянина и хозяйства помѣщика, чѣмъ и объясняется, что повинность эта колебалась отъ 10 до 50 дней работы въ годъ каждымъ дымомъ. Произведеніями земли крестьянинъ отбывалъ: *галу* или подать съ посѣвовъ; размѣръ галы составляла большею частью одна кода (90 фунтовъ) съ однодневнаго паханія; *кулухи* или подать съ виноградныхъ садовъ, отъ $^1/_5$ до $^1/_7$ части съ урожая; кромѣ того, каждое семейство крѣпостного должно было давать по-

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1861 г., № 23, связка 3. „Свѣдѣнія объ отношеніяхъ между помѣщиками и ихъ крестьянами въ Грузіи, Имеретіи и Гуріи, собранныя въ 1841 году."

мѣщику опредѣленное количество продуктовъ домашняго хозяйства. Иногда вмѣсто натуральныхъ повинностей съ крестьянъ взималась подать деньгами.

Случайныя приношенія были весьма разнообразны: умиралъ кто нибудь въ семействѣ помѣщика, крестьянинъ приносилъ *самархи;* на свадьбу—*сахорцило;* на Рождество Христово—*сашобо;* на Новый годъ—*саахалцло;* на Пасху—*саагдгомо* и пр. Хотя въ уложеніи царя Вахтанга эти случайныя приношенія и были узаконены, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалось предупрежденіе объ ограниченіи подати сообразно съ достаткомъ крестьянина: „не должно требовать большихъ приношеній съѣстными припасами отъ своихъ крестьянъ, а должно довольствоваться тѣмъ, что сіи послѣдніе могутъ имъ принести. Таковыя приношенія суть излишніе сборы и для того не должно взыскивать ихъ и за малое количество оныхъ наказывать кого либо“[1]).

Излишкомъ хлѣба и другихъ произведеній земли и всѣмъ что было пріобрѣтено собственнымъ трудомъ, крестьяне могли располагать въ свою пользу: покупали, продавали всѣ эти произведенія, не спрашивая позволенія помѣщика.

Безъ согласія же помѣщика крестьянинъ не могъ занимать въ долгъ или отдавать взаймы, въ противномъ случаѣ самому помѣщику разрѣшалось взыскивать съ кредиторовъ крестьянина (ст. 166 законовъ греческихъ).

Помѣщикъ могъ располагать тѣмъ жилищемъ и землею своихъ крестьянъ, которыми эти послѣдніе пользовались издавна по наслѣдству или были у него въ надѣлѣ; другими словами, помѣщикъ во всякое время могъ имущество это отнять отъ одного и передать другому крестьянину. Однако къ такой мѣрѣ помѣщикъ прибѣгалъ только въ крайнемъ случаѣ: когда былъ вынужденъ къ тому порочнымъ поведеніемъ крестьянина или неповиновеніемъ. Подобнаго права помѣ-

[1]) Тамъ же.

щикъ не имѣлъ въ отношеніи благопріобрѣтеннаго крестьяниномъ имущества и это истекало изъ обычаевъ, по которымъ все купленное составляло неотъемлемую собственность купившаго и ни за какіе проступки не могло быть отчуждено.

Крестьяне не могли вступать въ бракъ безъ дозволенія помѣщика, который за такое согласіе получалъ съ жениха извѣстную плату, большею частью *шесть абазовъ* (1 рубль 20 коп.). Женщина свободнаго состоянія, выходя замужъ за помѣщичьяго крестьянина, дѣлалась крѣпостною. Равнымъ образомъ крестьянинъ, женившись на дѣвицѣ, принадлежавшей другому помѣщику, не имѣя разрѣшенія отъ него, дѣлался крѣпостнымъ этого помѣщика (ст. 262 законовъ грузинскихъ). Всѣ вообще вдовы поселянъ были свободны отъ зависимости помѣщиковъ и могли вступить во второй бракъ по своему желанію; но если выходили замужъ, то помѣщикъ имѣлъ право получить вознагражденіе одного быка и одинъ *марчили* (ст. 203 законовъ грузинскихъ). При выходѣ же замужъ крѣпостной дѣвицы за чужихъ крестьянъ помѣщикъ получалъ выводныя деньги, такъ называемое *сачекмо*, отъ 2-хъ до 30-ти рублей [1]).

Переселеніе крестьянъ изъ одного мѣста въ другое совершалось съ дозволенія помѣщика въ слѣдующихъ случаяхъ: если крестьянинъ имѣлъ недостатокъ земли, если помѣщикъ желалъ заселить другую свою деревню и, наконецъ если крестьянинъ желалъ заняться какимъ нибудь другимъ ремесломъ или торговлею. Переселенные такимъ образомъ крестьяне по отбыванію своимъ помѣщикамъ податей и повинностей оставались въ прежнихъ отношеніяхъ, а выбравшіе себѣ въ городахъ ремесла и торговлю платили помѣщику за предоставленное имъ такое право дань или оброкъ, смотря по состоянію. Крестьянинъ, построившій въ городѣ домъ или какое либо промышленное заведеніе, пріобрѣталъ таковые въ потомствен-

[1]) Тамъ же.

ную собственность (ст. 152 законовъ армянскихъ); а помѣщикъ наслѣдовалъ только въ томъ случаѣ, если у крестьянина не оставалось сыновей или ближайшихъ родственниковъ.

Крестьянинъ, вызванный въ походъ противъ непріятеля, не освобождался отъ зависимости помѣщиковъ, а по возвращеніи попрежнему принадлежалъ своему владѣльцу.

Крестьянинъ безъ разрѣшенія своего господина не могъ вступать въ духовное званіе (ст. 161 законовъ грузинскихъ и ст. 199 законовъ армянскихъ).

Крестьяне не могли вступать въ подряды, поставки и вообще денежныя обязательства безъ дозволенія своихъ помѣщиковъ; въ противномъ случаѣ обязательства эти не имѣли силы, и заимодавецъ не получалъ удовлетворенія. Помѣщикъ ни въ какомъ случаѣ не подвергался отвѣтственности за неисполненіе крестьяниномъ его обязательствъ [1]).

Особый разрядъ крестьянъ въ Грузіи составляли такъ называемые *хизаны*, слово въ буквальномъ переводѣ означающее „пріютившійся“. Хизанство въ Грузіи возникло вслѣдствіе недостатка земли. Безземельные крестьяне находили единственное средство устроить свой бытъ, арендуя землю на извѣстныхъ условіяхъ у стороннихъ помѣщиковъ.

Хизанъ, уходя отъ своего владѣльца или изъ казеннаго и церковнаго имѣнія на сторону, долженъ былъ нести повинности, независимо отъ обозначенныхъ въ арендномъ договорѣ за земли фактически принятыя имъ для пользованія, еще и прежнему своему владѣльцу или казенному и церковному вѣдомствамъ, согласно обычаю страны. Хизанство существовало въ Грузіи съ давнихъ временъ и особенно много ихъ было въ Горійскомъ уѣздѣ.

Многіе уподобляютъ хизанство въ Грузіи такъ называемому *половничеству*, существовшему въ Вологодской губерніи; но сходство это только кажущееся, такъ какъ *половники* въ Воло-

[1]) Тамъ же.

тодской губерніи были признаны законодательствомъ имперіи, какъ особый разрядъ сельскихъ обывателей, подъ именемъ *водворенныхъ на земляхъ владѣльческихъ*; права и обязанности ихъ къ помѣщику точно опредѣлены закономъ (Свод. Законовъ т. IX. о сост., ст. 613, 617 и 840—860, изд. 1857 года); тогда какъ хизаны — сословіе нигдѣ въ законахъ не упоминаемое, возникшее и развившееся обычаями [1]).

Тѣмъ не менѣе обычаи эти имѣли почти силу закона, признавались какъ главнымъ кавказскимъ начальствомъ, такъ и правительствомъ. Сущность хизанскаго вопроса заключалась въ слѣдующемъ:

Крестьянинъ казеннаго или церковнаго вѣдомства могъ поступить въ хизаны къ землевладѣльцу только съ его согласія; если же это было сопряжено съ переселеніемъ изъ одного селенія въ другое, то хизаны должны были имѣть дозволеніе отъ своего общества и разрѣшеніе отъ мѣстнаго полицейскаго начальства и Казенной Палаты. Помѣщикъ отводилъ хизану пахатную землю или же вмѣстѣ съ тѣмъ и землю подъ усадьбу и сады; устройство усадебныхъ построекъ и разведеніе сада возлагалось на самого хизана, при чемъ онъ могъ пользоваться для этого помѣщичьимъ лѣсомъ, выгономъ и водою для поливки полей и садовъ. Количество отводимой хизану земли не опредѣлялось какой либо нормой, оно всецѣло зависѣло отъ взаимнаго соглашенія, сообразно потребностямъ хизана и свободной земли у помѣщика. За земли подъ усадебную осѣдлость съ хизана не взималась никакая плата, и повинности въ пользу владѣльца отбывались хизанами исключительно за пользованіе земли.

Здѣсь мы встрѣчаемъ также повинность *гала*—мѣру хлѣба съ каждаго дня паханія (полъ-десятины); по чрезвычайному разнообразію мѣстностей, плодородію почвы и другихъ условій часть выдѣляемая помѣщику колебалась между $^1/_6$ до $^1/_2$

[1]) Тамъ же. Записка „О хизанскомъ состояніи въ Грузіи.“

съ урожая; опредѣленная же мѣра съ дня паханія при этихъ условіяхъ составляла отъ одной до четырехъ кодъ (отъ 90 фунтовъ до 4-хъ пудовъ); и въ томъ и другомъ случаѣ хизанъ доставлялъ помѣщику обыкновенно половину укоса. Если хизанъ разводилъ на помѣщичьей землѣ садъ, то половина сада (безъ земли) черезъ 5, 8 или 10 лѣтъ переходила въ собственность хизана, а другая половина предоставлялась помѣщику; если хизану отдавался въ пользованіе уже разведенный помѣщичій садъ, то владѣльцу давалась винная повинность—*кулухи* въ размѣрѣ $^1/_4$ до $^1/_3$ съ сусла; впрочемъ, нерѣдко бывали договорныя соглашенія на обработку сада въ половинныхъ условіяхъ.

За всю совокупность доставляемыхъ выгодъ хизанъ, кромѣ указанныхъ повинностей, долженъ былъ помогать помѣщику въ его хозяйствѣ личнымъ трудомъ, долженъ былъ нести, такъ называемую, бегару—издѣльную повинность, которая въ зависимости отъ разныхъ условій опредѣлялась также по взаимному соглашенію.

Такимъ образомъ, хизанъ несъ только обычныя поземельныя повинности, устраняясь совершенно отъ повинностей, проистекающихъ отъ личной зависимости, какъ то: дворовой службы и другихъ многочисленныхъ приношеній по разнымъ случаямъ крѣпостного крестьянина. Несомнѣнно, что положеніе хизана было во всѣхъ отношеніяхъ хорошее, чѣмъ и объясняется фактъ, что со стороны хизанъ не бывало вовсе жалобъ на владѣльцевъ.

При оставленіи хизаномъ владѣльческой земли по собственной волѣ, или по волѣ помѣщика, или же, наконецъ, согласно договору, помѣщикъ имѣлъ право на половину всего нажитаго хизаномъ движимаго имущества, не касаясь вовсе недвижимаго, которое принадлежало хизану въ цѣлости [1]).

[1]) Тамъ же.

Слѣдуетъ упомянуть еще, что въ большинствѣ случаевъ заключаемые съ хизанами договоры были словесные и основывались на добросовѣстномъ исполненіи условій съ обѣхъ сторонъ; всѣ же возникавшіе споры между владѣльцемъ и его хизаномъ рѣшались частными посредниками въ примирительномъ порядкѣ.

Со времени поступленія Грузіи въ русское управленіе указанныя выше взаимныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ подвергались различнымъ измѣненіямъ. Права помѣщиковъ постепенно ограничивались; такъ напримѣръ, крестьяне по всѣмъ уголовнымъ преступленіямъ судились по общимъ русскимъ законамъ и помѣщики не могли чинить своей расправы; помѣщикамъ запрещалось продавать своихъ крестьянъ безъ земли и разлучать мужа отъ жены; ни въ какомъ случаѣ не позволялось укрѣплять за собою свободнаго человѣка или уничтожать „отпускную“, какъ это дѣлалось прежде; свободное состояніе сообщалось бракомъ женскому полу и переходило дѣтямъ; поступленіе на службу или въ духовное званіе также освобождало отъ зависимости. Съ другой стороны, разборъ взаимныхъ споровъ и исковъ крѣпостныхъ людей между собою не подлежалъ вѣдѣнію правительства. Право помѣщиковъ на крестьянское имущество оставалось на прежнихъ основаніяхъ и правительство принимало защиту собственности крестьянъ только тогда, когда въ дѣйствіяхъ помѣщика обнаруживалось нарушеніе древнихъ обычевъ страны; на прежнихъ же основаніяхъ сохранено отбываніе крестьянами въ пользу помѣщиковъ податей и повинностей [1]).

Въ исторіи крѣпостнаго права въ Грузіи нужно отмѣтить еще фактъ стремленія крестьянъ къ отысканію свободы. Явленіе это, установивъ враждебныя отношенія къ помѣщикамъ, встрѣчало для удовлетворительнаго разрѣшенія споровъ боль-

[1]) Тамъ же. «Сѣдѣнія объ отношеніяхъ между помѣщиками и ихъ крестьянами въ Грузіи, Имеретіи и Гуріи, собранныя въ 1841 году.“

шія затрудненія: если тяжбу выигрывалъ помѣщикъ, то прежде всего начиналъ тѣснить крестьянина за намѣреніе освободиться отъ зависимости и возмѣщать свои потери по спору; если, наоборотъ, крестьянинъ выигрывалъ тяжбу, то хотя и освобождался отъ гоненій бывшаго владѣльца, но хожденіе по дѣламъ заставляло его забрасывать хозяйство и онъ совершенно разорялся. Главное кавказское начальство, при всемъ желаніи положить предѣлъ такому ненормальному явленію, затруднялось принимать какія либо мѣры, такъ какъ по общимъ законамъ имперіи никто не лишался права искать свободы отъ частной зависимости.

Въ Грузіи дѣло объ опредѣленіи крестьянскихъ повинностей, производившееся съ 1823 года, началось именно по поводу жалобъ крестьянъ отыскивающихъ свободу на тягость обязательныхъ въ пользу помѣщика отношеній. Всесторонне разслѣдованіе этого вопроса во время намѣстничества кн. Воронцова выяснило, что въ Грузіи до водворенія русскаго управленія отыскивающихъ свободу крестьянъ не было. Главный поводъ къ развитію такихъ исковъ проистекалъ изъ явнаго въ пользу крестьянъ вмѣшательства полицейскихъ властей въ хозяйственныя распоряженія помѣщиковъ.

Въ января 1826 года грузинскій прокуроръ Чиляевъ представлялъ въ исполнительную экспедицію, что по его наблюденію и по дошедшимъ до правительства дѣламъ видно, какъ нѣкоторые окружные начальники и земскіе исправники присвоили себѣ право входить въ хозяйственныя распоряженія помѣщиковъ по отношенію ихъ крестьянъ „даже и такихъ, кои, не отыскивая отъ нихъ вольности, состоятъ въ безспорномъ ихъ владѣніи.“ Вмѣшательство полицейскихъ властей выражалось при взиманіи помѣщикомъ съ своихъ крестьянъ денежной подати; при этомъ окружные начальники и исправники безъ письменнаго или словеснаго своего разрѣшенія не дозволяли приводить въ исполненіе требованій помѣщика.

Полицейскія власти оправдывали свои дѣйствія тѣмъ, что, по ихъ мнѣнію, безъ такового посредничества помѣщики разорили бы своихъ крестьянъ. Грузинскіе же помѣщики въ этомъ вмѣшательствѣ видѣли посягательство на ихъ узаконенное правительствомъ право владѣть крестьянами и ходатайствовали, во избѣжаніе осложненій, предложить окружнымъ начальникамъ и исправникамъ отмѣнить незаконныя ихъ распоряженія. Грузинскій прокуроръ и совѣтникъ исполнительной экспедиціи вполнѣ присоединились къ мнѣнію дворянства, а управлявшій тогда гражданскою частью въ Грузіи г.-л. Вельяминовъ нашелъ протестъ прокурора основательнымъ и совершенно законнымъ. Однако, отданныя въ этомъ смыслѣ распоряженія не остановили стремленій крестьянъ къ отысканію свободы, а съ теченіемъ времени накопилось громадное количество такихъ дѣлъ. Желая установить какую нибудь опредѣленную норму этого вопроса, исполнительная экспедиція Верховнаго грузинскаго правительства въ 1831 году вошла съ ходатайствомъ къ управлявшему Грузіею генералъ-адъютанту Панкратьеву, чтобы 10-ти-лѣтнюю давность, установленную въ Грузіи высочайше утвержденнымъ 2-го апрѣля 1827 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, распространить и на дѣла объ отыскиваніи крестьянами свободы, и чтобы, согласно просьбы грузинскаго дворянства, составленному тогда же камеральному описанію было бы присвоено значеніе ревизскихъ сказокъ въ сомнительныхъ случаяхъ о владѣніи крѣпостными и отысканіи крестьянами свободы. Но тогдашній прокуроръ Первовъ протестовалъ противъ этого ходатайства, равно какъ и противъ другого заключенія, чтобы отъ ищущихъ вольности не принимать прошеній иначе, какъ писанныхъ въ надлежащей формѣ и заключающихъ въ себѣ доказательства [1]).

[1]) Тамъ же. Журналъ Совѣта Главнаго управленія Закавказскаго края отъ 27, 30 октября, 3, 16-и 27 ноября 1847 года.

Правительствующій Сенатъ указомъ отъ 27-го марта 1835 года, требуя по этому мнѣнія главноуправляющаго въ Грузіи, запрашивалъ, между прочимъ, и о томъ: распространялась ли грузинская 30-ти и 40-ка-лѣтняя давность на крестьянъ отыскивающихъ свободы.

Баронъ Розенъ ходатайствовалъ: всѣхъ крестьянъ въ Грузіи оставить навсегда въ безспорномъ владѣніи въ томъ вѣдомствѣ, за которымъ записаны по вновь составленному камеральному описанію, подобно тому, какъ это допущено было указами 12-го декабря 1796 года и 9-го апрѣля 1806 года по губерніямъ Екатеринославской, Кавказской, Таврической и отъ Польши возвращеннымъ; крестьянъ, уже освожденныхъ отъ зависимости помѣщиковъ по судебнымъ рѣшеніямъ, оставить навсегда свободными; крестьянъ, которые по камеральному описанію окажутся пропущенными, причислить навсегда къ казенному вѣдомству. „Что касается до давности,—писалъ Розенъ,—то, по 199 статьѣ I кн. законовъ царя Вахтанга, давность, укрѣпляющая за помѣщикомъ владѣнія крестьянами другимъ помѣщикамъ принадлежащими, полагается 30-ти лѣтняя. Эта давность именнымъ высочайшимъ указомъ 7-го августа 1809 года главноуправляющему въ Грузіи генералу Тормасову была распространена и на дѣла казенныхъ крестьянъ, отыскивающихъ свободу изъ помѣщичьяго владѣнія“ [1]).

Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ это дѣло, нашелъ, что 10-ти-лѣтняя давность вообще установлена въ Россіи въ 1787 году, а въ Грузіи оставлена ея 30-ти-лѣтняя давность потому „что по всѣмъ дѣламъ манифестомъ 12-го сентября 1801 года оставлено Грузіи прежнее ея гражданское судопроизводство“; что въ 1815 году въ Россіи дѣла о крестьянахъ отыскивающихъ свободы исключены отъ 10-ти лѣтней давности, слѣдовательно, и въ Грузіи порядокъ, ввe-

[1]) Тамъ же. Отношеніе барона Розена министру юстиціи отъ 26 октября 1833 года и донесеніе Правительствующему Сенату отъ 4 іюля 1835 года.

денный въ 1809 году, долженъ былъ измѣниться, и потому съ 1815 года дѣйствіе какъ 30-ти-лѣтней, такъ и 10-ти-лѣтней давности новымъ закономъ отмѣнялось и для Грузіи. Потому общее собраніе Сената сдѣлало такое постановленіе: 1) всякій свободный человѣкъ, т. е. на принадлежность котораго помѣщикъ не имѣетъ никакихъ законныхъ актовъ, могъ искать свободы и получить ее, не обращая вниманія ни на какую давность и зачисленія его за помѣщикомъ по камеральному описанію; 2) крестьянинъ, зачисленный за помѣщикомъ по послѣднему камеральному описанію, въ случаѣ если и отецъ его былъ въ этомъ владѣніи до 7-го августа 1809 года, лишался права на полученіе свободы, если умершій отецъ или дѣдъ при жизни своей не просили о томъ; 3) послѣдовавшія уже рѣшенія, основанныя на 30-ти-лѣтней давности, оставляются ненарушимими и возобновленіе оконченныхъ дѣлъ не допускается; 4) дѣла ищущихъ свободы, по случаю пропуска ихъ въ камеральныхъ описаніяхъ, рѣшать на основаніи общихъ россійскихъ законовъ. При всемъ томъ Сенатъ отмѣнилъ и заключеніе исполнительной экспедиціи о томъ, чтобы ищущій свободы подавалъ просьбу съ соблюденіемъ формальныхъ доказательствъ [1]).

Такое опредѣленіе Сената разсматривалось въ Государственномъ Совѣтѣ и утверждено императоромъ Николаемъ I 28-го сентября 1836 года.

Этотъ новый законъ способствовалъ еще большему стремленію крестьянъ къ отысканію свободы. Грузинское дворянство въ просьбѣ своей, поданной въ 1842 году посѣтившему край военному министру кн. Чернышову, между прочимъ, писало, что изъятія, допущенныя въ пользу отыскивающихъ свободы, до того поощрили помѣщичьихъ крестьянъ, что они начали искать вольности цѣлыми селеніями; что кре-

[1]) Тамъ же. Журналъ Совѣта Главнаго управленія Закавказскаго края отъ 27, 30 октября, 3, 19 и 27 ноября 1847 года.

стьяне въ судебныхъ процессахъ, не имѣя другихъ доказательствъ, взаимно свидѣтельствуютъ одни въ пользу другихъ; между тѣмъ всѣ невыгоды по производству этихъ дѣлъ ложатся тяжелымъ бременемъ на помѣщиковъ, такъ какъ кромѣ возмѣщенія судебныхъ издержекъ, они отвлекаются отъ своихъ хозяйствъ и разоряются. Дворянство убѣдительно просило принять за основаніе и укрѣпить за помѣщиками тѣхъ крестьянъ, которые въ послѣднемъ камеральномъ описаніи были за ними записаны безспорно; дѣла крестьянъ, отыскивающихъ вольности и записанныхъ за владѣльцами въ камеральномъ описаніи, пріостанавливать въ судахъ первой инстанціи; и только въ случаѣ, если въ камеральномъ описаніи крестьянинъ значится объявившимъ себя свободнымъ, то давать ходъ прошеніямъ при возбужденіи имъ дѣла въ теченіе годичнаго срока со дня обнародованія на мѣстѣ этого постановленія.

Главноуправлявшій Закавказскимъ краемъ генералъ Головинъ, отъ котораго требовалось заключеніе по просьбамъ дворянства, писалъ, что онъ находитъ совершенно основательными причины, по которымъ грузинское дворянство проситъ о безповоротномъ укрѣпленіи за помѣщиками крестьянъ записаннымъ по послѣднему камеральному описанію и что онъ для обезпеченія помѣщиковъ и спокойствія края признаетъ полезнымъ привести въ исполненіе предлагаемыя дворянствомъ мѣры.

Князь Чернышевъ при личномъ обозрѣніи Кавказа самъ убѣдился въ справедливости жалобъ помѣщиковъ, и поручилъ главноуправляющему вмѣнить полицейскимъ властямъ въ обязанность удерживать помѣщичьихъ крестьянъ въ повиновеніи и не дозволять ничего, могущаго поощрять крестьянъ къ жалобамъ и тяжбамъ. По просьбамъ же дворянъ, уже по возвращеніи князя Чернышова въ Петербургъ, послѣдовало новому главноуправляющему генералъ-адъютанту Нейд-

гарду повелѣніе, по которому одобрялись и на будущее время мѣры, предложенныя военнымъ министромъ; что касается просьбы грузинскихъ дворянъ о принятіи послѣдняго камеральнаго описанія за актъ укрѣпленія крестьянъ за помѣщиками, то по многимъ причинамъ это найдено неудобнымъ.

Назначенный вновь Намѣстникомъ князь Воронцовъ приказалъ произвести точное разслѣдованіе о причинахъ малаго успѣха правительственныхъ мѣръ противъ стремленія крестьянъ къ свободѣ. Начальникъ Главнаго управленія г.-л. Ладинскій находилъ, „что это происходитъ наиболѣе отъ того, что чиновники, за пороки лишенные мѣстъ по службѣ, снискиваютъ себѣ содержаніе сочиненіемъ просьбъ, подстрекая и научая въ особенности неопытныхъ крестьянъ отыскивать себѣ свободы. Между тѣмъ, конечно, есть люди, которые изъ этого могутъ выводить толкованіе, что правительство само способствуетъ умноженію дѣлъ подобнаго рода, тогда какъ правительству не можетъ не быть прискорбно, что дѣла сіи продолжительностью своего производства, направленіемъ часто неправильнымъ и условіями относительно выполненія обрядовъ судебнаго дѣлопроизводства доводятъ крестьянъ до разстройства, отвлекая ихъ отъ хозяйства, а помѣщиковъ, сихъ вѣрныхъ въ здѣшнемъ краѣ, надежныхъ и усердныхъ служителей Престола, до разоренія, часто окончательнаго“. Ладинскій при томъ доказывалъ, что съ открытіемъ русскаго правленія въ Грузіи прошло 45 лѣтъ и потому за это время могли объявить свои права состоянія всѣ тѣ, которые были въ неправильномъ крѣпостномъ владѣніи. Раздѣляя мнѣніе, высказанное генераломъ Головинымъ, Ладинскій считалъ просьбу дворянства достойною полнаго уваженія, „потому что и обѣщанная высочайшими манифестами 1801 года неприкосновенность правъ грузинскаго дворянства, и строгая справедливость, приличная достоинству правительства и вниманіе къ сему, не щадящему себя на усердной службѣ Царской, сословію дворянъ, и, на-

конецъ, самыя обстоятельства края требуютъ рѣшительной мѣры къ успокоенію и помѣщиковъ и крестьянъ остановленіемъ дальнѣйшаго возбужденія дѣла по отысканію крестьянами вольности".

Ладинскій для достиженія этого полагалъ, чтобы съ начала 1846 года рѣшительно воспретить производство дѣлъ по отысканію свободы, если только по повѣркѣ камеральнаго описанія 1842 года истецъ будетъ значится безспорно принадлежащимъ отвѣтчику; въ противномъ случаѣ давать ходъ таковымъ дѣламъ, когда ближайшее мѣстное и губернское полицейское начальство найдетъ вполнѣ ясными доказательства правоты иска крестьянина, а главное кавказское начальство разрѣшитъ производство дѣла судебно-полицейскимъ порядкомъ; дѣла же, начатыя до 1-го января 1846 года, производить по прежнимъ порядкамъ.

Князь Воронцовъ, одобривъ эти предположнія своего начальника Главнаго управленія, ходатайствовалъ объ утвержденіи проекта. Кавказскій комитетъ, по чрезвычайной важности этого дѣла, разсмотрѣлъ во всѣхъ подробностяхъ ходатайство Намѣстника и не согласился съ мѣрами предложенными кавказскимъ начальствомъ.

По мнѣнію члена комитета графа Киселева, чтобы допустить въ Закавказскомъ краѣ исключеніе изъ общихъ законовъ въ пользу одного класса и въ стѣсненіе другого необходимо доказательство: въ какой степени увеличиваются ежегодно дѣла объ отыскивающихъ вольности и о неповиновеніи крестьянъ; имѣетъ ли производство этихъ дѣлъ всегда безполезное затрудненіе судебныхъ мѣстъ и можно ли камеральное описаніе по существу и по степени достовѣрности признать актомъ укрѣпленія, не опасаясь произвести тревогу среди крестьянскаго населенія.

Изъ поступившихъ до высшаго правительства дѣлъ оказалось, что число отыскивающихъ вольности по Грузино-Име-

ретинской губерніи было: въ 1843 году—63, а въ 1844—27; во внутреннихъ же губерніяхъ за то же самое время было несравненно болѣе, напримѣръ въ Могилевской 59, Курской 63, Тамбовской 72, Костромской 91 и Ковенской 135. Въ 1843 году изъ 985 человѣкъ судившихся во всей имперіи за неповиновеновеніи владѣльцамъ въ Грузино-Имеретинской губ. было только 5 человѣкъ, изъ которыхъ 4 оправданы; *) кромѣ того въ самой Россіи въ теченіе болѣе ста лѣтъ дѣла объ отыскиваніи вольности не могли быть прекращены, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ права вольности возникали отъ неправильнаго завладѣнія помѣщиками земель. Принявъ во вниманіе указанныя данныя, графъ Киселевъ возражалъ и противъ принятія камеральнаго описанія за актъ укрѣпленія во-первыхъ потому, что ходатайство это уже было отвергнуто указомъ 28 сентября 1836 года (922 ст. 9 т. прим.); и что когда въ 1842 году ходатайство было повторено, то государь призналъ это неудобнымъ; при всемъ томъ камеральное описаніе по свойству своему было введено въ хозяйственныхъ видахъ, установленныхъ по финансовымъ соображеніямъ и что вообще всѣ подобныя неудобства камеральнаго описанія происходятъ вслѣдствіе неопредѣлительности отношеній грузинскихъ помѣщиковъ къ ихъ крестьянамъ.

Наконецъ, касаясь существа дѣла, графъ Киселевъ находилъ, что будетъ правительственной ошибкой содѣйствовать распространенію въ Грузіи крѣпостнаго состоянія, тогда какъ во внутреннихъ губерніяхъ правительство, наоборотъ, принимаетъ облегчительныя мѣры для крѣпостныхъ.

*) *Примѣчаніе*: Цыфры указанныя графомъ Киселевымъ оказались въ дѣйствительности ошибочными: по собраннымъ Главнымъ управленіемъ свѣдѣніямъ выяснилось, что число дѣлъ объ отыскивающихъ вольности въ теченіе 1843—1846 г. г. было 771, число случаевъ неповиновенія крестьянъ помѣщикамъ за то же время—132, слѣдовательно въ среднемъ по 193 дѣла объ отыскиваніи свободы и по 33 случая неповиновенія. Равнымъ образомъ въ свѣдѣніяхъ гр. Киселева однимъ случаемъ неповиновенія называлось неповиновеніе цѣлаго селенія и однимъ дѣломъ—дѣло объ отыскиваніи вольности крестьянъ цѣлымъ селеніемъ.

Соображенія Кавказскаго комитета князь Воронцовъ вновь передалъ Совѣту Главнаго управленія. Совѣтъ нашелъ, что вопросъ о принятіи особыхъ мѣръ къ прекращенію стремленія крестьянъ къ отыскиванію свободы отъ помѣщиковъ находится въ тѣсной связи съ дѣломъ объ опредѣленіи взаимныхъ отношеній между обоими сословіями [1]).

Труды Совѣта по составленію систематическаго свода отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ по своей цѣнности и всесторонняго изслѣдованія вопроса послужили для князя Барятинскаго матеріаломъ при выполненіи имъ задачъ, намѣченныхъ правительствомъ къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ; а Закавказскому центральному комитету матеріалы эти значительно облегчили начертать проекты Положенія объ освобожденіи крестьянъ.

Въ самый день обнародованія манифеста и Положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Россіи, вслѣдствіе особаго повелѣнія [2]) императора Александра II, признано было необходимымъ дѣйствовать постепенно къ устройству быта и дарованія правъ состоянія помѣщичьимъ крестьянамъ Закавказскаго края.

Еще съ того времени, когда въ Россіи приступлено было къ подготовленію для освобожденія крѣпостнаго населенія, помѣщики Закавказскаго края внимательно слѣдили за ходомъ этого дѣла, освоивались съ значеніемъ его, привыкли къ мысли, что въ недалекомъ будущемъ и имъ придется освободить своихъ крестьянъ. Пользуясь такимъ настроеніемъ и огромнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ вѣстью объ из-

---

[1]) Тамъ же. Журналъ Совѣта Главнаго управленія Закавказскаго края отъ 27, 30 октября, 3, 19 и 27 ноября 1847 года.

[2]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1861 г., № 5, связка 1. Отношеніе управляющаго дѣлами Кавказскаго комитета князю Барятинскому отъ 5 марта 1861 г., № 208.

даніи манифеста 19-го февраля, князь Барятинскій вызвалъ въ Тифлисъ всѣхъ предводителей дворянства Тифлисской губерніи и вмѣстѣ съ ними и нѣкоторыхъ изъ почетнѣйшихъ помѣщиковъ. 25-го марта дворяне были собраны во дворцѣ Намѣстника и имъ объявлено о необходимости приступить къ освобожденію... Собравшіеся представители выразили безусловную готовность способствовать великому дѣлу освобожденія.

Немедленно же было приступлено къ приготовительнымъ мѣрамъ по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ, при чемъ эти мѣры предварительно сосредоточились на Тифлисской губерніи.

Князь Барятинскій предложилъ тифлисскому гражданскому губернатору Орловскому открыть по уѣздамъ губерніи, гдѣ состояло крѣпостное населеніе, уѣздные комитеты подъ предсѣдательствомъ мѣстныхъ уѣздныхъ предводителей дворянства и изъ членовъ—дворянъ по избранію дворянства. Въ Тифлисѣ подъ предсѣдательствомъ начальника Главнаго управленія Намѣстника статсъ-секретаря Крузенштерна и при участіи губернатора и губернскаго предводителя дворянства образованъ Закавказскій Центральный комитетъ. Одновременно съ этимъ всѣ распорядительныя дѣйствія по крестьянскому дѣлу сосредоточены по Временному отдѣленію Главнаго управленія.

Уѣзднымъ комитетамъ поставлена задача: привести въ извѣстность всѣ существовавшія отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ и обсудить примѣнительно къ мѣстнымъ особенностямъ и самые способы улучшенія быта послѣднихъ; Центральному комитету—направлять и руководить дѣйствіями уѣздныхъ комитетовъ, а впослѣдствіи разсмотрѣть и окончательно согласовать частныя предположенія дворянства. Для болѣе успѣшнаго достиженія этихъ цѣлей дворянамъ роздали большое количество печатныхъ экземпляровъ всѣхъ Положе-

ній и Дополнительныхъ правилъ 19-го февраля 1861 года съ краткимъ изложеніемъ ихъ на грузинскомъ языкѣ [1]).

Въ образованіи комитетовъ изъ небольшого лишь числа членовъ дворяне видѣли слишкомъ ограниченные способы для разработки такого важнаго для нихъ дѣла и потому, желая совѣщанія свои сдѣлать какъ можно болѣе доступными и общими для всего мѣстнаго дворянскаго сословія, ходатайствовали предоставить имъ возможность обсуждать крестьянское дѣло на уѣздныхъ съѣздахъ.

Просьба дворянъ была уважена. Преобразованіе въ поземельномъ устройствѣ могло совершится спокойно, правильно и безобидно для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ только тогда, когда оно не нарушило бы существовавшихъ отношеній, не поколебало бы вѣковыхъ народныхъ обычаевъ и не потребовало ни отъ кого чрезмѣрныхъ жертвъ.

Отношенія между помѣщиками и крестьянами въ Закавказскомъ краѣ установились въ каждомъ имѣніи постепенно, въ теченіе многихъ лѣтъ, вслѣдствіе мѣстныхъ обычаевъ, разновременныхъ соглашеній владѣльцевъ съ крестьянами, различныхъ особенностей каждаго имѣнія и многихъ другихъ самыхъ разнообразныхъ условій. Мы уже знаемъ также, что, вслѣдствіе такихъ сложныхъ причинъ, при существованіи крѣпостнаго права эти отношенія и не могли быть опредѣлены общимъ закономъ. Потому единственнымъ средствомъ для достиженія результатовъ по крестьянскому вопросу представлялось составленіе такихъ описей, которыя опредѣляли бы взаимныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ по каждому имѣнію и по каждому дыму отдѣльно, съ подробнымъ обозначеніемъ количества земли и угодій, состоявшихъ въ пользованіи каждаго дыма, а съ другой стороны необходимо было

[1]) Тамъ же. Отношеніе кн. Барятинскаго управляющему дѣлами Кавказскаго комитета отъ 31 марта 1861 г., № 5.

включить въ эти описанія размѣръ податей и повинностей отбываемыхъ крестьянами въ пользу владѣльца.

Составленіе подобныхъ описей, называемыхъ обыкновенно инвентарями, не могло встрѣтить особенныхъ затрудненій, такъ какъ такія инвентари требовались и раньше, при залогѣ помѣщичьихъ имѣній въ Приказѣ общественнаго призрѣнія.

Болѣе затрудненій могло встрѣтить установленіе правильныхъ и неизмѣнныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, такъ какъ находившіяся въ пользованіи крестьянъ угодія, отбываемыя ими повинности подвергались измѣненіямъ и при существованіи крѣпостнаго права вполнѣ зависѣли отъ усмотрѣнія владѣльца; а между тѣмъ для обезпеченія правъ обоихъ сословій по отбыванію крестьянами повинностей требовалась именно ясно опредѣленная норма, которая была бы равно выгодна для помѣщика и крестьянина, съ тѣмъ непремѣннымъ правиломъ, что обязательныя отношенія послѣднихъ по исполненіи опредѣленныхъ взаимныхъ условій перешли бы въ отношенія свободныхъ сельскихъ обывателей.

Такимъ образомъ занятія по улучшенію быта крестьянъ въ Закавказскомъ краѣ должны были быть раздѣлены на три періода: описаніе существовавшихъ отношеній по каждому имѣнію и дыму (составленіе инвентарей), установленіе на будущее время правильныхъ и неизмѣнныхъ отношеній (регулированіе инвентарей) и установленіе способовъ перехода изъ обязательныхъ отношеній въ отношенія свободныхъ сельскихъ обывателей [1]).

На уѣздные комитеты и съѣзды дворянъ было возложено трудное и подготовительное дѣло составленія инвентарей; для этой цѣли разослана подробная инструкція, въ которой намѣчена программа занятій помѣщиковъ. Инструкція требо-

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1861 г., № 8, связка 1, Программа занятій по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Закавказскомъ краѣ.

вала описанія имѣній производить на грузинскомъ языкѣ и по однообразной формѣ.

Къ концу 1861 года въ Центральный комитетъ уже поступило подписанное большимъ числомъ дворянъ мнѣніе Горійскаго комитета. Дѣятельность Центральнаго комитета въ этотъ періодъ имѣла двоякій характеръ: съ одной стороны она была направлена къ ознакомленію грузинскаго дворянства съ существенными сторонами крестьянскаго вопроса по началамъ законоположеній 19-го февраля, а съ другой — къ всестороннему изслѣдованію и изученію крѣпостнаго дѣла въ Грузіи какъ по прежнимъ законамъ и обычаямъ страны, такъ и мѣръ предпринятыхъ правительствомъ со времени присоединенія страны къ Россіи.

Послѣ представленія мнѣнія дворянъ Горійскаго уѣзда дворяне другихъ уѣздовъ ходатайствовали передъ и. д. Намѣстника кн. Григоріемъ Орбеліани о разрѣшеніи пригласить дворянство Тифлисской губерніи на общій съѣздъ съ тѣмъ, чтобы частныя по уѣздамъ мнѣнія согласовать въ одинъ общій проектъ. Собранные съ 20-го по 30-е апрѣля 1862 года на губернскій съѣздъ дворяне, постановивъ начала, на которыхъ могло быть по ихъ мнѣнію устроено будущее положеніе крестьянъ, избрало какъ для развитія этихъ началъ, такъ и для составленія проекта освобожденія крестьянъ сначала особыхъ уполномоченныхъ, а затѣмъ всю работу возложило на одно лицо, на д. с. с. Дмитрія Кипіани [1]).

По прибытіи въ 1863 году на Кавказъ Великаго князя-Намѣстника дворянству было предложено ускорить представленіемъ своихъ соображеній по освобожденію крестьянъ. Составленный Дмитріемъ Кипіани проектъ реформы разсматривался въ губернскомъ съѣздѣ дворянства въ 1863 году. Положеніе грузинскаго дворянства передъ освобожденіемъ

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1865 г., № 3, связка 8. Отчетъ по крестьянскому дѣлу въ Закавказскомъ краѣ за 1861—1865 года.

крестьянъ Кипіани представилъ въ такой аллегорической формѣ:

„Въ одномъ старинномъ зданіи помѣщалось съ давнихъ временъ семейство древняго почетнаго рода, и жили члены этого семейства хотя бѣдно, но успокоенные нѣкоторымъ образомъ отъ различныхъ переворотовъ судьбы. Въ ожиданіи еще лучшихъ временъ, услышали они вдругъ отъ архитекторовъ, что надобно немедленно выбираться изъ зданія, а не то оно можетъ обрушиться надъ ними. Прошло еще нѣсколько времени, и то здѣсь послышался трескъ стѣны, то тамъ; признаки разрушенія стали появляться чаще и чаще, и тогда уже убѣдились, что въ самомъ дѣлѣ нужно было выбираться, иначе, дѣйствительно, угрожала опасность. Куда приклонить голову—не вѣдали, но стали выбираться въ надеждѣ, что Богъ и государь не отринутъ уповающихъ.

Какъ тѣ были встревожены, пока не начали выбираться, такъ, но несравненно сильнѣе, мы были встревожены вѣстью, что разрушается наше крѣпостное право. Хотя и этой вѣсти предшествовали признаки очевидные, но мы все-таки не вѣрили ей.„ Нынѣшній порядокъ между нами и крестьянами нашими существуетъ съ начала вѣковъ,—говорили мы,—какъ же онъ можетъ ниспровергнуться такъ легко. „Потомъ, когда толки объ этомъ стали учащаться и причины нашего безпокойства наростать, когда мы удостовѣрились и изъ предшествовавшихъ примѣровъ, и изъ личныхъ объясненій съ правительственными лицами, и изъ положительныхъ свѣдѣній получавшихся изъ Россіи, что дѣло это, дѣйствительно, доходитъ и до насъ, тогда мы взглянули на дѣло прямо, соотвѣтственно нашему достоинству, и стали совѣщаться между собою какъ, въ частности, домашнимъ образомъ, такъ и въ уѣздныхъ собраніяхъ“ [1]).

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1863 г., № 25, связка 5. Докладъ Дмитрія Кипіани дворянству Грузіи объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Изложивъ затѣмъ постепенный ходъ крестьянскаго дѣла, участіе въ немъ дворянства, Кипіани вспоминаетъ совѣщаніе дворянъ на общемъ губернскомъ съѣздѣ съ 25-го по 30 апрѣля 1862 года.

„1-го мая прошлаго года, — говорилъ Кипіани,—когда собраніе наше расходилось, нѣкоторые изъ насъ задавали вопросъ: ***что было, что сдѣлали, что вышло изъ этого?*** Я—докладчикъ вашъ, это правда; но да не примется за лицепріятіе отъ меня слово, которое скажу не только передъ вами, но готовъ сказать передъ всѣми, передъ свѣтомъ, если буду имѣть случай. Что было? Было тогда совѣщаніе о дѣлѣ, важнѣе котораго не только на нашей памяти ничего не бывало въ этомъ краѣ, но и въ преданіяхъ отцовъ нашихъ ничего подобнаго не слыхали. Что сдѣлали? Сдѣлали то, что какъ прилично первенцамъ Грузіи, наслѣдовавшимъ добродѣтели временъ героическихъ и питающихъ чувства воиновъ рыцарей, какъ подъ Богомъ, безъ страха и безъ торопливости взглянули мы на дѣло, ничего, казалось, кромѣ бѣдствій не предвѣщавшее намъ и нашему потомству. Что вышло изъ этого? Вышло то, что ни одного изъ бывшихъ въ общемъ собраніи 30-го апрѣля помѣщиковъ грузинскихъ не могло увлечь ни негодованіе временное или неудовольствіе какое либо, ни эгоизмъ или влеченіе къ личнымъ интересамъ, ни страхъ невѣдомаго будущаго, ни, наконецъ, скажу, и это наша необразованность и непросвѣщеніе; и когда разсмотрѣли дѣло всѣ вмѣстѣ, какъ два или три любящихъ и уважающихъ другъ друга брата, сказали мы въ одинъ голосъ: ***даруемъ свободу крестьянамъ нашимъ.*** Да скажетъ же намъ кто нибудь изъ ученныхъ и просвѣщенныхъ—въ какой просвѣщенной странѣ рѣшено дѣло это съ большимъ спокойствіемъ и съ большимъ достоинствомъ. И какое дѣло. Взгляните ближе на это дѣло!!!“ [1]).

[1]) Тамъ же.

Разсмотримъ предложенные дворянствомъ способы примѣненія крестьянской реформы 19-го февраля 1861 года въ Грузіи.

Грузинское дворянство, по примѣру дворянства другихъ губерній Россіи, единогласно выразило на съѣздѣ 1863 года въ составленномъ Кипіани актѣ за подписью 539-ти лицъ (большинство дворянства), а также въ особомъ проектѣ 15-ти лицъ (меньшинство дворянства) желаніе на освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости съ предоставленіемъ имъ всѣхъ правъ личныхъ и по имуществу, какія принадлежатъ свободнымъ сельскимъ обывателямъ.

Относительно крестьянскаго имущества вообще большинство дворянства основывало свои предположенія на статьяхъ уложенія царя Вахтанга, по которымъ все безъ различія имущество помѣщичьихъ крестьянъ принадлежало помѣщикамъ. На практикѣ по обычаямъ Грузіи существовало обыкновеніе, по которому крестьяне, переселяясь съ владѣльческой земли, половину своего движимаго имущества должны были оставлять въ пользу помѣщика; это на практикѣ исполнялось такъ, что крестьянинъ забиралъ полностью движимое имущество, оставляя помѣщику все недвижимое. Такой же порядокъ дворянство предположило оставить и при освобожденіи крестьянъ. Удержать половину изъ движимаго имущества дворянство пожелало и съ крестьянъ изъ мусульманъ, занимающихся скотоводствомъ, и армянъ и евреевъ, занимающихся ремеслами и торговлей.

Меньшинство дворянства, признавъ все движимое имущество крестьянъ неотъемлемою ихъ собственностью, равнымъ образомъ считая правильнымъ право крестьянъ на всѣ жилыя и хозяйственныя строенія, возведенныя ими на помѣщичьей землѣ, а также устроенные на ней виноградные и другіе сады, полагало всѣ доходныя учрежденія, какъ напримѣръ ярмарки, лавки отдать крестьянамъ въ пользованіе за извѣстныя повинности и по взаимному между ними соглашенію.

Относительно имѣній, пріобрѣтенныхъ крестьянами въ собственность на имя своего помѣщика или на свое собственное, большинство дворянства полагало признать неотъемлемое право собственности за крестьянами въ томъ случаѣ, если это имущество не оспаривалось помѣщикомъ, или же пріобрѣтеніе совершилось установленнымъ закономъ порядкомъ [1]).

О способѣ поземельнаго устройства крестьянъ мнѣніе большинства дворянства склонялось къ тому, чтобы не укрѣплять за крестьянами въ собственность земель.

Между дворянами Грузіи и водворенными на ихъ земляхъ крестьянами, говорило большинство, существовала нравственная, неразрывная связь. Не останавливаясь на преданіяхъ историческихъ, дворянство приводило письменные акты въ свидѣтельство того, что крѣпостная зависимость существовала въ Грузіи даже и въ X столѣтіи. Въ теченіе такого продолжительнаго періода времени связь эта закрѣпилась, и расторженіе ея могло отразиться болѣзненно на оба сословія. „Соболѣзновать къ нимъ,—говорилъ докладъ большинства,—больше никто не можетъ; сочувствовать ихъ нуждамъ больше нашего никто не можетъ, и хотя въ эти послѣдніе 40 или 50 лѣтъ водворились тамъ и сямъ между нами неудовольствія по злымъ внушеніямъ, но дѣло сорока лѣтъ, какъ бы ни прискорбно было оно для обѣихъ сторонъ, не можетъ уничтожить характера восьми или девятисотъ-лѣтнихъ добрыхъ семейственныхъ отношеній между нами. Возбуждать теперь неблагодарность ихъ къ себѣ было бы равносильно возбужденію раздора между дѣтьми и родителями, слѣдовательно, было бы противно законамъ нравственнымъ и законамъ Божескимъ“ [2]).

---

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1863 г., № 25, связка 5. Докладъ Дмитрія Кипіани дворянству Грузіи объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ.

[2]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло 1866 г., № 54, связка 7068. Журналъ Закавказскаго центральнаго комитета по устройству помѣщичьихъ крестьянъ.

Дворянство помнило и чувствовало, что оно существовало благодаря труду своихъ крестьянъ и оно желало доказать благодарную память къ нимъ, потому приносило не малую жертву—даровало крестьянамъ свободу, оставляя въ ихъ пользованіи всѣ тѣ земли, какія состояли у нихъ раньше, за тѣ же самыя повинности, какія отбывали они за пользованіе владѣльческой землей. Предоставить земли въ собственность крестьянъ большинство дворянъ считало для себя положительно невозможнымъ по слѣдующимъ причинамъ: если въ татарскихъ дистанціяхъ Грузіи (Борчалинскомъ, Казахскомъ и Шамшадильскомъ участкахъ) земли, принадлежавшія поселянамъ, предоставлены агаларамъ, то было бы несправедливо примѣнять въ обратномъ смыслѣ мѣры правительства по отношенію земель грузинскихъ помѣщиковъ. Въ Грузіи вездѣ такой недостатокъ земель, что если дать хотя бы по двѣ десятины на дымъ, помѣщикамъ не достанетъ ихъ для собственнаго своего существованія. Рѣдко какое имѣніе находилось въ безспорномъ владѣніи, и помѣщикъ, предоставивъ крестьянамъ землю и проигравъ тяжбу, останется въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Многіе изъ помѣщиковъ, за неимѣніемъ земли, пользуются церковными землями, отбывая за нихъ галу. Неразмежеванность имѣній приведетъ еще къ большимъ затрудненіямъ: могутъ возникнуть нежелательные споры; отъ этого главнымъ образомъ помѣщики поставлены въ весьма неутѣшительныя условія: не зная размѣра площади своихъ имѣній, могли ли они опредѣлить точный размѣръ отводимой крестьянамъ земли?

Для новаго устройства поземельнаго быта своихъ крестьянъ большинство дворянъ указывало на желательность установленія укоренившагося въ странѣ владѣнія землею на *хизанскомъ* правѣ; хизаны, поселенные на владѣльческихъ земляхъ за извѣстныя повинности, не могли жаловаться на свою участь. По удостовѣренію дворянъ, правительство само

засвидѣтельствовало, что со времени водворенія русскихъ въ Грузіи со стороны хизановъ не было заявлено ни одной жалобы. Даже болѣе того, хизаны изъ казенныхъ крестьянъ, при всѣхъ заботахъ учрежденій по завѣдыванію казенными имуществами о водвореніи ихъ на казенныхъ земляхъ, предпочитали оставаться на прежде выбранныхъ ими помѣщичьихъ мѣстахъ.

Такое явленіе большинство дворянства объясняло, что въ Грузіи вообще не бывало пролетаріата, что грузинъ не легко трогается съ мѣста—онъ любитъ родной край и уважаетъ мѣстную святыню, во имя которой въ прошломъ проливалъ такъ много крови въ борьбѣ съ врагами, не покидаетъ могилъ своихъ предковъ, если только не вынужденъ особенно побудительными причинами. Вообще положеніе хизанъ въ Грузіи было настолько удовлетворительно, что при всякомъ удобномъ случаѣ крѣпостные крестьяне стремились уйти въ хизанство. Большинство дворянства потому предлагало установить и къ освобожденію своихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости такія же права пользованія землею, какія по добровольному соглашенію существовали между владѣльцами и хизанами.

Меньшинство дворянства полагало, оставивъ земли и другія угодья въ собственность помѣщикамъ, предоставить крестьянамъ во *всегдашнее пользованіе* принадлежавшія имъ на помѣщичьихъ земляхъ дома и хозяйственныя постройки, также виноградные и другіе сады; кромѣ того дворяне находили возможнымъ отпускать крестьянамъ лѣсъ для домашнихъ нуждъ и устройства садовъ за казенную плату, а выгонныя мѣста, называемыя *санахиро-садзовари* предоставлять въ безплатное пользованіе. „Малоземельность цѣлаго края,—заявляло меньшинство дворянства,—извѣстна самому правительству; у большей части помѣщиковъ нѣтъ въ распоряженіи и двадцати дней паханія; всѣ земли ихъ находятся въ рукахъ у крестьянъ, которые обработывая оныя, удѣляютъ помѣщи-

ку извѣстную съ урожая часть подъ названіемъ гала. Если всѣ эти земли передать въ вѣчное и потомственное владѣніе или распоряженіе крестьянъ, тогда у помѣщика не останется ничего кромѣ ничтожныхъ участковъ, которые не будутъ въ состояніи обезпечить его существованіе. Помышлять объ этомъ, по нашему мнѣнію, значитъ помышлять о томъ, чтобы принести въ жертву одну сторону другой, менѣе имѣющей право на земли вообще помѣщика, приносящаго и безъ того много жертвъ и уступокъ въ пользу крестьянъ“ [1]).

Нужно указать еще на особое мнѣніе, заявленное генералъ-лейтенантомъ княземъ Иваномъ Багратіонъ-Мухранскимъ. Въ запискѣ своей онъ указывалъ, что крѣпостное право въ Россіи утверждалось и измѣнялось монархами сообразно съ духомъ времени; что отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ установились тамъ давно опредѣленными повинностями и что именно такая опредѣленность отношеній облегчила привести въ исполненіе освободительную реформу; что, наконецъ, знаніе количества земель, которыя числились за помѣщиками, служило мѣриломъ какъ для опредѣленія мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, такъ и для надѣленія крестьянъ землями въ большихъ имѣніяхъ. Между тѣмъ въ Закавказскомъ краѣ все носило особый отпечатокъ: крѣпостное право было здѣсь такою необходимостью, что безъ такой тѣсной связи обоихъ сословій Грузія едва ли могла сохранить свою самостоятельность до XIX столѣтія.

Это объясняется тѣмъ, что въ феодальныя времена высшія сословія всегда имѣли уваженіе къ личности крестьянина. Самъ законодатель Вахтангъ VI, указывая въ уложеніи о различныхъ видахъ крѣпостнаго права, говоритъ: „кромѣ души все принадлежитъ помѣщику“; изъ этого слѣдуетъ, что законъ запрещалъ притѣсненіе личности, вмѣстѣ съ тѣмъ

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло 1866 г., № 54, связка 7068. Журналъ Закавказскаго центральнаго комитета по устройству помѣщичьихъ крестьянъ.

считалъ имущественное право безусловною принадлежностью помѣщиковъ. „Освобожденіе крестьянъ,—говорилъ князь Багратіонъ-Мухранскій,—есть дѣйствительно современный вопросъ, но справедливость должна являться во всѣ времена, какъ священный долгъ правительства... Мы не дожили до того вѣка, когда уравнительное дѣленіе имущества считалось бы первымъ условіемъ для обществъ, и потому имущественное право, связанное съ личною зависимостью крестьянина и освященное многими вѣками, едва ли слѣдуетъ разрушить, не создавъ прежде всего зрѣло обдуманныя правила новаго состоянія дворянства Закавказскаго, которое, оставаясь высшимъ сословіемъ, не легко перенесло бы утрату крестьянъ—утрату, которую здѣсь сильно почувствуетъ феодальное дворянство. Кто можетъ ручаться, что благоденствіе будетъ разлито отъ прерванія всякихъ отношеній двухъ сословій, тотъ ошибается—тотъ значитъ не знаетъ ни исторіи христіанскаго населенія Кавказа, ни самого Кавказа и его враждебности; будущее скрывается.... Но сколько доступно моему пониманію, наше прошедшее и будущее требовали и требуютъ нѣкоторой между высшимъ и низшимъ сословіями связи и по имуществу—по крайней мѣрѣ дотолѣ, пока Кавказъ не получитъ другого видоизмѣненія. Что касается до личной свободы крестьянъ, свободы, которой мы сочувствуемъ, то рядомъ съ этимъ вопросомъ стоитъ каждый помѣщикъ, обремененный тяжкими долгами“ [1]).

Князь Багратіонъ-Мухранскій просилъ также обратить вниманіе, что для хозяйственнаго быта помѣщиковъ Грузіи обязательный трудъ крѣпостныхъ людей составлялъ единственное средство существованія, что отобраніе у землевладѣльцевъ работниковъ будетъ тяжелымъ испытаніемъ для большин-

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1863 г., № 25, связка 5. Особое мнѣніе г.-л. кн. Багратіонъ-Мухранскаго отъ 26 октября 1863 года.

ства помѣщиковъ, что, наконецъ, многія причины вліяли на обѣднѣніе грузинскаго дворянства, за которымъ числилось долгу до 2-хъ милліоновъ въ Приказѣ общественнаго призрѣнія и столько же частнымъ лицамъ. По этимъ соображеніямъ и было бы справедливо за пожертвованія грузинскихъ помѣщиковъ и за отмѣну крѣпостнаго права выдать имъ соотвѣтствующее вознагражденіе.

Съ цѣлью сохранить прочное устройство двухъ сословій, князь Багратіонъ-Мухранскій проектировалъ, оставивъ землю за помѣщиками, произведенія труда предоставить крестьянамъ, которымъ при желаніи разрѣшить переселяться на новыя мѣста со всѣмъ своимъ движимымъ имуществомъ; крестьянамъ, пожелавшимъ оставаться на прежнихъ мѣстахъ жительства, дать названіе наслѣдственныхъ арендаторовъ съ правомъ во всякое время переселяться отъ помѣщика; помѣщикамъ прежде всего раздѣлить свои имѣнія пополамъ, и одну половину отдать въ пользованіе арендаторовъ-крестьянъ; за находящуюся въ пользованіи крестьянъ землю, такъ называемую, *сихлъ-кари* (мѣсто осѣдлости) и сады отбывать помѣщику натуральныя повинности—работою или же платить оброкъ деньгами или произведеніями земли; завѣдываніе крестьянскими дѣлами поручить мірскимъ судамъ подъ наблюденіемъ мировыхъ посредниковъ, избранныхъ правительствомъ или дворянствомъ [1]).

Со стороны администраціи свое мнѣніе по крестьянскому вопросу высказалъ тифлисскій гражданскій губернаторъ Орловскій. Губернаторъ, соглашаясь, что съ освобожденіемъ крестьянъ помѣщики лишаются средствъ къ безбѣдному существованію, видитъ причины такого оскудѣнія въ томъ, что дворянство Грузіи посвятило себя службѣ по преимуществу военной, усвоило себѣ добродѣтели, стяжавшія ему вниманіе государей, хаходило въ этой службѣ источникъ для жизни.

[1]) Тамъ же.

Орловскій потому ходатайствовалъ, во вниманіе къ участи девяти тысячъ душъ дворянъ, обремененныхъ казенными и частными долгами, въ силу историческихъ причинъ и вѣковыхъ преданій устранявшихся отъ занятій торговлей и промышленностью, оказать имъ матеріальную поддержку равносильную лишенію выгодъ за вызсказанное ими единогасное желаніе предоставить своимъ крестьянамъ личную свободу.

Относительно поземельнаго обезпеченія крестьянъ губернаторъ предлагалъ, признавъ неотъемлемое право помѣщиковъ на земли, воду, лѣса и проч., примѣнить въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса усвоенныя всѣми въ Грузіи правила о хизанахъ [1]).

Великій князь-намѣстникъ въ октябрѣ 1863 года при свиданіи съ государемъ въ Крыму лично доложилъ о положеніи крестьянскаго дѣла на Кавказѣ. Государь приказалъ, чтобы главныя начала, на которыхъ можетъ быть произведено въ Закавказскомъ краѣ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, были бы разсмотрѣны въ соединенныхъ комитетахъ, Кавказскомъ и Главномъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, при одномъ изъ высшихъ чиновниковъ управленія Намѣстника.

Для исполненія воли государя Великій князь нашелъ необходимымъ эти главныя начала передать тщательному и всестороннему обсужденію Закавказскаго центральнаго комитета и предписалъ безотлагательно приступить къ начертанію окончательныхъ проектовъ освобожденія крестьянъ.

Закавказскій центральный комитетъ открылъ свои усиленныя при усиленномъ составѣ засѣданія 9-го декабря 1863 года [2]). Комитетъ прежде всего поставилъ себѣ задачей осу-

[1]) Тамъ же. Мнѣніе тифлисскаго гражданскаго губернатора отъ 2 іюля 1863 года.

[2]). *Примѣчаніе.* Засѣданія комитета были: 9, 16, 18, 20, 23, и 30 декабря 1863 года; 3, 8, 13, 17, 20, 22, 29 и 31 января; 2, 7, и 19 февраля; 13 марта; 6, 9, 10, 11, 12, и 13 апрѣля; 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 23, 24, 25 и 26 мая и 5 и 6 іюня 1864 года.

ществить крестьянскую реформу въ Закавказьѣ, согласовавъ ее съ законоположеніями 19-го февраля 1861 года.

Предварительному разсмотрѣнію комитета представились слѣдующіе два основныхъ вопроса: о правахъ крестьянъ по имуществу и о способахъ поземельнаго ихъ устройства. Опредѣлительнымъ разрѣшеніемъ перваго изъ этихъ вопросовъ выяснялось въ полномъ объемѣ право собственности, которое должно было сохраниться за помѣщиками; отъ принятія же того или другого способа поземельнаго устройства крестьянъ зависѣла вся дальнѣйшая разработка крестьянскаго дѣла.

Обсудивъ эти два вопроса, принявъ во вниманіе мнѣнія, заявленныя большинствомъ и меньшинствомъ дворянства, равно и отдѣльныя мнѣнія князя Багратіонъ-Мухранскаго и д. с. с. Орловскаго, комитетъ въ январѣ 1864 года выработалъ всѣ главныя начала для преобразованія поземельнаго быта помѣщичьихъ крестьянъ. Не останавливаясь на этомъ, комитетъ начерталъ во всѣхъ подробностяхъ и самый проектъ преобразованія въ кодификаціонной формѣ и весь законодательный трудъ этотъ въ полномъ объемѣ былъ отпечатанъ, переданъ на обсужденіе помѣщиковъ, приглашенныхъ въ комитетъ въ числѣ нѣсколькихъ лицъ отъ каждаго уѣзда. Проектъ разсматривался сначала въ отдѣльныхъ собраніяхъ помѣщиковъ, а затѣмъ въ засѣданіяхъ Центральнаго комитета совмѣстно съ его членами. На засѣданіяхъ предсѣдательствовалъ начальникъ Главнаго управленія Намѣстника, сенаторъ баронъ Николаи; присутствовали члены комитета: г.-л. князь Багратіонъ-Мухранскій, князь Андрониковъ 2-й, г.-м. князь Чавчавадзе; тайный совѣтникъ Фадѣевъ, д. ст. совѣтники: Витте, князь Багратіонъ-Мухранскій, Орловскій, Старицкій, Барановскій и статскій совѣтникъ Богдановъ-Калинскій.

Со стороны помѣщиковъ сдѣлано было много заявленій; тѣ изъ нихъ, которыя не совпадали съ основными принципа-

ми дѣла, были отвергнуты; но другія, представлявшія дѣйствительно практическія указанія, какъ напримѣръ ближайшее разъясненіе о системѣ отбыванія крестьянами повинностей комитетомъ были приняты въ соображеніе. Вообще, приглашеніе Центральнымъ комитетомъ къ участію въ совѣщаніяхъ лицъ имущественно заинтересованныхъ и при томъ знающихъ крестьянское дѣло на практикѣ оказалось полезнымъ еще и тѣмъ, что уничтожало сомнѣнія и недовѣріе къ реформѣ, а это оказало вліяніе на спокойное разрѣшеніе самаго дѣла [1]).

Въ особенности полезныя указанія Центральный комитетъ получилъ отъ помѣщиковъ Нагорной полосы. Характеръ мѣстности этой полосы не позволялъ примѣнить тамъ выработанныя комитетомъ правила и потому для окончательнаго заключенія по вопросу объ устройствѣ быта крестьянъ въ этой части Закавказья комитетъ призналъ нужнымъ дѣло это рѣшить по совѣщанію съ помѣщиками.

Князья Эристовы въ поданной въ комитетъ запискѣ, вполнѣ сочувствуя реформѣ, просили разрѣшить крестьянскій вопросъ правительственнымъ выкупомъ всѣхъ имѣній въ горахъ; при этомъ они желали сохранить за собою право собственности на горныя богатства—минералы, источники съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ открытія полезныхъ ископаемыхъ, они возвратятъ пропорціональную часть выданной правительствомъ суммы.

На такихъ основаніяхъ князья Эристовы предполагали освободить крестьянъ, предоставивъ распоряжаться всѣмъ движимымъ имуществомъ, считать неприкосновенною ихъ собственностью все купленное крестьянами по законнымъ купчимъ крѣпостямъ. „Этимъ путемъ,—писали они,—мы сегодня

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1865 г., № 3, связка 8. Отчетъ кн. Туманова по крестьянскому вопросу въ Закавказскомъ краѣ отъ 2 января 1865 года.

же обращаемъ тамъ живущихъ крестьянъ въ собственниковъ и сохраняемъ навсегда миръ и спокойствіе между обоими сословіями, между тѣмъ какъ населеніе нижней полосы едва черезъ сорокъ девять лѣтъ добьется этого благосостоянія; при чемъ раздѣлъ земель повлечетъ за собою раздраженіе массы и вселитъ безконечную вражду между сословіями [1])".

Князья Эристовы считали для помѣщиковъ Нагорной полосы также невыгоднымъ предположенное Центральнымъ комитетомъ отбываніе крестьянами повинностей въ натурѣ, объясняя это тѣмъ, что горные жители и при крѣпостномъ правѣ оказывали помѣщикамъ неповиновеніе, нерѣдко даже совершенно отказывались исполнять свои обязанности передъ владѣльцами. Единственный выходъ изъ такого сложнаго положенія Эристовы считали все тотъ же правительственный выкупъ земель, при чемъ они опредѣляли размѣръ выкупной суммы по ежегоднымъ доходамъ съ крестьянскаго дыма за пользованіе всѣми угодьями по 16-ти-лѣтней сложности доходовъ. Въ запискѣ кн. Эристовыхъ подробно указывались порядокъ пользованія землею и отбываніе повинностей крестьянами Нагорной полосы.

Всѣ эти свѣдѣнія оказались для Центральнаго комитета весьма цѣнными, такъ какъ особенности Нагорной полосы въ предшествующихъ трудахъ дворянства и комитета почти не были изслѣдованы.

Комитетъ въ усиленныхъ майскихъ засѣданіяхъ исправилъ, дополнилъ и окончательно обработалъ проектъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, ведя параллельно съ этой работой другую—начертаніе общихъ постановленій по крестьянской реформѣ. Такимъ образомъ къ первымъ числамъ іюня были вполнѣ изготовлены въ формѣ проектовъ законовъ: 1) *Дополнительныя правила о крестьянахъ, вышед-*

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1863 г., № 27, связка 5. Записка князей Эристовыхъ объ улучшеніи быта ихъ крестьянъ въ Нагорной полосѣ отъ 12 мая 1864 года.

шихъ изъ крѣпостной зависимости въ Тифлисской губерніи; 2) Мѣстное Положеніе о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ въ Тифлисской губерніи и 3) Правила объ устройствѣ крестьянскихъ обществъ и общественнаго ихъ управленія и объ отбываніи сими обществами казенныхъ, земскихъ и общественныхъ повинностей [1]).

Первый проектъ заключалъ постановленія о принятіи вполнѣ или съ нѣкоторыми дополненіями или изъятіями общихъ законоположеній 19 февраля 1861 года; Мѣстное Положеніе кромѣ общихъ правилъ содержало въ себѣ еще облегчительныя для мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ; третій проектъ составленъ особо отъ законоположеній предназначенныхъ собственно для освобождаемаго крѣпостнаго населенія; такъ, признавалось необходимымъ одновременное устройство крестьянскихъ обществъ не только помѣщичьихъ крестьянъ, но казеннаго и церковнаго вѣдомствъ.

Установленныя общими крестьянскими законоположеніями права крестьянъ личныя, по состоянію и по имуществу, устройство общественнаго ихъ управленія, порядокъ отбыванія повинностей, устройство дворовыхъ людей, содѣйствіе правительства къ пріобрѣтенію крестьянами въ собственность ихъ земельнаго надѣла, устройство учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ—принято въ проектахъ съ болѣе или менѣе существенными измѣненіями. Но совершенно самостоятельной разработки потребовалъ трудъ по составленію предположеній для поземельнаго устройства крестьянъ: при этомъ необходимо было принять во вниманіе не только имущественное положеніе грузинскаго дворянства, но и политическое его значеніе.

---

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1865 г., № 3, связка 8. Отчетъ кн. Туманова по крестьянскому вопросу въ Закавказскомъ краѣ отъ 2 января 1865 года.

Центральный комитетъ въ журналѣ своемъ указывалъ, что крестьянская реформа въ Грузіи для большинства помѣщиковъ окажется болѣе обременительной, чѣмъ для русскихъ помѣщиковъ, потому признано было необходимымъ въ вопросѣ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ установить нѣкоторыя изъятія противъ общихъ законоположеній.

Что касается до политической роли грузинскаго дворянства, то она представлялась въ такомъ видѣ.

При добровольномъ присоединеніи Грузіи къ имперіи правительство застало въ ней общественное устройство, которое во всемъ было приспособлено къ единственной цѣли: огражденію безопасности страны отъ внѣшнихъ враговъ. Въ этомъ отношеніи общественное устройство бывшаго Грузинскаго царства было чисто феодальнымъ; основнымъ элементомъ его служило феодальное дворянство, которое, будучи однимъ изъ древнѣйшихъ въ мірѣ, несло на себѣ преимущественно въ теченіе болѣе тысячелѣтія всю тяжесть и вмѣстѣ съ тѣмъ честь по охраненію своей родины противъ окружавшихъ ее сильнѣйшихъ и враждебныхъ государствъ. Послѣ присоединенія хотя безопасность Грузіи и была ограждена, но страна не переставала быть театромъ военныхъ дѣйствій. Дворянство, какъ и прежде, продолжало нести свою тысячелѣтнюю, почетную службу, участвуя въ рядахъ кавказскихъ войскъ, а также въ составѣ особо снаряженныхъ дружинъ, во всѣхъ войнахъ противъ враговъ имперіи. При подобной исторической роли, которую грузинское дворянство исполняло съ увлеченіемъ, оно, естественно, не могло воспользоваться выгодами, извлекаемыми остальными народностями и сословіями изъ преимуществъ, доставляемыхъ имъ заботами правительства обезопасности мирнагоипромышленнаго труда. Не удивительно поэтому, что, при замѣтномъ увеличеніи благосостоянія всѣхъ другихъ сословій, грузинское дворянство всегда крайне нуждалось; а въ такомъ стѣсненномъ положе-

ніи крестьянская реформа не могла не возбудить среди помѣщиковъ опасеній за свою будущность. Несмотря на это, исполняя Царскую волю, и сознавая вполнѣ необходимость упраздненія крѣпостнаго права, дворяне единогласно выразили желаніе на освобожденіе крестьянъ съ предоставленіемъ имъ всѣхъ правъ личныхъ и по имуществу принадлежавшихъ свободнымъ сельскимъ обывателямъ.

Съ другой стороны, какъ Центральный комитетъ, такъ и Великій князь, признавая подобное политическое значеніе дворянства, не могли согласиться съ предположеніями о поземельномъ устройствѣ крестьянъ.

Хизанское положеніе дѣйствительно представляло одну изъ счастливыхъ особенностей свободныхъ поземельныхъ отношеній между владѣльцами и крестьянами. Оно было знакомо каждому грузинскому крестьянину; переходя изъ крѣпостнаго состоянія въ хизаны, каждый крестьянинъ могъ себѣ ясно представить, что его ожидаетъ послѣ реформы; онъ совершенно опредѣленно могъ себѣ представить всѣ послѣдствія новаго своего быта и въ правахъ личныхъ и имущественныхъ, и въ отношеніяхъ къ землевладѣльцу и правительству. Однако хизанское положеніе въ сущности выражало безземельное освобожденіе крестьянъ, что совершенно противорѣчило началамъ освободительной реформы. Правительство не могло даровать кому либо такого права, выполненіемъ котораго оно не имѣло возможности обезпечить громадную массу крѣпостныхъ въ средствахъ существованія и обязывая ихъ нести попрежнему государственныя и земскія повинности. При всемъ томъ крестьяне вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, не имѣя прочной осѣдлости, не могли образовать изъ себя сельскаго общества, такъ какъ интересы временно собравшихся на жительство въ извѣстной мѣстности крестьянъ не давали нужныхъ элементовъ для организаціи общественнаго, постояннаго управленія.

Устранивъ предложенный дворянствомъ способъ устройства будущихъ поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, были приняты къ руководству общія основанія поземельнаго обезпеченія, установленныя законоположеніями 19-го февраля [1]).

Великій князь, одобривъ вполнѣ представленные проекты, препроводилъ всю переписку по крестьянскому дѣлу статсъ-секретарю Буткову на дальнѣйшее распоряженіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ для личныхъ объясненій, въ которыхъ могла встрѣтиться необходимость при разсмотрѣніи проектовъ въ Главномъ комитетѣ, въ Петербургъ былъ командированъ директоръ департамента Главнаго управленія Намѣстника кн. БагратіонъМухранскій. Соединенные комитеты, Главный объ устройствѣ сельскаго состоянія и Кавказскій, отдали полную справедливость кавказскимъ проектамъ и признали, что Центральный комитетъ во всѣхъ своихъ работахъ неуклонно стремился достигнуть поставленной ему цѣли—провести крестьянскую реформу примѣнительно къ Положеніямъ 19 февраля. При обсужденіи частныхъ вопросовъ были сдѣланы незначительныя измѣненія въ проектѣ и въ окончательной формѣ законоположеній [2]). 13-го октября 1864 года въ Ниццѣ императоръ Александръ II подписалъ указъ объ освобожденіи крестьянъ въ Грузіи.

Главнѣйшія основанія реформы заключались въ слѣдующемъ. Крѣпостное право отмѣнялось навсегда, и бывшіе въ крѣпостной зависимости крестьяне вступали во всѣ права свободныхъ сельскихъ обывателей.

Крестьяне дѣлались полными собственниками всего движимаго имущества, а также пріобрѣтеннаго ими покупкою или другимъ законнымъ способомъ.

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло 1866 г., № 54, связка 7068. Журналъ Закавказскаго центральнаго комитета по устройству помѣщичьихъ крестьянъ.

[2]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1864 г., № 14, связка 6. Журналъ соединенныхъ комитетовъ, Главнаго объ устройствѣ сельскаго состоянія и Кавказскаго, отъ 11 сентября 1864 года.

Земля, на которой были водворены крестьяне, составляла полную и неприкосновенную собственность помѣщиковъ, но усадебная осѣдлость крестьянъ, т. е. устроенные на помѣщичьихъ земляхъ сакли, скотные дворы, буйволятники, а также виноградные, фруктовые и тутовые сады—оставлялись въ постоянномъ пользованіи крестьянъ за опредѣленныя въ пользу помѣщиковъ повинности. Сверхъ того для обезпеченія быта крестьянъ и для выполненія ими обязанностей передъ правительствомъ помѣщики обязаны были выдѣлить въ постоянное пользованіе крестьянъ, также за опредѣленныя повинности, часть своихъ пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель. Размѣръ отводимыхъ земель опредѣлялся преимущественно по добровольному соглашенію помѣщиковъ и крестьянъ, но если таковое соглашеніе не состоится, то помѣщики должны были оставить въ пользованіе крестьянъ тѣ пахатныя и сѣнокосныя земли, которыми пользовались бывшіе крѣпостные до реформы; однако, въ этомъ случаѣ законъ указывалъ ограниченія, по которымъ помѣщикъ могъ оставить въ свою пользу не менѣе половины общаго количества принадлежавшихъ ему въ селеніи земель, и во-вторыхъ помѣщикъ не былъ обязанъ отвести въ надѣлъ для каждаго крестьянскаго дыма болѣе 10-ти-дневнаго паханія поливной и 20-ти-дневнаго паханія неполивной земли 5, и 10 десятинъ [1]).

Освобождаясь отъ личной и крѣпостной зависимости и сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ въ своемъ пользованіи помѣщичьи земли, крестьяне обязывались давать своимъ землевладѣльцамъ повинности. Размѣръ этой повинности могъ быть опредѣленъ по добровольному соглашенію, но если заинтересованныя стороны не пришли къ такому соглашенію, то, обезпечивая владѣльцевъ за лишеніе доходовъ съ неотъемлемой ихъ собственности, законъ опредѣлилъ обязательныя съ кресть-

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1864 г., № 14, связка 6. Воззваніе Великаго князя къ сельскимъ обывателямъ Тифлисской губерніи отъ 8 ноября 1864 года.

янъ повинности: за землю подъ усадьбами по три рубля въ годъ съ дневнаго паханія; за землю подъ виноградными садами—четверть урожая (кулухи); а за землю подъ фруктовыми и тутовыми садами—по обоюдному соглашенію или по опредѣленію мировыхъ посредниковъ; за землю подъ пахатными полями—четверть урожая (гала) и за землю подъ сѣнокосами—треть укоса. Давая своему помѣщику эти повинности, крестьяне освобождались отъ всякихъ обязательныхъ работъ (бегара).

Крестьянамъ оставлено право пользованія въ помѣщичьихъ имѣніяхъ выгонами или пастбищными мѣстами на основаніяхъ существовавшаго до того обычнаго порядка; обезпечивалось также пользованіе крестьянами изъ дачъ помѣщика лѣсными матеріалами, при чемъ за это крестьяне несли особую повинность по опредѣленію мировыхъ посредниковъ.

По особымъ условіямъ земель въ нагорныхъ частяхъ Горійскаго уѣзда и Горскаго округа, гдѣ, вслѣдствіе отсутствія хозяйственныхъ обзаведеній помѣщиковъ, почти всѣ ихъ земли находились въ полномъ распоряженіи крестьянъ, новое Положеніе оставило за этими послѣдними какъ пользованіе землею, такъ и отбываемыя ими помѣщикамъ повинности по существовавшему до реформы обычаю.

Обращено было также особенное вниманіе на мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, которые, владѣя слишкомъ ограниченнымъ количествомъ земли (не болѣе 120 дней паханія), не могли безъ явнаго для себя разоренія подчиниться всѣмъ правиламъ по надѣлу крестьянъ землею. Для крестьянъ, водворенныхъ въ имѣніяхъ такихъ помѣщиковъ, установлены особыя мѣры, къ числу которыхъ нужно отнести переселеніе ихъ при извѣстныхъ условіяхъ на казенныя земли.

Положеніе 13-го октября давало крестьянамъ право съ согласія помѣщика пріобрѣтать въ собственность предоставленныя въ пользованіе ихъ усадебныя и полевыя земли; въ

этомъ случаѣ и правительство приходило на помощь, обѣщая крестьянамъ выдачу выкупныхъ ссудъ, при чемъ уплата всей отпущенной суммы разсрочивалась на 49 лѣтъ. Выкупивъ земли, крестьянинъ освобождался отъ всякихъ повинностей къ помѣщику. Въ свою очередь и помѣщики на такихъ же основаніяхъ могли требовать выкупа крестьянами предоставленной въ ихъ пользованіе усадебной и полевой земли. Выкупъ садовъ при обоюдномъ желаніи производился собственными средствами крестьянъ.

Переходъ отъ стараго порядка къ новому не могъ совершиться вдругъ; прежде всего нужно было привести въ извѣстность какія изъ помѣщичьихъ земель состояли въ пользованіи крестьянъ и какія могли быть имъ предоставлены въ дальнѣйшее пользованіе; нужно было опредѣлить самыя повинности за земли въ пользу помѣщиковъ; наконецъ, необходимо было заключенныя между помѣщиками и крестьянами обязательства по обоюдному согласію или на основаніяхъ указанныхъ въ Положеніяхъ оформить въ документѣ, одинаково обезпечивающемъ права обѣихъ сторонъ и называемомъ *уставной грамотой*. Для окончательнаго соглашенія и написанія самихъ уставныхъ грамотъ опредѣленъ двухгодичный срокъ, при чемъ срокъ этотъ могъ быть и сокращенъ, если уставныя грамоты обѣими сторонами подписывались раньше. До истеченія двухгодичнаго срока крестьяне оставались въ томъ же поземельномъ положеніи, въ которомъ находились до реформы.

Такимъ образомъ со дня объявленія законоположеній крестьяне освобождались отъ всякой личной зависимости и всякихъ крѣпостныхъ приношеній помѣщикамъ продуктами и деньгами; они пріобрѣтали право вступать въ бракъ и выдавать замужъ своихъ дочерей безъ разрѣшенія помѣщика; право распоряжаться своимъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ; право пріобрѣтать имущество и въ будущемъ, а

до введенія уставныхъ грамотъ сохраняли въ своемъ пользованіи всѣ угодья, какія были въ ихъ распоряженіи. Помѣщики же пріобрѣтали право получать отъ крестьянъ всѣ тѣ поземельныя повинности, какъ произведеніями земли, такъ и, отчасти, работою (бегара), какія получали при дѣйствіи крѣпостнаго права.

Эти отношенія устанавливались временно; они не измѣняли основныхъ началъ Положеній, и были введены съ цѣлью дать возможность и время для перехода къ постояннымъ, правильнымъ и спокойнымъ поземельнымъ отношеніямъ въ будущемъ.

Тѣ же самыя правила установлены Положеніями и для крестьянъ, находившихся въ домашнемъ услуженіи у помѣщиковъ или при хозяйствѣ, а также водворенныхъ хизанами на землѣ другихъ владѣльцевъ или вѣдомствъ и на крестьянъ живущихъ въ городахъ и мѣстечкахъ. Всѣ эти крестьяне пріобрѣтали тѣ же права личныя, семейственныя и по имуществу, какъ и живущіе въ имѣніяхъ помѣщиковъ; свою службу и свои повинности они несли по старому въ теченіе двухъ лѣтъ, а по истеченіи этого срока всѣ эти крестьяне могли избрать родъ жизни по своему усмотрѣнію [1]).

Таковы главныя начала Положеній 13-го октября 1864 г.

Великій князь, принимая во вниманіе, чтобы въ предстоявшемъ въ преобразованіи быта помѣщичьихъ крестьянъ послѣ полученія новыхъ законоположеній не произошло никакой остановки для приведенія ихъ въ дѣйствіе, принялъ нѣкоторыя предварительныя мѣры. Съ этой цѣлью 3-го октября подъ предсѣдательствомъ тифлисскаго губернатора д. с. с. Орловскаго учреждена временная комиссія, которой предложено: немедленно привести въ порядокъ свѣдѣнія о помѣщикахъ и ихъ имѣніяхъ, составить по уѣздамъ и округамъ

[1]) Тамъ же.

именные списки помѣщичьихъ владѣній съ обозначеніемъ какъ именъ помѣщиковъ, такъ и числа крестьянскихъ дымовъ, состоящимъ за каждымъ изъ нихъ, а въ дымахъ—числа душъ мужескаго пола по послѣднему камеральному описанію. При этомъ комиссіи поручалось относительно крестьянъ объяснить: сколько изъ нихъ живетъ въ имѣніяхъ помѣщиковъ, сколько на землѣ посторонних владѣльцевъ или вѣдомствъ казеннаго или церковнаго, сколько проживаетъ въ городахъ, сколько состоитъ въ домашнемъ услуженіи у помѣщика. Комиссіи предписывалось списки помѣщичьихъ имѣній составить непремѣнно къ 1-му ноябрю. Эту же комиссію одновременно съ обнародованіемъ реформы предложено было обратить въ высшее губернское по дѣламъ крестьянъ учрежденіе, подъ названіемъ Губернскаго присутствія съ спеціальнымъ назначеніемъ вводить Положеніе въ дѣйствіе; при этомъ предварительно составъ временной комиссіи усиливался 4-мя членами дѣлопроизводителями и 4-мя членами отъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ [1]).

Независимо этого порученія временной комиссіи, до обнародованія новыхъ законоположеній, по приказанію Великаго князя, въ Главномъ управленіи Намѣстника были подготовлены слѣдующія работы: 1) начертанъ планъ образованія въ губерніи 12-ти мировыхъ отдѣловъ, предназначенныхъ для дѣйствій мировыхъ посредниковъ; 2) составлено подробное Положеніе о мировыхъ посредникахъ и Губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи; 3) составлена первая часть правилъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе новыхъ Положеній, именно о правахъ, пріобрѣтаемыхъ крестьянами по обнародованіи Положеній и объ отношеніяхъ ихъ къ помѣщикамъ до введенія уставныхъ грамотъ; 4) составлено Положеніе о

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1864 г., № 13, связка 6. Предписаніе барона Николаи тифлисскому губернатору Орловскому отъ 3 октября 1864 года.

крестянахъ, находящихся въ домашнемъ услуженіи у помѣщиковъ и при ихъ хозяйствѣ, а также живущихъ хизанами; 5) Правила о порядкѣ взысканія съ крестьянъ недоимокъ прежнихъ лѣтъ по повинностямъ и долгамъ къ помѣщикамъ.

Всѣ эти Положенія и Правила были окончательно изготовлены до обнародованія реформы и утверждены Великимъ княземъ 4-го ноября 1864 года.

При образованіи состава мировыхъ отдѣловъ принято въ соображеніе не административное подраздѣленіе губерніи, а большее или меньшее число помѣщичьихъ крестьянъ и различіе по условіямъ хозяйственнаго ихъ быта. Было составлено подробное описаніе мировыхъ отдѣловъ съ обозначеніемъ ихъ названій по уѣздамъ, числа и названія деревень, числа крестьянъ мужескаго пола по дымно, общая для губерніи и частныя для уѣздовъ карты [1]).

Мировые посредники и Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе имѣли назначеніемъ разбирать недоразумѣнія, споры и жалобы, возникавшіе изъ обязательныхъ поземельныхъ отношеній между помѣщиками и временно-обязанными крѣстьянами, а также по отношенію къ крестьянамъ, состоявшимъ въ услуженіи у помѣщиковъ или водворенныхъ въ качествѣ хизановъ. Кромѣ того мировые посредники вѣдали засвидѣтельствованіемъ разныхъ актовъ, заключаемыхъ между помѣщиками и крестьянами, а также нѣкоторыми распорядительными дѣйствіями по крестьянскимъ дѣламъ вообще.

Согласно поставленной цѣли, задача мировыхъ посредниковъ заключалась въ ближайшемъ разсмотрѣніи крестьянскихъ нуждъ и наблюденіи за примѣненіемъ правильныхъ отношеній къ помѣщикамъ.

---

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1865 г., № 3, связка 8. Отчетъ кн. Туманова по крестьянскому дѣлу въ Закавказскомъ краѣ отъ 2 января 1865 года.

Къ предметамъ вѣдомства Губернскаго присутствія отнесены: жалобы на дѣйствія мировыхъ посредниковъ и распорядительныя дѣйствія по крестьянскимъ дѣламъ, главнымъ образомъ заключающіяся въ высшемъ надзорѣ за правильнымъ примѣненіемъ Положеній о крестьянахъ, какъ напримѣръ: въ примѣненіи размѣра надѣла для поливныхъ и неполивныхъ полей, разсмотрѣніе и утвержденіе тѣхъ уставныхъ грамотъ, которыя представлены окончательному утвержденію, установленіе общихъ сроковъ по взносу крестьянами повинностей для тѣхъ имѣній, въ которыхъ не состоялось добровольныхъ соглашеній и. т. д.

Губернское присутствіе для выслушанія сторонъ могло командировать или отдѣльныхъ членовъ, или же особыя временныя отдѣленія въ составѣ не менѣе трехъ лицъ.

Порядокъ дѣйствія Губернскаго присутствія по жалобамъ на рѣшенія мировыхъ посредниковъ и по распорядительнымъ дѣламъ опредѣленъ такой же, какъ и для мировыхъ посредниковъ, при чемъ обжалованіе на рѣшенія Губернскаго присутствія приносились въ 30-ти-дневный срокъ Намѣстнику [1]).

Зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ прекращалась со дня обнародованія крестьянскихъ законоположеній; окончательныя же отношенія ихъ къ помѣщикамъ могли установиться спустя два года, съ введеніемъ уставныхъ грамотъ. Поэтому для двухлѣтняго переходнаго состоянія опредѣлены особыя правила о правахъ крестьянъ и отношеніяхъ ихъ къ помѣщикамъ.

До введенія уставныхъ грамотъ пользованіе крестьянами помѣщичьими землями оставлено въ прежнемъ видѣ. Сохранены также крестьянскія повинности и бегара (повинность работою), при чемъ повинность кулухи (съ виноградныхъ са-

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1864 г., № 14, связка 6. Положеніе о мировыхъ посредникахъ и Губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи въ Тифлисской губерніи.

довъ) опредѣлена не болѣе $^1/_2$ съ урожая вина, гала—не болѣе $^1/_4$ съ урожая всѣхъ земныхъ произведеній, съ сѣнокосовъ—не болѣе $^1/_3$ съ укоса; бегара допущена не свыше одного дня въ недѣлю и она могла отбываться въ предѣлахъ имѣнія и не далѣе десяти верстъ отъ него. Владѣльцы имѣній, въ которыхъ до реформы крестьянами отбывалась повинность подводами, могли посылать подводы съ сельскими произведеніями и другими предметами хозяйства, при этомъ количество дней на перевозку засчитывалось въ счетъ бегары, приравнивая каждый день подводной повинности къ 1 $^1/_2$ днямъ бегары. Разстояніе для проѣзда въ день опредѣлялось въ 20 верстъ [1]).

Со дня обнародованія законоположеній отмѣнялись всѣ случайныя приношенія произведеніями земли и деньгами; только въ имѣніяхъ нагорныхъ частей Горійскаго уѣзда и Горскаго округа оставлено отбываніе бегары и сачукаръ-бегары въ томъ видѣ и размѣрѣ, въ какомъ отбывалось раньше. На прежнихъ же основаніяхъ оставлено отбываніе крестьянами государственныхъ податей и повинностей.

Всѣ личныя, по имуществу и семейственныя права, установленныя для временно-обязанныхъ крестьянъ вообще, предоставлены также и крестьянамъ состоящимъ въ домашнемъ услуженіи у помѣщиковъ и водворенныхъ хизанами. Въ теченіе двухъ лѣтъ такіе крестьяне должны были служить своимъ помѣщикамъ или платить имъ оброкъ, который не могъ быть болѣе 30-ти рублей въ годъ съ взрослаго мужчины и 10-ти рублей съ женщины. Въ случаѣ притѣсненія со стороны помѣщика, крестьянинъ состоявшій въ домашнемъ услуженіи могъ приносить жалобу на общихъ основаніяхъ мировому посреднику, который, въ случаѣ справедливости жалобы,

[1]) Утвержденныя Великимъ княземъ 4 ноября 1864 года „Правила о правахъ, приобрѣтаемыхъ крестьянами вышедшими изъ крѣпостной зависимости въ Тифлисской губерніи по обнародованіи Положеній и объ отношеніяхъ къ помѣщикамъ до введенія уставныхъ грамотъ„.

представлялъ Губернскому присутствію постановленіе объ освобожденіи отъ обязанностей нести службу помѣщику и ранѣе окончанія двухлѣтняго срока. По истеченіи двухъ лѣтъ крестьяне находившіеся въ услуженіи освобождались навсегда отъ обязанности нести службу помѣщикамъ, а въ послѣдующіе два года они должны были избрать себѣ мѣсто окончательной приписки по городамъ или сельскимъ обществамъ.

Послѣ двухъ лѣтъ прекращались также договоры съ помѣщиками хизанъ, которые могли оставаться въ хизанскомъ положеніи на особыхъ основаніяхъ [1]).

Всѣ крестьянскія законоположенія были доставлены въ Тифлисъ 5-го ноября 1864 года флигель-адъютантомъ барономъ Корфомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ баронъ Корфъ передалъ волю государя, чтобы указъ и новыя постановленія о крестьянахъ были обнародованы въ день тезоименитства Великаго князя Намѣстника. На этомъ основаніи, согласно особаго церемоніала, обнародованіе указа объ освобожденіи было назначено въ одинъ и тотъ же день, 8-го ноября, какъ въ Тифлисѣ, такъ и въ уѣздныхъ городахъ –Гори, Телавѣи Сигнахѣ [2]).

Объявленіе дарованія свободы крестьянамъ было обставлено большою торжественностью: въ Тифлисъ, Гори, Телавъ и Сигнахъ вызваны старшины и по два депутата отъ крестьянскихъ обществъ; громадныя толпы сельскаго населенія съ благоговѣніемъ слушали чтеніе указа объ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости. Чтобы крестьяне съ самаго начала точнѣе усвоили бы себѣ даруемыя права, распоряженіемъ Великаго князя законоположенія переведены на грузинскій языкъ, а въ особо обращенномъ къ сельскимъ обывателямъ воззваніи Великій князь объяснялъ значеніе и самую сущность реформы.

[1]) Тамъ же.

[2]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1864 г. №14, связка 6. Предписаніе Великаго князя тифлисскому губернатору Орловскому отъ 5 ноября 1864 г., № 460.

Въ этомъ воззваніи указывалось, что государь призналъ необходимымъ распространить начала манифеста 19-го февраля 1861 года по отношенію къ крестьянамъ Грузіи, что воля государя встрѣтила полное сочувствіе въ средѣ благороднаго грузинскаго дворянства, изъявившаго готовность принести жертвы для пользы своихъ крестьянъ; что жертвы эти выразились въ предложеніи дворянъ не только прекратить личную крѣпостную зависимость отъ нихъ крестьянъ безъ всякаго вознагражденія, но и предоставить въ пользованіе для обезпеченія ихъ быта часть принадлежавшихъ имъ въ собственность земель. Объяснивъ въ извлеченіяхъ сущность реформы, Великій князь въ заключеніе писалъ:

„Сельскіе обыватели вышедшіе изъ крѣпостной зависимости! Надѣюсь, вы оцѣните важность и значеніе нынѣшняго дня, открывающаго вамъ новую жизнь, оцѣните важность правъ вамъ съ этого дня даруемыхъ, которыя дѣлаютъ васъ полными хозяевами вашего имущества, полными распорядителями вашего труда. Надѣюсь, вы поймете кому обязаны этою милостью. Государь Императоръ, устраивая благосостояніе всѣхъ своихъ подданныхъ, не могъ исключить и васъ изъ круга своихъ высокихъ заботъ. Ему вы прежде всего обязаны великою милостью нынѣшняго дня. Благороднымъ дворянамъ, бывшимъ вашимъ помѣщикамъ, принадлежитъ не малая доля въ улучшеніи и устройствѣ вашего быта: они добровольно пожертвовали вашею отъ нихъ зависимостью; уважая ваши труды, они охотно предоставляютъ вамъ для обезпеченія вашего благосостоянія въ постоянное пользованіе часть своихъ земель. Но, пріобрѣтая права и преимущества вамъ даруемыя, вы не должны забывать обязанностей на васъ лежащихъ. Обязанности эти двоякія: передъ правительствомъ и передъ владѣльцами земли, на которой вы поселены. Правительство ожидаетъ обычнаго отправленія вами казенныхъ и земельныхъ податей и повинностей, отъ коихъ ни одинъ классъ сво-

бодныхъ сельскихъ сбывателей не свободенъ; помѣщики въ правѣ ожидать отъ васъ исправнаго и своевременнаго взноса поземельныхъ повинностей, какъ должнаго и законнаго возмездія за отдаваемыя въ постоянное пользованіе ваше принадлежащія имъ земли. Только истиннымъ сознаніемъ сихъ обязанностей и безупречнымъ ихъ исполненіемъ вы можете доказать свою благодарность за дарованныя вамъ блага. Вамъ открытъ путь къ созиданію своего благосостоянія; честнымъ и спокойнымъ трудомъ вы можете его развить и упрочить; бережливостью и безукоризненною жизнью вы увеличите свое и дѣтей вашихъ имущество. Этого желаетъ государь императоръ, этого ожидаю отъ васъ я. Да сопутствуетъ вамъ Божіе благословеніе на новомъ открывающемся передъ вами пути".

Вслѣдъ за обнародованіемъ крестьянскихъ Положеній объ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости Великимъ княземъ были изданы Правила о примѣненіи къ Тифлисской губерніи уставныхъ грамотъ и подробное Положеніе о сельскихъ обществахъ и ихъ общественномъ управленіи.

Составленіе, разсмотрѣніе, утвержденіе и введеніе въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ подчинены тѣмъ же правиламъ, какія были установлены для внутреннихъ губерній. Положеніе же о сельскихъ обществахъ существенно отличалось отъ общихъ по имперіи правилъ.

Сельское общество составляли водворенные въ одномъ селеніи крестьяне, какого бы вѣдомства или наименованія они ни были: казенные, церковные или временно-обязанные. Нѣсколько малолюдныхъ селеній соединялись въ одно сельское общество. Казенные, церковные и другихъ вѣдомствъ крестьяне, входящіе въ составъ сельскаго общества, образовывали частныя крестьянскія общества.

Сельское общественное управленіе составляли: *сельскій сходъ, сельскій старшина* (въ многолюдныхъ селеніяхъ и помощникъ старшины) и *сельскій крестьянскій судъ*.

Въ составъ сельскаго схода входятъ всѣ безъ различія исповѣданія совершеннолѣтніе крестьяне—домохозяева и всѣ назначенные по выбору сельскія должностныя лица. Сходомъ руководитъ сельскій старшина и вѣдѣнію его отнесены: выборы должностныхъ лицъ, приговоры объ удаленіи изъ общества вредныхъ и порочныхъ членовъ, назначеніе опекуновъ и попечителей, повѣрка ихъ дѣйствій, разрѣшеніе семейныхъ раздѣловъ, распоряженіе общественными земельными угодьями, совѣщаніе о нуждахъ общества, раскладка казенныхъ и земскихъ податей и повинностей и пр.

Рѣшеніе сельскаго схода признается законнымъ только тогда, когда дѣло обсуждалось въ присутствіи старшины и при наличности не менѣе половины домохозяевъ. Маловажныя дѣла рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ; въ дѣлахъ же по удаленію вредныхъ членовъ, по расходованію общественныхъ капиталовъ, по семейнымъ раздѣламъ требуется письменное постановленіе и большинство не менѣе двухъ третей крестьянъ. Жалобы на рѣшеніе сельскаго схода приносятся мѣстному уѣздному начальнику, а если въ селеніи проживаютъ не менѣе половины временно-обазанныхъ крестьянъ—мировому посреднику.

Сельскій старшина несетъ отвѣтственность за сохраненіе порядка и спокойствія въ предѣлахъ сельскаго общества; на него возложены обязанности полицейскія и общественныя.

Сельскій крестьянскій судъ составляютъ сельскіе суды и онъ вѣдаетъ спорами и тяжбами между крестьянами и маловажными проступками ихъ. Окончательному рѣшенію сельскаго суда отнесены: всѣ споры и тяжбы цѣною до ста руб; впрочемъ, сумма иска можетъ быть и неограничена этимъ предѣломъ, если тяжущіяся стороны сами пожелаютъ рѣшить дѣло въ сельскомъ судѣ. Если въ тяжбѣ участвуетъ лицо не принадлежащее къ составу сельскаго общества, а также

если иски касаются собственнаго недвижимаго крестьянскаго имущества, то по требованію одной изъ сторонъ дѣло подлежитъ разсмотрѣнію общихъ судебныхъ учрежденій.

По маловажнымъ проступкамъ сельскій судъ приговариваетъ виновныхъ къ общественнымъ работамъ до шести дней, денежнымъ взысканіямъ до трехъ рублей и къ аресту до семи дней.

Для разбора дѣлъ сельскій судъ собирается по распоряженію сельскаго старшины. Дѣла по искамъ производятся словесно, при чемъ судьи стараются склонить тяжущихся. При сельскомъ сходѣ ведется книга сдѣлокъ и договоровъ. Рѣшенія и приговоры дѣлъ по проступкамъ сельскій судъ производитъ письменно.

Выбираемые сельскимъ сходомъ должностныя лица сельскаго общественнаго управленія не могутъ быть моложе 25-ти лѣтъ или люди порочные. Сельскіе старшины и сельскіе судьи по представленію уѣздныхъ начальниковъ утверждаются въ должностяхъ губернаторомъ. Сельскому обществу предоставлено право выдавать должностнымъ лицамъ жалованье; эти лица кромѣ того подлежатъ въ теченіе трехъ лѣтъ пребыванія въ должностяхъ освобожденію отъ отбыванія всякихъ повинностей. За проступки по должности должностныя лица несутъ законную отвѣтственность, при чемъ опредѣленіе мѣры взысканія не болѣе 5-ти рублей и ареста до семи дней на старшинъ предоставлено уѣздному начальнику, а на сельскихъ судей—губернатору.

Кромѣ казенныхъ и земскихъ податей и повинностей на сельскія общества возложено обязательное отбываніе и нѣкоторыхъ общественныхъ повинностей: на содержаніе общественнаго управленія, расходы на оспопрививаніе и противъ заразныхъ болѣзней, на содержаніе въ исправности проселочныхъ дорогъ, межевыхъ знаковъ, на содержаніе карауловъ въ деревняхъ, на призрѣніе неспособныхъ къ труду членовъ

общества, на принятіе противопожарныхъ мѣръ и на устройство сельскихъ запасныхъ магазиновъ [1]).

Сельскія общества временно-обязанныхъ крестьянъ въ соединеніи съ крестьянами другихъ вѣдомствъ образовались въ первый же годъ крестьянской реформы; новое общественное управленіе значительно способствовало дальнѣйшему развитію крестьянскаго благосостоянія. Всѣхъ сельскихъ обществъ въ Тифлисской губерніи открыто 387 и въ нихъ состояло временно-обязанныхъ крестьянъ около 15-ти тысячъ дымовъ. Уставныя грамоты составлены и введены въ большей части имѣній ко времени истеченія назначеннаго двухлѣтняго срока со времени обнародованія Положеній. Къ тому же времени была вовсе отмѣнена бегара (издѣльная повинность) и уволены отъ обязательной службы помѣщикамъ домашняя и хозяйственная прислуга, а отъ обязательныхъ повинностей—хизаны и крестьяне жившіе въ городахъ и мѣстечкахъ. Всего по губерніи уволены: прислуги 2294, хизановъ 3843 и крестьянъ послѣдней категоріи 2080 человѣкъ [2]).

Успѣшное составленіе уставныхъ грамотъ самими помѣщиками было нѣсколько замедлено по малой извѣстности долей принадлежащихъ имъ въ необмежованныхъ имѣніяхъ и количества земель состоящихъ въ пользованіи крестьянъ. Затрудненія эти, однако, были устранены командированіемъ межевыхъ комиссій въ тѣ мѣстности, гдѣ это представлялось возможнымъ по общему плану межевыхъ работъ. Для содѣйствія помѣщикамъ въ составленіи уставныхъ грамотъ были посылаемы также отдѣльные межевые чины и свѣдующіе въ землемѣрныхъ рабо-

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1864 г., № 25, связка 7. Утвержденное Великимъ княземъ 11 апрѣля 1865 года „Положеніе о сельскихъ обществахъ, ихъ общественномъ управленіи и повинностяхъ государственныхъ и общественныхъ въ Тифлисской губерніи".

[2]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи начальника Главнаго управленія 1871 г., № 68, связка 5328. Матеріалы для отчета по устройству крестьянъ въ Закавказскомъ краѣ.

тахъ штабъ и оберъ-офицеры. Этими мѣрами достигнуто то, что менѣе чѣмъ въ три года повсемѣстно въ губерніи, не исключая и нагорныхъ ея имѣній, находившіяся еще болѣе въ невыгодныхъ условіяхъ, составлены и окончательно введены уставныя грамоты. Общее число уставныхъ грамотъ достигло до 2389-ти, ими опредѣлены поземельныя отношенія къ помѣщикамъ около 14-ти тысячъ крестьянскихъ дымовъ, а отчасти прекращены эти отношенія окончательно посредствомъ предоставленія со стороны помѣщиковъ крестьянамъ въ даръ узаконенной части надѣла или черезъ другія между ними соглашенія.

Какъ при составленіи уставныхъ грамотъ, такъ и послѣ возникали различные сопоры и недоразумѣнія между помѣщиками и крестьянами, но въ большинствѣ случаевъ они разрѣшались легко и скоро. Болѣе затрудненій представляли заявленные со стороны крестьянъ иски на принадлежность имъ имѣній, пріобрѣтенныхъ еще при существованіи крѣпостнаго права на свое имя *по баратамъ*. Законоположеніями по Тифлисской губерніи такіе споры подчинены тѣмъ же правиламъ, какія были установлены во внутреннихъ губерніяхъ для разбора споровъ по пріобрѣтеніямъ крестьянъ на *имя помѣщиковъ*, т. е. правиламъ разбора *по совѣсти*. При самомъ же составленіи уставныхъ грамотъ крестьяне стали предъявлять свои бараты даже на такія земли, которыя оказались въ составѣ ихъ надѣловъ. Чтобы не останавливать составленіе грамотъ, мировымъ посредникамъ разрѣшалось вести дѣла по разбору исковъ крестьянъ отдѣльно отъ составленія самихъ грамотъ; для содѣйствія въ разборѣ дѣлъ командировались чиновники Губернскаго присутствія, а при разбирательствѣ предлагалось подобно тому, какъ это разрѣшено для украинскихъ имѣній, не стѣсняться 10-ти-лѣтнею земскою давностью со дня пріобрѣтенія имѣній [1]).

[1]) Тамъ же.

Соображая способы и порядокъ освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ въ Грузіи князь Барятинскій въ 1862 году возбудилъ ходатайство объ особомъ денежномъ вознагражденіи помѣщиковъ. Фельдмаршалъ представлялъ, что по особому свойству и разнообразію повинностей и вообще отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ реформа можетъ совершится съ надлежащимъ успѣхомъ при томъ условіи, если помѣщики будутъ вознаграждены не только за предоставляемыя ими крестьянамъ земли, но и за тѣ повинности, которыхъ они лишатся съ освобожденіемъ крестьянъ. Принявъ во вниманіе такое предположеніе князя Барятинскаго, императоръ Александръ II разрѣшилъ отдѣлить изъ особаго капитала назначеннаго вообще на крестьянское дѣло до двухъ милліоновъ рублей.

Съ изданіемъ постановленій по крестьянской реформѣ въ Тифлисской губерніи послѣдовалъ и особый на имя Великаго князя рескриптъ, въ которомъ, желая оказать грузинскимъ помѣщикамъ денежное вознагражденіе за лишеніе личныхъ повинностей крестьянъ, основанныхъ на обычаяхъ страны и не существовавшихъ въ другихъ частяхъ имперіи, разрѣшено выдать предназначенный на этотъ предметъ капиталъ на слѣдующихъ основаніяхъ [1]).

Всѣ грузинскіе помѣщики, за которыми числились въ крѣпостной зависимости крестьяне, получали вознагражденіе по 25-ти рублей по числу душъ мужескаго пола показанныхъ за ними по послѣднему камеральному описанію.

Тѣмъ помѣщикамъ, за которыми числилось менѣе 21 души мужескаго пола, по усмотрѣнію Великаго князя могло быть выдано еще дополнительное вознагражденіе съ тѣмъ, однако, чтобы сумма общаго вознагражденія не превышала бы 50-ти

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1862 г., № 30, связка 4. Рескриптъ императора Александра II Великому князю, данный въ Ниццѣ 13 октября 1864 года.

рублей. Впрочемъ, дополнительнымъ вознагражденіемъ могли воспользоватся только тѣ помѣщики, которые дѣйствительно нуждались, у которыхъ не было другого движимаго или недвижимаго имущества и которые, наконецъ, сами попросятъ о такомъ вознагражденіи. Необезпеченность такихъ помѣщиковъ должна была быть удостовѣрена уѣзднымъ предводителемъ дворянства, мѣстнымъ мировымъ посредникомъ и уѣзднымъ или окружнымъ начальникомъ. Дополнительное вознагражденіе могло быть назначено и тѣмъ мелкопомѣстнымъ помѣщикамъ, за которыми значилось и болѣе 21 души крестьянъ, но которые, обремененные многочисленнымъ семействомъ и по другимъ заслуживающимъ уваженія обстоятельствамъ, находились въ бѣдственномъ положеніи.

Какъ общее, такъ и дополнительное вознагражденіе помѣщикамъ подлежало къ выдачѣ безъ всякихъ вычетовъ на уплату казенныхъ взысканій или частныхъ долговъ. Великому князю поручалось для приведенія въ исполненіе этой мѣры преподать дальнѣйшія указанія.

„Даруя такимъ образомъ,—заканчивался рескриптъ,—помѣщикамъ Тифлисской губерніи матеріальные способы къ обезпеченію тѣхъ съ ихъ стороны пожертвованій, которыя неразлучны со столь существеннымъ и важнымъ преобразованіемъ, обѣщающемъ благопріятные во всѣхъ отношеніяхъ результаты, Мы увѣрены, что помѣщики, успокоенные симъ выраженіемъ заботливости нашей объ ихъ настоящемъ положеніи, воспользуются предоставляемыми имъ средствами для устройства и улучшенія своего хозяйства, вступающаго отнынѣ въ новыя условія и тѣмъ положатъ прочное основаніе развитію экономическихъ силъ ихъ родного края“ [1]).

Рескриптъ этотъ лично былъ доставленъ Великому князю флигель-адьютантомъ гвардіи полковникомъ барономъ Кор-

[1]) Тамъ же.

фомъ. Въ самый день обнародованія свободы крестьянамъ приглашеннымъ во дворецъ Намѣстника грузинскимъ помѣщикамъ была объявлена эта царская милость. По прочтеніи рескрипта губернскій предводитель дворянства д. с. с. Дмитрій Кипіани обратился къ Великому князю съ слѣдующими словами:

„Единственное опасеніе грузинскаго дворянства заключалось, какъ извѣстно Вашему Императорскому Высочеству, въ томъ, что мы ожидали въ будущемъ весьма важныхъ для насъ матеріальныхъ лишеній. Возвѣщенная намъ теперь и исключительно намъ даруемая императорская милость устраняетъ это опасеніе и даетъ намъ возможность перехода и къ новому порядку.

Преисполненные вѣрноподданической за это благодарности, мы просимъ Васъ, государь, не оставить довести о таковыхъ нашихъ чувствованіяхъ до Высочайшаго свѣдѣнія. При этомъ считаемъ долгомъ доложить Вашему Императорскому Высочеству, что, сочувствуя сердцемъ великому историческому дѣлу освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, мы вполнѣ сознаемъ и наше въ немъ призваніе: какъ сословіе высшее и болѣе развитое мы должны и будемъ искренно стремиться къ тому, чтобы новый порядокъ установился безъ затрудненій, на Высочайше указанныхъ началахъ и чтобы онъ послужилъ къ равномѣрному благу для обоихъ сословій.

Нововведеніе бываетъ, конечно, сопряжено иногда съ нѣкоторыми недоразумѣніями, они могутъ возникнуть и здѣсь, но святое это дѣло, завершаясь въ день собора архистратига Михаила — въ день тезоименитства Вашего, переходитъ къ грядущимъ вѣкамъ неразлучно съ Вашимъ именемъ, государь, и потому, уповая на Августѣйшее Ваше покровительство, мы смѣло и довѣрчиво приступаемъ къ его выполненію“ [1]).

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1864 г., № 9, связка 35. Рѣчь Дмитрія Кипіани, произнесенная во дворцѣ Великаго князя 8 ноября 1864 года.

По свѣдѣніямъ камеральнаго описанія 1860 и 1861 годовъ помѣщичьихъ семействъ, имѣвшихъ каждое менѣе 21 души мужескаго пола крестьянъ, значилось 869, имѣвшихъ же болѣе 21 души мужескаго пола—882; за первыми въ общей совокупности числилось 6932 души мужескаго пола (2111 дымовъ), за послѣдними же 60644 души мужескаго пола (15170 дымовъ). Согласно предположенному распредѣленію необходимая для вознагражденія сумма опредѣлялась въ размѣрѣ 1862000 рублей.

Принимая во вниманіе, что помѣщики перестали пользоваться личными повинностями крестьянъ со дня обнародованія Положеній, Великій князь находилъ нужнымъ выдать причитающуюся каждому помѣщику сумму безъ замедленія.

Способъ выдачи денегъ министерствомъ финансовъ былъ назначенъ отчисленіемъ изъ особаго крѣпостного капитала 5% билетами Государственнаго Банка. Великій князь указывалъ, что это поведетъ къ весьма невыгоднымъ послѣдствіямъ для помѣщиковъ. 5% билетовъ и другихъ процентныхъ бумагъ обращалось въ то время въ краѣ около 4-хъ милліоновъ. Всѣ почти наличные денежные капиталы края были отвлечены на промышленныя предпріятія и размѣнъ билетовъ производился значительно ниже нарицательной цѣнности. Приливъ еще 2-хъ милліоновъ такихъ билетовъ, безъ сомнѣнія, еще болѣе усилилъ бы всеобщій упадокъ цѣнъ на нихъ. Въ этомъ случаѣ болѣе всего пострадало бы помѣщичье сословіе, такъ какъ оно ждало и желало получить опредѣленную сумму не для однихъ процентовъ съ нея, а для употребленія на неотложныя потребности по сельскому хозяйству; получивъ же вознагражденіе банковыми билетами, помѣщики были бы принуждены сбывать ихъ за безцѣнокъ армянскимъ барышникамъ, которые и прежде на этихъ операціяхъ съ успѣхомъ эксплоатировали и способствовали задолженности грузинскаго дворянства. Такимъ образомъ, выраженная въ рес-

криптѣ цѣль вознаградить существенныя потери помѣщиковъ и въ то же время помочь имъ въ устройствѣ ихъ хозяйства на новыхъ началахъ не была бы достигнута. Отпускъ 5 % билетами не могъ благопріятствовать совершенію и самихъ выкупныхъ операцій, такъ какъ помѣщикамъ выкупныя ссуды полагалось выдавать также процентными бумагами: помѣщики, не получая выгодъ отъ выкупа, который въ Положеніяхъ былъ обусловленъ единственно *согласіемъ* или *непосредственнымъ требованіемъ* ихъ, могли бы неохотно совершать эту операцію съ крестьянами. Въ предотвращеніе всѣхъ этихъ неудобствъ Великій князь и просилъ отпустить назначеную сумму деньгами [1]).

Подробныя правила о порядкѣ выдачи вознагражденія помѣщикамъ были разработаны Закавказскимъ центральнымъ комитетомъ и утверждены Великимъ княземъ 26 марта 1865 г. По этимъ правиламъ распоряженія о выдачѣ общаго по 25-ти рублей вознагражденія возлагались на тифлисскаго губернатора, который назначалъ по каждому изъ уѣздовъ уѣздныя комиссіи, составленныя изъ уѣзднаго начальника, уѣзднаго судьи и уѣзднаго предводителя дворянства. Уѣздныя комиссіи открывали свои дѣйствія 1-го мая 1865 года. Каждый помѣщикъ долженъ былъ подать въ мѣстную коммиссію заявленіе о числѣ значащихся за нимъ душъ мужескаго пола крестьянъ по послѣднему камеральному описанію. Срокъ для представленія просьбъ опредѣленъ для помѣщиковъ, находившихся въ губерніи, до 1-го января 1866 года, а для отсутствовавшихъ—до 1-го мая того же года. Комиссіи повѣряли представленныя помѣщиками свѣдѣнія и затѣмъ выдавали каждому изъ нихъ за подписью всѣхъ членовъ особый печатный листъ, въ которомъ указывался размѣръ причитающейся суммы. Тѣ же помѣщики, за которыми по послѣднему каме-

[1]) Тамъ жс. Отношеніе Великаго князя министру финансовъ отъ 8 января 1865 г., № 10.

ральному описанію было показано менѣе 21 души крестьянъ, просьбу о дополнительномъ вознагражденіи подавали непосредственно Намѣстнику [1]).

Съ 1-го мая 1865 года по 1-е мая 1866 года всѣми уѣздными комиссіями было разрѣшено 1706 просьбъ и по нимъ опредѣлено было къ выдачѣ за 65949 крестьянъ общаго по 25-ти рублей вознагражденія 1648725 рублей.

Послѣ закрытія уѣздныхъ комиссій выдано еще за 225 душъ 5625 рублей, такъ что всего по губерніи было назначено за 66174 крестьянъ 1654350 рублей [2]).

Характеръ крестьянской реформы заключался вообще въ миролюбивомъ ея направленіи. Никакихъ серьезныхъ случаевъ между помѣщиками и крестьянами не возникло. Причина такого успѣха заключалась какъ въ сочувственномъ настроеніи съ какимъ населеніе отнеслось къ реформѣ, такъ и умѣломъ дѣйствіи первыхъ дѣятелей, которые руководились пользою обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ.

„Благодаря щедротамъ Вашего Величества,—всеподданнѣйше доносилъ Великій князь,—облегчившимъ помѣщичьему сословію лишеніе крестьянскихъ повинностей, которыя для многихъ, при неразвитости ихъ хозяйства, составляли главный источникъ ихъ существованія; благодаря благоразумному усердію правительственныхъ чиновъ, похвальному самопожертвованію дворянства, наконецъ, спокойному благоразумію населенія —крестьянское сословіе вступило въ пользованіе своими новыми гражданскими имущественными правами безъ борьбы съ прошедшимъ, не оставивъ въ сердцахъ помѣщиковъ ни явнаго, ни скрытаго неудовольствія. Новыя отношенія установились прочно, новая жизнь потекла спокойно, невозмутимо;

---

[1]) Тамъ же. Утвержденныя Великимъ княземъ 26 марта 1865 года „Правила о порядкѣ выдачи помѣщикамъ Тифлисской губерніи денежнаго вознагражденія за личныя повинности крестьянъ".

[2]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1866 г., № 53, связка 38. Докладъ Орловскаго Великому князю отъ 4 іюня 1866 г., № 696.

но послѣдствія этого призыва многочисленнаго населенія къ самостоятельной гражданской жизни уже благотворно отзываются на хозяйственномъ его бытѣ: благосостояніе увеличивается подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ свободнаго труда..." [1]).

---

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ Великаго князя за 1865 годъ.

Глава VIII.

Крѣпостное право въ Имеретіи и Гуріи. Разграниченіе имущественныхъ правъ имеретинскихъ и гурійскихъ тавадовъ съ подвластными ихъ азнаурами. Учрежденіе въ Кутаисѣ дворянскаго комитета. Предложенный дворянствомъ проектъ освобожденія крестьянъ. Работы правительственной комиссіи подъ предсѣдательствомъ кн. Багратіонъ-Мухранскаго въ Кутаисѣ. Разсмотрѣніе составленнаго ею проекта въ Комитетѣ объ устройствѣ крестьянъ. Способъ выкупа земельныхъ угодій предложенный гурійскимъ дворянствомъ. Ходатайство князя Святополкъ-Мирскаго объ удовлетвореніи просьбы гурійскихъ помѣщиковъ. Оставленіе этого ходатайства безъ послѣдствій. Указъ объ освобожденіи крестьянъ 13-го октября 1865 года. Крестьянскія учрежденія. Статистическія свѣдѣнія о сельскомъ населеніи Кутаисской губерніи. Положеніе имеретинскихъ и гурійскихъ помѣщиковъ.

Также какъ и въ Грузіи крѣпостное право въ Имеретіи существовало съ древнѣйшихъ временъ. Крестьяне пріобрѣтались помѣщиками одни по пожалованію церей за особенныя заслуги, другіе покупкой. Владѣніе крестьянами кромѣ матеріальныхъ выгодъ предоставляло князьямъ и дворянамъ высокое значеніе. Крѣпостные, разселенные на земляхъ владѣльцевъ, безъ разрѣшенія этихъ послѣднихъ не могли располагать своей собственностью. Такія права помѣщиковъ были укрѣплены какъ законами Вахтангова уложенія, такъ и грамотами царей.

Подвластными князямъ считались также азнауры, которые были пожалованы имъ грамотами царей за разныя заслуги. Азнауры исполняли у князей обязанности домоправителей; съ другихъ же азнауровъ князья брали въ услуженіе ихъ крестьянъ. При царяхъ сами азнауры старались приписываться къ вліятельнымъ князьямъ, ожидая отъ нихъ защиты отъ притѣсненій. Управляя княжескими имѣніями, азнауры пользовались часто и доходами съ нихъ. Многіе изъ азнауровъ состояли въ родственныхъ связяхъ съ князьями. Царь,

жалуя князьямъ азнауровъ съ имѣніями, предоставлялъ имъ право пользоваться съ азнаурскихъ крестьянъ только тѣми доходами, которые собирались въ пользу царской казны, т. е. *саури* и *саудіеро* [1]).

Крестьяне, состоявшіе въ подданствѣ у князей и азнауровъ, по роду зависимости ихъ отъ владѣльцевъ раздѣлялись на три класса: *мсахури* или *азаты*, т. е. такіе, которые получили отъ владѣльцевъ *тарханство*: исключительное право на нѣкоторыя преимущества, *месепи*—рабочіе люди и *моджалабы*. Всѣми классами крестьянъ отбывались разнаго рода подати и повинности. Крестьяне не имѣли права безъ разрѣшенія владѣльцевъ передавать въ постороннее владѣніе не только наслѣдственное, но и благопріобрѣтенное имущество. Къ помѣщику поступали также выморочныя имѣнія; впрочемъ, братья умершаго иногда могли получить часть имѣнія за извѣстную плату, называемою *садзмо*. Владѣльцы же должны были заботиться о благосостояніи своихъ крестьянъ, надѣлять ихъ землями и другими предметами сельскаго хозяйства, ограждать ихъ спокойствіе отъ притѣсненія и обидъ, предоставлять по обычаю края выгоды отъ разныхъ промысловъ [2]).

Въ Гуріи высшее сословіе дѣлилось на четыре разряда: князей, азнауровъ владѣтельскихъ, азнауровъ помѣщичьихъ и азнауровъ церковныхъ. Между послѣдними существовало еще подраздѣленіе: азнауры, пожертвованные церкви владѣтельными князьями, и азнауры, возведенные въ дворянское достоинство по древнему праву и обычаю самою церковью изъ подвѣдомственныхъ ей крестьянъ. На этомъ основаніи и крестьяне назывались: княжескими, владѣтельскими, церков-

---

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло судебнаго департамента Главнаго управленія 1843 г., № 2, ч. 1-я, связка 5075. Докладная записка депутатовъ княжескихъ азнауровъ Кутаисской губерніи отъ 25 января 1856 года.

[2]) Тамъ же. Дѣло 1840 г., № 3, ч. 1-я, связка 3154. Записка г.-м. Эспехо „О существовавшихъ въ Имеретіи обычаяхъ и взаимныхъ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами“ отъ 10 сентября 1840 г., № 5129.

ными, церковныхъ азнауровъ и княжескихъ азнауровъ. Крестьяне находились въ безпрекословномъ повиновеніи законной или освѣщенной обычаемъ волѣ ихъ властелиновъ. Князья и дворяне по усмотрѣнію распоряжались своими подвластными и только не могли продавать ихъ за границу иновѣрцамъ; но, въ случаѣ нарушенія помѣщиками законовъ и обычаевъ страны, крестьяне могли приносить на притѣсненія и обиды жалобу владѣтелю. Помѣщикъ могъ отчуждать своихъ крестьянъ всякимъ закономъ предусмотрѣннымъ способомъ, имѣлъ право отпускать ихъ на волю, награждать землями. Крестьяне за пользованіе помѣщичьей землею отбывали повинности и подати, при чемъ большею частью размѣръ ихъ обозначался въ письменномъ документѣ. Однако, при постоянныхъ вторженіяхъ въ страну непріятеля многіе изъ этихъ документовъ терялись и взаимныя обязательства возобновлялись или письменно, или же обѣ стороны довольствовались словесными обѣщаніями, подвержденными присягою, сохранять установившіяся права и обязанности обоихъ сословій. Единственнымъ доказательствомъ подобныхъ отношеній впослѣдствіи оказались переходящія изъ рода въ родъ изустныя преданія. Съ поступленіемъ Гуріи въ подданство Россіи много обычаевъ сохранились въ неприкосновенности [1]).

Крестьянской реформѣ въ Кутаисской губерніи предшествовало изданіе закона разрѣшившаго, наконецъ, производившійся еще съ князя Воронцова вопросъ о разграниченіи имущественныхъ правъ имеретинскихъ и гурійскихъ тавадовъ съ подвластными ихъ азнаурами.

Представленный въ 1862 году кн. Орбеліани окончательный проектъ правилъ о разграниченіи былъ утвержденъ 21-го мая 1864 года.

---

[1]) Тамъ же. Записка г.-м. Эспехо „О взаимныхъ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами въ Гуріи“ отъ 10 сентября 1840 г., № 5129.

По этимъ правиламъ для признанія княжескихъ азнауровъ въ дворянскомъ достоинствѣ поставлено необходимымъ условіемъ разводъ ихъ по имѣніямъ. Самый разводъ предоставленъ межевымъ учрежденіямъ, которыя должны были по возможности стараться уговорить обѣ стороны къ полюбовному раздѣлу. По разсмотрѣніи доказательствъ, представленныхъ княземъ и азнауромъ, и послѣ приведенія въ извѣстность имѣнія подлежащаго разводу, комиссія опредѣляла какую часть азнауръ обязанъ изъ своего имѣнія предоставить въ пользу князя. Опредѣленіе этой части зависѣло отъ основаній, на которыхъ князь владѣлъ азнауромъ, а этотъ послѣдній—имѣніемъ. Согласно съ такими основаніями въ пользу князя присуждалась: 1) половина азнаурскаго имѣнія, если предки азнаура были пожалованы предкамъ князя вмѣстѣ съ имѣніемъ; 2) третья часть, если не было извѣстно какъ были пожалованы предки азнаура—съ имѣніемъ или безъ него и 3) четвертая часть, если предки азнаура или самъ онъ былъ пожалованы безъ имѣнія. Въ доказательство принадлежности азнаурскаго имѣнія къ одной изъ этихъ категорій принимались царскія грамоты или акты, совершенные крѣпостнымъ порядкомъ при русскомъ правительствѣ, а также тѣ акты, совершенные до присоединенія Имеретіи и Гуріи, которые были заявлены въ имеретинскомъ Временномъ правленіи вслѣдствіе особаго распоряженія генерала Ермолова.

Въ отношеніи членовъ фамиліи Багратіоновъ въ Имеретіи и Гуріелей въ Гуріи, которые до присоединенія этихъ провинцій къ имперіи владѣли азнаурами и ихъ имѣніями не на общемъ съ князьями основаніи, а на правахъ удѣльныхъ князей, сдѣлано изъятіе: имъ предоставлялось во всякомъ случаѣ половина азнаурскаго имѣнія. Такую же часть получали и тѣ изъ членовъ Гуріели, которымъ русское правительство хотя и не возвратило вмѣстѣ съ отобранными имѣніями

подвластныхъ имъ прежде азнауровъ, но которымъ азнаурскіе крестьяне продолжали попрежнему отбывать разнаго рода подати и повинности [1]).

Раздѣлу не подлежали азнаурскія усадьбы и дворовыя мѣста. Если въ азнаурскомъ имѣніи комиссія находила различныя основанія вдадѣнія, то при раздѣлѣ такого имѣнія она должна была принимать каждое изъ этихъ основаній въ соображеніе. По взаимному съ обѣихъ сторонъ согласію и по назначеннымъ между ними цѣнамъ дозволялось оставлять и за княземъ все азнаурское имѣніе. Когда рѣшеніе получало законную силу, то вмѣстѣ съ распоряженіемъ о приведеніи рѣшенія въ исполненіе комиссія сообщала объ учиненномъ раздѣлѣ въ Кутаисское дворянское депутатское собраніе, а это послѣднее испрашивало у Намѣстника утвержденія азнауровъ въ дворянскомъ достоинствѣ. Если въ зависимости князя оказывался такой азнауръ, который не имѣлъ никакой собственности, то вмѣсто акта о разводѣ подавалось лично отъ князя и азнаура заявленіе въ депутатское собраніе, которое испрашивало разрѣшеніе объ утвержденіи азнаура въ дворянскомъ достоинствѣ.

Начатый азнауромъ искъ о свободѣ изъ владѣнія князя не останавливалъ раздѣла, но въ случаѣ, если азнауръ освобождался отъ зависимости князя по рѣшенію суда, то распоряженіемъ суда же азнауру возвращалось доставшееся князю по раздѣлу азнаурское имѣніе. Князю и отыскивающему свободу азнауру предоставлялось право прекращать начатое въ судѣ дѣло посредствомъ развода въ имѣніи.

Намѣстнику кавказскому разрѣшалось давать ходъ дѣламъ объ утвержденіи азнауровъ въ дворянскомъ достоинствѣ не прежде раздѣла ихъ имѣній съ князьями. Намѣст-

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло судебнаго департамента Главнаго управленія 1843 г., № 2, ч. 2-я, связка 5075. Утвержденныя 21 мая 1864 года „Правила для разграниченія имущественнаго права между имеретинскими и гурійскими князьями и ихъ азнаурами".

никъ же уполномочивался давать надлежащія разрѣшенія въ случаѣ какихъ либо недоразумѣній въ примѣненіи на практикѣ изданныхъ правилъ разграниченія [1]).

8-го ноября 1864 года, т. е. въ самый день обнародованія крестьянскихъ Положеній въ Тифлисской губерніи, Великій князь предложилъ кутаисскому генералъ-губернатору князю Святополкъ-Мирскому пригласить для обсужденія крестьянскаго дѣла высшее сословіе Имеретіи и Гуріи. Такъ какъ вопросъ объ основныхъ началахъ, на которыхъ могла примѣняться реформа, уже обсуждался Центральнымъ и Главнымъ комитетами, и начала эти были утверждены Верховною властью для крестьянъ Грузіи, то никакія другія предположенія внѣ этихъ нормъ не могли быть приняты въ соображеніе при составленіи проектовъ освобожденія крестьянъ въ другихъ частяхъ Закавказскаго края.

Возлагая на имеретинское и гурійское дворянство предварительныя работы по освобожденію отъ крѣпостной зависимости крестьянъ, Великій князь, однако, полагалъ, что предоставлніе обсужденія дѣла цѣлому сословію дворянъ на губернскомъ съѣздѣ можетъ отразится на успѣхѣ реформы. На этомъ основаніи былъ образованъ дворянскій комитетъ изъ уѣздныхъ предводителей дворянства съ 4-мя депутатами отъ каждаго уѣзда: по два тавада и по два азнаура, подъ общимъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя. Комитету указывалось при составленіи своихъ предположеній, не касаясь коренныхъ началъ уже принятыхъ по отношенію грузинскихъ крестьянъ, представить лишь тѣ частныя измѣненія, какія вызывались экономическими особенностями Кутаисской губерніи; комитету опредѣленъ на всю работу трехмѣсячный срокъ. По окончаніи занятій комитетъ передавалъ свои труды въ учрежденную въ Кутаисѣ правительственную

[1]) Тамъ же.

чальномъ размѣрѣ; прислугу же *пареши* давали спустя годъ послѣ раздѣла. Помѣщикъ при раздѣлѣ крестьянскихъ дымовъ имѣлъ право брать съ крестьянъ *гасамкрело*—$^1/_{10}$ часть съ движимаго, а иногда и съ недвижимаго имущества [1]).

Состоявшіе въ непосредственномъ владѣніи помѣщика земли и лѣса назывались *сахасо*—казенный, помѣщичій, господскій, и никто не имѣлъ права пользоваться ими безвозмездно. Повинность съ такихъ земель называлась *моди*, которую отбывали въ Лечхумѣ $^1/_5$, а въ остальной Мингреліи $^1/_{10}$ части съ урожая. Сборъ за пастьбу скота въ чужихъ лѣсахъ и поляхъ назывался *хази* и платился натурой съ каждой сотни по двѣ головы рогатаго скота.

Въ Мингреліи установился также своеобразный обычай брать съ подвластныхъ крестьянъ *самджихо*—кулачный сборъ, *сабрижве*—за невѣжество, проступокъ, это штрафъ за драки, отъ 5-ти до 10-ти рублей съ каждаго случая. Существовало также выморочное право подъ названіемъ *сашвило*: начиная съ владѣтеля до послѣдняго крестьянина всѣ могли обращать въ свою собственность имѣнія и имущество вымершаго безъ наслѣдниковъ подвластнаго. Имѣніе называлось выморочнымъ и тогда, когда оставались однѣ только дочери, которыя вообще не наслѣдовали родителей, а послѣ смерти ихъ получали только соразмѣрное состоянію приданное; изъ оставшихся послѣ выморочнаго крестьянина дочерей одна бралась помѣщикомъ въ служанки, а остальныя выдавались замужъ. Впрочемъ въ верхней Мингреліи помѣщикъ не могъ безъ согласія родственниковъ брать въ служанки дочь выморочнаго крестьянина.

Въ сороковыхъ годахъ владѣтелемъ княземъ Давидомъ было воспрещено раздробленіе семействъ крестьянъ, а равно продажа ихъ безъ земли. Это не касалось однихъ лишь без-

[1]) Тамъ же. Записка кн. Рафаэля Эристова „О сословіяхъ, заинтересованныхъ крестьянскимъ вопросомъ въ Мингреліи“ отъ 16 марта 1866 года.

правныхъ моджалабовъ. Тотъ же владѣтель ограничилъ власть помѣщиковъ въ правѣ переселенія крестьянъ; по этому распоряженію переселеніе могло состояться только при обоюдномъ согласіи господина съ подвластнымъ, при чемъ крестьяне надѣлялись землею и получали двухлѣтнюю льготу въ платежѣ податей и отбыванія повинностей.

Иногда крестьянинъ покупалъ земли отъ своихъ помѣщиковъ и тогда онъ дѣлался полнымъ собственникомъ купленнаго; къ этому крестьяне всемѣрно стремились и съ теченіемъ времени мингрельскія земли получили вслѣдствіе того большую цѣнность. Слѣдуетъ также упомянуть, что никто изъ иноземцевъ (не мингрельцевъ) не имѣлъ права пріобрѣтать земель въ предѣлахъ Мингреліи [1]).

Особый разрядъ крестьянъ составляли такъ называемые *вольные люди мингрельскаго владѣнія*. Сословіе это образовалось по распоряженію русскаго правительства, вскорѣ послѣ введенія въ 1858 году особаго порядка управленія Мингреліею, изъ крѣпостныхъ, отпущенныхъ помѣщиками на волю по тѣмъ или другимъ причинамъ.

До этой правительственной мѣры всѣ получавшіе отъ своихъ помѣщиковъ свободу крестьяне Мингреліи причислялись къ имѣніямъ владѣтельнаго дома и такимъ образомъ переходили отъ одной зависимости въ другую; но такъ какъ дѣйствіе владѣтельской власти было пріостановлено подчиненіемъ Мингреліи особому управленію и частныя имѣнія малолѣтняго владѣтеля князя Николая ограничены въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ нашло правительство, принявъ Мингрелію подъ непосредственное вѣдѣніе, то послѣ 1858 года было признано неудобнымъ причислять къ имѣніямъ малолѣтняго владѣтеля крестьянъ, вышедшихъ изъ зависимости частныхъ лицъ. По такимъ соображеніямъ Совѣтъ управленія Мингреліею представилъ проектъ, чтобы всѣхъ крестьянъ указанной

[1]) Тамъ же.

категоріи причислять къ сословію свободныхъ людей, предоставляя имъ такія же преимущества, какими пользовались въ Россіи освобожденные отъ помѣщичьей зависимости крестьяне при перечисленіи ихъ къ сословію государственныхъ поселянъ. Совѣтъ Намѣстника, по разсмотрѣніи этого предположенія, убѣдился въ необходимости предложенной мѣры съ тѣмъ, чтобы подобныхъ крестьянъ назвать сословіемъ „вольныхъ людей Мингрельскаго владѣнія," а Совѣту управленія Мингреліей поручено представить соображенія, какими именно налогами слѣдуетъ обложить этихъ вольныхъ людей.

Однако опекунъ надъ имѣніями малолѣтняго владѣтеля Дмитрій Кипіани находилъ неудобнымъ примѣнять къ Мингреліи подобныя распоряженія. Кипіани подтверждалъ свои доказательства тѣмъ, что, съ утвержденіемъ въ странѣ особаго управленія, существовавшій тамъ при владѣтеляхъ порядокъ не измѣненъ; что мѣстные законы и обычаи сохранили всю свою силу; что измѣненъ лишь составъ управленія на время малолѣтства владѣтеля, т.-е. до времени, когда онъ пріобрѣтетъ юридическую способность располагать своимъ гражданскимъ правомъ. Повергать это право, по мнѣнію Кипіани, какому либо измѣненію или ограниченію безъ его согласія было бы совершенно несоотвѣтственно духу правительства; дать же это согласіе онъ, какъ малолѣтній, не можетъ. Такъ какъ въ Мингреліи высшее гражданское право принадлежало владѣтелю, какъ обладателю страны, то тамъ, внѣ этого права, не могло существовать никакого другого въ смыслѣ права государственнаго. Въ непосредственное вѣдѣніе владѣтеля поступали какъ выморочныя недвижимыя имѣнія, такъ и люди, освобождающіеся изъ частной зависимости; образовать же въ Мингреліи несуществовавшее прежде сословіе вольныхъ людей,—представлялъ опекунъ,—значило бы во время малолѣтства владѣтеля вводить въ его землѣ порядокъ

и создавать въ его владѣніи сословіе отъ него независящее и никакими повинностями ему необязанное [1]).

Князь Барятинскій по докладѣ ему этого дѣла нашелъ, что разногласіе между Совѣтомъ управленія Мингреліей и опекуномъ надъ имѣніями малолѣтняго владѣтеля произошло отъ того, что опека смѣшивала два различныя между собою права: право собственности *какъ помѣщика* и право *правителя* или *обладателя* страны. Первое право на время малолѣтства владѣтеля оберегала опека; право же правителя съ 1858 года во всемъ объемѣ перешло къ учрежденному въ Мингреліи управленію, на которое была возложена обязанность, по мѣрѣ необходимости, не дожидаясь совершеннолѣтія владѣтеля, вводить въ Мингреліи измѣненія для улучшенія быта страны и жителей. Къ числу такихъ полезныхъ мѣръ князь Барятинскій относилъ и устройство положенія выкупающихся изъ крѣпостной зависимости крестьянъ Мингрельскаго владѣнія; причисленіе ихъ вновь къ составу крестьянъ владѣтеля, какъ помѣщика, онъ считаетъ равносильнымъ подчиненію вновь крѣпостной зависимости, отъ которой они только что освободились; поэтому нашелъ необходимымъ образовать въ Мингреліи особое сословіе, зависимое вполнѣ отъ владѣтеля и обязанное ему опредѣленными повинностями какъ правителю страны, а не какъ къ помѣщику; подати съ такихъ крестьянъ собирать въ кассу владѣтеля, но не въ частную кассу его какъ помѣщика; другими словами, доходы эти должны были составить одинъ изъ источниковъ для возмѣщенія расходовъ по управленію страной. Однако, разрѣшивъ этотъ вопросъ принципіально, князь Барятинскій полагалъ обложеніе особою податью вольныхъ людей въ пользу русскаго управленія Мингреліей отложить

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1865 г., № 29, связка 10. Докладъ кн. Туманова начальнику Главнаго управленія отъ 11 октября 1865 года.

въ первые два года послѣ освобожденія крестьянъ. Вопросъ усложнялся еще тѣмъ болѣе, что крестьяне отбывали повинности не по количеству отведенной имъ въ пользованіе земли, а въ каждомъ частномъ случаѣ по заведенному обычаемъ порядку. Такъ, въ числѣ крестьянъ находились такіе, которые вовсе не отбывали повинностей земными произведеніями, или же если отбывали, то несоразмѣрныя съ количествомъ обрабатываемой земли; въ томъ и другомъ случаѣ они платили подати предметами домашняго хозяйства или же деньгами отъ 1 до 5-ти рублей; давали съ каждаго дыма по одной прислугѣ и работали на помѣщичьихъ поляхъ. Оставляя послѣ освобожденія крестьянъ однѣ лишь повинности земными произведеніями, помѣщики могли очутится въ безвыходномъ положеніи, лишившись значительныхъ доходовъ и, главнымъ образомъ, рабочихъ рукъ. На этомъ основаніи депутаты просили въ теченіе двухъ лѣтъ до введенія уставныхъ грамотъ оставить за помѣщиками право получать всѣ существовавшія повинности за исключеніемъ случайныхъ и праздничныхъ приношеній [1]).

Дворянскій комитетъ установилъ лишь одинъ размѣръ надѣла: три *кцевы* [2]) въ Рачинскомъ, четыре въ Шаропанскомъ и пять въ Озургетскомъ и Кутаисскомъ уѣздахъ, и такой надѣлъ они подчинили отрѣзкѣ на половину, когда у помѣщика оставалось менѣе половины полевой земли, а распредѣленіе надѣловъ между крестьянами не должно было касаться помѣщичьихъ земель, такъ называемыхъ *сахасо*. Виноградные сады, разведенные на деревьяхъ, называемые *маглари* (высокіе), дворянство причисляло къ полевымъ угодьямъ; неприкосновенной собственностью крестьянъ дворянство признавало только усадебные участки отъ половины до одной кцевы и въ не-

[1]) Тамъ же.

[2]) Кцева равняется 900 квадр. саженямъ.

ограниченномъ размѣрѣ виноградные сады, разводимые на таркальникахъ, называемые *даблари* (низкіе).

Въ Имеретіи и Гуріи виноградные сады даблари и маглари могутъ давать урожай послѣ трехъ лѣтъ, при чемъ садъ даблари требуетъ противъ сада маглари больше трудовъ и ухода, и доходы его превосходятъ надъ доходами сада маглари. Эти послѣдніе сады разводились на земляхъ, составляющихъ полевые участки; равнымъ образомъ на полевыхъ участкахъ встрѣчались орѣховыя, тутовыя и другія насажденія. Повинность за сады депутаты опредѣлили, какъ это установилось обычаями, изъ половины урожая, а за посѣвы—$^1/_3$ съ урожая [1]).

Общее содержаніе протокола производило благопріятное впечатлѣніе. Дворянскій комитетъ могъ впасть въ крайность при изложеніи о своихъ нуждахъ и ожиданіяхъ, но онъ воздержался отъ этого. Комитетъ стремился выговорить себѣ болѣе льготъ, чѣмъ тѣ, которыя даны по тифлисскому Положенію; но этого нужно было ожидать, если принять во вниманіе, что выборные члены отъ дворянскаго сословія смотрѣли на себя, какъ на уполномоченныхъ депутатовъ, обязанныхъ высказывать не личные взгляды и убѣжденія и не желавшихъ скомпрометировать интересы своихъ довѣрителей. Въ этомъ смыслѣ давали объясненія члены дворянскаго комитета. „Пока я не могу не только жаловаться,—писалъ князь Багратіонъ-Мухранскій,—но остаюсь чрезвычайно доволенъ общимъ расположеніемъ умовъ; не только депутаты, засѣдавшіе въ комитетѣ, но и всѣ тѣ изъ почетныхъ дворянъ, съ коими мнѣ случалось видѣться, выражаютъ непритворную увѣренность, что правительство дорожитъ ихъ благополучіемъ столько же, сколько и крестьянъ, и убѣждены, что всѣ справедливыя ихъ требованія будутъ уважены по возможности. Здѣсь можно сдѣлать то же замѣчаніе, какъ и въ Гру-

[1]) Тамъ же.

зіи: самые благорасположенные къ крестьянамъ и болѣе далекіе отъ посягательствъ на принадлежавшія симъ послѣднимъ права, это старые, т. е. прежніе, истинные имеретинцы, „не мудрствующіе лукаво“; полуобразованіе не успѣло ихъ еще испортить; если они сознаютъ сильно и вполнѣ нѣкоторыя изъ правъ своихъ, то имъ не приходитъ также на мысль отвергнуть голословно тѣ изъ несомнѣнныхъ правъ, кои присвоены обычаями крестьянамъ“ [1]).

Съ приближеніемъ срока окончанія занятій дворянскаго комитета, Великій князь нашелъ необходимымъ учредить комиссію отъ правительства для составленія самаго проекта Положенія о крестьянахъ Кутаисской губерніи. Предсѣдателемъ комиссіи былъ назначенъ тотъ же кн. Багратіонъ-Мухранскій. Комиссія должна была потребовать отъ дворянскаго комитета все то, что имъ подготовлено въ засѣданіяхъ и затѣмъ, принявъ въ соображеніе предположенія комитета, приступить къ проектнымъ работамъ по освобожденію и устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ Кутаисской губерніи. Въ своихъ работахъ комиссія обязывалась неуклонно слѣдовать тому же неизмѣнному правилу, какое было предписано дворянскому комитету, именно, чтобы, не касаясь коренныхъ началъ принятыхъ по Тифлисской губерніи и извлеченныхъ изъ общихъ началъ законодательства 19-го февраля 1861 года, опредѣлить лишь тѣ частныя изъятія, какія потребовались бы по мѣстнымъ особенностямъ при примѣненіи и выполненіи реформы въ Кутаисской губерніи. На комиссію было возложено также въ своихъ трудахъ обращать особенное вниманіе на пріобрѣтеніе возможно большаго запаса экономическихъ и статистическихъ данныхъ о помѣщичьихъ имѣніяхъ, что могло способствовать разъясненію того или другого вопроса, а также служило бы твердымъ основаніемъ для заключеній ко-

[1]) Тамъ же. Докладъ председателя правительственной комиссіи кн. Багратіонъ-Мухранскаго о крестьянскомъ вопросѣ въ Кутаисской губерніи отъ 15 марта 1865 года.

миссіи. Съ этой цѣлью князю Багратіонъ-Мухранскому по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ предоставлялось приглашать въ засѣданія комиссіи для совѣщанія опытныхъ и свѣдущихъ лицъ изъ мѣстныхъ дворянъ- помѣщиковъ. Срокъ для окончанія труда комиссіей назначенъ двухмѣсячный съ 1-го марта [1]).

Открывъ въ этотъ день свои засѣданія, правительственная комиссія [2]) весь мартъ мѣсяцъ посвятила изученію дѣла и начертанію своихъ предположеній; но предположенія эти она считала лишь предварительными соображеніями; для провѣрки и всесторонняго освѣщенія ихъ комиссія нашла полезнымъ пригласить въ засѣданія свои всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя принимали участіе въ дворянскомъ комитетѣ.

Сущность проектированной комиссіей реформы заключалась въ слѣдующемъ:

Крестьянамъ даруются права личныя, имущественныя и по состоянію на основаніяхъ общихъ законоположеній 19-го февраля 1861 года безъ всякаго измѣненія. Поземельное устройство соглашено съ основаніями, принятыми тифлисскимъ Положеніемъ; потому въ постоянное пользованіе крестьянъ оставлялись усадебная ихъ осѣдлость, виноградники и полевыя угодья, при чемъ эти послѣднія почти въ томъ же высшемъ размѣрѣ, какъ и въ Тифлисской губерніи, именно 12 кцевъ на каждый дымъ, или $4^1/_2$ десятины. По особому хозяйственному устройству имеретинскихъ и гурійскихъ крестьянъ, именно сосредоточенности земельныхъ угодій около усадебной осѣдлости, ни въ какомъ случаѣ не допущено отрѣзки

---

[1]) Тамъ же. Предписаніе Великаго князя Багратіонъ-Мухранскому отъ 17 февраля 1865 г., № 108.

[2]) Засѣданія комиссіи были: 1, 9, 11, 13, 16, 18 и 20 марта, 12, 13, 15, 16, 24 и 26 апрѣля 1865 года. Предсѣдательствовалъ членъ Совѣта Намѣстника т. с. кн. Багратіонъ-Мухранскій. Присутствовали: гражданскій губернаторъ д. с. с. Изюмскій, губернскій предводитель дворянства флигель-адъютантъ, гвардіи полковникъ, кн. Церетели, предсѣдатель губернскаго суда д. с. с. кн. Тумановъ, н. с. Шиманскій, ротмистръ кн. Лордкипанидзе и т. с. Бенславскій.

отъ крестьянскаго надѣла, когда онъ не превышалъ 4-хъ кцевъ; въ вознагражденіе же помѣщика за подобное ограниченіе его права крестьяне должны были платить нѣсколько возвышенныя противъ общеустановленныхъ повинности.

За крестьянами оставлялось постоянное пользованіе выгонами и пастбищными мѣстами въ предѣлахъ помѣщичьихъ земель по обычаямъ края. Размѣръ количества земельныхъ угодій, которымъ опредѣлялась мелкопомѣстность владѣльца, вмѣсто 120-ти дневнаго паханія или 60 десятинъ, комиссіей установленъ въ 60 кцевъ или $22^1/_2$ десятины [1]).

Повинность за виноградники и полевыя угодья опредѣлена земными произведеніями изъ одной четвертой части урожая. Допущено исключеніе только для садовъ маглари, разведенныхъ на деревьяхъ, такъ какъ и первоначальное устройство этихъ садовъ, и обработка ихъ требовала меньшей затраты труда и издержекъ сравнительно съ виноградниками даблари, разведенными по общепринятому способу.

Содѣйствіе отъ правительства къ пріобрѣтенію крестьянами въ собственность земельнаго надѣла предположено произвести на тѣхъ же главныхъ основаніяхъ, какъ и въ Тифлисской губерніи. Въ грузинскихъ имѣніяхъ во всѣхъ расчетахъ при надѣлѣ крестьянъ однодневное паханіе полевой поливной земли сравнено съ двумядневными паханіями неполивной земли, потому и при расцѣнкѣ ихъ для выкупной ссуды цѣна первой опредѣлялась вдвое выше послѣдней. Между тѣмъ, въ Кутаисской губерніи по отсутствію такого коренного различія между землями, которыя вовсе не нуждаются тамъ въ поливкѣ, при проектированіи надѣла крестьянъ не было установлено никакого постояннаго соотношенія между землями обыкновенными и высокаго качества, а пото-

---

[1]) Тамъ же. Докладъ предсѣдателя правительственной комиссіи кн. Багратіонъ-Мухранскаго о крестьянскомъ вопросѣ въ Кутаисской губерніи отъ 15 марта 1865 года.

му для опредѣленія размѣра выкупной ссуды признано достаточнымъ плодороднѣйшія земли оцѣнить въ полтора раза болѣе противъ обыкновенныхъ [1]).

Правительственная комиссія окончила возложенный на нее трудъ 26-го апрѣля. На составленный ею проектъ было подано два особыхъ мнѣнія: губернскимъ предводителемъ дворянства кн. Церетели и кн. Ираклiемъ Лордкипанидзе.

Кутаисскій генералъ-губернаторъ князь Святополкъ-Мирскій за небольшими исключеніями согласился съ проектомъ комиссіи, однако полагалъ, что практическое исполненіе крестьянской реформы на предположенныхъ основаніяхъ встрѣтитъ въ Кутаисской губерніи больше затрудненій, чѣмъ въ Тифлисской. Главными причинами ожидаемыхъ затрудненій кн. Мирскій считалъ топографическія условія мѣстности гористой и пересѣченной, отсутствіе удобныхъ путей сообщенія, разбросанность крестьянскихъ усадьбъ, раздробленность полевыхъ участковъ, отсутствіе межевыхъ данныхъ, неопредѣленность границъ и повсемѣстную черезполосность, многочисленность дворянскаго сословія сравнительно съ крестьянскимъ. Значительно уменьшить всѣ эти практическія затрудненія, по мнѣнію генералъ-губернатора, можно было путемъ скорѣйшаго выкупа крестьянскихъ усадьбъ и надѣловъ [2]).

Проектъ правительственной комиссіи Великій князь передалъ на обсужденіе Комитета объ устройствѣ крестьянъ. Комитетъ, найдя предположенія комиссіи относительно будущаго устройства крестьянъ вполнѣ согласованными съ общими началами устройства крестьянъ въ имперіи, нашелъ нужнымъ допустить въ частностяхъ нѣкоторыя измѣненія и исправленія. Такъ, комитетъ остановился на вопросѣ о пріобрѣтеніи крестьянами земельнаго надѣла и содѣйствія имъ въ этомъ со стороны правительства.

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же, часть 2 я. Мнѣніе кутаисскаго генералъ-губернатора кн. Святополкъ-Мирскаго по проекту Дополнительныхъ правилъ къ Положеніямъ 13 октября 1864 года.

При опредѣленіи размѣра выкупной ссуды за полевыя вообще земли кутаисская правительственная комиссія установила почти одинаковую расцѣнку ихъ съ полевыми землями Тифлисской губерніи, цѣну за одну кцеву (900 квад. саж.) опредѣлила въ 7 рублей, за лучшія же земли—въ полтора раза болѣе обыкновенныхъ. Кутаисскій губернскій предводитель дворянства кн. Церетели въ поданномъ особомъ мнѣніи заявилъ, что сдѣланная комиссіей оцѣнка полевыхъ земель не соотвѣтствовала дѣйствительной цѣнности ихъ; а такъ какъ пониженіе размѣра выдаваемой ссуды могло помѣшать въ будущемъ успѣхамъ выкупныхъ операцій, то кн. Церетели предлагалъ сравнить размѣръ ссуды за полевыя угодья съ таковыми же установленными для Тифлисской губерніи, принимая кцеву за дневное паханье, какъ это сдѣлано въ отношеніи усадебной земли, и допустивъ высшій размѣръ ссуды на одну кцеву полеваго угодья безъ различія въ 30 р., а на весь надѣлъ въ 350 рублей, какъ и въ Тифлисской губерніи. Князь Святополкъ-Мирскій, присутствовавшій на засѣданіи, поддержалъ это мнѣніе предводителя дворянства и Комитетъ, принимая во вниманіе высокую цѣнность земель, нашелъ справедливымъ для опредѣленія нормальныхъ размѣровъ выкупной ссуды за полевыя земли возвысить цѣны за кцеву до такихъ же размѣровъ, какіе опредѣлялись за соотвѣтственное пространство полевыхъ земель въ Тифлисской губерніи [1]).

Проектированное правительственною комиссіей отбываніе крестьянами повинности съ виноградниковъ маглари $^1/_3$ урожая съ вина и кромѣ того еще $^1/_4$ съ урожая посѣвовъ произрастающихъ въ этихъ же садахъ, комитетъ нашелъ слишкомъ обременительнымъ для крестьянъ и предложилъ предоставить

---

[1]) Тамъ же, часть 1-я. Журналъ Комитета объ устройствѣ крестьянъ при Главномъ управленіи отъ 6, 8, 10, 11, 12 и 13 мая 1865 года.

помѣщикамъ получать эту повинность или $^1/_3$ часть только съ урожая вина, или $^1/_4$ часть какъ съ урожая вина, такъ и съ посѣвовъ.

Затѣмъ, Комитетъ оставилъ безъ послѣдствій заявленныя въ особыхъ мнѣніяхъ губернскаго предводителя и кн. Ираклія Лордкипанидзе, а также въ отзывѣ генералъ-губернатора предположенія объ ограниченіи для крестьянъ, занимавшихся торговлею, срока обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ двумя годами, о признаніи высшимъ полевымъ надѣломъ вмѣсто 12 кцевъ удвоеннаго кореннаго надѣла, т. е. 8 кцевъ, о подчиненіи усадебной земли въ Шаропанскомъ уѣздѣ тому же разсчету въ повинности, какой проектировался для Рачинскаго уѣзда, о постановленіи особыхъ правилъ для крестьянскихъ недвижимыхъ имуществъ губерніи, наконецъ, о допущеніи для Озургетскаго уѣзда особыхъ изъятій по выкупу крестьянскихъ угодій [1]). Объ этомъ послѣднемъ изъятіи кн. Святополкъ-Мирскій особенно ходатайствовалъ, въ виду исключительнаго положенія Озургетскаго уѣзда, сопредѣльнаго съ турецкими провинціями, желая достигнуть скорѣйшаго прекращенія обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ.

Гурійскіе князья и дворяне подали генералъ-губернатору прошеніе, въ которомъ объяснили, что избранные депутаты заявили уже въ кутаисскую комиссію предположенія, на которыхъ реформа крестьянъ могла совершиться въ Озургетскомъ уѣздѣ. Совершенно соглашаясь, что установленіе новыхъ поземельныхъ отношеній не должно было встрѣтить особыхъ затрудненій, князья и дворяне въ предстоявшемъ преобразованіи предугадывали возникновеніе безчисленныхъ споровъ между обоими сословіями.

Главную причину этому дворянство видѣло въ чрезполосности и раздробленности ихъ имѣній, вслѣдствіе чего не

[1]) Тамъ же.

представлялось никакой возможности слѣдить за правильностью отбыванія крестьянами частей съ урожая. Кромѣ того, пограничная Гурія, во время войны дѣлаясь театромъ военныхъ дѣйствій, болѣе другихъ мѣстностей испытывала неблагопріятныя экономическія послѣдствія, помѣщики же подвергались всѣмъ невыгодамъ войны.

Изыскивая возможныя способы къ миролюбивому окончанію крестьянскаго дѣла, дворянство, чтобы покончить всѣ разсчеты съ своими крѣпостными, предложило осуществить реформу на слѣдующихъ основаніяхъ: оставить за крестьянами все движимое имущество, всѣ жилыя и хозяйственныя постройки; за исключеніемъ земель называемыхъ *сабатоно, сахасо* отдать въ надѣлъ въ *потомственное* владѣніе крестьянамъ по шести кцевъ на дымъ; взамѣнъ такого пожертвованія выдать помѣщикамъ за каждый надѣлъ въ 6 кцевъ по 500 рублей съ тѣмъ, чтобы крестьяне были бы совершенно освобождены отъ взноса повинностей помѣщикамъ; выданную же правительствомъ помѣщикамъ сумму крестьяне вносили бы непосредственно въ казну.

Разрѣшая такимъ образомъ крестьянскій вопросъ, правительство предоставляло бы крестьянамъ не только личную свободу, но обезпеченное и независимое положеніе, установило бы между двумя сословіями согласныя и мирныя отношенія. Дворяне также указывали, что просимое ими вознагражденіе могло быть отнесено на суммы, предположенныя имъ къ выдачѣ за личныя повинности крестьянъ и насчетъ сокращенія расходовъ на мировыхъ посредниковъ, назначеніе которыхъ при разрѣшеніи дѣла предложеннымъ способомъ не представится нужнымъ [1]).

„Лучшимъ доказательствомъ,—писалъ въ своемъ мнѣніи кн. Святополкъ-Мирскій,—исключительнаго положенія Гуріи

[1]) Тамъ же. Прошеніе князей и дворянъ Озургетскаго уѣзда князю Святополкъ-Мирскому отъ 23 апрѣля 1865 г., № 31.

въ отношеніи разрѣшенія крестьянскаго вопроса есть заявленіе тамошняго дворянства, выраженное въ прошеніи его, при семъ прилагаемомъ, и въ которомъ дворяне рѣшаются передать въ собственность крестьянъ почти всѣ свои земли для сохраненія добраго согласія и спокойствія. Нельзя также отвергнуть, что какъ дворянское, такъ и крестьянское сословія въ Гуріи понесли во время послѣдней войны съ Турціей столь огромныя потери, что заслуживаютъ особаго вниманія правительства, тѣмъ болѣе, что, по силѣ обстоятельствъ, никто не можетъ ручаться, что имъ не придется подвергнутся подобнымъ жертвамъ и въ будущемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что предложеніе, изложенное въ прошеніи гурійскихъ дворянъ, не можетъ быть принято, какъ по высокой суммѣ ими испрашиваемой, такъ и потому, что они допускаютъ однообразную сумму для всего уѣзда, полагая равное количество надѣла въ шесть кцевъ, несмотря на то, что и въ Озургетскомъ уѣздѣ, какъ и въ другихъ, цѣнность земли, смотря по мѣстности, весьма разнообразная; но было бы, мнѣ кажется, весьма неосторожно не обратить никакого вниманія на подобное заявленіе, основанное на положительныхъ и важныхъ причинахъ. Сохраненіе спокойствія и добраго согласія въ Гуріи имѣетъ столь большую важность, что правительство можетъ принести нѣкоторыя жертвы для достиженія этой цѣли“ [1]).

По мнѣнію князя Мирскаго единственнымъ способомъ для устраненія всѣхъ затрудненій могло быть болѣе дѣйствительное содѣйствіе правительства для выкупа крестьянскихъ усадьбъ и надѣловъ, и потому предполагалъ допустить для Озургетскаго уѣзда слѣдующія исключенія изъ общихъ правилъ: въ тѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, въ которыхъ владѣльцы согласятся на немедленный выкупъ усадьбъ и надѣловъ, размѣръ крестьянскаго надѣла съ усадьбой опредѣлить отъ

[1]) Тамъ же, часть 2-я. Мнѣніе кутаисскаго генералъ-губернатора кн. Святополкъ-Мирскаго по проекту Дополнительныхъ правилъ къ Положеніямъ 13 октября 1864 года.

7 до 13 кцевъ включительно; высшій размѣръ выкупной ссуды за дворъ назначить въ 300 рублей, а за кцеву 30 рублей; въ теченіе двухъ лѣтъ по обнародованіи освобожденія крестьянъ предоставить помѣщикамъ получить за выкупныя земли до 30 рублей за кцеву, не дѣлая разницы между имѣніями, въ которыхъ крестьяне вносили повинность деньгами и тѣми, гдѣ ее вносили произведеніями земли; по истеченіи двухъ лѣтъ подчинить Гурію въ отношеніи выкупа земель и размѣра ссуды общимъ правиламъ, которыя устанавливались для губерніи [1])*.

Соединенные комитеты, Кавказскій и Главный объ устройствѣ сельскаго состоянія, разсмотрѣвъ присланныя Великимъ княземъ предположенія объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Кутаисской губерніи, нашли, что они согласованы съ главными началами какъ общихъ о крестьянахъ законоположеній 19-го февраля 1861 года, такъ и Положеній 13-го октября 1864 года по Тифлисской губерніи. Допущенныя проектомъ изъятія вслѣдствіе малоземельности и бѣдности владѣльцевъ, системы хозяйственнаго устройства крестьянъ и. т. п. признаны уважительными. Положеніе объ устройствѣ быта крестьянъ въ Кутаисской губерніи было утверждено 13-го октября 1865 года, и примѣненіе реформы совершалось на такихъ же основаніяхъ, какъ по Тифлисской губерніи.

Въ виду ожидаемаго утвержденія Верховной властью крестьянскихъ законоположеній были предприняты нѣкоторыя подготовительныя мѣры. Къ числу такихъ мѣръ относилось

---

[1]) Тамъ же. * Послѣдняя русско-турецкая война еще болѣе оправдала опасенія князя Святополкъ-Мирскаго. Къ сожалѣнію, оправдалось и другое опасеніе его относительно осложненій крестьянскаго вопроса въ будущемъ, и, быть можетъ, если Комитетъ по устройству крестьянъ принялъ бы тогда заявленіе гурійскихъ помѣщиковъ и проектъ генералъ-губернатора, то волненія настоящаго времени въ Озургетскомъ уѣздѣ не получили бы такой острой формы.

приказаніе [1]) и. д. Намѣстника кн. Орбеліани о составленіи соображеній относительно распредѣленія помѣщичьихъ имѣній на мировые отдѣлы.

Выше уже указано, что въ Кутаисской губерніи князьямъ подчинялись азнауры, которые хотя и были признаны въ правахъ дворянства, но не утверждены въ этомъ достоинствѣ, пока не послѣдовалъ бы разводъ по имѣніямъ съ ихъ помѣщиками-князьями. Крестьяне въ такихъ имѣніяхъ отбывали повинности какъ азнаурамъ, такъ и князьямъ, при чемъ, согласно Положенія 21-го мая 1864 года, за князьями признано право участія въ имѣніяхъ подвластныхъ имъ азнауровъ въ $^1/_2$, $^1/_3$ и $^1/_4$ части, смотря по основанію, на которомъ князь владѣлъ азнауромъ.

Не говоря уже о несоотвѣтственности личной зависимости людей дворянскаго происхожденія отъ ихъ помѣщиковъ—князей въ то время, когда отъ этой зависимости освобождались крѣпостные крестьяне, являлся сверхъ того вопросъ: въ какомъ порядкѣ князья и азнауры будутъ впредь дѣлить части урожая, которыми временно-обязанные крестьяне должны были удовлетворять помѣщиковъ взамѣнъ прежнихъ натуральныхъ повинностей.

Княжескихъ азнауровъ состояло въ губерніи около 1000 семействъ; сколько у нихъ было дымовъ крестьянъ, камеральными описаніями не выяснено, такъ какъ тамъ помѣщики изъ княжескихъ азнауровъ значились подъ общимъ названіемъ дворянъ. Поэтому, въ кругъ дѣйствій мировыхъ посредниковъ должно было войти установленіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ размѣра участія, какое приходилось на долю помѣщика азнаура изъ части урожая, отбываемой временно-обязаннымъ крестьяниномъ [2]).

[1]) Тамъ же, часть 3-я. Предписаніе г.-л. кн. Орбеліани кутаисскому генералъ-губернатору отъ 24 августа 1864 г., № 460.

[2]) Тамъ же. Докладъ кутаисскаго гражданскаго губернатора князю Святополкъ-Мирскому отъ 20 сентября 1865 г., № 124.

У многихъ помѣщичьихъ крестьянъ находились земли, которыя они считали собственностью на основаніи покупки; такія земли составляли почти $^1/_3$ всего количества находившагося въ пользованіи крѣпостныхъ крестьянъ; но съ другой стороны только значительное меньшинство такихъ пріобрѣтеній обезпечивалось безспорными документами; недѣйствительность документовъ на остальныя могла быть признана только по разсмотрѣніи ихъ мировыми посредниками.

Въ Рачинскомъ и Шаропанскомъ уѣздахъ въ 1860 году состояло 345 дымовъ крестьянъ, которые отбывали личныя и натуральныя повинности своимъ помѣщикамъ и частью разнымъ монастырямъ Шаропанскаго уѣзда по завѣщанію предковъ. Но натуральныя и личныя повинности относительно церкви, согласно требованію высшаго духовнаго управленія, замѣнялись денежными. За отмѣной личной зависимости помѣщичьихъ крестьянъ и установленіемъ взноса доли съ урожая, возникалъ вопросъ: долженъ ли денежный оброкъ церкви пасть на помѣщиковъ? Во всякомъ случаѣ мировымъ посредникамъ предстояло опредѣлять способы удовлетворенія какъ церкви, такъ и крестьянъ, которые не могли нести двѣ повинности за одну и ту же землю.

Подобныя же затрудненія являлись относительно 336 дымовъ крестьянъ, принадлежавшимъ въ Рачинскомъ и Кутаисскомъ уѣздахъ дворянамъ, бывшимъ прежде въ зависимости у церкви. Крестьяне эти отбывали церкви денежную подать, саури, по пожалованіямъ царей или по дарственнымъ записямъ князей-помѣщиковъ упомянутыхъ церковныхъ дворянъ; но повинность саури нельзя было относить на крестьянъ [1]).

Для ближайшаго примѣненія законоположеній 13-го октября 1865 года Великій князь призналъ возможнымъ, также какъ въ Тифлисской губерніи, примѣнить къ Кутаисской

[1]) Тамъ же. Докладъ кутаисскаго гражданскаго губернатора князю Святополкъ-Мирскому отъ 29 сентября 1865 г., № 127.

подробныя Положенія и Правила въ развитіе и дополненіе этихъ законоположеній. Сюда вошли Положенія о крестьянахъ состоявшихъ въ домашнемъ услуженіи и при хозяйствѣ помѣщиковъ, крестьянахъ-хизанахъ и крестьянахъ, жившихъ въ городахъ и мѣстечкахъ, Положенія о мировыхъ посредникахъ и Губернскомъ присутствіи, объ уставныхъ грамотахъ, о сельскихъ обществахъ, о правахъ, пріобрѣтаемыхъ крестьянами по обнародованіи Положеній и объ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ до введенія уставныхъ грамотъ. Всѣ эти Положенія утверждены Великимъ княземъ 30-го октября, и, по тождественности основныхъ началъ крестьянской реформы, къ Кутаисской губерніи примѣнены такія же правила, какъ въ Тифлисской.

Въ частности, по кутаисскимъ Положеніямъ допущены и нѣкоторыя измѣненія. Напримѣръ, въ Кутаисское губернское присутствіе вмѣсто двухъ старшихъ чиновниковъ Главнаго управленія назначался по усмотрѣнію Намѣстника одинъ мѣстный чиновникъ; вмѣсто четырехъ членовъ дѣлопроизводителей положено 3 и вмѣсто четырехъ членовъ изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ только два.

Разрѣшалось образовать въ губерніи 16 мировыхъ отдѣловъ [1]).

Обнародованіе указа объ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости было возложено въ Кутаисѣ лично на кн. Святополкъ-Мирскаго, а въ уѣздныхъ центрахъ губерніи—Озургетахъ, Они, Сакаро—на гражданскаго губернатора и другихъ лицъ мѣстной администраціи. Созваннымъ 8-го ноября старшинамъ и депутатамъ отъ крестьянъ изъ помѣщичьихъ селеній былъ прочитанъ въ присутствіи членовъ отъ дворянства указъ о волѣ, новыя законоположенія и особое воззваніе Великаго князя къ сельскимъ обывателямъ. 8-го же ноября

[1]) Тамъ же. Отношеніе Великаго князя предсѣдателю Кавказскаго комитета отъ 19 ноября 1865 г., № 571.

въ Кутаисѣ по приказанію Великаго князя полковникъ графъ Орловъ-Давидовъ объявилъ помѣщикамъ рескриптъ государя о вознагражденіи. Дарованная крестьянамъ свобода была принята ими съ признательностью и благоговѣніемъ. Дворяне же черезъ своихъ предводителей заявили просьбу повергнуть передъ государемъ вѣрноподданическія чувства благодарности за оказаніе имъ матеріальнаго пособія въ трудное для сословія переходное время. Дворянство Рачинскаго уѣзда въ день обнародованія указа, угостивъ бывшихъ своихъ крестьянъ радушнымъ обѣдомъ, пожертвовало, въ память этого великаго событія на постройку въ мѣстечкѣ Они зданія для мѣстнаго приходскаго училища, по одному проценту со всей причитающейся суммы денежнаго вознагражденія, при чемъ дворяне просили, чтобы училище это было наименовано „Михайловскимъ“ [1]).

Съ самаго дня обнародованія крестьянскихъ законоположеній, 8-го ноября 1865 года, въ Кутаисѣ открылось губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Въ составъ присутствія подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи вошли засѣдавшіе во временной комиссіи губернскій предводитель дворянства и губернскій прокуроръ. Губернское присутствіе тотчасъ же приступило къ образованію мировыхъ отдѣловъ, а мировые посредники—къ исполненію своихъ обязанностей [2]).

Примѣненіе реформы въ общемъ не встрѣтило особыхъ затрудненій. Однако, нужно указать, что въ первый же годъ возникло разногласіе между крестьянскими учрежденіями и дворянами относительно способа отбыванія повинности шинакма.

За исключеніемъ указаннаго разногласія о шинакмѣ какъ освобожденіе, такъ и примѣненіе реформы въ Кутаиской губерніи выполнялись безъ затрудненія. Уставныхъ грамотъ въ

[1]) Тамъ же. Отношеніе Великаго князя предсѣдателю Кавказскаго комитета отъ 19 ноября 1865 г., № 573.

[2]) Тамъ же. Предписаніе Великаго князя кутаисскому генералъ-губернатору отъ 5 ноября 1865 г., № 526.

назначенный двухгодичный срокъ въ четырехъ уѣздахъ губерніи составлено 7281 на 22202 дыма крестьянъ. Ко времени введенія въ дѣйствіе этихъ грамотъ были уволены отъ своихъ обязанностей шинакма, надоба (полевыя работники) всѣ моджалабы, а также прекратили обязательныя отношенія къ помѣщикамъ хизаны (стумари) и крестьяне, жившіе въ городахъ и мѣстечкахъ.

Значительное число уставныхъ грамотъ въ губерніи объясняется крайнею раздробленностью поземельнаго тамъ владѣнія. Такая раздробленность имѣній и была причиной, что для окончанія составленія уставныхъ грамотъ нужно было призвать всѣхъ чиновъ мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій къ энергичной работѣ. Независимо отъ этого, по неразмежеванности имѣній, потребовалось содѣйствіе межевыхъ чиновъ, которые и были немедленно командированы въ губернію.

Сельскихъ обществъ въ губерніи образовано 283 и въ нихъ состояло временно-обязанныхъ крестьянъ 43821 дыма [1]).

Бытъ крестьянъ послѣ реформы получилъ существенныя улучшенія. Независимо отъ пріобрѣтенія всѣхъ правъ личныхъ, по состоянію и имуществу лицъ свободнаго состоянія и правъ неприкосновеннаго обладанія всѣмъ пріобрѣтеннымъ и недвижимымъ имуществомъ, крестьяне получали въ постоянное пользованіе почти весь ихъ прежній надѣлъ. Въ отношеніи отбыванія повинностей крестьяне получали большое облегченіе не только по сравненію съ прежними размѣрами платимыхъ ими помѣщикамъ постоянныхъ повинностей, но во многихъ мѣстностяхъ и по сравненію съ повинностями, платимыми за нанимаемыя земли. Такое улучшеніе быта крестьянъ по отбыванію повиностей должно было каснуться различныхъ разрядовъ крестьянъ не въ одинаковой степени: оно не было столь ощутительно для азатовъ и тѣхъ изъ мсахури, ко-

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи Главнаго управленія 1871 г., № 68, связка 5328. Матеріалы для отчета по устройству крестьянъ въ Закавказскомъ краѣ.

торые были свободны отъ платежа повинностей земными произведеніями или предметами домашняго хозяйства; наоборотъ, это улучшеніе въ значительно большей степени отражалось въ пользу моджалабовъ и глеховъ. Что касается до будущаго положенія помѣщиковъ, то по неизбѣжной необходимости, налагаемой крестьянской реформой, оно являлось для нихъ настолько стѣснительнымъ, насколько доставлялось облегченіе подвластнымъ имъ крестьянамъ [1]).

Числовыя данныя о сельскомъ населеніи въ четырехъ уѣздахъ Кутаисской губерніи видны изъ нижеслѣдующей таблицы [2]) *.

УѢЗДЫ.	Крестьянское населеніе.					
	Помѣщичьихъ крестьянъ.		Казенныхъ и церковныхъ.		Общій итогъ.	
	Дымы.	Души м. п.	Дымы.	Души м. п.	Дымы.	Души м. п.
Кутаисскій.	7985	32134	6581	25303	14566	57437
Шаропанскій	7730	32772	3837	16586	11567	49358
Рачинскій	3311	15226	1735	7377	5046	22603
Озургетскій.	5110	16600	2158	7155	7268	23755
Всего по губерніи. .	**24136**	**96732**	**14311**	**56421**	**38447**	**153153**

Изъ общаго числа крѣпостнаго населенія почти двѣ трети (24136 дымомъ съ 96732 душами мужескаго пола) принадлежали 4785 помѣщичьимъ семействамъ [3]). Такимъ обра-

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1864 г., № 18, ч. 1-я, связка 7. Докладъ предсѣдателя правительственной комиссіи кн. Багратіонъ-Мухранскаго о крестьянскомъ вопросѣ въ Кутаисской губерніи отъ 26 апрѣля 1866 года.

[2]) Тамъ же. Приложеніе къ проекту Дополнительныхъ правилъ къ Положеніямъ 13 октября 1864 года.

*) Свѣдѣнія о крестьянскомъ населеніи заимствованы изъ камеральныхъ описаній, произведенныхъ по Озургетскому уѣзду въ 1859 году, по остальнымъ тремъ уѣздамъ—въ 1864 году.

[3]) Въ Грузіи ихъ всего было 1757 семействъ.

зомъ въ среднемъ на каждое помѣщичье семейство приходилось около пяти дымовъ съ небольшимъ, или 20 душъ мужескаго пола крестьянъ.

Все помѣщичье крѣпостное населеніе размѣщалось въ 7896 владѣніяхъ. Число помѣщиковъ, имѣвшихъ менѣе 21 души крестьянъ, достигало 3776 *); имѣвшихъ отъ 21 до 100 душъ —831, отъ 101 до 500 душъ—167, отъ 501 до 1000 душъ 7, свыше 1000 душъ—4. Большая часть помѣщиковъ владѣла очень ограниченнымъ количествомъ земли—до 30, 50 и 100 кцевъ (11, 18 $^1/_2$ и 37 $^1/_2$ десятинъ). Крестьяне имѣли въ наслѣдственномъ пользованіи помѣщичьей земли отъ 3 до 5 кцевъ; имѣвшіе до 10 и 15 кцевъ считались состоятельными; встрѣчались и такіе крестьяне, у которыхъ земли было болѣе, чѣмъ у помѣщиковъ [1]).

Въ отношеніи отбыванія повинностей помѣщику крестьяне дѣлились на разряды. Азаты обязаны были отдавать въ домъ помѣщика постоянную прислугу *шинакму*; мсахури **) кромѣ шинакмы отбывали повинность земными произведеніями—виномъ, хлѣбомъ, кукурузой, гоми, а также предметами домашняго хозяйства; иногда же платили и денежную подать. Глехи сверхъ повинности прислугой исполняли всѣ полевыя работы на помѣщичьихъ земляхъ. Наконецъ, моджалабы цѣлыми семействами находились въ полномъ распоряженіи помѣщика.

Повинности земными произведеніями и предметами домашняго хозяйства отбывались крестьянами помѣщику не по количеству отведенныхъ въ пользованіе угодій, а совершенно независимо отъ этого: по установившимся въ различныхъ имѣніяхъ обычаямъ. Кромѣ постоянныхъ повинностей кресть-

*) Въ Грузіи ихъ всего 869.

[1]) Тамъ же. Докладъ предсѣдателя правительственной комиссіи кн. Багратіонъ-Мухранскаго о крестьянскомъ вопросѣ въ Кутаисской губерніи отъ 26 апрѣля 1866 года.

**) Были и такіе мсахури, которые, подобно азатамъ, отбывали только повинность шинакму.

яне несли случайныя и весьма разнообразныя повинности дѣньгами и продуктами; къ нимъ относились праздничныя приношенія. Въ общемъ повинность земными произведеніями была не обременительна для крестьянъ и составляла отъ $^1/_{15}$ до $^1/_{10}$ и даже до $^1/_{10}$ части съ урожая. Болѣе однообразное отбываніе повинностей замѣчалось въ пограничныхъ съ Турціей участкахъ Озургетскаго уѣзда; тамъ повсемѣстно размѣръ ихъ выражался около $^1/_{10}$ части съ урожая. Самою тягостною для крестьянъ повинностью было давать помѣщику праздничные подарки и, главнымъ образомъ, домашнюю прислугу шинакму [1]).

Въ Имеретіи и Гуріи положеніе помѣщиковъ съ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса дѣлалось еще болѣе бѣдственнымъ, чѣмъ въ Грузіи. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права помѣщикамъ сохранялись однѣ поземельныя повинности; размѣръ ихъ подчинялся извѣстной нормѣ, которая въ большинствѣ случаевъ не могла удовлетворить помѣщиковъ за совокупность всѣхъ разнообразныхъ выгодъ, доставляемыхъ имъ дореформеннымъ порядкомъ. Въ этомъ и заключалось то огромное лишеніе, которое предстояло испытать дворянамъ Кутаисской губерніи въ будущемъ. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что имеретинскіе и гурійскіе помѣщики по малоземелью были очень бѣдны; экономическому же благосостоянію ихъ много препятствовали неблагопріятныя обстоятельства, въ которыхъ постоянно находилась страна ихъ. Въ 1812 году сильная моровая язва уничтожила большую часть народонаселенія, вынудивъ остальную разбѣжаться; по прекращеніи эпидеміи помѣщики должны были вновь выкупать своихъ крестьянъ и вновь заселить свои имѣнія съ новыми пожертвованіями и лишеніями. Вторженія турокъ въ 1829 году и въ продолженіе трехлѣтней Восточной войны причинили краю много бѣдствій. Несомнѣнно, что послѣдст-

[1]) Тамъ же.

вія военныхъ дѣйствій отразились на экономическомъ бытѣ всего края и вмѣстѣ съ тѣмъ на имѣніяхъ помѣщиковъ, которые и не имѣли возможности заняться улучшеніемъ сельскаго хозяйства. При такомъ положеніи помѣщики находили единственную поддержку насущнымъ своимъ нуждамъ въ крѣпостномъ трудѣ своихъ крестьянъ. Такимъ образомъ предстоявшія лишенія могли повести къ серьезнымъ затрудненіямъ, создавъ обремененіе для самого правительства.

На этомъ основаніи Великій князь ходатайствалъ о выдачѣ имеретинскимъ и гурійскимъ помѣщикамъ денежнаго вознагражденія за лишеніе выгодъ, проистекавшихъ отъ личной зависимости крѣпостнаго населенія.

Принимая за основаніе цифру вознагражденія, выданнаго грузинскимъ помѣщикамъ, по числу 4785 помѣщичьихъ семействъ Кутаисской губерніи и 26732 душъ крестьянъ вмѣстѣ съ дополнительнымъ вознагражденіемъ мелкопомѣстныхъ причиталось къ выдачѣ 2833815 рублей [1]).

Эта сумма по личному ходатайству Великаго князя была разрѣшена государемъ къ выдачѣ тѣмъ же порядкомъ и на такихъ же основаніяхъ, какія были приняты по отношенію къ грузинскимъ помѣщикамъ [2]).

---

[1]) Тамъ же, часть 2-я. Записка, представленная Великимъ княземъ лично Государю 10 іюня 1865 года. О пособіи дворянамъ Кутаисской губерніи при освобожденіи крестьянъ.

[2]) Тамъ же. Журналъ соединенныхъ комитетовъ, Кавказскаго и Главнаго объ устройствѣ сельскаго состоянія, отъ 28 сентября 1865 года.

Глава IX.

Уничтоженіе автономіи Мингреліи. Предположенія о разрѣшеніи мингрельскаго вопроса кн. Барятинскаго и Великаго князя. Всеподданнѣйшая просьба кн. Николая Мингрельскаго объ отказѣ отъ владѣтельскихъ правъ. Указъ 4 января 1867 года объ утвержденіи въ Мингреліи русскаго управленія. Крестьянское сословіе въ Мингреліи и крѣпостная зависимость. Вольные люди Мингрельскаго владѣнія. Статистическія свѣдѣнія о крѣпостномъ населеніи въ Мингреліи. Учрежденіе эугидской комиссіи. Предположенія мингрельскихъ помѣщиковъ. Обсужденіе проекта реформы въ Комитетѣ объ устройствѣ крестьянъ. Указъ 1 декабря 1866 года объ освобожденіи. Крестьянскій вопросъ въ Сванетіяхъ Дадіановской, Княжеской и Вольной.

Разрѣшеніе крестьянскаго дѣла въ Мингреліи было связано съ вопросомъ объ уничтоженіи автономныхъ правъ ея владѣтелей.

Кромѣ владѣтеля кн. Дадіана и членовъ его семейства, носившихъ общее названіе *батонишвили*, къ привилегированнымъ сословіямъ Мингреліи принадлежали тавады (князья) независимые, тавады подвластные батонишвили, азнауры (дворяне) независимые, азнауры подвластные батонишвили и другимъ тавадамъ, наконецъ азнауры церковные.

Дворъ владѣтеля не уступалъ двору имеретинскихъ царей, и даже временами превосходилъ его по своему блеску. Какъ для управленія краемъ, такъ и при царскомъ дворѣ владѣтели имѣли своихъ должностныхъ лицъ, свой придворный штатъ. Феодальный строй страны создалъ цѣлый рядъ должностей, а іерархическое подраздѣленіе ихъ было въ Мингреліи развито еще болѣе чѣмъ въ Грузіи или Имеретіи.

Должности служилаго класса въ Мингреліи были извѣстны подъ слѣдующими названіями: *сахлтъ-ухуцесъ* (гофмаршалъ), *мдиванбегъ-ухуцесъ* (предсѣдатель совѣта), *бокаултъ-*

ухуцесъ (старшій надъ бокаулами), *моларетъ-ухуцесъ* (министръ финансовъ) и. т. п. Высшія должности предоставлялись родственникамъ владѣтеля и другимъ именитымъ тавадамъ.

Батонисшвили владѣли пожалованными имъ въ удѣлъ помѣстьями и старались во всемъ подражать владѣтелю, имѣли свой дворъ съ должностными лицами. Тавады, въ свою очередь, стремились приблизиться къ домашнему быту батонисшвили; тавады, состоя при владѣтелѣ или батонисшвили, кромѣ обязанностей по занимаемой должности, должны были сопровождать своихъ патроновъ во время ихъ поѣздокъ по странѣ; они составляли постоянную почетную свиту, посылались для выполненія особенно важныхъ порученій. За усердную службу при дворѣ владѣтеля тавады награждались помѣстьями, крестьянами и другими отличіями. Азнауры несли такую же службу, какъ и тавады.

Церковь и монастыри въ Мингреліи управлялись и пользовались доходами съ имѣній полноправно и самостоятельно, никому не отсчитываясь. Во главѣ церкви стояли митрополиты и епископы; они жили во всемъ подражая владѣтелю, имѣли свой дворъ, своихъ должностныхъ лицъ, многочисленный штатъ прислуги. Они, какъ владѣльцы обширныхъ помѣстій, жаловали крестьянами, землями; отчуждали, пріобрѣтали имѣнія по всевозможнымъ актамъ; налагали подати и повинности или слагали ихъ, обозначая эту милость „отписными бумагами“. Однимъ словомъ, митрополиты и епископы были полными властителями въ своихъ имѣніяхъ и въ этомъ отношеніи напоминали средневѣковыхъ феодаловъ Западной Европы.

Быть сельскаго священника, если онъ происходилъ не изъ азнаурскаго сословія, не многимъ отличался отъ быта зажиточнаго крестьянина. Мингрельское духовенство было освобождено отъ крѣпостной зависимости указомъ владѣтеля кн. Давида въ 1841 году; тѣмъ же указомъ за духовенствомъ

оставлено благопріобрѣтенное имущество, а родовое —въ ихъ же пользованіи за десятую часть урожая. Почти всѣ священники владѣли крестьянами [1]).

Въ виду наступавшаго 4-го января 1867 года срока совершеннолѣтія владѣтеля Мингреліи кн. Николая Дадіанъ веденіе переговоровъ относительно вознагражденія его за добровольный отказъ отъ владѣтельскихъ правъ государь возложилъ на предсѣдателя Кавказскаго комитета князя Гагарина. Въ основаніе этихъ переговоровъ были приняты соображенія кн. Барятинскаго, высказанныя имъ въ присланномъ изъ-за границы письмѣ, и предположенія Великаго князя, изложенныя въ особой всеподданнѣйшей запискѣ.

Князь Барятинскій, признавая нужнымъ отмѣнить владѣтельскія права, опасался, чтобы ко времени разрѣшенія этого вопроса кн. Николай Дадіанъ не перемѣнилъ бы своего желанія отказаться отъ владѣнія Мингреліей. Для обезпеченія членовъ владѣтельскаго дома Барятинскій считалъ достаточнымъ сверхъ предоставленія имъ пользованія родовыми имѣніями на правахъ наслѣдственныхъ сохранить еще получаемыя ими отъ правительства пенсіи; старшей же вѣтви владѣтельскаго дома присвоить фамилію „Мингрельскій“.

Великій князь полагалъ покончить Мингрельскій вопросъ слѣдующимъ образомъ: выдать князю Николаю Дадіанъ въ видѣ потомственной пенсіи 50 тысячъ рублей въ годъ; сумма эта исчислена по ожидаемому съ Мингреліи дохода за исключеніемъ расхода на содержаніе управленія этой страны. Въ случаѣ, если кн. Николай пожелалъ бы купить недвижимое имѣніе во внутреннихъ или западныхъ губерніяхъ Россіи, то выдать ему одинъ милліонъ рублей, чтобы пріобрѣтенное покупкою имѣніе составило маіоратъ на общемъ основаніи.

---

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1865 г., № 45, ч. 1-я, связка 11. Записка кн. Рафаэля Эристова „О сословіяхъ, заинтересованныхъ крестьянскимъ вопросомъ въ Мингреліи“ отъ 16 марта 1866 года.

Послѣ примѣненія въ Мингреліи крестьянской реформы и надѣленія по общимъ правиламъ владѣтельскихъ крестьянъ землею, всѣ остальныя земли и угодья пріобрѣсти въ казну за ту цѣну, которая будетъ опредѣлена предварительнымъ соглашеніемъ съ кн. Дадіанъ; если же такое соглашеніе не состоится, то порядкомъ, указаннымъ въ законахъ объ отчужденіи частныхъ имуществъ на государственныя потребности. Устройство участи матери, брата и сестры возложить на владѣтеля изъ капиталовъ, которые ему выдались бы отъ продажи въ казну частныхъ имѣній. Независимо отъ этого, по особой Монаршей милости, назначить матери владѣтеля въ пожизненную пенсію часть изъ тѣхъ 30-ти тысячъ рублей, которые съ 1857 года производились изъ государственнаго казначейства ежегодно на содержаніе княгиня и ея дѣтей. Постановить, что владѣтель, а также братъ его и все вообще нисходящее отъ нихъ потомство пользовались бы титуломъ „свѣтлости“ и именовались бы „Дадіанами-Мингрельскими“ [1]).

Опасенія Барятинскаго, повидимому, основывались на пережитыхъ Мингреліей въ Восточную войну событіяхъ; но въ данномъ случаѣ эти опасенія не соотвѣтствовали обстоятельствамъ, такъ какъ князь Николай Дадіанъ совершенно искренно и твердо рѣшилъ отказаться отъ наслѣдственнаго владѣнія. Предложенный Великимъ княземъ способъ вознагражденія владѣтеля и пріобрѣтенія этимъ послѣднимъ маіоратнаго имѣнія въ Россіи имѣлъ цѣлью удалить кн. Николая изъ Мингреліи. Такая осторожность была подсказана осложненіями Абхазскаго владѣтельскаго вопроса; но политическія отношенія Мингреліи за все время автономнаго управленія не указывали на примѣненіе такихъ рѣшительныхъ мѣръ къ ея владѣ-

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло судебнаго департамента Главнаго управленія 1866 г., № 132, ч.,-я, связка 4743. Всеподданнѣйшій докладъ кн. Гагарина въ декабрѣ 1866 года.

телю, добровольно отказывавшемуся отъ наслѣдственныхъ своихъ правъ. Такъ посмотрѣлъ на это дѣло и императоръ Александръ II.

Къ переговорамъ съ владѣтелемъ Мингреліи былъ привлеченъ и опекунъ надъ его имѣніями Дмитрій Кипіани, который пользовался особымъ довѣріемъ всего семейства владѣтеля. Кипіани представилъ особую записку, въ которой указывалъ, что князь Николай не останавливается ни передъ какой жертвой и что какъ ни трудно отказаться отъ наслѣдія на Мингрелію, но онъ, желая сдѣлать угодное государю, добровольно отдаетъ свое достояніе въ распоряженіе правительства.

При самыхъ переговорахъ князь Николай, узнавъ, что ему предназначена въ вознагражденіе сумма въ одинъ милліонъ, высказалъ, что князь Воронцовъ предлагалъ его отцу 4 милліона за то же самое. 15 декабря онъ подалъ всеподданѣйшую записку, въ которой выразилъ желаніе исполнить волю государя и въ день совершеннолѣтія сложить съ себя владѣтельскія права на Мингрелію, вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ выдать въ вознагражденіе сумму, предложенную кн. Воронцовымъ его отцу. Государь на прошеніи собственноручно написалъ: *„я ему лично отвѣчалъ, что постараюсь, сколько окажется возможнымъ, обезпечить его самого и его семью“* [1]).

Послѣ объясненія кн. Гагарина, что государь желаетъ кромѣ денежнаго вознагражденія сохранить за владѣтелемъ частныя родовыя имѣнія въ Мингреліи, кн. Николай 16-го декабря подалъ двѣ всеподданѣйшія просьбы: одну отъ себя лично, а другую отъ матери. Въ просьбѣ своей князь Николай, отказываясь отъ владѣтельскихъ правъ на Мингрелію, считая себя послѣ остающимся въ качествѣ частнаго землевладѣльца по отношенію принадлежащихъ ему въ потомственной собственности имѣній, испрашивалъ разрѣшенія приступить къ хозяйственному распоряженію этими имѣніями

[1]) Тамъ же.

послѣ примѣненія къ Мингреліи крестьянской реформы и установленія тамъ общаго порядка управленія. Княгиня Екатерина Дадіанъ и съ своей стороны заявила о намѣреніи приложить заботы къ тому, чтобы способствовать сыну въ устройствѣ быта крестьянъ его частныхъ имѣній, возстановленію въ нихъ хозяйства и къ развитію сельской промышленности, прибавивъ, что съ соизволенія государя она предполагаетъ возвратиться въ Мингрелію не ранѣе осени.

Князь Николай кромѣ того передалъ кн. Гагарину свое личное желаніе, чтобы изъ всѣхъ его имѣній для сохраненія ихъ въ нераздѣльности былъ бы учрежденъ маіоратъ, а брату его Андрею носить пожизненно фамилію „Дадіанъ-Мингрельскій“ [1]).

Составленный княземъ Гагаринымъ подробный докладъ объ отреченіи князя Николая Дадіанъ отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ и утвержденія въ Мингреліи навсегда русскаго управленія былъ разсмотрѣнъ въ Кавказскомъ комитетѣ. Докладъ этотъ состоялся 2-го января и изложенныя въ немъ предположенія членами комитета одобрены единогласно. Лишь по вопросу о присвоеніи князю Николаю Дадіанъ фамиліи „Мингрельскій“ съ сохраненіемъ ея въ лицѣ только старшаго въ родѣ владѣльца маіората, генералъ-адъютантъ Милютинъ заявилъ, что предоставленіе такого исключительнаго права на фамилію всегда одному лицу изъ упраздняемаго владѣтельскаго дома будетъ служить князьямъ Дадіанъ напоминаніемъ прежнихъ правъ ихъ и легко можетъ при какихъ либо смутныхъ обстоятельствахъ дать поводъ къ домогательствамъ на возстановленіе владѣтельскихъ правъ. Противъ такого заявленія члены комитета возразили, что съ отреченіемъ князя Николая отъ владѣтельскихъ правъ и упроченіемъ въ Мингреліи русскаго управленія фамилія „Мингрельскій“ не должна имѣть тамъ значенія и не представляетъ для прави-

[1]) Тамъ же.

тельства никакого опасенія; что потомкамъ бывшихъ царей Грузіи и Имеретіи точно также были присвоены фамиліи „Грузинскій“, „Имеретинскій“ и это не имѣло прецендентовъ; что, наконецъ, мысль о предоставленіи старшему въ родѣ Дадіанъ фамиліи „Мингрельскій“ заявлена какъ Барятинскимъ, такъ и Великимъ княземъ Намѣстникомъ. Съ другой стороны, присвоеніе кн. Николаю при отреченіи отъ правъ желаемой имъ фамиліи, напоминая лишь о значеніи его рода, послужитъ утѣшеніемъ ему самому, а вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ выражать знакъ особаго довѣрія за готовность добровольно отказаться отъ владѣтельскихъ правъ, основанныхъ какъ на инвеститурной грамотѣ императора Николая I, такъ и на рескриптѣ государя. Послѣ такихъ объясненій и это разногласіе было устранено [1]).

Въ день совершеннолѣтія князя Николая Дадіанъ, 4 го января 1867 года, послѣдовало повелѣніе государя утвердить въ Мингреліи навсегда русское управленіе съ тѣмъ, чтобы самыя формы управленія для этой части Закавказскаго края были бы въ подробности опредѣлены Намѣстникомъ кавказскимъ. За княземъ Николаемъ Дадіанъ сохранялись на общемъ правѣ частной собственности земли и угодья за исключеніемъ находящихся въ нихъ морскихъ береговъ и устроенныхъ правительствомъ портовъ, при чемъ изъ всѣхъ частныхъ имѣній князю Николаю назначена сумма въ одинъ милліонъ рублей. Князю Николаю присвоивалось право именоваться княземъ Мингрельскимъ съ удержаніемъ титула свѣтлости съ тѣмъ, чтобы фамилія и титулъ переходили къ старшему въ родѣ; брату владѣтеля кн. Андрею при сохраненіи титула свѣтлости носить лично фамилію „Дадіанъ Мингрельскій“, всѣмъ же потомкахъ его именоваться князьями „Дадіанъ“ и пользоваться также титуломъ свѣтлости. Вопросъ

[1]) Тамъ же.

о возвращеніи кн. Николая и матери въ свои частныя имѣнія въ Мингреліи предоставленъ соображеніямъ Великаго князя.

Послѣ обезпеченія бывшаго владѣтеля прекращался дальнѣйшій отпускъ отъ казны: 30-ти тысячъ въ годъ, назначенныхъ рескриптомъ 17-го сентября 1857 года на имя кн. Екатерины Дадіанъ; 16690 рублей въ годъ, назначенныхъ въ 1865 году князю Николаю взамѣнъ доходовъ, поступавшихъ въ пользу владѣтельнаго дома съ помѣщичьихъ и церковныхъ крестьянъ Мингреліи и 1600 рублей въ годъ, производимыхъ съ 1823 года въ вознагражденіе за таможенные сборы [1]).

Ограниченіе правъ частной собственности князя Мингрельскаго изъятіемъ изъ его владѣній морскихъ береговъ главнымъ образомъ основывалось на общихъ государственныхъ интересахъ. Имѣнія владѣтеля, прилегая къ Черному морю, уже по своему географическому положенію и значенію въ смыслѣ государственной границы, вызывали необходимость правительственнаго тамъ надзора и потому отчужденіе морской полосы въ пользу казны могло предоставить правительству свободу дѣйствій. Размѣръ подлежавшаго отчужденія пространства земли Кавказскимъ комитетомъ былъ принятъ въ 60 сажень съ предоставленіемъ Намѣстнику установить точное разграниченіе государственной полосы въ зависимости отъ свойствъ мѣстности и другихъ условій [2]).

Общій законъ по учрежденію заповѣдныхъ имѣній требуетъ указанія числительности населенія, пространства удобной земли, количества получаемаго съ имѣнія по сложности 10 лѣтъ средняго чистаго дохода. По отношенію къ имѣніямъ князя Мингрельскаго эти требованіи не могли быть

[1]) Тамъ же. Отношеніе председателя Кавказскаго комитета Великому князю отъ 4 января 1867 г., № 111.

[2]) Тамъ же. Отношеніе председателя Кавказскаго комитета Великому князю отъ 20 февраля 1868 г., № 251.

выполнены по отсутствію точныхъ свѣдѣній. На это обстоятельство князь Гагаринъ просилъ обратить вниманіе Правительствующаго Сената и доставленіе требуемыхъ закономъ свѣдѣній Сенатъ потребовалъ отъ кавказскаго начальства. Однако для исполненія этого распоряженія, въ виду перемѣнъ, которыя произошли въ составѣ имѣнія кн. Мингрельскаго послѣ произведеннаго правительствомъ инвентарнаго описанія 1857 года, требовалось составленіе новаго описанія, соотвѣтствующаго условіямъ закона о заповѣдныхъ имѣніяхъ [1]).

Единственнымъ указателемъ частныхъ имуществъ владѣтеля Мингреліи служило то же инвентарное описаніе 1857 года. Тогда были приведены также въ извѣстность и всѣ споры, заявленные при прежнемъ мингрельскомъ управленіи; но такіе споры возникли и послѣ 1857 года, во время дѣйствія особаго порядка управленія, могли они возникнуть и въ будущемъ. Владѣтель послѣ отказа отъ наслѣдственныхъ правъ становился, какъ частное лицо, относительно этихъ споровъ въ исключительное положеніе. Дѣйствительно, право всякаго частнаго владѣнія въ Мингреліи устанавливалось не иначе какъ пожалованіемъ отъ владѣтеля или съ его утвержденія перехода имѣнія отъ одного помѣщика къ другому; понятно потому, что въ имущественныхъ спорахъ право собственности со стороны частныхъ лицъ должно было основываться на владѣтельскихъ актахъ, а со стороны самого владѣтеля на отсутствіи какого либо документа. Такъ какъ это особое положеніе лица, изъ владѣтеля страны превратившагося въ частнаго собственника, не могло быть предусмотрѣно законами, то и возникала необходимость оградить въ будущемъ, при возбужденіи тяжебныхъ дѣлъ, юридическія права владѣтеля, который не имѣлъ возможности представлять какихъ либо доказательствъ на принадлежавшія

[1]) Тамъ же. Всеподданнѣйшая записка Великаго князя отъ 10 декабря 1869 года.

ему недвижимыя имущества. Объ этомъ ходатайствовали опекуны владѣтеля и просили облечь въ силу закона права частной собственности его [1]).

Между тѣмъ уже послѣ крестьянской реформы съ разрѣшенія государя кн. Мингрельскій возвратился на родину. Принявъ въ вѣдѣніе принадлежавшія ему имѣнія онъ убѣдился, что захваты и присвоенія его имуществъ достигли до огромныхъ размѣровъ. Вслѣдствіе такихъ захватовъ князь Мингрельскій, какъ частный человѣкъ, долженъ былъ отыскивать судебнымъ порядкомъ имѣнія, составлявшія безспорное достояніе его предковъ. При такомъ положеніи дѣла не было возможности приступить къ составленію описанія недвижимыхъ имуществъ и представить въ Сенатъ свѣдѣнія, требуемыя закономъ для маіората. Въ просьбѣ своей Намѣстнику князь Мингрельскій просилъ, чтобы правительство пришло на помощь къ скорому разрѣшенію такого важнаго для него вопроса [2]).

Великій князь поручилъ изслѣдовать это дѣло на мѣстѣ члену совѣта Главнаго управленія Ломизе. Изъ произведеннаго этимъ послѣднимъ описанія имѣній бывшаго владѣтеля и были извлечены свѣдѣнія необходимыя для заповѣдныхъ имѣній.

Окончательно маіоратъ князя Мингрельскаго установленъ именнымъ указомъ Правительствующему Сенату 18-го декабря 1873 года. Въ составъ заповѣднаго имѣнія вошли: принадлежавшія и находившіяся въ безспорномъ владѣніи князя Мингрельскаго недвижимыя имущества за исключеніемъ портовъ и полосы земли по берегу Чернаго моря; имѣніе подъ названіемъ *садедопло*, т. е. владѣтельницы, состоявшее

[1]) Тамъ же. Записка главной опекунши княгини Дадіанъ и Дмитрія Кишіани князю Гагарину отъ 28 декабря 1866 года.

[2]) Тамъ же. Письмо кн. Мингрельскаго Великому князю отъ 21 августа 1869 года.

въ пожизненномъ пользованіи княгини Екатерины Дадіанъ. Всѣ эти имѣнія были населены временно-обязанными крестьянами въ числѣ 2922 дымовъ [1]).

Крестьянское сословіе въ Мингреліи подраздѣлялось на три разряда: *моджалабы, мебегре* и *азаты*; при этомъ въ разныхъ частяхъ края крестьяне пользовались различными правами и несли въ пользу помѣщиковъ неодинаковыя повинности.

Моджалабъ въ буквальномъ переводѣ означаетъ принадлежащій семейству; въ дѣйствительности же это былъ рабъ въ семействѣ господина.

Моджалабъ въ нижней Мингреліи могъ быть проданъ, отданъ въ приданное, цѣлымъ семействомъ или отдѣльно; онъ жилъ на дворѣ своего господина, питался остатками отъ господскаго стола, одѣвался въ подаренную помѣщикомъ одежду; хозяину своему обязанъ былъ безпрекословно нести тяжелую работу по домашнему хозяйству и въ полѣ. Изъ семьи моджалаба помѣщикъ бралъ съ каждой четы по одной *моахлѣ*— служанкѣ, остальныхъ же дочерей выдавалъ замужъ, получая за это отъ 5-ти до 10 рублей. Моджалабы бракомъ своихъ дочерей съ другими сословіями старались улучшить бытъ ихъ въ будущемъ. Въ свою очередь помѣщикъ стремился женить своего моджалаба, при чемъ нерѣдко самъ покупалъ для него невѣсту. Своей земли моджалабъ не имѣлъ и только съ разрѣшенія господина засѣвалъ свободныя его поля.

Моджалабъ въ верхней Мингреліи не жилъ въ домѣ своего господина, а имѣлъ свои пашни и свои виноградные са-

[1]) Къ учрежденному заповѣдному имѣнію по жеданію князя Мингрельскаго присоединены слѣдующіе фамильные документы: *высочайшіе рескрипты*: отъ 20 марта 1804 года на имя князя Григорія Дадіанъ; отъ 31 мая 1806 года на имя княгини Нины Георгіевны Дадіанъ съ даромъ образа Влахернской Божіей Матери и объ образованіи города Григоріополя (въ Зугдидахъ); отъ 13 октября 1853 года; отъ 1 августа 1854 года на имя княгини Екатерины Дадіанъ; *инвеститурныя грамоты*: отъ 1 іюня 1804 года князю Григорію Дадіанъ, при этомъ пожаловано сардарское знамя и сабля; отъ 20 января 1805 года князю Левану Дадіанъ; отъ 25 іюня 1831 года мингрельскому народу съ пожалованіемъ почетнаго знамени; отъ 30 ноября 1846 года князю Давиду Дадіанъ и отъ 15 декабря 1853 г да князю Николаю Дадіанъ.

ды, онъ отбывалъ болѣе облегченныя обязанности, а помѣщикъ не кормилъ и не одѣвалъ его.

Моджалабъ въ Лечхумскомъ округѣ несъ такія же обязанности, какъ въ нижней Мингреліи съ тою разницею, что служанку давали не съ четы, а съ каждаго двора.

Въ безотрадномъ положеніи моджалаба во всѣхъ частяхъ Мингреліи былъ выходъ въ лучшія условія жизни посредствомъ выкупа или же заслугами передъ своимъ господиномъ; но, уходя со двора господина, моджалабъ оставался при тѣхъ же обязанностяхъ, а за надѣлъ земли несъ натуральныя повинности. Вообще говоря, помѣщики, отпуская моджалабовъ, не теряли своихъ правъ на нихъ. Казалось бы, что, благодаря сравнительно легкому переходу моджалаба отъ своего господина, съ теченіемъ времени этотъ классъ мингрельскаго народа долженъ былъ самъ собою уничтожиться, но мингрельскій помѣщикъ всегда находилъ средство пополнять убыль; такъ напримѣръ, онъ обращалъ въ сословіе моджалабовъ: незаконнорожденныхъ дѣтей своихъ служанокъ, подкидышей, плѣнныхъ, чужихъ крестьянъ, отданныхъ ему въ уплату за кровь, наконецъ, своихъ крестьянъ, которые нанесли ему „кровную“ обиду. Впрочемъ, бывали и такіе примѣры, что помѣщикъ обращалъ крестьянина въ моджалаба и безъ всякаго основанія, но это считалось произволомъ и противорѣчило законамъ и обычаямъ страны.

Мебегре въ нижней Мингреліи назывался податной крестьянинъ; самое слово происходитъ отъ турецкаго „бегара„ и означаетъ „повинность“. Эти крестьяне находились сравнительно съ моджалабами въ лучшихъ условіяхъ; но за то мебегре былъ обремененъ и большими податями; онъ платилъ и *тави-бегару*— коренную (главную) подать, и добавочную подъ разными наименованіями; онъ несъ весьма тяжелыя натуральныя повинности [1]).

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ. 1865 г., № 45, ч. 1-я, связка 11. Записка кн. Рафаэля Эристова „О сословіяхъ, заинтересованныхъ крестьянскимъ вопросомъ въ Мингреліи“ отъ 16 марта 1866 года.

Коренную подать платило все сословіе мебегре и она состояла изъ одной свиньи стоимостью отъ 4 до 5-ти рублей, вина отъ 1 до 10 кокъ, гоми отъ 1 до 10 килъ. Отбывая обязательную коренную подать мебегре не всегда платилъ добавочныя подати, или, наконецъ, платилъ только нѣкоторыя изъ нихъ. Большое количество и разнообразіе добавочныхъ податей было очень обременительно для мингрельскаго мебегре; онъ отбывалъ повинности: *саури*—земскую или точнѣе владѣтелю, *саудіеро*—вводная, *очамури*, въ переводѣ означающую „на кормленіе"; обыкновенно помѣщикъ одинъ или два раза въ годъ пріѣзжалъ къ мебегре, который и долженъ былъ угощать его; *цхенись-чамба*—кормленіе одной господской лошади и конюха; сверхъ того мебегре въ праздники и торжественные для помѣщика дни дѣлалъ случайныя приношенія, какъ это практиковалось въ Грузіи, Имеретіи и Гуріи. Наконецъ, исключительно въ пользу владѣтеля поступало отъ мебегре: *кулухи, сакулухо, садедопло.*

Независимо отъ повинностей предметами домашняго хозяйства и произведеніями земли отъ каждаго двора мебегре давалась господину домашняя прислуга, такъ называемая повинность *шинакма* или *пареши.* Отъ этой повинности освобождались только тѣ мебегре, которые имѣли „отписныя бумаги", или если въ семействѣ мебегре состоялъ только одинъ работникъ. По этой повинности мебегре выполняли господскую полевую работу—*надоба,* перевозили своего господина при первомъ его требованіи доставить перевозочныя средства и несли службу по охранѣ крѣпостей—*мецихватоба.*

Мебегре верхней Мингреліи и Лечхумскаго округа несли тѣ же самыя подати и повинности за нѣкоторыми незначительными отличіями, напримѣръ, они не были обязаны давать моахле (служанку).

Азаты—слово это по-персидски означаетъ „свободный"; но азаты Мингреліи были свободны только отъ нѣкоторыхъ

податей; хотя вообще отбываемыя азатами подати значительно превышали платимыхъ классомъ мебегре, тѣмъ не менѣе эти послѣдніе всегда стремились къ переходу въ классъ азатовъ, которые пользовались почетной привилегіей ни въ какомъ случаѣ не платить господину подать свиньей, повинность считавшаяся въ высшей степени позорною.

Азатъ, состоя въ господскомъ домѣ, не исполнялъ тяжелыхъ полевыхъ работъ, не несъ службы унижающей достоинство, имѣлъ свободный доступъ къ своему господину и занималъ при немъ почетное мѣсто. Въ разрядъ азатовъ мебегре могъ перейти за деньги или за особыя заслуги своему господину.

Такимъ образомъ обычное право въ Мингреліи установило въ крестьянскомъ сословіи подраздѣленіе на разряды; здѣсь моджалабъ всѣми силами старался перечислиться въ мебегре, этотъ послѣдній—въ азаты; азатъ же, въ свою очередь, ставилъ цѣлью жизни пройти въ азнауры. При всемъ томъ въ Мингреліи замѣчалась какая то кастовая спѣсь—азатъ гнушался мебегре, изъ разряда котораго только что вышелъ, мебегре третировалъ моджалаба несмотря ни на какія узы родства [1]).

Особый классъ мингрельскихъ крестьянъ составляли *миндобили*—пришедшіе подъ покровительство, иначе говоря миндобили были тѣ же хизаны Грузіи и Имеретіи; миндобили иногда назывались *стумари* (гость) *и мибареблі* (отданный на сохраненіе).

Поселенные на чужой землѣ миндобили, кромѣ податей своему коренному господину, платили помѣщику, землю котораго брали для пользованія, повинности по заранѣе опредѣленному добровольному соглашенію. Обыкновенно миндобили давали земледѣльцу: по одной скотинѣ въ 2 рубля, по одной килѣ гоми и по 3 коки вина, кромѣ того были

[1]) Тамъ же.

обязаны личными повинностями азата и облегченной повинностью мебегре, большею частью заключающейся въ кормленіи лошадей и конюховъ пріѣзжихъ гостей. Въ Лечхумѣ миндобилей совсѣмъ не было. Всего замѣчательнѣе было то, что, кромѣ перечисленныхъ разрядовъ, въ Мингреліи существовали еще крестьяне-помѣщики, т. е. что крестьяне имѣли въ зависимости своихъ крестьянъ, а еще своеобразнѣе, что и эти послѣдніе еще владѣли крестьянами. Были и такіе крестьяне, у которыхъ состояли свои моджалабы и мебегре, хотя и съ меньшими повинностями [1]). Уничтожить такое ненормальное явленіе старался владѣтель Мингреліи кн. Давидъ Дадіанъ. Въ предписаніи мингрельскому Верховному правленію 1-го января 1841 года онъ писалъ, что, вступивъ въ управленіе Мингреліею, онъ усмотрѣлъ, что князья, дворяне и *даже крестьяне* продаютъ, покупаютъ, дарятъ, закладываютъ и отдаютъ въ приданное своихъ крестьянъ и недвижимыя имѣнія по частнымъ сдѣлкамъ, не дававшихъ возможности разобрать дѣйствительность или недѣйствительность актовъ; вслѣдствіе чего происходило много безпорядковъ и затруднялось производство дѣлъ [2]).

Для предотвращенія въ будущемъ кн. Давидъ сдѣлалъ слѣдующія постановленія: акты по продажѣ и куплѣ крестьянъ не превышавшіе 150 рублей, по засвидѣтельствованіи окружными мдиванбегами, представлять на утвержденіе Верховнаго правленія; акты свыше 150 рублей Верховному правленію представлять владѣтелю. Долговыя обязательства до 50-ти рублей свидѣтельствовать окружнымъ мдиванбегамъ, свыше этой суммы—Верховному правленію. Крестьянамъ воспрещено продавать, закладывать, пріобрѣтать или отдавать въ приданное крестьянъ. Приказавъ объявить эти правила жителямъ Мингреліи, владѣтель постановилъ, что съ 1841 года акты

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же.

не засвидѣтельствованные указаннымъ порядкомъ будутъ считаться недѣйствительными.

Объ этомъ же впослѣдствіи подверждала и правительница Мингреліи. Въ инструкціи Верховному правленію отъ 20-го мая 1856 года она, между прочимъ, писала: „Право на пріобрѣтеніе или отчужденіе крестьянъ принадлежитъ исключительно князьямъ и дворянамъ, а крестьяне не имѣютъ таковаго. Этими же правами пользуются и священнослужители изъ дворянъ. Крестьяне, за исключеніемъ крестьянъ, могутъ пріобрѣтать землю и все прочее имущество. Но такъ какъ нѣкоторые мингрельскіе крестьяне уже съ давняго времени владѣли крестьянами, то за ними сохраняется то право до времени; даже это право можетъ переходить по наслѣдству; но продавать, закладывать или инымъ способомъ отчуждать крестьянъ они могутъ съ разрѣшенія владѣтеля или помѣщиковъ“ [1]).

Хотя всѣ юридическія понятія мингрельцевъ основывались на уложеніи царя Вахтанга, однако обычное право Мингреліи установило нѣкоторыя отличія отъ грузинскаго законодательства. Такъ напримѣръ, у водворенныхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ крестьянъ земли никогда не отбирались владѣльцами; эти же послѣдніе не были обязаны надѣлять землею крестьянъ какъ бы они не нуждались въ ней. Однако помѣщикъ всегда старался раздать свободныя земли.

Въ Мингреліи существовалъ обычай, по которому крестьяне послѣ раздѣла платили помѣщику то же количество вина, какое платили до раздѣла, пока помѣщикъ не дастъ имъ виноградный садъ или пока не разведутъ новыхъ садовъ, хотя бы и на своихъ земляхъ. При этомъ всѣ остальныя подати, какъ главную такъ и добавочныя, въ первые три года послѣ раздѣла платили вмѣстѣ всѣ отдѣлившіеся дымы, а послѣ трехъ лѣтъ каждый дымъ платилъ порознь, въ первона-

[1]) Тамъ же. Статьи 40—43 Инструкціи владѣтельницы Мингреліи Верховному правленію отъ 20 мая 1856 г., № 2201.

комиссію, которая должна была составить проѣктъ самаго Положенія о примѣненіи реформы въ губерніи [1]).

Дворянскій комитетъ открылъ свои засѣданія 1-го марта. Результаты своихъ совѣщаній комитетъ выразилъ въ особой запискѣ, въ которой дворянство приводило свои предположенія и желательный для нихъ исходъ реформы.

Дворянство указывало, что, пользуясь вѣковыми своими правами, оно постоянно стремилось пріобрѣтать крестьянъ, которые доставались имъ по различнымъ актамъ и вслѣдствіе большихъ матеріальныхъ пожертвованій, почему крѣпостные составляли ихъ неотъемлемую собственность, ихъ достояніе. Зависимость крестьянъ узаконена законами царя Вахтанга, обычаями страны и правительствомъ.

Дворянскій комитетъ объяснялъ размѣръ и значеніе отбываемыхъ крестьянами повинностей.

По личной крѣпостной зависимости крестьяне отбывали въ пользу помѣщиковъ слѣдующія повинности: отъ каждаго дыма давалась постоянная прислуга, которая несла, такъ называемую, *шинакму*—дворовую службу; другой членъ семейства выходилъ на полевыя работы съ собственными быками по два или три дня въ недѣлю—повинность *надоба*. Въ случаѣ увольненія отъ барской службы шинакма платилъ въ годъ отъ 30 до 70 рублей; пожелавшіе избавиться отъ полевыхъ работъ (надобы) платили отъ 40 до 60 рублей; при совершенномъ же освобожденіи отъ помѣщичьей зависимости крестьяне платили за выкупъ безъ земли и съ землею отъ 400 до 4 тыс. рублей. Наемная плата одному слугѣ составляла въ годъ отъ 40 до 60 и 120 рублей въ годъ; за дневную же работу посторонняго крестьянина—отъ 20 до 40 копѣекъ; если же крестьянинъ нанимался работать съ своими быками, то получалъ въ день отъ 60 копѣекъ до рубля.

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1864 г., № 18, ч. 1-я, связка 7. Предписаніе Великаго князя кутаисскому генералъ-губернатору кн. Святополкъ-Мирскому отъ 8 ноября 1864 г., № 470.

Кромѣ дворовой службы помѣщики получали отъ крестьянъ постоянную повинность деньгами: *саури или сліани*, отъ 1 до 5-ти рублей; праздничныя приношенія деньгами или продуктами домашняго хозяйства—*саахалцло, саахдгомо, сашобо* и пр.; случайныя: *сакврило* (за выходъ замужъ вдовы—отъ 10 до 20 рублей); *сачекмо* (за выходъ замужъ дѣвицы—отъ 5 до 30 рублей); *гасамкрело* (при раздѣлахъ—10 часть съ движимаго имѣнія); *сахорцило* (при свадьбѣ—отъ 5 до 10 рублей); при похоронахъ—отъ 2-хъ до 5 рублей: *шесацеварі* (при уплатѣ господскаго долга или при пріобрѣтеніи имѣнія—отъ 5-ти до 20 рублей); *салашкро*—при выступленіи помѣщика въ походъ—отъ 5-ти до 10 рублей [1]).

Съ освобожденіемъ крестьянъ помѣщики лишались всѣхъ средствъ къ поддержанію своего хозяйства; но, исполняя волю государя, комитетъ единогласно постановилъ, что бытъ крестьянъ можетъ быть улучшенъ только предоставленіемъ имъ правъ состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей и, слѣдовательно, съ освобожденіемъ ихъ отъ личной и крѣпостной зависимости.

По проекту комитета реформа могла совершится на слѣдующихъ основаніяхъ.

Признать неотъемлемою собственностью помѣщиковъ всѣ земли, на которыхъ были водворены крестьяне; за этими послѣдними оставить все движимое имущество: домашнія вещи, рабочій скотъ и земледѣльческія орудія; но оставить въ полную собственность крестьянъ жилые дома и другія хозяйственныя постройки и отнести ихъ къ усадебной осѣдлости, какъ это исполнено по тифлисскому Положенію, комитетъ находилъ непримѣнимымъ въ Кутаисской губерніи. Депутаты объясняли, что многіе изъ крестьянъ пожалованы по-

[1]) Тамъ-же. Записка дворянскаго комитета, представленная кутаисскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства княземъ Церетели въ правительственную комиссію отъ 2 марта 1865 г., № 28.

мѣщикамъ отъ царей и владѣтелей со всѣмъ имуществомъ и постройками и въ такомъ видѣ крестьяне переходили отъ однихъ помѣщиковъ къ другимъ; большая же часть крестьянъ возводила жилые дома изъ помѣщичьихъ лѣсовъ; въ случаѣ, если помѣщикъ пріобрѣталъ крестьянъ безъ земли, то давалъ имъ готовые дома и усадьбы; крестьянамъ дѣлалась льгота въ платежѣ повинностей на болѣе или менѣе продолжительные сроки при раздѣлахъ; дома имеретинскихъ и гурійскихъ крестьянъ выстроены изъ лучшаго матеріала, чѣмъ у грузинскихъ и потому безвозмездное предоставленіе построекъ далеко не могло быть равномѣрно той потерѣ, какую понесли грузинскіе помѣщики, признавшіе всѣ строенія собственностью крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ депутаты не отвергали, что постройки возведены собственными трудами крестьянъ, ими же онѣ поддерживались и улучшались; а, принявъ это въ соображеніе, во избѣжаніе всякихъ споровъ, предлагали участіе помѣщиковъ въ крестьянскихъ постройкахъ ограничить четвертою частью стоимости ихъ [1]).

Положеніемъ по Тифлисской губерніи о пріобрѣтенныхъ крестьянами недвижимыхъ имѣній позволялось открывать споры по правиламъ общаго крестьянскаго положенія 19-го февраля 1861 года. Кутаисское дворянство не безъ основанія безпокоилось, что разрѣшеніемъ крестьянамъ доказывать не формальными актами принадлежность имъ въ частную собственность недвижимыхъ имуществъ откроется путь къ поддѣлыванію бумагъ, которыми бывшіе крѣпостные будутъ присваивать и помѣщичьи земли, находившіяся лишь въ пользованіи крестьянъ. Для устраненія подобныхъ неправильныхъ присвоеній дворянство полагало ограничить доказательства крестьянъ на пріобрѣтенныя земли одними формальными актами [2]).

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же. Докладъ предсѣдателя правительственной комиссіи кн. Багратіонъ-Мухранскаго о крестьянскомъ вопросѣ въ Кутаисской губерніи отъ 15 марта 1865 года.

Въ доказательство справедливости своихъ претензій депутаты указывали, что и сами крестьяне не признавали купленныя земли своею собственностью, что ни во времена царскаго и владѣтельскаго правленія, ни при русскомъ правительствѣ со стороны крестьянъ не было заявлено о правахъ ихъ на пріобрѣтенныя имущества. Требовать отъ крестьянъ представленія формальныхъ актовъ на купленныя ими имущества комитетъ полагалъ установить по аналогіи съ уже изданными правительственными распоряженіями относительно разграниченія имущественныхъ правъ между имеретинскими и гурійскими князьями и подвластными ихъ азнаурами, а также признаніемъ собственностью помѣщиковъ имѣній духовныхъ лицъ, освобожденныхъ отъ крѣпстной зависимости. Этими двумя Положеніями подтверждалось, что крестьяне правомъ собственности на купленныя земли не пользовались, что допущеніе споровъ о пріобрѣтеніяхъ внѣ законнаго порядка признано неудобнымъ въ дѣлѣ княжескихъ азнауровъ. Принявъ же во вниманіе не право крестьянъ, а цѣль дворянства разстаться съ крестьянами при добромъ согласіи, дворяне ходатайствовали объ удѣленіи имъ изъ половины пріобрѣтеннаго крестьянами по законнымъ актамъ; участіе это, по мнѣнію имеретинскихъ депутатовъ, могло быть ограничено срокомъ десятилѣтней давности со дня пріобрѣтенія; по мнѣнію же гурійскихъ депутатовъ—со времени уничтоженія дѣйствія уложенія царя Вахтанга, т. е. съ 1859 года [1]).

Депутаты затруднялись примѣнить правила о повинностяхъ, установленныя тифлисскимъ Положеніемъ; по ихъ мнѣнію крайнее разнообразіе отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и стѣсненныя хозяйственныя условія послѣднихъ не давали возможности измѣнять платежи податей и повинностей

[1]) Тамъ же. Записка дворянскаго комитета, представленная кутаисскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства княземъ Церетели въ правительственную комиссію отъ 2 марта 1865 г., № 28.

впредь до того времени, пока не представится возможность установить общій сборъ со всѣхъ жителей Мингреліи. Это распоряженіе князя Барятинскаго было приведено въ исполненіе въ 1860 году.

Мингрельскіе крестьяне, сознавая важность и значеніе правительственной мѣры, употребляли всѣ старанія освободиться отъ зависимости своихъ помѣщиковъ; мѣстная администрація, въ свою очередь, поддерживала такое стремленіе крестьянъ и даже ходатайствовала о дальнѣйшемъ развитіи этого вопроса. Такъ, кутаисскій генералъ-губернаторъ князь Эристовъ запрашивалъ: можно ли отпущенныхъ и впредь отпускаемыхъ на волю мингрельскихъ крестьянъ причислять къ какимъ либо обществамъ внѣ предѣловъ Мингреліи. Разрѣшеніе этого вопроса въ утвердительномъ смыслѣ было бы нарушеніемъ уже установленнаго принципа, что сословіе вольныхъ людей составляло принадлежность Мингрельскаго владѣнія и князь Барятинскій не согласился съ предлагаемоей мѣрой генералъ-губернатора [1]).

По собраннымъ статистическимъ свѣдѣніямъ ко времени крестьянской реформы въ Мингреліи крѣпостныхъ крестьянъ состояло 22970 дымовъ или 93263 душъ мужескаго пола; изъ этого числа 19638 дымовъ или 80284 души мужескаго пола считалось за помѣщиками, остальные 3332 дыма или 12979 душъ мужескаго пола принадлежали церкви. Всѣ эти крестьяне находились въ зависимости 2760 помѣщичьихъ семействъ и размѣщались въ 246 селеніяхъ, составляя въ нихъ 3764 отдѣльныхъ помѣщичьихъ владѣнія. Изъ указаннаго числа крѣпостныхъ собственно владѣтелю Мингреліи и вдовствующей владѣтельницѣ принадлежало 2823 дыма или 12385 душъ мужескаго пола; остальные распредѣлялись между родственниками владѣтеля, тавадами независимыми, тавадами батонисшвили, азнаурами независимыми, азнаурами подвластными

[1]) Тамъ же.

тавадамъ, священно и церковнослужителямъ; при этомъ изъ общаго числа помѣщичьихъ семействъ болѣе половины составляли мелкопомѣстные, имѣвшіе менѣ 21 души мужескаго пола. Вообще по Мингреліи на каждое помѣщичье семейство въ среднемъ приходилось по 8 дымовъ или 33 души мужескаго пола крестьянъ. Это соотношеніе указывало на крайне стѣсненное положеніе мингрельскихъ помѣщиковъ [1]).

Съ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса въ Кутаисской губерніи Великій князь призналъ возможнымъ приступить къ составленію предположеній по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ и въ Мингреліи. Къ начальному обсужденію крестьянскаго дѣла, по примѣру Тифлисской и Кутаисской губерній, привлечено и мингрельское высшее сословіе; но такъ какъ это сословіе въ Мингреліи не было еще приведено въ извѣстность и не имѣло правильной организаціи, то для успѣшнаго направленія совѣщаній при обсужденіи столь важнаго дѣла призваннымъ лицамъ высшаго сословія поручалось разработать проектъ реформы совмѣстно съ чинами администраціи отъ правительства. Великій князь предложилъ кутаисскому генералъ-губернатору: избрать отъ каждаго округа Мингреліи по четыре депутата изъ помѣщиковъ—по два отъ князей и по два отъ азнауровъ; депутатамъ этимъ прибыть въ Зугдиды къ 15 января 1866 года; въ составъ комиссіи кромѣ депутатовъ помѣщиковъ назначить старшаго члена Совѣта управленія Мингреліей полковника Мачавариани и младшаго члена князя Рафаэля Эристова, въ качествѣ же члена-дѣлопроизводителя одного изъ правительственныхъ чиновниковъ; объяснить депутатамъ всѣ основныя постановленія по устройству быта крестьянъ вообще, предоставить мингрельскимъ депутатамъ, не касаясь основныхъ

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1865 г., № 45, ч. 1-я, связка 11. Отношеніе Великаго князя предсѣдателю Кавказскаго комитета отъ 23 іюля 1866 г., № 378.

началъ общепринятыхъ для Тифлисской и Кутаисской губерній, указать противъ каждой статьи Дополнительныхъ правилъ для Кутаисской губерніи тѣ изъятія и измѣненія, какія они считаютъ нужнымъ допустить для Мингреліи; по составленіи и подписаніи депутатами своихъ заявленій распустить ихъ и затѣмъ, пополнивъ составъ комиссіи постоянными членами отъ дворянства, Совѣта управленія Мингреліею, разработать окончательный проектъ Дополнительныхъ правилъ по освобожденію и устройству быта мингрельскихъ крестьянъ, подчинить общимъ правиламъ по освобожденію и крестьянъ владѣтеля, при чемъ на предварительное обсужденіе кромѣ депутатовъ вообще отъ дворянства приглашать и представителя отъ опеки надъ имѣніями малолѣтняго владѣтеля [1]).

Согласно этого приказанія управляющій Мингреліею д. с. с. Властовъ предложилъ мингрельскому дворянству избрать по округамъ депутатовъ, *) которымъ и явиться въ Зугдиды къ 15 января.

Комиссія открыла свои дѣйствія въ присутствіи кутаисскаго генералъ-губернатора князя Святополкъ-Мирскаго, подъ предсѣдательствомъ управляющаго Мингреліей. Представителемъ и защитникомъ интересовъ опеки наслѣдниковъ владѣтельнаго дома явились Дмитрій Кипіани и князь Константинъ Нижерадзе. Въ засѣданіяхъ кромѣ дворянъ депутатовъ участвовали отъ правительства полковникъ Мачеваріани, князь Рафаэль Эристовъ и Рудковскій. Для ознакомленія дворянъ съ основными постановленіями крестьянской реформы заблаговременно чиновникомъ Совѣта Мингреліи Чичинадзе были

[1]) Тамъ же. Предписаніе Великаго князя кутаисскому генералъ-губернатору отъ 10 декабря 1865 г., № 688.

*) Избранными въ составъ комиссіи оказались: отъ Зугдидскаго округа—тавады коллежскій ассесоръ Мелитонъ Каціевъ Дадіанъ и поручикъ Александръ Чиковани, азнауры коллежскій регистраторъ Наніашвили и губернскій секретарь Константинъ Алшибаія; отъ Сенакскаго округа—тавады штабсъ-капитанъ Николай Дадіанъ и гвардіи ротмистръ Николай Микадзе, азнауры Филиппъ Іоселіани и Дмитрій Гегелія; отъ Лечхумскаго округа тавады подполковникъ Парнаозъ Геловани и Давидъ Чиковани, азнауры Гогиса Кипіани и Фома Ахвледіани.

переведены на грузинскій языкъ всѣ общія Положенія 19 февраля 1861 года. Предсѣдатель комиссіи для всесторонняго обсужденія крестьянской реформы призналъ полезнымъ призвать къ участію въ этомъ важномъ дѣлѣ въ качествѣ экспертовъ еще и нѣкоторыхъ свѣдущихъ помѣщиковъ [1]) *).

Депутаты отъ мингрельскаго дворянства въ особыхъ запискахъ изложили свое мнѣніе какъ о крѣпостномъ правѣ, такъ и о томъ положеніи мингрельскаго дворянства, въ которомъ заставала ихъ реформа. Они указывали, что страну ихъ нельзя сравнивать ни съ Грузіей, ни съ Имеретіей, гдѣ дворянство было болѣе образовано и имѣло болѣе средствъ поддерживать свое существованіе какъ на государственной службѣ, такъ и другими предпріятіями. Указавъ, что крѣпостное право въ Мингреліи существовало съ древнѣйшихъ временъ, что право это не подвергалось колебанію даже и въ тѣ времена, когда страна боролась съ сосѣдними врагами и испытывала различные перевороты; что за дворянствомъ право это упрочено законодательствомъ и обычаями страны; что обладаніе крѣпостными людьми и отбываемыми ими повинностями составляло единственный источникъ существованія—выборные отъ дворянства заявляли, что и со времени присоединенія къ Россіи само правительство предоставило Мингреліи автономное управленіе, сохранивъ за населеніемъ гражданское его устройство. Депутаты напоминали о примѣрной и доблестной службѣ на пользу государства дворян-

*) Призывались на засѣданія: тавады Давидъ Дадіанъ и Варадебули Чиковани—для разъясненія нѣкоторыхъ особенностей по Лечхумскимъ горнымъ имѣніямъ; тавадъ Давидъ Пагава—для разъясненія хизанскаго вопроса; тавадъ Теймуразъ Чичуа—по устройству крестьянъ Сачичуовской долины; тавадъ Давидъ Апакидзе—по устройству крестьянъ Джварскихъ горъ и по разъясненію вопроса о горныхъ пастбищахъ и тавадъ Григорій Мхеилзе—по особому положенію Текlатъ на линіи желѣзной дороги 2).

[1]) Тамъ же. Журналъ зугдидской комиссіи по освобожденію изъ крѣпостной зависимости помѣщичьихъ крестьянъ въ Мингреліи.

[2]) Тамъ же. Отношеніе управляющаго Мингреліею кутаисскому генералъ-губернатору отъ 7 апрѣля 1866 г., № 2259.

ства и какъ оно при всякомъ призывѣ охотно выступало противъ враговъ имперіи и, не щадя жизни, проливало кровь въ Закубаньѣ, Дагестанѣ, Черкесіи и др. мѣстахъ, что за турецкую войну 1828—1829 годовъ мингрельское дворянство получило знамя; говорили депутаты о вторженіи турецкихъ войскъ въ страну ихъ во время Восточной кампаніи, результатомъ чего было разореніе и полный подрывъ экономическаго ихъ благосостоянія. Наконецъ, депутаты заявили, что въ 1861 году князь Барятинскій проѣздомъ за границу посѣтилъ Мингрелію и объявилъ дворянству, что приближается время для крестьянской реформы и что дворянству нечего смущаться этимъ; самъ же государь, посѣтивъ Имеретію и Мингрелію, успокоилъ дворянство, что освобожденіе крестьянъ будетъ окончено съ наименьшими потерями для помѣщиковъ [1]).

Независимо отъ заявленій въ комиссію депутаты въ особо поданной Великому князю запискѣ ходатайствовали объ обезпеченіи матеріальнаго положенія помѣщиковъ, съ крестьянской реформой терявшихъ единственное средство существованія. „Только въ послѣднихъ годахъ,—писали депутаты,—Мингрелія стала сознавать свое положеніе и вступать на путь, ведшій къ приличной и достойной гражданственности, и въ это именно переходное время на долю ея выпадаетъ участь, которую не легко пережила просвѣщенная Европа, участь, которую съ трудомъ перенесла великая Россія. Хотя помѣщики Мингреліи не въ состояніи представить себѣ въ какомъ положеніи они должы находиться послѣ освобожденія крестьянъ, но, конечно, не могутъ уклониться отъ исполненія того, что составляетъ волю Всемилостивѣйшаго Государя, такъ какъ всегдашнимъ свойствомъ ихъ есть безпредѣльная преданность и безпрекословное исполненіе священной

[1]) Тамъ же. Записка уполномоченныхъ отъ мингрельскаго дворянства депутатовъ по крестьянскому вопросу отъ 19 февраля 1866 года.

Высочайшей воли. Имъ предстоитъ отказаться отъ правъ своихъ на крестьянъ, правъ, вѣками освященныхъ, кровью и доблестью пріобрѣтенныхъ; отречься отъ всего, что составляло жизнь, славу и счастье ихъ и перейти къ новой, трудной и недоступной понятіямъ ихъ жизни. При столь громадныхъ жертвахъ они не предвидятъ не только средствъ, могущихъ вознаградить потери, но даже ничего такого, чтобы хотя сколько нибудь и временно могло обезпечить дальнѣйшій бытъ ихъ“ [1]).

Депутатъ отъ опеки Дмитрій Кипіани подалъ въ зугдидскую комиссію заявленіе, въ которомъ писалъ, что владѣтельскихъ крестьянъ слѣдуетъ подчинить Правиламъ и Положеніямъ, какія будутъ изданы вообще для Мингреліи; при этомъ была предъявлена особая вѣдомость съ обозначеніемъ коренныхъ податей и повинностей, отбываемыхъ крестьянами въ собственномъ имѣніи владѣтеля и вдовствующей владѣтельницы.

При сравненіи представленной опекой вѣдомости съ инвентарнымъ описаніемъ Мингреліи оказалось разногласіе въ количествѣ отбываемыхъ крестьянами податей и повинностей. Опека поясняла и причины, отъ которыхъ произошло подобное разногласіе. По вступленіи въ права владѣтеля Мингреліи князя Давида, въ видахъ временнаго облегченія несостоятельныхъ крестьянъ, онъ предписалъ въ 1847 году сахлтухуцесу произвести новое описаніе и обложить крестьянъ податями, сдѣлавъ бѣднѣйшимъ изъ нихъ для улучшенія ихъ благосостоянія облегченія, а съ богатыхъ взыскавать подати въ прежнемъ размѣрѣ. Чтобы установить въ этомъ отношеніи принципъ безпристрастія, на самихъ же выборныхъ отъ крестьянскихъ обществъ было возложено доставленіе свѣдѣній объ имущественномъ положеніи каждаго крестьянина. Та-

[1]) Прошеніе депутатовъ отъ мингрельскаго дворянства Великому князю отъ 19 февраля 1866 года.

кимъ образомъ съ 1847 по 1852 годъ были составлены новыя описанія и примѣнительно къ нимъ розданы сборщикамъ податей податные листы. Затѣмъ, по военнымъ и другимъ обстоятельствамъ, до выѣзда въ Петербургъ владѣтельницы княгини Екатерины не произведено новаго описанія. Въ составленномъ въ 1857 году распоряженіемъ правителства инвентарномъ описаніи имущества владѣтеля повинности и его крестьянъ внесены изъ податныхъ листовъ, которые были въ дѣйствіи до выѣзда владѣтельницы, а потому самыя инвентари оказались неполными; не соотвѣтствовала также и расцѣнка повинностей въ инвентаряхъ, такъ какъ въ нихъ перенесены свѣдѣнія съ податныхъ листовъ по стоимости продуктовъ прежняго времени [1]). Кромѣ допущенныхъ въ инвентаряхъ ошибокъ, Кипіани указывалъ еще на слѣдующія обстоятельства.

Послѣ учрежденія опеки, несмотря ни на какія затрудненія, владѣтельскіе крестьяне стали строить на землѣ владѣтеля мельницы и другія хозяйственныя постройки и хотя объ этомъ самоуправствѣ опека заявляла мѣстнымъ властямъ, но нарушенное право ими не удовлетворено. Эти мельницы, какъ возведенныя самовольно, должны были поступить въ собственность владѣтеля, но въ видахъ снисхожденія опека предоставляла крестьянамъ снести ихъ въ теченіе извѣстнаго срока или же принять въ свое вѣдѣніе по дѣйствительной стоимости матеріаловъ. Съ учрежденіемъ опеки многіе владѣтельскіе крестьяне перешли съ прежнихъ своихъ мѣстъ жительства въ другія, гдѣ имъ отводились пахатныя земли и, несмотря на запрещенія, обстроились на новыхъ мѣстахъ; потому опека ходатайствовала, чтобы надѣлъ этимъ крестьянамъ послѣ освобожденія былъ назначенъ на мѣстахъ прежняго жительства.

---

[1]) Тамъ же. Записка Дмитрія Кипіани въ комиссію объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Мингреліи отъ 19 февраля 1866 года.

Нѣкоторые изъ владѣтельскихъ крестьянъ имѣли собственныхъ крестьянъ, поселенныхъ на земляхъ владѣтеля, а потому опека полагала считать ихъ хизанами, а занимаемыя ими земли—собственностью владѣтеля. Въ Мингреліи вообще, а въ особенности въ имѣніяхъ владѣтеля существовалъ обычай, по которому взысканіе податей съ крестьянъ начиналось по истеченіи года и оканчивалось въ продолженіе слѣдующаго года; между тѣмъ послѣ случившихся въ 1857 году безпорядковъ и одновременно съ выѣздомъ владѣтельницы въ Петербургъ, управляющій Мингреліей генералъ Колюбакинъ 2-й въ ожиданіи разрѣшенія вопросовъ, возбужденныхъ при составленіи инвентарныхъ описаній, предложилъ окружнымъ начальникамъ пріостановить взысканіе повинностей съ владѣтельскихъ крестьянъ. Вопреки ожиданіямъ Колюбакина разрѣшеніе этихъ вопросовъ длилось до 1859 года, при томъ послѣдовало распоряженіе, чтобы въ существовавшемъ порядкѣ отбыванія крестьянами повинностей не дѣлать измѣненій. Вслѣдъ затѣмъ въ іюнѣ того же года были установлены правила для опеки, которая для руководства по веденію дѣла получила инвентарное описаніе. Такимъ образомъ въ дѣйствительности оказалось, что за 1856—1859 года подати и повинности съ крестьянъ владѣтеля оставались въ недоимкѣ и хотя опека предпринимала рѣшительныя мѣры для взысканія ихъ, но встрѣчала разныя препятствія. При разрѣшеніи крестьянскаго вопроса Кипіани полагалъ взыскать съ крестьянъ всѣ недоимки прежнихъ лѣтъ, сдѣлавъ исключеніе въ видахъ снисхожденія вдовамъ, сиротамъ и бѣднѣйшимъ крестьянамъ. Наконецъ, опека просила примѣнить безъ всякаго измѣненія крестьянскія Положенія по Мингреліи и къ крестьянамъ Дадіановской Сванетіи [1]).

[1]) Тамъ же.

Мингрельская комиссія окончила возложенный на нее трудъ согласно указаннаго ей порядка дѣйствій. Принявъ къ свѣдѣнію заявленія депутатовъ отъ помѣщиковъ и представителя опеки владѣтеля, мнѣнія призванныхъ въ качествѣ экспертовъ другихъ членовъ отъ помѣщиковъ, согласовавъ всѣ полученныя данныя съ общимъ духомъ законоположеній по освобожденію крестьянъ и съ правилами, изданными для Кутаисской губерніи, комиссія изготовила проектъ освобожденія и устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Мингреліи.

Проектъ мингрельской комиссіи затѣмъ обсуждался въ Комитетѣ объ устройствѣ крестьянъ при Главномъ управленіи Намѣстника. Комитетъ нашелъ, что многія изъятія допущенныя зугдидской комиссіей не вполнѣ соотвѣтствовали частнымъ требованіямъ крестьянскихъ законоположеній или же вовсе не истекали изъ прямыхъ нуждъ населенія Мингреліи. По мнѣнію комитета между Кутаисской губерніей и Мингреліей не существовало никакихъ существенныхъ отличій ни въ характерѣ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, ни въ поземельныхъ средствахъ владѣльцевъ, ни даже въ мѣстныхъ экономическихъ условіяхъ; потому комитетъ призналъ возможнымъ ограничить предположенныя комиссіей изъятія немногими и при томъ самыми необходимыми. Къ числу такихъ изъятій противъ правилъ установленныхъ для Кутаисской губерніи допущено устраненіе для Мингреліи постановленій о порядкѣ пріобрѣтенія крестьянами ихъ земельнаго надѣла *по требованію помѣщика* и вообще о мѣрѣ и способахъ примѣненія выкупной системы.

Въ такомъ исправленномъ видѣ проектъ во всѣхъ частяхъ былъ одобренъ Великимъ княземъ и препровожденъ въ Кавказскій комитетъ.

Но Мингрелія не была еще введена въ кругъ общаго гражданскаго устройства: въ 1857 года управленіе въ ней учреждено отъ правительства впредь до совершеннолѣтія владѣте-

ля, а срокъ этотъ истекалъ 4-го января 1867 года, послѣ чего только и могло обозначиться какое устройство получитъ страна и какія установятся отношенія къ правительственнымъ учрежденіямъ. Поэтому Великій князь полагалъ необходимымъ согласовать крестьянскую реформу въ Мингреліи съ срокомъ совершеннолѣтія владѣтеля. „Независимо этихъ соображеній,—писалъ Великій князь,—я имѣю въ виду, что Мингрелія есть послѣдняя изъ частей имперіи, въ которой дѣйствуетъ еще крѣпостное право на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ оно существовало въ Россіи и что поэтому обнародованіе указа объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Мингреліи будетъ довершеніе того великаго дѣла, начало котораго записано въ лѣтописахъ Россіи радостнымъ для нея днемъ 19-го февраля 1861 года. Я считалъ бы весьма желательнымъ, чтобы и окончаніе его совершилось въ тотъ же высокоторжественный день, т.-е. 19-го февраля 1867 года“ [1]).

Крестьянская реформа заставала мингрельскихъ помѣщиковъ въ сравненіи съ имеретинскими еще менѣе подготовленными къ тѣмъ потерямъ, какія они должны были понести отъ уничтоженія личныхъ повинностей крестьянъ. Предоставленное Мингреліи со времени присоединенія въ 1803 году автономное управленіе отдѣлило ее болѣе другихъ частей Закавказскаго края отъ общенія съ русскою гражданственностью, потому тамъ еще въ большей неприкосновенности сохранились сложившіяся вѣками отношенія двухъ сословій. Число мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ въ Мингреліи, владѣвшихъ менѣе 21 душами крестьянъ, было гораздо значительнѣе, чѣмъ въ Имеретіи, и малоземельность ихъ доходила до невѣроятныхъ предѣловъ. Такъ напримѣръ, къ числу почетныхъ мингрельскихъ фамилій принадлежали князья Пагава,

[1]) Тамъ же. Отношеніе Великаго князя председателю Кавказскаго комитета отъ 13 іюля 1866 г., № 378.

состоявшіе изъ 260-ти членовъ; они совмѣстно владѣли 294 десятинами земли и 1321 душами крестьянъ; но эти крестьяне, очевидно, не могли размѣститься на такомъ незначительномъ клочкѣ земли и всѣ они почти жили въ постороннихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ въ качествѣ миндобилей (хизановъ); своимъ же владѣльцамъ отбывали по обычаю повинности и приношенія. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права это единственное средство къ существованію для князей Пагава должно было исчезнуть, такъ какъ они, не имѣя возможности надѣлить крестьянъ землею, не могли даже разсчитывать на устанавливаемыя повинности четвертой части съ урожая. Вообще же большая часть мингрельскихъ помѣщиковъ не могла создать послѣ реформы собственныхъ хозяйствъ. Въ виду этихъ причинъ, и во вниманіе къ самоотверженной готовности мингрельскихъ помѣщиковъ пожертвовать всѣми своими правами, Великій князь ходатайствовалъ о выдачѣ имъ такого же вознагражденія, какое было выдано грузинскимъ и имеретинскимъ помѣщикамъ [1]).

Указъ объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ въ Мингреліи послѣдовалъ 1-го декабря 1866 года; самая реформа совершалась на такихъ же главныхъ основаніяхъ, какъ въ Кутаисской губерніи, съ незначительными лишь измѣненіями, вызываемыми мѣстными особенностями края.

Въ виду предстоявшей крестьянской реформы Великій князь поручилъ Главному управленію разработать вопросы о порядкѣ примѣненія въ Мингреліи крестьянскихъ законоположеній.

Разработанныя правила были утверждены Намѣстникомъ 17 января 1867 года. Для соблюденія единства организаціи крестьянскаго дѣла вообще въ Закавказьѣ къ этимъ правиламъ на мингрельскихъ крестьянъ распространены Положенія: о домашней прислугѣ, объ уставныхъ грамотахъ, мѣст-

[1]) Тамъ же. Всеподданнѣйшій докладъ Великаго князя отъ 9 октября 1866 года.

ныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій примѣнительно къ постановленіямъ по Кутаисской губерніи съ слѣдующими измѣненіями: двухлѣтній срокъ обязательной службы или обязательнаго платежа оброка въ пользу помѣщиковъ для крестьянъ состоявшихъ въ услуженіи, а также живущихъ хизанами, считать не со дня утвержденія Дополнительныхъ правилъ 1-го декабря 1866 года, а со дня обнародованія реформы, т. е. съ 19-го февраля 1867 года; такой же срокъ считать и для уставныхъ грамотъ.

Такъ какъ указомъ 4-го января 1867 года вмѣстѣ съ отказомъ отъ политическихъ правъ владѣтеля князя Николая Дадіанъ Мингрелія была присоединена къ Кутаисской губерніи, то на Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе этой губерніи возлагалось высшее завѣдываніе мингрельскими крестьянами, при чемъ присутствіе усиливалось въ составѣ двумя членами-дѣлопроизводителями, двумя же членами изъ лицъ высшаго помѣщичьяго сословія Мингреліи по назначенію Намѣстника, однимъ помощникомъ секретаря и однимъ переводчикомъ мингрельскаго языка. До введенія въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ сохранялась повинность *тави-бегара* (коренная), повинность виномъ, хлѣбомъ и другими земными произведеніями, равно домашними животными съ облегчительными правилами, принятыми для Кутаисской губерніи. Со дня обнародованія Дополнительныхъ правилъ сохранялась на одинъ годъ подводная и вьючная повинность въ счетъ издѣльной повинности (надоба) [1]).

Чтобы облегчить приведеніе въ дѣйствіе реформы образована особая временная комиссія подъ предсѣдательствомъ управляющаго Мингреліей, изъ членовъ его Совѣта полковника Мачаваріани, Рафаэля Эристова и двухъ чиновниковъ. Комиссіи предложено немедленно привести въ порядокъ свѣдѣ-

1) Тамъ же, часть 2-я. Отношеніе Великаго князя предсѣдателю Кавказскаго комитета отъ 13 марта 1867 г., № 257.

нія о помѣщичьихъ крестьянахъ, для чего по каждому округу составить именные списки всѣмъ помѣщикамъ съ обозначеніемъ противъ каждаго сколько числится за нимъ дымовъ крестьянъ, а въ дымахъ—душъ мужескаго пола, сколько изъ общаго числа водворенныхъ на собственной землѣ помѣщика состоитъ въ услуженіи, водворены на правахъ миндобилей. На эту же комиссію, впредь до подчиненія Мингреліи, въ административномъ порядкѣ Кутаисской губерніи, возложены обязанности губернскаго присутствія.

Между тѣмъ Кавказскій комитетъ препроводилъ всѣ крестьянскія законоположенія, а Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Голицинъ 2-й доставилъ въ Тифлисъ рескриптъ государя на имя Великаго князя о вознагражденіи помѣщиковъ Мингреліи за личныя повинности крестьянъ.

Обнародованіе указа и Положеній Великимъ княземъ возложено въ м. Зугдидахъ—на кутаисскаго генералъ-губернатора князя Святополкъ-Мирскаго въ присутствіи генералъ-маіора князя Голицына 2-го, которому поручалось прочесть царскій рескриптъ о вознагражденіи помѣщиковъ; въ Сенакскомъ округѣ—на управляющаго Мингреліей Властова, а въ м. Мури Лехчумскаго округа—на полковника Мачаваріани. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ предложено прочесть и особое воззваніе Великаго князя, обращенное къ сельскому населенію и поясняющее сущность реформы.

19-го февраля, послѣ богослуженія въ м. Зугдидахъ, акты освобожденія были прочитаны всенародно, со всею торжественностью, въ присутствіи какъ старшинъ и депутатовъ отъ крестьянъ, такъ и представителей всего мѣстнаго помѣщичьяго сословія. Несмотря на сильный разливъ горныхъ рѣкъ, на распутицу, населеніе во множествѣ явилось и въ другихъ назначенныхъ для обнародованія воли мѣстахъ. Крестьяне выслушали актъ о своемъ освобожденіи съ восторженною радостью, благословляя имя монарха-освободителя. Помѣщики

были глубоко тронуты объявленною имъ княземъ Голицынымъ 2-мъ Царской милостью и заботами объ ихъ участи.

Съ самаго дня обнародованія новыхъ законоположеній въ Мингреліи вступили въ отправленіе своихъ должностей назначенные Великимъ княземъ мировые посредники; обязанности же Губернскаго присутствія временно исполняла указанная выше особая комиссія. Эта комисія была упразднена 18-го мая послѣ окончательнаго присоединенія Мингреліи къ составу Кутаисской губерніи; всѣ дѣла переданы для дальнѣйшихъ дѣйствій Кутаисскому губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію [1]).

Съ отмѣною крѣпостнаго права въ Мингреліи оно перестало юридически существовать и въ Дадишкиліановской Сванетіи, такъ какъ эта послѣдняя входила въ составъ Лечхумскаго уѣзда; но въ дѣйствительности, въ этой мало доступной части Закавказскаго края крестьянскій вопросъ могъ окончиться только при содѣйствіи самихъ князей Дадишкиліани.

Мы уже знаемъ какія затрудненія представляло управленіе сванетами; административныя распоряженія, въ которыхъ жители видѣли посягательство на ихъ вѣковые обычаи, вызывали противодѣйствіе, а топографическія и климатическія условія страны не позволяли правительству настаивать на исполненіи того или другого требованія. Желая, однако, положить начало разрѣшенію крестьянскаго вопроса въ Княжеской и Вольной Сванетіяхъ, управляющій Мингреліею Властовъ въ январѣ 1866 года сообщилъ помощнику пристава князю Тенгизу Дадишкиліани объ основныхъ началахъ освобожденія крестьянъ, просилъ составить списки помѣщиковъ и крестьянъ, созвать почетнѣйшихъ изъ нихъ для совѣщанія и затѣмъ пріѣхать въ Зугдиды для личныхъ объясненій.

[1]) Тамъ же. Отношеніе Великаго князя предсѣдателю Кавказскаго комитета отъ 13 марта 1867 г., № 258.

Княжеская Сванетія до 1858 года находилась во владѣніи князей Отара, Джамсуха, Масостро и племянниковъ ихъ Александра и Константина Ціоховичей Дадишкиліани. Въ 1848 году помѣстья наслѣдниковъ Ціоха: селенія Пари, Лахамули и вся мѣстность внизъ по Ингуру до впаденія р. Худонъ были конфискованы за совершенное княземъ Константиномъ убійство князя Гагарина. Остальныя части Княжеской Сванетіи, которыми раньше завладѣлъ князь Константинъ, возвращены прежнимъ ихъ владѣльцамъ; на этомъ основаніи имѣнія Эцери и Цхомори переданы наслѣдникамъ Джамсуха и Мосостро: князьямъ Тенгизу, Гела, Бекеръ-бею и Масостро, а помѣстье Бечо, населенное 57-ю дымами (239 душъ мужескаго пола) возвращено Отару Дадишкиліани. Въ томъ же году, по случаю перехода князя Отара въ магометанство и переселенія его съ сыновьями въ Кабарду, имѣніе Бечо было конфисковано; но указъ о принятіи въ казенное вѣдомство этого имѣнія не могъ быть приведенъ въ исполненіе, а сынъ Отара Бекеръ-бей, возвратясь въ 1859 году на родину, продолжалъ владѣть отцовскимъ помѣстьемъ, возбудивъ въ то же время ходатайство о дарованіи ему прощенія, при чемъ выразилъ желаніе со всѣмъ своимъ семействомъ вновь принять христіанство. Графъ Левашовъ полагалъ уважить просьбу Бекеръ-бея съ тѣмъ, чтобы ему былъ отведенъ надѣлъ въ Кабардѣ. При выполненіи предположеннаго плана выселенія всѣхъ мусульманскихъ Дадишкиліани въ Кабарду владѣнія Бекеръ-бея должны были перейти въ казну на тѣхъ же основаніяхъ, какъ принято имѣніе наслѣдниковъ Ціоха Ецери, и потому не подлежали правиламъ крестьянскихъ Положеній. Другой фамиліей, владѣвшей населенными землями въ Княжеской Сванетіи, былъ Тенгизъ Дадишкиліани, который нераздѣльно съ братьями и племянникомъ имѣлъ 132 дыма (603 души мужескаго пола) крестьянъ. Такимъ образомъ окончаніе собственно глехскаго вопроса въ Сванетіи

ограничивалось однимъ нераздѣльнымъ имѣніемъ, принадлежавшемъ братьямъ Тенгизу, Гела и Бекеръ-бею Джамсуховичей съ участіемъ молодаго Масострo, племянника Тенгиза Дадишкиліани.

14-го апрѣля князь Тенгизъ съ собранными матеріалами явился въ Зугдиды. По доставленнымъ имъ свѣдѣніямъ оказалось, что надѣленные землею крестьяне несли повинности несравненно болѣе высокія, чѣмъ мингрельскіе; моджалабы же сванетскіе и находящіеся въ услуженіи не имѣли никакихъ надѣловъ, они были куплены за весьма дорогую цѣну отъ 600 до 800 рублей, преимущественно изъ Абхазіи. Тенгизъ Дадишкиліани, какъ старшій братъ и глава своего рода, заявилъ управляющему Мингреліею, что на освобожденіе крестьянъ съ землею онъ согласенъ съ условіемъ оставить его фамиліи достаточное количество земли для собственнаго хозяйства и просилъ за выдѣленные для крестьянъ надѣлы и повинности по личной зависимости обезпечить фамилію вознагражденіемъ. Въ этомъ видѣ крестьянскій вопросъ въ Сванетіи представлялся денежной сдѣлкой или покупкою имѣній въ казну. Неразрѣшеннымъ могъ оставаться вопросъ о миндобиляхъ и моджалабахъ, общій для 31 помѣщика, у которыхъ купленной за весьма высокую цѣну прислуги мужескаго и женскаго пола числилось 151 человѣкъ. Освободить ихъ съ уплатою по 25 рублей было невыгодно помѣщикамъ; возвратить же стоимость купленныхъ рабовъ представлялось затруднительнымъ, какъ по цѣнности покупки, такъ и потому, что въ Сванетіи рабы цѣнились дорого именно по невозможности достать прислугу, при чемъ и сами освобождаемые не могли бы найти ни пристанища, ни занятій, ни средствъ къ существованію.

Управляющій Мингреліею полагалъ, запретивъ дальнѣйшую куплю и продажу рабовъ, объявить свободными всѣхъ родившихся послѣ этого распоряженія, чѣмъ могли устранить-

ся всѣ неудобства освобожденія: помѣщики не лишались слугъ, рабы не лишались насущнаго хлѣба и вопросъ разрѣшался временемъ. При всемъ томъ на успѣхъ проведенія реформы можно было разсчитывать послѣ устройства прочной и постоянной дороги въ Сванетію и упроченіемъ власти въ горахъ [1]).

Послѣ объявленія 19 февраля 1867 года указа объ освобожденіи крестьянъ Мингреліи дадишкиліановскіе жители фактически продолжали оставаться въ прежней зависимости отъ своихъ владѣльцевъ. Въ 1858 году князь Тенгизъ съ братьями обратились къ кутаисскому генералъ-губернатору съ просьбою привести въ дѣйствіе крестьянскую реформу въ ихъ помѣстьяхъ и выдать имъ причитающееся имъ за личныя повинности крестьянъ вознагражденіе.

Графъ Левашовъ, предвидя затрудненія, какія могли бы возникнуть съ осуществленіемъ крестьянскихъ законоположеній, просилъ у Великаго князя разрѣшенія лично объѣхать всю Сванетію [2]). Съ отрядомъ войскъ графъ Левашовъ въ 1869 году предпринялъ эту поѣздку, прежде всего посѣтивъ Дадіановскую Сванетію, входившую въ составъ Мингреліи и уже принявшую крестьянскую реформу. Настроеніе жителей было спокойное и появленіе войскъ не произвело между ними никакихъ недоразумѣній. Генералъ-губернаторъ имѣлъ возможность убѣдиться лично до какой степени тяжело отразилась реформа на бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ этой части Мингреліи. Въ прежнее время дадіановскіе крестьяне не были обязаны почти никакими натуральными повинностями въ пользу помѣщиковъ и вся зависимость ихъ выражалась небольшимъ денежнымъ оброкомъ, который былъ малоцѣннѣе по сравненію съ указанными въ уставныхъ грамотахъ частей уро-

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же. Рапортъ графа Левашова Великому князю отъ 11 августа 1870 г., № 769.

жая съ произведеній сельскаго хозяйства. Слѣдствіемъ такого рѣзкаго перехода явилось накопленіе недоимокъ за крестьянами, которые, воспользовавшись присутствіемъ генералъ-губернатора, убѣдительно просили о переводѣ натуральныхъ повинностей на денежный оброкъ [1]). Не будучи уполномоченъ разрѣшать подобные вопросы, графъ Левашовъ потребовалъ отъ крестьянъ Дадіановской Сванетіи выполненія хотя и тяжелыхъ для нихъ, но уже обнародованныхъ крестьянскихъ законоположеній.

Посѣтивъ затѣмъ Княжескую и Вольную Сванетіи графъ Левашовъ пришелъ къ заключенію, что по крайне ограниченному развитію населенія слѣдуетъ по возможности упростить сложныя крестьянскія Положенія и что лучшимъ исходомъ для крестьянскаго дѣла въ Княжеской Сванетіи можетъ служить предложенный самими князьями Дадишкиліани способъ непосредственнаго перехода крестьянъ изъ помѣщичьей зависимости въ разрядъ крестьянъ собственниковъ. Дѣйствительно, временно-обязанныя отношенія тамъ, при отдаленности главныхъ центровъ управленія и при отсутствіи въ теченіе 5-ти мѣсяцевъ всякаго сообщенія, поставили бы при первомъ возникшемъ недоразумѣніи какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ въ самое трудное положеніе; возстановленный споръ, не получая вскорѣ законнаго разрѣшенія, неминуемо повелъ бы къ раздраженію заинтересованныхъ сторонъ и легко привелъ бы къ столкновеніямъ, устранить которыя не были бы въ состояніи ни мѣстный приставъ, ни мировой посредникъ.

Князья Дадишкиліани, съ которыми генералъ-губернаторъ имѣлъ личныя объясненія на мѣстѣ, сознавая всѣ затрудненія, сопряженныя съ примѣненіемъ у нихъ реформы, заявили о готовности сдѣлать съ своей стороны уступки, лишь бы избѣгнуть временно-обязательныхъ отношеній и покончить дѣло разъ навсегда; они положительно передавали

[1]) Тамъ же. Рапортъ графа Левашова Великому князю отъ 18 іюля 1869 г., № 2.

своимъ крестьянамъ въ полную собственность усадьбы и по четыре кцевы пахатныхъ и сѣнокосныхъ мѣстъ на каждый крестьянскій дымъ; при этомъ они просили, во вниманіе къ такому пожертвованію и въ виду крайней бѣдности страны, лишенной почти всякаго сообщенія съ мѣстностями куда можно сбывать произведенія скудной нагорной почвы, опредѣлить имъ вознагражденіе, какое въ остальныхъ частяхъ Закавказскаго края получили мелкопомѣстные владѣльцы, т. е. по 50 рублей съ каждой души мужескаго пола. Графъ Левашовъ обѣщался ходатайствовать объ этомъ передъ Великимъ княземъ, если только сами крестьяне выразятъ согласіе на предложенные князьями Дадишкиліани условія.

4-го августа 1869 года кн. Дадишкиліани подали генералъ-губернатору состоявшееся между ними и крестьянами соглашеніе, завѣренное мировымъ посредникомъ Лечхумскаго уѣзда, по каковому соглашенію крестьянамъ отдавались въ потомственную собственность усадьбы и по четыре кцевы пахатной и сѣнокосной земли съ прекращеніемъ всѣхъ обязательныхъ отношеній; въ этомъ же соглашеніи крестьянамъ предоставлялось право пользоваться топливомъ по обычаю страны и пастбищами съ платой по 5 рублей въ годъ съ каждаго дыма [1]).

Что касается Вольной Сванетіи, то тамъ собственно крѣпостнаго населенія не было, а у нѣкоторыхъ азнауровъ состояла прислуга изъ купленныхъ или взятыхъ въ плѣнъ лицъ.

Графъ Левашовъ, разобравъ на мѣстѣ права называвшихъ себя азнаурами, удостовѣрился, что нѣкоторые крестьяне дѣйствительно дѣлаютъ этимъ азнаурамъ незначительныя приношенія хлѣбомъ, или же угощаютъ ихъ при посѣщеніяхъ, но что въ этомъ совершенно нельзя усмотрѣть какихъ либо слѣдовъ крѣпостной зависимости, такъ какъ никакихъ иныхъ обязательныхъ отношеній службою или работою у нихъ ни-

[1]) Тамъ же.

когда не существовало, потому жителямъ было объявлено, что они могутъ разрабатывать земли на прежнихъ основаніяхъ, а азнаурамъ, у которыхъ дѣйствительно состояли въ услуженіи дворовые люди, приказано явиться къ приставу для составленія особаго списка. Дворовые люди послѣ этого обряда совершенно освобождались отъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ бывшимъ своимъ помѣщикамъ.

Достиженіе столь неожиданныхъ и благопріятныхъ результатовъ по разрѣшенію крестьянскаго вопроса въ обѣихъ Сванетіяхъ графъ Левашовъ объяснялъ нравственнымъ вліяніемъ сопровождавшаго его отряда. Съ появленіемъ войскъ начавшіеся безпорядки быстро утихали. Во время своей поѣздки Левашовъ самъ вводилъ сельскія управленія и суды, распорядился составленіемъ общей переписи обѣихъ Сванетій, приказалъ жителямъ вносить государственныя повинности на общемъ основаніи; при этомъ, принявъ во вниманіе крайнюю бѣдность вольныхъ сванетъ, съ нихъ опредѣлено взыскивать подати и земскій сборъ въ половинномъ размѣрѣ противъ установленныхъ въ Мингреліи [1]).

Въ іюлѣ 1870 года въ Сванетію былъ командированъ мировой посредникъ съ землемѣромъ для отвода, на основаніи соглашенія между князьями Дадишкиліани и ихъ крестьянами, земельныхъ надѣловъ. Посредникъ представилъ 7 договоровъ и 15 протоколовъ, заключавшихъ въ себѣ полюбовныя сдѣлки владѣльцевъ имѣній Эцери и Цхомори съ бывшими ихъ зависимыми крестьянами. Этими сдѣлками князья Дадишкиліани безвозмездно отдавали крестьянамъ всѣ находившіяся въ пользованіи послѣднихъ угодья, размѣръ которыхъ значительно превосходилъ то количество земли, какое они обѣщались надѣлить актомъ 4-го августа 1869 года; оказалось, что 132 дыма крестьянъ получили въ даръ отъ своихъ

[1]) Тамъ же. Рапортъ графа Левашова Великому князю отъ 9 августа 1869 года.

владѣльцевъ до 710 кцевъ усадебной, пахатной и сѣнокосной земли, т. е. слишкомъ по 5-ти кцевъ на каждый дымъ.

Предоставивъ такимъ образомъ вполнѣ достаточное земельное обезпеченіе въ полную собственность крестьянъ, князья Дадишкиліани тѣмъ самымъ выполнили болѣе чѣмъ добросовѣстно принятое ими на себя обязательство.

Готовность, съ которою они рѣшились на такое пожертвованіе, указывала на искреннее ихъ желаніе содѣйствовать правительству при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Съ другой стороны, если можно было считать вполнѣ удовлетворительнымъ бытъ крестьянъ-собственниковъ, то имущественное положеніе самихъ князей Дадишкиліани совершенно не обезпечивало безбѣднаго ихъ существованія [1]).

По полученіи отъ генералъ-губернатора всей переписки о крестьянскомъ дѣлѣ въ Сванетіяхъ, Великій князь передалъ на предварительное обсужденіе Комитета объ устройствѣ крестьянъ. Комитетъ, принявъ во вниманіе, что конечнымъ исходомъ вообще поземельнаго устройства крестьянъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости нужно считать переходъ ихъ въ разрядъ крестьянъ-собственниковъ, и что сами князья Дадишкиліани безвозмездной уступкой земель разрѣшили этотъ вопросъ въ желательномъ для правительства смыслѣ, полагалъ дальнѣйшее направленіе реформы поручить Кутаисскому губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію. Одобривъ предположенія комитета, Великій князь приказалъ привести ихъ въ исполненіе [2]).

Затѣмъ неразрѣшеннымъ оставалось ходатайство князей Дадишкиліани о выдачѣ имъ дополнительнаго по 25 рублей вознагражденія. По представленію Великаго князя и Главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія призналъ спра-

---

[1]) Тамъ же. Отношеніе Великаго князя предсѣдателю Кавказскаго комитета отъ 30 мая 1871 г., № 323.

[2]) Тамъ же.

ведливымъ удовлетворить просьбу князей Дадишкиліани, при чемъ выдать имъ дополнительное вознагражденіе лишь послѣ окончательнаго удовлетворенія и приведенія въ исполненіе договоровъ съ крестьянами о прекращеніи обязательныхъ отношеній [1]).

---

[1]) Тамъ же. Журналъ Главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія отъ 20 сентября 1871 года.

Глава X.

Примѣненіе крестьянской реформы. Выкупная операція и Наказъ 14 августа 1868 года. Главныя основанія Наказа. Приказъ общественнаго призрѣнія и задолженность грузинскихъ помѣщиковъ. Непримѣнимость изданнаго Наказа къ мѣстнымъ условіямъ. Стремленіе крестьянъ развязать обязательныя отношенія съ помѣщиками безъ содѣйствія правительства. Крестьянскіе документы. Измѣненіе нѣкоторыхъ статей Выкупнаго Наказа.

По мѣстнымъ крестьянскимъ законоположеніямъ для Тифлисской и Кутаисской губерній Намѣстнику кавказскому предоставлялось установить правила о приведеніи въ извѣстность количества повинностей земными произведеніями съ крестьянскихъ полевыхъ угодій и садовъ, о расцѣнкѣ этихъ повинностей на деньги соотвѣтственно дѣйствительной стоимости и, наконецъ, объ опредѣленіи по таковой расцѣнкѣ денежнаго оброка.

Со времени примѣненія крестьянской реформы въ обѣихъ губерніяхъ приведеніе въ исполненіе вышеуказаннаго закона вызывалось безотлагательною необходимостью. Практика взиманія поземельнаго сбора четвертою частью съ урожая крайне вредно и неблагопріятно отражалась на экономическомъ положеніи обоихъ заинтересованныхъ сословій. Разсмотримъ причины такого явленія.

Извѣстно, что земледѣльческая промышленность можетъ процвѣтать тамъ, гдѣ выгоды воздѣлывателя земли совпадаютъ съ выгодами собственника, гдѣ поземельная рента не подвергается разнымъ колебаніямъ отъ случайныхъ причинъ и гдѣ величина налога соразмѣряется съ условіями, которыми обставленъ личный трудъ поселянина. Вездѣ, гдѣ

земля составляетъ собственность одного сословія и находится въ пользованіи другаго, воздѣлыватель земли старается выгодать отъ собственника въ свою пользу нѣкоторыя уступки и эти уступки въ концѣ концовъ обращаются въ обычное право. Такимъ образомъ въ сельскохозяйственномъ быту обычай служитъ охраною и защитою земледѣльческаго труда отъ чрезмѣрныхъ требованій собственника земли.

Вотъ почему при существованіи крѣпостнаго права въ Грузіи, Имеретіи, Гуріи и Мингреліи поземельная плата земными произведеніями съ урожая не представляла чего нибудь особенно ненормальнаго—помѣщикъ имѣлъ всѣ средства контроля надъ трудомъ крестьянина, а съ другой стороны трудъ самого крестьянина въ силу мѣстныхъ обычаевъ былъ огражденъ отъ излишнихъ притязаній помѣщика. Съ прекращеніемъ крѣпостнаго права взаимныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ кореннымъ образомъ перемѣнились и прежній порядокъ поземельныхъ сборовъ обнаружилъ вредныя въ экономическомъ отношенія послѣдствія. Крестьянинъ, уплачивая четвертую часть съ урожая, становился въ невыгодныя отношенія какъ къ помѣщику, такъ и къ тому земельному участку, который онъ воздѣлывалъ; помѣщикъ же, не имѣя никакой возможности слѣдить за правильнымъ взиманіемъ поземельнаго налога и желая получить наибольшую выгоду отъ своей собственности, обязывалъ крестьянъ засѣвать сколь возможно большую часть надѣльнаго участка, не обращая вниманія на его рабочія силы и на производительность земли. Естественно, что отъ такого хозяйства почва истощалась. Самъ крестьянинъ совсѣмъ не былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы трудолюбіемъ улучшить свой участокъ; наоборотъ, чѣмъ болѣе воздѣлываемый имъ участокъ становился отъ его трудовъ дороже, тѣмъ менѣе онъ дѣлался ревностнымъ въ смыслѣ пріобрѣтенія надѣла въ собственность; потому прямая выгода его заключалась въ томъ, чтобы поддерживать

производительность земли лишь настолько, насколько это было необходимо для пропитанія его семейства [1]).

Подобное явленіе въ особенности рельефно замѣчалось на практикѣ въ сельскохозяйственномъ быту Кутаисской губерніи. Въ имѣніяхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, какъ напримѣръ, князя Николая Мингрельскаго, князя Церетели и др., помѣщики не имѣли никакихъ средствъ наблюдать за исправнымъ взносомъ крестьянами ихъ повинностей и заставить крестьянъ выдѣлять изъ урожая четвертую часть; въ имѣніяхъ же мелкопомѣстныхъ происходило совершенно обратное: тамъ хозяйство крестьянина находилось подъ самымъ бдительнымъ контролемъ помѣщика, который и пользовался своимъ правомъ, нерѣдко съ тяжелою для крестьянина притязательностью.

Такая ненормальность имѣла послѣдствіемъ то, что во время сбора урожая въ мѣстныя крестьянскія учрежденія какъ со стороны помѣщиковъ, такъ и со стороны крестьянъ поступало множество жалобъ. Мировые посредники для разбора этихъ жалобъ направляли всю свою дѣятельность въ ущербъ исполненію возложенныхъ на нихъ закономъ обязанностей; однако справедливость той или другой претензіи обиженнаго они не могли фактически установить. Въ своихъ дѣйствіяхъ мировые посредники руководствовались или произвольными взглядами, или же прибѣгали къ недозволеннымъ закономъ средствамъ; напримѣръ, они заставляли отвѣтчика принимать присягу, или же подъ видомъ грубости и дерзости налагали на крестьянъ взысканія денежными штрафами и арестомъ. Отъ помѣщиковъ слышались также жалобы объ упадкѣ производительности въ надѣльныхъ участкахъ крестьянъ, объ ихъ лѣности, безпечности. Хотя подобныя жалобы

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1876 г., № 81, связка 40. Докладъ управляющаго канцеляріей Кучасва 22 сентября 1876 г., № 503.

по существу своему могли быть основательными, но если крестьянинъ обрабатывалъ свою землю въ указанной Положеніями пропорціи, то его нельзя было дѣлать отвѣтственнымъ за малоурожайность земли [1]).

Несомнѣнно, что упадокъ производительности преимущественно отражался на помѣщикахъ. Каждый крестьянинъ послѣ опредѣленнаго въ Положеніяхъ девятилѣтняго срока могъ пріобрѣтать въ собственность двѣ куевы земли, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ могъ отказаться отъ обязательнаго пользованія надѣломъ, отведеннымъ ему по уставной грамотѣ и возвратить свой участокъ помѣщику. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ производительность почвы переставала оплачивать трудъ, крестьянинъ немедленно и пользовался предоставленнымъ ему закономъ правомъ, переселяясь съ нагорныхъ малопроизводительныхъ мѣстъ въ низменныя части.

Предотвратить обезлюденіе нагорныхъ мѣстностей и тѣсное группированіе населенія въ долинахъ можно было или посредствомъ установленія денежнаго оброка взамѣнъ взноса одной четверти урожая или же путемъ обращенія крестьянъ въ собственниковъ надѣленной земли. Переходъ къ денежному оброку составлялъ лишь полумѣру, такъ какъ оброчныя отношенія не прекращали обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, при томъ на практикѣ расцѣнка повинностей представляла большія затрудненія. Слѣдовательно, единственный способъ разрѣшить удовлетворительно крестьянскій вопросъ заключался въ выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ съ содѣйствіемъ или безъ содѣйствія правительства [2]).

Главныя основанія примѣненія выкупной операціи были выработаны еще во время предварительныхъ работъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ.

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же.

При составленіи предположеній объ устройствѣ поземельнаго быта крестьянъ въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ разработаны правила о выкупѣ крестьянами ихъ усадебной осѣдлости и о содѣйствіи правительства къ пріобрѣтенію ими въ собственность полевыхъ угодій. Пріобрѣтеніе усадебной осѣдлости подчинено общимъ правиламъ о пріобрѣтеніи крестьянами полеваго надѣла, т.-е. съ согласія помѣщика; впрочемъ, въ томъ случаѣ, когда изъ помѣщичьяго селенія образовались посадъ или мѣстечко, то крестьянамъ предоставлялось право выкупать усадебную осѣдлость отдѣльно отъ полевой земли. Такимъ же правомъ крестьяне могли пользоваться и въ отношеніи своихъ садовъ.

Принятыя по общему Положенію 19-го февраля 1861 года основанія для выкупныхъ ссудъ въ примѣненіи къ Закавказскому краю потребовали нѣкоторыхъ измѣненій, вызванныхъ двоякою потребностью: съ одной стороны оказать содѣйствіе обоимъ сословіямъ къ прекращенію одинаково тяжелыхъ для нихъ обязательныхъ отношеній, съ другой—доставить твердое обезпеченіе оказываемому правительствомъ заимообразному содѣйствію.

Мы уже знаемъ, что по Тифлисской губерніи за крестьянскіе надѣлы устанавливалось отбываніе повинностей: за усадебную осѣдлость—денежнымъ оброкомъ, за полевыя земли—земными произведеніями, въ нѣкоторыхъ нагорныхъ мѣстностяхъ, гдѣ существовало сакомло—повинность скотомъ. Потому являлась необходимость изыскать основанія для опредѣленія стоимости разныхъ частей надѣла и размѣра выкупной ссуды подъ обезпеченіе этого надѣла. Опредѣленіе размѣра ссуды собственно за усадебную осѣдлость не представляло никакого затрудненія, такъ какъ за размѣръ ея могла быть принята сумма капитализированнаго ежегоднаго оброка за усадебную осѣдлость изъ 6%. Для опредѣленія же размѣра ссуды подъ полевыя угодья принято въ соображе-

ніе: были ли они поливныя или же не имѣли постояннаго орошенія; въ первомъ случаѣ назначалась выкупная ссуда въ 20 рублей за однодневное паханіе ($^1/_2$ десятины), во второмъ—10 рублей.

По этимъ разсчетамъ за высшій подымный надѣлъ, заключавшій въ себѣ двадцати-дневное паханіе въ неполивномъ полѣ, или 10-ти-дневное въ поливномъ со включеніемъ усадебной осѣдлости приходилось при отбываніи повинности земными произведеніями—250 рублей, а при отбываніи денежнымъ оброкомъ—350 рублей. Въ нагорныхъ же имѣніяхъ за весь земельный надѣлъ каждаго дыма причиталось въ первомъ случаѣ 180 рублей, во второмъ—250 рублей [1]).

Стремленіе крестьянъ къ пріобрѣтенію земельныхъ надѣловъ въ собственность и къ прекращенію тѣмъ своихъ отношеній къ помѣщикамъ обнаружилось еще при составленіи уставныхъ грамотъ; нѣкоторые крестьяне достигли этого добровольными сдѣлками съ помѣщиками. Что же касается до выкупа земельныхъ надѣловъ посредствомъ *выкупной операціи*, то какъ при составленіи уставныхъ грамотъ, такъ и отдѣльно многими помѣщиками и крестьянами были поданы заявленія; но всѣ возбужденныя просьбы оставались на первое время безъ движенія, такъ какъ правила, относящіяся до выкупа по Положеніямъ 19-го февраля 1861 года, равно и послѣдовавшія по нимъ впослѣдствіи дополненія и разъясненія не могли имѣть примѣненія къ Закавказскому краю безъ особой переработки ихъ соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ [2]).

---

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1861 г., № 6, связка 1. Отношеніе Великаго князя предсѣдателю Кавказскаго комитета отъ 28 іюня 1864 г., № 275.

[2]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи начальника Главнаго управленія 1871 г., № 68, связка 5325. Матеріалы для отчета по устройству крестьянъ въ Закавказскомъ краѣ.

Дѣйствительно, первые же опыты со стороны помѣщиковъ къ предоставленію крестьянамъ пріобрѣсти путемъ выкупа въ собственность надѣльныя земли и первыя дѣйствія въ этомъ направленіи мировыхъ посредниковъ доказали, что ни тѣ, ни другіе не могли усвоить всего порядка, установленаго въ общихъ правилахъ о выкупѣ. Причина такого неуспѣха объясняется тѣмъ, что постановленія по выкупу, которыми обязаны были руководствоваться какъ помѣщики и крестьяне, такъ и дѣятели по крестьянскому дѣлу, заключались съ одной стороны въ общемъ Положеніи о выкупной операціи и въ цѣломъ рядѣ дополненій, разъясненій и измѣненій этихъ правилъ, а съ другой—въ крестьянскихъ законоположеніяхъ для Тифлисской губерніи. Не говоря о трудности, съ которою было сопряжено пользованіе тѣми и другими постановленіями, являлись затрудненія и другого рода: Положеніе о выкупѣ и всѣ изданныя къ нему дополненія были распространены на Тифлисскую губернію по всѣмъ тѣмъ частямъ, которыя не противорѣчили мѣстному Положенію о поземельномъ устройствѣ крестьянъ; а между тѣмъ не указывалось точно къ какимъ собственно частямъ слѣдуетъ отнести то или другое правило; вслѣдствіе этого, несомнѣнно, должно было возникнуть произвольное толкованіе этихъ правилъ со стороны лицъ призванныхъ для окончанія выкупнаго дѣла [1]).

Для устраненія всѣхъ этихъ причинъ и для успѣха такого важнаго дѣла, съ которымъ былъ связанъ окончательный исходъ крестьянской рефермы, по распоряженію Великаго князя 14 августа 1868 года былъ изданъ особый Наказъ по выкупной операціи въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ. Въ виду того, что въ этомъ Наказѣ нельзя было огра-

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1865 г., № 10, связка 9. Объяснительная записка къ проекту Наказа по выкупнымъ операціямъ въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ.

ничиться одними лишь указаніями на существовавшія постановленія о выкупѣ, а необходимо было для руководства исполнителей преподать полное изложеніе всѣхъ правилъ. Великій князь призналъ нужнымъ, чтобы Наказъ соединялъ въ себѣ въ систематическомъ порядкѣ все относящееся до начатія, веденія, окончанія выкупной операціи, замѣняя собой для мѣстнаго руководства соотвѣтствующія правила Положенія о выкупѣ 19-го февраля 1861 года и всѣ дальнѣйшія дополненія, изданныя въ законодательномъ порядкѣ, равно и циркуляры министерства финансовъ; въ Наказъ включены также всѣ изъятія изъ общаго Положенія [1]).

Составленный такимъ образомъ Наказъ заключалъ въ себѣ всѣ правила о выкупѣ въ собственность крестьянскихъ надѣловъ, о содѣйствіи въ этомъ со стороны правительства, о дѣйствіяхъ дѣятелей крестьянской реформы, а также и другихъ учрежденій вѣдомства Намѣстника, которыя имѣли какія либо обязанности въ томъ или другомъ отношеніи по выкупной операціи.

Разсмотримъ главныя основанія Наказа. Временно-обязанные крестьяне могли пріобрѣтать земельный надѣлъ (усадебную осѣдлость, сады, полевыя и другія угодья) въ собственность не иначе, какъ *съ согласія помѣщика*; впрочемъ, въ томъ случаѣ, когда изъ помѣщичьяго селенія образовывались посадъ или мѣстечко, то крестьянамъ предоставлялось выкупать *безъ согласія помѣщика* одну свою усадебную осѣдлость съ сохраненіемъ права на выгоны. Земельный надѣлъ могъ пріобрѣтаться или отдѣльно каждымъ дымомъ, или цѣлымъ крестьянскимъ обществомъ, при чемъ подъ этимъ названіемъ Наказъ подразумѣвалъ совокупность всѣхъ дымовъ временно-обязанныхъ крестьянъ, водворенныхъ въ имѣніи одного помѣщика и въ одномъ селеніи. Помѣщикъ могъ требовать отъ

[1]) Тамъ же. Отношеніе Великаго князя предсѣдателю Кавказскаго комитета отъ 14 августа 1868 г., № 410.

крестьянъ, чтобы они пріобрѣли земельный надѣлъ, но по такому требованію обязывалось къ пріобрѣтенію земельнаго надѣла крестьянское общество, а не отдѣльные дымы [1]).

Содѣйствіе правительства къ пріобрѣтенію крестьянами въ собственность надѣла распространено на усадебную осѣдлость, если изъ селенія образовывался посадъ, и на всѣ земли, за исключеніемъ садовъ и виноградниковъ.

Пріобрѣтеніе въ собственность обусловлено взаимнымъ соглашеніемъ сторонъ. Выкупной договоръ заключался между помѣщикомъ и цѣлымъ крестьянскимъ обществомъ, или же между помѣщикомъ и однимъ или нѣсколькими дымами. По утвержденіи правительствомъ выкупной сдѣлки прекращались всѣ обязательныя поземельныя отношенія и крестьяне поступали въ разрядъ крестьянъ-собственниковъ.

Главное завѣдываніе выкупною операціею сосредоточивалось въ Петербургской Сохранной кассѣ; непосредственное же вѣдѣніе возложено на мѣстныя губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, при чемъ эти послѣднія всѣ сношенія свои съ Сохранной кассой производили непосредственно сами [2]).

Размѣръ выкупной ссуды установленъ различный, смотря потому: отбывались ли крестьянами въ пользу помѣщика повинности денежнымъ оброкомъ, или земными произведеніями, или же предметами домашняго хозяйства. Въ первомъ случаѣ въ основаніе для опредѣленія размѣра выкупной ссуды принимался годовой оброкъ, назначенный въ уставной грамотѣ; при чемъ оброкъ этотъ капитализировался изъ 6 %, т.-е. помножался на $16\frac{2}{3}$ и полученная такимъ образомъ капитальная сумма составляла размѣръ выкупной ссуды. Если изъ капитальной суммы причиталось на каждое однодневное паханіе полевой земли въ Тифлисской губерніи въ неполивныхъ

[1]) Тамъ же. §§ 2—8 Наказа.
[2]) §§ 22-24 Наказа.

поляхъ болѣе 15-ти рублей, а въ поливныхъ болѣе 30-ти рублей, то размѣръ выкупной ссуды ограничивался этою суммою, при чемъ она не могла превосходить 350 р. на дымъ, включая въ разсчетъ и усадебную осѣдлость. Въ нагорныхъ частяхъ Горійскаго и Душетскаго уѣздовъ ссуда опредѣлялась по разсчету на каждое однодневное паханіе: усадебной земли по 50-ти рублей, пахатной по 15-ти рублей и сѣнокосной по 5-ти рублей капитальной суммы; но вся выкупная ссуда не могла превышать 250 рублей [1]). Если крестьянами за земельный надѣлъ повинности отбывались на основаніи уставной грамоты частью денежнымъ оброкомъ—за усадебную осѣдлость, частью земными произведеніями—за полевыя земли, то часть ссуды выдавалась капитализированіемъ годоваго оброка, остальная же часть, причитающаяся за полевую землю, опредѣлялась по разсчету на каждое однодневное паханіе въ неполивныхъ поляхъ по 10-ти рублей, а въ поливныхъ по 20-ти рублей.

Въ Кутаисской губерніи, если изъ капитальной суммы причиталось на каждую кцеву полевой земли болѣе 11 руб. 25 коп., то размѣръ выкупной ссуды ограничивался этою суммой; въ мѣстностяхъ же отличающихся особымъ плодородіемъ этотъ размѣръ опредѣленъ въ два раза болѣе. Когда же крестьяне отбывали повинности за земельный надѣлъ на основаніи уставной грамоты частью денежнымъ оброкомъ—за усадебную осѣдлость, частью земными произведеніями—за полевыя земли, то въ первомъ случаѣ ссуда исчислялась также капитализированіемъ годоваго оброка, за полевыя же земли—по разсчету на каждую кцеву по 7 р. 50 коп. капитальной суммы, а въ плодородныхъ мѣстахъ—по 15 рублей. Но ссуда ни въ какомъ случаѣ не могла превышать при отбываніи повинностей денежнымъ оброкомъ 350-ти рублей,

[1]) §§ 44-47 Наказа.

а при отбываніи денежнымъ оброкомъ и земными произведеніями — 250 рублей; этотъ же послѣдній наивысшій размѣръ установленъ и при выдачѣ ссудъ за нагорныя имѣнія Рачинскаго уѣзда [1]).

При выдачѣ помѣщику выкупной ссуды прежде всего удерживался числящійся на имѣніи долгъ Закавказскому Приказу общественнаго призрѣнія; остальныя же деньги выдавались выкупными процентными бумагами; если же долгъ Приказу превышалъ выкупную ссуду, то Приказу уплачивалась процентными же бумагами вся сумма выкупной ссуды, а остальной долгъ по займу помѣщика переводился на свободное его имѣніе или на невыкупленные крестьянами сады и другія угодья [2]).

Помѣщикъ и крестьяне, согласившіеся между собою насчетъ выкупа, составляли особый договоръ, который предъявлялся мировому посреднику; въ договорѣ точно обозначались условія сдѣлки и границы пріобрѣтаемой крестьянами земли [3]); къ договорамъ прилагалась при пріобрѣтеніи земли цѣлымъ крестьянскимъ обществомъ—приговоръ этого общества, при пріобрѣтеніи земли отдѣльными дымами—обязательство о взаимномъ поручительствѣ; кромѣ того въ обоихъ случаяхъ—копія съ уставной грамоты [4]).

Подписанный обѣими сторонами договоръ свидѣтельствовался мировымъ посредникомъ въ присутствіи отъ 3 до 6 добросовѣстныхъ изъ крестьянъ сосѣднихъ имѣній [5]). Когда мировой посредникъ удостовѣрялся, что при заключеніи договора соблюдены всѣ требуемыя закономъ условія, то представлялъ всѣ документы съ своимъ заключеніемъ въ мѣстное губернское присутствіе [6]), которое прежде всего запрашивало мироваго судью, окружной судъ и Судебную палату не имѣются ли по имѣнію какихъ либо исковъ, споровъ, казен-

[1]) §§ 50-54 Наказа. [2]) § 56 Наказа. [3]) §§ 61—62 Наказа. [4]) § 64 Наказа. [5]) §66 Наказа. [6]) § 80 Наказа.

ныхъ взысканій и пр. Если губернское присутствіе признавало выкупную сдѣлку правильною, то копія съ журнала присутствія начальникомъ губерніи направлялась въ Главное выкупное учрежденіе, которое и рѣшало окончательно вопросъ о выдачѣ выкупныхъ ссудъ [1]). Получивъ разрѣшеніе на выдачу ссудъ, губернское присутствіе объявляло о томъ какъ помѣщикамъ, такъ и крестьянамъ черезъ сельскія управленія [2]). Вводъ крестьянъ во владѣніе пріобрѣтенною ими землею совершался мѣстнымъ мировымъ судьей.

Крестьянскіе дымы, получившіе въ собственность земли посредствомъ выкупной операціи, обязывались вносить ежегодно въ казну, взамѣнъ причитавшихся за эти земли повинностей, по 6 копѣекъ съ рубля съ назначенной правительствомъ выкупной ссуды въ теченіе 49-ти лѣтъ со дня выдачи ссуды. Такіе платежи назывались выкупными [3]); они вносились въ такіе же сроки, какіе установлены для платежа податей, т. е. за первую половину года—съ начала января по 1-е марта, а за вторую—съ октября по 1-е января [4]).

Земли, пріобрѣтенныя цѣлымъ крестьянскимъ обществомъ или отдѣльно какимъ либо дымомъ, признавались личною собственностью каждаго дыма и могли переходить по наслѣдству согласно существующимъ мѣстнымъ обычаямъ. Въ первомъ случаѣ дымы, составляющіе общество, въ теченіе девяти лѣтъ не могли отчуждать пріобрѣтенныхъ имъ земель; послѣ этого срока, но до уплаты выкупной ссуды, отчужденіе производилось не иначе, какъ съ вѣдома общества и съ разрѣшенія губернскаго присутствія [5]). Участки, пріобрѣтенные отдѣльными крестьянскими дымами, могли отчуждаться въ теченіе первыхъ девяти лѣтъ со времени утвержденія Положеній о крестьянахъ въ обѣихъ губерніяхъ одному изъ членовъ того же крестьянскаго общества съ тѣмъ, чтобы пріобрѣтатель принялъ бы на себя всѣ обязательства по уплатѣ

[1]) §§ 87—88 Наказа. [2]) § 90 Наказа. [3], [4], [5]) §§ 95—96, 107, 149—151 и 156 Наказа.

выкупной ссуды; а по истеченіи девяти лѣтъ участокъ могъ быть проданъ и постороннему, если только этотъ послѣдній уплачивалъ весь числящійся долгъ по выкупной ссудѣ.

Главнымъ кредиторомъ грузинскихъ и имеретинскихъ помѣщиковъ былъ Закавказскій Приказъ общественнаго призрѣнія. До крестьянской реформы населенныя крестьянами имѣнія принимались Приказомъ въ залогъ цѣлыми селеніями или полными ихъ частями и ссуда выдавалась по особымъ оцѣночнымъ описямъ. Въ оцѣнку входили во-первыхъ крестьянскіе дымы не по числу заключавшихся въ нихъ душъ, а по ихъ угодьямъ и доходамъ, которые получались помѣщиками; во-вторыхъ — помѣщичьи сады, земли и другія угодья. Ссуды по такимъ имѣніямъ производились долгосрочныя въ половину противъ оцѣночной суммы кромѣ помѣщичьихъ садовъ, за которые выдавалась треть оцѣнки. Съ освобожденіемъ крестьянъ Приказъ производилъ ссуды подъ имѣнія находившіяся въ полномъ распоряженіи помѣщиковъ за исключеніемъ крестьянскихъ надѣловъ.

На дворянахъ Тифлисской губерніи состояло долговъ Закавказскому Приказу около 2-хъ милліоновъ рублей. Почти всѣ займы были сдѣланы когда существовало еще крѣпостное право. Съ освобожденіемъ крестьянъ измѣнились всѣ условія сельскаго хозяйства: потребовались новыя, не имѣвшіяся въ виду, затраты, даровая работа замѣнилась насмною, и эта необходимость нанимать работниковъ увеличила нужды помѣщиковъ. Чтобы перейти къ новому порядку безъ крайнихъ потрясеній въ домашнемъ быту, должникамъ Приказа оставалось выбирать одно изъ двухъ: отложить до времени взносы срочныхъ платежей или, уплачивая долги своевременно, оставаться безъ средствъ къ жизни. Выборъ палъ на первый способъ, такъ какъ сопряженное съ нимъ опасеніе представлялось менѣе грознымъ именно потому, что крестьянскія законоположенія указывали на возможность устранить эти опасенія.

Нужно было только надѣлить крестьянъ землями, дать уставныя грамоты и затѣмъ изъявить согласіе на выкупъ надѣловъ, чтобы посредствомъ выкупныхъ ссудъ разсчитаться съ Приказомъ [1]).

Помѣщики съ своей стороны поспѣшили выполнить все, что отъ нихъ требовала реформа, а между тѣмъ выкупная операція откладывалась въ практическомъ ея примѣненіи: Наказъ былъ утвержденъ лишь въ 1868 году. Помѣщики, не вносившіе со дня обнародованія крестьянскихъ Положеній въ Приказъ срочныхъ по ссудамъ платежей, и по крайней мѣрѣ съ 1866 года въ этомъ неповинные, должны были оставаться подъ бременемъ все болѣе и болѣе наростающихся долговъ или лишиться заложенныхъ имѣній. „Что они будутъ ждать,— говорилъ по этому поводу губернскій предводитель Кипіани,— какъ слѣдуетъ, съ терпѣніемъ и упованіемъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія; но справедливо ли оставлять ихъ въ положеніи, которое не ими вызвано и котораго они ничѣмъ не заслужили“ [2]).

Кипіани ходатайствовалъ, чтобы взысканіе долговъ Приказа съ тѣхъ его должниковъ, которые выразили уже желаніе предоставить крестьянамъ надѣлы ихъ на выкупъ, было бы пріостановлено, равно какъ и начисленіе процентовъ и штрафовъ до отпуска выкупныхъ ссудъ, которыя и поступятъ прямо въ Приказъ на погашеніе долговъ.

Приведенный въ дѣйствіе въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ Выкупной Наказъ не оправдалъ положеннаго въ его основаніе назначенія. Напримѣръ, въ теченіе первыхъ 10-ти лѣтъ реформы правами выкупа надѣловъ съ содѣйствіемъ правительства воспользовались 1220 крестьянъ, и при томъ

---

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1865 г., № 10, связка 9. Докладъ тифлисскаго губернскаго предводителя дворянства Дмитрія Кипіани въ тифлисское губернское присутствіе отъ 24 мая 1868 года.

[2]) Тамъ же.

только въ Тифлисской губерніи. Между тѣмъ въ обѣихъ губерніяхъ замѣчалось единодушное стремленіе крестьянъ къ прекращенію обязательныхъ отношеній выкупными сдѣлками безъ содѣйствія правительства. Этотъ фактъ наглядно доказывалъ, что правила Выкупнаго Наказа въ той формѣ, въ какой они были редактированы, оказались непримѣнимыми къ Закавказкому краю.

Какая же, однако, была причина такого неуспѣха? Во внутреннихъ губерніяхъ, хотя условія договора зависѣли отъ взаимнаго соглашенія сторонъ, но выкупная сумма опредѣлялась капитализаціей изъ 6% опредѣленнаго по уставной грамотѣ оброка, при этомъ размѣръ содѣйствія правительства выкупною ссудою точно установленъ въ 80% всей выкупной суммы; такимъ образомъ крестьянинъ изъ своихъ средствъ уплачивалъ только остальные 20%. Въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ опредѣленіе размѣра выкупной суммы предоставлялся безусловно соглашенію договаривающихся сторонъ, при чемъ правительство свое содѣйствіе ссудой ограничивало опредѣленною цифрою рублей за каждую кцеву или однодневное паханіе земли. На практикѣ оказывалось, напримѣръ, что въ Шаропанскомъ и Рачинскомъ уѣздахъ Кутаисской губерніи крестьяне давали помѣщикамъ за кцеву земли 50 и болѣе рублей, между тѣмъ какъ размѣръ правительственной ссуды ни въ какомъ случаѣ не могъ превышать 15-ти рублей, т.-е. 30%. Очевидно, что помѣщику изъ за 30% выкупной ссуды не было выгоды подвергать все дѣло риску довольно строгаго контроля тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ случаевъ, если крестьянинъ уплачивалъ 70% выкупной суммы, то съ нѣкоторой разсрочкой могъ внести и остальные 30%.

Составленіе выкупныхъ договоровъ во внутреннихъ губерніяхъ не представляло какихъ либо затрудненій: для этого слѣдовало только уставную грамоту обратить въ новый до-

говоръ, опредѣливъ въ этомъ послѣднемъ отношенія договаривающихся сторонъ къ третьему лицу—казнѣ, которая и выдавала ссуду. Въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ каждый выкупной договоръ долженъ былъ снова опредѣлить взаимныя поземельныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ, такъ какъ уставныя грамоты были составлены неопредѣленно и ошибочно и онѣ не только не могли служить облегченіемъ для выкупныхъ договоровъ, но оказывались непригодными даже для справокъ. При всемъ томъ Выкупной Наказъ обязывалъ помѣщиковъ прикладывать къ договору планы выкупаемыхъ крестьянами угодій, а при неразмежеванности имѣній и разбросанности крестьянскихъ земель требованіе закона для большинства помѣщиковъ было неисполнимо.

И сами крестьяне также считали для себя невыгоднымъ подчиняться правиламъ Выкупнаго Наказа. Каждый крестьянскій дымъ считалъ совершенно лишнимъ соглашаться на выкупъ назначеннаго по уставной грамотѣ надѣла безъ предоставленія ему въ собственность садовыхъ угодій и отрѣзныхъ земель, такъ какъ содѣйствіе правительства ссудою не распространялось на ссуды и отрѣзныя земли надѣла. Требованіе Наказа, чтобы крестьяне при выкупѣ давали письменное обязательство о взаимномъ поручительствѣ было обременительно для нихъ, тѣмъ болѣе, что селенія состояли изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ—въ составъ ихъ входили и временно-обязанные крестьяне, и государственные и церковные. Крестьяне не могли усвоить значенія долгосрочныхъ ссудъ на 49 лѣтъ и понять необходимость капитализаціи выкупной суммы за усадебныя земли изъ 6% платимаго оброка. Напримѣръ, въ Кутаисской губерніи стоимость земельныхъ угодій опредѣлялась капитализаціей изъ 10% годовой повинности, или другими словами, если крестьянинъ и платилъ помѣщику 2 рубля за кцеву, то при выкупѣ онъ уплачивалъ не свыше 20 рублей, между тѣмъ какъ за уса-

дебную землю крестьянинъ долженъ былъ вносить за кцеву три рубля оброку, а при выкупѣ уплачивалъ отъ 30-ти до 50-ти рублей [1]).

Рѣзкимъ примѣромъ непримѣнимости Выкупнаго Наказа къ краю можетъ служить направленіе выкупнаго дѣла въ заповѣдныхъ имѣніяхъ князя Николая Мингрельскаго. Первоначально правила Наказа не распространялись на бывшую Мингрелію (уѣзды Зугдидскій, Сенакскій и Лечхумскій); но въ виду нѣкоторыхъ особенностей, установившихся между княземъ Мингрельскимъ и водворенными въ заповѣдномъ имѣніи крестьянами, было испрошено разрѣшеніе о примѣненіи къ заповѣдному имѣнію Наказа. Для правильной организаціи выкупныхъ операцій князь Мингрельскій пріѣхалъ въ свое имѣніе, но по ближайшему ознакомленію съ положеніемъ этого дѣла на мѣстѣ принужденъ былъ отказаться отъ предоставленнаго ему права и предпочелъ выкупъ крестьянскихъ надѣловъ по сепаратнымъ съ крестьянами договорамъ, отказавшись отъ одновременнаго выкупа при содѣйствіи правительства. Причина этому заключалась въ томъ, что уставныя грамоты въ его имѣніи оказались составленными крайне неудовлетворительно и совершенно не соотвѣтствовали поземельному устройству крестьянъ, что выкупная операція съ соблюденіемъ указанныхъ въ Наказѣ формальностей потребовала бы отъ владѣльца громадныхъ затратъ и отдалила бы окончаніе дѣла на весьма продолжительное время.

Это направленіе крестьянъ развязать обязательныя отношенія посредствомъ выкупа безъ содѣйствія правительства своихъ надѣловъ замѣчалось въ краѣ повсемѣстно и можно сказать, что тяготѣніе къ выкупу составляло характеристическую черту въ сельскохозяйственномъ быту населенія. Причина такого стремленія легко объясняется тѣмъ, что въ Грузіи, Имеретіи, Гуріи и Мингреліи связь крестьянина съ зем-

[1]) Тамъ же.

лею была всегда болѣе прочна, чѣмъ гдѣ либо, что въ то время, какъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи при крѣпостномъ правѣ крестьянъ увольняли на волю безъ земли, въ указанныхъ частяхъ Закавказья увольненіе крестьянина отъ крѣпостной зависимости не лишало его права наслѣдственнаго пользованія своимъ участкомъ, что, наконецъ у крестьянъ осталась отъ крѣпостныхъ временъ масса документовъ, частныхъ договоровъ, заключенныхъ ими съ своими помѣщиками, и по этимъ домашнимъ актамъ крестьяне усиленно начали отыскивать право собственности на различнаго рода земельныя угодья [1]).

Въ особенности большое количество такихъ домашнихъ актовъ представили мировымъ учрежденіямъ крестьяне Кутаисской губерніи. Такихъ документовъ при составленіи уставныхъ грамотъ въ губерніи крестьянами представлено мировымъ посредникамъ общимъ числомъ 63668. Крестьяне ходатайствовали объ укрѣпленіи за ними недвижимыхъ имуществъ, пріобрѣтеннымъ по этимъ домашнимъ актамъ во время существованія крѣпостнаго права. Очевидно, что разборъ такой массы документовъ не могъ состояться въ теченіе двухгодичнаго срока, опредѣленнаго для составленія уставныхъ грамотъ. Было сдѣлано распоряженіе, чтобы крестьянамъ возвратить обратно всѣ представленные документы и отложить разборъ правъ по нимъ до окончательнаго утвержденія уставныхъ грамотъ; вмѣстѣ съ тѣмъ обязали всѣхъ помѣщиковъ, въ случаѣ признанія впослѣдствіи за крестьянами правъ собственности на ихъ надѣльныя земли, возвратить неправильно взысканныя по грамотамъ повинности. Такое распоряженіе, собственно говоря, противорѣчило правиламъ о порядкѣ составленія уставныхъ грамотъ, такъ какъ мировые посредники по закону были обязаны разбирать заявленія крестьянъ о томъ, что въ ихъ надѣлахъ находятся земли, купленныя

[1]) Тамъ же.

на собственныя деньги, а такія земли выдѣлялись изъ общаго состава надѣла и освобождались отъ взноса въ пользу помѣщика какихъ либо повинностей. Такое требованіе закона для Кутаисской губерніи не было выполнено [1]).

Происхожденіе крестьянскихъ документовъ слѣдуетъ объяснить нѣкоторыми особенностями крѣпостнаго права въ Имеретіи, Гуріи и Мингреліи. Большинство помѣщиковъ не заводили собственныхъ хозяйствъ и жили исключительно доходами съ крѣпостныхъ людей, пользовались ихъ личными услугами и повинностями по обычному праву изъ частей урожая изъ земныхъ произведеній. При такихъ условіяхъ каждый помѣщикъ въ своихъ интересахъ старался, чтобы большая часть угодій его имѣнія была бы обрабатываема и давала бы возможно большій доходъ. Съ этою цѣлью помѣщикъ всѣми зависящими отъ него мѣрами поощрялъ крестьянъ для обзаведенія новыхъ хозяйствъ въ имѣніи. Съ другой стороны крестьяне, при всеобщемъ коренномъ обычаѣ владѣнія землею подымными участками, имѣли постоянное тяготѣніе обезпечить за собою неприкосновенность наслѣдственнаго владѣнія своими участками отъ произвола помѣщиковъ и отъ притязаній односельцевъ.

Помѣщики въ этомъ поощряли даже своихъ крестьянъ, лудучи убѣждены, что при всесильномъ тогда крѣпостномъ правѣ никакое обычное право крестьянина не можетъ имѣть ни устойчивости, ни самостоятельности. Вслѣдствіе установившихся такимъ образомъ отношеній между помѣщиками и крестьянами явилось огромное количество письменныхъ документовъ, не заявленныхъ ни въ какихъ присутственныхъ мѣстахъ, и совершенныхъ домашнимъ порядкомъ, т.-е. закрѣпленныхъ подписями помѣщиковъ и стороннихъ свидѣте-

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1876 г., № 81, связка 40. Отношеніе Великаго князя председателю Кавказскаго комитета 29 октября 1876 г., № 504.

лей. По этимъ актамъ помѣщики предоставляли своимъ крестьянамъ право владѣнія выморочными или вновь образованными земельными участками и обязывались съ своей стороны ограждать это право отъ всякихъ посягательствъ, взамѣнъ чего крестьяне брали на себя обязательство дѣлать разнаго рода случайныя приношенія и даже уплачивать извѣстную сумму денегъ. Наряду съ такими домашними документами выдавались нерѣдко и купчія, въ которыхъ точно обозначалось количество пріобрѣтенной крестьяниномъ земли и размѣръ внесенной имъ за это платы. Наибольшее количество такихъ купчихъ крестьянамъ было выдано въ 1811 году, когда послѣ свирѣпствовавшей въ то время чумы крестьянское населеніе разбѣжалось въ другія мѣста и помѣщики обѣщаніемъ всевозможныхъ льготъ и преимуществъ конкурировали между собою, чтобы привлечь въ опустѣвшія свои имѣнія возможно болѣе рабочихъ рукъ.

Обладаніе такими документами весьма естественно давало крестьянину надежду, что права его, пріобрѣтенныя путемъ долголѣтняго труда предковъ, будутъ гарантированы и послѣ реформы. Между тѣмъ разрѣшеніе такихъ своеобразныхъ поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами представляло на практикѣ весьма сложныя затрудненія какъ по существу самого дѣла, такъ собственно въ смыслѣ примѣненія общихъ крестьянскихъ Положеній. Въ чемъ же состояли всѣ эти затрудненія?

Документы имеретинскихъ крестьянъ, отыскивавшихъ отъ помѣщиковъ право собственности на земли, заключали въ себѣ нѣкоторые особенные признаки. Въ большей части составленныхъ послѣ 1811 года купчихъ чернила совершенно поблекли, чѣмъ затруднялась правильность перевода ихъ съ грузинскаго на русскій языкъ, а это не давало возможности уяснить сущность и значеніе предъявленнаго документа. Были

[1]) Тамъ же.

случаи, хотя и немногочисленные, подлога въ составленіи этихъ документовъ, что давало помѣщикамъ поводъ отрицать дѣйствительность и подлинность всѣхъ крестьянскихъ документовъ вообще. Текстъ многихъ актовъ былъ составленъ въ самыхъ неясныхъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ, такъ что по нимъ нельзя было составить точнаго понятія; по каждому же частному случаю членами Губернскаго присутствія возбуждались сомнѣнія о томъ, имѣетъ ли документъ значеніе купчей, или же представляетъ актъ пожалованія извѣстнаго участка земли въ пользованіе, какъ это постоянно практиковалось мѣстнымъ обычаемъ, или же, наконецъ, что документъ изображаетъ обыкновенную передаточную запись о переуступкѣ земли крестьянамъ. Ни въ одномъ документѣ не обозначалось ни мѣстоположенія, ни количества и границъ земельныхъ угодій, укрѣпленныхъ за крестьянами. Нѣкоторые документы были составлены или отъ имени такихъ лицъ, которые вовсе не могли располагать уступленными землями, какъ собственностью, или же отъ имени азнауровъ, которые и сами были въ зависимости отъ тавадовъ и потому не могли безъ вѣдома этихъ послѣднихъ отчуждать земель. Наконецъ, во многихъ документахъ не обозначалось ни времени, ни мѣста ихъ составленія и вмѣсто подписей участвовавшихъ лицъ значились условные знаки и печати.

По смыслу общихъ крестьянскихъ Положеній, когда крестьянинъ предъявлялъ помѣщику искъ о недвижимомъ имѣніи, мировой посредникъ спрашивалъ, какія онъ имѣетъ письменныя доказательства, выслушивалъ мнѣніе помѣщика, старался примирить ихъ къ обоюдному согласію; если же дѣло не оканчивалось миролюбиво, входилъ въ обсужденіе представленныхъ документовъ. Въ Кутаисской губерніи примѣнялся на практикѣ другой порядокъ. Весьма часто истецъ, представивъ мировому посреднику цѣлую серію всевозможныхъ документовъ, не могъ въ сущности объяснить чего онъ собственно

добивается, гдѣ находится та земля, на которую онъ претендуетъ и какъ велико пространство отыскиваемаго участка. Крестьянинъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ говорилъ, чтобы ему предоставили бы въ собственность все то, что требуется по закону. Помѣщикъ съ своей стороны пользовался слабыми доказательствами и старался уклоняться отъ отвѣтственности по документамъ, отрицая ихъ подлинность, или то толкованіе, которое придавалъ истецъ. Мировые посредники употребляли всевозможныя старанія къ соглашенію сторонъ къ примиренію; когда такое примиреніе оказывалось неуспѣшнымъ, то мировой посредникъ требовалъ отъ крестьянина истца *письменныхъ доказательствъ*, подразумѣвая подъ этимъ выраженіемъ закона опросъ оставшихся въ живыхъ свидѣтелей, которые значились въ подписяхъ на документахъ. Вызовъ этихъ свидѣтелей для разбора дѣла, опросъ и повѣрка ихъ показаній составляли самую обременительную для населенія и непроизводительную для дѣла проволочку времени. Затѣмъ, мировой посредникъ составлялъ протоколъ, въ которомъ излагалъ въ русскомъ переводѣ текстъ документовъ и самыя обстоятельства дѣла, не приводя по нимъ не только своего заключенія, но даже не освѣщая фактовъ никакимъ сужденіемъ. Подобные протоколы не давали Губернскому присутствію возможности составить опредѣленное рѣшеніе и въ большинствѣ случаевъ протоколы возвращались мировымъ посредникамъ для дополненій и разъясненій. Но бывали и такіе случаи, что признанные Губернскимъ присутствіемъ протоколы въ дѣйствительности не могли быть приведены въ исполненіе, такъ какъ обозначеннаго въ документахъ участка въ натурѣ совсѣмъ не оказывалось [1]).

При такомъ осложненіи этого дѣла среди населенія возникло общее направленіе кончать поземельные споры о недвижимыхъ имуществахъ посредствомъ выкупа. Крестьянинъ,

[1]) Тамъ же.

не видя для себя исхода въ тяжбѣ съ помѣщикомъ и не будучи увѣренъ насколько его письменныя доказательства окажутся заслуживающими уваженія, предпочиталъ выкупать свои надѣльныя земли по доступнымъ цѣнамъ и отказывался отъ правъ своихъ по документамъ. Точно также и помѣщикъ для себя находилъ болѣе выгоднымъ продать крестьянину участки даже ниже установленныхъ вообще цѣнъ, чѣмъ рисковать потерей своей собственности, если за крестьяниномъ признали бы право по документамъ. Такимъ образомъ на практикѣ происходилъ взаимный обмѣнъ правъ и подобнаго рода сдѣлки совершались весьма успѣшно; напримѣръ, къ 1876 году 8000 дымовъ губерніи выкупили отъ своихъ помѣщиковъ до 10000 кцевъ земли, заплатили за нихъ наличными деньгами около $1^1/_2$ милліона рублей и прекратили поземельные споры по 30000 документамъ.

Только такимъ путемъ представлялся единственный возможный способъ примиренія тяжущихся сторонъ, прочнаго устройства поземельнаго быта крестьянъ, и потому мировыя учрежденія всѣми средствами содѣйствовали сдѣлкамъ и приступали къ разбору крестьянскихъ исковъ не въ порядкѣ постепенности, а лишь тогда, когда въ томъ или другомъ частномъ случаѣ между помѣщикомъ и крестьяниномъ созрѣвало соглашеніе относительно пріобрѣтенія надѣльныхъ земель. Такой выжидательный способъ имѣлъ свои положительныя стороны, такъ напримѣръ, весьма часто уже послѣ представленія мировыми посредниками въ Губернское присутствіе протоколовъ поступали отъ помѣщиковъ и крестьянъ просьбы о прекращеніи дѣла. Способъ этотъ облегчалъ и самой выкупной операціи.

Съ другой стороны представлялись и существенныя неудобства: крестьянину приходилось за свои надѣльныя земли уплачивать помѣщикамъ по уставнымъ грамотамъ повинности, что очевидно возбуждало въ нихъ неудовольствіе въ отноше-

ніи земель, на которыхъ у нихъ имѣлись документы. Затѣмъ многія изъ спорныхъ крестьянскихъ земель отошли къ помѣщикамъ по отрѣзкамъ; такъ мелкопомѣстные владѣльцы воспользовались правомъ брать въ свое распоряженіе весь крестьянскій надѣлъ или большую его часть; каждый вообще помѣщикъ пользовался правомъ отрѣзать отъ крестьянскаго надѣла весь излишекъ противъ положенныхъ 12-ти кцевъ земли. Отрѣзными землями помѣщики распоряжались по своему усмотрѣнію и крестьянинъ до своего тяжебнаго процесса съ помѣщикомъ не имѣлъ рѣшительно никакихъ средствъ ни передъ судомъ, ни передъ административной властью защитить свои интересы [1]).

Руководствуясь тѣмъ, что разрѣшеніе затрудненій по разбору тяжебныхъ исковъ крестьянъ къ помѣщикамъ должно содѣйствовать выкупной операціи, Комитетъ объ устройствѣ крестьянъ проектировалъ предложить всѣмъ крестьянамъ, у которыхъ остались еще документы, въ теченіе одного года предъявить ихъ мировымъ посредникамъ съ тѣмъ, чтобы эти послѣдніе сдѣлали бы помѣтки о времени предъявленія, послѣ же годичнаго срока документы эти считать недѣйствительными; мѣстнымъ крестьянскимъ учрежденіямъ принять къ руководству, что совѣстнымъ порядкомъ могутъ разбираться только тѣ дѣла, по которымъ истецъ предъявилъ бы подлинные документы съ точнымъ опредѣленіемъ границъ земельныхъ угодій, пріобрѣтенныхъ имъ или его предками по домашнимъ купчимъ и чтобы мировые посредники входили бы въ подробное обсужденіе обстоятельствъ дѣла и постановляли бы рѣшенія съ правомъ обжалованія въ установленномъ порядкѣ [2]).

Вопросъ этотъ разсматривался въ соединенномъ присутствіи Главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же.

и Кавказскаго комитета. Присутствіе признало и съ своей стороны правильнымъ требовать отъ крестьянъ болѣе или менѣе опредѣленнаго указанія предметовъ иска, но вмѣстѣ съ съ тѣмъ не могло не принять во вниманіе, что при существованіи вообще на Кавказѣ неопредѣленности земельныхъ отношеній, требованіе указанія точныхъ границъ отыскиваемыхъ крестьянами земель было бы для нихъ въ большинствѣ случаевъ невыполнимымъ. На этомъ основаніи соединенное присутствіе постановило, чтобы имѣющіеся на рукахъ у крестьянъ домашніе документы или купчія были бы предъявлены не позже 1-го января 1881 года мировымъ посредникамъ, которымъ немедленно же, не входя въ разсмотрѣніе ихъ, дѣлать помѣтки о времени предъявленія; документы же представленные послѣ означеннаго срока считать недѣйствительными. Мѣстнымъ крестьянскимъ учрежденіямъ предложено принять къ руководству, что разбору ихъ совѣстнымъ порядкомъ подлежатъ только тѣ иски, по которымъ истецъ въ состояніи опредѣлить хотя бы мѣстонахожденіе отыскиваемыхъ имъ земельныхъ угодій и въ доказательство своего иска можетъ предъявить документы, которые при разсмотрѣніи будутъ признаны за дѣйствительные. Мировымъ же посредникамъ указано при составленіи протоколовъ по дѣламъ этого рода обязательно входить въ подробное обсужденіе всѣхъ обстоятельствъ и постановлять рѣшенія, которыя и объявлять сторонамъ съ правомъ обжалованія въ установленномъ порядкѣ [1]).

Одновременно съ этимъ присутствіе обсуждало вопросъ и объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей Выкупнаго Наказа, именно о договорахъ, заключаемыхъ между помѣщиками и крестьянами на пріобрѣтеніе земли въ собственность безъ содѣйствія правительства. Комитеты постановили: если между крестьянами, обязанными повинностями нѣсколькимъ помѣ-

[1]) Тамъ же. Журналъ соединенныхъ присутствій Главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія и Кавказскаго отъ 22 мая 1878 года.

щикамъ, состоится соглашеніе о пріобрѣтеніи земельнаго надѣла, то мировой посредникъ обязанъ сообщить о такой сдѣлкѣ всѣмъ соучастникамъ и въ случаѣ отъ нихъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не послѣдуетъ протеста, то договоры такіе утверждать. Договоры о покупкѣ крестьянами надѣловъ въ имѣніяхъ, заложенныхъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ или у частныхъ лицъ по закладнымъ, утверждать не иначе, какъ съ согласія кредиторовъ; если же имѣнія не были заложены, а на нихъ числились запрещенія по другимъ долговымъ обязательствамъ, то подобныя запрещенія не должны служить препятствіемъ къ утвержденію договоровъ.

Совершеніе и выдачу крестьянамъ данныхъ по утвержденнымъ договорамъ возложить на мѣстныхъ мировыхъ судей, съ тѣмъ, чтобы о каждомъ случаѣ сообщать старшему нотаріусу для соотвѣтствующихъ отмѣтокъ въ реестрѣ крѣпостныхъ дѣлъ.

Оба постановленія соединенныхъ комитетовъ получили силу закона 5-го августа 1878 года [1]).

---

[1]) Тамъ же.

Глава XI.

Опредѣленіе поземельныхъ правъ въ административныхъ частяхъ военно-народнаго управленія: Сѣвернаго Кавказа, Дагестана и Закатальскаго округа. Труды сословно-поземельныхъ комиссій. Зависимыя сословія въ Абхазіи и Самурзаканѣ. Труды Сухумской сословно-поземельной комиссіи. Обсужденіе проектовъ въ Комитетѣ объ освобожденіи зависимыхъ сословій въ горскихъ племенахъ Кавказа. Мнѣніе приглашенныхъ въ Тифлисъ абхазскихъ и самурзаканскихъ депутатовъ о сословномъ вопросѣ. Проектъ Комитета о поземельной реформѣ и прекращеніе личной зависимости. Утвержденіе проектовъ 8 ноября 1870 года. Главныя основанія реформы. Изданныя Великимъ княземъ Инструкціи и Правила въ развитіе сословной и поземельной реформы.

Почти одновременно съ распоряженіями по крестьянскому вопросу въ Мингреліи Великій князь призналъ необходимымъ приступить къ разработкѣ способовъ освобожденія зависимыхъ сословій во всѣхъ горскихъ племенахъ Кавказа, состоявшихъ въ вѣдѣніи военнаго вѣдомства. Полное спокойствіе и твердое положеніе административной власти среди горскихъ обществъ, рядъ предпринятыхъ мѣръ къ упроченію благосостоянія этихъ племенъ, проникшее въ массу горскаго населенія сознаніе необходимости измѣненія общественнаго ихъ быта—служили лучшимъ ручательствомъ возможности разрѣшенія этого вопроса безъ потрясеній общественнаго порядка.

Для разработки и обсужденія крестьянскаго дѣла въ Тифлисѣ былъ образованъ особый Комитетъ *) подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Карцова, котораго, впрочемъ, скоро смѣнилъ князь Святополкъ-Мирскій [1]).

*) Членами этого комитета назначены: г.-м. Богуславскій, д. с. с. кн. Тумановъ, полков. Старосельскій, генер. штаба полков. Черкесовъ и членъ-дѣлопроизводитель генер. штаба подполков. Павловъ.

[1]) Архивъ комиссіи для окончанія сословно-поземельныхъ дѣлъ въ частяхъ военно-народнаго управленія, Дѣло 1866 г., № 31, ч. 1-я. Предписаніе Великаго князя генералъ-адъютанту Карцову отъ 16 апрѣля 1866 г., № 1759.

Этому комитету присвоена роль центральнаго учрежденія. Затѣмъ для ближайшей разработки сословныхъ и поземельныхъ правъ горскаго населенія постепенно были учреждены частныя комиссіи, на которыя возлагалась обязанность ближайшаго опредѣленія поземельныхъ правъ какъ цѣлыхъ горскихъ обществъ, такъ и въ частности отдѣльныхъ членовъ ихъ. При этомъ нужно указать, что условія пользованія землей между различными племенами горцевъ рѣзко отличались своими особенностями, потому слѣдуетъ разсмотрѣть отдѣльно поземельную реформу Сѣвернаго Кавказа, Дагестана, Закатальскаго округа и Сухумскаго отдѣла.

Сѣверный Кавказъ. Терская область. Населеніе Большой Кабарды, вступивъ въ числѣ первыхъ туземныхъ племенъ Сѣвернаго Кавказа въ подданство Россіи, съ древнѣйшихъ временъ владѣло обширнымъ пространствомъ земель, и въ силу дарованныхъ императорскими грамотами привилегій, ревниво сохраняло неприкосновенность своего быта, вѣдаясь въ общественныхъ дѣлахъ своимъ народнымъ судомъ и представляло совершенно замкнутую для всякаго внѣшняго вліянія общину. Несмотря на аристократическій складъ общественнаго устройства, несмотря на вліяніе, которымъ пользовались въ народѣ высшія сословія, въ Кабардѣ частной поземельной собственности вовсе не было: земли искони считались достояніемъ всего кабардинскаго народа; однако, въ силу обычнаго права, князьямъ и узденямъ старѣйшихъ фамилій предоставлялись нѣкоторыя преимущества при періодическомъ распредѣленіи земель въ пользованіе членамъ аульныхъ обществъ, и, между прочимъ, имѣли право распоряжаться по своему усмотрѣнію тою частью аульныхъ земель, которая оставалась свободною послѣ распредѣленія. Эти свободныя земли князья и уздени, по неимѣнію собственнаго большого хозяйства, часто отдавали въ наемъ сосѣднимъ обществамъ, или уступали безплатно тѣмъ, въ услугахъ кото-

рыхъ они могли нуждаться, что и подало русскимъ властямъ, при недостаточномъ знакомствѣ съ бытомъ кабардинцевъ, считать князей и узденей настоящими владѣльцами земель и приравнивать поземельныя права ихъ къ правамъ русскихъ помѣщиковъ. Это дало поводъ привилегированнымъ классамъ постепенно заявлять притязанія на закрѣпленіе въ частную собственность земель, какъ бы принадлежащихъ имъ по родовому праву [1]). Съ обнародованіемъ въ 1822 году прокламаціи генерала Ермолова, клонившихся къ обузданію своеволія кабардинскихъ князей, горцы были избавлены отъ княжеской зависимости. Къ этому времени слѣдуетъ отнести начало споровъ жителей горскихъ обществъ съ кабардинцами за право пользованія пастбищами на плоскости.

Въ 1863 году разновременно учрежденныя частныя комиссіи и комитеты для разбора личныхъ и поземельныхъ правъ населенія Терской области были упразднены и взамѣнъ ихъ учреждена общая для всей области поземельная комиссія. Когда въ этомъ же году областная комиссія приступила къ окончательному уясненію правъ населенія на владѣніе землями въ Большой Кабардѣ, высшее сословіе, вмѣстѣ съ депутатами отъ простого народа, черезъ своихъ представителей формально заявило, что земли ихъ края составляютъ общественное достояніе всего кабардинскаго народа и что оно отказывается отъ прежнихъ своихъ притязаній на исключительное право владѣнія землями. Народные уполномоченные подтвердили это за общею подписью въ актѣ отъ 20-го августа. Затѣмъ дальнѣйшія разслѣдованія подтвердили справедливость этого заявленія, и въ январѣ 1865 года, въ присутствіи депутатовъ и мѣстной администраціи, было окончательно выяснено, что земли Большой Кабарды, равно какъ и весь кабардинскій народъ, съ давнихъ временъ были раздѣлены между четырьмя

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ Великаго князя по военно-народному управленію за 1863—1869 года.

княжескими фамиліями (Атажукиныхъ, Мисостовыхъ, Бекъ-Мурзиныхъ и Кайтукиныхъ) только въ политическомъ отношеніи и что условія, соблюдавшіяся кабардинцами при періодическомъ распредѣленіи земель, соотвѣтствовали тѣмъ условіямъ, которыя существовали при общинномъ вообще правѣ владѣнія землями [1]).

Такимъ образомъ кабардинскіе князья и уздени сами же устранили заявленныя ими уже притязанія на закрѣпленіе за ними земель и доставили этимъ возможность безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ обезпечить поземельнымъ довольствіемъ всѣ сословія Большой Кабарды.

Великій князь, основываясь на составленномъ кабардинцами актѣ, рѣшилъ установить въ этомъ племени порядокъ пользованія землей преимущественно общинный, предназначивъ, однако, нѣкоторую часть земли для раздачи, по усмотрѣнію правительства, тѣмъ изъ кабардинцевъ, которые, по родовому своему происхожденію или личнымъ заслугамъ, могли быть отличены отъ простыхъ кабардинцевъ. Съ другой стороны для доставленія администраціи болѣе удобствъ въ отношеніи надзора за населеніемъ и съ цѣлью пріучить это послѣднее къ осѣдлой жизни было сдѣлано распоряженіе о соединеніи населенія Большой Кабарды въ болѣе многолюдные аулы съ тѣмъ, чтобы всѣ земли были распредѣлены въ общественное пользованіе аульныхъ обществъ и сообразно числительности населенія каждаго аула. Относительно обращенія въ казну тѣхъ земель, которыя были конфискованы отъ владѣльцевъ распоряженіемъ Ермолова, Великій князь нашелъ положительно невозможнымъ приводить въ исполненіе, такъ какъ, признавъ вообще земли Большой Кабарды общественными, было бы несправедливо лишать общества части земель за преступленія нѣкоторыхъ членовъ этого общества.

[1]) Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, выпускъ II, 1869 года. П. Гавриловъ. Устройство поземельнаго быта горскихъ племенъ Сѣвернаго Кавказа.

Исполняя эти распоряженія Великаго князя, лѣтомъ 1865 года все населеніе Большой Кабарды сгруппировано въ 33-хъ большихъ аулахъ, водворенныхъ въ избранныхъ депутатами отъ народа пунктахъ. Тогда же предназначены особые запасные участки для образованія въ Кабардѣ класса частныхъ собственниковъ; лѣсные и пастбищные участки оставлены въ нераздѣльномъ пользованіи всего кабардинскаго народа. Такъ опредѣлилось въ общихъ чертахъ право землевладѣнія кабардинцевъ и указанныя основныя предположенія Великаго князя были утверждены по журналу Кавказскаго комитета отъ 12 ноября 1867 года.

Послѣ того Великій князь приказалъ начальнику Терской области составить окончательное распредѣленіе земель Большой Кабарды съ проектомъ нарѣзки аульныхъ дачъ и участковъ для высшаго сословія. По представленіи соображеній Терской поземельной комиссіей, Великій князь утвердилъ нижеслѣдующія предположенія:

1) По вопросу о надѣленіи особыми участками лицъ высшаго сословія опредѣлено: а) предоставить участки только князьямъ, первостепеннымъ узденямъ и тѣмъ изъ второстепенныхъ узденей, которые пользовались правами, такъ называемыхъ, аульныхъ владѣльцевъ (старшинъ), а также лицамъ, которыя службою правительству пріобрѣли себѣ почетное положеніе; всѣхъ остальныхъ узденей 2-й и 3-й степеней устранить отъ надѣла землею въ частную собственность, предоставивъ имъ пользоваться таковою въ общественной аульной дачѣ по нормѣ надѣла для простаго народа; б) принять норму для надѣленія участками высшаго сословія князей по 300 десятинъ, а узденей и другихъ лицъ — по 250 десятинъ на семейство, и затѣмъ норму эту увеличить лицамъ высшаго сословія, которыя пользовались исключительнымъ значеніемъ въ народѣ или у правительства, а также и тѣмъ, семейства которыхъ состояли изъ большого числа членовъ; во всѣхъ

случаяхъ назначать участки нераздѣльно для всего семейства; в) съ отводомъ почетнымъ кабардинцамъ предназначенныхъ имъ въ частную собственность участковъ, не лишать ихъ права общиннаго пользованія землею наравнѣ съ простымъ народомъ; г) выдѣлить изъ общественныхъ кабардинскихъ земель 83550 десятинъ для отвода, согласно составленнымъ спискамъ почетнымъ кабардинцамъ, 144-хъ участковъ, всего въ количествѣ 59550 десятинъ, и остальные въ запасъ и для надѣла особыми участками высшее сословіе Малой Кабарды, въ районѣ которой не имѣлось достаточнаго количества земли.

2) Опредѣлена подворная норма для надѣла каждаго аула и проектированы границы аульныхъ дачъ, при чемъ нормою надѣла назначено по 36 десятинъ на каждый дворъ.

3) Предоставлены въ свободное пользованіе кабардинцевъ всѣ общественныя ихъ пастбищныя земли, не вошедшія въ районъ аульныхъ надѣловъ.

4) Принято слѣдующее предположеніе о способахъ обезпеченія въ поземельномъ отношеніи и разграниченія съ Кабардой, такъ называемыхъ, горскихъ обществъ Большой Кабарды: а) укрѣпить за горскими обществами всѣ земли, которыми они искони пользовались безъ соучастія кабардинцевъ; б) дозволить горцамъ безплатно пользоваться для пастьбы стадъ и устройства зимовниковъ общественными кабардинскими землями, не вошедшими въ районъ аульныхъ надѣловъ; в) образовавшихся въ горскихъ обществахъ, преимущественно изъ освобожденныхъ зависимыхъ сословій, 400 безземельныхъ семействъ выселить въ Большую Кабарду и г) воспретить затѣмъ горцамъ безвозмездное занятіе пастбищъ въ границахъ кабардинскихъ аульныхъ дачъ [1]).

---

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ Великаго князя по военно-народному управленію за 1863—1869 года.

Осетинскій округъ. До водворенія русскихъ на Кавказѣ плоскостная часть Осетинскаго округа была населена весьма слабо; затѣмъ постепенно населеніе росло, увеличиваясь выходцами изъ нагорной части округа, образовавшими на плоскости особыя общества, соотвѣтственно племенному раздѣленію горнаго осетинскаго населенія. Разнообразіе условій, при которыхъ общества эти выселялись, племенное различіе ихъ, противорѣчія въ распоряженіяхъ русскихъ властей относительно установленія правъ выселенцевъ на землю, породили въ этой части округа множество самыхъ запутанныхъ поземельныхъ споровъ. Съ другой стороны, въ нагорной части округа право владѣнія землею было опредѣлено вполнѣ точно и положительно мѣстными обычаями. Выработанное временемъ поземельное право это до такой степени было извѣстно каждому горскому жителю, что ни между обществами, ни между частными лицами никогда не возникало значительныхъ въ этомъ отношеніи недоразумѣній. На этомъ основаніи Великій князь, оставивъ до времени разборъ поземельныхъ правъ въ нагорной части Осетіи, обратилъ особенное вниманіе на разрѣшеніе поземельнаго дѣла въ плоскостныхъ частяхъ округа, занятыхъ обществами: Тагаурскимъ, Дигорскимъ, Аллагирскимъ и Куртатинскимъ.

Тагаурское общество. Земли, занятыя этимъ обществомъ по предположенію особаго комитета, учрежденнаго въ 1851 году въ Владикавказскомъ округѣ подъ предсѣдательствомъ г.-л. барона Вревскаго, по распоряженію князя Воронцова съ 1853 по 1856 годъ были распредѣлены въ пользованіе жителей, при чемъ для опредѣленія нормы надѣла принято основаніемъ сословное раздѣленіе. *Алдарамъ*, какъ сословію высшему, въ вознагражденіе за потерю правъ надъ народомъ были назначены къ выдѣлу особые участки по 225 десятинъ, а простому народу—по 36—36½ десятинъ на каждый дворъ. Между тѣмъ скоро обнаружилось, что для надѣла многихъ

изъ алдарскихъ семействъ и части простого народа въ Тагауріи не достанетъ земли; такимъ образомъ предположенія комитета не могли осуществиться и поземельный вопросъ до того запутался, что для разбора его въ 1859 году учрежденъ другой комитетъ, который предложилъ уменьшить надѣлъ земли алдарамъ, раздѣливши ихъ на два разряда, при чемъ второму разряду дать по 40 десятинъ на каждый дворъ, а первому—нѣсколько болѣе. Но и это предположеніе, не приведенное своевременно въ исполненіе, было тѣмъ менѣе возможно исполнить въ позднѣйшее время, когда число жителей плоскости увеличилось вслѣдствіе наплыва выходцевъ изъ горъ. Наконецъ въ 1864 году Терская сословно-поземельная комиссія представила свои соображенія о разрѣшеніи поземельнаго вопроса. Великій князь, послѣ всесторонняго обсужденія данныхъ добытыхъ комиссіей, предписалъ принять слѣдующія основанія при распредѣленіи земель.

1) Вся плоскостная часть Тагауріи должна поступить въ надѣлъ аульнымъ обществамъ съ тѣмъ, чтобы каждому аулу было пріурочено, на общинномъ правѣ пользованія, количество земли, соразмѣрное числу дымовъ.

2) Алдарское сословіе должно быть включено въ общій подворный разсчетъ количества земли, которое будетъ назначено каждому аулу съ тѣмъ, чтобы и для алдаръ была принята та же норма поземельнаго надѣла, которая по количеству земли можетъ быть опредѣлена на каждый дворъ.

3) Алдарамъ, въ случаѣ нежеланія ихъ довольствоваться надѣломъ наравнѣ съ другими жителями, за неисполненіе правительствомъ прежнихъ въ отношеніи ихъ обѣщаній, предоставить право на полученіе изъ земель Кубанской области, оставшихся свободными послѣ переселенія горцевъ въ Турцію, въ надѣлъ по триста десятинъ на каждый дворъ.

По приведеніи въ извѣстность количества земель, оказалось возможнымъ предназначить въ надѣлъ аульнымъ обще-

ствамъ на общинномъ правѣ пользованія до 64800 десятинъ; общее же количество населенія достигало 1650 дворовъ, считая въ томъ числѣ всѣхъ алдаръ, изъ которыхъ никто не пожелалъ получить поземельнаго надѣла въ Кубанской области; такимъ образомъ на каждый дворъ среднимъ числомъ пришлось по 39 десятинъ. Это распредѣленіе утверждено Великимъ княземъ 2 апрѣля 1866 года, при этомъ, между прочимъ, было опредѣлено: 1) произвести нѣкоторое измѣненіе въ размѣщеніи ауловъ и перемѣщеніе жителей изъ однихъ ауловъ въ другіе; 2) обезпечить христіанское духовенство Тагаурскаго общества предоставленіемъ ему изъ аульныхъ дачъ, гдѣ имѣлись церкви, по три нормальныхъ подворныхъ надѣла на каждый церковный причтъ и 3) имѣть въ виду, что земля, распредѣляемая между аулами, отводится въ общинное пользованіе каждаго аула отдѣльно, но ни въ какомъ случаѣ не въ пользованіе всего тагаурскаго общества.

Въ томъ же апрѣлѣ мѣсяцѣ распредѣленіе земель между 10-ю аулами уже было окончено и жители, оставшись довольными такъ долго ожидаемой ими реформой, прислали депутацію къ начальнику Терской области съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ государю и глубокой признательности Великому князю.

Одновременно съ рѣшеніемъ тагаурскаго поземельнаго вопроса былъ рѣшенъ вопросъ и о *редантской* землѣ. Редантскою землею назывался участокъ въ количествѣ 3408 десятинъ, лежащій на лѣвомъ берегу Терека, въ 7-ми верстахъ отъ Владикавказа. Земля эта съ давнихъ временъ находилась во владѣніи фамиліи Дударовыхъ, которые добровольно уступили для надѣленія города Владикавказа 1004 десятины съ тѣмъ, чтобы остальная земля была бы окончательно закрѣплена на правахъ собственности, на что и послѣдовало согласіе Великаго князя [1]).

[1]) Тамъ же.

Дигорское общество. Въ 1853 году плоскостная часть Дигоріи,—за исключеніемъ участка въ 13 тысячъ десятинъ, оставшагося во владѣніи фамиліи Тугановыхъ,—по распоряженію кн. Воронцова была распредѣлена такимъ образомъ: жителямъ Вольно-христіанскаго аула отведено 4870 десятинъ, жителямъ Вольно-магометанскаго аула—3760 десятинъ и въ частную собственность 6-ти фамилій дигорскихъ *бадилятъ* *)—до 5125 десятинъ. Кромѣ бадилятъ, владѣвшихъ большею частью земель, по свѣдѣніямъ 1853 года, въ Дигоріи считалось 583 семейства, изъ которыхъ 263 семейства были водворены въ Вольно-христіанскомъ аулѣ, 100 семействъ—въ Вольно-магометанскомъ и 211 семействъ безземельныхъ простыхъ дигорцевъ, лезгорцевъ (выходцы изъ аула Лезгоръ) и хехесовъ (выходцы изъ Аллагирскаго общества) проживали на земляхъ бадилятъ, въ пользу которыхъ они отбывали весьма тяжелыя повинности. Впрочемъ, по произведенной въ 1866 и 1867 годахъ съемкѣ Дигоріи количество земель въ обоихъ аулахъ и въ участкахъ бадилятовъ оказалось несравненно большимъ. Тѣмъ не менѣе предписаніемъ 24 февраля 1868 года Великій князь приказалъ приступить къ формальному обмежеванію бадилятскихъ участковъ въ томъ именно количествѣ, въ которомъ были имъ назначены княземъ Воронцовымъ, послѣ чего излишками земли надѣлить безземельныхъ дигорцевъ. Этимъ же распоряженіемъ простой народъ освобождался отъ отбыванія въ пользу бадилятъ отъ тягостныхъ повинностей и предложено произвести размѣщеніе безземельнаго населенія и уравнительное распредѣленіе между аулами всѣхъ земель, полагая, по числу 584 дворовъ, по 24 десятины на дворъ.

Аллагирское общество. Жители этого общества, выселенные въ 1824 году изъ горъ на плоскость, были водворены въ

*) *Бадиляты*—высшее сословіе Дигоріи, претендовавшее на владѣніе не только землями Дигоріи, но и надъ всѣмъ народомъ.

двухъ аулахъ: Ардонскомъ и Салогарданскомъ. Число жителей этихъ ауловъ къ 1864 году достигло до 1054 душъ мужескаго пола, между тѣмъ значительная часть земель, предоставленныхъ первоначально этимъ двумъ ауламъ, впослѣдствіи отошла подъ станицы Ардонскую и Николаевскую, а также подъ Алагирскій серебро-свинцовый заводъ, послѣ чего въ пользованіи ауловъ осталось 10820 десятинъ. Распоряженіемъ Великаго князя отъ 31 декабря 1864 года всѣ эти земли сохранены въ Алагирскомъ обществѣ и на будущее время на правахъ общиннаго пользованія, при чемъ на каждый дворъ приходилось надѣлу по 24 десятины.

Куртатинское общество. Изъ числа земель, отведенныхъ въ 1824 году владикавказскимъ комендантомъ, за исключеніемъ участка, отошедшаго подъ Архонскую станицу, осталось 14520 десятинъ, при чемъ 593 десятины оспаривали у нихъ жители аула Берагзангъ. Выдѣливъ спорныя земли, Великій князь въ 1866 году приказалъ распредѣлить остальныя на правѣ общиннаго владѣнія [1]).

Кумыкскій округъ. Населеніе округа, ранѣе другихъ кавказскихъ племенъ вступившее въ сношеніе съ русскими, прежде другихъ горцевъ утратило свой самобытный характеръ въ отношеніи общественнаго устройства, не успѣвъ, однако, усвоить себѣ общій государственный строй. Это смѣшеніе стараго народнаго быта съ длиннымъ рядомъ начинающихся съ 1700 года правительственныхъ распоряженій, было причиной тому, что установившіяся въ округѣ поземельныя отношенія представляли смѣсь общиннаго права съ вотчиннымъ.

Кумыкское общество въ сословномъ отношеніи дѣлилось: на князей, чанковъ (дѣти князей отъ неравнаго брака), первостепенныхъ узденей (сала-уздень), простыхъ узденей (потомки древнихъ обитателей страны), догерекъ-узденей (давніе при-

[1]) Тамъ же и Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, выпускъ II, 1869 года. П. Гавриловъ. Устройство поземельнаго быта горскихъ племенъ Сѣвернаго Кавказа.

шельцы страны), азатовъ (освобожденные холопы) и простой народъ.

По народнымъ преданіямъ, сынъ шамхала Тарковскаго Султанъ-Мутъ, отъ котораго ведутъ свою родословную всѣ кумыкскія княжескія фамиліи, получивъ во второй половинѣ XVI столѣтія удѣлъ изъ владѣнія шамхаловъ и поселившись въ Кумыкскомъ округѣ, управлялъ всѣмъ населеніемъ. Потомки Султанъ-Мута, ставъ во главѣ аульныхъ обществъ, постепенно подчиняя своей власти простой народъ, всегда пользовались различными преимуществами противъ другихъ сословій. Кумыки пользовались землею на общинномъ правѣ, пока не усвоили отъ русскихъ понятіе о значеніи права собственности. Прежде всего этимъ воспользовались *кумыкскіе владѣльцы* (такъ названы въ старыхъ актахъ кумыкскіе князья), такъ какъ русскія правительственныя власти безъ строгой разборчивости и послѣдовательности снабжали этихъ владѣльцевъ охранными листами, указами, въ которые, по незнанію мѣстности и обычнаго права, вкрались опредѣленія, послужившія впослѣдствіи основаніемъ къ спорамъ владѣльцевъ между собою и лишенію народа правъ на землю. Съ того времени владѣльцы, поощряемые русскимъ начальствомъ, начали развивать значеніе полученныхъ ими актовъ. Народъ, не предвидя послѣдствій, первоначально не противодѣйствовалъ владѣльцамъ, и такимъ образомъ терялъ поземельныя права, но, испытавъ всю тягость новаго положенія, онъ настойчиво началъ домогаться отъ владѣльцевъ разграниченія правъ на земли. Такая настойчивость привела, наконецъ, къ положительнымъ результатамъ: кумыкскіе землевладѣльцы въ особо выраженномъ актѣ отъ 5 февраля 1865 года безвозмездно уступали въ пользованіе народа половину всего количества земли, что составляло болѣе 200 тысячъ десятинъ.

Такой раздѣлъ земель представлялъ вполнѣ удовлетворительный способъ рѣшенія поземельнаго вопроса и по хо-

датайству Великаго князя были утверждены слѣдующія основанія поземельнаго устройства:

1) На основаніи акта 5 февраля считать половину всѣхъ владѣльческихъ земель подлежащими выдѣлу народу и предоставить населенію приступить къ выдѣлу этой половины.

2) Въ разсчетъ этотъ не вводить усадебную осѣдлость ауловъ, которая должна отойти народу независимо отъ половиннаго выдѣла ему прочихъ угодій.

3) Объявить землевладѣльцамъ, что остальная половина земель будетъ признана за ними на полномъ правѣ собственности.

4) Выдѣленные народу участки признать общественными.

5) Всѣ казенныя земли, какъ пріобрѣтенныя покупкою, такъ равно конфискованныя, оставить въ полномъ распоряженіи правительства.

Раздѣлъ владѣльческихъ земель по распоряженію Великаго князя былъ произведенъ въ теченіе лѣта 1865 года. Тогда же были разобраны и безапелляціонно рѣшены немногочисленные поземельные споры; затѣмъ лѣтомъ 1866 года приступлено къ межеванію кумыкскихъ земель. Изъ числа доставшихся на долю народа 200800 десятинъ среднею нормою надѣла аульнымъ обществамъ Великимъ княземъ назначено для живущихъ осѣдло—по 28 десятинъ на дымъ, а для кочующихъ—по 36 десятинъ, при чемъ опредѣлено продоставить одинаковый поземельный надѣлъ и освобожденнымъ въ Кумыкскомъ округѣ отъ крѣпостной зависимости 276 семействамъ холоповъ [1]).

Назрановское общество. Населеніе Назрановскаго общества Ингушевскаго округа сгруппировалось изъ ингушей и другихъ горцевъ чеченскаго племени. Всѣ члены этого общества считались равноправными, а потому и въ отношеніи пользованія землею никто не встрѣчалъ прежде ограниченія; но впослѣдствіи, когда въ сосѣдствѣ этого общества водворились казачьи станцы 1-го Сунженскаго и 2-го Владикавказскаго казачьихъ полковъ, въ надѣлъ кото-

[1]) Тамъ же.

рымъ отошли довольно значительныя пространства земель, отдѣльныя аульныя общества, а также частныя лица начали возбуждать поземельные споры.

Въ 1860 году, по распоряженію кн. Барятинскаго, Назрановскому обществу былъ указанъ въ пользованіе занятый имъ участокъ въ 62 тысячи десятинъ. Мѣра эта, успокоивъ назрановцевъ только въ томъ отношеніи, что они не будутъ вытѣснены съ занятыхъ земель новыми казачьими станицами, не могла устранить неурядицъ при распредѣленіи общественныхъ земель въ пользованіе, тѣмъ болѣе, что поземельныя отношенія общества не были въ то время выяснены. Разборъ этого вопроса, а равно разсмотрѣніе экономическаго быта населенія и повѣрка числительности его были возложены на Терскую сословно-поземельную комиссію.

По соображеніи всѣхъ представленныхъ комиссіей данныхъ, Великій князь призналъ нужнымъ предоставить въ надѣлъ населенія по 18 десятинъ на каждый дворъ и возложить на особую комиссію, учрежденную изъ членовъ казачьяго и горскаго вѣдомствъ, формальный обходъ границъ назрановскихъ земель, разборъ пограничныхъ споровъ съ казаками и обсужденіе предположеній о прирѣзкѣ назрановцамъ лѣснаго участка, и 2 апрѣля 1869 года утвердилъ нижеслѣдующія главныя основанія для рѣшенія поземельнаго вопроса:

1) Населенію всѣхъ 15 ауловъ Назрановскаго общества, а также четыремъ отдѣльнымъ ауламъ, предоставить поземельный надѣлъ въ размѣрѣ среднею нормою по 18 десятинъ на каждый дворъ.

2) Надѣлъ этотъ, по количеству 4225 дворовъ, произвести: а) изъ участка въ количествѣ 62807 десятинъ, указаннаго въ 1860 году по утвержденному кн. Барятинскимъ плану, съ выдѣломъ изъ этого количества 560 десятинъ укрѣпленію Назрановскому и постамъ Назрановскому и Камбилевскому и б) изъ сосѣдней съ Назрановскимъ обществомъ

земли, купленной въ казну отъ князей Бековичей-Черкасскихъ, въ количествѣ 16100 десятинъ.

На основаніи этого распоряженія лѣтомъ 1866 года распредѣленіе между аулами земель было приведено въ исполненіе. Въ апрѣлѣ слѣдующаго года было отведено въ надѣлъ 8450 десятинъ также и 337 семействамъ кумыкъ, проживавшимъ въ аулѣ князей Бековичей.

Малая Кабарда. Населеніе этого участка, состоявшее изъ кабардинцевъ, кумыкъ, осетинъ, чеченцевъ, ингушъ, карабулакъ и галгаевцевъ, проживало какъ на мало-кабардинскихъ земляхъ, такъ и на земляхъ, пріобрѣтенныхъ въ 1866 году у князей Бековичей-Черкасскихъ. Съ выселеніемъ въ томъ же году изъ купленныхъ земель осетинъ, чеченцевъ, ингушъ и карабулакъ представилась возможность водворить все остальное населеніе Малокабардинскаго общества, простиравшееся до 1700 дворовъ, въ районъ собственно Малокабардинскихъ земель. Великій князь назначилъ для осѣдлаго водворенія Малокабардинскаго общества всѣ земли на пространствѣ между рѣками Терекомъ и Курпомъ и сдѣлалъ распоряженіе о распредѣленіи ихъ между малокабардинскими аулами на общинномъ правѣ пользованія. Изъ общаго числа земель 4 тысячи десятинъ выдѣлены для надѣла участковъ въ частную собственность уроженцамъ Малой Кабарды. Распоряженія эти приведены въ исполненіе лѣтомъ 1866 года.

Надтеречное наибство. Часть туземнаго населенія Чеченскаго округа, сгруппированная у р. Терека и отдѣленная отъ прочаго населенія этого округа землями 1-го и 2-го Сунженскихъ казачьихъ полковъ, образовала наибство Надтеречное. Общее количество земель этого наибства простиралось до 122400 десятинъ, изъ которыхъ до 20-ти тысячъ десятинъ были розданы туземнымъ князьямъ: Алхасовымъ, Эльдаровымъ, Таймазовымъ, Турловымъ, Бековичамъ-Черкасскимъ и

другимъ; а остальныя земли находились въ пользованіи аульныхъ обществъ, но были распредѣлены между ними крайне неравномѣрно. Многочисленныя жалобы жителей на невыгодное и недостаточное надѣленіе ихъ землею и вообще на отсутствіе порядка въ отношеніи пользованія землями указывали на необходимость возможно скорѣйшаго рѣшенія поземельнаго вопроса. Въ 1863 году былъ составленъ подробный проектъ размежеванія земель, по которому въ надѣлъ аульнымъ обществамъ предоставлено среднимъ числомъ по 33 десятины на каждый дворъ; кромѣ того назначено въ каждой вновь проектированной аульной дачѣ необходимое количество запасной земли для новыхъ переселенцевъ въ Надтеречное наибство изъ Большой и Малой Чечни. Такимъ образомъ, по составленному проекту кромѣ надѣленія землею 13 ауловъ Надтеречнаго наибства съ населеніемъ въ 233 двора назначено запасной земли для новыхъ переселенцевъ на 1012 дворовъ. Проектъ этотъ въ 1864 году былъ утвержденъ государемъ и въ томъ же году приведенъ въ исполненіе формальнымъ размежеваніемъ земель Надтеречнаго наибства.

Чеченскій округъ. Въ 1860 году кн. Барятинскій объявилъ чеченскому народу, что земли ихъ будутъ распредѣлены между аулами въ пользованіе на общинномъ правѣ, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ участковъ, предназначенныхъ къ отводу частнымъ лицамъ и нагорной полосы, которая была конфискована въ казну и могла быть занимаема населеніемъ только для пастбищъ, съ непремѣннымъ условіемъ не заводить въ ней никакой осѣдлости.

Эти обѣщанія, однако, не могли осуществиться главнымъ образомъ вслѣдствіе многочисленности населенія сравнительно съ количествомъ земли. Съ покореніемъ Западнаго Кавказа обстоятельства измѣнились, и Великій князь рѣшилъ не только не препятствовать стремленію нѣкоторой части чеченскаго племени къ переселенію въ Турцію, но даже временно

поощрялъ это стремленіе; въ результатѣ въ теченіе лѣта 1865 г. до 20 тысячъ чеченцевъ ушли на жительство въ Турцію.

Переселеніе это значительно упростило поземельный вопросъ въ Чечнѣ. Въ 1865 году особо учрежденный временный отдѣлъ Терской поземельной комиссіи приступилъ къ опредѣленію границъ округа со стороны казачьихъ земель и представилъ свои соображенія вообще по поземельному вопросу въ округѣ и въ частности—данныя о правахъ кумыкскихъ князей и узденей на владѣніе частью земель Качкалыковскаго наибства, сопредѣльнаго съ Кумыкскимъ округомъ. Оказалось, что частью земель этого наибства въ количествѣ 13400 десятинъ владѣли кумыкскіе князя и уздени и что права ихъ равносильны правамъ княжескихъ и узденьскихъ фамилій Кумыкскаго округа. На этомъ основаніи Великій князь призналъ справедливымъ признать владѣльческія земли Качкалыковскаго наибства за кумыкскими князьями и узденями на условіи безвозмезднаго выдѣла половины изъ тѣхъ земель въ надѣлъ народу подобно тому, какъ это исполнено по Кумыкскому округу. Тѣмъ не менѣе, земель для надѣла ауловъ Качкалыковскаго наибства оказалось недостаточно и лѣтомъ 1867 года у кумыкскихъ землевладѣльцевъ было пріобрѣтено 6700 десятинъ (по 3 рубля за каждую десятину), которыя присоединены къ общему количеству земель, предназначенныхъ для надѣла. Кромѣ того Великій князь для наилучшаго обезпеченія чеченцевъ въ поземельномъ отношеніи разрѣшилъ включить въ надѣлъ нѣкоторую часть нагорной полосы, на которой чеченцами была произведена расчистка полянъ изъ-подъ лѣса. При общемъ уравнительномъ распредѣленіи земель чеченцы получали въ надѣлъ около 14 десятинъ на каждый дымъ.

Нагорный, Ичкеринскій и Аргунскій округа и Горскій участокъ Ингушевскаго округа. Округа эти и участокъ занимаютъ нагорную полосу восточной части Терской области, между

рѣками Терекомъ и Сулакомъ, ограниченную съ юга Главнымъ и Андійскими хребетами. Къ разрѣшенію поземельнаго вопроса въ горныхъ мѣстностяхъ не было приступлено и существовавшій тамъ порядокъ пользованія землями поддерживался мѣстной администраціей впредь до того времени, пока представилась бы возможность болѣе правильно разрѣшить поземельный вопросъ. Для успокоенія же умовъ населенія Великій князь въ 1865 году, при обложеніи туземцевъ податью, объявилъ имъ, что земли, на которыхъ они проживали, останутся навсегда въ ихъ пользованіи [1].

Вслѣдствіе недостатка пахатныхъ земель въ горныхъ мѣстахъ, а также въ видахъ открытія доступа въ лѣсистыя части край еще кн. Барятинскій въ 1860 году разрѣшилъ жителямъ производить расчистку земель изъ-подъ лѣса съ тѣмъ условіемъ, чтобы каждый расчистившій въ указанномъ размѣрѣ лѣсной участокъ получалъ его въ вѣчное и потомственное владѣніе. Это разрѣшеніе по ходатайству Великаго князя было утверждено по журналу Кавказскаго комитета отъ 23 іюля 1868 года и жители Ичкеринскаго и Нагорнаго округовъ съ тѣхъ поръ дѣятельно принялись за расчистку лѣсовъ.

Всѣ распоряженія Великаго князя по поземельному устройству туземцевъ Осетинскаго, Кумыкскаго и Чеченскаго округовъ, Назрановскаго и Малокабардинскаго обществъ были утверждены по журналу Кавказскаго комитета отъ 12 ноября 1867 года.

Кубанская область. Главная масса туземныхъ племенъ, населявшихъ Закубанскій край, въ теченіе 1863—1864 годовъ переселилась въ числѣ 400 тысячъ душъ въ Турцію. Оставшееся же въ Кубанской области горское населеніе въ числѣ 90 тысячъ душъ было сгруппировано и водворено въ

1) Тамъ же и Всеподданнѣйшій отчетъ Великаго князя по военно-народному управленію за 1863—1869 года.

особомъ районѣ, опредѣленномъ для горскаго населенія, именно они составили пять округовъ: Псекупскій, Лабинскій, Урупскій, Зеленчукскій и Эльборусскій. Перемѣщенію не подверглось только населеніе послѣдняго округа, состоящее изъ давно покорнаго Карачаевскаго общества, что дало возможность карачаевцамъ сохранить установившееся у нихъ обычное право поземельнаго пользованія. Между тѣмъ населеніе остальныхъ округовъ, собранное изъ остатковъ различныхъ туземныхъ племенъ Закубанскаго края, не могло имѣть опредѣленныхъ правъ на владѣніе землею.

Лучшія по богатству природы земли Закубанскаго края не вошли въ районъ горскихъ округовъ и достались большею частью въ надѣлъ казакамъ. Въ отношеніи права на полученіе поземельнаго надѣла горское населеніе въ 1861 году было раздѣлено на три категоріи съ тѣмъ, чтобы лицамъ первыхъ двухъ категорій, пользующимся, какъ по личнымъ заслугамъ, такъ и по родовому происхожденію, почетнымъ положеніемъ въ народѣ, выдѣлить земельные участки въ частную собственность, а третьей категоріи, людямъ простаго происхожденія, составляющимъ, однако, свободный классъ, предоставить достаточное количество земли нераздѣльными участками въ пользованіе цѣлыхъ ауловъ на общинномъ правѣ Положеніемъ же 1862 года о заселеніи предгорій Западнаго Кавказа была опредѣлена для горцевъ норма душеваго надѣла по $5^1/_2$ десятинъ, съ устраненіемъ при этомъ крестьянъ, для которыхъ вовсе не было назначено надѣла. Согласно этимъ предположеніямъ, и по лично данному императоромъ Александромъ II въ бытность свою въ 1861 году въ Кубанской области разрѣшенію, въ теченіе 1862 и 1863 года въ районѣ Урупскаго и Зеленчукскаго округовъ былъ составленъ проектъ отмежеванія земель. Однако, по плохому качеству земли и системѣ веденія хозяйства наченная для аульныхъ обществъ норма въ $5^1/_2$ десятинъ

оказалась крайне недостаточною. Выселеніе громадной массы горцевъ въ Турцію позволило увеличить указанную норму для лицъ третьей категоріи, а также надѣлить землею всѣхъ крестьянъ, состоявшихъ въ крѣпостной зависимости у князей, узденей и другихъ лицъ свободнаго происхожденія [1]).

18-го апрѣля 1865 года Великій князь предписалъ начальнику Кубанской области приступить къ распредѣленію предназначенныхъ для горцевъ земель (за исключеніемъ Эльборусскаго округа) на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Всѣ свободные люди, отнесенные къ третьей категоріи, и жившіе отдѣльными аулами, или водворенные на участкахъ почетныхъ фамилій, надѣлялись землею въ общинное пользованіе.

2) Всѣ крестьяне или холопы (безъ различія видовъ зависимости ихъ отъ владѣльцевъ), состоявшіе во владѣніи лицъ всѣхъ трехъ категорій, получали поземельный надѣлъ наравнѣ съ свободнымъ классомъ.

3) Размѣръ душеваго надѣла, сообразно качеству почвы въ различныхъ мѣстностяхъ, опредѣленъ отъ 9-ти до 14-ти десятинъ на каждую душу мужескаго пола.

Послѣ утвержденія журналомъ Кавказскаго комитета отъ 7-го ноября 1867 года этихъ распоряженій, Великій князь приказалъ приступить къ производству хозяйственной съемки земель и въ теченіе 1867 года составленъ подробный проектъ нарѣзки земель не только туземному населенію, но и для переселившихся изъ разныхъ мѣстъ имперіи русскихъ крестьянъ и нѣмецкихъ колонистовъ. Проектъ этотъ, утвержденный журналомъ Кавказскаго комитета отъ 11 іюня 1868 года, былъ приведенъ въ исполненіе лѣтомъ 1869 года.

Такимъ образомъ изъ земель Урупскаго и Зеленчукскаго округовъ, общее пространство которыхъ прости-

[1]) Тамъ же.

ралось до 464 тысячъ десятинъ, поступило: 1) въ надѣлъ аульныхъ обществъ около 150 тысячъ десятинъ; 2) въ надѣлъ переселенцевъ изъ русскихъ крестьянъ и нѣмецкихъ колонистовъ около 90 тысячъ десятинъ; 3) въ надѣлъ почетныхъ туземцевъ въ частную собственность 131 участковъ, заключавшихъ въ себѣ около 92 тысячъ десятинъ; 4) участки, предназначенные къ пожалованію разнымъ лицамъ за службу на Кавказѣ, около 136 тысячъ десятинъ; 5) для надѣла по особымъ заслугамъ нѣкоторыхъ изъ кабардинскихъ уроженцевъ и тагаурскихъ алдаръ Терской области 15 тысячъ десятинъ и 6) въ запасные участки около 10 тысячъ десятинъ.

Одновременно съ составленіемъ проекта по распредѣленію вышеуказанныхъ земель производились подготовительныя работы для распредѣленія земель Лабинскаго и Псекупскаго округовъ; такъ, въ теченіе 1866 и 1867 годовъ была произведена полная хозяйственная съемка.

Что касается Эльборусскаго округа, то для обезпеченія карачаевцевъ, впредь до разрѣшенія поземельнаго вопроса, Великій князь предоставилъ въ постоянное пользованіе жителей изъ смежныхъ съ Карачаемъ свободныхъ земель около 33-хъ тысячъ десятинъ на правой сторонѣ р. Мары и 14 тысячъ десятинъ на лѣвой сторонѣ р. Теберды [1]).

Дагестанская область. Въ отдѣльныхъ частяхъ Дагестана существовали различные виды зависимыхъ сословій.

Въ Сѣверномъ Дагестанѣ къ нимъ принадлежали: *уздени* —свободные поселяне, жившіе на собственныхъ земляхъ, но управлявшіеся беками, которымъ издавна было предоставлено право полицейской расправы надъ ними; въ вознагражденіе за это уздени отбывали въ пользу бековъ повинности полевыми работами; другіе свободные же *уздени,* жившіе на земляхъ бековъ съ правомъ наслѣдственнаго пользованія этими землями и съ обязательствомъ вознаграждать владѣльцевъ

[1]) Тамъ же

установленными обычаями повинностями; *чагары*—бывшіе дворовые люди изъ рабовъ и рабынь, отпущенные для устройства собственнаго хозяйства на земляхъ бека съ обязательствомъ выходить на полевыя работы по первому требованію владѣльца [1]). Зависимые поселяне этой части края отбывали бекамъ повинности работою и произведеніями земли. Обязательство выходить на работу ограничивалось двумя тремя или четырьмя днями въ году; въ нѣкоторыхъ аулахъ поселяне обязаны были давать владѣльцамъ только по одной арбѣ дровъ, одной мѣрѣ пшеницы и одному барану. Наконецъ болѣе всѣхъ безправные: *кулы* и *караваши*—рабы и рабыни [2]).

Классъ рабовъ въ Дагестанѣ образовался преимущественно изъ плѣнныхъ христіанъ, захваченныхъ въ набѣгахъ. Кулы и караваши не имѣли никакихъ правъ; владѣльцы безотчетно и безгранично распоряжались ими. Ихъ личность ограждалась только интересомъ владѣльцевъ, которые берегли своихъ невольниковъ, чтобы упрочить свое матеріальное благосостояніе. Несмотря на такія отношенія владѣльцевъ рабы переносили свое подневольное положеніе довольно терпѣливо, такъ какъ между горцами невольничество существовало съ давнихъ временъ и цѣлыя поколѣнія рабовъ росли въ такихъ понятіяхъ, которыя уничтожали въ нихъ всякое сознаніе человѣческаго достоинства и только изрѣдка они рѣшались выражать тягость своего униженія жалобами на владѣльцевъ и побѣгами отъ нихъ. Съ покореніемъ Дагестана, уже при русскомъ управленіи, жалобы рабовъ стали повторяться чаще, а мѣстная администрація тѣмъ не менѣе не могла

1) Архивъ комиссіи для окончанія сословно-поземельныхъ дѣлъ въ частяхъ военно-народнаго управленія 1864 г., № 21. Отношеніе ген.-адъютанта кн. Меликова начальнику Главнаго штаба кавказской арміи отъ 5 августа 1865 г., № 3283.

2) Архивъ комиссіи для окончанія сословно-поземельныхъ дѣлъ въ частяхъ военно-народнаго управленія 1864 г., № 21. Отношеніе ген.-адъютанта кн. Меликова начальнику Главнаго штаба кавказской арміи отъ 5 августа 1865 г., № 3283.

помочь обиженнымъ, такъ какъ подобное заступничество влекло за собою нарушеніе правъ, предоставленныхъ обычаями страны владѣльцамъ [1]).

Въ Среднемъ Дагестанѣ также существовали рабы и рабыни и степень зависимости ихъ къ владѣльцамъ была почти тождественна съ невольниками Сѣвернаго Дагестана. При прежнихъ ханахъ Аваріи и Казикумуха было нѣсколько деревень, населенныхъ исключительно кулами, которые имѣли постоянную осѣдлость, обрабатывали ханскія земли и отдавали владѣльцамъ только часть собраннаго урожая. Кулы эти имѣли и собственныя земли. Съ покореніемъ Восточнаго Кавказа всѣ эти деревни поступили въ число прочихъ ауловъ для несенія повинностей наравнѣ съ остальными жителями и отошли къ Самурскому округу.

Въ Южномъ Дагестанѣ, именно въ Кайтаго—Табасаранскомъ округѣ, кромѣ куловъ и каравашей были еще два вида зависимыхъ сословій: водворенные на бекской землѣ и поселяне, арендовавшіе земли подъ посѣвы и пастбища, это, такъ называемые, *раяты*. Поселяне платили своимъ бекамъ повинности въ слѣдующемъ размѣрѣ: съ каждаго дыма —отъ одной до шести *сабъ* (30 фунтовъ) пшеницы, по два барана, гдѣ разводился орѣшникъ—отъ одной до трехъ сабъ, съ фруктовыхъ садовъ— отъ одной до восьми сабъ, отъ продажи сухой марены—отъ 40 до 50 коп. съ пуда. Кромѣ того поселяне вносили штрафы за преступленія: за убійство и прелюбодѣяніе—одного буйвола, за нараненіе, за похищеніе дѣвицы - одного быка. По приглашенію владѣльцевъ поселяне выходили жать хлѣбъ отъ одного до трехъ дней въ году, жать ячмень и косить сѣно - одинъ день. Въ Кайтагѣ

---

[1]) Архивъ комиссіи для окончанія сословно-поземельныхъ дѣлъ въ частяхъ военно-народнаго управленія 1861 г., № 17. Докладная записка генералъ-адъютанта кн. Меликова кн. Барятинскому отъ 30 марта 1861 г., № 332.

раяты платили отъ каждой пары рабочей скотины 20 сабъ пшеницы и 10 сабъ ячменя.

Въ Кюринскомъ ханствѣ были только кулы, которые никакими взносами въ пользу владѣльцевъ не были обязаны, а только выходили на домашнія работы къ беку.

Въ Самурскомъ округѣ зависимыя сословія составляли только поселяне деревень Лудгунъ и Ялагъ.

Въ Верхнемъ Дагестанѣ лезгины Бежитскаго округа не подраздѣлялись на сословія и всѣ они считались равноправными [1]).

Облегченіе участи рабовъ Дагестана было предметомъ особой заботливости начальника области кн. Меликова. Въ мартѣ 1861 года онъ представилъ кн. Барятинскому записку, въ которой указывалъ на безотрадное положеніе класса рабовъ и на два самые вредные обычая: продавать членовъ одного и того же семейства порознь и обычая, по которому дѣти, происходившіе отъ брака рабыни съ свободнымъ человѣкомъ, не пользовались правами отца, а вмѣстѣ съ матерью принадлежали владѣльцу послѣдней. Обычаи эти были источниками постоянныхъ жалобъ какъ со стороны рабовъ, такъ и со стороны владѣльцевъ. Кн. Меликовъ ходатайствовалъ, чтобы владѣльцы могли продавать, дарить рабовъ своихъ не иначе какъ *цѣлыми семействами*, и чтобы крѣпостная женщина, вышедшая замужъ за свободнаго человѣка, не могла быть разлучаема съ мужемъ безъ согласія послѣдняго, а дѣти рожденные отъ ихъ брака—безъ обоюднаго согласія родителей. Предложенная кн. Меликовымъ мѣра ограниченія владѣльческихъ правъ была одобрена кн. Барятинскимъ и въ видѣ опыта разрѣшена къ исполненію. Послѣ того до 1863 года никакихъ новыхъ распоряженій къ ограниченію крѣпостнаго права предпринимаемо не было. Мы уже знаемъ, что съ прибытіемъ на Кавказъ Великаго князя былъ возбужденъ

[1]) Тамъ же.

общій вопросъ объ освобожденіи зависимыхъ сословій всѣхъ горскихъ племенъ [1]).

Лишь только первые слухи о крестьянской реформѣ въ Россіи достигли до Дагестана, жители съ большимъ любопытствомъ выражали желаніе узнать насколько новый порядокъ введеный въ Россіи можетъ быть впослѣдствіи примѣненъ къ Дагестану. Особенно интересовались этимъ рабовладѣльцы и рабопромышленники. Мѣстная администрація старалась разъяснять населенію, что рано или поздно вопросъ объ уничтоженіи крѣпостной зависимости перейдетъ въ Дагестанъ, какъ онъ перешелъ и въ Грузію. Такое предупрежденіе оказало вліяніе: рабовладѣльцы стали покупать рабовъ рѣже и были даже случаи, что покупщикъ въ окружныхъ управленіяхъ обязывался освободить крѣпостныхъ безпрекословно, какъ только послѣдуетъ распоряженіе о примѣненіи реформы.

Вопросъ объ освобожденіи зависимыхъ сословій въ Дагестанской области возникъ въ 1866 году. Комитетъ по освобожденію потребовалъ отъ кн. Меликова необходимыя свѣдѣнія, но вспыхнувшее въ то время возстаніе въ Кайтагѣ нѣсколько замедлило исполненіе этой мѣры. Къ предварительнымъ дѣйствіямъ было приступлено лишь въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Въ видахъ постепеннаго и успѣшнаго разрѣшенія, кн. Меликовъ началъ это дѣло сперва въ тѣхъ отдѣлахъ области, въ которыхъ по незначительному числу куловъ и каравашей оно не могло представить какихъ либо затрудненій, а затѣмъ уже въ Сѣверномъ Дагестанѣ, гдѣ число ихъ составляло $^4/_5$ всѣхъ зависимыхъ сословій въ области. Начальникамъ отдѣловъ предложено, собирая свѣдѣнія, входить въ личныя объясненія по этому дѣлу съ тѣми рабовладѣльцами, которые заслуживали особаго довѣрія своею благонамѣренностью и пользовавшимся значеніемъ и вліяніемъ въ народѣ; убѣждать

1) Тамъ же.

рабовладѣльцевъ о необходимости общаго по всему Дагестану освобожденія куловъ и каравашей; указывать на примѣры подобнаго освобожденія многихъ милліоновъ крѣпостныхъ людей въ Россіи и на Кавказѣ.

Рабовладѣльцы и сами отнеслись сочувственно къ призыву: въ началѣ 1867 года они изъ 138 душъ куловъ и каравашей, считавшихся въ отдѣлахъ Южнаго, Средняго и Западнаго Дагестана, освободили 83 души безвозмездно, остальные же получили свободу за умѣренный выкупъ по добровольному соглашенію ихъ съ своими владѣльцами.

Послѣ такого благопріятнаго начала явилась возможность приступить къ дѣлу освобожденія и въ Сѣверномъ Дагестанѣ. Кн. Меликовъ вызвалъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру бековъ и другихъ рабовладѣльцевъ и объявилъ имъ, что для окончанія этого вопроса назначается трехмѣсячный срокъ. Рабовладѣльцы выразили полную готовность содѣйствовать успѣшному исполненію правительственной мѣры и многіе изъ нихъ въ присутствіи собравшагося народа громогласно заявили, что они „въ угоду Богу и Великому Государю“ даруютъ безвозмездно свободу своимъ холопамъ.

Вообще безвозмездно освобождены болѣе половины всего числа безправныхъ рабовъ, именно 340; за выкупъ по добровольному соглашенію—241 и съ обязательствомъ прослужить своимъ бывшимъ владѣльцамъ обязательный срокъ, отъ 4-хъ до 6-ти лѣтъ, 17 рабовъ.

Норма выкупной платы опредѣлена самими рабовладѣльцами: за мужчину—отъ 100 до 180 рублей, за женщину—100 рублей, за несовершеннолѣтнихъ обоего пола—отъ 50 до 100 рублей. Всѣ освобожденные отъ крѣпостной зависимости, какъ безвозмездно, такъ и за выкупъ, снабжены свидѣтельствами и приписаны къ разнымъ сельскимъ обществамъ [1]).а

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло кавказскаго горскаго управленія 1869 г., № 6, ч 2-я. Отчетъ генералъ-адъютанта кн. Меликова объ управленіи Дагестанскою областью съ 1-го января 1863 по 1-е октября 1869 года.

Мы уже имѣли случай указать [1]) что шамхалъ Тарковскій кн. Шамсудинъ въ 1868 году добровольно освободилъ все подвластное ему населеніе отъ всѣхъ налоговъ и повинностей, послѣ чего сверхъ 5440 дворовъ, отошедшихъ отъ управленія шамхала, получили полную свободу 2688 дворовъ узденей, 51 дворъ евреевъ и 45 дворовъ чагаровъ. Затѣмъ въ Южномъ и Сѣверномъ Дагестанѣ находилось еще 180 дворовъ чагаровъ, которымъ Великій князь въ 1868 году же приказалъ предоставить право свободнаго ухода съ занимаемыхъ ими земель и приписываться къ другимъ сельскимъ обществамъ на общихъ основаніяхъ.

Закатальскій округъ. Закатальскій округъ занимаетъ юго-восточную часть Алазанской долины. Надѣленный роскошною природою, населенный когда то исключительно грузинскимъ племенемъ, округъ служилъ постояннымъ оплотомъ цвѣтущей Кахетіи отъ вторженій народовъ Дагестана. Однако, въ эпоху сильнаго политическаго разстройства Грузіи, въ XVII и XVIII столѣтіи, лезгины, при содѣйствіи персидскихъ шаховъ и адербейджанскихъ татаръ, послѣ цѣлаго ряда нашествій совершенно отторгли территорію отъ Кахетіи, уничтожили большинство коренныхъ жителей, утвердились на новыхъ мѣстахъ, подчинили оставшуюся часть грузинскаго населенія и ввели свои порядки. Грузины постепенно насильственно обращены въ мусульманство, хотя сохранили и до сихъ поръ сохраняютъ грузинскій языкъ. Эти принявшіе исламъ грузины получили названіе *ингилойцы* [2]).

Про этотъ историческій переворотъ грузинскія лѣтописи оставили много интересныхъ подробностей. По мнѣнію лѣтописцевъ Закатальскій округъ составлялъ часть Герета, населеннаго грузинами, исповѣдовавшими до X вѣка армян-

[1]) см. стр. 248.

[2]) Названіе это происходитъ отъ тюркскаго слова «енги»—новый, отсюда «енгилавъ»—новообращенный, передѣланное грузинами въ «ингило».

скую вѣру и обращенныхъ къ греко-грузинскому исповѣданію кахетинскою царицею Данарою. Въ началѣ XI вѣка кахетинскій царь Квирике присоединилъ Геретъ къ Кахетіи и раздѣлилъ все свое царство на нѣсколько эриставствъ, изъ которыхъ два были за Алазанью, именно Гагма-Махри (тусторонній) и Елисени. Въ XV вѣкѣ царь Александръ раздѣлилъ всю Грузію между своими тремя сыновьями, изъ которыхъ младшій, Давидъ, получилъ Кахетію. Въ концѣ этого вѣка сынъ Давида Георгій упразднилъ въ Кахетіи эриставства и взамѣнъ ихъ учредилъ моуравства съ резиденціями для заалазанскихъ моуравовъ въ Елисени, Цухетѣ и Дчіаурѣ. Въ то время дагестанскіе горцы не только не безпокоили Кахетію, но, наоборотъ, отбывали кахетинскому царю повинность, состоявшую въ томъ, что въ опредѣленный срокъ обязаны были доставлять ледъ съ Кавказскихъ горъ [1]).

Первыми стали спускаться для заработковъ на алазанскую плоскость, такъ называемые, *гулхадары*, населявшіе за снѣговымъ хребтомъ суровыя и непроизводительныя мѣста. Грузины обременяли гулхадаровъ тяжелыми работами, но при всемъ томъ съ теченіемъ времени число ихъ стало увеличиваться.

Затѣмъ дагестанцы стали вторгаться въ Кахетію во времена персидскаго Шаха-Аббаса. Въ 1616 году онъ обратился къ нимъ съ слѣдующимъ воззваніемъ: „Я намѣренъ уничтожить Кахетію; бейте ея жителей или забирайте въ плѣнъ“. И самъ шахъ съ несмѣтными полчищами проникъ въ Кахетію, разорилъ ее, забралъ жителей въ плѣнъ и взамѣнъ ихъ переселилъ изъ Адербейджана до 15-ти тысячъ дворовъ тюркскаго племени. Съ того именно времени заалазанская Кахетія сильно оскудѣла грузинскимъ элементомъ, и стала особенно привлекать къ себѣ горцевъ Дагестана. Уже въ

1) Записки Кавказскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества, кн. XIV, вып. I. Дм. Бакрадзе. Замѣтки о Закатальскомъ округѣ.

началѣ XVIII вѣка эти набѣги приняли грозный характеръ для всей Грузіи. Кахетинскій царь Имамъ-Кули-ханъ въ 1720—1722 годахъ, посылая въ Персію отчеты, рисовалъ мрачную картину безнадежнаго положенія Кахетіи. „Надъ нами,—говорилось въ нихъ,—постоянно виситъ грозный мечъ. Силы лезгинъ все больше и больше растутъ. Нѣтъ уголка, гдѣ бы не лилась кровь. Если ходатайство ваше не окажетъ намъ помощи, наше дѣло пропало, нашъ край безвозвратно погибъ... До сихъ поръ съ нами боролись одни джарцы и живущіе въ горахъ лезгины; теперь возстали противъ насъ и гулхадары. Къ нимъ пристали кабальцы, шакинцы и другіе... Наши враги расположились въ Гавазѣ. Съ гавазцами и вообще съ гагма-мхарцами они открыли переговоры; они смущаютъ послѣднихъ, говоря, что напрасно они ожидаютъ помощи отъ шаха, что шахъ самъ въ опасномъ положеніи и потому лучше имъ примкнуть къ лезгинамъ. Вы знаете, что крестьяне глупы и легко поддаются обману: они послушались лезгинъ и теперь дѣйствуетъ сходно съ ними противъ своихъ же. Лезгины увлекли также и нѣкоторыхъ тавадовъ (князей). Поспѣшите подать помощь, иначе и остальная Кахетія измѣнитъ намъ—и тогда горе Адербейджану и сосѣднимъ странамъ... И внутренняя Кахетія пристала къ лезгинамъ..!! [1]).

Такъ была деморализована Кахетія. И вообще вся Грузія съ тѣхъ поръ подвергалась разорительнымъ нашествіямъ, періодически повторявшимся. Пунктами опоры при подобныхъ вторженіяхъ служили Джары и Белоканы.

До подчиненія русскому правительству Закатальскій округъ состоялъ изъ независимыхъ владѣній: Джаро-Белоканской области, въ которой верховная власть принадлежала всему лезгинскому населенію, пришедшему въ край изъ разныхъ мѣстъ Дагестана и подчинившаго, какъ указано

1) Тамъ же.

выше, своей власти коренныхъ обитателей страны — Грузинъ (ингилойцы) и султанства Елисуйскаго, управляемаго правителемъ, выбиравшимся народомъ изъ членовъ султанской фамиліи. Оба владѣнія были заняты русскими войсками въ 1803 году и по договору отъ 17 апрѣля какъ лезгинскія вольныя общества, такъ и елисуйскій владѣтель Али-султанъ дали присягу на подданство Россіи.

Изъ всѣхъ областей Кавказа нигдѣ поземельный строй не обрисовывался такъ ясно, какъ въ Закатальскомъ округѣ. Въ то время какъ въ другихъ областяхъ нерѣдко случалось, что сложность сословныхъ отношеній и неопредѣленность поземельныхъ правъ значительно усложняли задачи комиссій, въ Закатальскомъ округѣ, у лезгинъ, взаимныя отношенія поселянъ къ владѣльцамъ и права обществъ были такъ точно опредѣлены, что не подавали повода къ малѣйшему недоразумѣнію.

Въ 1868 году, во время проѣзда Великаго князя по Закатальскому округу, лезгинскія общества въ Белоканахъ и Закаталахъ обратились съ просьбой объ учрежденіи комиссіи для разбора и окончательнаго закрѣпленія признанныхъ уже за народомъ со стороны правительства правъ. Великій князь, выразивъ лезгинамъ свое удовольствіе за ихъ разумную просьбу, обѣщалъ назначить комиссію, при чемъ приглашалъ лезгинъ довѣрчиво отнестись къ дѣятельности будущей комиссіи.

Для приведенія въ извѣстность выработанныхъ обычаемъ и народною жизнью сословныхъ правъ туземнаго населенія округа, а равно для составленія предположеній и для исполнительныхъ мѣръ по признанію и опредѣленію тѣхъ и другихъ правъ правительственною властью, въ 1869 году, подъ предсѣдательствомъ ген. штаба полковника Зеленаго [1]), учреж-

1) Впослѣдствіи предсѣдателемъ комиссіи былъ назначенъ подполковникъ Петандеръ, членомъ — ротмистръ Циммерманъ.

дена Закатальская сословно-поземельная комиссія. Комиссія эта выработала проектъ Положенія о поземельномъ устройствѣ жителей округа.

Историческое развитіе поземельнаго права въ этой части края представляетъ глубокій интересъ. Вытѣснивъ коренныхъ обитателей и занявъ сами подгорную полосу округа, лезгины признали ингилойцевъ подвластными и обложили ихъ опредѣленною поземельною повинностью.

Въ Джаро-Белоканской области поземельная повинность поступала въ пользу всего лезгинскаго народа, раздѣлившаго, однако, для большаго удобства въ сборѣ повинностей всѣ подчиненныя селенія и самихъ подвластныхъ между различными лезгинскими обществами, а нерѣдко—между входившими въ составъ обществъ отдѣльными фамиліями и даже лицами.

Мы уже знаемъ, что изъ числа коренныхъ жителей большая часть не осталась въ покоренной лезгинами странѣ, а многіе были насильственно переселены въ Персію и въ Кахетію; на мѣста, оставшіяся свободными, беки и лезгины стали приглашать переселенцевъ изъ сосѣднихъ мусульманскихъ провинцій, предлагая первоначально болѣе легкія условія, а впослѣдствіи сравнивъ ихъ по размѣру поземельныхъ повинностей съ прочими своими подвластными [1]). Такимъ образомъ, въ Закатальскомъ округѣ появилось третье племя, извѣстное подъ общимъ названіемъ *мугаловъ*. Племя это, хотя по числительности меньше остальныхъ двухъ, но въ поземельномъ отношеніи представляло крайнее разнообразіе, въ зависимости отъ условій, сопровождавшихъ его водвореніе въ краѣ: нѣкоторые поселились на плоскости, въ районѣ подвластныхъ селеній, другіе—въ подгорной лезгинской полосѣ;

1) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло департамента Главнаго управленія 1874 г., № 24, связка 7636. Объяснительная записка къ проекту Положенія о поземельномъ устройствѣ жителей Закатальскаго округа.

первые обложены такими же повинностями, какъ и коренные обитатели, вторые отчасти смѣшались съ лезгинами, получивъ одинаковыя съ ними поземельныя права; отчасти пріобрѣли себѣ покупкою отдѣльныя дачи, которыми стали владѣть на правѣ собственности; отчасти же, поселившись въ лезгинскихъ селеніяхъ, не только не пріобрѣли никакой собственности, но не получили даже опредѣленныхъ поземельныхъ надѣловъ въ свое постоянное пользованіе. Эта послѣдняя категорія, арендуя земли у лезгинъ, платила владѣльцамъ весьма разнообразныя и никакими условіями негарантированныя повинности.

Взаимныя отношенія между владѣльцами и поселянами подвластныхъ селеній съ самаго начала установились различныя въ обѣихъ частяхъ округа, что объясняется неодинаковымъ политическимъ строемъ Джаро-Белоканъ и султанства Елисуйскаго. Въ Джаро-Белоканской области отношенія эти получили совершенно своеобразное направленіе: не желая вмѣшиваться во внутреннее управленіе сельскихъ дачъ, и поставивъ единственнымъ условіемъ исправное полученіе извѣстнаго поземельнаго дохода, лезгины всю землю, въ опрѣдѣленныхъ границахъ, предоставили въ исключительное распоряженіе поселянъ, опредѣливъ за нее опредѣленный оброкъ (натурою) для большаго удобства въ сборѣ дохода; этотъ доходъ разъ навсегда распредѣлялся между всѣми поселянами подвластной сельской дачи, при чемъ причитающаяся съ каждаго доля общихъ повинностей соразмѣрялась съ количествомъ предоставленной ему земли [1]).

Равныя доли, на которыя раздѣлены сельскія дачи, названы *кешкелями*, опредѣленная же съ каждой доли повинность —кешкельнымъ доходомъ.

Комиссія полковника Зеленаго подробно выяснила значеніе кешкеля и кешкельныхъ доходовъ.

[1]) Тамъ же.

При первоначальномъ заселеніи извѣстнаго пространства, или при обращеніи въ кешкельное такого селенія, которое прежде отбывало свои повинности на другихъ началахъ, владѣльцы входили въ соглашеніе съ поселянами относительно того, какое количество хлѣба можетъ вносить ежегодно каждый дымъ при общиномъ и равномѣрномъ пользованіи всею землею. Опредѣленная такимъ образомъ хлѣбная повинность называлась кешкельною платою. Пай, достававшійся на долю каждаго изъ первоначальныхъ дымовъ, назывался кешкелемъ. Поэтому величина кешкеля зависѣла отъ двухъ факторовъ: отъ отведеннаго пространства и отъ первоначальнаго числа дымовъ. Ясно, что кешкель, какъ пай общественнаго участка, увеличивался по мѣрѣ того, какъ поселяне общими силами обращали новыя изъ отведенныхъ имъ неразработанныхъ земель въ пашни, чалтычныя поля или луга. Называть кешкель опредѣленнымъ пространствомъ земли нельзя, потому что кромѣ усадебной земли ни одинъ поселянинъ не имѣлъ въ общественной дачѣ ни одного клочка, который могъ бы назвать своимъ, или находящимся въ постоянномъ его пользованіи. Это относилось даже до выкупленныхъ самими поселянами кешкелей (*узданъ*). Владѣльцы этихъ послѣднихъ участвовали наравнѣ съ прочими поселянами въ ежегодномъ жребьевомъ разборѣ того участка земли, который по рѣшенію общества долженъ былъ разработанъ въ томъ году. Первоначально, дѣйствительно, число кешкелей равнялось числу дымовъ, но впослѣдствіи рѣдкій дымъ пользовался цѣлымъ кешкелемъ, а большая часть имѣла дробныя части его; это происходило отъ наслѣдственныхъ пріобрѣтеній и раздѣловъ [1]).

Водвореніе въ Закавказскомъ краѣ русскихъ не измѣ-

1) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло кавказскаго горскаго управленія 1870 г., № 25, связка 6979. Журналъ Закатальской сословно поземельной комиссіи отъ 29 апрѣля 1870 г., № 15.

нило установившихся въ Джаро-Белоканской области и въ Елисуйскомъ султанствѣ взаимныхъ отношеній землевладѣльцевъ и поселянъ. Въ заключенномъ 17 апрѣля 1803 года княземъ Циціановымъ съ лезгинами постановленіи значилось: „По просьбѣ нашей г. главнокомандующій благоволилъ дать намъ обѣщаніе аліабадскія грузинскія деревни, въ общества нами включенныя, оставить въ управленіи нашемъ на прежнихъ правахъ и обычаяхъ, а мы съ своей стороны обязываемся въ свободномъ отправленіи христіанской вѣры не чинить имъ никакого препятствія...“

Лезгины были обложены въ пользу государства данью шелкомъ въ размѣрѣ 1100 литръ (220 пудовъ), впослѣдствіи переложенную на деньги въ размѣрѣ 13200 рублей, и такимъ образомъ правительство сравнило ихъ съ прочими податными сословіями округа. Такое положеніе лезгинъ какъ собственниковъ земли и живущихъ на ихъ земляхъ поселянахъ платившихъ имъ подати, оставалось до 1830 года, когда послѣ явнаго возстанія жителей Джаро-Белоканская область была занята русскими войсками. Вмѣстѣ съ занятіемъ края учреждено Чарское областное правленіе, которому для руководства по управленію народомъ даны проектированныя графомъ Паскевичемъ и утвержденныя императоромъ Николаемъ I 24 іюня 1830 года правила. Эти правила, касавшіяся преимущественно тѣхъ военныхъ и административныхъ мѣръ, которыя должны были проводится областнымъ правленіемъ, не имѣли характера постояннаго законоположенія, а вводились въ видѣ временной мѣры, такъ сказать, для опыта.

Относительно поземельнаго быта жителей, между прочимъ, опредѣлялось:

§ I „... желающимъ позволить удалиться куда хотятъ, причемъ не препятствовать имъ продавать свои имѣнія и всякую собственность“.

§ 4. „Жителямъ сохранить прежнія права и преимущества, поколику сіе будетъ согласно съ общими законами и уставами Россійской имперіи“.

§ 5. „Привесть въ извѣстность всѣ общественныя имущества и обратить оныя въ пользу казенную“.

§ 7. „... Привесть въ извѣстность права старшинъ и другихъ знатнѣйшихъ лицъ джарскаго и прочихъ обществъ въ отношеніи управленія ихъ аліабадскими грузинскими деревнями, и съ тѣмъ вмѣстѣ постановить положеніе, имѣя основаніемъ мѣстныя соображенія, чтобы обыватели подвластныхъ имъ грузинскихъ деревень платили опредѣленную денежную подать отъ семействъ или дымовъ, не подвергаясь произвольнымъ налогамъ владѣльцевъ... Жителямъ сихъ деревень предоставить слѣдующія права: 1) личную свободу, если пожелаютъ переселиться куда заблагоразсудятъ со всѣмъ своимъ имуществомъ; но въ такомъ случаѣ дома, сады и земли должны оставаться въ пользу владѣльцевъ или самихъ деревень, когда они захотятъ взять на себя ту плату, какую вносили переселяющіеся жители; 2) всѣмъ вообще сего рода людямъ предоставить право заплатить однажды владѣльцамъ своимъ за домъ, садъ, земли и другія угодья десятилѣтнюю сложность приносимаго дохода, обративъ все сіе въ свою собственность и 3) съ симъ вмѣстѣ избавляются уже они отъ всякой зависимости отъ своихъ прежнихъ хозяевъ“.

Правила эти, составленныя одновременно съ водвореніемъ въ краѣ, не могли основываться на знаніи экономическаго положенія ни лезгинъ, ни принятыхъ подъ покровительство ингилойцевъ. Вслѣдствіе этого ни одна изъ проектированныхъ мѣръ, касавшихся поземельнаго устройства и взаимныхъ отношеній владѣльцевъ и подвластныхъ, не могла быть приведена въ исполненіе. Подвластные и прежде не были крѣпостными и во всякое время могли переселяться по своему усмотрѣнію. Кешкельная повинность тоже была строго

опредѣлена, и сами лезгинскія общества вообще не допускали произвольнаго увеличенія слѣдуемыхъ съ подвластныхъ налоговъ; если же кто нарушалъ это, то такой поступокъ и до появленія русскихъ считался противозаконнымъ обѣими сторонами. Указанное правилами право выкупа ингилойскихъ надѣловъ по 10-ти процентной капитализаціи поступавшаго дохода никогда не соблюдалось, если же и бывали случаи выкупа, то всегда по добровольному соглашенію съ лезгинами, при чемъ выкупная сумма иногда доходила до 20-ти лѣтней сложности дохода. Та же самая участь постигла и постановленія, чтобы кешкельный доходъ поступалъ въ сельское управленіе и объ обращеніи общественнаго имущества въ пользу казенную.

Въ 1831 году, по случаю новаго мятежа лезгинъ, главные центры ихъ: Джары, Закаталы, Капиздара и Белоканы были разорены и жители ихъ выселены на плоскость, отчасти въ другія селенія и въ Тоначи (близъ Алазани), отчасти даже въ Грузію. Всѣ лезгины, не исключая даже тѣхъ, которые не принимали участія въ возстаніяхъ, были лишены своихъ подвластныхъ (ингилойцевъ и мугаловъ) и причислены къ разряду государственныхъ поселянъ. Вмѣсто прежней дани какъ лезгины, такъ и ихъ подвластные обложенны государственною податью въ 1 р. 50 к. съ дыма. Отъ поземельной зависимости лезгинъ освобождены не только жители кешкельныхъ селеній, но и тѣ мугалы, которые, поселившись въ лезгинскихъ селеніяхъ, считались подвластными *(раятами)* частныхъ лицъ, на земляхъ которыхъ они были водворены. При этомъ земли, обработываемыя этими мугалами, отняты у лезгинъ и переданы въ безусловное распоряженіе бывшихъ раятовъ. Всѣ эти мѣры правительство привело въ исполненіе въ видѣ наказанія за мятежъ.

Такимъ образомъ поземельный доходъ, получавшійся прежде лезгинами съ жителей кешкельныхъ селеній, съ 1831 го-

да сталъ поступать въ казну; лезгинамъ же, не принимавшихъ участіе въ возстаніи, предполагалось выдавать изъ областного управленія пенсіоны, сообразно съ прежними ихъ поземельными доходами; однако при опредѣленіи размѣра пенсіоновъ встрѣтились затрудненія и имъ вновь предоставили получать свой прежній поземельный доходъ [1]).

Въ концѣ 1838 года, по представленію управляющаго областью полковника Безобразова и въ видахъ того, „чтобы дать лезгинамъ способъ къ безбѣдному содержанію, уменьшить побѣги ихъ въ горы, укротить хищническіе ихъ набѣги на покорныхъ намъ мирныхъ жителей и упрочить благосостояніе сихъ новыхъ сыновъ Россіи“, главноуправляющій Закавказскимъ краемъ Головинъ предоставилъ прежнимъ владѣльцамъ, лезгинамъ, поземельный доходъ съ бывшихъ подвластныхъ, ингилойцевъ и мугалъ, въ томъ самомъ количествѣ, въ какомъ доходъ этотъ въ 1831 года поступалъ въ казну.

Въ 1839 году возникло предположеніе о продажѣ джарцами султану елисуйскому 134-хъ кешкелей. Генералъ Головинъ разъяснилъ, что такъ какъ земля та казенная, а джарцамъ принадлежатъ одни только поземельные доходы, то джарцы доходы эти и могутъ продавать султану съ тѣмъ, чтобы послѣдній не имѣлъ права увеличивать прежде вносимую кешкельную плату. Относительно этихъ кешкелей между джарцами и султаномъ возникъ споръ, кончившійся, наконецъ, тѣмъ, что послѣ бѣгства въ 1844 году Даніэль-султана и конфискаціи всего его имущества въ казну, съ разрѣшенія генерала Нейдгардта, всѣ деревни съ упомянутыми кешкелями были отданы джарцамъ, при томъ со всею землею, а не одинъ лишь поземельный доходъ.

---

1) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло департамента Главнаго управленія 1874 г., № 24, связка 7636. Объяснительная записка къ проекту Положенія о поземельномъ устройствѣ жителей Закатальскаго округа.

Въ концѣ 1839 года и генералъ Головинъ разрѣшилъ вообще возвратить кешкельный доходъ тѣмъ изъ джарцевъ, которые заслуживали довѣріе, при чемъ имъ позволено водвориться на мѣстахъ прежняго жительства. Управляющій областью генералъ Анрепъ льготу эту распространилъ на всѣхъ джарцевъ, изъ возвращенныхъ же имъ земель исключилъ только нѣкоторое количество занятыхъ войсками пастбищъ и пространство, отошедшее подъ крѣпостную эспланаду [1]).

Что касается другой части Закатальскаго округа—Елисуйскаго султанства, то тамъ поземельныя отношенія развились при тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ ближайшихъ мусульманскихъ провинціяхъ. Елисуйское султанство имѣло отличительныя особенности и въ политическомъ устройствѣ.

По свѣдѣніямъ Закатальской сословно-поземельной комиссіи лезгинскія селенія султанства основаны выходцами изъ Цахура и другихъ мѣстъ Горнаго магала и Дагестана. Цахуръ былъ весьма древнимъ и обширнымъ мѣстечкомъ; вначалѣ всѣ лезгины цахурской группы были вполнѣ вольными обществами, дѣлились на тохумы, которые впослѣдствіи для поддержанія порядка выбирали изъ среды своей одного представителя, управлявшаго народомъ; но стремленіе каждаго изъ тохумовъ имѣть во главѣ всего народа своего представителя вызвало взаимную вражду и безпорядки. Чтобы положить конецъ неурядицѣ тохумы согласились выбрать главу изъ нейтральной среды. Выборъ палъ на одного изъ бековъ, проживавшемъ въ качествѣ изгнанника въ Цахурѣ. Адатъ установилъ особый порядокъ выбора правителей: онъ состоялъ въ томъ, что выбираемымъ могъ быть безразлично одинъ изъ членовъ рода правителя—бекъ и въ выборѣ участвовалъ весь джамаатъ, который оставлялъ при правителѣ сво-

[1]) Тамъ же.

ихъ *векилей*, обязанныхъ слѣдить за его дѣйствіями. Въ случаѣ общаго неудовольствія, джамаатъ по вызову векилей собирался, смѣнялъ правителя и выбиралъ другого. Надъ лезгинами правитель не имѣлъ почти никакой власти, а игралъ только роль старшины народа. Но постепенно правители стремились захватить больше вліянія и народъ, выйдя изъ терпѣнія, учинилъ надъ всѣми беками самосудъ: всѣ они были перебиты и спаслась только одна беременная бекская женщина, которая бѣжала въ Елису, гдѣ и родила сына. Когда этотъ послѣдній подросъ, то народъ, въ томъ числѣ и цахурцы, выбрали его въ правители подъ именемъ Али-бека. Съ тѣхъ поръ Елису сдѣлался резиденціей правителей, которые стали называться султанами елисуйскими. Цахурскіе правители и султаны елисуйскіе находились подъ вліяніемъ то персидскихъ шаховъ, то турецкихъ султановъ, то грузинскихъ царей и при вступленіи въ управленіе были утверждаемы въ своихъ правахъ особыми грамотами [1]).

Помимо указаннаго вліянія въ дѣла Елисуйскаго султанства вмѣшивались лезгинскія общества Джарской провинціи. Сами джарцы, давая объясненія комиссіи полковника зеленаго, утверждали, что елисуйскіе султаны до появленія русскихъ въ краѣ имѣли значеніе немногимъ больше обыкновенныхъ наибовъ, съ тою разницею, что вмѣсто жалованья они пользовались различными налогами съ управляемаго ими народа, а также доходами съ нѣкоторыхъ имѣній, переходившихъ не по наслѣдству отъ отца къ сыну, а отъ одного султана къ другому. Если джарцы съ елисуйскихъ султановъ не брали дань, то по крайней мѣрѣ имѣли сильвое вліяніе на управленіе страной. Такъ напримѣръ, ни одно назначеніе новаго султана не обходилось безъ утвержденія или вмѣшательства джарцевъ. Выборы, обыкновенно, проис-

1) Журналъ Закатальской сословно-поземельной комиссіи № 19.

родѣ ходили такимъ образомъ: послѣ смерти султана различные претенденты изъ вліятельныхъ елисуйскихъ бековъ являлись въ Джары съ богатыми подарками, при чемъ кандидатъ, одобренный джарцами, безпрекословно провозглашался султаномъ; если народъ или другіе претенденты захотѣли бы противиться выбору джарцевъ, то послѣдніе силою оружія привели бы ихъ въ повиновеніе. Вообще говоря, болѣе воинственные и предпріимчивые джарцы всегда имѣли случай давать то или другое направленіе въ дѣлахъ управленія Елисуйскаго султанства [1]).

Выше уже было упомянуто, что султанство Елисуйское поступило въ подданство Россіи въ 1803 году. Послѣ Циціанова значеніе султановъ усилилось. Ахметъ-ханъ старался входить въ непосредственныя сношенія съ правительствомъ помимо джарцевъ. Въ 1807 году онъ самъ прибылъ въ Тифлисъ для личнаго изъявленія покорности и просилъ для огражденія отъ безпокойныхъ сосѣдей прислать войско. Въ доказательство своего усердія и въ залогъ ненарушимой вѣрности Ахметъ-ханъ оставилъ аманатомъ старшаго сына и первый изъ лезгинъ отдалъ его въ Тифлисское благородное училище. Гудовичъ ходатайствовалъ о пожалованіи Ахметъ-хана чиномъ полковника и о назначеніи пенсіи. Цѣль султана—отдѣлаться отъ вліянія прочихъ лезгинъ была достигнута. Въ эпоху Ермолова въ султанствѣ не произошло какихъ либо важныхъ перемѣнъ—султана поддерживали какъ противовѣсъ джарцамъ. Съ своей стороны и Ахметъ-ханъ оказывалъ правительству услуги и преданность: онъ принялъ участіе въ войнѣ съ персіянами 1826 года и, по случаю вторженія непріятеля въ его владѣніе, присоединился съ елисуйцами къ русскимъ войскамъ. Но такъ какъ джарцы въ то время отложились отъ русскаго подданства, то графомъ Паске-

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло кавказскаго горскаго управленія 1870 г., № 25, связка 6979. Журналъ Закатальской сословно-поземельной комиссіи № 15.

вичемъ они были вновь покорены. Положеніемъ 1830 года въ составъ Джаро-Белоканской области вошло и Елисуйское султанство. Хотя султанъ былъ поставленъ въ зависимость отъ начальника области, но эта подчиненность устанавливалась по предметамъ военнаго характера и за исключеніемъ уголовныхъ дѣлъ все управленіе предоставлено ближайшему распоряженію султана. Въ 1830 году Ахметъ-ханъ умеръ; султаномъ былъ назначенъ сынъ его Муса, а послѣ его смерти въ томъ же году—слѣдующій сынъ Даніэль-бекъ [1]).

Съ 1830 по 1844 годъ султанство, какъ составная часть Джаро-Белоканской области, подвергалось тѣмъ же административнымъ преобразованіямъ. Въ 1844 году Даніэль-султанъ, недовольный отказомъ въ ходатайствѣ о возведеніи его въ княжеское достоинство и новымъ подчиненіемъ султанства джаро-белоканскому правленію, бѣжалъ къ Шамилю со многими беками и подчиненными. Вслѣдствіе этого званіе елисуйскаго султана навсегда упразднено, имѣнія Даніэль-бека и его приближенныхъ конфискованы въ казну.

Обратимся къ сословно-поземельному вопросу. Въ Елисуйскомъ султанствѣ поземельная повинность отбывалась поселянами султану и родственникамъ его, бекамъ.

Беки составляли привилегированное сословіе и по происхожденію своему подраздѣлялись на 4 разряда: 1) беки—потомки цахурскихъ и елисуйскихъ влалѣлыцевъ, при чемъ дѣлалось различіе по происхожденію отъ законныхъ женъ султановъ или незаконныхъ (наложницъ и вообще отъ такихъ хотя бы бекскихъ женъ, которыя по низкому своему происхожденію не передавали дѣтямъ бекскихъ правъ мужа); 2) беки, переселившіеся въ султанство изъ другихъ мѣстъ,

[1]) Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ 1873 г., выпускъ VI. И. Линевичъ. Бывшее Елисуйское султанство.

гдѣ предки ихъ пользовались бекскими правами; 3) беки, происходившіе изъ податнаго состоянія, но возведеннные въ бекское состояніе султанами и 4) такія же лица, пріобрѣвшія дворянскія права личною своею службою русскому правительству.

Поселяне рѣзко подраздѣлялись на двѣ группы: 1) вольные лезгины, которые, какъ соподвижники султановъ по образованію владѣнія, остались собственниками занятой ими земли и за право пользованія ею никогда не несли какой либо повинности ни султану, ни бекамъ; эти поселяне отбывали однѣ государственныя подати и повинности; 2) *раяты*, платившіе сверхъ того бекамъ или джарскимъ лезгинамъ за право пользованія замлею хлѣбную повинность. Плата эта отбывалась въ различныхъ видахъ, но преимущественно она была кешкельная, или же малджегатная ($^1/_7$ или $^1/_{10}$ часть урожая). Нѣкоторые раяты сверхъ того несли бекамъ и личныя повинности [1]).

Изъ среды поселянъ выдѣлялись еще особыми правами: *маафы*, *муллы* и *сейиды*.

Положеніе о маафахъ Закавказскаго края вообще было утверждено въ 1847 году по представленію кн. Воронцова [2]).

Изъ этого Положенія видно, что маафы составляли особый классъ людей, освобожденныхъ отъ податей, на обязанныхъ взамѣнъ того нести полицейско-кордонную службу. Между тѣмъ маафы Закатальскаго округа съ самаго водворенія въ краѣ русскаго правительства были причислены къ податному сословію и отбывали подати и повинности наравнѣ съ прочими поселянами. Дѣйствительно, въ такомъ смыслѣ въ какомъ подразумѣвалъ законъ, маафовъ въ округѣ не существовало, но въ на-

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло кавказскаго горскаго управленія 1870 г., № 25, связка 6979. Журналъ Закатальской сословно-поземельной комиссіи № 19.

[2]) Положеніе это вошло въ Сводъ законовъ т. II, ч. II, ст. 911—930.

названіе это сохранилось, хотя въ нѣсколько иномъ значеніи. По понятіямъ лезгинъ маафомъ назывался всякій поселянинъ, освобожденный почему либо отъ взноса податей. Такимъ образомъ временными маафами считались, напримѣръ, сельскіе старшины, муллы, оспопрививатели, сиротскіе дымы, а постоянными—такія лица, которыя за особыя заслуги со всѣмъ своимъ потомствомъ освобождались отъ взноса владѣльцамъ земли поземельной подати [1]).

Муллы и вообще духовенство пользовалось по своему званію нѣкоторыми, освященными временемъ, привилегіями.

Сеиды считали себя за потомковъ пророка Магомета и претендовали также на маафство—освобожденія отъ взноса повинностей.

Что касается поземельныхъ отношеній, то въ началѣ русскаго управленія беки и вообще лица, стоявшія близко къ мало знакомымъ съ мѣстными обычаями правителямъ, успѣли многое передѣлать въ свою пользу въ ущербъ массѣ народа. Комиссія полковника Зеленаго встрѣтила большія затрудненія при изслѣдованіи этого вопроса. Это произошло вслѣдствіе того, что султаны фактически продолжали управлять народомъ почти на прежнихъ основаніяхъ, не донося никому о своихъ дѣйствіяхъ; поэтому о судьбахъ султанства въ промежутокъ времени съ 1830 по 1844 годъ ничего неизвѣстно; въ этотъ именно періодъ какъ султанъ, такъ и беки, пользуясь благосклонностью и покровительствомъ русскихъ и слѣдуя примѣру высшаго мусульманскаго сословія въ сосѣднихъ провинціяхъ, присваивали себѣ сословныя и поземельныя права въ ущербъ народу. Первыя официальныя свѣдѣнія о Елисуйскомъ султанствѣ появляются уже послѣ его паденія, въ 1844 году. Свѣдѣнія эти, составленныя майоромъ Печковскимъ вскорѣ послѣ бѣгства султана, составля-

1) Тамъ же. Журналъ Закатальской сословно-поземельной комиссіи № 15.

ютъ почти единственный документъ о принадлежности земель въ моментъ перехода султанства подъ непосредственное управленіе русскаго правительства. Но составленныя въ смутное время, въ отсутствіе султана, могущаго защищать свои права, со словъ лицъ находившихся подъ вліяніемъ бековъ, свѣдѣнія эти требовали большихъ поправокъ [1]).

Нужно, впрочемъ, указать, что большинству бековъ, вернувшихся вскорѣ послѣ 1844 года изъ горъ, правительство возвратило принадлежавшія имъ прежде имѣнія, оставивъ ихъ въ тѣхъ же отношеніяхъ къ подвластнымъ имъ поселянамъ, въ какихъ они находились раньше. Въ казенномъ же управленіи оставлены только имѣнія, принадлежавшія самому султану и тѣмъ немногимъ его приближеннымъ, которые остались при немъ до окончательнаго покоренія въ 1859 году Восточнаго Кавказа.

Изъ земель Елисуйскаго султанства, оставшихся за казною, въ 1859 году отчуждено изъ казеннаго управленія большинство имѣній въ пользу принявшихъ православіе ингилойцевъ. На основаніи указа Правительствующему Сенату отъ 6 декабря этого года почти всѣ ненаселенныя казенныя земли, а также имѣнія населенныя мугалами отданы бекамъ и другимъ мусульманамъ взамѣнъ принадлежавшихъ этимъ лицамъ ингилойскихъ селеній. Выкупленныя такимъ образомъ имѣнія отданы новымъ христіанамъ въ безплатное пользованіе, независимо пожизненнаго освобожденія ихъ отъ государственныхъ податей и временнаго (на 6 лѣтъ) освобожденія отъ денежныхъ земскихъ повинностей.

Укажемъ теперь на общій характеръ землепользованія въ Закатальскомъ округѣ.

Всѣ вообще поселяне могли быть подраздѣлены на 3 разряда:

---

[1]) Тамъ же. Журналъ Закатальской сословно-поземельной комиссіи № 19.

1) Поселяне, не отбывавшіе никому поземельной повинности, именно: лезгины и принятые въ составъ лезгинскихъ обществъ мугалы (7900 дымовъ); мугальскія общества, владѣвшія отдѣльными сельскими дачами на правѣ собственности (300 дымовъ) и принявшіе православіе ингилойцы, пріобрѣвшіе занимаемыя ими земли отъ правительства въ безплатное пользованіе (470 дымовъ); всего по округу около 8700 дымовъ.

2) Поселяне кешкельныхъ селеній, слишкомъ 300 дымовъ и

3) Поселяне бекскихъ селеній—до 900 дымовъ.

У поселянъ первой категоріи вся земля была распредѣлена и разграничена между членами обществъ подымно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, преимущественно ингилойскихъ, обществъ, сохранившихъ общественный порядокъ пользованія пашнями. Сверхъ того поселяне этой категоріи владѣли лѣтними пастбищами и лѣсами, находившимися въ совмѣстномъ пользованіи отдѣльныхъ сельскихъ обществъ, а иногда даже нѣсколькихъ селеній. На каждый поселянскій дымъ среднимъ числомъ приходилось по $10^1/_2$ десятинъ.

Земли кешкельныхъ дачъ распредѣлялись между кешкельниками. Поселяне первыхъ двухъ категорій, пользуясь опредѣленнымъ наслѣдственнымъ участкомъ, въ составъ котораго входили усадьбы, сады, плантаціи и лучшія въ округѣ пашни, облагались опредѣленнымъ и неизмѣннымъ натуральнымъ оброкомъ, составлявшимъ въ переводѣ по тогдашнимъ цѣнамъ на деньги по 60 коп. съ десятины. Право лезгинъ кешкелевладѣльцевъ заключалось въ полученіи опредѣленнаго дохода съ каждаго общества по издавна опредѣленному числу кешкелей. Затѣмъ они не имѣли права вмѣшиваться въ порядокъ пользованія самою землею, ни распредѣлять ее между пользователями, или отчуждать у кого либо предоставленнаго въ его пользованіе участка.

Кешкели переходили между кешкельниками по наслѣдству, какъ и всякая собственность. Право распоряженія вымороч-ными кешкелями также принадлежало не лезгинамъ, а кешкельнымъ обществамъ. Такимъ образомъ, кешкельный порядокъ представлялся для поселянъ-пользователей вѣчной арендой на выгодныхъ для нихъ и точно опредѣленныхъ условіяхъ; они, въ силу самаго права, ограждались отъ произвола и чьего бы то ни было вмѣшательства въ земельныя дѣла.

Поселяне третьей категоріи, также какъ и кешкельники, лично были независимые, и обязательныя отношенія ихъ исключительно происходили отъ принадлежности занимаемой ими земли бекамъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ поселянскіе надѣлы имѣли опредѣленные размѣры и границы, въ другихъ они зависѣли отъ произвола владѣльцевъ. Повинности къ бекамъ не были урегулированы, что нерѣдко служило поводомъ къ взаимнымъ недоразумѣніямъ. Право распоряженія землею вообще принадлежало бекамъ; исключеніе составляли усадьбы, а иногда расчищенные самими поселянами лѣсные участки, которые, въ случаѣ смерти поселянина, обязательно переходили къ его прямымъ наслѣдникамъ [1]).

Послѣ всесторонняго изслѣдованія Закатальская комиссія внесла на утвержденіе проектъ Положенія о поземельномъ устройствѣ. Главныя основанія предположенной реформы заключались въ слѣдующемъ:

1) Въ признаніи за нѣкоторыми изъ поселянскихъ обществъ права собственности на земли—какъ на тѣ, на которыхъ они сами поселены, такъ и на такія, на которыхъ водворены другіе государственные крестьяне, отбывавшіе лезгинскимъ обществамъ поземельную повинность; право это распространить на всѣ лѣса и пастбища; причислить такихъ

[1] Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло департамента Главнаго управленія 1874 г., № 24, связка 7636. Объяснительная записка къ проекту Положенія о поземельномъ устройствѣ жителей Закатальскаго округа.

поселянъ къ разряду крестьянъ-собственниковъ; къ числу такихъ поселянскихъ обществъ отнести всѣхъ лезгинъ и принявшихъ православіе ингилойцевъ.

2) Въ опредѣленіи поземельныхъ отношеній поселянъ къ бекамъ, на земляхъ которыхъ они водворены.

3) Въ установленіи такихъ же поземельныхъ отношеній къ обществамъ крестьянъ-собственникамъ и къ отдѣльнымъ поселянамъ, водворенныхъ въ кешкельныхъ селеніяхъ, съ обложеніемъ этихъ послѣднихъ поземельнымъ оброкомъ въ пользу первыхъ.

4) Въ размежеваніи Закатальскаго округа.

Комиссія утверждала, что принадлежность населенныхъ земель въ собственность елисуйскимъ бекамъ и лезгинскимъ обществамъ не подлежала сомнѣнію, что подтверждалось полученіемъ какъ тѣми, такъ и другими поземельнаго оброка отъ поселянъ; право бековъ основывалось на пожалованіи султанами елисуйскими, право же лезгинскихъ обществъ—на завоеваніи и на фактическомъ признаніи этого права со стороны русскаго правительства. Принадлежность же въ собственность лезгинскимъ обществомъ тѣхъ земель, которыми они непосредственно пользовались, комиссія основывала на томъ, что правительство, лишая у прежнихъ владѣтелей политическую власть, никогда не отнимало у нихъ поземельныхъ вотчинныхъ правъ, а такая политическая власть въ Джаро-Белоканахъ принадлежала всему лезгинскому народу; что лезгинскія общества всегда безплатно пользовались землями, лѣсами и пастбищами; что правительство неоднократно подтверждало лезгинамъ о ненарушимости имущественныхъ правъ [1]).

Комиссія даже не допускала мысли о признаніи лезгинскихъ земель казенными. „Подобное дѣйствіе,—поясняли Пе-

[1]) Тамъ же, Записка барона Николаи по проекту Положенія о поземельномъ устройствѣ жителей Закатальскаго округа.

тандеръ и Циммерманъ,—всегда казалось бы народу вопіющею несправедливостью и нарушеніемъ обѣщаній, многократно повторенныхъ правительственными органами. Можно, конечно, не обратить вниманія на то останутся ли лезгины довольны или недовольны распоряженіями правительства: чѣмъ бы ни выразилось это неудовольствіе—возмущеніемъ ли, стремленіемъ ли къ переселенію въ Турцію, мы достаточно сильны, чтобы въ зародышѣ заглушить всѣ подобные безпорядки и пренебречь тѣмъ обстоятельствомъ, что въ народѣ съ новою силою воскреснутъ угасающія постепенно злоба и ненависть ко всему русскому; но, безъ сомнѣнія, правительство этого не захочетъ, тѣмъ болѣе, что съ какой бы стороны не смотрѣть на дѣло, подобное дѣйствіе всегда останется несправедливостью« [1]).

Представивъ труды Закатальской комиссіи, начальникъ Горскаго управленія г.-м. Франкини въ особомъ докладѣ подкрѣплялъ заключенія комиссіи слѣдующими доказательствами: что со дня водворенія русской власти на Кавказѣ всѣ указанія правительства, касающіяся управленія краемъ, постоянно обращали вниманіе кавказской администраціи на необходимость принаравливаться къ тѣмъ особенностямъ быта населенія, которыя выработаны временемъ и мѣстными обычаями [2]); что, если цѣль правительства состоитъ въ устройствѣ на прочныхъ началахъ нравственнаго и матеріальнаго ихъ благосостоянія, а относительно горцевъ въ особенности всѣ старанія должны клониться къ успокоенію ихъ, къ привлеченію къ мирному труду и упрочненія довѣрія ихъ къ Верховной власти, то слѣдуетъ принять тѣ начала, которыя вытекаютъ изъ историческаго развитія лезгинскаго народа.

1) Тамъ же. Объяснительная записка къ проекту Положенія о поземельномъ устройствѣ жителей Закатальскаго округа.

2) Мы знаемъ, что принципъ этотъ въ полной мѣрѣ примѣнялся только кн. М. С. Воронцовымъ.

Если же эти начала не будутъ одобрены, то лезгины будутъ въ правѣ думать, что правительство до тѣхъ поръ ихъ обманывало и что они управлялись не закономъ, а произволомъ [1]).

Вопросы, возбужденные Закатальской сословно-поземельной комиссіей, предложенный ею проектъ поземельнаго устройства населенія вызвали настойчивыя возраженія со стороны барона Николаи. Баронъ утверждалъ, что частнаго права собственности лезгинскихъ и ингилойскихъ обществъ на занимаемыя ими земли нигдѣ не существовало, что правительство никакими законодательными актами никогда не отрекалось отъ правъ государства на земли и что исполненіе предположеній коммиссіи было бы возможно только черезъ особый, исходящій отъ Верховной власти, актъ пожалованія.

Основываясь на такихъ соображеніяхъ баронъ Николаи утверждалъ, что изданіе въ законодательномъ порядкѣ какого либо особаго Положенія о поземельномъ устройствѣ жителей Закатальскаго округа оказывалось *не нужнымъ и вреднымъ*; „не нужнымъ потому, что устройство это можетъ совершится на основаніи общихъ законовъ, вполнѣ къ нему примѣнимыхъ; вреднымъ потому, что изданіе такого Положенія вынуждаетъ нѣкоторымъ образомъ правительство разрѣшать законодательнымъ путемъ такой вопросъ, теоретическое возбужденіе котораго не желательно, и ставитъ законодательную власть въ необходимость либо торжественно разсѣять заблужденія, которыми быть можетъ населеніе дорожитъ, либо узаконить въ угожденіе онымъ то, что противно и его интересамъ и основнымъ законамъ имперіи“ [2]). Взамѣнъ законодательнаго раз-

---

1) Тамъ же. Записка барона Николаи по проекту Положенія о поземельномъ устройствѣ жителей Закатальскаго округа.

2) Тамъ же. Докладъ г.-м. Франкини кн. Святополкъ-Мирскому отъ 23 марта 1874 г., № 1081.

рѣшенія предлагались мѣры административныя и исполнительныя.

Въ такомъ положеніи вопросъ этотъ находится и до настоящаго времени, такъ какъ въ періодъ управленія краемъ главноначальствующихъ поземельное устройство населенія Закатальскаго округа законодательнымъ порядкомъ не было разрѣшено.

Обратимся къ поземельной реформѣ въ Абхазіи и Самурзакани. Для приведенія въ извѣстность выработанныхъ обычаемъ и народною жизнью сословныхъ и поземельныхъ правъ населенія Сухумскаго отдѣла, для составленія предположеній по признанію тѣхъ и другихъ правъ правительственною властью—была учреждена „Сухумская сословно-поземельная комиссія". Великій князь утвердилъ Положеніе объ этой комиссіи 23 апрѣля 1867 года.

Занятія комиссіи подраздѣлены на два особые періода: въ первый они должны были быть направлены къ подробному и обстоятельному выясненію общихъ основныхъ началъ сословнаго строя и поземельнаго права въ Абхазіи, Сумарзакани и Цебельдѣ, именно выясненіе того: изъ какихъ отдѣльныхъ сословій состояло населеніе, какими причинами обусловливалось происхожденіе сословнаго дѣленія, какими исключительными правами и преимуществами пользовалось каждое сословіе и въ какихъ они обычныхъ обязательныхъ отношеніяхъ находились между собою; приведеніемъ въ извѣстность общихъ видовъ правъ населенія по владѣнію или пользованію землею: связано ли и въ какой мѣрѣ право землевладѣнія съ правомъ сословнымъ. Словомъ, въ первомъ періодѣ своихъ занятій комиссія какъ по сословнымъ, такъ и поземельнымъ правамъ населенія должна была собрать общія данныя о видахъ и ха-

рактерѣ правъ, а не разбирать принадлежность тѣхъ и другихъ правъ отдѣльнымъ лицамъ въ частности.

Установленіе порядка предварительнаго періода предоставлено усмотрѣнію комиссіи, которая выбирала тотъ или другой способъ изысканія; въ этомъ отношеніи матеріалами для соображеній комиссіи должны были служить: опросъ свѣдущихъ людей, показанія вызванныхъ представителей отъ различныхъ сословій, справки изъ дѣлъ различныхъ учрежденій. По окончаніи перваго періода занятій комиссія весь собранный матеріалъ съ своими журналами представляла высшему начальству. Одновременно съ этимъ комиссія должна была намѣтить свои предположенія относительно того, въ какомъ видѣ могутъ быть признаны правительствомъ сословныя права населенія сообразно съ общимъ сословнымъ и экономическимъ строемъ имперіи.

Комиссія подчинена начальнику Сухумскаго отдѣла; по отношенію къ спеціальной цѣли имѣла вполнѣ самостоятельный кругъ дѣйствій, но по предмету сношеній съ жителями, а также необходимаго содѣйствія со стороны мѣстныхъ административныхъ властей, входила съ представленіями къ начальнику отдѣла [1]). Предсѣдателемъ комисссіи былъ назначенъ подполковникъ Краевичъ, членами — подполковникъ Шредеръ и маіоръ Момбели.

Сухумская сословно-поземельная комиссія открыла свои дѣйствія 3-го іюля. Первое время было посвящено совмѣстно съ опекуномъ наслѣдниковъ князя Михаила Шервашидзе описи и оцѣнкѣ домовъ бывшаго владѣтеля въ Очемчирахъ и Соукъ-су, описи и оцѣнкѣ недвижимыхъ его имѣній. Это была работа по продолженію трудовъ комиссіи генерала Пон-

1) Архивъ комиссіи для окончанія сословно-поземельныхъ дѣлъ въ частяхъ военно-народнаго управленія. Дѣло 1866 г., № 28, ч. 1-я. Утвержденный Великимъ княземъ 23 апрѣля 1867 года „Проектъ временнаго Положенія о Сухумской сословно-поземельной комиссіи".

сэ. Этѣмъ, съ цѣлью ознакомленія съ условіями быта населенія, комиссія въ полномъ составѣ предприняла поѣздку въ разныя части Пицундскаго округа, что дало возможность выработать подробную программу занятій по сословно-поземельному вопросу.

Въ 1869 году комиссія представила сводъ данныхъ о сослово-поземельныхъ правахъ наделенія Абхазіи и Самурзакани, а также свои соображенія по прекращенію личной зависимости низшихъ сословій отъ высшихъ и относительно устройства населенія.

Труды комиссіи послужили матеріаломъ для разрѣшенія крестьянскаго вопроса въ Абхазіи и Самурзакани.

Мы уже знаемъ, что каждая абхазская и самурзаканская община (акыта) состояла изъ ахалапшюю—покровителей и хипши—покровительствуемыхъ. Первые изъ нихъ подраздѣлялись на двѣ степени: *тавады и амиста* (въ Самурзакани—*жноскуа*) и они составляли высшій классъ населенія. Чѣмъ сильнѣе, многочисленнѣе была община, тѣмъ легче покровитель могъ исполнять лежавшія на немъ обязанности. Обязанности же эти главнымъ образомъ заключались: въ огражденіи безопасности общины отъ набѣговъ сосѣднихъ племенъ, въ преслѣдованіи непріятеля съ цѣлью возвратить награбленное, въ набѣгахъ во внутрь непріятельскихъ земель въ видахъ кровомщенія, въ доставленіи удовлетворенія по дѣламъ кровомщенія; въ этомъ случаѣ покровитель долженъ былъ мстить за кровь покровительствуемыхъ, или же содѣйствовать къ окончанію кровомщенія примиреніемъ враждующихъ; наконецъ покровитель ограждалъ неприкосновенность принадлежавшихъ общинѣ имущества и содѣйствовалъ къ отысканію украденнаго; это послѣднее было дѣломъ большой важности въ виду сильно развитаго воровства и преимущественно покражи скота.

Покровительствуемые классы Абхазіи и Самурзакани дѣлились также на степени.

Сословіе *анхае* въ Абхазіи, называвшееся въ Самурзакани *піошъ*, составляло какъ по численности, такъ и по своимъ отношеніямъ основаніе населенія страны, главную силу и сущность покровительствуемаго элемента каждой общины. *Ахуйю* въ Абхазіи (*дельмахоре* въ Самурзакани) составляли низшій классъ въ ряду условно-зависимыхъ сословій. Переходную степень изъ этого низшаго класса въ анхае (піоши) составляли *амацюрагу* въ Абхазіи, *мойнале* въ Самурзакани. Самый низшій классъ населенія, сословіе безусловно зависимое, составляли *ахашала*—рабы.

Къ покровительствуемому элементу населенія принадлежали также *шинакма*, стоявшіе выше сословія анхае, но составлявшіе по своимъ отношеніямъ классъ почти тождественный съ этимъ послѣднимъ. Впрочемъ, многіе шинакма заявляли о большей близости своей къ сословію амиста.

Наконецъ, нужно указать еще на особое сословіе *азитовъ*, т. е. уволенныхъ изъ другихъ сословій, не отбывавшихъ никакихъ повинностей. Классъ этотъ первоначально образовался изъ ахашала и ахуйю, увольнявшихся владѣльцами изъ-за религіозныхъ побужденій „ради спасенія души". На увольнявшагося или на его сына въ періодъ усиленнаго распространенія ислама возлагалась одна только обязанность—выучиться турецкому языку и читать извѣстныя молитвы изъ корана по умершимъ.

Съ утвержденіемъ русскаго управленія въ классъ азатовъ стали поступать всѣ вообще освободившіеся изъ низшихъ сословій [1]).

Права и обязанности каждаго изъ сословій Абхазіи и Самурзакани были точно опредѣлены обычаями. Главная обя-

[1]) Архивъ комиссіи для окончанія сословно-поземельныхъ дѣлъ въ частяхъ военно-народнаго управленія. Дѣло 1868 г., № 40, ч. 1-я Записка „О сословно-поземельныхъ отношеніяхъ въ Абхазіи и Самурзакани", представленная Великимъ княземъ военному министру отъ 15 августа 1870 г., № 4059.

занность всѣхъ членовъ союза заключалась въ исполненіи военной повинности; каждый долженъ былъ въ случаѣ налобности явиться съ оружіемъ для защиты общей безопасности и дѣйствовать противъ общихъ враговъ.

Затѣмъ всѣ остальныя повинности, отбывавшіяся зависимыми членами общины, не только различались по сословіямъ, но и въ каждомъ сословіи представляли замѣтныя подраздѣленія. При всемъ, однако, разнообразіи повинностей, нормы ихъ для каждаго дыма были постоянны и не могли подлежать произвольному измѣненію: патронъ не могъ по своему произволу увеличить, зависящій уменьшить лежавшія на дымѣ повинности. Измѣненія въ повинностяхъ могли производится только вслѣдствіе извѣстныхъ, опредѣленныхъ обычаями, причинъ. Строго охранялись обычаемъ также сословныя, личныя и имущественныя права жителей.

Разсмотримъ въ чемъ заключались эти права. Сословіе ахашала не имѣло личныхъ правъ, пользовалось лишь въ ограниченномъ размѣрѣ имущественными и поземельными правами. Они проживали въ домахъ владѣльцевъ, которые распоряжались ихъ трудомъ; владѣлецъ могъ по своему произволу продать, передать или другимъ способомъ отчуждать подвластнаго ахашала. Семейственныя права ахашала могли пріобрѣсти только при переходѣ въ сословіе ахуйю (дельмахоре). Дозволивъ ахашала вступить въ бракъ, владѣлецъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязывался поселить его уже въ качествѣ ахуйю (дельмахоре) отдѣльнымъ дымомъ, для чего и предоставлялъ ему въ частную собственность также опредѣленное обычаемъ количество земли и надѣлялъ его необходимыми предметами хозяйства.

Число ахашала къ 1870 году простиралось до 1300 дымовъ обоего пола; по принадлежности ахашала лицамъ разныхъ сословій считалось: принадлежавшихъ привилегированнымъ

сословіямъ 23%, принадлежавшихъ анхае (піошамъ) 75 % и прочимъ условно-зависимымъ сословіямъ—остальные 2%.

Классъ ахашала образовался или чрезъ обращеніе плѣнныхъ въ это сословіе, или чрезъ куплю рабовъ въ другихъ странахъ, или чрезъ закабаленіе лицъ другихъ сословій. Въ періодъ съ 1852 по 1868 годъ, по свѣдѣніямъ собраннымъ Сухумскою сословно-поземельною комиссіей, цѣны на каждаго ахашала колебались въ предѣлахъ отъ 14 до 500 руб.

Ахуйю (дельмахоре) составляли низшій разрядъ собственниковъ; они жили отдѣльными хозяйствами и пользовались правами личными и имущественными. Число ихъ простиралось до 8 тысячъ душъ обоего пола или до 1550 дымовъ, изъ которыхъ до 1120 дымовъ ахуйю и до 430 дельмахоре. Сословіе это образовалось изъ ахашала, получившихъ отъ владѣтелей семейственныя права, обращеніемъ въ этотъ классъ плѣнныхъ, закабаленіемъ ихъ изъ другихъ сословій.

Ахую (дельмахоре) отбывали повинности: работой, отдачей въ услуженіе въ домъ владѣльца мальчиковъ или дѣвочекъ, взносомъ ачмы (*харджъ*) т. е. платы владѣльцу при выходѣ дѣвицъ замужъ и наконецъ въ исполненіи незначительныхъ приношеній продуктами хозяйства. Всѣ повинности отбывались подымно [1]).

Повинность работой исполнялась три дня въ недѣлю или однимъ работникомъ отъ дыма, если тамъ не было болѣе одного способнаго къ труду, въ противномъ случаѣ тремя работниками, при чемъ они выходили на работы со своимъ скотомъ и земледѣльческими орудіями. Во время исполненія работъ рабочіе продовольствовались на счетъ владѣльца. Три дня работы составляли наивысшую норму повинности и то лишь въ извѣстные періоды полевыхъ работъ. Владѣлецъ имѣлъ право привлекать ахуйю взамѣнъ полевыхъ

1) Тамъ же.

работъ къ исполненію и другихъ, напримѣръ по домашнему хозяйству; такая замѣна не опредѣлялась нормой, а установилась также обычаемъ довольно разнообразно у разныхъ владѣльцевъ.

Каждый ахуйю (дельмахоре) обязывался давать владѣльцу по одному мальчику или дѣвочкѣ. Иногда услуги мальчика замѣнялись услугами взрослыхъ, иногда мальчики отдавались въ услуженіе только подъ условіемъ освобожденія отца его отъ полевыхъ работъ. Прислуживаніе дѣвицъ было болѣе развито въ Абхазіи чѣмъ въ Самурзакани; находившіяся въ услуженіи дѣвочки кормились и одѣвались на счетъ владѣльца и оставались у него только до своего замужества которому владѣлецъ помѣшать былъ не въ правѣ. Вообще на женщинахъ этого сословія лежала повинность приготовленія гоми и кукурузы для стола владѣльца, при чемъ у нѣкоторыхъ владѣльцевъ эта послѣдняя обязанность возлагалась на женщинъ и для рабочихъ собранныхъ на полевыя работы. При выходѣ замужъ дѣвицъ этого сословія вносилась помѣщику ачма (харджъ), повинность представлявшая много частныхъ видоизмѣненій и мѣстами вовсе несуществовавшая. Повинность состояла изъ опредѣленнаго числа коровъ и денегъ; но и помѣщикъ въ свою очередь былъ обязанъ обратной ачмою, т. е. помощью тому изъ ахуйю (дельмахоре), который покупалъ для себя невѣсту. Размѣръ ачмы представлялъ множество различій: отъ 10 коровъ и 10 рублей до 3 коровъ и 3 рублей. Обратная ачма равнялась половинѣ этого количества. Харджъ въ Самурзакани обыкновенно давался въ предѣлахъ отъ 5 коровъ и 50 рублей до 1 коровы и 10 рублей. Съ уплатой ачмы (харджа) за дѣвицу прекращалась ея зависимость отъ владѣльца.

Приношеніе продуктами хозяйства практиковалось въ Абхазіи и преимущественно въ Гудаутскомъ участкѣ, въ Самурзакани повинность эта вовсе не отбывалась. Эти приношенія имѣли условный характеръ, такъ какъ много зави-

сѣло отъ того, насколько самъ владѣлецъ помогалъ ахуйю въ устройствѣ его хозяйства и насколько охранялъ или нарушалъ его обычныя права. Вообще вся зависимость даннаго дыма ахуйю (дельмахоре) выражалась совокупностью отбываемыхъ имъ въ пользу владѣльца повинностей, которыя, однако, были строго опредѣлены обычаемъ и носили характеръ постоянный, при томъ владѣльцу принадлежали только повинности дыма, но не самый дымъ, не самые люди, его составлявшіе, которые не принадлежали владѣльцу, а лишь находились въ зависимости въ смыслѣ обязательнаго отбыванія повинностей. Нужно указать еще на то обстоятельство, что ахуйю (дальмахоре) являлся зависимымъ отъ владѣльца лишь во время исполненія работъ, въ остальное время онъ былъ совершенно свободенъ; за ахуйю признавалось также право на земли: обычай не допускалъ не только продажи владѣльцами ахуйю, но и передачи другому лицу отбываемыхъ ими повинностей. Выкупная плата, которую ахуйю взносилъ за освобожденіе отъ повинностей, зависѣла не столько отъ того, что дымъ ахуйю *долженъ былъ* дать, а болѣе отъ того— сколько онъ *могъ дать*; на практикѣ цѣна эта колебалась между 100 и 300 рублями [1]).

Къ сословію амацюрасгу въ Абхазіи, мойнале въ Самурзакани принадлежали дымы, жившіе отдѣльными хозяйствами и обязанные или поставлять владѣльцу по одному работнику, который жилъ 5 или 6 дней въ недѣлю, или же, въ случаѣ нахожденія въ дымѣ только одного работника, онъ выходилъ на работу отъ 2-хъ до 3-хъ дней въ недѣлю. Кромѣ того амацюрасгу (мойнале) отбывали нѣкоторыя добавочныя повинности приношеніями продуктовъ домашняго хозяйства. Сословіе это образовалось изъ сословія дельмахоре (ахуйю), при чемъ изъ 1300 душъ (250 дымовъ), составлявшихъ всю численность этого сословія, 82 % принадлежали къ самурза-

1) Тамъ же.

ка нскимъ мойнале и лишь 18 % къ абхазскимъ амацюрасгу.

Анхае въ Абхазіи и піоши въ Самурзакани составляли главную силу покровительствуемаго элемента каждой общины; сословіе это защищало и оберегало ея интересы, охраняло обычаи. Числительность сословія простиралась до 47 тыс. душъ обоего пола (9 тысячъ дымовъ). Съ понятіемъ анхае (піоша) соединялось представленіе о человѣкѣ свободномъ, пользующемся вполнѣ своими личными и имущественными правами. Повинности этого сословія образовались изъ добровольныхъ приношеній или услугъ; одни изъ анхае (піошей) не отбывали никакихъ повинностей за исключеніемъ почетной службы или выхода на работу по приглашенію владѣльца въ теченіе нѣсколькихъ дней въ году; другіе же при исполненіи почетной службы или работы обязаны были нести особый родъ повинности, извѣстной въ Абхазіи подъ именемъ ***ажидзъ***, *а* въ Самурзакани—***сазыръ*** и состоящей изъ приношеній продуктовъ хозяйства. Ажидзомъ въ Абхазіи называлась также плата вносимая въ пользу лицъ привилегированныхъ фамилій за покровительство и за защиту стада на пастбищахъ. Вообще же вся совокупность повинностей анхае (піошей) заключалась: въ доставленіи владѣльцу въ извѣстное время года козы, барана, вина, кукурузы, въ отбываніи полевой работы въ теченіе нѣсколькихъ дней въ году, содерженіе и кормленіе лошадей владѣльца, взносъ въ пользу этого послѣдняго ***ахшбыра***—платы при выходѣ дѣвицы замужъ; исполненіе почетной службы [1]). Напримѣръ, въ Самурзакани, въ праздничные дни, во время такъ называемаго ***шерки*** (шеркою у самурзаканцевъ назывался день, который назначался для поминовенія усопшихъ; въ этотъ день пиршество сопровождалось плачемъ, конскими скачками—***маруле***), свадьбы, при исполненіи даннаго Богу обѣта (это называлось ***сагто или сагоронто***

[1]) Тамъ же.

—веселіемъ)—піоши, сверхъ опредѣленныхъ повинностей, и въ доказательство благодарности своему помѣщику, приносили *мосакитхи*; это приношеніе состояло изъ бедра съ ребромъ зарѣзаннаго животнаго, одного батмана вина. Помѣщикъ во всякое время могъ отправится съ своимъ семействомъ на кормленіе къ піошу; этотъ обычай назывался у самурзаканцевъ *самедзело или мачкамуріи*. Если помѣщикъ по какому либо случаю подвергался мести за кровь и убійство, то піоши этого помѣщика вносили изъ собственныхъ средствъ плату отъ 10 до 30 рублей [1]).

Вообще отбываніе со стороны извѣстнаго дыма анхае (піошей) тѣхъ или другихъ повинностей обусловливалось установившимися между нимъ и владѣльцемъ отношеніями и совершалось какъ бы въ силу заключеннаго между ними договора, нарушать который не дозволялось обычаемъ ни той, ни другой сторонѣ. Въ случаѣ возникновенія какихъ либо недоразумѣній и споровъ между зависимымъ и владѣльцемъ, прибѣгали къ посредничеству извѣстныхъ почетныхъ лицъ и даже самихъ общинъ; но если нарушенное право и затѣмъ не возстановлялось, то зависимый могъ протестовать прекращеніемъ отбыванія повинностей, при чемъ не только самъ, но и всѣ его однофамильцы могли переселиться въ другую общину. Вообще анхае (піошъ), какъ свободный человѣкъ, имѣлъ право перемѣнить мѣстожительство. Такая свобода перехода съ одного мѣстожительства на другое и составляла силу, которая ограждала права этого сословія. Только съ удаленіемъ владѣтеля Абхазіи администрація, желая прекратить бродяжничество, запрещала подобныя переселенія [2]).

---

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1866 г., № 16, связка 13. Записка князей и дворянъ Самурзакани начальнику округа маіору Кишельскому отъ 3 марта 1865 года.

[2]) Архивъ комиссіи для окончанія сословно-поземельныхъ дѣлъ въ частяхъ военно-народнаго управленія. Дѣло 1868 г., № 40, ч. 1-я. Записка „О сословно-поземельныхъ отношеніяхъ въ Абхазіи и Самурзакани", представленная Великимъ княземъ военному министру отъ 15 августа 1870 г., № 4059.

Обратимся теперь къ поземельному вопросу Абхазіи и Самурзакани. Обычай установилъ для всѣхъ сословій почти одинаковыя поземельныя права. По понятіямъ абхазцевъ и самурзаканцевъ невоздѣланная земля не могла быть предметомъ чьей либо частной собственности и только приложивъ къ землѣ трудъ она поступала въ частное, исключительное владѣніе. Главнымъ способомъ пріобрѣтенія земель въ частное владѣніе для всѣхъ безъ исключенія сословій служила безпрепятственная расчистка никѣмъ исключительно не занятыхъ земель, безъ разрѣшенія на то кого бы то ни было изъ лицъ высшихъ сословій. Второстепенными способами служили: наслѣдованіе и покупка земель отъ лицъ получившихъ эти земли по обычному праву въ частное владѣніе. Право частной собственности зависимыхъ сословій на расчищенныя земли доказывалось: показаніями лицъ изъ сословія анхае (піошей), въ зависимости которыхъ находились подвластные пользовавшіеся расчищенными землями; показаніями тавадовъ и амиста; передачей земель по наслѣдству въ восходящія, нисходящія и боковыя линіи; продажею или вообще другого рода отчужденіемъ земель.

Безпрепятственность расчистки ограничивалась лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ; напримѣръ, расчистка не допускалась въ нѣкоторыхъ заповѣдныхъ лѣсныхъ участкахъ, необходимыхъ для всѣхъ жителей общины и въ мѣстахъ занятыхъ подъ *абтра*—зимовники.

Какъ анхае, такъ и ахуйю безспорно наслѣдовали въ нисходящихъ линіяхъ; затѣмъ анхае могли еще наслѣдовать въ болѣе отдаленныхъ боковыхъ степеняхъ родства какъ въ одной общинѣ, такъ и въ другихъ, но при условіи признанія покровителемъ одного лица. Право наслѣдованія ахуйю въ боковыхъ линіяхъ ограничивалось ближайшими степенями родства и то при зависимости ихъ отъ одного и того же владѣльца, такъ что иногда даже и родные братья

не наслѣдовали другъ друга, если находились въ зависимости разныхъ лицъ. Въ такомъ случаѣ пріобрѣталъ право въ наслѣдованіи послѣ ахуйю владѣлецъ, но въ свою очередь и это право ослаблялось установленнымъ для всѣхъ безъ исключенія сословій обычаемъ передачи имущества по усыновленію.

Продажа земель совершалась свободно лицами всѣхъ сословій, а чаще всего между жителями одной общины. Всѣми землями, не состоявшими въ частномъ владѣніи, могли пользоваться жители общины безпрепятственно для пастьбы скота, для устройства зимовниковъ, для рубки дровяныхъ и строительныхъ матеріаловъ въ лѣсахъ.

Такимъ образомъ зависимость низшихъ сословій Абхазіи и Самурзакани была личная, но не поземельная; личная зависимость проявлялась въ весьма своеобразномъ видѣ: она подраздѣлялась на зависимость *безусловную*, въ которой состояли ахашала и *условную*, въ которой находились всѣ другія зависимыя сословія. Условная личная зависимость прежде всего характеризовалась тѣмъ, что она отбывалась *подымно*, но не отдѣльно каждымъ лицомъ, входящимъ въ составъ дыма, и что она представляла нѣсколько степеней, при чемъ наивысшая степень зависимости, въ которой состояла главная масса населенія, сословіе анхае (піошъ), а также шинакма, имѣла собственно административный характеръ.

Даже безусловная зависимость ахашала — ограничивалась обычнымъ строемъ народной жизни въ смыслѣ облегченія ихъ положенія и возможности перехода къ условной зависимости. Только ахашала не могъ располагать по своему усмотрѣнію трудомъ, только для нихъ установились ограниченія въ поземельномъ пользованіи. Зависимость всѣхъ остальныхъ сословій выражалась точно опредѣленной нормой повинностей и не имѣла никакой связи съ поземельными отношеніями.

То же самое относилось и къ высшимъ сословіямъ; мож-

но сказать, что въ Абхазіи и Самурзакани всѣ сословія являлись равноправными, съ нѣкоторыми незначительными преимуществами высшаго класса въ распоряженіи общественными землями; эти преимущества естественно вытекали изъ первенствующаго положенія тавадовъ и амистовъ среди своихъ общинъ.

Удаленіе владѣтеля въ 1864 году и переходъ Абхазіи подъ непосредственное русское управленіе произвели большой переворотъ въ жизни народа: много обычныхъ учрежденій страны были отмѣнены; другія измѣнили характеръ; это неизбѣжно отразилось также на характеръ, значеніе и зависимость низшихъ сословій. Одни изъ повинностей должны были вовсе уничтожиться, какъ напримѣръ, столь тяжелая прежде общая военная повинность, другія существенно видоизмѣниться подъ вліяніемъ правительственныхъ мѣръ [1]).

Такой взглядъ на сословно-поземельныя отношенія, выясненный комиссіей путемъ самаго подробнаго и тщательнаго изученія, положенъ былъ въ основу проекта сословно-поземельной реформы съ Сухумскомъ отдѣлѣ. Всѣ соображенія комиссіи Великимъ княземъ были переданы на обсужденіе Комитета по освобожденію зависимыхъ сословій въ горскихъ племенахъ Кавказа.

Комитетъ,*) обсудивъ выводы и изслѣдованія Сухумской комиссіи, и послѣ провѣрки ихъ опросомъ вызванныхъ въ Тифлисъ депутатовъ отъ населенія Абхазіи и Самурзакани, выработалъ окончательные проекты основныхъ положеній по прекращенію личной зависимости и по поземельному устройству въ Сухумскомъ отдѣлѣ.

---

1) Тамъ же. Журналъ Сухумской сословно-поземельной комиссіи отъ 27 октября 1869 г., № 64.

*) *Примѣчаніе*: Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ кн. Святополкъ-Мирскаго, состоялъ изъ членовъ: сенаторовъ тайнаго совѣтника кн. Багратіонъ-Мухранскаго, Старицкаго, г.-м. Понсэ, Старосельскаго, кн. Туманова и полковника графа Кутайсова. Въ засѣданія приглашались предсѣдатель Сухумской поземельной комиссіи полковникъ Краевичъ и другія лица.

Абхазскіе и самурзаканскіе депутаты высшаго сословія [1]) въ Тифлисѣ заявили претензіи на принадлежность имъ на помѣстномъ правѣ всѣхъ земель, лежавшихъ въ районѣ ихъ родоваго владѣнія и отрицали право собственности на эти земли лицъ низшихъ сословій. Такія притязанія, однако, противорѣчили вѣковому обычному порядку землевладѣнія въ Абхазіи и Самурзакани и объяснялись преимущественно сосѣдствомъ этихъ странъ съ Имеретіею, гдѣ за высшими сословіями уже было признано помѣстное право на земли; нужно сказать, что почва подобныхъ притязаній подготовлялась подъ вліяніемъ русскихъ и сходственныхъ съ нимъ грузинскихъ взглядовъ на между-сословныя отношенія, при чемъ проводникомъ такихъ взглядовъ въ туземное населеніе являлось само мѣстное начальство какъ по малому вообще знакомству съ дѣйствительнымъ бытомъ населенія, такъ и потому, что при тревожномъ положеніи страны и при борьбѣ двухъ вліяній на общественный строй населенія: одного—горско-черкесскаго, а другого-грузинскаго, правительственныя власти естественно сочувствовали этому послѣднему [1]).

Мы уже знаемъ, что точно такія же притязанія до рѣшенія поземельнаго вопроса являлись и въ Большой Кабардѣ, въ которой существовали тѣ же обычныя поземельныя отношенія, какія обнаружились изслѣдованіями Сухумской комиссіи въ Абхазіи и Самурзакани. Въ Большой Кабардѣ пользованіе землею было также одинаково свободно для всѣхъ сословій и зависимость низшихъ не обусловливалась поземельными отношеніями, а проистекала изъ характера отношеній личныхъ; такъ называемые аульные владѣльцы тамъ совершенно соотвѣтствовали абхазскимъ ахалапшюю (покровителямъ); тамъ также подъ вліяніемъ русскихъ взгля-

1) *Примѣчаніе*: Депутатами отъ высшаго сословія были: тавады Бата Эмухвари, Мисоустъ Маршани, Константинъ Иналъ-ипа и поручикъ Тито Маргани.

[1]) Тамъ же. Отношеніе Великаго князя военному министру отъ 15 августа 1870 г., № 4058.

довъ вліятельные кабардинскіе князья и уздени пытались не только самостоятельно распоряжаться общественными землями, но даже и продавали ихъ; тѣмъ не менѣе всѣ они впослѣдствіи торжественно отказались отъ своихъ притязаній, заявивъ свой отказъ особыми актами. Только впослѣдствіи правительство, по своему усмотрѣнію, выдѣлило изъ общественныхъ земель особые участки въ частную собственность почетнымъ кабардинцамъ, какъ вознагражданіе за отошедшія отъ нихъ права надъ народомъ. Подобнымъ же образомъ въ Абхазіи, а еще болѣе въ Самурзакани, по мѣрѣ ознакомленія мѣстныхъ общинныхъ покровителей съ русскими взглядами на поземельную собственность, въ особенности же со времени рѣшенія крестьянскаго вопроса въ Мингреліи и офиціальнаго признанія правительствомъ за высшими сословіями этой послѣдней помѣстнаго права на земли, появились притязанія на земельные участки какъ состоявшихъ, такъ и не состоявшихъ въ чьемъ либо пользованіи [1]).

Всѣ подобныя притязанія абхазскихъ и самурзаканскихъ высшихъ сословій комитетъ отвергнулъ, такъ какъ имѣвшіеся труды Сухумской комиссіи, а также опроверженія спрошенныхъ въ засѣданіяхъ депутатовъ отъ низшихъ сословій ясно установили полное несходство и различіе строя общественной жизни населенія по обѣ стороны Ингура.

Комитетъ совершено не согласился также съ тѣми основаніями, какія выразили депутаты въ особо поданной ими запискѣ о сословныхъ и поземельныхъ ихъ правахъ. Эта записка представляетъ большой историческій интересъ, потому укажемъ, какъ желало разрѣшить крестьянскую реформу абхазское дворянство. Сущность заявленій депутатовъ о внутреннемъ устройствѣ Абхазіи и сословныхъ отношеній населенія заключалась въ слѣдующемъ:

---

[1]) Тамъ же.

Во главѣ абхазскаго народа стоялъ владѣтель изъ фамиліи стариннаго грузинскаго рода Шервашидзе; владѣтель, какъ и всѣ грузинскіе мтавари, сдѣлавшіеся послѣ раздѣленія грузинскаго царства самостоятельными, соединялъ политическую и гражданскую власть надъ всѣмъ абхазскимъ народомъ, не исключая князей и дворянъ, и власть помѣщичью на всѣ населенныя имѣнія не принадлежавшія остальнымъ князьямъ и дворянамъ. Одною степенью ниже владѣтеля стояли князья удѣльные, т.-е. тѣ изъ князей Шервашидзе, которымъ были пожалованы владѣтелями особыя помѣстья. Эти удѣльные князья, подобно грузинскимъ, пользовались въ предѣлахъ своего удѣла тѣми политическими, гражданскими и помѣщичьими правами, какія имѣлъ самъ владѣтель по отношенію непосредственно управляемой имъ части Абхазіи. Связь удѣльныхъ князей съ владѣтелемъ заключалась только въ томъ, что они были обязаны уважать и слушаться его какъ своего старшаго брата и помогать въ войнѣ.

Князья и дворяне по сословнымъ своимъ правамъ мало отличались; это различіе выражалось, какъ въ Грузіи, тѣмъ, что за кровь князя платилось больше чѣмъ за кровь дворянина и что князья имѣли право владѣть, такъ называемыми, княжескими дворянами, а дворяне могли владѣть только крестьянами и рабами. И тѣ и другіе владѣли на правѣ полной собственности крестьянами (по-абхазски—анхае, по-грузински—глехи), пахотными землями и другими угодьями [1]).

Объ отношеніяхъ къ абхазскимъ низшимъ сословіямъ депутаты заявили, что со времени введенія русскаго управленія въ Абхазіи и въ особенности со времени учрежденія Сухумской сословно-поземельной комиссіи крестьяне начали предъявлять претензіи на принадлежность имъ помѣщичьихъ

1) Архивъ комиссіи для окончанія сословно-поземельныхъ дѣлъ въ частяхъ военно-народнаго управленія. Дѣло 1866 г., № 31, ч. 2-я. Докладная записка депутатовъ абхазскаго и самурзаканскаго дворянства отъ 23 марта 1870 года.

земель, мотивируя это тѣмъ, что они поселились на землѣ прежде, а помѣщики, пользуясь только силой, захватили крестьянскія земли.

„Но такое показаніе крестьянъ,—писали депутаты,—не можетъ имѣть никакого значенія уже потому, что и въ цѣломъ свѣтѣ сначала были только всѣ крестьяне или свободные люди, а помѣщики появились позже. Какимъ бы образомъ помѣщики не образовались и когда бы они не появлялись, крестьяне не могутъ отвергать фактъ существованія помѣщиковъ въ Абхазіи съ незапамятныхъ временъ со всѣми тѣми правами, какія существуютъ и теперь. Если тотъ фактъ былъ въ началѣ результатомъ насилія, то онъ и въ другихъ странахъ былъ насиліемъ, и насиліе это историческою давностью обратилось въ право, которое было признано правительствомъ не только въ Грузіи, гдѣ, какъ и въ Абхазіи, оно существовало еще до Рождества Христова, но даже и въ Россіи, гдѣ крѣпостное право появилось гораздо позже.

Такимъ образомъ помѣщичье право владѣнія крестьянами и землею, искони вѣковъ установившееся и признанное правительствомъ въ остальныхъ частяхъ имперіи, не можетъ быть по справедливости отвергнуто въ Абхазіи".

Депутаты утверждали, что крестьяне въ Абхазіи никогда прежде не были свободными, что они вполнѣ принадлежали помѣщикамъ, который имѣлъ право продать ихъ съ землею или на выводъ безъ земли; что при убійствѣ крестьянина половина платы за кровь отдавалась помѣщику; дочь крестьянина при выходѣ замужъ должна была платить помѣщику выводную плату (по-абхазски—*ахшбыръ*; по-грузински *каламани*); крестьянину наслѣдовать могъ только его сынъ или родной братъ; если же крестьянинъ не имѣлъ сыновей, то все его имущество отбиралось въ пользу помѣщика по выморочному праву, а дочери такого крестьянина поступали къ помѣщику въ качествѣ прислуги.

По заявленію депутатовъ барщина и оброкъ абхазскихъ и самурзаканскихъ крестьянъ ничѣмъ не отличались отъ таковыхъ же повинностей сосѣдней Мингреліи, но что вслѣдствіе постоянныхъ войнъ, междоусобій, а также подъ вліяніемъ турокъ, покровительствовавшихъ плѣннопродавству, въ Абхазіи образовался особый классъ безправныхъ рабовъ, извѣстныхъ въ Мингреліи и Имеретіи подъ именемъ моджалабовъ, а въ Абхазіи подъ общимъ названіемъ *агырва*.

Обыкновенно военноплѣнные, если они не выкупались, то обращались въ рабство и тогда они оставались холостыми, перепродаваясь отъ одного владѣльца къ другому, служили размѣнной монетой и носили названіе *ахашала*, что въ переводѣ означало „одна голова холостая". Этихъ ахашала могли покупать и помѣщики, и крестьяне и на нихъ не смотрѣли какъ на людей. Съ введеніемъ русскаго управленія прекратилось плѣннопродавство и классъ ахашала значительно сократился въ числительности. Уменьшенію ихъ числа способствовало также то, что помѣщики находили болѣе выгоды для себя женить своихъ рабовъ и разселять ихъ на своихъ земляхъ съ предоставленіемъ имъ права выкупиться въ крестьяне; эти женатые и поселенные на господской землѣ рабы получали названіе ахуйю, тоже что моджалабы въ Мингреліи. Чѣмъ богаче былъ ахуйю, тѣмъ скорѣе могъ выкупиться отъ помѣщика, если же онъ вносилъ нѣкоторую часть выкупной платы, то пріобрѣталъ нѣсколько больше правъ и уже назывался въ Абхазіи— амацюрасгу, въ Самурзакани— мойнале. Права и обязанности этого высшаго разряда рабовъ у разныхъ помѣщиковъ были не одинаковыя.

Депутаты объясняли, что многіе безземельные князья и дворяне проживали въ чужихъ имѣніяхъ въ качествѣ гостей, по-абхбзски — *ассасъ*, равнозначащее грузинскимъ хизанамъ; что такіе хизаны изъ крестьянъ были разселены также почти во всѣхъ помѣщичьихъ деревняхъ. Привлеченіе хизановъ на

свою землю было выгодно помѣщикамъ, такъ какъ, при крайне безпокойной жизни народа, мѣстная административная власть не обезпечивала личныхъ и имущественныхъ правъ и каждый долженъ былъ самъ защищать жизнь и имущество свое. Потому часто помѣщики съ цѣлью заселенія своихъ имѣній отдавали земли хизанамъ безъ всякаго вознагражденія.

Давъ такія разъясненія сословно-поземельныхъ отношеній, депутаты указывали, что строй народной жизни Абхазіи и Самурзакани отличался отъ мингрельской только нѣкоторыми незначительными мѣстными особенностями и потому разсчитывали, что правительство при разрѣшеніи крестьянской реформы не исключитъ ихъ изъ общей семьи грузинскихъ народностей, которымъ были предоставлены важныя преимущества и выгоды [1]).

Нельзя, конечно, отрицать, что въ запискѣ депутатовъ освѣщеніе сословныхъ и поземельныхъ отношеній носило нѣсколько односторонній характеръ въ смыслѣ выгоды высшему сословію, но труды комиссіи генерала Понсэ и Сухумской сословно-поземельной, всестороннее обсужденіе затѣмъ всего дѣла въ Комитетѣ давали обширный матеріалъ для безобиднаго разрѣшенія крестьянской реформы для всѣхъ заинтересованныхъ сословій Абхазіи и Самурзакани. Въ составленномъ Комитетомъ проектѣ въ предѣлахъ возможности согласованы эти разнородныя желанія сторонъ.

Великій князь одобрилъ проектированныя Комитетомъ основанія поземельной реформы, по которымъ за всѣми жителями Сухумскаго отдѣла утверждались на правѣ полной собственности усадебныя, пахотныя и воздѣланныя садовыя земли, составлявшія по мѣстному народному обычаю частную собственность каждаго лица или дыма; остальныя же земли передавались въ распоряженіе правительства, при чемъ

1) Тамъ же.

изъ нихъ отводилось извѣстное количество для удовлетворенія потребностей каждой общины, надѣлялись особыми поземельными участками привилегированныя фамиліи на каждый дворъ взамѣнъ принадлежавшимъ этимъ фамиліямъ нѣкоторыхъ преимуществъ въ пользованіи свободными землями, а главное для обезпеченія первенствующаго положенія ихъ въ странѣ; наконецъ, свободными землями надѣлялись тѣ изъ освобождаемыхъ, которые не были обезпечены собственнымъ хозяйствомъ [1]).

Что касается основаній по прекращенію личной зависимости населенія Абхазіи и Самурзакани, то, въ силу территоріальныхъ и экономическихъ условій и для поддержанія общественнаго значенія абхазско-самузарканскихъ владѣльцевъ, Великій князь находилъ необходимымъ совершить это прекращеніе при полномъ возмѣщеніи тѣхъ потерь, которыя должны были понести владѣльцы съ освобожденіемъ ихъ зависимыхъ.

При всестороннемъ обсужденіи вопроса о вознагражденіи, Великій князь одобрилъ предложенный Комитетомъ способъ, который заключался въ томъ, чтобы зависимость сословій ахуйю, амацюрасгу и анхае выкупалась по капитализаціи стоимости повинностей изъ 10 %, вмѣсто принятыхъ въ подобныхъ операціяхъ въ другихъ частяхъ Закавказскаго края капитализаціи изъ 6 %; при этомъ предполагалось капитализированную изъ 10 % сумму реализованныхъ повинностей погасить въ $^2/_5$ частяхъ самими освобождающимся, а $^3/_5$—выдачею владѣльцамъ изъ казны; при желаніи освобождаемые могли погасить причитающуюся съ нихъ часть суммы отбываніемъ повинностей натурою въ теченіе 4-хъ лѣтъ. Что касается до зависимыхъ сословій ахашала, ближе другихъ под-

1) Архивъ комиссіи для окончанія сословно-поземельныхъ дѣлъ въ частяхъ военно-народнаго управленія. Дѣло 1868 г., № 40, ч. 1-я. Отношеніе Великаго князя военному министру отъ 15 августа 1870 г., № 4059.

ходившихъ по значенію для хозяйства владѣльцевъ къ сословію дворовыхъ людей, то за каждаго изъ нихъ положено выдать вознагражденіе по 50 руб. съ тѣмъ, однако, чтобы ахашала оставался въ обязательныхъ отношеніяхъ вмѣсто двухъ четыре года. При такой системѣ выкупа требовалось пособія отъ казны въ 400 тысячъ рублей.

Указанный способъ возмѣщенія потерь могъ обезпечить экономическое положеніе высшихъ сословій, вслѣдствіе чего они сохраняли первенствующее общественное положеніе; не обременялъ и самихъ освобожденныхъ несоразмѣрнымъ съ ихъ средствами выкупомъ, а правительство пріобрѣтало въ нихъ самостоятельныхъ и обезпеченныхъ въ поземельномъ отношеніи хозяевъ, способныхъ къ отбыванію государственныхъ повинностей; наконецъ и самая сумма, подлежавшая къ выдачѣ отъ казны, не была значительная, принимая во вниманіе важность и значеніе реформы для общихъ правительственныхъ цѣлей [1]).

Великій князь, опасаясь, что въ разрѣшеніи просимой къ ассигнованію отъ казны суммы въ 400 тысячъ рублей могло встрѣтиться затрудненіе, писалъ генералъ-адъютанту Милютину: „Выдачѣ просимаго пособія я придаю такое значеніе, что безъ нея, полагаю, невозможнымъ и приступить къ самому осуществленію сословно-поземельной реформы на предположенныхъ въ проектѣ основаніяхъ; а потому, прося убѣдительно ваше высокопревосходительство оказать настоящему ходатайству моему благосклонное сочувствіе и возможно энергическую поддержку, я вмѣстѣ съ тѣмъ прошу, чтобы въ такомъ случаѣ, если ходатайство это по какимъ либо причинамъ не могло быть уважено, самый проектъ препровожденный мною не былъ утвержденъ, а возвращенъ мнѣ для измѣненія упомянутыхъ въ немъ основаній. Нахожу это необходимымъ,

1) Тамъ же.

несмотря на полное сознаніе мною многихъ существенныхъ неудобствъ, которыя произойдутъ какъ отъ возложенія на зависимыя сословія, особенно низшихъ разрядовъ, тягостей большихъ противъ предположенныхъ нынѣ, такъ и отъ самаго дальнѣйшаго промедленія въ освобожденіи зависимыхъ, которые и безъ того уже болѣе года остались единственными представителями личной безправности на Кавказѣ" [1]).

Вмѣстѣ съ препровожденнымъ проектомъ Положенія объ освобожденіи зависимыхъ сословій Великій князь просилъ утвержденія штатовъ мировыхъ посредниковъ и особаго присутствіи по дѣламъ зависимыхъ сословій, предназначенныхъ для проведенія реформы въ Сухумскомъ отдѣлѣ.

Представленные Великимъ княземъ проекты были безъ измѣненія одобрены въ Кавказскомъ комитетѣ и утверждены Верховною властью 8-го ноября 1870 года.

Разсмотримъ сущность этихъ законоположеній. Всѣ зависимые люди въ Сухумскомъ отдѣлѣ: ахашала въ Абхазіи и Самурзакани, ахуйю, амацюрасгу, анхае въ Абхазіи, и равнозначащіе тремъ послѣднимъ,—дельмахоре, мойнале и піоши въ Самурзакани, пріобрѣтали права свободныхъ сельскихъ обывателей со дня обнародованія Положенія.

Освобожденныя отъ личной зависимости сословія должны были отбывать въ теченіе 4-хъ лѣтъ своимъ владѣльцамъ службу, работы и другія повинности по прежнему обычаю края или же взамѣнъ того—уплачивать особую выкупную плату. Ахашала во время обязательной службы оставлены въ полномъ повиновеніи владѣльцамъ, которые съ своей стороны предоставляютъ имъ тоже содержаніе, продовольствіе, одежду, помѣщеніе и пр., какое выдавали до реформы.

Ахашала пріобрѣтали права семественныя: они могли вступать въ бракъ, не испрашивая разрѣшенія владѣльцевъ.

---

1) Тамъ же. Отношеніе Великаго князя къ генералъ-адъютанту Милютину отъ 20 августа 1870 г., № 4060.

Возникающія жалобы со стороны ахашала на владѣльцевъ и обратно разбирались мировыми посредниками согласно обычаю и примѣнительно къ общимъ крестьянскимъ законоположеніямъ объ устройствѣ дворовыхъ людей.

Размѣръ выкупной платы для каждаго освобождающагося ахашала въ зависимости отъ возраста опредѣленъ отъ 50 до 120 рублей. Дѣти моложе 10-то лѣтъ, мужчины послѣ 50-ти и женщины послѣ 45-ти лѣтъ освобождались владѣльцами безвозмездно. Правомъ выкупа ахашала могли воспользоваться и до окончанія обязательныхъ отношеній.

Закабаленный въ ахашала изъ другихъ сословій по долговой несостоятельности могъ освободиться отъ обязательной службы по уплатѣ только той суммы, за которую попалъ въ кабалу; если же сумма эта была меньше опредѣленной за выкупъ, то пропорціонально сокращалось и число лѣтъ службы.

Освобожденнымъ и образовавшимъ отдѣльные дымы ахашала предоставлялась десятилѣтняя льгота отъ взноса податей и повинностей; для обезпеченія же ихъ быта они надѣлялись достаточнымъ количествомъ земли.

Сословіе ахуйю (дельмахоре) во время обязательныхъ отношеній должно было отбывать своимъ бывшимъ владѣльцамъ слѣдующія повинности: исполнять полевую работу, высылая для того въ теченіе пятидесяти дней въ году число работниковъ, которые каждый дымъ выставлялъ по обычаю; приготовлять обычнымъ порядкомъ гоми и кукурузу для стола владѣльца и оставить на два года въ услуженіи тѣхъ мальчиковъ, которые у владѣльца находились въ день обнародованія Положеній. Всѣ остальныя отбываемыя этимъ сословіемъ повинности отмѣнялись. Выкупная плата для ахуйю (дельмахоре) за освобожденіе отъ 4-хъ-лѣтняго отбыванія повинностей работой опредѣлена по числу обязательныхъ работниковъ въ дѣйствительности выставлявшихся отъ дыма. По этому раз-

счету выкупъ приходилось уплачивать отъ 40 до 120 рублей [1]).

Сословіе амацюрасгу или мойнале, оставаясь въ обязательныхъ отношеніяхъ къ владѣльцу, отбывало ему повинность полевой работой въ прежнемъ обычномъ размѣрѣ, т. е. въ теченіе 2-3 или 5-6 дней въ недѣлю однимъ работникомъ. Выкупная плата опредѣлена для дымовъ обязанныхъ полевой работой отъ 2 до 3 дней въ недѣлю—въ 10 руб., для дымовъ, дающихъ владѣльцу одного работника въ теченіе 5-6 дней въ недѣлю—въ 80 рублей.

Сословіе анхае (піоши) изъ всѣхъ прежнихъ повинностей должны были: доставлять владѣльцу въ извѣстное время года мясную повинность, обычное количество кукурузы, но не болѣе восьми окалатъ, обычное количество вина, но не свыше восьми *обхаловъ*, отбывать полевую работу въ обычномъ размѣрѣ, но не болѣе трехъ дней въ году. Размѣръ выкупной платы для этого сословія опредѣленъ для каждаго дыма по 4-хъ-лѣтней сложности отбываемыхъ повинностей.

Всѣмъ освобожденнымъ отъ личной зависимости сословіямъ въ Абхазіи и Самурзакани сохранены имущественныя права: движимое и недвижимое имущество составляло неотъемлемую ихъ собственность.

Независимо отъ вышеуказанныхъ правилъ обязательнаго освобожденія, той и другой заинтересованной сторонѣ предоставлялось право во всякое время войти въ добровольныя соглашенія примѣнительно къ нормамъ, установленнымъ новымъ закономъ. Всѣ подобнаго рода добровольныя соглашенія и сдѣлки подлежали разсмотрѣнію и утвержденію мировыхъ посредниковъ.

Положеніе 8-го ноября предусматривало также случаи безвыкупнаго освобожденія зависимыхъ сословій. Такія права предоставлены: ахапала, ахуйю (дельмахоре) и амацю-

[1]) 2-е Полное Собраніе Законовъ. Дополненіе къ XLV тому, ст. 4884 а.

расгу (мойнале), переданнымъ бывшими владѣльцами другимъ лицамъ съ нарушеніемъ обычнаго порядка или безъ соблюденія установленныхъ правительствомъ правилъ; ахашала, принадлежавшимъ лицамъ выселившихся въ 1867 году въ Турцію, а равно ахуйю, амацюрасгу и анхае, состоявшимъ въ зависимости этихъ переселенцевъ; вдовамъ и дѣтямъ русскихъ подданныхъ съ ихъ потомствомъ; лицамъ неправильно закабаленнымъ въ ахашала и ахуйю (дельмахоре), сиротамъ обоего пола сословія ахуйю (дельмахоре); и амацюрасгу (мойнале) проживавшихъ въ домѣ владѣльца; проживавшимъ въ домѣ владѣльца бездомнымъ женщинамъ; дымамъ не имѣвшимъ въ своемъ составѣ способныхъ взрослыхъ работниковъ; наконецъ, ахашала и амацюрасгу проживавшимъ въ предѣлахъ Абхазіи уже послѣ освобожденія изъ плѣна отъ горцевъ сѣверо-западнаго Кавказа [1]).

Тѣмъ же закономъ разрѣшенъ вопросъ и о поземельномъ устройствѣ высшихъ и низшихъ сословій въ Сухумскомъ отдѣлѣ. За тавадами, амиста, (жноскуа), шинакма, анхае (піошей), амацюрасгу (мойнале), ахуйю (дельмахоре) и ахашала утверждены на правѣ полной собственности усадебныя, пахотныя и воздѣланныя садовыя земли, составлявшія по мѣстному обычаю частную сообственность каждаго лица или дыма. Сверхъ того, законъ усмотрѣлъ, чтобы каждой сословной общинѣ отводилось достаточное количество земли.

Лицамъ, имѣвшимъ въ своей подвластности анхае или піошей, обязанныхъ выкупомъ тѣхъ или другихъ повинностей, предоставлялись особые поземельные надѣлы, полагая по двѣ десятины на каждый дымъ анхае.

Сверхъ указаннаго надѣла по двѣ десятины съ дыма всѣмъ лицамъ, признаннымъ принадлежащимъ къ сословіямъ тавадовъ, амиста или жноскуа, отводились въ частную соб-

[1]) Тамъ же.

ственность особые надѣлы въ размѣрѣ отъ 25-ти до 250-ти десятинъ на каждый дворъ. Привилегированныя сословія независимо отъ указаннаго надѣла могли пользоваться наравнѣ съ другими жителями общины общественными землями.

Ахашала, какъ не обезпеченные собственнымъ хозяйствомъ, получали съ прекращеніемъ обязательныхъ отношеній къ владѣльцамъ частный надѣлъ въ тѣхъ общинахъ, въ которыхъ водворялись, полагая по пяти десятинъ на каждую душу мужескаго и женскаго пола.

Городъ Сухумъ, а также церковные причты абхазскихъ и самурзаканскихъ приходовъ, надѣлялись землями по усмотрѣнію Намѣстника.

Затѣмъ всѣ оставшіяся послѣ утвержденія правъ частной собственности и надѣла всѣхъ лицъ и обществъ земли въ Абхазіи и Самурзакани переходили въ полное распоряженіе правительства [1]).

Для приведенія въ исполненіе этихъ законоположеній при Сухумской сословно-поземельной комиссіи учреждены мировые посредники и особое по дѣламъ бывшихъ зависимыхъ сословій въ Сухумскомъ отдѣлѣ присутствіе, состоявшее, подъ предсѣдательствомъ начальника отдѣла, изъ предсѣдателя Сухумской сословно-поземельной комиссіи и членовъ этой комиссіи.

Образованіе мировыхъ участковъ, опредѣленіе числа мировыхъ посредниковъ предоставлено непосредственному усмотрѣнію Намѣстника. Въ помощь мировымъ посредникамъ въ распоряженіе начальника Сухумскаго отдѣла предлагалось назначить двухъ офицеровъ. Предметы вѣдомствъ, предѣлы власти и порядокъ дѣйствій ихъ опредѣлены особою инструкціею Намѣстника [2]).

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же. Высочайшее утвержденныя 8 ноября 1870 года „Правила объ устройствѣ мѣстныхъ по дѣламъ бывшихъ зависимыхъ сословій присутствій въ Сухумскомъ отдѣлѣ".

Сословно-поземельная реформа всенародно была объявлена 19-го февраля 1871 года. Особымъ воззваніемъ Великаго князя абхазскимъ и самурзаканскимъ жителямъ разъяснена сущность дарованной реформы. „Отнынѣ,— заканчивалось воззваніе,— весь строй вашей общественной жизни установляется на твердыхъ и справедливыхъ въ отношеніи всѣхъ и каждаго основаніяхъ. Милостями Великаго Государя нашего вамъ предоставлены всѣ средства къ развитію хозяйства и обезпеченію навсегда матеріальнаго благосостоянія вашего, и я увѣренъ, что мирнымъ трудомъ и неуклоннымъ выполненіемъ обязанностей, лежащихъ на каждомъ изъ васъ, вы сумѣете доказать, что не напрасны были заботы о васъ правительства“ [1]).

Для приведенія въ исполненіе реформы назначены на должности мировыхъ посредниковъ: Гудаутскаго участка—капитанъ фонъ-Нейманъ; Гумистинскаго участка—капитанъ Чудиновъ; Кодорскаго участка—капитанъ Герасимовъ, Окумскаго участка—штабсъ-капитанъ Прудковъ [2]).

Какъ дальнѣйшее развитіе изложенныхъ въ Положеніи 8-го ноября главныхъ основаній сословной и поземельной реформы въ Сухумскомъ отдѣлѣ (въ Абхазіи и Самурзакани) Великимъ княземъ были изданы особыя инструкціи и Положенія о мѣстныхъ поселянскихъ учрежденіяхъ.

Такъ, 8-го февраля 1871 года утверждены: Инструкція по дѣламъ прекращенія личной зависимости жителей отдѣла и Положеніе о мѣстныхъ поселянскихъ учрежденіяхъ; Правила о порядкѣ окончанія примиреніемъ третейскимъ разборомъ спорныхъ дѣлъ подлежащихъ вѣдомству мировыхъ посредниковъ; 29-го мая 1872 года—Инструкція учрежденіямъ Сухум-

1) Архивъ комиссіи для окончанія сословно-поземельныхъ дѣлъ въ частяхъ военно-народнаго управленія. Дѣло 1868 г., № 40, ч. 1-я. Воззваніе Великаго князя къ жителямъ Абхазіи и Самурзакани отъ 19 февраля 1871 года.

2) Приказъ по кавказскому военному округу отъ 8 февраля 1871 г., № 96.

скаго отдѣла по поземельному устройству Абхазіи и Самурзакани; 13-го іюля 1872 года—Правила объ обжалованіи дѣйствій и рѣшеній мировыхъ посредниковъ и особаго по дѣламъ бывшихъ зависимыхъ сословій присутствія; 14-го февраля 1874 года—Положеніе о мѣстныхъ учрежденіяхъ въ Сухумскомъ отдѣлѣ по поземельному устройству Абхазіи и Самурзакани.

Такимъ образомъ работы по освобожденію зависимыхъ сословій были закончены въ 1875 году, а въ 1876 году начальникъ Сухумскаго отдѣла представилъ Великому князю труды комиссіи по выясненію принадлежности лицъ и фамилій къ высшимъ сословіямъ, послѣ чего сословно-поземельная комиссія была преобразована въ комиссію *поземельную*.

Однако начавшаяся въ 1877 году война прервала окончаніе поземельнаго вопроса и повела кромѣ того къ существеннымъ измѣненіямъ въ дѣлѣ поземельнаго устройства. Сухумскій отдѣлъ вновь подвергся вторженію непріятельскихъ войскъ. Часть населенія склонилась на убѣжденія турокъ и приняло участіе въ возстаніи. Какъ на одну изъ главныхъ причинъ такого явленія нужно указать на крайнюю медленность поземельнаго устройства жителей. Преимущественно слѣдуетъ отмѣтить то печальное и безотрадное положеніе, въ которомъ очутилось привилегированное сословіе. Получивъ вознагражденіе за отошедшіе отъ нихъ надѣлы подвластнымъ, оно прожило всѣ выданныя деньги, вслѣдствіе чего, не имѣя средствъ, не могло вести своего хозяйства. Хотя высшее сословіе закономъ 8-го ноября 1870 года и вошло въ составъ общинъ, принимало участіе въ сходахъ, могло быть избрано на разныя должности, получило право надѣла общественной землей и пр., однако самый способъ надѣла, вообще говоря, шелъ очень медленно, а такая экономическая несостоятельность имѣла вліяніе на шатаніе и неустойчивость политическихъ убѣжденій лицъ болѣе или менѣе унаслѣдовавшихъ исторически вліяніе на народъ. При такихъ усло-

віяхъ не трудно было поднять и низшій классъ. Такъ или иначе съ уходомъ непріятеля изъ страны провинившаяся часть населенія эмигрировала въ Турцію. Но лишь только былъ заключенъ съ Турціей миръ, какъ эмигранты вновь стали возвращаться на родину.

Съ окончаніемъ войны признано было въ первую очередь поставить разрѣшеніе поземельнаго вопроса. По обсужденіи всѣхъ мѣстныхъ обстоятельствъ особая комиссія постановила: 1) увеличить размѣръ надѣла въ общинный юртъ для всѣхъ классовъ безъ различія до 15-ти десятинъ (до войны предполагалось надѣлять юртъ 10-ю десятинами); 2) на свободныя земли привлечь поселенцевъ и 3) все населеніе сгруппировать въ поселки и селенія, устраивая ихъ примѣняясь къ топографическимъ условіямъ мѣстности, а для, такъ называемаго, „виновнаго“ населенія кромѣ того избрать такую зону для водворенія, которая была бы равно удалена какъ отъ берега моря, такъ и отъ горъ; для упрощенія же этого вопроса признано было за правило считать все „виновное“ населеніе лишеннымъ правъ на укрѣпленіе за ними въ частную собственность бывшихъ въ ихъ пользованіи садовъ, усадебныхъ и пахотныхъ мѣстъ [1]).

Спеціальныя занятія по распредѣленію земель начались лишь съ осени 1879 года и это распредѣленіе земель Сухумскаго отдѣла, или, правильнѣе говоря, культурной полосы видно изъ нижеслѣдующей таблицы [2]).

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло кавказскаго горскаго управленія 1878 г., № 104, связка 7009. Отчетъ по управленію Сухумскимъ отдѣломъ съ 1878 по 1881 годъ; представленъ начальникомъ отдѣла полковникомъ Аракинымъ въ военно-народное управленіе при отзывѣ отъ 24 іюня 1881 г., № 2005.

2) Тамъ же.

ОКРУГА.	Общее пространство культурной полосы.	Общая числительность.	Число жителей простого класса.	Въ надѣлъ для простого класса.	Числительность привилегированнаго класса.	Въ надѣлъ привилегированнаго класса
Пицундскій	120022	14577	14276	61348	301	29073
Цебельдинское попечительство . . .	18372	660	660	8290	—	12082
Очемчирскій.	169641	45577	43633	122145	1944	58938
Итого. . . .	**308035**	**60814**	**58569**	**191783**	**2245**	**100093**

Переводя итоги вышеприведенной таблицы въ проценты, получится, что для надѣла простого класса, составлявшаго 96,3% всего населенія, дано 62,2% всей культурной полосы, или по 3,1 десятины на душу; а для надѣла привилегированнаго класса, составлявшаго 3,6% всего населенія—32,4% всей культурной полосы, или по 47,2 десятины на душу. Свободной культурной полосы оставалось 5,4%. Къ такому неравномѣрному распредѣленію земель между двумя классами населенія повела не только вообще величина надѣловъ, опредѣленная Положеніемъ 8-го ноября 1870 года для привилегированнаго сословія, но широкое примѣненіе пожалованія особыхъ надѣловъ въ награду за заслуги, чины, ордена, образованіе.

Глава XII.

Поземельныя отношенія владѣльцевъ и поселянъ въ мусульманскихъ частяхъ края. Устраненіе агаларовъ отъ управленія деревнями послѣ преобразованій 1841 года. Ропотъ высшаго мусульманскаго сословія. Заботы кн. Воронцова о неприкосновенности имущественныхъ правъ высшаго мусульманскаго сословія. Рескриптъ императора Николая I князю Воронцову отъ 6 декабря 1846 года. Агаларское Положеніе 28 декабря 1847 года и Бекское Положеніе 5 августа 1852 года. Повинности поселянъ: *малджеглтъ, прислугой, рабочими днями и эврезомъ*. Практика примѣненія обоихъ Положеній. Устраненіе агаларовъ бывшихъ трехъ татарскихъ дистанцій Грузіи отъ управленія обществами казенныхъ крестьянъ по закону 26 ноября 1861 года. Утвержденное Великимъ княземъ 23 августа 1865 года Положеніе о сельскихъ обществахъ въ Бакинской губерніи. *Мюлькодарское* и *тіульное* право въ Эриванской губерніи. Землевладѣніе и землепользованіе въ бекскихъ имѣніяхъ вообще передъ реформой. *Типное* право въ Ахалцихскомъ уѣздѣ. Главныя основанія поселянскаго Положенія 14 мая 1870 года. Поземельныя отношенія бековъ и поселянъ въ Кубинскомъ уѣздѣ. *Речбары*.

Кромѣ дворянъ Грузіи и частей Кутаисскаго генералъ-губернаторства, владѣвшихъ населенными имѣніями на крѣпостномъ правѣ, въ Закавказскомъ краѣ существовалъ классъ землевладѣльцевъ, поставленныхъ въ особыя отношенія къ живущимъ на ихъ земляхъ поселянамъ. Къ такимъ владѣльцамъ принадлежали, во-первыхъ: *ханы, беки, мелики и агалары* Тифлисской, Бакинской и бывшей Дербентской губерній, во-вторыхъ: *мюлькодары и тіулисты* Эриванской губерніи, а также *беки* Ахалцихскаго уѣзда.

Разсмотримъ сущность поземельныхъ отношеній владѣльцевъ и поселянъ въ этихъ частяхъ Закавказскаго края и способы примѣненія тамъ крестьянской реформы.

Ханы, беки, мелики и агалары составляли высшее сословіе въ мусульманскихъ провинціяхъ. Во время присоединенія

этихъ провинцій къ Россіи права сословія на населенныя земли не были опредѣлены никакими законоположеніями, потому какъ главные, такъ и ближайшіе мѣстные начальники смотрѣли на эти права различно. Впрочемъ, постепенно у правительства устанавливался взглядъ, что деревни и кочевья, находившіяся въ пользованіи бековъ и агаларовъ, составляли собственность казны и что владѣльцы имѣютъ на имѣнія потомственное, пожизненное или временное право на полученіе отъ поселянъ опредѣленныхъ обычаями повинностей единственно вслѣдствіе управленія деревнями и кочевьями на полицейскомъ правѣ [1]).

Вопросъ о поземельныхъ отношеніяхъ высшаго мусульманскаго сословія и поселянъ постоянно озабочивалъ правительство и особенное напряженіе получилъ передъ введеніемъ въ Закавказскомъ краѣ гражданскаго управленія и до 1848 года вызывалъ усиленныя работы мѣстной администраціи. Такъ, въ 1837 году генералу Гловину было предложено совмѣстно съ членомъ Государственнаго Совѣта барономъ Ганомъ войти въ разсмотрѣніе всѣхъ неустройствъ, возникшихъ вслѣдствіе раздачи и владѣнія казенными имуществами за Кавказомъ и опредѣлить необходимыя мѣры къ обезпеченію правъ казны на эти имущества.

Подъ вліяніемъ такого воззрѣнія, съ преобразованіемъ въ 1840 году Закавказскаго края, было издано Положеніе, по которому агалары бывшихъ трехъ татарскихъ дистанцій Грузіи (уѣзды Борчалинскій, Казахскій и Шамшадильскій) признаны за сословіе не предназначенное для полицейскаго управленія и потому ихъ устраняли отъ управленія деревнями и кочевьями, а взамѣнъ выгодъ, предоставленныхъ имъ прежними Положеніями, назначено на счетъ увеличенія податного

1) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1861 г., № 23, связка 3. „Записка о поземельныхъ отношеніяхъ землевладѣльцевъ и поселянъ на ихъ землѣ живущихъ въ разныхъ частяхъ Закавказскаго края“.

оклада съ поселянъ пожизненное содержаніе, соразмѣрное съ суммой прежнихъ доходовъ.

Второе Положеніе касалось бековъ бывшей Каспійской области (впослѣдствіи Шемахинской и Дербентской губерній, а затѣмъ Бакинской губерніи и Южнаго Дагестана), которые потомственнаго права на владѣніе деревнями не имѣли, и потому было постановлено: со смертью владѣльца имѣніе его обращать въ казну, а наслѣдникамъ предоставлять недвижимыя имущества только въ такомъ случаѣ, когда правительство это найдетъ нужнымъ.

Такая коренная реформа освященныхъ вѣками обычаевъ вызвала ропотъ и жалобы, потому присланный съ особыми полномочіями государя военный министръ князь Чернышевъ приказалъ кавказскому начальству оставить право владѣнія бековъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно было до 1841 года, а затѣмъ войти въ подробное разсмотрѣніе и опредѣленіе правъ высшаго сословія въ мусульманскихъ провинціяхъ [1]).

Вскорѣ послѣдовалъ на имя главноуправляющаго Закавказскимъ краемъ рескриптъ (30-го апрѣля 1841 года), въ которомъ, между прочимъ, было сказано:..,. „Я поручаю вамъ, совокупно съ Совѣтомъ Главнаго управленія, начертать постепенно и представить на мое усмотрѣніе всѣ Положенія, долженствующія опредѣлить гражданскія отношенія жителей. Сюда въ особенности относятся: устройство духовенства всѣхъ вѣроисповѣданій, опредѣленіе личныхъ правъ, преимуществъ и взаимныхъ отношеній жителей, обезпеченіе собственности всѣхъ и каждаго. При начертаніи сихъ Положеній, давъ полное уваженіе мѣстнымъ обстоятельствамъ, вы не оставите руководствоваться общими законами имперіи и употребите все вниманіе, дабы новыя учрежденія вполнѣ со-

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1869 г., № 19, ч. 1 я, связка 59. Записка джеватскаго мирового посредника Старцева „О землевладѣніи въ Кубинскомъ уѣздѣ“.

отвѣтствовали основнымъ видамъ правительства и общимъ пользамъ жителей".

Учрежденные послѣ того въ Тифлисѣ три комитета пришли къ тому убѣжденію, что беки имѣютъ право потомственной собственности на земли. Однако дѣло это оставалось безъ движенія до назначенія кн. Воронцова. Такое положеніе не могло не возбудить опасенія со стороны лицъ высшаго мусульманскаго сословія, оставшихся еще подъ впечатлѣніемъ распоряженія 1841 года. Потому одною изъ главныхъ заботъ кн. Воронцова по вступленіи имъ въ управленіе краемъ было успокоить высшее сословіе въ неприкосновенности ихъ имущественныхъ правъ тѣмъ болѣе, что такое желаніе было высказано и государемъ, который выразилъ мнѣніе, что отнятіе у агаларовъ земель была мѣра ошибочная и что слѣдуетъ возстановить ихъ права.

Въ 1846 году кн. Воронцовъ представилъ разработанное Положеніе объ имущественномъ правѣ высшаго сословія Каспійской области и взаимныхъ отношеніяхъ между поселянами и владѣльцами земель. Главныя основанія этихъ проектовъ заключались въ томъ, чтобы за беками утвердить потомственно тѣ населенныя и ненаселенныя земли, какими они въ то время пользовались, возвратить имъ и тѣ имущества, которыя у нихъ были отобраны послѣ 1840 года. Вслѣдствіе такого ходатайства 6-го декабря 1846 года на имя князя Воронцова послѣдовалъ рескриптъ [1]), которымъ, въ ознаменованіе особой милости и благоволенія къ ханамъ, бекамъ, агаларамъ и прочимъ лицамъ высшаго мусульманскаго сословія, а также меликамъ изъ армянъ, и въ видахъ упроченія на твердыхъ основаніяхъ ихъ участи, утверждались въ ихъ потомственную собственность всѣ тѣ земли,

1) Рескриптъ этотъ вошелъ въ Сводъ Законовъ т. IX, изд. 1857 г., приложеніемъ къ ст. 1097.

которыми роды ихъ *обладали* во время присоединенія мусульманскихъ провинцій къ Россіи и возвратить агаларамъ тѣ земли, которыя административнымъ порядкомъ были у нихъ отобраны послѣ 1840 года.

Рескриптъ 6-го декабря не коснулся второй части представленнаго кн. Воронцовымъ проекта—о взаимныхъ отношеніяхъ поселянъ и владѣльцевъ, главнымъ образомъ потому, что Кавказскій комитетъ не нашелъ возможнымъ возстанавливать закрѣпощеніе крестьянъ въ частяхъ края, въ которыхъ крѣпостнаго права никогда не существовало.

Кн. Воронцовъ, возобновивъ вновь свое ходатайство по этому вопросу, указывалъ, что хотя крѣпостнаго права въ мусульманскихъ провинціяхъ дѣйствительно не было, но нельзя отвергать существованія тамъ подданства; иначе какъ могли бы возникнуть сословія: речбаровъ, нукеровъ, раятъ и др обязанныхъ владѣльцамъ личными услугами, а не повинностями только отъ пользованія землею. По мнѣнію кн. Воронцова названіе „подвластный", введенное въ проектѣ, ясно обозначало обязанности поселянъ и владѣльцевъ; что оставить эти обязанности неизмѣненными, не приближая ихъ, однако, къ безусловному праву, было единственною цѣлью при начертаніи проекта, и что несовмѣстно было бы съ достоинствомъ русскаго правительства нарушить права частныхъ лицъ; эти соображенія Намѣстника признаны уважительными и проектъ былъ утвержденъ 20 апрѣля 1847 года. Главныя основанія проекта заключались въ слѣдующемъ. Поселяне оставлялись на мѣстахъ ихъ жительства съ причисленіемъ въ разрядъ государственныхъ поселянъ. Вмѣсто разнаго наименованія *раятъ, речбаръ, халисе, нукеровъ* имъ присвоено одно общее названіе *мюлькодеръ-табиги*, что въ буквальномъ переводѣ означаетъ—*поселяне на владѣльческой землѣ*. Поселяне обязывались отбывать въ пользу владѣльцевъ земли разнаго рода повинности въ вознагражденіе за пользованіе ихъ зем-

лею; владѣльцы же возстановлены въ прежнемъ своемъ правѣ надзора за порядкомъ и благочиніемъ между поселянами и имъ вновь вручено полицейское управленіе, при чемъ кавказскому начальству предлагалось опредѣлить особымъ Положеніемъ болѣе точно взаимныя отношенія обоихъ сословій.

Вслѣдствіе такого повелѣнія и по примѣненію къ существовавшимъ обычаямъ окончательно были составлены Положенія: Бекское для Шемахинской и Дербентской губерній О *взаимныхъ отношеніяхъ агаларовъ и поселянъ, живущихъ на земляхъ имъ возвращенныхъ*, утвержденное 28-го декабря 1847 года и *Объ отношеніяхъ поселянъ, живущихъ на земляхъ принадлежащихъ и возвращаемыхъ бекамъ Шемахинской губерніи*, утвержденное 5-го августа 1852 года.

По этимъ Положеніямъ поселяне оставались при томъ количествѣ земель и всѣхъ угодьяхъ, какими каждый отдѣльно пользовался до 1847 года, и агалары не имѣли права уменьшать поселенскіе надѣлы. Но если поселянинъ имѣлъ земли менѣе пяти десятинъ на каждую душу мужескаго пола, начиная съ 15-ти-лѣтняго возраста, а у агалара имѣлась свободная земля, то онъ обязывался добавить поселянамъ недостающійся надѣлъ. Въ случаѣ, если агаларъ захотѣлъ бы водворить поселянъ на незаселенной и свободной землѣ, то могъ это сдѣлать, надѣливъ поселенцевъ указаннымъ количествомъ земли на каждую мужескаго пола душу.

Въ вознагражденіе за предоставленныя земли поселяне должны были нести слѣдующія повинности: *малджегатъ, прислугу, рабочіе дни и эврезъ*.

Малджегатъ составлялъ $^1/_{10}$ часть урожая всѣхъ вообще безъ исключенія земныхъ произведеній, если только поля, сады, огороды были воздѣланы и обсѣяны средствами самихъ поселянъ; если же средства на обработку давалъ владѣлецъ, то поселянинъ выдѣлялъ произведенія земли въ размѣрѣ, опредѣленномъ взаимнымъ соглашеніемъ.

Самое взиманіе малджегата подчинялось особымъ правиламъ: поселянинъ, окончивъ жатву, въ присутствіи владѣльца или его довѣреннаго, дѣлилъ хлѣбъ на снопы, а другіе продукты на части, мѣрою или вѣсомъ, отдѣлялъ себѣ положенную часть; дѣленіе на части поселянинъ долженъ былъ сдѣлать не позже трехъ дней послѣ уборки; доставить малджегатъ къ владѣльцу, если этотъ послѣдній жилъ въ чертѣ того же имѣнія, поселянинъ обязанъ былъ не позже трехъ дней послѣ выдѣла, а если владѣлецъ жилъ не далѣе 50-ти верстъ, доставка производилась по окончаніи всѣхъ полевыхъ работъ.

Прислуга для каждаго владѣльца опредѣлялась по особому списку и бралась только съ мужескаго пола; въ услуженіе преимущественно назначались поселяне не имѣвшіе собственнаго хозяйства, а также одинокіе и сироты; въ прислугу воспрещалось назначать: женщинъ и дѣвушекъ, одного работника въ семействѣ, малолѣтнихъ до 20-ти-лѣтняго возраста, къ мусульманамъ христіанъ и обратно. Прислуга смѣнялась каждый годъ, но могла при обоюдномъ согласіи оставаться и долѣе; она обязана была исполнять всѣ законныя требованія владѣльца и нести какъ домашнюю, такъ и полевыя работы. Владѣлецъ обязывался давать прислугѣ пищу и одежду; семейства, изъ которыхъ бралась прислуга, освобождались отъ отбыванія владѣльцу другихъ повинностей; казенныя подати за эти семейства платилъ самъ владѣлецъ въ уменьшенномъ размѣрѣ, именно три рубля въ подать и два рубля въ земскую повинность; отъ личныхъ же земскихъ повинностей такія семейства освобождались вовсе.

Повинность *рабочими днями* заключалась въ томъ, что каждое поселянское семейство по требованію владѣльца должно было выставлять одного работника съ земледѣльческими орудіями на восемъ дней въ году; владѣлецъ не могъ безъ согласія поселянина удерживать его на работѣ болѣе дня въ одинъ разъ, только при кочевкахъ и переѣздахъ ра-

зрѣшалось удерживать рабочаго до двухъ дней; взамѣнъ натуральной повинности владѣлецъ имѣлъ право взыскивать съ каждаго семейства за каждый рабочій день по 10 копѣекъ.

Эврезъ—работа мірскимъ сходомъ, производился только въ пользу тѣхъ агаларовъ, которые управляли селеніями. Работа эврезомъ полагалась въ теченіе двухъ дней въ году. Канавы, мосты, дороги и всѣ вообще работы, необходимыя для общаго благосостоянія поселянъ, также производились эврезомъ.

Жившіе на агаларской землѣ поселяне могли переселяться на другія земли, но не иначе, какъ по истеченіи рабочаго года и по отбытіи владѣльцу всѣхъ повинностей за прошлое время; о желаніи переселиться поселянинъ заявлялъ землевладѣльцу за два мѣсяца до истеченіи года; самое переселеніе совершалось всегда съ разрѣшенія губернскаго начальства. Возведенныя собственными средствами строенія поселянинъ могъ или снести, или оставить владѣльцу; сады же и огороды продавалъ своимъ односельцамъ или оставлялъ за собою, но во всякомъ случаѣ владѣлецъ продолжалъ пользоваться малджегатомъ. Мѣстной администраціи предлагалось строго соблюдать условія переселенія съ тѣмъ, чтобы по истеченіи года со времени перехода поселянъ на пріобѣтенную ими въ собственность или на казенную землю они были причисляемы къ казеннымъ поселянамъ и обложены соотвѣтствующими податями и повинностями [1]).

Таковы поземельныя отношенія, установленныя Положеніемъ 28-го декабря 1847 года; тѣ же самыя начала проведены и въ Положеніи 5-го августа 1852 года относительно поземельныхъ отношеній бековъ и живущихъ на ихъ земляхъ поселянъ.

---

1) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1866 г., № 1, ч. 1-я, связка 12. Докладъ статсъ-секретаря барона Николаи Великому князю отъ 23 марта 1866 года.

Кромѣ установленія поземельныхъ правъ обоихъ сословій Положенія предоставляли владѣльцамъ административно-полицейскія обязанности вообще, а также наблюденіе за исправнымъ взносомъ государственныхъ налоговъ и участіе въ крестьянскомъ судѣ. Такъ, владѣлецъ долженъ былъ имѣть строгій надзоръ за порядкомъ и благочиніемъ между поселянами, ему поручалось полицейское управленіе; судъ и расправа въ спорахъ между поселянами и разборъ проступковъ и маловажныхъ преступленій предоставлялся выборнымъ, но подъ надзоромъ владѣльца, на этого же послѣдняго возложена отвѣтственность за безпорядки, грабежи, воровство и убійства въ чертѣ селенія [1]).

Осуществленіе указанныхъ выше Положеній на практикѣ вызвало много затрудненій. По точному смыслу рескрипта 6-го декабря 1846 года за лицами высшаго мусульманскаго сословія утверждались въ потомственную ихъ собственность всѣ тѣ земли, какими роды ихъ обладали во время присоединенія къ Россіи. Между тѣмъ, въ силу основныхъ принциповъ мусульманскаго законодательства, полнымъ правомъ собственности на земли пользовались только ханскіе роды, всѣ остальныя лица имѣли только право пользованія землею.

Съ 1850 года стало вводится Положеніе 1847 года и оказалось, что многіе беки Бакинской губерніи не владѣли землями, и имѣли въ личной зависимости казенныхъ поселянъ, оти, живя и кочуя на казенныхъ, владѣльческихъ земляхъ и въ городахъ, отбывали своимъ бекамъ денежныя и натуральныя повинности, заключавшіяся въ $^1/_{10}$ части урожая земныхъ произведеній, денежной подати отъ 2-хъ до 7 рублей съ дыма и въ личной службѣ; выяснилось также, что собственно беки Бакинскаго уѣзда ни при ханскомъ правле-

1) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1861 г., № 23, связка 3. «Записка о поземельныхъ отношеніяхъ землевладѣльцевъ и поселянъ на ихъ землѣ живущихъ въ разныхъ частяхъ Закавказскаго края».

ніи, ни при русскомъ правительствѣ не владѣли населенными имѣніями, и даже у нихъ не было, подобно бекамъ прочихъ уѣздовъ, въ личной зависимости поселянъ. Со времени присоединенія Бакинскаго ханства кавказское начальство для поддержанія существованія бековъ назначило ихъ управляющими деревнями; поселяне же обязывались за это три дня въ году работать имъ. Но по точному смыслу Положенія 1847 года право бековъ на полученіе доходовъ должно было проистекать изъ права ихъ на землю; беки, у которыхъ поселяне состояли только въ личной зависимости, этого права не имѣли, почему поселяне и были освобождены отъ зависимости и управленія бековъ съ прекращеніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ отбыванія всѣхъ повинностей и податей. Такихъ бековъ оказалось 131 семейство и освобожденныхъ отъ нихъ поселянъ—7587 семействъ.

Съ прекращеніемъ доходовъ съ поселянъ беки лишились тѣхъ единственныхъ средствъ, которыя постоянно получали и на которыя всегда разсчитывали. Положеніе ихъ сдѣлалось настолько тяжелымъ, что главное закавказское начальство въ 1856 году возбудило ходатайство о правительственной субсидіи, и бекамъ назначено было къ выдачѣ отъ казны по 5-ти рублей за каждое поселянское семейство въ теченіе 25-ти лѣтъ. Такое же вознагражденіе назначено по окончательному пересмотру этого дѣла въ 1863 году бекамъ Шемахинскаго, Нухинскаго, Шушинскаго и Ленкоранскаго уѣздовъ. Наконецъ, въ 1864 году получили вознагражденіе и тѣ беки Бакинскаго уѣзда, которые лишились доходовъ отъ трехдневной повинности; мѣрой вознагражденія была принята общая оцѣнка трехдневной повинности. Равнымъ образомъ въ 1865 году получили вознагрженіе и всѣ члены бывшихъ ханскихъ фамилій, подходившіе подъ условія рескрипта 6-го декабря; по ходатайству Великаго князя имъ назначено въ

пожизненное содержаніе отъ казны по 11587 рублей въ годъ [1]).

Практика примѣненія Положеній 1847 года и 1852 года выяснила еще и другія неудобства; главнѣйшимъ изъ нихъ признавалось несоотвѣтствіе съ общимъ направленіемъ правительственныхъ мѣръ предоставленіе агаларамъ надзора за порядкомъ и благочиніемъ поселянъ и полицейское управленіе ими. И. д. Намѣстника кн. Орбеліани въ 1861 году вошелъ съ представленіемъ, чтобы освободить агаларовъ бывшихъ трехъ татарскихъ дистанцій Грузіи отъ управленія обществами и согласовать внутреннее управленіе селеніями съ правилами установленными между государственными поселянами въ крае. 26-го ноября ходатайство князя Орбеліани было уважено и Намѣстнику разрѣшалось дѣлать необходимыя измѣненія въ Положеніяхъ о взаимныхъ отношеніяхъ агаларовъ и поселянъ; при этомъ предлагалось подвергнуть коренному пересмотру и самое Положеніе 28-го декабря 1847 года лишь только послѣдуетъ крестьянская реформа вообще въ краѣ [2]).

Освободивъ агаларовъ отъ управленія поселянами, полицейскій надзоръ за ними отнесенъ на общемъ основаніи вѣдѣнію мѣстной земской полиціи; для внутренняго же управленія селеніями и хозяйственнаго завѣдыванія ими поселяне избирали изъ своей среды, при томъ безъ всякаго участія агаларовъ, старшину, который утверждался въ должности губернскимъ правленіемъ. На старшину кромѣ наблюденія за порядкомъ въ селеніи возложенъ и сборъ малджегата въ пользу владѣльца земли и вообще наблюденіе за точнымъ исполненіемъ поселянами всѣхъ повинностей, которыя они отбывали ага-

1 Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи начальника Главнаго управленія 1871 г., № 68, связка 5328. Докладъ г.-м. Астафьева отъ 26 іюня 1871 года. Матеріалы для отчета по управленію государственными имуществами за 8-ми-лѣтіе намѣстничества.

2) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1866 г., № 1, ч. 1-я, связка 12. Высочайше утвержденный 20 ноября 1861 года журналъ Кавказскаго комитета.

ларамъ по установленнымъ правиламъ. Многолюдныя селенія могли быть для порядка надзора раздѣлены на двѣ или на три части съ назначеніемъ въ каждую часть особаго старшины.

Всѣ взаимные споры поселянъ между собою, агаларами, ихъ неудовольствія и претензіи, также своевольство, непослушаніе, нарушеніе благочинія, кражи до ста рублей и вообще преступленія и проступки, которыя не влекли за собою лишенія правъ состоянія, отнесены разбору мѣстнаго полицейскаго начальства на общемъ основаніи и безъ всякаго участія агаларовъ.

Землевладѣльцы-агалары вмѣстѣ съ сельскими старшинами и поселянами подлежали отвѣтственности за безпорядки, грабежи, воровство и убійства произведенныя въ чертѣ селенія. Для быстраго преслѣдованія воровъ и разбойниковъ старшины селеній обязывались по мѣрѣ надобности собирать изъ поселянъ столько вооруженныхъ людей, сколько оказалось бы нужнымъ. Старшина селенія, не принявшій никакихъ мѣръ или не давшій помощи, подвергался отвѣтственности по мѣрѣ вины, обнаруженной изслѣдованіемъ мѣстнаго начальства.

Полицейскій надзоръ и отвѣтственность во время кочевокъ жителей возложенъ также на сельскихъ старшинъ и на мѣстную уѣздную полицію. Для облегченія полиціи и въ видахъ поощренія агаларовъ начальнику губерніи предоставлено назначать достойнѣйшихъ изъ нихъ въ помощь участковымъ засѣдателямъ для наблюденія за кочующими; такіе агалары могли быть награждаемы по заслугамъ отъ правительства, но собственно съ кочующихъ они не имѣли права брать какихъ либо поборовъ сверхъ опредѣленой нормы.

Старшина могъ официально ходатайствовать передъ начальствомъ за поселянъ и защищать справедливыя ихъ претензіи. За превышеніе власти или противозаконное бездѣй-

ствіе, а поселяне за неисполненіе своихъ обязанностей подвергались общимъ уголовнымъ наказаніямъ.

Мѣстное начальство обязано было строго наблюдать, чтобы владѣльцы, равно и сельскіе старшины, не дѣлали обидъ и притѣсненій поселянамъ и не требовали бы отъ нихъ такихъ повинностей, которыя не опредѣлены въ Положеніяхъ. Администрація должна была давать законное удовлетвореніе жалобамъ какъ владѣльцевъ на неисполненіе старшинами ихъ требованій, такъ равно жалобамъ старшинъ на неповиновеніе имъ поселянъ и жалобамъ этихъ послѣднихъ на своихъ старшинъ и владѣльцевъ.

Наконецъ новымъ закономъ отмѣнялся тотъ параграфъ Положенія 28-го декабря 1847 года, въ которомъ эврезъ (работа мірскою сходкою) производился только въ пользу агалара. Отстраненіемъ агаларовъ отъ управленія обществами казенныхъ поселянъ была выполнена только первая часть закона 26-го ноября 1861 года, при томъ это относилось только до агаларовъ бывшихъ трехъ татарскихъ дистанцій Грузіи [1]).

Съ прекращеніемъ въ 1864 году крѣпостной зависимости въ Тифлисской губерніи Великій князь нашелъ возможнымъ распространить сельское общественное устройство и на другія части края и въ видахъ постепенности осуществить эту мѣру въ Бакинской губерніи. Обсужденіе этого вопроса было передано предварительно бакинскому губернатору съ предложеніемъ оставить всѣ главныя основанія Положенія по Тифлисской губерніи неизмѣнными съ допущеніемъ нѣкоторыхъ изъятій сообразно мѣстныхъ особенностей.

Для обсужденія способовъ и подробностей примѣненія новаго общественнаго устройства губернаторъ пригласилъ всѣхъ уѣздныхъ начальниковъ, нѣсколько лицъ изъ высшаго

1) Тамъ же. Отношеніе управляющаго Кавказскимъ комитетомъ министру юстиціи отъ 28 ноября 1861 г., №1408.

сословія, а также почетныхъ и опытныхъ старшинъ. Четверо изъ шести уѣздныхъ начальниковъ полагали, что новое сельское Положеніе принесетъ какъ населенію, такъ и администраціи одинъ лишь вредъ; тоже самое не въ пользу реформы высказались и представители народа, которые заявили, что въ ихъ средѣ, гдѣ господствуетъ чувство зависти и мести, простому поселянину опасно принять обязанность судьи и, рѣшая дѣла безпристрастно, навлекать на себя месть обвиненныхъ. Опасеніе, съ какимъ народъ смотрѣлъ на реформу, имѣло свои основанія. Въ ханскія времена онъ привыкъ видѣть среди себя старшинъ и бековъ, которые несли обязанности судебныя и по управленію обществами и деревнями. Этотъ порядокъ способствовалъ тому, что изъ народной среды выходили люди болѣе или менѣе способные къ управленію; въ иныхъ семействахъ званіе старшины было наслѣдственное; отецъ училъ управлять сына, а народъ въ этомъ послѣднемъ видѣлъ будущаго своего начальника. Проектированныя сельскія учрежденія, стремясь къ развитію между различными сословіями равноправности, уничтожали бы это обычное право. Съ другой стороны назрѣвшая потребность къ проведенію административныхъ мѣръ не могла считаться съ этимъ правовоззрѣніемъ, тѣмъ болѣе, что и и другія части Закавказскаго края съ крестьянской реформой понесли большія или меньшія пожертвованія въ своемъ обычномъ правѣ.

На этомъ основаніи бакинскій губернаторъ находилъ возможнымъ и полезнымъ ввести новое сельское общественное управленіе, утверждалъ, что обычай народа видѣть старшинами извѣстныхъ лицъ съ теченіемъ времени сгладится, такъ какъ вмѣстѣ съ новымъ Положеніемъ интересы общества будутъ глубоко затронуты и что для собственнаго благополучія общества эти будутъ выбирать людей достойнѣйшихъ. „Продолжительный опытъ управленія здѣшними туземцами,—пи-

салъ генералъ Колюбакинъ,—показываетъ, что, принявъ на себя все: отъ разборовъ жалобъ самыхъ мелочныхъ, отъ дрязгъ, вызываемыхъ тѣснымъ кругомъ сельской жизни, до дѣлъ болѣе важныхъ, мы оказываемся несостоятельными удовлетворить всѣмъ нуждамъ народа какъ по причинѣ недостаточнаго по числу состава чиновниковъ, какъ по неполному ихъ знакомству съ бытомъ народа, такъ и вслѣдствіе той письменной обрядности, которая всегда болѣе или менѣе мѣшаетъ скорому теченію дѣлъ вызываемыхъ жалобами просителей. Положеніе же насъ избавитъ отъ отвѣственности за дѣла незначительныя, но касающіяся близкихъ интересовъ простого народа. Хотя изученіе характера здѣшнихъ туземцевъ показываетъ, какъ мало они подготовлены къ принятію новыхъ учрежденій и какъ бѣдны они тѣми личностями, которыя съ честью и достоинствомъ могли бы принять и нести почетную обязанность судьи, но, принимая въ соображеніе, что ждать развитія народа отъ средствъ, которыя для того употребляемы были донынѣ, значитъ ждать этого развитія въ очень отдаленномъ будущемъ.

Чиновники наши со всѣмъ ихъ служебнымъ вліяніемъ на народъ были слабыми и дурными проводниками просвѣщенія въ среду его. Новое же Положеніе, возбуждая между поселянами соревнованіе и желаніе достигнуть почетныхъ ролей судей и старшинъ, несомнѣнно будетъ имѣть вліяніе на воспитаніе народа, на развитіе въ немъ гражданскихъ доблестей“ [1]).

Великій князь приказалъ Комитету объ устройствѣ крестьянъ обсудить всѣ обстоятельства этого дѣла. Комитетъ согласился съ мнѣніемъ губернатора и нашелъ, что устройство въ Бакинской губерніи сельскихъ обществъ, ихъ об-

1) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1865 г., № 22, связка 10. Донесеніе бакинскаго губернатора г.-м. Колюбакина генералъ-адютанту кн. Орбеліани отъ 24 октября 1865 г., № 476.

щественнаго управленія и повинностей государственныхъ и общественныхъ должно быть произведено на тѣхъ же главныхъ основаніяхъ, какія дѣйствовали по Тифлисской губерніи и которыя, какъ мы знаемъ, развиты въ особо изданномъ 11-го апрѣля 1865 года Положеніи. При томъ комитетъ полагалъ нужнымъ принять во вниманіе особыя мѣстныя условія, нѣкоторыя видоизмѣненія въ частностяхъ. Составленное Комитетомъ Положеніе о сельскихъ обществахъ въ Бакинской губерніи Великимъ княземъ утверждено 23-го августа 1865 года.

Особенности новаго Положенія съ таковымъ же дѣйствовавшимъ по Тифлисской губерніи заключались въ слѣдующемъ:

По неимѣнію въ Бакинской губерніи другихъ вѣдомствъ крестьянъ, исключая лишь казенныхъ, не представлялось надобности въ образованіи тамъ въ составѣ сельскихъ обществъ частныхъ обществъ по *вѣдомствамъ;* но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ одномъ и томъ же селеніи крестьяне жили и имѣли хозяйственныя угодья на земляхъ, принадлежащихъ или казнѣ или частнымъ владѣльцамъ (бекамъ) и потому самыя хозяйственные интересы отличались одни отъ другихъ, то признано было полезнымъ образовать частныя крестьянскія общества не по вѣдомствамъ, а по различію на чьихъ земляхъ поселяне жили и имѣли хозяйственныя угодья.

Постановленія Тифлисскаго Положенія, по которому сельскому старшинѣ предоставлено непосредственное право снабжать крестьянъ билетами и паспортами, для Бакинской губерніи, какъ сопряженное съ невыгодными послѣдствіями, было устранено.

Для болѣе правильнаго подраздѣленія какія проступки разбирать сельскому старшинѣ и сельскому суду въ Положеніи перечислены всѣ такія маловажные проступки съ поясненіемъ: когда проступки подлежащіе разбору сельскаго

старшины могутъ быть переданы на сужденіе сельскаго суда и по какимъ проступкамъ; независимо отъ наказанія виновный не свободенъ и отъ вознагражденія обиженнаго соотвѣственнаго причиненному вреду или убытку. Ни въ общемъ крестьянскомъ Положеніи 19-го февраля 1861 года, ни въ Тифлисскомъ не обозначено перечисленіе такихъ проступковъ. Присутствіе сельскаго суда должно было составляться изъ нечетнаго, не менѣе трехъ, числа судей.

Въ предотвращеніе того, чтобы тяжебныя дѣла, подлежавшія по существу своему прямому разбору и рѣшенію сельскаго суда, не передавались въ шаріатъ (духовный судъ), значеніе котораго, по мнѣнію Комитета, усиливать было невыгодно и постановленія котораго не совпадаютъ съ системою суда примирительнаго, а иногда противорѣчатъ установившимся въ крестьянскомъ быту обычаямъ, въ Положеніе включено правило, по которому сельскій судъ въ подобныхъ дѣлахъ самъ постановляетъ рѣшеніе, не отсылая отъ себя тяжущихся въ шаріатъ.

Наконецъ, Положеніемъ было признано нужнымъ предоставить высшей власти въ необходимыхъ случаяхъ лишать сельскія общества права выбора сельскаго старшины и другихъ должностныхъ лицъ сельскаго управленія [1]).

Переведенное на татарскій и армянскій языки Положеніе препровождено бакинскому губернатору для немедленнаго обнародованія съ приказаніемъ образовать сельскія общества, созвать сельскіе сходы и выбрать сельскихъ должностныхъ лицъ; при этомъ для успѣха проведнія реформы рекомендовалось командировать довѣренныхъ и благонадежныхъ чиновниковъ, которые бы объяснили поселянамъ важность и значеніе новаго общественнаго устройства, равно и сущность

---

1) Тамъ же. Отношеніе Великаго князя предсѣдателю Кавказскаго комитета отъ 23 августа 1865 г., № 365.

обязанностей, возлагаемыхъ Положеніемъ на самихъ поселянъ Закончить образовніе сельскаго управленія и суда назначено не позднѣе трехъ мѣсяцевъ по утвержденіи расписанія сельскихъ обществъ [1]).

Это предположеніе ввести реформу въ теченіе трехъ мѣсяцевъ встрѣтило нѣкоторыя затрудненія: энергія и желаніе мѣстной администраціи возможно скорѣе осуществить образованіе сельскихъ обществъ встрѣчены были населеніемъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ и послужили источникомъ къ разнымъ неблагопріятнымъ и вреднымъ толкамъ. Все это заставило генерала Колюбакина держаться системы постепенности и замедлить окончаніе дѣла, чтобы дать народу время ближе ознакомиться съ новыми учрежденіями, и чтобы въ самомъ населеніи созрѣло бы желаніе устроить свое общественное управленіе.

Основныя начала организаціи сельскихъ обществъ и ихъ общественнаго управленія по общимъ крестьянскимъ законоположеніямъ заключались въ самостоятельности избранія обществами своихъ должностныхъ лицъ и затѣмъ въ самостоятельности разбора этими лицами споровъ и тяжбъ между крестьянами маловажныхъ ихъ проступковъ, въ отвѣтственномъ наблюденіи за поведеніемъ крестьянъ и въ принятіи полицейскихъ мѣръ къ предупрежденію всякаго рода преступныхъ дѣйствій, а въ случаѣ совершенія преступленій—въ открытіи и задержаніи виновныхъ. Эти главныя основанія крестьянскаго самоуправленія, принятыя въ имперіи, предоставляя просторъ самодѣятельности крестьянскихъ обществъ, вмѣстѣ съ тѣмъ замѣнили въ имѣніяхъ, населенныхъ бывшими крѣпостными людьми, помѣщичье вотчинное право.

Совершенно другой характеръ пріобрѣтало сельское самоуправленіе Бакинской губерніи. Тамъ крѣпостнаго

1) Тамъ же. Предписаніе статсъ-секретаря барона Николаи бакинскому военному губернатору отъ 29 сентября 1866 г., № 443.

права никогда не существовало, а особымъ законодательнымъ актомъ (рескриптъ 6-го декабря 1846 года) владѣльцамъ изъ бековъ вмѣстѣ съ пожалованіемъ въ собственность земли присвоены нѣкоторыя вотчинныя права, которыя послѣ проведенія реформы оказались въ полномъ противорѣчіи съ указанными основаніями крестьянскаго самоуправленія. Въ самомъ дѣлѣ, мы уже знаемъ, что по Положеніямъ 1847 и 1852 годовъ владѣльцы имѣли непосредственное вліяніе не только на избраніе старшинъ, но и право надзора за разборомъ старшинами всѣхъ споровъ и взаимныхъ между поселянами неудовольствій и претензій, а также проступковъ, не влекущихъ за собою уголовныя наказанія; равнымъ образомъ имъ порученъ полицейскій надзоръ за всѣми безъ различія живущими на ихъ земляхъ лицами. Всѣ эти обязанности послѣ реформы сельскаго общественнаго управленія фактически принадлежали старшинамъ и сельскимъ сходамъ.

Такія же точно полицейскія права Положеніемъ 1847 года были присвоены и агаларамъ бывшихъ трехъ татарскихъ дистанцій Грузіи, и, какъ указано выше, по особому ходатайству князя Орбеліани, въ 1861 году эти преимущества агаларовъ были отмѣнены съ возложеніемъ ихъ обязанностей на старшинъ. Такая подготовительная мѣра дала возможность послѣ обнародованія по Тифлисской губерніи крестьянской реформы совершенно безъ затрудненія ввести въ татарскихъ участкахъ новое сельское общественное управленіе. Между тѣмъ въ Бакинской губерніи вмѣстѣ съ новымъ сельскимъ управленіемъ оставалось одновременное дѣйствіе Бекскаго Положенія. Это создавало противорѣчіе въ самомъ законодательствѣ и должно было подавать поводъ къ недоразумѣніямъ и столкновеніямъ.

Ходатайствуя объ уничтоженіи всякихъ такихъ отношеній, которыя имѣли сходство съ отношеніями крѣпостными, Великій князь писалъ: „Если таковыя были допущены въ Положе-

ніяхъ, которыя опредѣляли отношенія по водворенію крестьянъ казенныхъ на землѣ владѣльческой, то это оправдывалось 20 лѣтъ тому назадъ совершенно иными политическими и экономическими условіями края и необходимостью въ то время возложить на высшее сословіе нѣкоторую долю участія въ сохраненіи порядка и спокойствія, которому само правительство не могло посвятить достаточное вниманіе, будучи отвлечено животрепещущими, неотложными заботами военными. Нынѣ эти соображенія уже не имѣютъ силы, и если присовокупить къ тому, что 20-ти-лѣтній опытъ не убѣдилъ въ дѣйствительности этого участія высшаго сословія въ охраненіи порядка и спокойствія, то польза въ дальнѣйшемъ предоставленіи ему правъ полицейскихъ и вотчинныхъ сама собою исчезаетъ" [1]).

Ходатайство Великаго князя было уважено, и 28-го сентября 1866 года отмѣнены всѣ постановленія о правахъ и обязанностяхъ владѣльцевъ земель въ Бакинской губерніи по отношенію къ жившимъ на ихъ земляхъ поселянахъ [2]).

Устраненіе агаларовъ бывшихъ татарскихъ дистанцій Тифлисской губерніи и бековъ Бакинской губерніи отъ управленія деревнями и освобожденіе ихъ отъ полицейскихъ обязанностей по надзору за поселянами были лишь подготовительными мѣрами къ реформѣ.

Но кромѣ этихъ губерній въ Закавказскомъ краѣ были еще и другія мусульманскія провинціи, въ которыхъ поземельныя отношенія владѣльцевъ и поселянъ даже не были опредѣлены въ законодательномъ порядкѣ, какъ напримѣръ въ Эриванской губерніи и Ахалцихскомъ уѣздѣ. На

---

[1]) Тамъ же. Отношеніе Великаго князя предсѣдателю, Кавказскаго комитета отъ 28 августа 1866 г., № 396.

2) Всѣ эти права и обязанности изложены въ изданномъ кн. Воронцовымъ Положеніи 1847 года: въ §§ 32, 23, 36, 37, 39 и въ дополненіи къ этому послѣднему параграфу.

какихъ же основаніяхъ существовали поземельныя отношенія въ этихъ частяхъ края? Въ бывшихъ ханствахъ Эриванскомъ и Нахичеванскомъ дѣйствовало *мулькодарское и тіульное право*

Мулькодарское и тіульное право въ этихъ ханствахъ возникло послѣ утвержденія въ Малой Азіи татаръ и монголовъ. Всѣ земли, по праву войны, дѣлались собственностью побѣдителя, который всѣ пріобрѣтенія дѣлилъ на ханства, магалы, селенія и пр., поручалъ управленіе и охраненіе ихъ ближайшимъ своимъ сподвижникамъ, смотря по значенію каждаго. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени, между предводителемъ и различными-начальниками установились двоякаго рода отношенія: по пожалованіямъ за особые подвиги, отличія и по предоставленію кромѣ того содержанія за время управленія различными чмстями и участками той или другой завоеванной области.

Эти основанія логически вытекали изъ права побѣдителя и имѣли почти однородное значеніе также и въ исторіи европейскихъ народовъ. Такъ извѣстно, что изъ тѣхъ же началъ военнаго права и тѣсныхъ отношеній побѣдителя къ ближайшимъ своимъ сподвижникамъ возникло изъ среды германскихъ дружинъ феодальное и ленное право со всѣми послѣдующими различіями и оттѣнками. Изъ подобныхъ же началъ сложилась и среди славянскихъ племенъ удѣльная система, а впослѣдствіи, при паденіи этой системы, боярство съ пожалованіемъ за службу и особенныя заслуги земель, а далѣе и на другихъ, болѣе сильныхъ правахъ владѣнія, изъ котораго затѣмъ образовалось крѣпостное право въ различныхъ его выраженіяхъ. Такое вознагражденіе служилаго сословія вмѣсто денегъ или жалованья правомъ временнаго или наслѣдственнаго пользованія государственными имуществами продолжалось въ Россіи до Петра Великаго, когда за особыя заслуги раздавались цѣлыя области на кормленіе (воеводства).

Мюлькъ и тіулъ въ Эриванскомъ и Нахичеванскомъ ханствахъ имѣли одни и тѣ же источники происхожденія, они не получили только, подобно феодальному и удѣльному владѣнію, дальнѣйшаго своего развитія. Вслѣдствіе событій, прекратившихъ самостоятельное владычество восточныхъ государей, вслѣдствіе взгляда властей, или, наконецъ, по коренному началу, которое въ религіозно-общественномъ ученіи Магомета исключаетъ всякій видъ прикрѣпленія личной свободы поселянъ къ владѣльцу, дальнѣйшее развитіе мусульманскаго поземельнаго права остановилось на степени пожизненнаго или наслѣдственнаго обладанія населенными землями съ тѣми только въ пользу владѣльца правами на извѣстную часть поземельнаго дохода, которую поселяне были обязаны вносить правительству или казнѣ [1]).

Такъ сложились поземельныя отношенія при персидскомъ правительствѣ и въ ханствахъ. Вся земля въ каждой владѣльческой деревнѣ находилась въ полномъ распоряженіи владѣльца—мюлькодара; онъ же самъ надѣлялъ жителей участками земли, соображаясь съ потребностью каждаго изъ нихъ. Мюлькодаръ, какъ полный хозяинъ въ своей деревнѣ, занималъ подъ собственные посѣвы столько угодій, сколько ему было необходимо, не платя за то ничего ни правительству, ни обществу. Землю для него пахали жители каждаго дыма по три дня въ годъ; средствами же поселянъ производились мюлькодарскіе посѣвы и полевыя работы.

Всѣ произведенія, какія только получалъ мюлькодаръ, жители доставляли къ нему на домъ; они помогали ему также при производствѣ какихъ либо построекъ; къ мюлькодару кромѣ того назначалась постоянная прислуга отъ нѣсколькихъ семействъ въ каждой деревнѣ; обыкновенно число

---

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1870 г., № 33, связка 39. Докладъ эриванскаго военнаго губернатора начальнику Главнаго управленія отъ 31 октября 1865 г., № 1813.

этихъ семействъ относилось къ населенію, какъ къ 10-ти или 15-ти; прислуга эта называлась *тарханъ* и она освобождалась отъ платежа всѣхъ податей и повинностей казнѣ. Мюлькодару доставлялась годовая пропорція дровъ, если при деревняхъ состояли лѣса.

Переселеніе жителей изъ мюлькодарскихъ деревень безъ согласія владѣльцевъ допускалось лишь тогда, если владѣлецъ не надѣлялъ ихъ достаточнымъ количествомъ земли или проявлялъ жестокость въ обращеніи. Въ свою очередь владѣлецъ имѣлъ право всегда выселять изъ своей деревни тѣхъ жителей, которые оказывали ему неповиновеніе или замѣчены въ утайкѣ слѣдуемой владѣльцу части земныхъ произведеній.

За право пользованія пастбищами въ пользу мюлькодара взималась плата въ натурѣ, называемая *чопбаши*, тоже самое, что въ Грузіи *сибалахо*. Безъ дозволенія мюлькодара жители не имѣли права строить въ деревняхъ мельницы или другія промышленныя заведенія и въ случаѣ разрѣшенія они платили владѣльцу плату, обусловленную взаимнымъ соглашеніемъ. Наконецъ мюлькодарамъ въ деревняхъ принадлежала полицейская расправа по маловажнымъ проступкамъ [1]).

По присоединеніи Эриванскаго и Нахичеванскаго ханствъ къ Россіи правительство оставило существовавшія тамъ поземельныя отношенія. Мюлькодары—владѣльцы мюлька или неотъемлемой собственности земли, на которой землевладѣльцы были поселены на правахъ вольныхъ хлѣбопашцевъ, могли свои мюльки продавать, закладывать, дарить, но на самыхъ поселянъ они не имѣли никакого вліянія. Изъ *ярыкернаго* Положенія персидскаго правительства видно, что если мюлькодаръ давалъ поселянамъ сѣмена, плу-

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи государственныхъ имуществъ 1845 г., № 92 ч. 2-я, связка 6173. Прошеніе мюлькодаровъ Эриванской губерніи Великому князю отъ 5 декабря 1862 года.

ѣи и другія земледѣльческія орудія, то получалъ отъ нихъ половинную часть произведеній. Однако положительныхъ условій вообще между обоими сословіями не существовало, а сохранился обычай, по которому съ хлопчатой бумаги поселянинъ выдѣлялъ $^{10}/_{30}$ урожая и изъ него платилъ багру (казенную подать) $^{6}/_{30}$, а мюлькодару $^{4}/_{30}$; со всѣхъ же другихъ произведеній выдѣлялъ $^{7}/_{30}$ съ урожая, при чемъ въ багру поступало $^{3}/_{30}$, а мюлькодару— $^{4}/_{30}$. Кромѣ мюлькодарскаго правительство застало въ ханствахъ еще тіульное право.

Беки были жалуемы тіулами—имѣніями на арендномъ правѣ, пожизненно или потомственно, что всегда объяснялось въ шахскомъ рагамѣ (грамотѣ). Тіулъ составлялъ собственно тотъ доходъ, который прежде поступалъ въ казну; другими словами тіулисту поступала багра, и если онъ имѣлъ въ той деревнѣ мюлькъ, что почти всегда и случалось, то такая деревня въ казну уже ничего не платила, а всѣ $^{10}/_{30}$ урожая поступали въ пользу тіулиста—мюлькодара.

При персидскомъ правительствѣ тіулы подраздѣлялись на 4 разряда: 1) тіулы потомственные, переходившіе во владѣніе къ законнымъ наслѣдникамъ; 2) тіулы магавузи (замѣненные), отданные взамѣнъ мюльковъ; при чемъ такая замѣна практиковалась въ случаѣ, если въ одной и той же деревнѣ имѣлись земли казенныя и мюлькодарскія; во избѣжаніе запутанности въ сборѣ повинностей мюлькодарамъ давались взамѣнъ мюльковъ особыя деревни, доходы съ которыхъ соотвѣтствовали доходамъ замѣненныхъ земель; впрочемъ, мюлькодары во всякое время могли уничтожить это условіе, заключавшееся большею частью на словахъ съ сардаремъ; 3) тіулы пожалованные служащимъ лицамъ вмѣсто содержанія наличными деньгами; владѣніе такими тіулами продолжалось до окончанія исправленія должности или ми-

лости сардаря; 4) наконецъ послѣдній разрядъ тіуловъ принадлежалъ Эчміадзинскому монастырю [1]).

Тіулами пользовались какъ мусульмане, такъ и армяне. Въ тіульное владѣніе могла отдаваться каждая деревня, но преимущественно та, въ которой жалуемый уже имѣлъ мюлькъ; если же въ тіулъ назначалась казенная деревня, то награждаемый могъ пользоваться только одною багрою.

Владѣтели тіуловъ имѣли право распоряжаться имѣніями по своему усмотрѣнію и управляли ими безъ всякаго участія правительственной власти; однако тіулисты не могли оставить поселянъ безъ надѣла землею. Тіульный владѣлецъ, получая отъ поселянъ третью часть всего урожая, а иногда и половину, по особому условію съ жителями сверхъ того бралъ съ нихъ и денежныя подати [2]).

При русскомъ правительствѣ доходы владѣльцевъ земли раздѣлялись на два разряда: признанные правительствомъ и утвержденные обычаями.

Признанные правительствомъ тіулисты получали по 2 руб. 50 копѣекъ подымной подати и натурою изъ тридцати частей семь отъ всѣхъ произведеній земли, по 80 копѣекъ за каждое самарное мѣсто земли, отведенной подъ огороды, сады, бостаны, считая измѣреніе земли количествомъ посѣва пшеницы, т. е., что самаръ заключалъ въ себѣ посѣва пшеницы три пуда.

По утвержденнымъ же обычаямъ тіулисты пользовались двумя халварами земли съ каждой ахчи [3]). Впрочемъ владѣльцы пользовались землею подъ собственные посѣвы не въ одина-

---

[1]) Тамъ же, ч. 1-я. Записка г.-л. Ладинскаго „ О правахъ собственности въ Эриванскомъ и Нахичеванскомъ уѣздахъ при персидскомъ правительствѣ“ отъ 30 октября 1847 г., № 331.

[2]) Тамъ же.

[3]) Каждая деревня въ бывшей Армянской области состояла изъ шести ахчей; халваръ равняется 30 пудамъ или 10-ти самарамъ; самаръ—10 батманъ; батманъ;—12 стилей стиль—1 фунту. Но здѣсь халваръ приводится какъ мѣра линейная.

ковой мѣрѣ: нѣкоторые изъ нихъ занимали гораздо больше, отдавая землю на откупъ жителямъ другихъ деревень, отче го нерѣдко возникали споры между влалѣльцами и поселянами. Тіулисты эти кромѣ того получали доходы съ овчарниковъ и зимовниковъ; затѣмъ—по 80 коп. за одну самарную землю, занятую для посадки фруктовыхъ деревьевъ [1]).

Но всѣ эти взаимныя отношенія мюлькодаровъ, тіулистовъ и поселянъ не были утверждены законодательнымъ актомъ. Рескриптъ 6-го декабря 1846 года касался собственно до всѣхъ мусульманскихъ провинцій, присоединенныхъ къ Россіи; тогда какъ Положеніе 20-го апрѣля и 28-го декабря 1847 года относилось только до бековъ бывшей Шемахинской и Дербентской губерній, а также агаларовъ бывшихъ трехъ татарскихъ дистанцій Грузіи. Въ 1851 году князь Воронцовъ представилъ въ Кавказскій комитетъ проектъ о взаимныхъ отношеніяхъ владѣльцевъ земли и поселянами въ Эриванской губерніи и Ахалцихскаго уѣзда; проектъ этотъ былъ составленъ примѣнительно къ Бекскому и Агаларскому Положеніямъ, но Кавказскій комитетъ въ видахъ осторожности нашелъ болѣе удобнымъ препроводить проектъ съ нѣкоторыми измѣненіями обратно князю Воронцову съ тѣмъ, чтобы, приведя постановленія въ исполненіе, на практикѣ провѣрить тѣ или другіе недостатки и затѣмъ уже представить на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ. Открывшаяся Восточная война пріостановила дальнѣйшій ходъ этого дѣла. По заключеніи мира въ 1856 году хотя оно и было возстановлено, но не скоро, именно при князѣ Барятинскомъ въ 1859 году; однако и тогда отложено впредь до разсмотрѣнія общаго вопроса о поземельныхъ правахъ высшаго мусульманскаго сословія въ краѣ.

Между тѣмъ мюлькодары и тіулисты Эриванской губер-

[1]) Тамъ же.

ніи справедливо жаловались на то, что со времени присоединенія ханства сословныя и поземельныя права ихъ оставались не выясненными. „Какъ право по имуществу, такъ право личное,— писали они въ прошеніи Великому князю,—каждый мѣстный правитель страны или чиновникъ, на котораго возлагаемо было собраніе свѣдѣній по сему важному предмету, опредѣлялъ съ своей точки зрѣнія, не имѣя въ основаніи никакихъ фактовъ, и большею частью по примѣненію къ показаніямъ самихъ поселянъ, которые нерѣдко отвергали всякое право владѣльца. На такихъ то данныхъ права владѣльцевъ по волѣ или произвольнымъ мнѣніямъ мѣстныхъ правителей и другихъ служащихъ лицъ, для коихъ чужды интересы владѣльцевъ, или, наконецъ, вслѣдствіе недоразумѣній, постепенно стѣснялись все болѣе и болѣе; между тѣмъ, по мѣрѣ уменьшенія мюлькодарскихъ правъ, число мюлькодаровъ умножилось, не встрѣчая къ тому никакихъ препятствій, именно вслѣдствіе утвердившагося временемъ убѣжденія о томъ, что мюлькодары немногимъ различаются отъ простыхъ поселянъ".

Великій князь, сознавая эти неблагопріятныя послѣдствія, возникшія отъ неопредѣленности сословныхъ правъ, въ 1865 году далъ движеніе проекту, предложивъ эриванскому губернатору во всѣхъ подробностяхъ обсудить права мюлькодаровъ и тіулистовъ; тоже самое приказано было и тифлисскому губернатору въ отношеніи Ахалцихскаго уѣзда.

Только когда всѣ требуемыя соображенія были представлены, Великому князю явилась возможность приступить къ общему обсужденію поземельнаго вопроса и выяснить окончательно способы примѣненія крестьянскихъ законоположеній въ губерніяхъ Бакинской, Эриванской и въ Ахалцихскомъ уѣздѣ.

Устройство быта поселянъ, водворенныхъ на бекскихъ земляхъ, заставало крестьянскій вопросъ въ мусульманскихъ

провинціахъ въ томъ фазисѣ его развитія, когда самыя трудныя задачи уже были разрѣшены предшествовавшими узаконеніями, когда существенныя основанія его выяснились и вошли въ жизнь народа. Дѣйствительно, самыя коренныя начала общей крестьянской реформы, поземельный надѣлъ и установленіе повинностей за пользованіе землей, въ мусульманскихъ провинціяхъ существовали съ древнѣйшихъ временъ и никакіе историческіе перевороты не каснулись ихъ; поселянинъ платилъ повинности тому или другому беку, смотря по тому, на чью долю выпало собираніе дохода; эти отношенія, какъ мы видѣли, пріобрѣли прочность со вступленіемъ различныхъ ханствъ въ русское подданство и окончательно были узаконены рескриптомъ 6-го декабря 1846 года и дальнѣйшими Положеніями.

До изданія рескрипта 6 го декабря беки Бакинской губерніи не считались собственниками земли и пользовались своими имѣніями какъ пожизненные арендаторы, получая опредѣленную ренту, увеличивать которую они не имѣли никакого права; рента эта безъ разрѣшенія правителей не могла переходить и къ наслѣдникамъ. Со времени обнародованія рескрипта власть бека далѣе полученія доходовъ не простиралась и, несмотря на установленіе за ними полицейскихъ обязанностей, всякое вмѣшательство бековъ въ поземельныя дѣла поселянъ всегда вызывало жалобы. Такимъ образомъ практика и жизнь поставили землевладѣніе и землепользованіе въ такія условія, что бекъ не могъ касаться крестьянскаго надѣла; даже участки выморочныхъ семействъ обращались въ полное распоряженіе сельскихъ обществъ. Послѣ рескрипта беки начали покупать, продавать, закладывать имѣнія, но на самомъ дѣлѣ сдѣлки эти выражались переходомъ права пользованія доходами отъ одного къ другому— новому владѣльцу. Однимъ словомъ, хотя въ рескриптѣ замѣтна была тенденція внести въ народъ принципъ поземель-

ной собственности на правахъ помѣщичьихъ, но принципъ этотъ остался на практикѣ безъ осуществленія: поселянскія земли, при всемъ стремленіи бековъ утвердить на новыхъ началахъ свои права, оставались нетронутыми [1]).

И самое изданное 20-го апрѣля 1847 года Бекское Положеніе собственно не каснулось существовавшихъ поселянскихъ надѣловъ, несмотря на то, что почти повсемѣстно поселяне пользовались меньшей противъ опредѣленной Положеніемъ пропорціей земли. Причина такого безсилія закона объясняется отчасти историческимъ ходомъ этого вопроса и обычаемъ, по которому бекъ признавался только пожизненнымъ арендаторомъ, лишеннымъ права вмѣшиваться въ поземельное устройство поселянъ; отчасти же недостаткомъ земли въ бекскихъ имѣніяхъ и, наконецъ, посягательствами вліятельныхъ бековъ, которые, отказывая поселянамъ въ узаконенномъ надѣлѣ, отдавали излишекъ своихъ земель въ аренду постороннимъ лицамъ.

Двадцатилѣтняя практика дѣйствія этого Положенія установила вполнѣ опредѣленныя начала и передъ поселянской реформой въ Бакинской губерніи землевладѣніе и землепользованіе въ бекскихъ имѣніяхъ характеризовалось такими признаками.

Беки въ крестьянскій надѣлъ не вмѣшивались и распредѣленіе земель зависѣло отъ усмотрѣнія самихъ поселянъ. Въ составъ надѣла не входили эйлаги и кишляги (лѣтнія и зимнія пастбища); ими поселяне пользовались по особымъ условіямъ. Крестьянскіе надѣлы ограничивались предѣлами одного имѣнія и если поселяне брали земли въ другихъ имѣніяхъ, то платили за это особо; усадебныя земли нигдѣ не отдѣлялись отъ общаго надѣла и никакихъ особыхъ повин-

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1869 г., № 19, ч. 1-я, связка 69. Соображенія бакинскаго губернатора по крестьянскому вопросу въ мусульманскихъ провинціяхъ.

ностей или отношеній между беками и поселянами не существовало: только въ Ленкоранскомъ уѣздѣ участки принадлежавшіе усадьбамъ давали беку доходъ, такъ какъ на этихъ участкахъ воздѣлывался чалтыкъ [1]).

Малджегатъ, $^1/_{10}$ часть земныхъ произведеній, отбывался преимущественно натурою; примѣры замѣны этой натуральной повинности денежною были весьма рѣдки. Съ тутовыхъ садовъ малджегатъ также платился натурою; относительно же виноградныхъ садовъ между беками и поселянами существовали особыя условія и повинность за нихъ взносилась деньгами. Самый порядокъ, установленый Положеніемъ для взноса малджегата натурой, вызывалъ на практикѣ большія затрудненія, которыя происходили главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что беки или ихъ повѣренные являлись за полученіемъ причитающейся имъ доли съ урожая не въ назначенный срокъ и тѣмъ принуждали поселянъ терять напрасно время и липаться продуктовъ, которые подвергались порчѣ; къ этому нужно присоединить, что беки часто злоупотребляли при выдѣленіи десятой части. Для болѣе правильнаго регулированія малджегата въ большей части имѣній установился обычай, по которому поселянинъ отдавалъ беку зерномъ десятую часть, опредѣляемую по взаимному соглашенію для урожайнаго и неурожайнаго года.

Доставка малджегата производилась поселянами, если даже разстояніе превышало 50 верстъ.

Повинность прислугой была обращена на деньги и за каждаго такого работника взносилось по 30 ти рублей, такъ что на дымъ приходилось по 2 рубля. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ, гдѣ эта повинность отбывалась натурою, въ прислуги отдавались поселяне не имѣющіе собственнаго хозяй-

[1]) Тамъ же. Записка бакинскаго губернатора „О дѣйствіи Положенія 20 апрѣля 1847 года по бекскимъ имѣніямъ“ отъ 16 мая 1869 г., № 794.

ства, одинокія сироты, какъ это указывалось и въ Положеніи.

Повинность рабочими днями выполнялась согласно Положенію, не принимая во вниманіе количества земельнаго надѣла. Почти вездѣ натуральная повинность эта была замѣнена денежною: по 20 коп. за каждый рабочій день.

Также весьма рѣдко исполнялась натурою повинность эврезомъ; она обращена на деньги и присоединена къ рабочимъ днямъ, такъ что беки получали за 20 рабочихъ дней по 4 рубля съ каждаго дыма. Исправленіе дорогъ, канавъ, мостовъ производилось сельскими обществами; что касается ирригационныхъ канавъ, то беки наравнѣ съ поселянами платили особое вознагражденіе *джувару*, который избирался поселянами изъ своей среды, на обязанности котораго лежало равномѣрное распредѣленіе воды для поливки полей и садовъ.

Всѣ установленныя Положеніемъ повинности выполнялись подъ отвѣтственностью каждаго дыма отдѣльно, какой бы ни былъ способъ пользованія землею, общинный или подымный [1]).

Бекскіе поселяне, занимавшіеся въ большихъ размѣрахъ скотоводствомъ, въ Шемахинскомъ и Геокчайскомъ уѣздахъ откупали пастбища у казны; въ Ленкоранскомъ же уѣздѣ они платили беку чопбаши, наравнѣ съ другими арендаторами, по 1 копѣйкѣ съ барана, по 5-ти копѣекъ съ каждой лошади и крупнаго рогатаго скота; въ Джеватскомъ уѣздѣ откупали у бековъ зимнія пастбища отъ 20 до 30 рублей, смотря по качеству этихъ пастбищъ; кочевое населеніе этого уѣзда платило бекамъ за свой пастбищный участокъ по 4 рубля съ дыма. Въ остальныхъ уѣздахъ губерніи кочеваго населенія жившаго на бекскихъ земляхъ не было.

1) Тамъ же.

Переселеніе съ бекскихъ имѣній на казенныя земли допускалось отдѣльными семействами; при этомъ сады и усадьбы поселяне продавали своимъ односельцамъ или постороннимъ лицамъ съ обязательствомъ уплаты бекамъ установленныхъ повинностей; пахатная же земля поступала въ распоряженіе обществъ, и только въ Ленкоранскомъ уѣздѣ—къ бекамъ.

Всѣхъ бекскихъ имѣній ко времени реформы считалось 206, въ нихъ владѣльцевъ 166 и соучастниковъ 226.

Поселяне, имѣвшіе одну только усадебную осѣдлость, встрѣчались только въ Шемахинскомъ и Ленкоранскомъ уѣздахъ; въ Шемахинскомъ уѣздѣ такіе поселяне раздѣлялись на двѣ категоріи: коренные и пришельцы; первые платили бекамъ только деньги за рабочіе дни и были освобождены отъ отбыванія другихъ повинностей; вторые вносили съ каждаго дыма отъ 30-ти до 60 копѣекъ въ годъ. Число такихъ поселянъ доходило до 346 семействъ; въ Ленкоранскомъ уѣздѣ поселяне, имѣвшіе въ деревняхъ одну только усадебную осѣдлость, встрѣчались преимущественно въ Астаринскомъ магалѣ; ихъ считалось вообще въ уѣздѣ до 238 семействъ и они преимущественно нанимались пастухами и присматривали за бекскими стадами, не получая за то никакого вознагражденія; за пастьбу же собственныхъ стадъ платили владѣльцу чопбани на общемъ основаніи [1]).

Въ многоземельныхъ и крупныхъ имѣніяхъ беки имѣли свое хозяйство; малоземельные же преимущественно довольствовались полученіемъ съ поселянъ малджегата. Крестьянскую усадьбу составляли всѣ хозяйственныя и жилыя постройки съ огородами, садами и пр. Выстроенныя крестьянами мельницы принадлежали имъ въ собственность и беки съ нихъ не получали никакихъ доходовъ, точно также ничего

[1]) Тамъ же.

не взималось съ крестьянскихъ лавокъ, съ пчельниковъ и огородовъ; только съ бостановъ въ пользу бековъ выдѣлялся малджегатъ. Стоимость крестьянскихъ садовъ опредѣлялась по роду насажденій и качествамъ почвы. Особенно цѣнились виноградные сады сел. Матрасы Шемахинскаго уѣзда. Земельный надѣлъ въ этомъ уѣздѣ на каждый дымъ простирался отъ 5-ти до 25-ти десятинъ, въ Геокчайскомъ—отъ 5-ти до 20, въ Ленкоранскомъ средній надѣлъ не превосходилъ 7 десятинъ, въ Джеватскомъ—не болѣе 3—5 десятинъ. Сѣнокосныя мѣста входили въ общій надѣлъ.

Способы пользованія землею въ губерніи не имѣли опредѣленнаго характера. Со времени введенія сельскихъ управленій наблюдалось стремленіе поселянъ перейти изъ личнаго владѣнія къ новому порядку общиннаго пользованія землею. Сельское общество распоряжалось надѣломъ безъ всякаго вмѣшательства бековъ; между тѣмъ повинности уплачивались не обществами, а каждымъ дымомъ отдѣльно. Только въ Ленкоранскомъ уѣздѣ существовало участковое пользованіе: надѣлъ поселянскаго дыма оставался въ его пользованіи навсегда; участки же выбывшихъ семействъ возвращались обратно бекамъ; наемная или оброчная плата составляла $^1/_4$ съ урожая—черектаръ.

Водопой для скота у бековъ и поселянъ губерніи былъ общій; поливныя канавы устраивались и поддерживались вездѣ трудами поселянъ. Въ Ленкоранскомъ уѣздѣ кромѣ канавъ были устроены водохранилища—*истль*, которыя составляли собственность поселянъ; въ этомъ же уѣздѣ, гдѣ существовали бекскіе лѣса, поселяне пользовались ими безвозмездно; въ Шемахинскомъ и Джеватскомъ уѣздахъ лѣсовъ совсѣмъ не было [1]).

Въ Эриванской губерніи передъ поселянской реформой

[1]) Тамъ же.

всѣхъ мюлкодарскихъ деревень, въ которыхъ были водворены поселяне, состояло 302; изъ нихъ въ Эриванскомъ 69, Эчміадзинскомъ 103, Нахичеванскомъ 119 и Новобаязетскомъ 11. Общее число мюлькодаровъ простиралось до 385 семействъ. Во всѣхъ мюлькодарскихъ имѣніяхъ поселянскихъ дымовъ состояло 12310 и въ нихъ душъ мужескаго пола 45241. Въ одномъ только Новобаязетскомъ уѣздѣ не было безземельныхъ поселянъ, въ Эриванскомъ хотя всѣ они имѣли усадебную осѣдлость, но около $^1/_3$ изъ нихъ не были надѣлены землею; въ Эчміадзинскомъ уѣздѣ безземельные поселяне, имѣвшіе одну лишь жилую осѣдлость, находились почти въ каждой деревнѣ и число ихъ простиралось до 800 душъ; въ Нахичеванскомъ уѣздѣ поселянъ, имѣвшихъ жилую осѣдлость но не надѣленныхъ землею, считалось до 400 семействъ. Безземельные поселяне вообще не зависѣли отъ владѣльцевъ и никакихъ отношеній къ нимъ не имѣли: они не платили податей, не отбывали повинностей, въ томъ и другомъ за нихъ отвѣчали общества.

Всѣ земли мюлькодарскихъ деревень, вездѣ безъ исключенія, состояли въ полномъ распоряженіи водворенныхъ на нихъ обществъ. Какъ бы велико или мало ни было количество земли той или другой деревни, она дѣлилась на 6 ахчей и изъ каждой мюлькодару выдѣлялось не болѣе двухъ халваровъ, за что мюлькодаръ съ своей стороны обязанъ былъ платить сельскому обществу ежегодно поземельную подать для взноса въ казну въ числѣ общаго оклада, которымъ была обложена деревня. Мюлькодаръ, однако, не получалъ никакого выдѣла, если деревня была малоземельная.

Поселянская усадьба въ деревняхъ состояла изъ двора (гаятъ), жилаго покоя, въ смежности съ которымъ устраивались конюшни (тавла). Выгонъ для скота не входилъ въ

составъ усадьбы и не находился въ смежности съ поселянскими жилыми и хозяйственными строеніями, а составлялъ произвольно измѣняемое, какъ относительно мѣста отвода, такъ и пространства, угодье, гдѣ весь деревенскій скотъ какъ поселянъ, такъ мюлькодаровъ, пасся вмѣстѣ подъ надзоромъ нанимаемыхъ обществомъ пастуховъ (кургучей). Земли, состоявшія подъ промышленными заведеніями, а равно подъ огородами, пчельниками, входили въ общій надѣлъ. Мюлькодары получали только багру съ огородовъ. Практиковавшійся со стороны мюлькодаровъ сборъ съ промышленныхъ заведеній былъ признанъ незаконнымъ еще княземъ Барятинскимъ.

Опредѣленіе извѣстнаго количества земли подъ усадьбу одного поселянскаго дыма обусловливалось большимъ или меньшимъ пространствомъ ея и численностью семьи; надѣлъ производился по приговорамъ обществъ. Такъ какъ земля не составляла собственности поселянъ, слѣдовательно и не могла быть ими продана, мюлькодары же, передавая свои имѣнія, уступали лишь право одного взиманія съ нихъ извѣстной части дохода, то въ усадьбѣ цѣнились только постройки и сады, доставлявшіе доходъ своему хозяину. Земля подъ поселянскіе сады занималась безплатно, а потому такая земля не имѣла цѣнности; если же садовладѣлецъ и продавалъ иногда садъ, то по оцѣнкѣ собственно деревьевъ; цѣнность же послѣднихъ зависѣла отъ рода насажденія, отъ разстоянія деревни къ городу и, наконецъ, отъ количества воды [1]).

Порядокъ пользованія землей былъ общинный. Общество распредѣляло участки между своими членами по мірскому приговору. Мюлькодари въ эти надѣлы не вмѣшивались. Всѣ оросительныя канавы находились въ непосредственномъ рас-

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1870 г., № 33, связка 39. Донесеніе эриванскаго вице-губернатора Бучена отъ 22 іюля 1869 г., № 2105.

поряженіи обществъ. Уравнительное распредѣленіе воды производилось такъ называемыми мирабами и джуварами—надсмотрщиками, выбираемыми отъ обществъ. За пастьбу скота на мюлькодарскихъ пастбищахъ поселяне платили со 100 головъ крупнаго и мелкаго скота по одной. Чтобы избавиться отъ такой повинности поселяне предпочитали пасти свои стада на казенныхъ пастбищахъ, уплачивая за то въ казну съ каждой головы крупнаго скота по 10 копѣекъ, съ овцы по 1 коп. Лѣсовъ въ мюлькодарскихъ имѣніяхъ не существовало, для топлива преимущественно приготовлялся кизякъ—навозъ обработанный соломой. Для построекъ же поселяне пріобрѣтали лѣсъ изъ казенныхъ дачъ за извѣстную плату въ лѣсничество.

Нужно указать еще, что въ Эриванской губерніи существовали мюлькодары, не принадлежавшіе къ высшему мусульманскому сословію, и они считались владѣльцами мюлька съ одинаковымъ, какъ при персидскомъ, такъ и русскомъ правительствѣ, правомъ пріобрѣтенія отъ лицъ высшаго сословія населенной казенными поселянами земли; такіе мюлькодары, пріобрѣтая мюлькъ, совершали купчія въ шаріатскихъ судахъ и въ отношеніи къ поселянамъ пользовались тѣми же преимуществами, какъ и мюлькодары изъ высшаго сословія. Ко времени реформы число мюлькодаровъ не принадлежавшихъ къ высшему сословію состояло: въ Эриванскомъ уѣздѣ 23 семейства, въ Нахичеванскомъ 1, въ Эчміадзинскомъ 47, всего же въ губерніи было 102 семействъ [1]).

Въ Ахалцихскомъ уѣздѣ высшее сословіе составляли беки. Они владѣли землею по праву тапному, т. е. праву полнаго распоряженія землею, но были и такіе владѣльцы, которые распоряжались землей по праву касріатному, т. е. по условіямъ совершеннымъ какъ при турецкомъ правительствѣ,

1) Тамъ же.

такъ и послѣ открытія въ Ахалцихѣ русскаго управленія.

Турецкое правительство, съ самаго завоеванія Ахалцихскаго пашалыка отъ Грузіи въ XVI столѣтіи, исчислило доходы, приносимые каждой деревней, перевело ихъ на ахчи, означавшія тогда деньги, и положило правиломъ, чтобы одна пятая часть ахчей, т. е. доходовъ съ каждой деревни, принадлежала казнѣ. Эти пятыя части ахчей въ 1587 году были внесены въ книгу *Джаба* и при вступленіи на престолъ султана Махмуда утверждены его печатью.

По системѣ турецкаго правительства ахчи предоставлялись въ пользованіе бековъ и другихъ лицъ, принимавшихъ на себя защиту пашалыка отъ непріятелей и вообще всякую общественную службу. Право пользованія ахчами утверждалось баратомъ, выдаваемымъ отъ султана тому, кто принималъ на себя службу. Бараты, смотря по роду службы, были различные; это различіе выражалось въ числѣ дарованныхъ ахчей; ахчи можно было продавать, но не иначе какъ съ принятіемъ покупщикомъ на себя обязанностей продавца; однако продажа эта была недѣйствительная безъ выдачи на имя покупщила новаго барата, утвержденнаго султанамъ. Со смертью султана всѣ выданные имъ бараты дѣлались недѣйствительными и требовалось полученіе новыхъ баратовъ отъ новаго султана. Если въ назначаемые правительствомъ въ извѣстные сроки для повѣрки бараты не были представляемы, то они теряли силу и на означенныя въ нихъ ахчи выдавались новые бараты другимъ лицамъ. Со смертью владѣльца барата прекращалась его сила, хотя сынъ безъ особыхъ причинъ не лишался ахчей своего отца, но для этого необходимо было засвидѣтельствованіе паши о способности его къ службѣ, при чемъ на имя сына выдавался отъ султана новый баратъ. Вообще опороченныхъ и неспособныхъ къ службѣ лицъ султанъ по представленію паши лишалъ

ахчей и передавалъ ихъ другимъ болѣе полезнымъ правительству лицамъ [1]).

Въ 1828 году, по занятіи Ахалцихскаго пашалыка, фельдмаршалъ графъ Паскевичъ-Эриванскій въ особой прокламаціи объявилъ бекамъ, что если кто изъ нихъ пожелаетъ удалиться въ Турцію, то имъ дозволяется продать свои имѣнія.

Разрѣшеніемъ выѣзда многіе беки воспользовались, но вмѣстѣ съ тѣмъ со стороны Ахалцихскаго временнаго правленія были допущены большія злоупотребленія при совершеніи продажныхъ актовъ: значительныя казенныя имѣнія были проданы турецкими бекамъ въ частныя руки подъ видомъ собственныхъ и не только чиновники, но и граждане, торговцы и маркитанты преимущественно изъ армянъ, пріобрѣли такимъ путемъ заселенныя земли.

Злоупотребленія Ахалцихскаго временнаго правленія заключались въ томъ, что членамъ его было извѣстно значеніе ахчей и баратовъ, но несмотря на это оно заключало акты по продажѣ; оно допустило продажу по баратамъ, потерявшимъ силу и дѣйствіе еще при турецкомъ правительствѣ; свидѣтельстованіе касріатовъ, неправильно названныхъ купчими крѣпостями, совершалось безъ постановленія присутствія одними секретарями; акты совершались безъ всякихъ письменныхъ доказательствъ со стороны продавцовъ и покупщиковъ [2]).

Такъ или иначе оказалось, что много земель перешло къ лицамъ, совершенно неимѣвшихъ права владѣть недвижимыми имуществами и это обстоятельство побудило бывшаго главноуправляющаго Грузіей барона Розена поручить надвор-

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1866 г., № 1, ч. 1-я, связка 12. Записка „О владѣльцахъ и живущихъ на ихъ земляхъ поселянахъ въ Эриванской губерніи и Ахалцихскомъ уѣздѣ Тифлисской губерніи".

[2]) Тамъ же.

ному совѣтнику Филиппову обревизовать и изслѣдовать допущенные Ахалцихскимъ правленіемъ безпорядки.

Представленныя Филиповымъ свѣдѣнія обсуждались въ Совѣтѣ Главнаго управленія, который въ журналѣ своемъ отъ 8 апрѣля 1839 года полагалъ всѣ имѣнія конфисковать въ казну, отстранивъ покупщиковъ отъ пользованія ими; взамѣнъ чего выдать вознагражденіе только тѣмъ, въ дѣйствіяхъ которыхъ при покупкѣ не было ни подлога, ни умысла пріобрѣсти завѣдомо казенную землю; дѣйствія же чиновниковъ, допустившихъ безпорядки, Совѣтъ нашелъ возможнымъ смягчить, принимая во вниманіе, что въ 1828 и 1829 годахъ временное правленіе не могло въ точности усвоить систему турецкаго законодательства.

Правительствующій Сенатъ въ 1841 году поэтому поручилъ все это дѣло передать въ ахалцихскій уѣздный судъ и предоставить ему во всей подробности разсмотрѣть права частныхъ лицъ на владѣніе пріобрѣтенными имѣніями. Что касается вопроса о чиновникахъ, то впослѣдствіи, по особому указу Правительствующаго Сената отъ 16 іюля 1846 года, приказано ихъ отъ дальнѣйшаго преслѣдованія, суда и всякой отвѣтственности освободить, и самое производство дѣла совершенно прекратить.

Между тѣмъ при разсмотрѣніи ахалцихскимъ уѣзднымъ судомъ дѣлъ о недвижимыхъ имѣніяхъ явились затрудненія, касавшіяся самого существа поземельныхъ правъ бековъ при турецкомъ правительствѣ; но Правительствующій Сенатъ предписалъ суду, не входя ни въ какія подробности хода и обстоятельствъ дѣла объ имѣніяхъ, ограничиться только разборомъ документовъ, по которымъ имѣнія куплены отъ бековъ; при этомъ раздѣлить всѣ документы на три разряда: документы, дѣйствительность которыхъ не подлежала никакому сомнѣнію, документы сомнительные и документы подложность которыхъ безусловно доказывалась. Ахалцихскимъ

уѣзднымъ судомъ, по разсмотрѣніи документовъ, къ первому разряду отнесены 88; затѣмъ по упраздненію этого суда дальнѣйшимъ разборомъ правъ владѣльцевъ занимался Кутаисскій губернскій судъ.

Кромѣ владѣльцевъ, которые пріобрѣли недвижимыя имѣнія указаннымъ выше способомъ, въ Ахалцихскомъ уѣздѣ оставались и беки, не пожелавшіе выселиться въ Турцію, и владѣвшіе имѣніями по баратамъ; многіе же крестьяне имѣли особые свидѣтельства—*тапы* на условное пользованіе землею, съ обязательствомъ уплачивать казнѣ $^1/_5$ часть съ дохода [1]).

Послѣ продолжительной переписки въ 1814 году были опредѣлены взаимныя отношенія владѣльцевъ и поселянъ въ уѣздѣ. По новому закону за пользованіе поселянами принадлежащими помѣщикамъ землями установленъ сборъ десятой части урожая всѣхъ произведеній земли (багра); всѣ остальные сборы предметами домашняго хозяйства, отбываемые поселянами по турецкому обычаю, отмѣнены. Въ вознагражденіе за отмѣненныя повинности помѣщикамъ предоставлено пользоваться отъ поселянъ шестью рабочими днями въ годъ съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы трудъ поселянъ былъ бы обращенъ исключительно для воздѣлыванія земли. Постановленіе это одинаково относилось какъ до коренныхъ ахалцихскихъ бековъ, такъ и лицъ, которыя владѣли купленными отъ эмигрантовъ имѣніями.

Въ развитіе закона Совѣтъ Главнаго управленія установилъ болѣе подробныя правила о взаимныхъ отношеніяхъ владѣльцевъ и поселянъ. По этимъ правиламъ съ садовъ разведенныхъ на землѣ тѣхъ владѣльцевъ, на земляхъ которыхъ поселяне имѣли осѣдлость, въ пользу первыхъ отдѣлялась также десятая часть дохода; если же поселяне тамъ

1) Тамъ же.

не имѣли осѣдлости, то выдѣляемая часть дохода составляла $^1/_5$. Поселяне пользовались за установленныя повинности только тѣми землями, какія обрабатывали прежде; всѣ остальныя угодія представлялись въ полное распоряженіе владѣльцевъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вся земля была распредѣлена между поселянами, владѣлецъ не имѣлъ права требовать отъ нихъ для собственныхъ посѣвовъ болѣе того количества, какое въ теченіе двухъ рабочихъ дней могло быть вспахано, при чемъ владѣльцы могли, взамѣнъ опредѣленныхъ въ ихъ пользу шести рабочихъ дней, получать по взаимному соглашенію съ поселянами вознагражденіе деньгами или произведеніями, но не личныхъ трудомъ ихъ на другія работы.

Правительство, установивъ отношенія поселянъ къ владѣльцамъ, не имѣло въ виду стѣснять ни тѣхъ, ни другихъ въ соглашеніи взаимныхъ выгодъ и потому разрѣшило взамѣнъ опредѣленныхъ повинностей заключать относительно пользованія землею другія условія по взаимному соглашенію, но не иначе какъ въ составѣ цѣлыхъ обществъ [1]).

Между тѣмъ на практикѣ распоряженія эти почти совсѣмъ не примѣнялись и землевладѣльцы взыскивали съ поселянъ багру по установившемуся еще при турецкомъ правительствѣ обычаю.

Подробныя свѣдѣнія о землевладѣніи и землепользованіи въ Ахалцихскомъ уѣздѣ, какъ необходимый матеріалъ для поселянской реформы, были доставлены командированнымъ туда княземъ Гурамовымъ и уѣзднымъ начальникомъ княземъ Ратіевымъ. Имъ удалось окончательно выяснить фактическія данныя по этому вопросу путемъ самаго тщательнаго изученія на мѣстѣ. Изъ представленнаго ими отчета оказалось,

[1]) Архивъ канцеляріи. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1866 г., № 1, ч. 1-я, связка 12. Докладъ тифлисскаго губернатора Орловскаго начальнику Главнаго управленія отъ 10 октября 1868 г., № 300.

что багра въ пользу землевладѣльца вносилась съ зерновыхъ произведеній зерномъ, она передавалась землевладѣльцу или его сборщику—шубашу тотчасъ послѣ сбора и обмолоченія хлѣба; въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ она сдавалась въ той самой деревнѣ, гдѣ были водворены поселяне, въ большей же части имѣній перевозилась собственными средствами поселянъ на разстояніи одного дня пути. Багра за сѣно вносилась или деньгами по обоюдному соглашенію, или же масломъ, или же сѣномъ; въ послѣднемъ случаѣ она сдавалась въ той самой деревнѣ, гдѣ были водворены поселяне. Съ фруктовыхъ садовъ, за пастбищныя мѣста багра также опредѣлялась взаимнымъ соглашеніемъ. Оказалось еще, что ни въ одномъ изъ имѣній не было введено установленныхъ правительствомъ въ 1844 году въ пользу землевладѣльцевъ рабочихъ дней. Еще въ 1849 году тотъ же князь Ратіевъ доносилъ кутаисскому губернатору, что Положеніе о шести рабочихъ дняхъ на практикѣ оказалось невыгоднымъ для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Поселяне, считая для себя обременительнымъ нести обязательную работу, охотно соглашались принять взамѣнъ рабочихъ дней различныя условія землевладѣльцевъ, которые при этомъ случаѣ, пользуясь своими преимуществами, налагали на поселянъ значительныя повинности. Благодаря этому вмѣсто узаконенной $^1/_{10}$ части съ урожая установилось почти повсемѣстно взысканіе съ поселянъ $^1/_5$—$^1/_8$ части съ урожая, а также денежной и натуральной повинностей [1]).

Въ составъ земель, находящихся въ пользованіи поселянъ, входили усадебныя, пахотныя, подъ сѣнокосами, садами. Въ большой части имѣній вся земля была распредѣлена

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1870 г., № 33, связка 39. Записка тифлисскаго губернатора «Объ отношеніяхъ землевладѣльцевъ и крестьянъ, на ихъ землѣ водворенныхъ въ Ахалцихскомъ уѣздѣ».

между поселянами. Недостатокъ пахатныхъ земель вообще не дозволялъ поселянамъ отдѣлять для посѣвовъ землевладѣльцевъ такое количество, которое въ теченіе двухъ рабочихъ дней могло быть вспахано имѣющимися у поселянъ плугами, при томъ и сами землевладѣльцы, не занимаясь земледѣліемъ, находили для себя невыгоднымъ настаивать на отдѣленіи поселянскихъ земель.

Переселеніе жителей съ мѣстъ ихъ водворенія въ другія происходило весьма рѣдко. При побѣгахъ же и переселеніи въ Турцію сады эмигрантовъ оставались за землевладѣльцами; огороды же и полевыя земли—въ распоряженіи поселянскихъ обществъ. Тамъ, гдѣ земли переселившихся переходили къ владѣльцамъ, а въ этомъ ихъ поддерживали мѣстныя власти, поселяне считали себя обиженными, такъ какъ внесеніе податей за переселившихся все же лежало на обязанности обществъ.

Всѣхъ отдѣльныхъ имѣній при соучастіи церкви въ Ахалцихскомъ уѣздѣ было 165, которыми владѣли 85 семействъ, изъ нихъ бекскихъ 14, ага 13; изъ остальныхъ же одни принадлежали къ дворянамъ, другія къ горожанамъ пріобрѣвшимъ имѣнія отъ бековъ и ага, наконецъ третьи къ не дворянамъ, перекупившимъ впослѣдствіи прибѣгая къ сомнительнымъ средствамъ. По камеральному описанію и по табелямъ казенной палаты всѣхъ дымовъ поселянъ, жившихъ въ владѣльческихъ и казенныхъ имѣніяхъ, считалось 3059 и въ нихъ душъ мужескаго пола 12856.

Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ землевладѣльцы и тапщики имѣли въ своемъ непосредственномъ распоряженіи земли, которыя въ большинствѣ случаевъ были чрезполосными съ поселянскими. Земли, состоявшія въ непосредственномъ распоряженіи владѣльцевъ, назывались чифтликами.

Крестьянская усадьба (чаръ-кеша) состояла изъ жилыхъ (эвъ) и хозяйственныхъ строеній. Въ владѣльческихъ имѣ-

ніяхъ у поселянъ промышленныхъ заведеній не имѣлось. Въ нѣкоторыхъ только имѣніяхъ около самыхъ усадьбъ были устроены маслобойни – бизиръ-хана. Съ пчельниковъ владѣльцы взыскивали отъ каждаго улья 1 1/2 фунта меду; за мельницы—съ каждаго камня по 1 рублю 20 коп. въ годъ. Огороды и бостаны не входили въ составъ усадебной осѣдлости. За усадебныя земли поселяне никакими повинностями не были обязаны. Крестьянская усадьба занимала пространство земли отъ 1/2 до 1 дня паханія. Всѣ почти полевыя земли Ахалцихскаго уѣзда неполивныя и среднимъ числомъ на каждый отдѣльный дымъ приходилось до 30 дней паханія; въ мѣстахъ же, гдѣ находились и поливныя и неполивныя земли, на каждый дымъ приходилось до 8 дней паханія.

Порядокъ пользованія землями былъ подымный, наслѣдственный и потому поселянскія общества не пользовались правомъ передѣла. Сельскія имѣнія не продавались въ частную исключительную собственность, даже чифтлики предоставлялись постороннимъ лицамъ и поселянамъ по тапамъ лишь въ пользованіе 1/5 части урожая въ пользу землевладѣльца. При совершеніи же тапы владѣльцы получали единовременную плату съ десятины неполивной земли отъ 10 до 25 рублей, а съ поливной—отъ 15 до 30 рублей. Большая часть тапныхъ земель и чифтликовъ отдавалась поселянамъ изъ части урожая, въ этомъ случаѣ сначала платилась багра землевладѣльцу, затѣмъ поселянинъ бралъ засѣянное имъ сѣмя, а остальной урожай дѣлился паполамъ между нимъ и тапщикомъ или владѣльцемъ [1]).

Передача тапныхъ земель въ наслѣдственное пользованіе по каскаріатамъ, переуступка тапныхъ правъ по договорамъ другимъ лицамъ и наконецъ тапныхъ земель казнѣ, церкви, беку, гражданину— создали въ уѣздѣ большое разнообра-

[1]) Тамъ же.

зіе землепользованія. Существованіе такихъ обычаевъ мѣшало установленію правильныхъ понятій о поземельномъ правѣ собственности. Обращеніе поселянскихъ участковъ отъ удалившихся въ Турцію эмигрантовъ въ тапныя земли было несправедливо въ отношеніи къ поселянскимъ обществамъ, такъ какъ общества эти платили за выбывшихъ повинности. Большимъ разнообразіемъ тапныхъ правъ поселяне были обременены непомѣрною багрою, не говоря уже о томъ, что въ сущности передача земель по тапамъ составляла весьма значительный косвенный поземельный налогъ [1]).

Комитетъ объ устройствѣ крестьянъ, ознакомившись съ сущностью и свойствами Агаларскаго Положенія, нашелъ, что одновременнаго пересмотра требуетъ также и однородное съ нимъ, изданное въ томъ же 1847 году, Бекское Положеніе по Бакинской и части Елисаветпольской губерніи, а также дѣйствовавшія постановленія объ отношеніяхъ владѣльцевъ и поселянъ Эриванской губерніи и Ахалцихскаго уѣзда. Комитетъ также призналъ, что всѣ эти Положенія по неполнотѣ и по другимъ недостаткамъ, а всего болѣе по несоотвѣтствію ихъ требованіямъ, созданнымъ новѣйшими крестьянскими законоположеніями; слѣдуетъ слить въ одно общее Положеніе для всѣхъ мусульманскихъ частей края.

При установленіи затѣмъ основныхъ началъ для пересмотра Положеній съ цѣлью согласованія ихъ съ крестьянскими законоположеніями выяснилось, что такое согласованіе не представляетъ особенныхъ затрудненій. Дѣйствительно, поземельное устройство въ мусульманскихъ частяхъ края, узаконенное Положеніями 1847 года, уже имѣло тѣ два главныя основанія, которыя были признаны коренными общими

1) Тамъ же. Отношеніе Великаго князя предсѣдателю Кавказскаго комитета отъ 29 октября 1876 г., № 502.

крестьянскими законоположеніями 1861 года, именно: обязательный надѣлъ земли въ постоянное пользованіе поселянъ и право собственности владѣльческаго класса на эти земли. Потому, сохраняя всю силу этихъ основныхъ началъ, предстояло лишь установить подробности, касающіяся предѣловъ и порядка пользованія правами и преимуществами предоставленными обоимъ сословіямъ. При всемъ томъ необходимо было принять во вниманіе двадцатилѣтную практику дѣйствія Положеній 1847 года, а въ Эриванской губерніи и Ахалцихскомъ уѣздѣ—обычное право, еще не уступившее окончательно мѣсто писанному закону.

По обсужденіи главныхъ основъ предполагаемой реформы Комитетъ представилъ Великому князю два проекта. Первый заключалъ постановленія: о надѣлѣ и пользованіи поселянъ землею, о повинностяхъ имъ въ пользу владѣльцевъ, объ уставныхъ грамотахъ и о пріобрѣтеніи поселянами земельнаго надѣла. Второй проектъ опредѣлялъ устройство и составъ мѣстныхъ поселянскихъ учрежденій для приведенія въ дѣйствіе поселянской реформы [1]).

Задача Комитета состояла въ согласованіи существовавшихъ въ мусульманскихъ частяхъ поземельныхъ отношеній съ началами общихъ крестьянскихъ законоположеній. Разсмотримъ, на какихъ основаніяхъ Комитетъ полагалъ въ своихъ проектахъ осуществить реформу.

Повсюду въ мусульманскихъ частяхъ края существовала повинность частью земныхъ произведеній, какъ главное основаніе отношеній пользованія къ владѣнію. Повинность эта при мусульманскихъ правительствахъ была общая какъ къ ханской казнѣ, такъ и къ землевладѣльцамъ; она даже сохранилась при русскомъ правительствѣ до переоцѣн-

1) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1866 г. № 1, ч. 1-я связка 12. Отношеніе Великаго князя предсѣдателю Кавказскаго комитета отъ 2 марта 1870 г., № 32.

ки на денежную подать въ 1843 году. Размѣръ этой повинности почти повсемѣстно выражался $^1/_{10}$ частью урожая тамъ, гдѣ она отбывалась лишь за одно пользованіе землею безъ всякаго участія владѣльца въ расходахъ на обработку. Если въ имѣніяхъ мюлькодарскихъ повинность доходила до $^4/_{30}$, или почти до $^1/_7$, то разность эта вполнѣ окупалась тѣмъ, что она замѣняла всякую личную повинность прислугою или рабочими днями.

Вопросъ объ обезпеченіи поселянъ достаточнымъ надѣломъ разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что за поселянскими обществами сохранялись и окончательно утверждались всѣ тѣ поземельныя угодья, которыми они пользовались до того времени. Собственно эти начала были лишь узаконеніемъ того, что дѣйствительно существовало въ силу Положеній 1847 года, или обычая, или особыхъ правительственныхъ распоряженій. Потому не представлялось никакой надобности создавать нормы высшаго и низшаго надѣла, тѣмъ болѣе, что въ мусульманскихъ частяхъ края не приходилось освобождать поселянъ отъ крѣпостной зависимости, а только предстояло утвердить окончательно давно утвердившіяся поземельныя отношенія. Если и были включены въ проекты нѣкоторые случаи, въ которыхъ дозволялась прирѣзка крестьянамъ земли и отрѣзка отъ нихъ въ пользу владѣльца, то это оправдывалось съ одной стороны желаніемъ сохранить въ имѣніяхъ, въ которыхъ обязательно дѣйствовали Положенія 1847 года, размѣры опредѣленнаго ими надѣла; съ другой стороны, это обусловливалось пользою облегчить посредствомъ выкупа окончательное отдѣленіе поселянскаго хозяйства отъ всякихъ отношеній къ землевладѣльцу, не лишая этого послѣдняго средствъ самому предаваться земледѣльческимъ занятіямъ. Такое облегченіе къ привлеченію членовъ высшаго мусульманскаго сословія къ мирнымъ сельско-хозяйственнымъ занятіямъ постепенно могло уменьшить

невыгоды отъ безпечно-подвижной жизни и послужить къ смягченію нравовъ. Для этого то и было необходимо, чтобы землевладѣльцы даже послѣ окончательнаго развода съ поселянами, и, слѣдовательно, послѣ замѣны ежегодныхъ доходовъ съ имѣній капиталомъ, легко и скоро могущимъ быть издержаннымъ, сохранили бы въ своемъ распоряженіи часть недвижимой собственности для собственнаго своего хозяйства [1]).

Признавалось также желательнымъ переложеніе всѣхъ отбываемыхъ поселянами повинностей на деньги: это значительно упрощало отношенія и прекратило бы поводъ къ неизбѣжнымъ съ отбываніемъ повинностей земными произведеніями столкновеніямъ и затрудненіямъ. Однако, чтобы не вызвать тревогу среди мусульманскаго населенія, подозрительнаго ко всѣмъ нововведеніямъ, Комитетъ полагалъ переложеніе повинностей земными произведеніями на денежную предоставить времени.

Существенное различіе личныхъ отношеній поселянъ, жившихъ на земляхъ лицъ высшаго мусульманскаго сословія въ сравненіи съ бывшимъ крѣпостнымъ населеніемъ остальныхъ частей Закавказья, дало возможность въ проектахъ общаго мусульманскаго Положенія не распространять на поселянъ 9-ти-лѣтняго срока обязательнаго пользованія выдѣленными землями, такъ какъ это имѣло бы характеръ временнаго закрѣпощенія ихъ; при этомъ, однако, признавалось нужнымъ ограничить возможность передвиженія обществъ. Это вызывалось требованіями административными и отчасти политическими: запрещеніе передвиженія обществъ могло затруднять проявляющееся иногда подъ вліяніемъ религіозныхъ внушеній, большею частью доходившихъ изъ сосѣднихъ единовѣрныхъ странъ, увлеченіе мусульманъ къ переселе-

1) Тамъ же.

нію, увлеченіе всегда кратковременное и разорительное, но вмѣстѣ съ тѣмъ нарушающее общественное спокойствіе.

Наконецъ Комитетъ полагалъ предоставить право требовать выкупа занятыхъ земель самимъ *поселянамъ*, а не владѣльцамъ, какъ это установлено въ общихъ крестьянскихъ законоположеніяхъ. Включеніемъ этого условія имѣлась въ виду политическая цѣль — связать населеніе съ землею интересами поземельной собственности и установить имущественную независимость его отъ высшаго сословія [1]).

Утвержденные Великимъ княземъ проекты разсматривались въ соединенномъ присутствіи Главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія и Кавказскаго комитета при участіи командированнаго Намѣстникомъ сенатора князя Багратіонъ-Мухранскаго. Присутствіе сдѣлало нѣкоторыя редакціонныя исправленія и проекты были утверждены императоромъ Александромъ II. 4-го мая 1870 года.

Новымъ поселянскимъ Положеніемъ за ханами, бекабеками, агаларами и прочими лицами высшаго мусульманскаго сословія, а равно за меликами изъ армянъ утверждены окончательно въ потомственную собственность всѣ земли дарованныя рескриптомъ 6-го декабря 1846 года. Водворенные на этихъ земляхъ государственные поселяне сохраняли и на будущее время свободное и безпрепятственное пользованіе своими угодьями съ обязанностью нести за это землевладѣльцу извѣстныя повинности. Такимъ образомъ за поселянами оставлялись въ постоянное пользованіе всѣ тѣ усадьбы, фруктовые, виноградные и тутовые сады, которые они обрабатывали раньше. На приведеніе въ извѣстность и окончательное утвержденіе земель и угодій назначенъ двухгодичный срокъ. Въ уставной грамотѣ ясно и точно опредѣлялись составъ и размѣръ земель, находящихся въ пользованіи по-

1) Тамъ же.

селянскихъ обществъ, равно виды и размѣръ повинностей въ пользу землевладѣльцевъ. Сверхъ земельнаго обезпеченія поселянамъ предоставлялись слѣдующія выгоды: за ними оставлялся тотъ водопой, которымъ они пользовались до реформы, они могли пользоваться въ владѣльческихъ имѣніяхъ лѣснымъ довольствіемъ на обычномъ правѣ; на такихъ же основаніяхъ оставлялись за ними выгоны и пастбищныя мѣста, пользованіе оросительными канавами. За кочевыми обществами, которыя не имѣли вообще земельнаго надѣла и которые главнымъ образомъ занимались скотоводствомъ, сохранено впредь на шесть лѣтъ право кочевья на владѣльческихъ пастбищахъ.

Такъ какъ земельный надѣлъ поселянамъ оставленъ прежній, то повинности малджегатъ или багра оставлены на прежнихъ основаніяхъ, т. е. взносомъ натурою частей земныхъ произведеній; по взаимному же соглашенію между поселянами и владѣльцами повинность натурой могла замѣнится денежной.

Сохраняя въ неприкосновенности права землевладѣнія и землепользованія, установленныя повинности, было обращено вниманіе на такія между владѣльцами и поселянами отношенія, которыя были отмѣнены повсюду въ имперіи, какъ напримѣръ отбываніе поселянами повинностей прислугой, рабочими днями, сборами съ предметовъ хозяйства и промышленности. Отношенія эти создавали какъ бы личную зависимость поселянъ отъ владѣльцевъ и они не могли быть терпимы, такъ какъ въ мусульманскихъ провинціяхъ Закавказья крѣпостнаго права не существовало, а подобныя же повинности были уничтожены даже и въ тѣхъ грузинскихъ, имеретинскихъ и мингрельскихъ имѣніяхъ, въ которыхъ крестьяне считались собственностью помѣщиковъ [1]).

[1]) Гамъ же. ч. 3-я. Воззваніе Великаго князя при обнародованіи указа о поземельномъ устройствѣ поселянъ въ мусульманскихъ частяхъ Закавказскаго края отъ 5 ноября 1870 года.

Отмѣна всѣхъ этихъ повинностей несомнѣнно должна была потрясти хозяйства землевладѣльцевъ. Это заставляло принять во вниманіе интересы высшаго сословія, тѣмъ болѣе, что въ ханскихъ, бекскихъ, агаларскихъ и меликскихъ имѣніяхъ повинности прислугою, рабочими днями и сборами съ предметовъ хозяйства отбывались какъ часть повинностей за пользованіе землей, а не какъ проявленіе личной зависимости поселянъ. По этимъ причинамъ и въ видахъ постепенности отмѣна и замѣна личныхъ повинностей производилась въ такомъ порядкѣ.

Продолжать пользоваться прислугою владѣльцы могли на основаніяхъ Бекскаго и Агаларскаго Положеній 1847 года впредь до окончанія каждой прислугѣ обусловленнаго срока; но если такой срокъ не истекалъ до утвержденія уставныхъ грамотъ, т. е. въ теченіе двухъ лѣтъ, то прислуга во всякомъ случаѣ немедленно освобождалась отъ своихъ обязанностей и съ того времени поселянскій дымъ, въ который возвращался отданный въ прислуги работникъ, обязанъ былъ отбывать повинности на общихъ основаніяхъ.

Повинность рабочими днями сохранялась до введенія уставныхъ грамотъ; послѣ чего она замѣнялась денежною, размѣръ которой выражалъ расцѣнку стоимости рабочихъ дней. Въ имѣніяхъ, въ которыхъ вмѣсто рабочихъ дней былъ установленъ различный сборъ съ предметовъ хозяйства и промышленности поселянъ, съ обнародованіемъ реформы устанавливалась денежная повинность по количеству находящейся въ пользованіи поселянъ земли.

Наконецъ поселянамъ предоставлена возможность пріобрѣтать въ собственность ихъ земельный надѣлъ на обоюдныхъ условіяхъ съ владѣльцами.

Для приведенія въ исполненіе Положенія о поземельномъ устройствѣ поселянъ и для разрѣшенія особыхъ дѣлъ, возникающихъ изъ поземельныхъ отношеній двухъ сословій,

учреждены на такихъ же основаніяхъ, какъ и въ другихъ частяхъ края, мировые посредники и губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія [1]).

Положеніе 14-го мая 1870 года, имѣя главнымъ образомъ цѣлью установить однообразіе весьма разнородныхъ поземельныхъ отношеній, существовавшихъ въ различныхъ мусульманскихъ провинціяхъ Закавказскаго края, въ частности для Эриванской губерніи и Ахалцихскаго уѣзда оказалось отчасти совершенно непримѣнимымъ.

По смыслу первой же статьи Положенія оно распространялось на поселянъ, водворенныхъ на земляхъ лицъ высшаго мусульманскаго сословія, меликовъ изъ армянъ и вообще лицъ, имѣвшихъ право владѣть населенными имѣніями. Между тѣмъ въ Эриванской губерніи землевладѣльцы-тіулисты и землевладѣльцы не принадлежавшіе къ высшему сословію составляли 20 % всѣхъ владѣвшихъ землями на мюлькодарскомъ правѣ. Точно также и въ Ахалцихскомъ уѣздѣ послѣ прокламаціи князя Паскевича имѣнія переселившихся въ Турцію бековъ лихорадочно перекупались лицами непривилегированнаго сословія и преимущественно армянскими торговцами, а правительство впослѣдствіи не настаивало о законности правъ поземельной собственности новыхъ владѣльцевъ.

Съ другой стороны, какъ уже указано, отношенія поселянъ къ владѣльцамъ изъ непривилегированнаго класса въ обѣихъ провинціяхъ установились такія же, какъ и къ лицамъ высшаго сословія; а Положеніе 14-го мая могло касаться только немногихъ лицъ, утвержденныхъ въ правахъ дворянства, такъ какъ личныя права кореннныхъ бековъ хотя и разсмотрѣны временными комиссіями, но еще не были утверждены Верховною властью; права же лицъ, не принадле-

[1]) Тамъ же.

жавшихъ къ высшему сословію, даже совсѣмъ не разсматривались [1]).

Землевладѣльцы изъ армянъ Ахалцихскаго уѣзда въ огражденіе своихъ правъ собственности на перекупленныя ими отъ турецкихъ бековъ земли указывали, что съ уничтоженіемъ повсемѣстно въ имперіи крѣпостной зависимости законъ, запрещавшій владѣніе населенными имѣніями не дворянами, совершенно утратилъ свое значеніе, такъ какъ даже бывшимъ крѣпостнымъ предоставлены права купли и продажи имѣній. Землевладѣльцы доказывали, что въ покупкѣ имѣній турецкихъ бековъ они признавались самимъ правительствомъ, что покупка эта закрѣплена трактатомъ, заключеннымъ между правительствомъ и Турціей, что она освящена Верховною властью, судебными постановленіями и наконецъ давностью. Потому они просили распространить на ихъ имѣнія дѣйствіе Положенія 14-го мая 1870 года [2]).

Что касается мюлькодаровъ бывшихъ ханствъ Эриванскаго и Нухинскаго, то мы уже знаемъ, что они въ ханскія времена собственно не были владѣльцами земель, населенныхъ поселянами, а принадлежали скорѣе къ лицамъ, которымъ правительство обязывалось выдавать отъ извѣстной деревни часть съ урожая земныхъ произведеній; другими словами, мюлькодары были пайщиками казеннаго дохода съ правомъ передавать пай наслѣдникамъ или продавать его по усмотрѣнію постороннему лицу безъ различія сословія, но ни въ какомъ случаѣ они не могли распоряжаться землею, какъ собственностью. Существовавшій особый классъ сборщиковъ податей—серкяровъ, отъ которыхъ мюлькодары удовлетво-

[1]) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1870 г., № 33, связка 39. Журналъ комитета объ устройствѣ крестьянъ 5 января 1871 года.

[2]) Тамъ же. Прошеніе землевладѣльцевъ Ахалцихскаго уѣзда барону Николаи отъ 3 декабря 1870 года.

рялись причитавшеюся имъ частью съ урожая; устранялъ всякое непосредственное отношеніе ихъ къ поселянамъ: мюлькодаръ имѣлъ дѣло только съ серкяромъ, совершенно былъ устраненъ отъ вліянія на жителей, которые пользовались своими усадьбами и землями самостоятельно и на общинномъ правѣ.

Порядокъ этотъ сохранился въ смыслѣ обычая и впослѣдствіи при русскомъ правительствѣ, съ тѣмъ лишь существеннымъ и весьма важнымъ различіемъ, что съ упраздненіемъ должности серкяровъ мюлькодары были признаны почти владѣльцами и для полученія доходовъ съ имѣній они уже входили въ непосредственныя сношенія съ поселянами. Установился также обычай, что наравнѣ съ мюлькодарами изъ высшихъ сословій, имѣвшими по основнымъ законамъ право владѣть населенными имѣніями, этимъ правомъ пользовались также и мюлькодары изъ городскихъ и сельскихъ обывателей. Такое, и нерѣдко совмѣстное, владѣніе лицами разнородныхъ сословій населенными имѣніями собственно на практикѣ не вызывало какихъ либо особыхъ затрудненій, потому что разнородные мюлькодары получали однѣ и тѣ же повинности и дѣлили ихъ между собою по числу паевъ, принадлежащихъ каждому изъ нихъ.

Для того, чтобы такой порядокъ землевладѣнія лицами непривилегированнаго сословія можно было бы согласовать съ правилами, указанными въ общемъ Положеніи 19-го февраля 1861 года объ отчужденіи, передачи по наслѣдству населенныхъ помѣщичьихъ имѣній, представлялись два способа: или отобрать имѣнія въ казну съ выдачей владѣльцамъ вознагражденія отъ правительства, а поселянъ надѣлить землею на общемъ основаніи; или же предоставить самимъ поселянамъ такія облегчительныя средства къ пріобрѣтенію своихъ надѣльныхъ участковъ, которыя бы способствовали прекращенію обязательныхъ ихъ отношеній къ владѣльцамъ.

Правительственный выкупъ помимо того, что былъ слишкомъ обременительнымъ для средствъ государственнаго казначейства, представлялъ и много практическихъ неудобствъ; по весьма разнообразной цѣнности земель являлось затруднительнымъ произвести справедливую расцѣнку отчуждаемыхъ имѣній, обмежеваніе земель изъ общаго владѣнія разноправныхъ по происхожденію мюлькодаровъ вызвало бы нескончаемые споры и наконецъ выдѣлъ изъ общаго владѣнія земель, населенныхъ поселянами на общинномъ правѣ, могъ имѣть послѣдствіемъ нарушеніе этого права, такъ какъ по крестьянскимъ законоположеніямъ земля находящаяся въ общинномъ пользованіи крестьянъ признавалась нераздѣльной. Исходя изъ этихъ соображеній Великій князь призналъ болѣе удобнымъ примѣнить второй способъ [1]).

Равнымъ образомъ возникали вопросы и о взаимныхъ отношеніяхъ поселянъ къ владѣльцамъ не бекскаго сословія Ахалцихскаго уѣзда; здѣсь требовалось выяснить: въ какой мѣрѣ и съ какими измѣненіями могло быть примѣнено къ нимъ общее мусульманское Положеніе, въ какомъ порядкѣ согласовать пользованіе землею по тапамъ съ правами поселянъ на надѣльную землю и въ какомъ порядкѣ должны быть составлены уставныя грамоты въ имѣніяхъ, принадлежавшимъ разноправнымъ въ сословномъ отношеніи владѣльцамъ.

Разработанный Комитетомъ и одобренный Великимъ княземъ проектъ примѣненія общаго мусульманскаго Положенія 1870 года къ поселянамъ водвореннымъ на земляхъ лицъ непривилегированнаго сословія былъ утвержденъ государемъ 5-го сентября 1877 года.

---

1) Тамъ же. Отношеніе Великаго князя предсѣдателю Кавказскаго комитета отъ 29 октября 1876 г., № 501.

По этому закону поселянамъ предоставлена въ собственность ихъ усадебная осѣдлость въ томъ же видѣ, какъ это опредѣлялось Положеніемъ 1870 года. Въ Ахалцихскомъ уѣздѣ къ усадебной осѣдлости причислены пчельники, маслобойни и другія поселянскія промышленныя заведенія. Размѣръ и составъ поселянскаго надѣла не могъ подлежать безъ согласія поселянъ никакому измѣненію; но въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ въ пользованіи поселянъ оказалось бы земли менѣе 5-ти десятинъ на каждую душу мужескаго пола, они могли требовать прирѣзки отъ принадлежавшихъ въ непосредственномъ распоряженіи владѣлецевъ свободной земли (чифтликовъ). Къ поселянскому надѣлу причислены также тапныя земли, заарендованныя поселянами у владѣльцевъ; но сады, мельницы и другія хозяйственныя постройки, пріобрѣтенныя поселянами по тапнымъ документамъ, къ надѣлу не причислены, а предоставлялись поселянамъ въ полную собственность.

Взиманіе сборовъ съ предметовъ домашняго хозяйства, отбываніе обязательныхъ рабочихъ дней, а въ Ахалцихскомъ уѣздѣ сверхъ того и содержаніе субашей (сборщиковъ) во время сбора багры и обязательная доставка этой багры — отмѣнялись навсегда.

Поселянскому дыму въ случаѣ отказа отъ пользованія полевымъ надѣломъ предоставлено право принадлежавшую ему въ собственность усадьбу съ находящимися на ней постройками оставить за собою или распорядиться по своему усмотрѣнію. Поселяне могли пріобрѣтать въ собственность полевой надѣлъ на общемъ основаніи, при чемъ имѣли право выкупать и болѣе 15-ти десятинъ на каждый дымъ, а землевладѣлецъ не могъ удержать за собою частей поселянскаго надѣла.

Въ отношеніи имѣній общаго владѣнія разносословныхъ лицъ установлены правила, по которымъ уставныя грамоты составлялись на все селеніе съ обозначеніемъ, какая причитает-

ся доля съ доходовъ имѣнія каждому совладѣльцу. Намѣстнику кавказскому предоставлялось установить правила о размѣрѣ повинностей поселянъ; распредѣленіе же багры оставлено взаимному соглашенію между совладѣльцами; наконецъ, выдѣлъ части поселянскаго надѣла въ пользу владѣльца высшаго мусульманскаго сословія допускался лишь въ тѣхъ общихъ имѣніяхъ, гдѣ это по мѣстнымъ обстоятельствамъ оказывалось возможнымъ [1]).

Изъ всѣхъ частей Закавказскаго края съ мусульманскимъ народонаселеніемъ одинъ Кубинскій уѣздъ былъ изъятъ изъ подъ дѣйствія поселянскаго Положенія 14-го мая 1870 года. Въ этомъ уѣздѣ поземельныя отношенія существенно отличались отъ другихъ мусульманскихъ провинцій и потому примѣненіе поселянскаго Положенія было предоставлено ближайшему усмотрѣнію Намѣстника какъ только окончательно выяснятся поземельныя права владѣльцевъ и отношенія ихъ къ поселянамъ.

Кубинское ханство было присоединено къ Россіи въ 1806 году. Большая часть деревень ханства состояла въ управленіи бековъ, которые и получали съ нихъ доходы. Каждый состоявшій въ управленіи поселянскій дымъ долженъ былъ вносить ежегодно $^1/_{10}$ часть съ урожая хлѣба; каждое семейство обязано было 6 дней въ году употребить на расчистку проведенныхъ на чалтыки оросительныхъ канавъ, очистить три рупы чалтыку и доставить его беку. Самъ бекъ наблюдалъ за исправнымъ взносомъ слѣдуемой хану подати, наблюдалъ за ханскими посѣвами, по первому требованію хана являлся съ вооруженными нукерами для защи-

[1]) Тамъ же. Журналъ соединеннаго присутствія Главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія и Кавказскаго отъ 4 апрѣля 1877 года.

ты ханства, смотрѣлъ за тишиною и спокойствіемъ въ управляемой деревнѣ, разбиралъ маловажные споры жителей и маловажные ихъ проступки.

Получаемая беками повинность состояла въ части ханской подати; въ большинствѣ случаевъ она равнялась $^1/_{10}$—$^1/_{20}$ урожая (малджегатъ). Иногда ханъ просто предоставлялъ беку получать съ деревни подать, которая равнялась 1 руб. 50 коп., 1 рупы пшеницы и $^1/_2$ ячменя [1]). Какое же, однако, это было право? Было ли это только временное пожалованіе извѣстной части дохода съ поселянъ, или же при этомъ передавалось право собственности на землю, или по крайней мѣрѣ полученіе дохода съ занимаемой поселянами земли, т. е. право косвеннаго пользованія землею. Ханскіе приказы и другіе документы даютъ довольно опредѣленные отвѣты для разрѣшенія этихъ вопросовъ.

Въ протоколахъ Дербентской комиссіи между прочимъ занесены нѣкоторые документы представленные беками для утвержденія за ними правъ собственности на управляемыя ими деревни. Разсмотримъ нѣкоторые изъ нихъ.

Въ протоколѣ № 7 приведенъ документъ Шихъ-Али-хана, въ которомъ говорится: „сего 1208 (1791) года пожаловали мы Гаджи-кейбъ-кишляги высокопочтенному Мамедъ-ханъ беку-Гаджи-бекъ-оглы, почему предписывается сказанному обществу, находясь подъ его управленіемъ, платить установленный доходъ подъ именемъ даргалукъ и служить ему во всякомъ отношеніи.“

Въ протоколѣ № 11 приведены два документа, одинъ за печатью шахъ-Аббаса $\frac{1016}{1607}$ года слѣдующаго содержанія: „доходъ, слѣдуемый съ деревни Будугъ, лежащей на „Русто-

1) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1869 г., № 19, ч. 1-я, связка 59. Записка джеватскаго мироваго посредника Старцева «О землевладѣніи въ Кубинскомъ уѣздѣ».

во-Шабранской землѣ, принадлежащей Ширвани, составляющій 3 тумана 2711 диляхъ, коимъ прежде пользовались Ага-бекъ и Немитъ-бекъ, съ начала настоящаго года, въ воздаяніе услугъ и преданности высокопочтеннаго Меликъ-Эдея-Рустовскаго, пожаловали мы ему, и кетхуды и обыватели помянутой деревни должны признавать его своимъ сюрганомъ, ежегодно платить ему означенный доходъ и о дѣлахъ своихъ итти на его разбирательство"; въ другомъ документѣ отъ $\frac{1130}{1717}$ года за печатью Гассанъ-Али-хана написано: „повелѣвается, чтобы отличившійся между своими сверстниками Меликъ-Али-бекъ самостоятельнымъ меликомъ Рустовскаго магала надѣялся на нашу милость и не безпокоился съ какой либо стороны, какъ прежде высокопочтенный топчибаши (начальникъ артиллеріи) ежегодно получалъ доходы Рустовскаго магала деревни Будагъ, точно также предоставляется и ему право пользоваться доходами ея".

Въ другихъ документахъ бекамъ предоставлялось пользоваться доходами съ деревень, а жителямъ предписывалось „передъ справедливыми требованіями бека ослушанія не дѣлать."

Эти документы составляютъ единственные остатки государственныхъ актовъ ханскаго времени. Приведенныя въ нихъ выраженія „пожаловали", общество во владѣніе" и. т. д. не имѣли того значенія, какое можно было бы присвоить при болѣе правильномъ развитіи понятій о юридическихъ терминахъ. Пожалованіе по закону есть даръ, исходящій отъ верховной власти, и даръ этотъ можетъ быть отчужденъ отъ владѣльца только судомъ за политическія преступленія; въ ханскихъ же документахъ оно не имѣло того значенія, потому что каждый разъ при переходѣ къ наслѣдникамъ ханы, оставляя за ними имѣнія, употребляли терминъ „пожаловали", слѣдовательно, всякое право, даже право управле-

нія народомъ, право временнаго пользованія доходами называлось пожалованіемъ.

Хотя ханы для управленія народомъ имѣли особыхъ чиновниковъ, каковыми являлись наибы и старшины, однако при деспотическомъ строѣ въ большинствѣ случаевъ ханы не могли всецѣло довѣриться правительственнымъ органамъ и какъ результатъ ханской подозрительности возникъ особый разрядъ довѣренныхъ лицъ, которымъ ханы, давая матеріальныя выгоды, ожидали вмѣстѣ съ тѣмъ отъ нихъ фискальной службы. Этими довѣренными лицами были такъ называемые дарги. Отъ нихъ требовалось своевременно открывать непріязненное расположеніе умовъ среди населенія недовольнаго деспотизмомъ, предупреждать хана объ начавшемся броженіи, проводить въ народѣ выгодныя для хана идеи, доносить объ угрожающей опасности. Чтобы дарги исполняли свои обязанности усердно, ханы предоставляли имъ извѣстную часть дохода съ деревень. Это была для народа губительная система шпіонства, подкупа; она ослабляла народныя силы путемъ растлѣнія нравственности; она, эта система, оставила глубокіе слѣды въ населеніи. Лесть, обманъ, продажность, коварство, подозрительность и недовѣріе къ правительству — наслѣдіе деспотическаго управленія [1]).

Такъ или иначе для русскаго правительства выяснилось, что управляющіе деревнями беки, дарги, были не помѣщики, а должностныя лица, пользовавшіяся за преданность хану доходомъ съ поселянъ не за земли, а за труды по отправленію своихъ обязанностей.

Изъ ханскихъ документовъ усматривается также, что ни одна деревня не отдавалась потомственно, а всегда одному какому либо лицу; если ханъ хотѣлъ по смерти такого лица вознаградить его наслѣдниковъ, то оставлялъ за ними дерев-

[1]) Тамъ же.

ню, но при этомъ всегда выдавалъ новый документъ, какъ равно и каждый новый ханъ подтверждалъ распоряженія своего предшественника.

Изъ этого можно заключить, что должности бековъ собственно не были наслѣдственными, а зависѣли вполнѣ отъ усмотрѣнія властелина. Любопытно также и то обстоятельство, что ханы, отдавая деревни бекамъ, не касались при этомъ находящихся въ пользованіи поселянъ земель. Да иначе и не могло быть.

Кубинское ханство, составляя часть одного цѣлаго—Ширвани, съ древнѣйшихъ временъ было обширнѣйшимъ полемъ переворотовъ: племя слѣдовало за племенемъ, правительство за правительствомъ; самая религія съ перемѣною племенъ мѣнялась постоянно до самаго нашествія въ страну аравитянъ. Послѣ аравитянъ явились въ ханство сельджукскіе турки, ихъ смѣнилъ Чингисъ-ханъ; потомъ Персія и Турція постоянно оспаривали другъ у друга эту плодоносную страну. Въ началѣ XVII столѣтія образовались различныя ханства, правители которыхъ смѣнялись и назначались по волѣ сосѣднихъ государствъ. Но самое большое вліяніе собственно на Кубинское ханство во всѣхъ отношеніяхъ оказали монголы, турки и персіяне, при чемъ Персія при шахахъ Исфундіярѣ и Нушірванѣ водворила въ ханствѣ и своихъ поселенцевъ. Все это не могло не оставить глубокіе слѣды какъ въ юридическихъ воззрѣніяхъ народа, такъ и во внутренней политикѣ правителей.

Потому Кубинское ханство ни въ чемъ не отличалось отъ монгольскихъ ханствъ или Персіи; тѣ же самыя понятія о политикѣ, о правѣ, тѣ же самые пріемы остались какъ наслѣдіе отъ своихъ побѣдителей. Кубинскіе ханы, воспитанные въ понятіяхъ и нравахъ восточныхъ властителей, держались той же самой системы управленія, какъ монгольскіе ханы и персидскіе шахи.

Извѣстно, что раздача земель въ собственность не согласна съ правомъ, существующимъ даже и до настоящаго времени въ мусульманскихъ государствахъ. Такая раздача частнымъ лицамъ противорѣчитъ и внутренней политикѣ восточныхъ государей. Въ интересахъ властелина было всегда желаніе остановить всякое проявленіе со стороны подданнаго силы и значенія, не давать разростаться имъ; между тѣмъ земельная собственность даетъ богатство, а богатство—вліяніе.

Такъ и въ Кубинскомъ ханствѣ бекъ не имѣлъ никакого отношенія къ землѣ, онъ даже не могъ пользоваться ею для своихъ хозяйственныхъ нуждъ, такъ какъ вся земля была въ полномъ распоряженіи жителей; они ее засѣвали, дѣлили между собою по усмотрѣнію [1]).

Такимъ образомъ при ханахъ вся населенная и ненаселенная земля принадлежала имъ, съ тѣмъ, однако, что населенная земля не состояла у нихъ на полномъ правѣ собственности, такъ какъ ханы никогда не распоряжались землями жителей, не отдавали ихъ кому либо во временное пользованіе или въ потомственное владѣніе. Было ли это слѣдствіемъ того, что народъ занялъ свои земли прежде появленія ханства и съ перемѣною каждаго правительства оставался на своихъ мѣстахъ и обрабатывалъ постоянно одни и тѣ же поля, а ханы не рѣшались измѣнить установившійся порядокъ изъ боязни ли возстановить противъ себя народъ или по другимъ какимъ либо видамъ внутренней политики, безразлично; важно то обстоятельство, что ханы не распоряжались землями поселянъ, хотя по праву владѣтелей и считались собственниками. Если хану нужно было вознаградить того или другого бека, то назначалъ его управляющимъ деревнею и чтобы не платить за службу изъ ханской

[1]) Тамъ же.

казны разрѣшалъ пользоваться доходомъ съ поселянъ, а въ другихъ случаяхъ награждалъ кромѣ дохода и причитающеюся въ казну податью. Бекъ же получалъ исключительно доходы съ поселянъ, а не земли; какъ только поселянинъ дѣлался муллою, старшиною, нукеромъ, онъ переставалъ платить беку доходъ, продолжая пользоваться землею [2]).

Собственно говоря и русское правительство никогда и не смотрѣло на кубинскихъ бековъ какъ на собственниковъ земли, а въ составленномъ въ 1809 году описаніи Кубинской провинціи всѣ деревни, кишляги и эйлаги (зимнія и лѣтнія пастбища) показаны казенными. При этомъ селеній, на право управленія которыми беки представили правительству документы, было весьма ограниченное число; большинство же селеній если и считались во владѣніи бековъ съ ханскихъ временъ, то потому, что они по вѣдомости разсмотрѣнной Ермоловымъ въ 1824 году собственноручно имъ помѣчены: доставшимися отъ предковъ, наслѣдственными. Однако и въ этихъ отмѣткахъ противъ многихъ селеній значится все-таки, что имѣніе состоитъ за тѣмъ или другимъ бекомъ по наслѣдству въ управленіи. Кромѣ того, извѣстно, что самъ Ермоловъ сдѣлалъ эти помѣтки по показаніямъ разныхъ лицъ, а не на основаніи представленныхъ беками документовъ. Это видно изъ предписанія Ермолова коменданту Кубы истребовать отъ всѣхъ бековъ ханскіе документы, разсмотрѣть ихъ въ городовомъ судѣ и занести ихъ въ книги; но распоряженіе не было исполнено, надо полагать, потому, что у большинства бековъ ихъ не оказалось, вслѣдствіе чего они не могли ихъ представить въ судѣ, точно также какъ не могли они впослѣдствіи представить доказательства своихъ правъ на земли въ Дербентскую комиссію. Сверхъ того Ермоловъ не считалъ находящіяся въ управленіи бековъ дерев-

2) Тамъ же.

ни ихъ собственностью, такъ какъ оставлялъ деревни и за такими лицами, которыя по русскому законодательству не имѣли права владѣнія населенными имѣніями [1]).

Обратимъ вниманіе какой системы придерживалось правительство послѣ присоединенія Кубинскаго ханства относительно раздачи бекамъ имѣній. Оставляя прежде существовавшій порядокъ и даже поддерживая его, правительство раздавало деревни бекамъ за тѣ или другія услуги ихъ.

Первый изъ русскихъ должностныхъ лицъ началъ раздавать деревни полковникъ Лисаневичъ. Такъ въ 1819 году онъ выдалъ документъ на имя Мамедъ-бека Кубинскаго слѣдующаго содержанія: „За усердіе, оказанное вами въ пользу службы Всемилостивѣйшаго Государя нашего, по данной мнѣ главноуправляющимъ краемъ, генералъ-отъ-кавалеріи Тормасовымъ, власти, поручаю я завѣдыванію вашему деревни Заргова и Талаби съ тѣмъ, что жители сихъ деревень, оставаясь казенными и при повинностяхъ казенныхъ, должны служить вамъ тѣмъ, что и прежде получали отъ нихъ беки. Въ полной увѣренности, что вы, пріемля сіе знакомъ уваженія приверженности вашей къ россійскому правительству, сохраннте всѣ обязанности Государю Императору и, соблюдая не однѣ собственныя выгоды, сбережете и жителей отъ подобныхъ преступленій, кои послѣ сего не примутся такъ снисходительно, и вы будете предварять начальство обо всемъ, что можетъ поколебать къ тому поселянъ или другого кого“ [2]).

Въ 1811 году Тормасовъ по этому вопросу даетъ такое формальное предписаніе начальнику Кубинской провинціи генералу Рѣпину: „По представленію вашего превосходительства № 985 я, согласно съ мнѣніемъ вашимъ, находя для службы *Его*

[1]) Тамъ же.

[2]) Протоколъ Дербентской комиссіи № 11. Документъ, выданный полковникомъ Лисаневичемъ 31 октября 1810 г., № 84.

Императорскаго Величества полезнымъ имѣть въ Кубинской провинціи управляющихъ казенными деревнями такихъ бековъ, кои бы, истинно бывъ Россіи преданными, замѣчали за вѣтреннымъ поведеніемъ другихъ бековъ и могли бы по службѣ Государя Императора быть употребляемы съ увѣренностью отъ начальства въ ихъ честности и вѣрности Россіи [1]).

Въ 1812 году комендантъ Кубы Пономаревъ, по дошедшимъ до него жалобамъ на притѣсненіе поселянъ беками и по неопредѣленности правъ послѣднихъ, издалъ особую инструкцію, опредѣлявшую обязанности поселянъ къ бекамъ относительно исполненія въ пользу ихъ повинностей. Инструкція эта впослѣдствіи, въ 1824 году, была съ небольшими измѣненіями утверждена Ермоловымъ.

По этой инструкціи бекъ со всѣхъ посѣвовъ долженъ былъ получать $^1/_{10}$ часть, кромѣ того съ каждаго поселянскаго двора—по двѣ арбы дровъ, съ каждыхъ двухъ дворовъ—по одной арбѣ самана или сѣна; если же въ магалахъ былъ недостатокъ въ этомъ, то бекъ не долженъ былъ предъявлять требованія на поставку. Каждые десять дворовъ давали по одному рабочему. Если беку нужно было построить домъ, то всѣ жители деревни работали шесть дней, но беки не должны были требовать ихъ въ рабочее время. Если беку предстояла служба правительству или онъ отправлялся въ походъ, то жители снаряжали ему вьючную лошадь, которую бекъ возвращалъ послѣ похода. Когда бекъ приглашалъ жителей на эврезъ, то распоряжался приготовленіемъ для нихъ пищи. Бекъ собиралъ доходы съ жителей черезъ старшину; если же это дѣлалъ черезъ довѣренныхъ нукеровъ и со стороны этихъ послѣднихъ жителямъ причинено притѣсненіе, то отвѣтственности подвергался самъ бекъ. Каждый

1) Тамъ же. Дѣло кубинскаго уѣзднаго управленія 1828 г. Предписаніе генерала Тѣрмасова ген. Ропину отъ 28 августа 1811 г., № 979.

поселянскій дымъ обдѣлывалъ для бека изъ 3-хъ рупъ чалтыка на одну рупу чистаго сорочинскаго пшена при условіи, если въ деревнѣ имѣлась водяная толчея, въ противномъ случаѣ бекъ не имѣлъ права требовать выполненія этой повинности. Каждый бекъ могъ доставлять свой хлѣбъ въ Кубу черезъ жителей. Бекъ имѣлъ право изъ каждой деревни брать по одному нукеру, по одному речбару и по одному конюху; однако деревня менѣе 10-ти дворовъ освобождалась отъ этой повинности. Сверхъ указанныхъ въ инструкціи повинностей бекамъ строго воспрещалось предъявлять какія либо другія требованія или замѣнять натуральныя повинности денежными [1]).

Такимъ образомъ взаимныя отношенія бековъ и поселянъ были опредѣлены ясно. Въ вознагражденіе за управленіе деревнями правительство, какъ и въ ханскія времена, оставляло за беками право пользованія доходами съ поселянъ, а не на земли; поселянскія земли также не раздавались бекамъ: онѣ считались собственностью казны. Безспорная принадлежность этихъ земель казнѣ видна и изъ § 156 Положенія объ учрежденіи управленія государственными имуществами за Кавказомъ, гдѣ сказано: „уѣздный попечитель государственныхъ имуществъ охраняетъ государственныхъ поселянъ отъ притѣсненій со стороны бековъ, агаларовъ и другихъ подобныхъ лицъ, пользующихся доходами съ казенныхъ заселенныхъ имѣній.“ Такого взгляда на это постоянно держалась до князя Воронцова и мѣстная кавказская администрація; и всѣ поселяне, безъ различія, состоявшіе или несостоявшіе въ управленіи бековъ, платили въ казну одну подать: 1 рубль 50 коп. 1 рупу пшеницы и $^1/_2$ рупы ячменя.

Съ 1846 года беки смутно начинаютъ понимать, что

1) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи по дѣламъ устройства крестьянъ 1869 г., № 19, ч. 1-я, связка 59. Инструкція генерала Ермолова.

дѣло принимаетъ для нихъ неожиданный и благопріятный для нихъ оборотъ, ихъ начинаютъ уже считать не даргами, а владѣльцами, собственниками земель, имъ разрѣшаютъ на судѣ являться въ качествѣ истцовъ по дѣламъ касающимся земель состоявшихъ въ пользованіи управляемыхъ ими поселянъ, они видятъ этотъ поворотъ и какъ бы не могутъ его уяснить; но съ 1854 года беки, получивъ копіи съ протоколовъ Дербентской комиссіи, полагавшей утвердить за ними земли, принявъ эти копіи за акты укрѣпленія, начали считать себя собственниками никогда непринадлежавшихъ имъ земель, и вполнѣ усвоили себѣ это право. Такъ въ 1854 году Шамхалъ-Тарковскій продаетъ свое имѣніе изъ 7 деревень Казарову и съ разрѣшенія администраціи совершается купчая крѣпость въ дербентскомъ городскомъ судѣ.

Въ этихъ же годахъ былъ возбужденъ вообще вопросъ о продажѣ бекскихъ имѣній, при чемъ въ разъясненіи такого ходатайства въ 1858 году кавказскому начальству указылось, что „продажа бекамъ имѣній разрѣшается въ томъ только случаѣ, когда сіи имѣнія составляютъ родовую ихъ собственность, а пріобрѣтающіе ихъ такія лица, которыя имѣютъ уже родовыя населенныя имѣнія на правахъ бековъ и чтобы пріобрѣтатели сіи при совершеніи акта отказались претендовать, если при утвержденіи правъ бековъ на земли послѣдуетъ измѣненіе въ отношеніи владѣльца къ продаваемому имѣнію“ [1]).

Такъ какъ по этому распоряженію въ непремѣнное условіе купли-продажи бекскихъ имѣній указывалось, что имѣніе должно составлять родовую безспорную собственность, имѣнія же Кубинскаго уѣзда еще не были утверждены ни за кѣмъ и право на нихъ въ то время только раз-

[1]) Тамъ же. Записка джеватскаго мироваго посредника Старцева „О землевладѣніи въ Кубинскомъ уѣздѣ“.

сматривалось, то на этомъ основаніи они и не подлежали отчужденію до тѣхъ поръ, пока не были бы признаны собственностью бековъ.

Несмотря, однако, на это, сдѣлки по куплѣ-продажѣ бекскихъ имѣній продолжались совершаться и въ послѣдующее время. При этомъ чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе онѣ дѣлались противозаконными. Такая перемѣна во взглядахъ на бекскія имѣнія привела къ тому, что администрація лишилась права назначать по своему усмотрѣнію бековъ управляющими деревнями или отрѣшать ихъ отъ должности. Отмѣтимъ одинъ изъ выдающихся фактовъ такого направленія. Въ 1869 году Великій князь, принимая во вниманіе, что деревня Тагай была предоставлена въ 1827 году кубинскому жителю Мирзѣ-Абдуллу-Гуссейну только въ пожизненное управленіе, что ни онъ, ни наслѣдники его не принадлежали къ высшему мусульманскому сословію, за которымъ, согласно рескрипта 6-го декабря 1846 года, положено утверждать въ потомственное владѣніе на земли, и что потому деревня Тагай не можетъ оставаться въ управленіи дѣтей Мирзы-Абдулла, приказалъ эту деревню взять въ казенное управленіе. Однако, по жалобѣ наслѣдниковъ Мирзы-Абдулла судъ во всѣхъ инстанціяхъ возстановилъ нарушенное владѣніе и съ поселянъ были взысканы не внесенные ими повинности въ пользу наслѣдниковъ со времени перехода деревни Тагай въ казеннное управленіе [1]).

Какъ мы уже знаемъ, вслѣдствіе рескрипта 6-го декабря 1846 года, для выясненія вообще агаларскаго и бекскаго вопроса были учреждены комиссіи и въ томъ числѣ Дербентская, разсмотрѣвшая, между прочимъ, и о правахъ бековъ Кубинскаго уѣзда, собравшая по этому предмету необходи-

[1]) Тамъ же.

мыя свѣдѣнія и по окончаніи работъ въ 1852 году представившая свои протоколы на усмотрѣніе Намѣстника.

Всѣ земли, состоявшія въ пользованіи управляемыхъ бе-ками селеній еще съ ханскихъ временъ по представленнымъ имъ ханскимъ документамъ или по отмѣткамъ, сдѣланнымъ Ермоловымъ въ 1824 году, равно и тѣ имѣнія, которыя были переданы въ управленіе бекамъ при русскомъ правительствѣ, комиссія признала подходящими подъ рескриптъ и сдѣлала заключеніе объ утвержденіи ихъ за беками. Такихъ селеній оказалось 52, изъ числа которыхъ нѣсколько селеній состояли въ управленіи лицъ не принадлежащихъ къ высшему мусульманскому сословію.

Сдѣлавъ заключеніе объ утвержденіи за беками управляемыхъ ими деревень, комиссія обошла самый важный и существенный въ этомъ дѣлѣ вопросъ, указанный въ рескриптѣ: обладали ли эти беки землями, т. е. распоряжались ли ими какъ собственники, и не опросила другую заинтересованную въ дѣлѣ сторону—поселянъ о претензіяхъ этихъ послѣднихъ въ опроверженіе правъ бековъ на земли. Между тѣмъ крайне важно было выяснить и вообще права поселянъ на обработываемыя ими земли. Комиссія обошла и это, сдѣлавъ во всѣхъ протоколахъ оговорку, что за беками предположено утвердить всѣ состоявшія въ пользованіи поселянъ земли за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя поселянами арендовались непосредственно отъ казны или отъ отъ посторонннихъ владѣльцевъ или же составлявшихъ частную собственность. Слѣдовательно, по мнѣнію комиссіи, при отсутствіи у поселянъ документовъ о принадлежности имъ земель, или письменныхъ условій о наймѣ отъ казны и другихъ частныхъ лицъ, занимаемыя ими земли оставлялись за беками[1]).

[1]) Тамъ же.

Не трудно замѣнить, что такой взглядъ являлся поспѣшнымъ, такъ какъ, по присоединеніи Кубинской провинціи, земли, составлявшія принадлежность хана, перешли въ собственность государства, а поселяне продолжали пользоваться своими угодьями, отбывая обычныя повинности, и не могли имѣть какихъ либо договоровъ и другихъ документовъ, какъ не имѣли ихъ при ханахъ.

Кромѣ того возникало затрудненіе опредѣлить: по какому числу поселянскихъ дымовъ слѣдуетъ утвердить за беками землю. По этому поводу комиссія въ своихъ заключеніяхъ высказала, что хотя по камеральнымъ описаніямъ значится и большее число дымовъ, чѣмъ показано въ вѣдомости Ермолова, но что это могло произойти отъ естественнаго прироста населенія. Однако общее правило статистики объ удвоеніи естествевнаго прироста населенія въ продолженіе 25-ти лѣтъ нельзя было примѣнять къ Кубинскому уѣзду. Здѣсь населеніе удвоивалось въ теченіе шести лѣтъ, какъ напримѣръ съ 1824 года по вѣдомости Ермолова за беками числилось поселянскихъ дымовъ 1463, въ 1831 году это число возрасло до 2374, въ 1842 году—до 2860, въ 1850 году——до 2920, въ 1863 году до 3601. При такомъ колебаніи цыфръ слѣдовало предположить, что населеніе увеличилось не отъ прироста, а отъ другихъ причинъ, напримѣръ, прибыли отъ переселенія. Очевидно, что утвержденіе за беками земель по числу всѣхъ наличныхъ дымовъ въ такомъ случаѣ противорѣчило бы всей системѣ, по которой бекъ получалъ доходъ только съ того числа дымовъ, которое ему было назначено въ управленіе [1]).

Такимъ образомъ важно было выяснить какое же количество земли слѣдуетъ утвердить за беками? Если даже предполагалось примѣнить къ бекамъ рескриптъ, то утвержденію

1) Тамъ же.

подлежали тѣ земли, которыя въ 1806 году состояли въ пользованіи поселянъ. Но для опредѣленія пространства этихъ земель не имѣлось никакихъ данныхъ и комиссія 1848 года полагала утвердить 1758 десятинъ, т. е. тѣ земли, которыя къ этому времени состояли въ пользованіи поселянъ. Между тѣмъ по нормѣ, опредѣленной общимъ мусульманскимъ Положеніемъ 14-го мая 1870 года, т. е. по 5 десятинъ, весь поселянскій надѣлъ составлялъ 3860 десятинъ; утверждать за беками такое количество противорѣчило рескрипту, по которому не разрѣшалось отводить новые участки.

По указаннымъ причинамъ вопросъ о примѣненіи къ бекамъ Кубинскаго уѣзда общаго мусульманскаго Положенія разрѣшался отрицательно: земли оказались не принадлежащими бекамъ. Но такъ какъ по политическимъ соображеніямъ такое отрицательное рѣшеніе было неудобнымъ, то проектировалось, въ видахъ правительственныхъ заботъ къ участи поселянъ, опредѣлить величину поселянскихъ надѣловъ, составить уставныя грамоты, предоставить бекамъ доходъ съ поселянъ въ опредѣленномъ въ Положеніи 14-го мая размѣрѣ въ теченіи 16-ти лѣтъ, послѣ чего всю землю признать собственностью поселянъ, при чемъ не распространять на бековъ выкупнаго закона, такъ какъ они въ 16-ти лѣтній временно-обязанный періодъ получали бы отъ поселянъ въ видѣ причитающихся повинностей достаточное вознагражденіе [1]).

Въ связи съ выясненіемъ поземельныхъ отношеній въ Кубинскомъ уѣздѣ находился вопросъ о речбарахъ, находившихся въ личной зависимости бековъ и другихъ лицъ высшаго мусульманскаго сословія. Дербентская комиссія, собравъ свѣдѣнія о числѣ этихъ речбаровъ и о правахъ част-

[1]) Тамъ же.

ныхъ лицъ на нихъ, полагала сословіе речбаръ уничтожить, а о вознагражденіи владѣльцевъ ихъ за потерю работниковъ предоставить на усмотрѣніе правительства. Спустя 15-лѣтъ послѣ того комиссія, образованная при Главномъ управленіи Намѣстника, опредѣлила кто изъ владѣльцевъ речбаровъ имѣлъ право на вознагражденіе за освобожденіе ихъ отъ зависимости, при чемъ предварительно разрѣшенія этого дѣла комиссія полагала собрать самыя точныя свѣдѣнія о речбарахъ и ихъ владѣльцахъ черезъ управляющаго государственными имуществами Бакинской губерніи [1]).

Право на полученіе речбаръ не было принадлежностью, привилегіею какого либо одного сословія: былъ ли то бекъ, или простой поселянинъ, всякій имѣлъ возможность заслужить эту награду и пожалованіе отъ хана. Въ свою очередь и сами речбары не составляли какого либо особаго класса или сословія: поставленные въ личныя, обязательныя отношенія къ тому или другому лицу они не выходили изъ своего общества, а оставались попрежнему въ немъ, и если выдѣлялись чѣмъ нибудь изъ крестьянской среды, то развѣ только тѣмъ, что въ рѣдкихъ случаяхъ не платили податей. Въ ханскія времена одни речбары давались извѣстному лицу потомственно, другіе пожизненно, третьи составляли принадлежность какой либо должности, напримѣръ магальнаго наиба, и пока лицо это занимало должность, оно пользовалось услугами речбаръ, а съ прекращеніемъ его обязанностей услугами речбаръ начинало пользоваться вновь назначенное лицо [2]).

Такого же самаго порядка придерживалась послѣ присоединенія Кубинской провинціи къ имперіи и кавказская администрація.

---

[1]) Тамъ же. Предписаніе генерала Астафьева бакинскому губернатору отъ 30 сентября 1869 г., № 3019.

[2]) Тамъ же. Записка Старцева отъ 10 января 1875 г., „О речбарахъ въ Кубинскомъ уѣздѣ".

Въ 1824 году Ермоловъ, разсмотрѣвъ вѣдомость рѣчбаръ Кубинскаго уѣзда, писалъ дагестанскому военно-окружному начальнику слѣдующее: „Безконечная вѣдомость речбаровъ, коими пользуются отъ казны священныя особы, беки и прочія разныя лица, данныхъ имъ присвоенною комендантами властью нерѣдко безъ всякаго разбора и людямъ не только заслугъ не оказавшимъ и полезнымъ быть не могущимъ, но даже замѣченнымъ приверженцами Шихъ-Али-хану и правительству вреднымъ, заставили меня вникнуть въ обстоятельное разсмотрѣніе ея и опредѣлить: кому и сколько речбаровъ предоставлено быть можетъ. Въ семъ случаѣ руководствовался я свѣдѣніями о каждомъ лицѣ, о подвигахъ или преданности извѣстныхъ начальству, о способности быть полезными для службы, о понесенныхъ за насъ потеряхъ и наконецъ о самой бѣдности нѣкоторыхъ фамилій. И симъ послѣднимъ дается пособіе не по праву ихъ на оное, но по той существенной причинѣ, что правительству прилично благотворить прибѣгающимъ къ его помощи“ [1]).

Ермоловъ подраздѣлилъ речбаровъ на два разряда: одни изъ нихъ освобождались отъ всякихъ казенныхъ податей и повинностей, другіе вмѣсто всѣхъ повинностей обязаны были вносить въ казну по 4 рубля въ годъ, при чемъ повинность эта была непремѣнно денежная. Комендантамъ запрещалось раздавать речбаръ. Ермоловъ назначилъ постоянныхъ речбаровъ и къ нѣкоторымъ должностямъ; такъ имѣли право получить по 20-ти речбаровъ: главный кази въ провинціи и всѣ магальные наибы, при чемъ такихъ речбаровъ предлагалось назначать къ упомянутымъ лицамъ какъ къ чиновникамъ, опредѣляемымъ отъ правительства, и совершенно освободить ихъ отъ взноса какихъ либо повинностей.

Получавшія речбаровъ отъ правительства лица должны

[1]) Тамъ же. Предписаніе генерала Ермолова отъ 10 марта 1824 г., № 368.

были имѣть ихъ въ тѣхъ магалахъ, гдѣ находились порученныя имъ въ управленіе деревни. Каждый, имѣвшій речбаровъ, долженъ былъ получить письменный видъ съ приложеніемъ печати военно-окружнаго начальника; видъ этотъ записывался въ диванѣ (совѣтѣ) въ особую книгу. „До сего,—писалъ Ермоловъ,—безъ всякаго вниманія назначались речбары и оттого произошло, что почти цѣлыя деревни разобраны, чего надлежитъ избѣгать, и то имѣть непремѣнно въ виду, чтобы на почтовыхъ трактахъ, гдѣ удобно могутъ двигаться войска, не давать вовсе речбаровъ, или, буде необходимо, то сколько возможно менѣе, ибо не малы повинности живущихъ на большой дорогѣ и легче таковыя, когда отправляемы большимъ числомъ [1]).

Съ теченіемъ времени обязательныя отношенія речбаровъ установились на слѣдующихъ основаніяхъ: речбаръ былъ работникомъ въ домѣ и по хозяйству, однако кромѣ личной службы не былъ обязанъ никакими другими повинностями. Господинъ давалъ речбару пару буйволовъ и отъ 8 до 10 руповъ пшеницы; речбаръ засѣвалъ ее на общественной землѣ той деревни, въ которой самъ жительствовалъ, отдавалъ господину урожай, за исключеніемъ части, причитающейся жнецамъ, а саманъ оставлялъ у себя для корма господскихъ буйволовъ. Но если бекъ имѣлъ речбара въ собственной деревнѣ, тогда выдавалъ ему пшеницы отъ 24 до 30 ти руповъ и три пары буйволовъ съ тремя же работниками при нихъ; речбаръ присоединялъ четвертую пару своихъ и по уборкѣ хлѣба $^1/_4$ урожая оставлялъ въ свою пользу, а $^3/_4$ отдавалъ беку. Если уже бекъ вмѣсто пшеницы желалъ засѣять чалтыкъ, то онъ отдавалъ речбару одну рупу, получая въ свою пользу также $^3/_4$ урожая.

Речбары, назначенные изъ казенныхъ поселянъ, остав-

1) Тамъ же.

ляли свои семейства на прежнихъ мѣстахъ жительства и при тѣхъ же казенно-общественныхъ земляхъ, которыми пользовались до зачисленія въ речбары. Въ случаѣ если речбарское семейство уменьшалось числомъ своихъ членовъ, такъ что не могло давать безъ ущерба собственному хозяйству работника, равно при замѣченной неблагонадежности его, беки съ разрѣшенія начальства мѣняли своихъ речбаровъ и тогда исключенный возвращался въ первобытное свое званіе и принималъ на себя прежнія обязанности казеннаго поселянина. Съ цѣлью облегченія поселянъ въ отбываніи повинностей каспійская палата государственныхъ имуществъ въ 1845 году распорядилась, чтобы мѣстное начальство, несмотря на то будутъ ли беки просить или не будутъ, ежегодно перемѣняло речбаръ. Однако это распоряженіе на практикѣ не исполнялось, хотя и не было отмѣнено [1]).

Собранные матеріалы по крестьянскому вопросу въ Кубинскомъ уѣздѣ предварительно были разсмотрѣны въ 1875 году въ бакинскомъ губернскомъ по поселянскимъ дѣламъ присутствіи. Присутствіе нашло, что препятствіемъ къ примѣненію къ Кубинскому уѣзду поселянскаго Положенія 14 мая 1870 года могла бы служить неопредѣленность правъ землевладѣнія въ томъ уѣздѣ лицами высшаго мусульманскаго сословія, а равно меликовъ изъ армянъ.

Но такъ какъ вопросъ этотъ, начиная съ 1840 года, подвергался всестороннему обсужденію и онъ уже былъ разрѣшенъ правительствомъ относительно бековъ и агаларовъ въ другихъ мусульманскихъ провинціяхъ Закавказскаго края, то подвергать снова обсужденію о юридической основѣ помѣщичьихъ правъ бековъ Кубинскаго уѣзда значило бы дѣлать попытку перерѣшать то, что окончательно и разъ

1) Тамъ же. Протоколъ Дербентской комиссіи о разборѣ поземельныхъ правъ лицъ высшаго мусульманскаго сословія; приложенъ къ отзыву предсѣдателя Бакинскаго по поселянскимъ дѣламъ присутствія отъ 23 апрѣля 1875 г., № 118.

навсегда утверждено Верховною властью. На этомъ основаніи Бакинское присутствіе нашло необходимымъ примѣнить къ уѣзду общее мусульманское Положеніе, съ нѣкоторыми, впрочемъ, измѣненіями. Предположено также сословіе речбаръ, какъ явно противорѣчащее манифесту 19-го февраля 1861 года, отмѣнить съ вознагражденіемъ отъ правительства владѣльцевъ за потери выгодъ, проистекавшихъ отъ личной зависимости речбаръ 1).

Подготовленный при Главномъ управленіи Намѣстника проектъ примѣненія къ Кубинскому уѣзду поселянскаго Положенія 14-го мая 1870 года былъ утвержденъ Великимъ княземъ на такихъ же почти основаніяхъ, какъ и въ другихъ мусульманскихъ частяхъ края, т. е. за поселянами оставлялись въ надѣлъ усадьбы, сады, полевыя пахатныя земли, водопои, лѣсное довольствіе, пользованіе оросительными канавами. Въ пользу бека поселяне несли на прежнихъ основаніяхъ повинность произведеніями земли (дагьекъ). Отъ дагьека освобождались урожаи съ садовъ и огородовъ. Сохранивъ такимъ образомъ въ цѣлостя какъ право землевладѣнія и пользованія, такъ и установившіяся обычаемъ повинности, правительство обратило вниманіе на такія между владѣльцами и поселянами отношенія, которыя были отмѣнены повсемѣстно въ имперіи. Речбары навсегда освобождены отъ личной зависимости къ владѣльцамъ, при этомъ тѣ изъ нихъ, которые имѣли осѣдлость и были приписаны къ владѣльческимъ или казенныхъ имѣніяхъ, получали поземельное устройство на одинаковыхъ условіяхъ съ поселянами; на тѣхъ же речбаровъ, которые не имѣли осѣдлости и состояли въ такой же зависимости отъ владѣльцевъ, какъ бывшіе дворовые люди, распространено дѣйствіе Положенія 19 февраля 1861 года объ устройствѣ дворовыхъ людей.

1) Протоколъ Бакинскаго губернскаго по поселянскимъ дѣламъ присутствія отъ 15 марта 1875 года.

По тѣмъ же соображеніямъ отмѣнялись и рабочіе дни, и, во вниманіе къ интересамъ землевладѣльцевъ, съ введеніемъ уставныхъ грамотъ поселяне должны были вносить взамѣнъ работы денежную повинность въ размѣрѣ 20 копѣекъ за каждую десятину состоявшей въ пользованіи ихъ удобной полевой земли. Поселянамъ предоставлено также право при желаніи замѣнять эту денежную повинность по обоюдному соглашенію съ владѣльцами взносомъ дагьека въ увеличенномъ размѣрѣ, однако, чтобы онъ не превышалъ $^1/_9$ части урожая.

Поселянамъ разрѣшено пріобрѣтать въ собственность земельные свои надѣлы, т. е. выкупать отбываемыя беку поземельныя повинности [1]).

Поселянское Положеніе въ Кубинскомъ уѣздѣ было введено 19-го февраля 1880 года; одновременно съ этимъ послѣдовало открытіе Кубинскаго мироваго поселянскаго отдѣла.

Изъ обзора настоящей главы видно, что разрѣшеніе поземельной реформы было тѣсно связано съ вопросомъ сословнымъ. При изложеніи мы имѣли случай отмѣчать эту связь; но для полноты намъ необходимо указать правительственныя мѣропріятія спеціально по сословному вопросу.

Въ первое время по присоединеніи мусульманскихъ провинцій къ Россіи правительство не дѣлало распоряженій о собраніи свѣдѣній о правахъ и взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ сословій между собою. Исключеніе составлялъ кубинскій комендантъ Понамаревъ, составившій въ 1812 году Положеніе объ отношеніяхъ бековъ и поселянъ какъ между собою, такъ и по отношенію къ правительству. Поло-

[1]) Тамъ же, ч. 2-я. Отношеніе Великаго князя предсѣдателю Кавказскаго комитета отъ 17 ноября 1878 г., № 474 и воззваніе Великаго князя бекамъ и поселянамъ Кубинскаго уѣзда отъ 19 февраля 1880 года.

женіе это впослѣдствіи, въ 1824 году, съ нѣкоторыми измѣненіями было утверждено Ермоловымъ.

Въ 1817 году самъ Ермоловъ поручилъ исполнительной экспедиціи собрать свѣдѣнія касавшіяся до правъ агаларовъ трехъ татарскихъ дистанцій Грузіи въ отношеніи управляемыхъ ими деревень; по этимъ свѣдѣніямъ было составлено Положеніе о правахъ и обязанностяхъ агаларовъ. Ермоловымъ же въ мусульманскія провинціи для составленія описанія были посланы Могилевскій, Ахвердовъ, Ермоловъ и Мадатовъ. Составленные ими списки бекамъ съ показаніемъ кто изъ нихъ владѣлъ или управлялъ селеніями послужили впослѣдствіи руководствомъ для дѣйствій комиссій, опредѣлявшихъ бекскія права.

Такія комиссіи, между прочимъ, учреждены въ 1823 году—въ Кубинской провинціи и въ 1827 году—въ Дербентской. Но эти комиссіи только запутали дѣло, потому что не извлекли изъ предоставленныхъ беками жалованныхъ грамотъ общихъ выводовъ о правахъ высшаго сословія, растеряли самые документы и такимъ образомъ не возвратили ихъ обратно владѣльцамъ. Первое систематическое собраніе свѣдѣній для всего Закавказскаго края по всѣмъ отраслямъ управленія: судебной, административной и финансовой, началось съ 1828 года, когда графъ Паскевичъ, по приказанію императора Николая I, учредилъ Комитетъ объ устройствѣ мусульманскихъ провинцій, опредѣливъ въ кругъ его занятій собраніе нижеслѣдующихъ свѣдѣній:

1) Объ обычаяхъ по провинціямъ мусульманскимъ существовавшихъ вмѣсто закона.

2) Порядокъ какой соблюдался при разсмотрѣніи дѣлъ въ каждой провинціи до присоединенія ихъ къ Россіи.

3) Распоряженія по разнымъ частямъ управленія русскаго правительства.

4) Права бековъ, агаларовъ, магальныхъ старшинъ и пр.

5) Вліяніе бековъ на поселянъ и обязанности этихъ послѣднихъ къ помѣщикамъ.

6) Свѣдѣнія по духовной магометанской части о правахъ и обязанностяхъ духовныхъ лицъ, доходы ими получаемые, подчиненность ихъ главному лицу въ званіи муштеида.

7) Свѣдѣнія о доходахъ и расходяхъ и

8) Свѣдѣнія о народонаселеніи, казенныхъ земляхъ и другихъ доходахъ.

Комитетъ этотъ существовалъ до 1837 года и результатомъ его занятій было составленіе трехъ частныхъ проектовъ: 1) О правахъ бековъ; 2) О вліяніи частныхъ владѣльцевъ на поселянъ и объ обязанностяхъ послѣднихъ въ отношеніи къ первымъ и 3) О формѣ провинціальныхъ управленій съ проектомъ о мусульманскомъ духовномъ правленіи. Изъ всѣхъ этихъ частныхъ былъ составленъ общій проектъ управленія мусульманскими провинціями [1]).

Мы уже знаемъ, что послѣ 1840 года устраненіе агаларовъ отъ управленія деревнями вызвало ропотъ высшаго сословія и что кн. Чернышовъ принужденъ былъ отмѣнить эту несправедливую мѣру, такъ какъ, по его мнѣнію, агалары, предвидя плачевную будущность для своего потомства, могутъ предаться большимъ безпорядкамъ и вовлечь въ нихъ самихъ крестьянъ, на которыхъ они еще надолго сохранятъ свое вліяніе. Находя, однако, неудобнымъ возстановлять прежнія отношенія агаларовъ къ поселянамъ, кн. Чернышовъ считалъ нужнымъ составить новое Положеніе объ агаларахъ, въ которомъ ясно и опредѣлительно начертать личныя права ихъ и способы надѣленія землями.

Учрежденный вслѣдствіе такого распоряженія Комитетъ объ агаларахъ выяснилъ, что званіе агалара давалось

---

[1]) „Записка о ходѣ дѣлъ по опредѣленію поземельныхъ и личныхъ правъ высшаго сословія въ мусульманскихъ частяхъ Закавказскаго края, находящихся въ гражданскомъ управленіи".

потомственно; что лишеніе права управленія деревнями не лишало званіе аги; что власть ихъ по управленію простиралась до производства суда и расправы подъ аппелляціей высшаго правительства; что доходы агаларовъ были значительны; что по Положенію генерала Ермолова, хотя агаларъ и могъ быть лишенъ управленія деревнею, но въ такомъ случаѣ на его мѣсто назначался одинъ изъ его родственниковъ, слѣдовательно за агаларами, какъ за сословіемъ, признавалось родовое право на управленіе деревнями. Принявъ во вниманіе всѣ выяснившіяся данныя, Комитетъ составилъ Проектъ о правахъ агаларовъ; въ этомъ проектѣ предполагалось обезпечить агаларовъ надѣленіемъ земли потомственно такъ, чтобы каждый изъ нихъ получалъ бы доходъ соразмѣрный получаемой пенсіи.

Генералъ Головинъ, однако, сомнѣвался, чтобы этою мѣрою можно было обезпечить существованіе агаларовъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ безъ крайняго стѣсненія поселянъ надѣленіе землею было затруднительно.

Дальнѣйшее развитіе вопроса объ обезпеченіи способовъ существованія агаларовъ и бековъ совершенно измѣнило взглядъ на права ихъ по владѣнію населенными имѣніями. Проектъ объ агаларахъ, представленный въ 1842 году, не былъ утвержденъ и возвращенъ съ приказаніемъ составить два новые проекта: одинъ объ устройствѣ вообще между мусульманскимъ населеніемъ Закавказскаго края высшаго сословія, другой—собственно о способахъ существованія агаларовъ; первую работу поручить особому комитету, въ который пригласить депутатовъ отъ султановъ, бековъ и другихъ привилегированныхъ сословій; при составленіи проекта принять, между прочимъ, въ соображеніе: прежнія права высшаго сословія по грамотамъ и другимъ документамъ, виды правительства на сближеніе края съ имперіей и предоставленіе жителямъ всѣхъ правъ и преимуществъ, которыми поль-

зовалось коренное населеніе, наконецъ мѣры принятыя правительствомъ при введеніи россійскихъ правъ состояній между покоренными народами и въ особенности между крымскими татарами [1]).

„Во всякомъ случаѣ,—писалъ по этому поводу статсъ-секратарь Позенъ,—Его Величество изволилъ полагать необходимымъ означенное высшее сословіе раздѣлить на два разряда, соотвѣтственно знаменитости рода, важности заслугъ и согласно съ основаніями, принятыми при раздѣленіи дворянскаго состоянія. Съ особеннымъ вниманіемъ и всевозможною осмотрительностью должны быть обработаны статьи о правахъ мусульманскаго привилегированнаго сословія на владѣніе крестьянами. Рѣшительно воспрещая всякое притязаніе къ частной собственности, Его Величество изволитъ желать, однако, чтобы настоящія отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ въ мусульманскихъ провинціяхъ не были измѣнены въ большое отягощеніе крестьянъ“ [2]).

Для обсужденія всѣхъ этихъ вопросовъ былъ образованъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ г.-л. кн. Чавчавадзе, изъ членовъ: г.-м. Коханова, к. с. Орловскаго и к. с. барона Торнау. Комитетъ открылъ свои занятія 19 марта 1843 года. Къ совѣщаніямъ былъ привлеченъ полковникъ Аббасъ-Кули-Бакихановъ, „свѣдѣнія котораго и точное познаніе настоящаго положенія края и прежнихъ переворотовъ и событій, въ оном происходившихъ, могли служить важнымъ пособіемъ комитету“. Были вызваны также выбранные отъ высшихъ сословій депутаты, которые давали необходимыя объясненія.

Отъ занятій комитета остались три записки: одна о мѣрахъ, которыя были приняты правительствомъ къ изслѣдованію и опредѣленію правъ состояній высшаго сословія въ му-

1) Тамъ же.

2) Отзывъ статсъ-секретаря Позена генералу Головину отъ 31 января 1843 г., № 54.

сульманскихъ частяхъ Закавказскаго края, другая—о правахъ и преимуществахъ этого сословія до русскаго управленія и третья—о правахъ и преимуществахъ, предоставленныхъ высшему сословію русскимъ правительствомъ. Кромѣ того членъ комитета, начальникъ Каспійской области, баронъ Торнау представилъ записку съ проектомъ Положенія объ опредѣленіи правъ высшаго сословія и систематической программой занятіямъ комитета [1]).

Записки эти по обсужденіи въ комитетѣ послѣ нѣкоторѣхъ измѣненій принимались за обработанныя главы по систематической программѣ. Хотя Совѣтъ Главнаго управленія журналомъ отъ 19 января 1844 года и утвердилъ представленные комитетомъ проекты, однако исполненіе и практическое осуществленіе намѣченныхъ мѣропріятій оставалось безъ движенія до назначенія кн. Воронцова Намѣстникомъ кавказскимъ. Мы уже подробно выяснили значеніе рескрипта 6 декабря 1846 года, которымъ, по ходатайству кн. Воронцова, высшему мусульманскому сословію дарованы имущественныя права; но кромѣ поземельнаго владѣнія рескриптъ обязывалъ кавказскую администрацію заняться опредѣленіемъ и личныхъ правъ сословія. Къ распоряженіямъ о приведеніи въ извѣстность личныхъ правъ оказалось возможнымъ приступить только въ концѣ 1849 года, когда, по предложенію кн. Воронцова, начальникъ гражданскаго управленія кн. Бебутовъ затребовалъ отъ мѣстной администраціи необходимыя свѣдѣнія; съ этою же цѣлью въ 1851 году былъ командированъ въ мусульманскія провинціи к. с. Чиляевъ. Собранныя этимъ послѣднимъ свѣдѣнія съ проектомъ инструкціи для опредѣленія личныхъ правъ хотя и были представлены въ 1852 году, однако лишь въ 1857 году кн. Барятинскій поручилъ члену Совѣта Смиттену представить соображенія

[1]) Записка кн. Багратіонъ-Мухранскаго „Объ опредѣленіи личныхъ правъ высшихъ сословій въ мусульманскихъ частяхъ Закавказскаго края“ отъ 30 августа 1863 года.

какимъ порядкомъ и спосособомъ слѣдуетъ привести въ совершенную ясность вопросъ объ имущественныхъ и личныхъ правахъ высшаго мусульманскаго сословія. Представленное Смиттеномъ въ 1859 году донесеніе вмѣстѣ съ запискою департамента государственныхъ имуществъ были разсмотрѣны въ Совѣтѣ Намѣстника въ декабрѣ 1861 года. Постановивъ заключеніе свое о порядкѣ, въ какомъ должно совершиться окончательное утвержденіе поземельныхъ правъ высшаго сословія по бывшимъ Шемахинской и Дербентской губерніямъ, Совѣтъ призналъ необходимымъ дѣло о личныхъ правахъ передать въ департаментъ судебныхъ дѣлъ для ближайшаго и подробнаго соображенія со всѣми собранными по этому предмету свѣдѣніями, равно и съ тѣми условіями, на какихъ совершилось опредѣленіе личныхъ правъ дворянства въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ [1]).

Между тѣмъ директоръ департамента судебныхъ дѣлъ кн. Багратіонъ-Мухранскій, въ поданной имъ 21 августа 1863 года запискѣ изложилъ мнѣніе, что опредѣленіе личныхъ правъ высшаго сословія имѣетъ тѣсную связь съ утвержденіемъ поземельныхъ правъ; эта связь заключается въ томъ, что единственнымъ фактическимъ, неопровержимымъ доказательствомъ принадлежности къ наслѣдственному бекскому сословію служитъ владѣніе при ханскомъ управленіи населенными имѣніями, а потому разсмотрѣніе поземельныхъ правъ должно предшествовать опредѣленію личныхъ правъ.

Записка кн. Багратіонъ-Мухранскаго по приказанію Великаго князя разсматривалась въ Совѣтѣ вновь въ маѣ 1864 года, при чемъ большинство членовъ пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ: предложить директору департамента государственныхъ имуществъ Витте представить соображеніе о составленіи особой комиссіи для пересмотра всѣхъ имѣ-

1) Тамъ же.

ющихся списковъ бекскихъ имѣній; составить подробную инструкцію для комиссіи; по окончаніи труда комиссіи протоколы представить на утвержденіе Намѣстника; на основаніи такихъ утвержденныхъ протоколовъ выдать бекамъ, согласно утвержденнаго 16 августа 1852 года журнала Кавказскаго комитета, свидѣтельства, удостовѣряющія что казна на эти имѣнія притязаній не имѣетъ; со времени выдачи свидѣтельствъ отмѣнить, нераспространеніе на бекскія имѣнія закона о земской давности; наконецъ на исполненіе всей работы назначить комиссіи годичный срокъ. Великій князь утвердилъ это постановленіе 23 іюня 1864 года [1]).

На первое время, по распоряженію Великаго князя, были учреждены двѣ комиссіи: *Тифлисская*—для бывшихъ татарскихъ дистанцій Грузіи, для Ахалцихскаго пашалыка и Ганжинскаго ханства и *Эриванская*—для Эриванской губерніи.

Тифлисская комиссія открыла свои дѣйствія 6 іюля, а Эриванская 1 сентября 1865 года и по окончаніи своихъ трудовъ въ исходѣ 1867 года представили составленные ими на основаніи инструкцій категорическіе списки съ протоколами какъ о признанныхъ ими лицъ въ бекскомъ и агалярскомъ достоинствѣ, такъ и о тѣхъ, которымъ отказано въ этомъ достоинствѣ. Затѣмъ списки и протоколы бекскихъ комиссій разматривались въ Совѣтѣ Главнаго управленія, который постановилъ окончательное заключеніе о признаніи или отказѣ въ одномъ изъ званіи высшаго сословія.

Открытіе дѣйствій другихъ двухъ комиссій: *Шушинской и Бакинской* было пріостановлено впредь до разбора поземельныхъ правъ въ бывшихъ губерніяхъ Шемахинской и Дербентской. Въ 1869 году, съ окончаніемъ разбора позе-

---

1) „Записка о ходѣ дѣлъ по опредѣленію поземельныхъ и личныхъ правъ высшаго сословія въ мусульманскихъ частяхъ Закавказскаго края, находящихся въ гражданскомъ управленіи".

мельныхъ правъ по Шушинскому уѣзду открыла свои дѣйствія и Шушинская бекская комиссія [1]).

Въ заключеніе приведемъ свѣдѣнія о наименованіяхъ и титулахъ, присвоенныхъ различнымъ должностнымъ лицамъ во времена ханскаго управленія мусульманскими провинціями. Свѣдѣнія эти были доставлены въ комитетъ, учрежденный въ 1843 году для опредѣленія правъ высшаго сословія, полковникомъ Аббасъ-Кули-Бакихановымъ.

Ханъ—слово монгольское, означаетъ *государь, царствующая особа*, какъ напримѣръ Чингисъ-ханъ и пр. „Ханъ" въ смыслѣ титула возникаетъ въ Персіи съ нашествіемъ туземцевъ, монголовъ, при чемъ имѣлъ два подраздѣленія: 1) *владѣтельный ханъ*—лицо независимое, самостоятельное, хотя по военнымъ обстоятельствамъ могло признавать надъ собою чьнибудь власть и 2) *титулярный ханъ*—почетный титулъ, пожалованный послѣдними шахами людямъ даже незнатнаго происхожденія; титулъ этотъ не переходилъ въ потомство и не давалъ какихъ либо особыхъ правъ.

Во всѣхъ закавказскихъ мусульманскихъ провинціяхъ титулъ хана былъ принадлежностью владѣтельнаго лица, титулярныхъ хановъ въ этихъ странахъ не было. Исключеніе составляли провинціи Эриванская и Нахичеванская, которыя, какъ вассальныя отъ Персіи, имѣли только титулярныхъ хановъ по назначенію персидскихъ шаховъ.

Султанъ—слово арабское, означаетъ *государь*. Въ Персіи титулъ этотъ имѣетъ двѣ степени: 1) жалованные шахами коренным или вліятельнымъ по занимаемымъ должностямъ бекамъ; 2) жалованные шахами потомственнымъ старшинамъ сельній. Впослѣдствіи султанами именовались сотенные командиры

---

1) Архивъ канцеляріи Намѣстника. Дѣло канцеляріи начальника Главнаго управленія 1869 г., № 79, связка 5285. Отчетъ по судебной части департамента Главнаго управленія съ апрѣля 1865 по іюль 1869 года.

Въ Закавказскомъ краѣ, во всѣхъ провинціяхъ одинаково, ханы давали этотъ титулъ кореннымъ или вліятельнымъ бекамъ. Наименованіе „султанъ“ должно понимать какъ титулъ, принадлежавшій потомственнымъ правителямъ, а потому они независимыми никогда не были, но занимали первую степень послѣ хановъ. Титулъ этотъ обозначалъ принадлежность къ древнему роду. Сальянскіе управляющіе всегда назывались султанами. Во всѣхъ же другихъ мѣстахъ управляющіе при одинаковыхъ правахъ получали титулы: *меликовъ, султановъ или бековъ,* что совершенно зависѣло отъ шаха или хана.

Меликъ—слово арабское, означаетъ *царь, повелитель.* Въ Персіи въ древнія времена меликами именовались владѣтельныя особы, потомственные правители. Впослѣдствіи же мелики тамъ имѣли совершенно одинаковое значеніе съ султанами, но въ военномъ отношеніи не командовали сотнями.

Въ закавказскихъ провинціяхъ мелики (изъ татаръ и армянъ) были всегда потомственными правителями большихъ или малыхъ участковъ. Важность мѣста обозначала степень значенія мелика и титулъ этотъ всегда служилъ доказательствомъ древности происхожденія фамиліи. Шекинскіе потомственные правители именовались меликами и послѣдняго изъ нихъ убилъ Хаджи-Челяби, сдѣлавшійся независимымъ владѣтелемъ послѣ смерти Надиръ-шаха. Мелики карабагскіе были въ зависимости отъ ганжинскаго хана; но Надиръ-шахъ, по неудовольствію къ послѣднему, отдѣливъ карабагскихъ меликовъ отъ его зависимости, подчинилъ ихъ общему адербейджанскому правителю. Послѣ смерти Надиръ-шаха мелики временно возвысились до самостоятельности, продолжавшейся около 15 лѣтъ, послѣ чего Пана-ханъ карабагскій подчинилъ ихъ своей власти. Титулъ мелика, такимъ же точно образомъ какъ и султана, жаловался лицамъ, управлявшимъ удѣлами.

Бекъ—слово монгольское, означаетъ *повелѣвающій*. Наименованіе: шахъ, ханъ, султанъ, меликъ—титулы, присвоенные различнымъ должностямъ, но бекъ—имя общее, означающее всякаго, кто повелѣваетъ или бекствуетъ. Въ Персіи были два вида бековъ; *потомственные*, которые получали это званіе по праву рожденія и *личные*—вновь пожалованные, которые съ потерею мѣста ими занимаемаго не передавали своего титула наслѣдникамъ.

Въ Закавказскихъ провинціяхъ со смерти Надиръ-шаха было то же самое, но впослѣдствіи потомственные правители провинцій присвоили себѣ званіе независимыхъ владѣтелей, хановъ, а потомственные беки стали называться *коренными*. Личные беки, если удерживали занимаемое мѣсто въ нѣсколькихъ колѣнахъ, сдѣлались потомственными; личными беками назывались тѣ, которые были вновь жалуемы ханами.

Ага – слово монгольское, означаетъ *господинъ*. Въ Персіи агою называютъ всѣхъ почетныхъ лицъ, не исключая духовныхъ и купечества, но въ такомъ случаѣ титулъ „ага“ ставится передъ именемъ. Тѣ лица, которыя титулуются „агою“ послѣ имени, происходятъ отъ важныхъ родовъ; а въ Закавказскихъ провинціяхъ титуломъ „ага“, поставленнымъ послѣ имени, величаются одни дѣти бывшихъ самостоятельныхъ хановъ. Въ Ширвани и Талышахъ ханскія дѣти именовались беками, а не агами.

Агалары—множественное число отъ „аги“. Одно лицо именовать агаларомъ противорѣчитъ грамматическому смыслу, и до появленія русскихъ на Кавказѣ особеннаго титула или званія „агалара“ не было; въ бывшихъ же татарскихъ дистанціяхъ Грузіи „ага“ замѣняетъ титулъ „бека“ во всѣхъ его разрядахъ.

Мирза—слово персидское, означаетъ *царевичъ, повелитель*. Про этотъ титулъ можно сказать то же, что про слово „ага“: титулъ „мирза“, поставленный послѣ имени, будетъ

принадлежать царевичу, поставленный же передъ именемъ —будетъ означать гражданскаго чиновника, не исключая и министровъ. Въ Закавказскихъ провинціяхъ былъ только послѣдній видъ.

Минбаши—слово тюркское, означаетъ *главы тысячи*. Въ Персіи—минбаши въ войскѣ; а въ прежнее время минбаши или старшіе надъ юзбашами были начальниками тѣхъ округовъ, которые выставляли 1000 воиновъ и обязаны были командовать ими. Минбаши карабагскіе сохранили свой титулъ только по наслѣдству отъ предковъ, занимавшихъ этотъ постъ въ прошломъ. Въ Турціи минбашомъ титулуютъ полковника.

Юзбашъ—слово тюркское, означаетъ *начальникъ сотни*. Въ Персіи юзбашъ былъ тотъ чиновникъ (всегда изъ бековъ съ наслѣдственною должностью), который управлялъ участкомъ, выставлявшимъ 100 воиновъ, и командовалъ ими въ военное время. То же самое значеніе юзбаши имѣли и въ Закавказскихъ провинціяхъ. Впослѣдствіи въ Персіи отчасти, а на Кавказѣ безъ исключенія, титулъ юзбаша давался почетнымъ сельскимъ старшинамъ.

Наибъ—слово арабское, означаетъ *намѣстникъ*. Наибъ могъ быть намѣстникомъ царства, ханства, участка или магала въ военномъ отношеніи; были намѣстники султановъ, или сотенныхъ командировъ. Должность эта не была наслѣдственна.

Кала-бекъ—слово арабское, означаетъ *начальникъ крѣпости*. Кала-бекъ избирался изъ бековъ. Должность эта не была наслѣдственна.

Уцмій (*исмій*)—слово арабское, означаетъ *именитый*. Титулъ этотъ принадлежалъ наслѣдственному владѣтелю Каракайтагской провинціи.

Майсумъ—имя перваго правителя Южной Табасарани; впослѣдствіи имя это перешло въ титулъ, который носили по-

томственные владѣтели; эти послѣдніе номинально зависѣли отъ дербентскихъ хановъ.

Кадій—слово арабское, означаесъ *духовный судья*. Въ Табасарани кадій управлялъ народомъ совмѣстно съ майсумомъ. Должность кадія была наслѣдственная, фамилія сдѣлалась владѣтельною съ такими же правами, какъ и майсумъ. Кадій управлялъ сѣверною частью Табасарани.

Векиль—слово арабское, означаетъ *повѣренный*. Каждое лицо, которому что либо довѣрялось, получало названіе „векиль". Въ отношеніи управленія народомъ должность векиля образовалась при Надиръ-шахѣ; когда онъ отдѣлилъ Казахскую дистанцію отъ управленія Ганжинскаго хана и поручилъ дистанцію грузинскому царю, тогда этотъ послѣдній, назначая въ Казахъ своего моурава, предоставилъ казахцамъ выбрать отъ себя представителя, чтобы моуравъ рѣшалъ дѣла съ его согласія. Представитель, назначенный изъ почетнѣйшихъ бековъ, былъ названъ векилемъ, а должность эта обратилась въ потомственную избранной фамиліи.

Мюлькодаръ—слово арабское, означаетъ; „мюлькъ"—*недвижимое имѣніе*, „даръ"—*имѣющій*. Мюлькодарами въ Персіи называются помѣщики, или владѣльцы недвижимыхъ имуществъ, пріобрѣтенныхъ покупкою или по наслѣдству [1]).

Тіулъ-даръ—слово „тіулъ" татарское, означаетъ *пожалованіе*. Въ Персіи тіулъ-дарами называются тѣ лица, которымъ временно жалуются доходы, причитающіеся съ имѣній въ казну.

Серкяръ—слово персидское, означаетъ: „серъ"—*глава*, „кяръ"—*дѣла*. Въ практической жизни серкярами называются люди всякаго сословія, которымъ поручается надсмотръ за какою нибудь отраслью хозяйства, какъ напримѣръ за посѣвами, стадами, работами и проч.

---

[1]) Значеніе мюлька и мюлькодарнаго права подробно разъяснено въ настоящей главѣ. *Авт.*

Дарга— слово персидское, означаетъ *блюститель порядка*. Въ Персіи и Закавказскихъ провинціяхъ даргою назывался завѣдывающій ночною стражей, а также управляющій въ деревнѣ по хозяйственной части; такое управленіе деревней называлось *даргалукъ*.

Мирабъ—слово персидское, означаетъ: „миръ"—*владѣтель*, „абъ"—*вода*. Мирабъ—завѣдующій правильнымъ распредѣленіемъ воды на поливныхъ поляхъ жителей. Должность эта доступна для каждаго.

Мазанъ-даръ—слово арабское, означаетъ: „мазанъ"—*вѣсъ*, „даръ"—*имѣющій*. Мазанъ-даръ—наблюдающій за правильностью и вѣрностью вѣсовъ. Должность эта доступна для каждаго.

Кехіа—слово персидское, означаетъ *староста*. За исключеніемъ двухъ старостъ табасаранскихъ—должность не наслѣдственная.

Кетхуда—слово персидское, означаетъ *хозяинъ мѣста*. Кетхуды—сельскіе старосты.

Маафъ—слово арабское, означаетъ *освобожденный*. Маафъ—лицо, освобожденное отъ взноса податей и повинностей.

Намневисъ—слово персидское, означаетъ; „намъ"—*имя*, „невисъ"—*писаніе*. Намневисъ—записанный лично, т. е. которые освобождены отъ взноса податей и повинностей отбываемыхъ прочими поселянами, но обязанные вносить за себя извѣстную плату.

Нукеръ—слово персидское, означаетъ *служитель*. Нукерами назывались всѣ, отбывавшіе службу какому нибудь лицу; но преимущественно званіе это относилось къ извѣстному классу приближенныхъ слугъ.

Куль—слово тюркское, означаетъ *рабъ*.

Эмиръ-маруфъ—духовное полицейское лицо, наблюдающее надъ нравственностью и религіею жителей.

Бекъ-заде—слово персидское, означаетъ: „заде"—*рожден-*

ный. Бекъ-заде—рожденный отъ бека, точно также, какъ *ханъ-заде, шахъ-заде*.

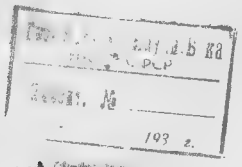
Эминъ-агаси—слово тюрское, означаетъ *господинъ двора*. Эминъ-агаси назывался отбывавшій при владѣтелѣ должность адъютанта.

Назыръ—слово арабское, означаетъ казначей. Въ Турціи назарами именуются министры.

Мирбелюкъ—„белюкъ" слово тюрское, означаетъ *участокъ*. Мирбелюкъ—тоже самое, что наибъ.

Кадими—слово арабское, означаетъ *старинный*. Кадими назывались потомственные нукера или тѣлохранители вообще всѣхъ хановъ. Кадими при дворахъ хановъ пользовались нѣкоторыми привилегіями.

Тарханъ—слово тюрское, означаетъ *освобожденный*. Тарханъ какъ маафъ, освобождался отъ всякихъ податей и повинностей.

Семенъ Эсадзе.

Конецъ перваго тома.